

Ответственный редактор
чл.-корр. АН СССР В. П. Адрианова-Перетц

ОТ РЕДАКЦИИ

Исторические труды И. В. Сталина „Марксизм и вопросы языкознания“ и „Экономические проблемы социализма в СССР“, решения XIX съезда партии и требования, предъявленные в докладе Г. М. Маленкова к писателям и литературоведам, поставили перед всей советской наукой и литературоведением в частности большие и ответственные задачи.

Науке, изучающей древнюю русскую литературу, предстоит решать сложные проблемы, связанные с освоением литературного наследия древней Руси. Необходимо повысить теоретический уровень исследований по истории древнерусской литературы, заново пересмотреть периодизацию литературного процесса XI—XVII вв., обратить особое внимание на изучение древнерусской литературы как части надстройки над феодальным базисом, на изучение художественного мастерства, принципов художественного обобщения и типизации, метода сатирической литературы и связи его с основами народной сатиры; выработать устойчивую методику издания и комментирования древнерусских литературных текстов.

Настоящий выпуск „Трудов Отдела древнерусской литературы“ в основном посвящен изучению и определению тех прогрессивных социальных сил, которые двигали развитие русской литературы XI—XVII вв. по пути консолидации в ней ее народных, национальных особенностей.

Выпуск традиционно открывается статьями, рассматривающими величайший памятник русской национальной культуры — „Слово о полку Игореве“. Исследования М. В. Щепкиной, Л. А. Дмитриева и Ф. Я. Приймы обогащают наши знания о „Слове“ рядом конкретных наблюдений. В центральном разделе выпуска собраны статьи по общим проблемам изучения древнерусской литературы. Статья члена-корреспондента АН СССР М. Н. Тихомирова ставит своей задачей доказать, что письменность в древней Руси имела гораздо более широкие народные истоки и что в создании ее принимали участие горожане — ремесленники и торговцы. Статья члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц прослеживает рост народнопоэтических элементов в исторических повестях XVII в., доказывает большое значение фольклора для исторической литературы XVII в. Статья старшего научного сотрудника Эрмитажа Ю. Н. Дмитриева пересматривает вопрос об общем, якобы идеалистическом, направлении искусства и литературы древней Руси. Во всех трех статьях этого раздела подчеркнуты роль и значение прогрессивных начал в развитии русской литературы: ее движения к народности и к постепенному нарастанию в ней элементов реалистичности.

Наиболее обширный раздел выпуска посвящен публицистике времени образования и укрепления русского централизованного государства. Исследования, собранные в этом разделе, выявляют и уточняют прогрессивные линии в развитии русской публицистики времени образования и укрепления русского централизованного государства и пересматривают установившиеся мнения о классовом лице некоторых публицистов XV—XVI вв. В частности, этому последнему вопросу посвящены работы студенток Исторического факультета Ленинградского Государственного университета — Е. Н. Кимеевой, Р. Г. Лапшиной, Т. А. Колесниковой, канд. филолог. наук Г. Н. Моисеевой и канд. историч. наук А. А. Зимина. Значение объединительных тенденций, приведших в конце концов к образованию русского централизованного государства, в процессе формирования русской публицистики вскрыто в статьях докт. филолог. наук М. О. Скрипиля и канд. филолог. наук Н. Н. Розова, посвященных Сказанию о Вавилонском царстве и Повести о новгородском белом клобуке.

Русскую литературу XI—XVII вв. необходимо изучать как часть литературы народов СССР, с тем чтобы в дальнейшем иметь возможность построить историю литературы народов СССР в части, касающейся XI—XVII вв., и показать ведущую роль русской литературы. В этом направлении в науке о древней русской литературе почти ничего не сделано. Публикуемые в разделе „Древнерусская литература и литература народов СССР“ статьи докт. филолог. наук И. П. Еремина, аспиранта Филологического факультета Ленинградского Государственного университета Л. С. Шепелевой и канд. филолог. наук К. Н. Григорьяна дают некоторый предварительный материал для истории литературы народов СССР XI—XVII вв.

Подбор памятников, изучающихся специалистами по древнерусской литературе, в основном определился в XIX в. Советская наука не должна ограничивать себя этим подбором памятников. Поэтому особенно важное значение приобретают публикации новых материалов и издание научных описаний рукописных собраний, чему посвящен последний раздел настоящего тома „Трудов ОДРА“.

„СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ“

М. В. ЩЕПКИНА

Замечания о палеографических особенностях рукописи „Слова о полку Игореве“

(К вопросу об исправлении текста памятника)

Прежде чем пытаться восстановить то или иное место текста в „Слове о полку Игореве“, надо представить себе самую рукопись поэмы. Сведений о ней дошло немного, и все они очень общего характера. Нам придется вкратце вспомнить все, что было сказано о ней людьми, ее видевшими. •

Начнем с высказываний ее владельца гр. А. И. Мусина-Пушкина: „Песнь Игорева писана на лощенной бумаге в конце летописи довольно чистым письмом. По почерку письма и по бумаге должно отнести оную переписку к концу XIV или началу XV века“. Песнь „в подлиннике хотя довольно ясным характером была писана, но разобрать ее было весьма трудно, потому что не было ни правописания, ни строчных знаков, ни разделения слов, в числе коих множество находилось неизвестных и вышедших из употребления; прежде всего должно было разделить ее на периоды и потом добираться до смысла“. По указанию одного из издателей рукописи, А. Ф. Малиновского, она была писана полууставом, переходящим в скоропись.¹

В предисловии к первому изданию „Слова“ сказано, что долголетний сотрудник Публичной библиотеки, работавший над изданием русских летописей, А. И. Ермолаев, видевший рукопись „Слова“, считал, что она написана полууставом XV века. По мнению Н. М. Карамзина, рукопись писана „разве в конце XV столетия“. Первый издатель „Слова“ С. Н. Селивановский заявлял, что оно написано „белорусским письмом не так древним похожим на почерк Дмитрия Ростовского“.

Все это высказано уже после гибели рукописи, по памяти.

Из ученых, не видавших рукопись, Ф. И. Буслаев относил ее к XV—XVI веку, Н. С. Тихонравов — к XVI веку.

Итак, это был сборник, заключающий летопись и ряд древнерусских повестей, на лощенной бумаге листового размера, писанный полууставом, без разделения на слова, с выносными буквами (что обычно в полууставе).

В дальнейшем изучение текста велось по первому изданию 1800 года, Мусина-Пушкина, и по копии XVIII века, так называемой Архивской,

¹ К. Ф. Калайдович. Биографические сведения о жизни гр. А. И. Мусина-Пушкина. Записки и труды Общества истории и древностей российских, ч. II, 1824, стр. 35—41.

которая была изготовлена для Екатерины II. На основании разногласий, а также очевидных ошибок обоих переписчиков мусин-пушкинского и Архивского списков И. И. Козловским высказано было предположение, что начертания букв *a* и *o* местами мало отличались друг от друга, что позволяло их путать; что буква *ю* имела, повидимому, особое начертание: перекладина ее шла прямо от верхушки мачты и переходила в кружок *o*, а это давало возможность прочесть такое *ю* как слог *го*; такое прочтение вообще возможно, если перекладина буквы *ю* поставлена высоко. На основании разночтений двух списков „Слова о полку Игореве“ Тихонравов полагал, что в рукописи наблюдалось сходство в написаниях букв *ъ*, *ь* и *ѣ*. Установлено, что в рукописи встречалось так называемое „очное“ *o*, т. е. двойное *o*, в слове „очима“. Имелась также лигатура *tr*, в одном случае прочитанная издателями как буква *з*. Памятнику свойственны были случаи гаплографии, т. е. пропуск одного из двух рядом стоявших одинаковых написаний. Полагают, что так получилось чтение „стрезаше е гоголемь“, вместо первоначального „стрезаше его гоголемь“.¹

Вот в основном все данные, которые по памяти указаны очевидцами рукописи или предположительно высказаны учеными, не выдавшими ее. Из показаний очевидцев, конечно, надо отбросить предположение Мусина-Пушкина и Малиновского о том, что рукопись восходит к концу XIV или началу XV века, тем более, что позднее Малиновский высказывается за XVI век. Русские рукописи конца XIV века на бумаге еще редки, притом и орфография мусин-пушкинского сборника свидетельствует о более позднем времени.

Всего важнее для нас определение Ермолаева и Карамзина как специалистов, относивших рукопись к XV веку. Разберем более или менее точно установленные палеографические приметы памятника.

Лощеная бумага употребляется как в XV, так и в первой половине XVI века, но не в XVII и не в XVIII веках.²

Полуустав, переходящий в скоропись, характерен для деловых рукописей XV и XVI веков. Недостаточно четкое начертание букв *a* и *o* говорит о спешности почерка, а может быть и о том, что полуустав рукописи был некрупный. В подобном почерке возможны также ошибки в чтении букв *ъ* и *ѣ*, после того как в XV веке утвердилось новое, менее четкое начертание буквы *ѣ* с невысокой мачтой и со спущенным левым крылом коромысла. Однако эти два знака даже в скорописи XVI века нельзя смешать со знаком *ь*. Наличие лигатуры *tr* и двойное *o* характерны для русских рукописей, начиная со второй четверти XV века и до середины XVI века; они были временным явлением, занесенным балканскими славянами в конце XIV—начале XV века.³

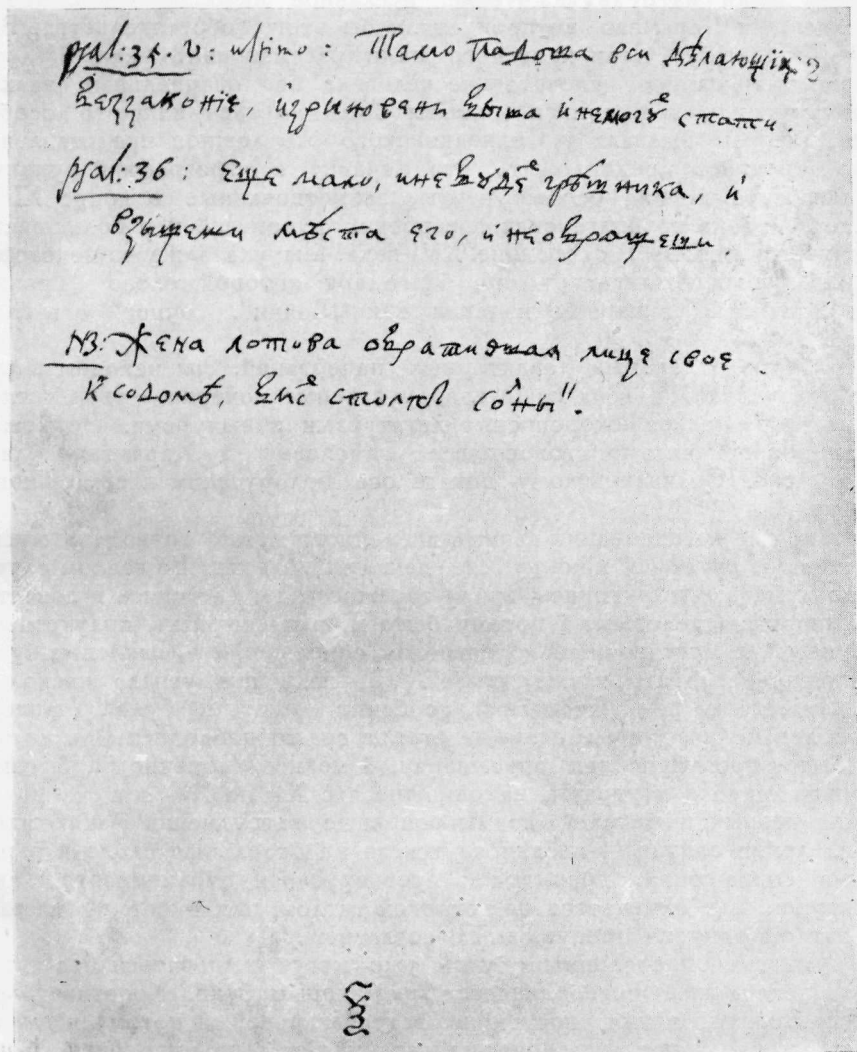
Орфография, наряду с остатками древнего правописания оригинала, свидетельствует также о юго-славянском архаизирующем письме (ср. постановку *ъ* и *ь* после плавных: „валькомь“, „пльки“, „брьзый“ и т. п.). Подобное правописание также говорит о XV—первой половине XVI века.

¹ Подробный анализ см. в статье И. И. Козловского „Палеографические особенности погибшей рукописи Слова о полку Игореве“ (Древности, Труды Московского археологического общества, т. XIII, вып. 2, М., 1890).

² В молдавских, сербских и болгарских рукописях и позднее, вплоть до XVIII века.

³ Эти вычурные написания еще живут в каллиграфических почерках рукописей Грозного, а у писцов Чудова монастыря, например, задерживаются до конца XVI века.

Странно на первый взгляд заявление Селивановского, что рукопись писана „белорусским письмом... похожим на почерк Дмитрия Ростовского“. Из этих слов не вполне ясно, с чем он сравнивает — с автографом Дмитрия Ростовского? Но его рука, несмотря на южнорусские

Почерк Дмитрия Ростовского. Рукопись конца XVII века.

Государственный Исторический музей, из собрания Соколова № 81, лист 62.

особенности, ближе к письму нашего времени, чем к письму XIV—XVI веков. Или с почерком рукописей Дмитрия Ростовского? Но основная часть их писана не им самим, а переписана начисто писцами.¹ Их

¹ Автографов Дмитрия Ростовского сохранилось немного, если не считать приписок и исправлений. Черновики его сочинений положены, согласно его завещанию, с ним в гроб. Дошедшие до нас рукописи его трудов писаны рукою писцов; имя одного из них известно — певчий Савва Яковлев. См.: И. А. Шляпкии. Св. Дмитрий Ростовский. СПб., 1891, стр. IX и 456.

почерки определенно носят юго-западный характер; об этом говорит не только их внешний вид, но и особое начертание отдельных букв, как, например, *б*, *в*, *ж* и др. В таком случае можно было ожидать, что Мусин-Пушкин и Малиновский отметят подобные начертания, ибо они должны были затруднять чтение; а главное надо полагать, что ни Ермолаев, ни Карамзин не пропустили бы этого обстоятельства. Возможно, заявление Селивановского надо рассматривать как беглое и неверно осмысленное впечатление человека без специальных знаний. Но несомненно, в рукописи должны были иметься какие-то особенности, которые вызвали у Селивановского это ложное представление. Всего вероятнее предположить, что наравне с орфографией рукописи и графика ее носила особые черты, заимствованные в конце XIV—начале XV века из болгарских и сербских рукописей и в большинстве склынувшие позднее, к середине XVI века. Мы указали уже некоторые из них: красивую лигатуру *тр*, благодаря которой слово „Трояни“ было прочитано в первом издании как „Зояни“, „очное“ *о* в слове „очима“.

Но кроме отдельных характерных начертаний, мы находим в русских рукописях XV века особые полууставные почерки — типа четкой, иногда круглящейся скорописи с лигатурами и вычурами. Возможно, что подобное письмо, говорившее Ермолаеву и Карамзину лишь о XV веке, Селивановскому показалось белорусским письмом конца XVII века.

Итак, уже на основании вышеприведенного можно возводить мусин-пушкинскую рукопись к концу XV—началу XVI века.¹ Во всяком случае можно думать, что рукопись, ввиду своего состава (летопись и повести), была написана деловым, а потому беглым, или спешным, полууставом, некрупным, с достаточным количеством сокращений и выносных букв.² Можно предположить также, что к XVIII веку она успела несколько обветшать, т. е. ряд начертаний, особенно выносные буквы (написанные более мелко), успел если не стереться, то побледнеть, а потому мог быть пропущен при списывании. Имелись, конечно, и в самой рукописи ошибки и утраты, накопившиеся с XII по XV век.

Для первых издателей поэмы основные затруднения заключались в разделении слитно написанного текста на отдельные слова и в раскрытии сокращений, принятых в древнерусской письменности. Такое сокращение или отмечается над строкой титлом, или имеет, кроме того, под титлом одну из пропущенных согласных.

В XV веке определенные буквы уже могут выноситься без титла. В XVI веке к ним присоединяется ряд новых букв. Короткие слова религиозного значения, постоянно встречающиеся и потому всем понятные, продолжают писаться под титлом, без выносных букв. Когда в рукописях XV—XVI веков еще сохраняется титло над выносной буквой, то оно уже не вырисовывается как ранее, а часто имеет вид очень легкой дужки или просто наклонной черточки. Выносные буквы, как правило, более мелкого размера, чем строчные; а выносная буква с принимает вид точки, стоящей под легкой „бровкой“ (дугой титла).

¹ „Пятнадцатый век не может быть отличен от первой половины 16-го по количеству югославянских графических особенностей. Общим эпохам свойственны... декоративные лигатуры и прочие вычуры“ (В. Н. Щепкина. Учебник палеографии. М., 1920, стр. 121—122).

² В первом издании всюду проставлен конечный *ѣ*, тогда как он отсутствовал в рукописи в тех случаях, где конечная согласная была выносной.

Как известно, в тех случаях, когда конечная гласная одного слова стоит рядом с начальной гласной другого, и вообще при наличии двух рядом стоящих гласных, каждая из них отмечается надстрочным значком (на второй гласной иногда ставятся два значка). Значки эти имеют

Кордо насв Кѣшѣ своей: Се дѣлава
еси Ялодатію вѣдетъ зредъ стое
Покаміе, ктѣомѣ несогвѣшай, да
несордѣ ти что вѣдетъ.

Сѣ Ти, ти самѣ дѣлава
то ере велиши, и сохрани
насв Сѣтѣхѣхъ зредѣхѣ
паденіи вѣвса дни
животѣ нашего,

АМИНЬ.

МЗ: Да не горѣ ти зѣмѣ вѣдетъ.

зѣмѣ горѣ?

1. В надстрѣхѣ зредѣти.

МЗ 2. Сѣтѣхѣхѣ.

Сѣтѣхѣхѣ послѣдняя кагѣва.

Почерк писца Дмитрия Ростовского и собственноручная приписка Дмитрия Ростовского. Рукопись конца XVII века.

Государственный Исторический музей, из собрания Соколова № 81, лист 61 об.

вид легких наклонных черточек, вроде запятой.¹ При наличии таких надстрочных значков стоящее рядом выносное с под титлом легко может быть принято за подобный значок, особенно если точка, обозначающая с, с течением времени выцветет или сотрется. Таким путем в дальнейшем могут возникать невразумительные написания. Ср. пред-

¹ Е. Карский. Палеография. М.—Л., 1926, стр. 228.

полагаемое „и[с]ходы“, где начальная гласная и стояла, может быть, рядом с конечной гласной предшествующего слова „Боя[н]“ и, кроме того, имелось выносное с под титлом. Мы знаем, что одно и то же слово обычно сокращается одним и тем же способом. Это постоянство приемов облегчает узнавание слова. Мы уже упоминали о словах, в которых сокращения обозначаются одним титлом; в других под титлом имеется выносная (согласная), чтобы облегчить чтение. Ср.: сп[с]ние = спасение, ср[д]це = сердце, кр[с]тъ = крест, ч[с]ть = честь. Поэтому чтение первого издания (стр. 34) „поклониша“ вместо предполагаемого „по[д]клониша“ можно объяснять или старой утратой выносного д, или пропуском его при копировании в XVIII веке. Применяются и другие приемы: сокращается конец слова, при этом выносятся под титлом или без него конечная согласная. Например: ре[ч] = рече, ко[д] = конец, не[д] = неделя, су[б] = суббота, ве[ч] = вечер, я[к] = яко, е[с] = есть, бы[с] = бысть.¹ Ср. „пьяк“ Архивской копии и „пья[т]къ“ первого издания. Согласно обычному написанию, в рукописи должно было стоять „пья[т]к“ с выносным „т“. Как полагает И. И. Козловский, так было сокращено в рукописи слово „пѣснь“ — „пѣ[с]“, раскрытое издателями как „пѣсь“. Надо думать, „Пѣсньск“ первого издания и „Пѣньск“ Архивской копии, видимому, передают написание рукописи „Пѣ[с]ньск“ с выносным с.

Конечные выносы могли применяться в любом слове: понизи[т], вонзи[т]; у Ри[м] = у Риме, или у Римове(?). Сперва такие сокращения допускались обычно в конце строки; с течением времени, когда количество выносов возросло, подобные написания стали применяться и в середине строки.²

Надо также иметь в виду, что в одном слове могут быть отмечены и два сокращения; такой прием применен в следующих словах поэмы: 1) „пѣ[с]творь[д]“, которое в первом издании раскрыто неполностью как „пѣсворца“ вместо „пѣснотворца“, и 2) „Стъслав[л]“, раскрытое как „Святъславля“. Падежное окончание слова устанавливается здесь в зависимости от контекста. Первое слово можно понять и как „пѣснотворец“ и как „пѣснотворца“, второе — как „Святославль“ и как „Святославля“, „Святославлю“ и т. д. Следовательно, здесь неверное раскрытие сокращения могло повлечь за собой ошибочное понимание текста. Кроме того, надо иметь в виду, что писец строку рассматривал как нечто целое и при сокращении не считался с отдельными словами. Поэтому при стечении двух или трех согласных он выносил одну из них независимо от того, где она приходилась — в конце, в середине или в начале слова. В силу этого возможны были сокращения такого типа: „Новгоро[д]цы и [п]сковичи“. ³ Может быть, подобное сокращение имелось в словах поэмы: „стругы [п]ростре на кусту“. Выносная буква л могла или утратиться, или просто быть пропущена при списывании.⁴ И, наконец, имеются сокращения особого типа, когда слово заменяется одной, но „равнозначней“ буквой. Они, правда, редки как в уставе, так и в полууставе и допускались лишь для немногих слов. Один случай довольно известен — это замена слова „земля“ буквой з, которая поставлена

¹ „Так сокращались часто встречающиеся «обиходные» слова бытового и служебного характера“ (В. Н. Цепкин. Учебник палеографии, стр. 123).

² И. И. Козловский указал, что ряд различий Архивского и мусин-пушкинского списков объясняется тем, что они по-разному раскрывают конечные выносы.

³ Увар., № 1366, л. 54; рукопись первой половины XVI века.

⁴ Лигатура $y + l + r$, которую предлагает здесь И. И. Козловский, слишком необычна.

придешикомъ . прѣхѣжѣхъ свое
зловѣрца моего, погубѣхъ домъ мое
не прѣхѣжѣхъ прѣхъ отъ моихъ вещей
законѣхъ твоихъ . творяща прѣхъ
сподленіе своимъ вѣхъ . не прѣхъ
теми сердце твоѣ . бжехъ твоѣ
госа ѡ мене бжехъ твоѣ, не поужѣхъ .
○ клеветѣхъ твоѣхъ твоѣхъ, нескрѣхъ твоѣхъ
своего (его) твоѣхъ . гордыню твоѣхъ
и не сыты сердце твоѣ . (его) твоѣхъ твоѣхъ .
○ отъ моихъ вѣхъ твоѣхъ земли . поужѣхъ
твѣхъ твоѣхъ . хужѣхъ твоѣхъ твоѣхъ
рѣхъ твоѣхъ твоѣхъ твоѣхъ . не хужѣхъ
сашѣхъ погубѣхъ домъ моего (его) твоѣхъ
твоѣхъ . глахъ твоѣхъ твоѣхъ, не прѣхъ
сашѣхъ прѣхъ отъ моихъ . съхъ
твоѣхъ твоѣхъ твоѣхъ твоѣхъ
по прѣхъ твоѣхъ твоѣхъ твоѣхъ
твоѣхъ твоѣхъ твоѣхъ : — (его) твоѣхъ
твоѣхъ твоѣхъ твоѣхъ прѣхъ твоѣхъ
прѣхъ твоѣхъ твоѣхъ твоѣхъ
Гри (его) твоѣхъ твоѣхъ . и съхъ твоѣхъ

Образец одного из почерков XV века с вычурными начертаниями отдельных букв. Рукопись XV века.

между двух точек и под титлом (по образцу цифры). Такое сокращение было понятно, так как буква *з* в азбуке носила название „земля“. Это сокращение мы встречаем и в конце XIV века, и в XV—XVI веках.

Вместе с тем особенности говора писца, отражаясь в тексте, также могли повлечь за собой изменение смысла. Написания „дѣвица“ вместо „дѣвица“ или „шизый“ вместо „сизый“, согласно новгородским и псковским особенностям произношения, еще не затемяют смысла. Но написание „лучи“ вместо „луди“ уже нарушает самый смысл, а написание „бѣша“ вместо „биша“ вносит в текст прямо непоправимое искажение.¹

Написанный текст просматривался писцом, замеченные ошибки исправлялись, а пропущенное вставлялось. Последнее было чрезвычайно просто: в надлежащем месте текста пропуск отмечался крестиком, кавычками или каким-либо другим значком. Значок этот повторялся на поле и ставился рядом с пропущенным текстом. Труднее обстояло дело с исправлением. Зачеркивания избегали, так как оно могло вызвать нареkania со стороны заказчика. Поэтому исправление наносилось осторожно, несколькими штрихами, ошибочные линии обычно не стирались, так что исправленное слово иногда можно было прочесть двояко. Это тоже содействовало накоплению ошибок и порче текста.

Чтобы дать представление о том, какие ошибки могли накопиться в сравнительно ясном тексте, приводим здесь небольшой отрывок из рукописной Кормчей XV века Барсовского собрания.²

КНИГА КОРМЧАЯ, гл. 48, отд. 23

Барс., № 155, л. 174

Печатный текст, М., 1650 г.

1. Велико[г] по[с] стро(а?)ины[х] при
2. ближние языци не
3. равно посятся Люд
4. ская з. 9. не[д] прочии[ж]
5. ови. 8. не[д] друзии ж и
6. вяще инии[ж] мнеи Ита
7. ли ре[к]ши Рямляне. 6.
8. не[д] посятъ[с]

1. Великого поста страны их и при-
2. ближнии языци не
3. равно посятся Лят-
4. ская земля 9 недель, прочии же
5. овии осмь недель, друзии же
6. вяще, инииже мнеи. Ита-
7. ли, рекше Рямляне 6
8. недель посятся.

1. В первой строке, возможно, уже стояло неправильное чтение „стра[н]иных“ с выносным *н*; утратилось это *н*, или переписчик пропустил его, но два слитно написанных слова приняты за одно — „стройных“. Правда, *о* переправлено затем на *а*, но недостаточно ясно; а выносное *н* не поставлено, и осталось совсем уже невразумительное написание „стройных“ или „страйных“.

2. Слово „прибли[ж]нии“ было, повидимому, согласовано со словами „великого поста“, что дало „приближение“.

3—4. В слове „Лятская“ *а* иотованное было прочитано как *ю*; вслед затем *т* исправлено на *д*, и получилось „Людская“. Слово „земля“ для краткости заменено буквой *з*, но она стоит без титла и без точек, так как иначе ее можно было бы принять за цифру, а рядом уже стоит цифра девять.

5. В четвертой строке частица „же“ дана в виде выносной буквы *ж*, так как она приходится в самом конце строки, состоящей из 17 знаков. Строка пятая когда-то состояла из 16 знаков, так как в слове „дру-

¹ Н. М. Каринский. Мусин-пушкинская рукопись „Слова о полку Игореве“ как памятник псковской письменности XV—XVI вв. ЖМНП, 1916.

² В скобках поставлены буквы, вынесенные над строкой.

зии“ у еще в середине XIV века писалось через *ou*. Тогда в этой строке частица „же“ приходилась в самом конце и, возможно, также изображалась в виде выносной буквы ж. С изменением правописания, когда в середине слова стали писать простое *у*, строка сократилась, выносное ж пришлось поставить в строку и раскрыть титло, что писец и сделал по силе своего разума, и получилось „друзии живяще“.

Трудно сказать, какие ошибки уже были в оригинале Барсовской рукописи и какие внесены ее писцом. К счастью, мы имеем в данном случае хорошо известный текст, сохранившийся во многих списках; в него можно было со временем внести исправления.

Другое дело в „Слове о полку Игореве“. Писец имел единственный список, который ему не с чем было сравнить для исправления накопившихся ошибок. Принимая во внимание необычность текста, можно удивляться, что ошибок и искажений в нем еще не так много. Это обстоятельство, может быть, говорит о том, что со времени своего создания, в XII веке, до времени написания мусин-пушкинской рукописи, в конце XV—начале XVI века, „Слово о полку Игореве“ имело не так много списков. О том же, может быть, свидетельствуют еще сохранившиеся в памятнике следы древнего правописания.

Итак, приняв во внимание все особенности, свойственные более или менее беглому полууставу XV века и первой половины XVI века, а также те характерные черты, которые с большой долей вероятности установлены исследователями для мусин-пушкинской рукописи, мы можем представить себе правописание этого памятника. Мы даже можем указать подобные рукописи в различных собраниях. Такова, например, по системе сокращений и лигатур рукопись XV века Барсовского собрания, откуда мы привели образец и искажения текста.¹ Но указать рукопись, близкую по графике сгоревшему сборнику Мусина-Пушкина, конечно, невозможно. Во-первых, мы не знаем, был ли это полуустав обычного размера или мелкий; во-вторых, не известно (если считаться с заявлением Селивановского), какой из типов полуустава XV—XVI веков надо принимать для погибшей рукописи „Слова“ — более геометрический или круглящийся, несколько подражающий греческим начертаниям.²

Итак, со времени создания поэмы, в XII веке, к XV веку, т. е. ко времени написания мусин-пушкинской рукописи, в тексте не могли не появиться неправильные написания. Они вызывались или неверным осмыслением ставших непонятными выражений, или утратой каких-либо знаков, или обычными „ошибками“ писцов — вроде гаплогрaфии, или, наконец, особенностями говора писцов. Таким образом если в самой рукописи Мусина-Пушкина имелись искажения текста и ошибки, то непонимание и непривычка к чтению древнего письма добавили новые ошибки при копировании в XVIII веке. Особенно это сказалось в разделении слов, в неправильном раскрытии титла и, может быть, в недосмотре и пропуске некоторых побледневших выносных букв.

Надо принять во внимание, что в конце XVIII века при издании памятников не придавали большого значения особенностям правописания и начертаний и не считали необходимым делать оговорки и примечания относительно спорных и неясных мест. Однако несомненно,

¹ Содержит один из известных в науке списков Кормчей с Русской Правдой (XV век, листового размера, писана в два столбца).

² Ср. почерки знаменитой Троицкой псалтыри XV века или, например, рукописи ГИМ, Епарх., № 86, XV в.

стришиши. ꙗко оубычан
имѣю ѡвласишии тою ѡ
наимѣ. то гаттгаре
цаго. рѡце мекрѣтѡ оубра
зюмо полагаго. ѡ мѡна
персеѣ ꙗко мнѣ. подолѡ
привездрѣтроспирѣго.
очниоушнѣи по здри
ноуѣпта. ꙗко се охалѣ
лаго. та оуженмирсеѣ
мерѣтвѣ естество араго. **Ѳ.**

Прохвѣттернѣи три. ꙗче
ты ѡрижады. въводи
мой црѣсѣвнелѡжапѣ
илини дѣтрѣлѡчнѣса
нерасѣдѣлающенѣпѣ
ѡсеи еврнѣи. — **ІС.**

Кожде свою дщрѣ даво
не софѣженѣи гѣпѡи
маю. сѡлгасѡвоѣ дщ
рѣ. гасѣ своѣ илѣга
бра. илѣга илѣноѣ роис.
ше естѣто ѡ мнѣ ше сеѣ
жигнѣ. епѣтѣ въ дѣлѣ
маѣ гасѣтѣ въ хѡлѣуни

тои елѣ кагопѣ. — **ІСА.**
Ѳ мнѣи. лщѣи мала
болезнь прѣкаго чнѣтѣ
маѣ да гѣтѣ. ѡпшентѣ
венздоровнии да дѣтѣ.
ꙗсѣи нѡѣ сало. — **ІСН.**

Реликаго стѣрѣи ѡпри
влѣнженѣи гѣтѣи. не
равногоспѣтѣ сало
секагѣ. **Ѳ.** не трѡчнѣ
ѡи и не дрѣтѣнѣи
ващѣи мнѣи мнѣи ꙗ
ли рѣшири мала се. **С.**
непоспѣтѣ. — **ІСГ.**

Крѣтѣтѣи ѡи въ свѣдѣни
и мѣи въ црѣси и мѣ
шипочнѣтѣго. въ хѣраго
напѣ. и слапѣлютѣ емѣ
ѡ влѡвы гѣтѣ. въ свѣтѣи
великѣи и гѣни слапа
ѡтѣтѣ е ннѣи хѣра ѡнапѣ.
новне софѣ мѣстѣи не
мнѣ плащѣи ницѣго ѡ
вънѣтѣтѣ срѣваѡпѣ.
снѣи мнѣ гѣлѣтѣго. въ вѣ

— **ІСГ.**

Барсовская Кормчая XV века. В верхней половине листа в правом столбце — образец ошибочного написания текста. Рукопись XV века.

Государственный Исторический музей, из собрания Е. В. Барсова № 155, лист 174.

издатели старались точно передать текст, как об этом свидетельствовал Н. М. Карамзин, и, надо думать, список их сверялся с оригиналом и исправлялся.¹ Поэтому при высказывании тех или иных предположений приходится держаться этого текста и исходить лишь из тех возможностей, которые допустимы в данном случае: новое деление текста на слова, отдельные пропущенные или не на место поставленные выносные буквы, неправильное раскрытие титла — неверно прочитанное написание, ошибки диалектного порядка и, наконец, утрата или изменение значения слова. Найти ключ к ошибкам случайного характера, не имея другого списка, — невысказимо.

Представляя себе до некоторой степени правописание подлинника „Слова о полку Игореве“, мы можем теперь перейти к разбору некоторых непонятных мест поэмы.

1. „Тоже звонъ слыша давнии великии Ярославъ сын Всеволожь а Владимиръ, по вся утра уши закладаше в Чернигове“.

Обычно полагают, что здесь говорится о двух князьях. Первое издание видело здесь почему-то Черниговского князя Ярослава, сына Всеволода Ольговича (хотя княжение его относится к 1177—1200 годам, так что эпитет „давнии“ к нему не подходит), и Владимира Мономаха. Другие предполагали Ярослава Мудрого и Владимира Всеволодовича Мономаха² или Всеволода Ярославича и его сына Владимира Мономаха.³ А между тем здесь говорится только об одном князе: „Давнии великии Ярославъ Всеволожь а Владимир“ = „Ярославъ внук, Всеволожь сын, Владимир“. Следовательно, в первом издании недостает только буквы л в слове „Ярославъ“; возможно, мы имеем здесь неправильное раскрытие конечного выноса. Двойное отчество — обычный способ величания князей в древней Руси. Мы постоянно встречаем этот оборот в летописи, особенно в дотатарский период, как с обозначением степени родства, так и без него. Так, под 1079 годом: „И възвратися Роман с Половци вспять и... убиша и Половци... суть кости его и досель лежаче тамо, сына Святослава, внука Ярослава“.⁴

Под 1093 годом: „Преставися великий князь Всеволодь сынъ Ярославъ, внукъ Володимеръ“. Под 1096 годом: „И убиша Изяслава, сына Володимеря, внука Всеволожа“. Под 1136 годом: „Мстиславичъ Всеволодь, внукъ Володимеръ“.⁵

Княжеские отчества по отцу и по деду встречаем в летописи под годами 1174, 1176 и далее. Так, под 1179 годом: „Представися... князь Мстиславъ Ростиславичъ внукъ Гургевъ“, а под 1187 годом: „Всеволодь Юргевичъ, Володимеръ внукъ Мономаховъ отдал дчерь свою Все славу Чернигову за Ярославича Ростислава, внука Всеволожа Ольговича“.

Всеволод в летописи все время упоминается с двумя отчествами: под 1190 годом: „благовѣрный христоролюбивый великий князь Всеволод

¹ В с. Ф. Миллер. Взгляд на „Слово о полку Игореве“, М., 1877, стр. 148.

² Слово о полку Игореве. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 59.

³ А. С. Орлов. Слово о полку Игореве. Изд. 2-е, стр. 80.

⁴ Лаврентьевская летопись, 1079 год. (Далее цитаты из Лаврентьевской летописи приводятся по изданию 2-му, Л., 1926).

⁵ Интересно, что в Лаврентьевской летописи при имени Владимира Мономаха вообще почти не встречается отчества.

сын Гюргевъ, внукъ Мономаховъ Володимеръ“. Тот же оборот находимы и в таком древнем памятнике, как „Хождение игумена Даниила“: „Ходилъ есми тамо, во княжение русское великого князя Святополка Изяславиича, а внука Ярослава Владимериича Киевского“.¹

Это своего рода *Noten*, *Cognomen*, *Prænomen*. Ср. постоянный вопрос в былинах: „как-то тебя именем зовут, как звеличают по отчеству“.² В данном случае это есть обозначение рода-племени — род Всеволода, племя Ярослава. Но раз это место надо отнести к „давнему великому Ярославиичу сыну Всеволожу Владимиру“, то само собой решается вопрос, какого „старого Владимира“ подразумевает певец в других местах поэмы: 1) „почнем-же братие повесть сию от старого Владимира“ и 2) „того старого Владимира не льзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Киевскимъ“.³

Несомненно в обоих случаях говорится о Владимире Мономахе, который один раз назван „давний“ и два раза „старый“. Он противопоставляется Олегу Черниговскому. И это, конечно, не Владимир Святославич (ум. в 1015 г.), который ни разу не упомянут в поэме даже в отчестве. Слово „тоже“, с которого в первом издании начинается данный текст, нет необходимости заменять архаичным „тъи же“. Оно, повидимому, совершенно правильно передает написание подлинника. Только после букв *то* над строкой стояли, вероятно, две короткие косые черточки. Эти черточки обычно означают выносную букву *и* в конце слова или в конце строки. Иногда значение их не совсем ясно, тогда их не вносят в текст, но оговаривают в примечании. Однако, повидимому, первые издатели не придавали особого значения надстрочным знакам. Данное место следовало прочесть как „той же“, а именно: „той же давныи великии Ярославъ Всеволожь а Владимир“.

В слова „звон слыша“ некоторые исследователи вчитывают сложный смысл — об интригах Олега, которые просмотрел Мономах. Между тем эти слова означают только, что Олег своими крамолами не давал Мономаху покоя; ср. ходячее выражение „шум такой, хоть уши затыкай“.

Итак, поэма для Владимира Мономаха дает три княжеских имени. Так же именует она и противника Владимира, Олега Святославича Черниговского. Мы подразумеваем следующее место:

II. „рекъ Боянъ и ходы на Святославля пѣстворца старого времени Ярославля Ольгова коганя хоти тяжко ти головы кроме плечю“.⁴

И здесь слова „Святославль“, „Ярославль“ являются отчествами Олега Когана. Первое издание дает перевод: „Сказал сие Боян и о походах воспетых им в прежние времена, князей Святослава, Ярослава и Ольга сим кончил: тяжело...“. „И ходы“ было понято как походы; имена собственные приняты за обозначение трех князей; в конце прибавлено: „сим кончил“, так как эта последняя „припевка“ Бояна совершенно правильно была понята как заключение. В последнее время в большинстве переводов утвердилось толкование, предложенное И. Е. Забелиным: „рек Боян и Ходына песнотворца старого времени“. Однако вряд ли это правильно. Ходына ни разу не упомянут ранее; странно

¹ Ф. И. Буслаев. Хрестоматия. М., 1861.

² П. Рыбников, т. I, 19: „Вольга и Микула“ (Киж, Рябинин).

³ Слово о полку Игореве. Изд. 1-е, стр. 5 и 37; А. С. Орлов, стр. 66 и 85.

⁴ Изд. 1-е, стр. 44.

было бы, что певец „Слова“ приводит его при одном только изречении; добро бы это было нечто исключительное, но данная „припевка“ ничего чрезвычайного в себе не заключает; как и две другие, она возникла из опыта поколений — это пословица. Что в этом суждении такого, что певец решил добросовестно наряду с Бояном помянуть и Ходыну? При этом Бояна и предполагаемого Ходыну делили между двумя черниговскими князьями — Святославом Ярославичем и его сыном Олегом. Соответственно этому написание „хоти“ было осмыслено как „любимцы“.¹ Прежде всего надо напомнить, что уже давно пробовали „и ходы“ первого издания объяснить как „исход“, „исходы“,² причем указывали на то, что в народном эпосе существуют термины „зачин“ и „исход старины“.³ Следовало бы продолжать поиски правильного чтения в этом направлении; только в написании „и ходы“ надо видеть не слово „исходы“, а слово „исходнь“ или, вернее, „исходьны“, подразумевается „стих“, т. е. именно то, что в былине называется „исходом“.⁴ Нам известны названия песнопений „подобны“, „настиховны“; можно предположить такую же форму и в данном случае. Мы не находим ее в богослужебных терминах лишь потому, что имелась отдельная служба — „на исход души“; стихи ее совершенно особого содержания, а потому не пелись отдельно и не могли присоединяться к другим песнопениям и, следовательно, не нуждались в особом названии. Но в мирской песне это название „исходный“, очевидно, существовало и дошло до нашего времени в выражении „исход старины“.

Итак, надо полагать, что данное место „Слова“ первоначально было написано следующим образом: „рек Боян и[с]ходьны Святъслав[л] пѣ[с]-творь[д] старого времени Ярослав[л] Ольгова коганя хо[т] и тяжко ти головы...“.⁵

Как мы уже указывали выше, выносное с под титлом легко могло утратиться в рукописи или не было замечено первыми издателями; буква ъ рядом с мачтой соседнего *и* могла быть прочитана как *ы*, а тесно написанное конечное *ы* с течением времени было принято за *а*. Впрочем, каким бы путем это ни произошло, несомненно, что здесь стояло слово „исходьны“, ибо только оно одно могло дать чтение „и ходы на“.

В зависимости от слога *на*, принятого за предлог, требующий винительного падежа, последовало неправильное раскрытие последующего слова: „ходы на“ — *кого, что?* а потому слово „пѣ[с]творь[д]“ раскрыто как „пѣстворца“. Эта последняя форма повлекла за собой раскрытие слов „Святъслав[л]“, „Ярослав[л]“ как „Святъслава“, „Ярослава“ в качестве определения к слову „песнотворец“. Между тем прилагательные Святославль, Ярославль обозначают отчество, и оба относятся к словам „Олега коганя“, а все три имени вместе являются распространенным приложением к выражению „старого времени“. Подлинный смысл становится очевидным при следующем чтении: „рек Боян исходьны Святослава песнотворец старого времени, Ярослава Ольгова

¹ Слово о полку Игореве, 1950, стр. 74, 101, 465.

² Д. Дубенский, 1844; Я. Малашев, 1880. — А. Потебня подошел к этому чтению, но отверг его.

³ А. С. Орлов (стр. 133—134) принимает это толкование, но переводит „исходы“ как „конец для песнотворца“, оставляя неправильное чтение „на песнотворца“.

⁴ Исходный — заключительный, конечный. Ср. у Миклошича — „исходнь, исходно пѣние, исходна пѣснь“.

⁵ Мы отмечаем выносные буквы только в тех случаях, в которых позднее возникло неправильное чтение; выносы в словах Боя[и], стара[г] време[и], если они и были, не повели к изменению смысла.

коганя, хоть и тяжко ти головы...": „Сказал Боян исходный стих песнотворец старого времени, коганова Ольгова Святославича Ярославича: хоть и тяжко тебе голова...“.

Итак, „исходны“ вместо „и ходы на“, „песнотворец“ вместо „песнотворца“, „коганова Ольгова Святославля Ярославля“ — приложение к словам „старого времени“.

III. „Бориса же Вячеславлича слава на суд приведе и на канину зелену паполому постла за обиду Ольгову храбра и млада князя“.¹

Одни исследователи считают слово „канина“ названием черниговского ручья — Канин, впадающего в реку Десну и упомянутого в летописи под 1152 годом.² Другие (Н. С. Тихонравов, В. С. Миллер, А. П. Кадлубовский и И. И. Козловский), принимая во внимание свидетельство Задонщины, читают „кавылу зелену“. Несомненно, нельзя оставить без внимания текст Задонщины, где в подобном месте дважды упомянут ковыль: „летети главѣ твоей на траву ковыль, а чаду твоему Иякову лежати на зеленѣ ковыль травѣ“.³ Здесь Задонщина совершенно очевидно перефразирует текст „Слова о полку Игореве“; выпущено только слово „паполома“, может быть уже непонятное для XIV века.

Но и те, кто принимает чтение „на ковылу“, и те, кто принимает чтение „на канину“, одинаково считают, что глагол „постла“ относится к слову „паполому“: „Слава постлала ковер на зеленую траву (ковыль)“,⁴ или: „Слава на Канину (реку) зеленое покрывало постлала“.⁵

Первый вариант ближе к истине; надо думать, что в рукописи стояло: „на кавы[л]ну зелену паполому постла“. Пропущенное по тем или иным причинам л дало „кавыну“; буква *в* как бы она ни была написана, в виде ли двух заходящих друг за друга треугольников или в виде четырехугольника, могла быть принята за *н* (особенно в непонятном для писца слове). Так могло возникнуть чтение „канину“ вместо „кавылну“. Остается глагол „постлатъ“, который сбивает с толку переводчиков. Он требует прямого дополнения в винительном падеже: постлатъ *кого, что?* В настоящее время глагол этот употребляется только с прямым дополнением из категории неодушевленных предметов. Но совершенно обосновано предположение, что когда-то при нем было мыслимо дополнение из разряда одушевленных существ. Как теперь мы говорим — уложить *кого, что?* так же, повидимому, можно было глагол „постлатъ“ применить как к неодушевленному, так и к одушевленному существительному. Следовательно, в переводе это место означает: „Бориса же Вячеславича, молодого и храброго князя, слава на суд привела и на ковыльный зеленый ковер уложила за обиду Ольгову“. Слова „млада и храбра князя“, конечно, надо относить к Борису Вячеславичу, погибшему в возрасте 20 лет. Это место поэмы посвящено ему, и оба определения безусловно относятся не к Олегу, а к Борису, как и понимал это место Н. С. Тихонравов.

¹ Слово о полку Игореве. Изд. 1800 г., стр. 15—16; А. С. Орлов, стр. 69.

² И. Снегирев. Русский исторический сборник, т. III, М., 1838; К. Кудряшов. Половецкая степь. М., 1948.

³ А. С. Орлов, стр. 107.

⁴ Там же, стр. 80.

⁵ Слово о полку Игореве, 1950, стр. 84.

IV. „И схотию на кровать и рекъ“ — в переводе 1800 года:
„На сем-то одре лежа произнес он“.¹

Это место поэмы до сих пор не получило окончательного разъяснения. Было предложено следующее чтение последних слов: „на кровъ а тѣи рекъ“.² Затем найдено правдоподобное чтение „юна кровъ“, почему-то оставленное без внимания.³

Последнее по времени издание все еще дает малоубедительный и неясный текст: „и с хотию на кровъ, а тѣи рек“, в переводе: „был прибит на кровъ со своим любимцем, а тот сказал“.⁴

Слово „хоть“, один раз встреченное в „Слове о полку Игореве“ („своя милья хоти Глебовны“), привлекло внимание исследователей, и его охотно вчитывают в другие места поэмы. „И схоти“ первого издания стали объяснять „с хотию“. Однако если читать текст как „и схоти юна кров а тѣи рек“, то здесь надо видеть два предложения; во втором, которое присоединено через союз „а“, подлежащим будет „тѣи“, сказуемым — „рек“. В первом предложении подлежащим подразумевается „сам“ (Изяслав), но сказуемого недостает; следовательно, в написании „и схоти“ кроется глагол. Всего ближе подходит здесь глагол „исхйти“ — третье лицо единственного числа аориста от глагола „исхытитъ“ = исхитить, исторгнуть, в данном случае — в смысле извергнуть, источить, излить. „Исхйти“ требует прямого дополнения, каковым являются слова „юна кровъ“. Форма эта, где винительный падеж прямого дополнения равен именительному, вполне возможна в XII—XIII веках.⁵ Написанное „исхйти“ могло быть прочитано как „и с хоти“; буква *ы* в беглом, некрупном полууставе конца XV—начала XVI века могла получить нечеткое написание, которое в XVIII веке было прочитано как *о*. Именно: если левая часть буквы *ы* имела большую заплывшую вверх петлю, в виде неправильного треугольника, то ее легко можно было принять за букву *о*. Правая мачта буквы *ы*, возможно, стояла близко к следующей за ней букве *т*, что могло сойти за левое опущенное крыло этой буквы, написанной в один столбик с перекадиной сверху; получалось асимметричное написание *т*, в котором третий столбик короче остальных, характерное для XV в.⁶

Затруднение заключается в том, что обычный смысл глагола „исхытитъ“ = исторгнуть, извлечь. Если он действительно стоял здесь, то только в значении — извергнуть, излить, источить. Мы не беремся решать, стоял ли здесь какой-либо иной глагол, аналогичный по смыслу, совершенно искаженный, может быть, еще до XV века, или слово „исхытитъ“ изменило, сузило свое значение.

Но мы можем утверждать, что в слове „исхоти“ подразумевается несомненно глагол, притом начинающийся с предлога „из“, ибо слова „исхоти юна кровъ“ в стилистическом отношении представляют параллель к словам „изрони жемчужну душу“. При этом такое предположе-

¹ Слово о полку Игореве. Изд. 1-е, стр. 34; А. С. Орлов, стр. 73.

² Е. В. Барсов. Слово о полку Игореве, ч. II. 1887, стр. 243—245.

³ Н. И. Мамьковский. Слово о полку Игореве. Лирическая поэма внука Боянова. Житомир, 1915.

⁴ Слово о полку Игореве, 1950, стр. 68.

⁵ Ср. „Завещание“ Климента Новгородца XIII века: „взяти на Борьке гривна“ (С. П. Обнорский и С. Г. Бархударов. Хрестоматия, ч. I. Л., 1940).

⁶ Буква *т* в XV—XVI веках имеет четыре начертания: 1) в три столбика одинаковой длины; 2) в один столбик с двумя короткими черточками на концах перекадины; 3-й и 4-й типы имеют два рядом стоящих столбика одинаковой длины, а третий укороченный. См.: В. Н. Щепкин. Учебник палеографии, стр. 122.

ние раскрывает смысл слова с наименьшим изменением текста первого издания — оно потребовало замены одной лишь буквы. Остается фраза „а тѣи рекъ“, смысл коей не вполне ясен. Кто сказал эту „припевку“: „Дружину твою княже пти[цы] крылы приодѣ[ш]а, а звѣри кровь полизаша“? Речь идет об одном из внуков Всеслава Полоцкого — Изяславе; брат его Брячислав упоминается в летописи под 1181 годом. Следовательно, это современники певца „Слова“ и современные ему события. Если припевка принадлежит ему самому, то мы вправе ожидать каких-либо вводных слов (ср. „рци лебеди распужени“). Если же эта припевка принадлежит, так же как и две другие, Бояну и применена автором „Слова“ к современным событиям, то, может быть, должно было стоять: „а тѣи рекл бы“ — „а тотъ [Боян] сказал бы“.

Итак, предположительно: „исхыти юна кровь а тѣи рек[л] бы“ — „Источил юную кровь, а тот сказал бы: Дружину твою княже птицы крылами приодеша, а звери кровь полизаша“.

V. Босый, босов (босув), Бус.

а) „Скочи съ него босымъ влъкомъ“.

б) „Всю ночь съ вечера босуи врани възграяху“.

в) „Поють время Бусово“.¹

Название волка „босый“ отмечено еще в XIX веке в Севском уезде б. Орловской губернии,² но слово это, повидимому, утратило свое первоначальное значение.

По форме „босый“ — прилагательное качественное, „босуи“ — прилагательное относительное, указывающее на принадлежность кому-то. Но, повидимому, оба слова одного корня и родственны по значению. Предполагали, что слово „босый“ равнозначуще с „бусый“, т. е. „серый“ особого оттенка, дымчатый, темносерый,³ и употребляется, смотря по местности, не вытесняя слова „серый“. Раз приняв это толкование, исследователи решили, что в „Слове о полку Игореве“ говорится об особой породе воронов — серых! С этим никак нельзя согласиться: поэма дает волку три раза постоянный эпитет „серый“, один раз — „босый“ и один раз приводит без эпитета. А ворон, помянутый два раза, в одном случае имеет постоянный эпитет „черный“ — „ни тебе чръный воронъ, поганый Половчине“⁴ и другой раз „босув“: „босуи врани“. Определительные слова „босый“ и „босув“ роднят волка и ворона. Но если волк назван в поэме серым, то ворон назван черным; следовательно, толкование слова „босый“ как „бусый“ = серый, приходится отбросить. Тогда что же общего у волка с вороном? Они оба считаются хищниками. Но для этого есть эпитет „лютый“, который не применим к ворону и если применяется к волку, то только тогда, когда он назван не волком, а более общим именем — зверь.⁵ Един-

¹ Изд. 1800 г., стр. 41, 23, 25.

² А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка. М., 1910, стр. 55. (На этот словарь мы ссылаемся и в дальнейшем).

³ А. Преображенский. „Слово «бусый», необъяснимое из русского языка, возводит к тюркскому «бос», курдскому «боз» — серый“. Толкование слов „босый“ и „босуи“ как „бусый“ предложено В. Макушевым в рецензии на издание „Слова“ Н. Тихонравовым (ЖМНП, № 2, 1867, стр. 465) и разработано Вс. Миллером (Взгляд на „Слово о полку Игореве“).

⁴ Изд. 1800 г., стр. 11.

⁵ Выражение „лютый зверь“ в поучении Мономаха и в „Слове о полку Игореве“ Буслаев передает как „волк“ (Ф. И. Буслаев. Хрестоматия, стлб. 478, 612). Ср. указание русского слависта 1840-х годов П. И. Прейса на название волка в литовском языке (М. П. Алексеев, Доклады и сообщения Филологического института Ленинградского университета, вып. 3, Л., 1951, стр. 229).

ственно, что сближает волка с вóроном, это то, что они оба существа „волшебного порядка“. Волк может быть человеком, оборотнем. Это поверье очень древнее. У славян, в том числе у русских, имеется свое слово для этого понятия: волкодлак, волколак,¹ у сербов — вукодлак, но уже не в значении волка — оборотня, а мертвеца-упыря — вампира, так же как и болгарский вълколак. Следовательно, волк может быть просто зверем, и тогда он „серый“, это его постоянный эпитет. Но волк может быть оборотнем, волкодлакой, тогда он волшебный, „босый“. Князь Игорь „босым волком“, т. е. оборотнем, скочил с коня и помчался далее. Таким образом слово „босый“ отнюдь не постоянный эпитет и не равнозначит нерусскому слову „бусый“. „Босый“ это свойство, присущее особым волкам — оборотням. Слова „Всеслав лютым зверем скочи из Киева до Дудуток“, возможно, имеют тот же смысл. Недаром Всеслав именуется вещим. Это же прозвище волка встречаем мы и в летописи — в имени московского боярина и тысяцкого Алексея Петровича Босоволка под 1347 годом.²

У арабского историка X века Масуди мы находим известие, что у славян вóрон был посвящен божеству, считался священной птицей. В сочинении „Золотые луга“, говоря о языческих храмах славян, Масуди сообщает следующее: „Другое здание построено было на Черной горе, окруженной чудотворными водами различного цвета и вкуса, которых целебная сила повсюду известна. Там есть у них большой идол, изображающий... человека... под ногами его изображены муравьи, вороны и другие подобные птицы“.³ И в позднейших сказаниях, несмотря на влияние христианства, вóрон сохраняет характер волшебной птицы. Правда, из вешего он становится злоещим. Но в сказках мы еще находим отголосок древних воззрений, когда вóрон являлся священной и благодетельной птицей: он приносит мертвую и живую воду, чтобы оживить убитого.

Значение слов „босый“, „босув“ забылось с утратой каких-то древних верований. К счастью, мы еще можем уяснить себе его подлинное древнее значение. В словаре древнерусского языка И. Срезневский приводит слово „бось“, множественное „босове“. Оно встречено в Псалтыри XI века в тексте толкований на псалом 118, стих 150: „От закона же твоего удалишася“; толкование: „далече бо быша от своае чьсти и бога босове“. Исходя из греческого оригинала, И. Срезневский дает объяснение: бос дьявол, демон, босов, босув — прилагательные.⁴

Итак, слово „бось“, множественное „босове“, передает греческое слово „демон“, которое в древности означало божество вообще, а с принятием христианства — духа зла, бѣса. Такое же изменение смысла произошло, повидимому, и в русском языке: может быть, при наличии слова „бѣсъ“ слово „бось“ исчезло как излишнее. Прилагательное

¹ А. Преображенский. Этимологический словарь. Волкодлака значит — волчья шерсть. Ср. севское — волколака. В индексе книг ложных и запрещенных, указаны и такие, которые учат, как превращаться в разных зверей: „в них же суть вся дванадцать опрометных лиц звериных и птичьих“ (К. Калайдович. Иоанн Экзарх Болгарский. М., 1821, стр. 211).

² См.: М. Н. Тихомиров. Древняя Москва, стр. 77. — П. И. Преий еще в 1840-х годах сопоставил это имя с эпитетом „босый“ в „Слове о полку Игореве“. См. статью М. П. Алексеева в сборнике статей „Слово о полку Игореве“ под ред. В. П. Адриановой-Перетц (Л., 1950, стр. 247).

³ Сочинение Масуди „Золотые луга“, 956—957 г. См.: И. Срезневский. Архитектура храмов языческих славян. Чтения в Обществе истории и древностей российских, 1846, 3, IV.

⁴ И. Срезневский не делает вывода из своего открытия; он приводит цитату „босуи врани възграху“, но так и оставляет вопрос нерешенным.

„босый“, утратив свое древнее значение, сохранялось в Севском уезде Орловской губ. почти до нашего времени в качестве одного из эпитетов волка.

К сожалению, из словарей нельзя уяснить, что собственно означало это слово в XIX веке. Древнее его значение, повидимому, — священный. Босув — посвященный божеству, принадлежащий божеству. Следовательно, Максимович и Буслаев были ближе всех к истине, когда предлагали „босуви“ передавать через „бъсови“.

Обратимся к слову „Бусъ“: „Поют время Бусово“.

А. А. Шахматов высказал предположение, что под именем Буса в „Слове о полку Игореве“ вспоминается один из предводителей антов IV века, попавший в плен к приморским готам и распятый ими в числе 70 других славянских вождей. Известие это приведено в труде историка Иорнанда. В латинском оригинале имя вождя антов передается в форме „Боз“, „Бооз“. Возможно, что здесь надо предположить форму „Боус“ с дифтонгом *ou*, что в дальнейшем могло дать „Бус“.¹

Русская летопись не сохранила нам княжеских имен древнее IX—X веков. Эти языческие имена продолжают даваться русским князьям и после принятия христианства наряду с крестным именем по кому-либо из святых. Языческие княжеские имена обычно сложные, из двух слов; они имеют определенный смысл, и цель их — прославление и возвеличение носителя этого имени. Приведем наиболее часто встречающиеся из них.²

Святослав	Святополк
Ярослав	Ярополк
Брячислав	Вячеслав
Владимир	Всеволод
Всеслав	Изяслав
Мстислав	Ростислав
	Станислав

Они отличаются по смыслу от обычных имен, которые также продолжают жить и в христианскую эпоху в качестве прозвищ: Вышата, Добрыня, Завид, Жирослав, Истома, Мирослав, Остромир, Перенъг, Путята, Ратибор, Сбыслав, Станимир, Станислав.³

Мы встречаем среди них и сложные, в которые входят слова „слава“ и „мир“. Но насколько можно проследить, в этой группе совершенно отсутствуют имена с составной частью „Свят“ или „Яр“. Возможно, что они были присвоены исключительно лицам из княжеского рода. На этом основании мы вправе ожидать, что и древнейшие княжеские имена тоже должны были заключать в себе какие-то представления о могуществе и божественности. А тогда и фонетически и по смыслу как будто есть основание имя „Бус“ возводить к тому же корню, что и слова „бос — босове“, „босый“, „босов“ (босув). И, возможно, Максимович был прав, сопоставляя слово „босуви“ с названием урочища „Бусовой горы или Бусовицы, находящейся под Киевом над Лыбедью“.⁴

¹ См.: А. С. Орлов, стр. 120.

² Мы не приводим имена не славянского происхождения, вроде Борис, Олег, Игорь, Рюрик, Рогволод, или неясное по смыслу Глѣб.

³ М. Погодин. О наследственности древних санов (1054—1240 г.). Н. Калачев. Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. СПб., 1876, стр. 69, а также: Н. М. Тупиков. Словарь древнерусских собственных имен. СПб., 1903.

⁴ М. Максимович, Собр. соч., т. III, Киев, 1880, стр. 649. — Возможно, в этом урочище надо предполагать место какого-то языческого святилища. Мы не решаемся заменять „босув“ через „босов“, предоставляя фонетическую сторону вопроса специалистам-языковедам.

Теперь, когда понятен смысл слов „бусови врани“, мы обратимся к тексту сна князя Святослава: „Вею ноць съ вечера босови врани възгряху, у Пльсьнска на болони бѣша дебръ Кисаню, и не сошлю к синему морю“.¹ „Пльсьнск“ еще в первом издании был отождествлен с одним из городов Галицкой Руси, с ссылкой на историю Татищева. Н. М. Карамзин также считал, что в этом слове подразумевается исторический город Плесенск, расположенный в верховьях реки Серета, левого притока Днестра, на границе Галицкого и Владимирского (Волынского) княжеств. Город, надо полагать, был довольно значительный, судя по тому, что Даниил Романович, взяв его в 1223 году, захватил в нем и в окрестностях много пленных. Плесенск был, повидимому, передовым укреплением на восточной границе Галицкой земли. Здесь в 1188 году произошла битва галичан и их союзников венгров с напавшим на них Романом Мстиславичем.² Таким образом слово „Плесенск“ до сих пор не возбуждало сомнений. В дальнейшем был предложен ряд новых чтений с целью уяснения текста. Из них надо отметить утвердившееся в науке чтение В. Макушева: вместо „дебръ Кисаню“ — „дебръски сани“ — змеи лесной чащи, ущелий, расселин³ и В. Ф. Миллера: вместо „бусови врани“ — „бусови врани“ = темнодымчатые, изсиня-серые вороны.⁴ Последнее толкование было принято взамен предложенного Максимовичем, а затем Буслаевым „бѣсови врани“. Постепенно разбираемый текст принял следующий вид: „всю ноць съ вечера бусови врани възгряху. У Пльсьнска на болони бѣша дебръски сани и несошася к синему морю“.⁵

Вместо запятой, стоявшей в первом издании после слова „възгряху“, была поставлена точка; это закрепило деление текста на два самостоятельных предложения.

Однако, несмотря на все исправления, смысл текста оставался не вполне ясным, а конструкция второго предложения нескладной. Попробуем разобрать это место поэмы. Прежде всего напомним, что слово „бусови“ ни по происхождению, ни по значению не имеет никакого отношения к слову „бусый“ (серый). Затем, если принимать в данном месте поэмы деление на две фразы, то слова „бѣша“ и „несошася“, соединенные союзом и, должны относиться к одному и тому же подлежащему, как полагают к слову „сани“, которое рассматривается как именительный падеж множественного числа. Но „сани“ (змеи) не летают (ср. их эпитет „дебръски“) — летают вороны.⁶ Однако если глагол „несошася“ („несошлю“) относить к воронам, то к ним же надо отнести и глагол „бѣша“. Следовательно, весь текст надо рассматривать как одно слитное предложение с одним общим подлежащим — „врани“ и тремя сказуемыми: „възгряху“, „бѣша“ и „несошася“: „У Пльсьнска на болони босови врани възгряху, бѣша дебръски сани и несошася (несошлю) к синему морю“. Так как форму „дебръски сани“ в таком случае нельзя более считать именительным падежом множественного числа, то приходится признать ее винительным множественного числа,

¹ Изд. 1-е, стр. 23—24.

² Сведения по г. Плесенску сообщены нам проф. М. Н. Тихомировым.

³ См. словари Миклошича и Срезневского. Впрочем, слово „дебръ“ значит также „чаща“ лесная, садовая (В. Макушев, ЖМНП, № 2, 1867).

⁴ См. словари Даля и Преображенского. В. Миллер. Взгляд на „Слово о поку Игореве“. 1877.

⁵ А. С. Орлов, стр. 71.

⁶ В сне Святослава собраны все возможные символы несчастья, но все они даны в правдоподобных образах, тем более, что сон этот, повидимому, представляет собой литературный прием.

т. е. прямым дополнением к глаголу „бѣша“. Глагол этот мало подходил при прежнем делении на два предложения и совсем не подходит, не имеет смысла в слитном предложении. Остается думать, что в этом слове кроется какая-то ошибка. Всего проще предположить, что вместо „бѣша“ первоначально стояло „биша“. Это вполне закономерная ошибка: установлено, что рукопись Мусина-Пушкина имела ряд новгородско-псковских особенностей, в том числе замену *ѣ* на *и*, которая не нарушает смысла в таком случае, как „дѣвица“ — „диваца“; следующий писец легко узнавал слово и мог восстановить правильное написание. Но в данном случае замена буквы *и* буквой *ѣ* коренным образом меняла самое значение слова и подставляла глагол „быть“ вместо „бить“; поэтому обратное восстановление правильного чтения было невозможно. Замена одной только буквы возвращает смысл фразе: „врани биша дебрьски сани“.¹ В написании „несошло“ давно видели ошибку и исправляли как „несоша я“ и „несошася“.² Теперь, когда для нас ясно, что „дебрьски сани“ — прямое дополнение, становится очевидным, что здесь правильнее предполагать чтение: „несоша я“ — „их“, т. е. змей; стершееся или спешно написанное *а* можно принять за *л*, иотованное *а* — за *ю*. Следовательно: „священные вороны всю ночь с вечера каркали у Плесенка на болони, били змей и носили их к синему морю“. Это объясняет, почему карканье вóронов раздавалось всю ночь — они сражались со змеями!

С востока русским княжествам грозили кочевники, на юго-западе вставала другая опасность — поляки и венгры. Город Плесенск был, повидимому, каким-то важным стратегическим пунктом на границе между Галицким и Волынским княжествами. Поэтому он и включен в сон Святослава. Сон этот в символах, живших в народе, предвещал недоброе: кровля без князя (конька) — потеря родных; жемчуг — слезы; кровать с черным покровом или вино с отравой — печаль, может быть болезнь. И виновники этого горя — кочевники — из их пустых колчанов осыпают Святослава жемчугом. А на другом конце русской земли, в Галицком княжестве, поднимаются другие враги, ведь змеи — символ измены, коварства и вражды. И священные вóроны, сопутствующие каждой битве, борются с этими врагами, избивают их и уносят к морю. Мы не будем гадать, кто были эти змеи — венгры или галицкие бояре, к которым относится знаменитое изречение князя Романа Мстиславича: „не передавивши пчел, меду не есть“. Достаточно вспомнить, что Владимир Галицкий, изгнанный отцом, был братом Ефросинии Ярославны и шурином Игоря. Уже в силу родственных связей, не говоря о причинах политического характера, галицкие дела должны были интересовать черниговских князей (Ольговичей) и их окружение.³

Смысл этого места „Слова о полку Игореве“ раскрывался медленно, шаг за шагом, начиная с 1800 года. И всякое правильно найденное объяснение облегчало дальнейший шаг. На этом отрывке были применены все допустимые приемы исправления, о которых говорилось выше, во вступлении: новое деление текста на слова и фразы, вставка

¹ Подлежащее — вóроны; прямое дополнение — змеи; что могли делать вóроны со змеями? Написание „бѣша“ вместо „биша“ могло появиться тогда, когда было забыто старое значение слова „сани“ (-змеи), и фраза „биша дебрьски сани“ стала в силу этого непонятной.

² В. Макушев, ЖМНП, № 2, 1867, стр. 455.

³ Сыновья Игоря погибли позднее в борьбе с галицким боярством (Полное собрание русских летописей, т. II. Ипатьевская летопись. 1208 год).

пропущенной выносной буквы, исправление ошибки, возникшей благодаря произношению писца, уяснение смысла вышедших из употребления слов „сани“, „бусови“. Таким образом в основном был восстановлен данный текст поэмы: „Всю ночь съ вечера босуви врани възграяху у Пльсьнска на болони, биша дебрьски сани и несоша я к синему морю“. В переводе: „Всю ночь с вечера священные (вещи) вóроны каркали у Плесенска на равнине, избивали лесных¹ змей и несли их к синему морю“.

Сделанная недавно попытка объяснить „дебрь Кисаню“ как „Дебрь Киянь“, а Пльсьнскъ как „Плоское — плиске“² не только возвращает к ошибочному чтению первого издания, но вносит в него еще новое искажение взамен, теперь уже вполне понятного и исторически обоснованного Плесенска. Затем, всякое новое чтение того или иного слова приходится согласовывать со смыслом всей фразы; в данном случае как раз этого согласования мы не находим, смысл текста только еще более затемняется. При этом оба предполагаемых урочища в сущности безымянные: плеске — плиске — имя нарицательное. Вместе с тем дебрь — лес по речке Киянке, во-первых, не засвидетельствована, во-вторых, могла носить любое иное название. Певед „Слова“ приводит названия рек, селений, урочищ. Но Немига, Дудутки, Нежatina нива прославлены событиями и вошли в историю. Ничем не отмеченные и потому ничего не говорящие овраги, перелески и отмели Киева не могли служить символами событий общерусского значения. Ибо мы имеем дело не с мемуарами современника, а с творчеством поэта: данный эпизод является литературным приемом, даже если в основу его и положен действительный сон. Мы встречаем этот прием и в народной поэзии (ср. песню о взятии Казани „Что ночью мне царице мало спалося, в сновиденьице много виделося“).

Итак, работа над раскрытием неясных мест поэмы требует прежде всего бережного отношения к тексту первого издания.

Труды русских ученых, успешно работавших на этом поприще, указывают нам методы, которых надо держаться в данном случае. Новое деление текста на слова, новое, более правильное раскрытие сокращений, восстановление отдельных, с течением времени утраченных знаков, раскрытие ошибок диалектного порядка, исправление неверно прочитанных начертаний и, наконец, выяснение смысла устаревших или утраченных слов — вот те приемы, которые допустимы в данном случае. Всякое произвольное толкование, необоснованное лингвистически и палеографически, может только затруднить дальнейшее раскрытие текста.

¹ „Дебрь“ означает не только расселину, ров, но и лесную чашу. Поэтому позднейший эпитет змей „подколотная“ может быть по значению близок к эпитету „дебрьская“ (см. словарь Миклошича).

² См.: Сборник статей „Слово о полку Игореве“, 1950, стр. 209.

Л. А. ДМИТРИЕВ

Глагол „каяти“ и река Каяла в „Слове о полку Игореве“

Вопрос о месте сражения Игоря с половцами интересовал многих исследователей „Слова о полку Игореве“. Были высказаны различные предположения. Большинство исследователей, как историков, так и филологов, искали Каялу в тех реках, названия которых по своему фонетическому звучанию близки к Каяле. Н. М. Карамзин считал, что Каяла „Слова“ — река Кагальник; Н. Я. Аристов и вслед за ним П. Бутков и Д. И. Багалеи — Кальмиус; А. В. Лонгинов полагал, что Каялой была названа река Мокрые Ялы.

Все эти гипотезы имели ряд слабых сторон (противоречие летописным данным, неправильный расчет времени и скорости движения войск), и ни одну из них нельзя считать достаточно убедительной и доказанной.

Наиболее вероятной гипотезой о местонахождении Каялы можно считать точку зрения, высказанную К. В. Кудряшовым¹ и Н. В. Сибилевым.² В поисках Каялы они исходили не из названия реки, а из ее соотношения с реками Сальницей и Скурлий, которые упоминаются в летописном рассказе о походе Игоря. Оба они считают, что Каяла — это река, носящая в наше время название Макашиха. Во всяком случае, после исследований К. В. Кудряшова и Н. В. Сибилева совершенно очевидно, что Каялу нельзя искать в реках, сходных с ней по названию.

Каяла — имя нарицательное, а не собственное, и оно было дано автором „Слова“ реке, носящей какое-то иное географическое наименование. Но почему эта река была названа Каялой? Попробуем ответить на этот вопрос.

В самом тексте „Слова о полку Игореве“ однажды употреблен глагол „каяти“: „Ту нѣмци и венецици, ту греци и морава поють славу Святъславлю, каютъ князя Игоря, иже погрузи жирь во днѣ Каялы рѣкы половецкыя, рускаго злата насыпаша“.

Первые издатели „Слова“ перевели это место так: „Там немцы и венециане, там греки и моравцы воспевают славу Святославу и охуждают князя Игоря, погрузившего силу на дно Каялы...“.

Вслед за первыми издателями „каять“ в смысле „порицать“, „осуждать“ переводили все первые переводчики „Слова“ (Серяков, Шиш-

¹ К. В. Кудряшов. Половецкая степь. Географгиз, М., 1948, стр. 42—90.

² М. В. Сибилев. Археологічні пам'ятки на Дінці в зв'язку з походами Володи-мира Мономаха та Ігоря Сіверського. Археологія, вип. IV, Київ, 1950, стр. 99—114.

ков, Палицын, Язвицкий, Левитский). В 1819 году вышел перевод „Слова“ Я. Пожарского с многочисленными примечаниями, состоявшими главным образом в сличении словаря „Слова“ с польским языком. По поводу глагола „каяти“ Я. Пожарский писал: „Слово *каять*, на польском языке *kaiać* (каять), значит — жалеть; от сего произошло далматское слово *кайба*, означающее жаль, сожаление. Посему слова *кають князя Игоря* означают — жалеют князя Игоря“.¹

Заметим, что А. Шишков в своих примечаниях на перевод Я. Пожарского, считая все толкования Пожарского к „Слову“ ненужными или неудачными, признает верным объяснение лишь одного слова — „каяти“, и говорит: „сие замечание весьма основательно“.²

В дальнейшем переводчики передавали этот глагол по-разному: одни как „жалеть“, другие как „осуждать“.

Приведем несколько примеров из переводов советских писателей: И. А. Новиков — „осуждают, жалея, Игоря князя“; В. И. Стеллецкий — „корят князя Игоря“; Н. А. Заболоцкий — „Игоря отважного кланут“; А. К. Югов — „поносят Игоря“; акад. А. С. Орлов — „корят князя Игоря“; Д. С. Лихачев — „укоряют князя Игоря“.

Сейчас в русском литературном языке нет переходного глагола „каять“, а остался лишь возвратный глагол от этого корня — каяться: „Ка я т ь с я, каюсь, каешься, каются, каялся, каялась, каялось. Сожалеть о совершенном поступке, упрекать себя за его совершение“.³ Как старое слово, в картотеке имеется и переходный глагол „каять“: „каять, каю, каешь, кают; каял, а, о, *перех.* (белор. *кацьць*, малор. *каяти*, ц. сл. *каяти*). *Стар.* „счуняць тазать кого“ (Слов. акад. 1792 г.), т. е. порицать, укорять, осуждать. *Старого не бьют, мертвого не кают.* Послов. Даля, с. 373, цитата из „Слова о полку Игореве“⁴. В народных говорах употребляется теперь с этим значением глагол „хаять“. *Каять* — исповедывать кого-либо (Каргопольский, Петрозаводский и Пудожский) *Духовник кает исповедника* (Слов. акад. 1792 г.). *Не наше дело попа каять: на то есть другой поп.* Послов. Даля, с. 681“.

В „Материалах для словаря древнерусского языка“ И. И. Срезневского, в статье на глагол „каяти“ читаем: „Ка я ти, каю — порицать: = Ту Нѣмци и Венедици ту Греци и Морава поють славу Святѣславлю, кають князя Игоря. *Сл. плк. Игор.*; бѣсящагося вси кають, *Прол. И. Публ. б. 43* = исповедывать: = «А учнегъ которыи священникъ тѣхъ люди каяти, бояръ не доложа, ино тѣхъ священниковъ велѣли жещи съ тѣми же людми съ болными». *Новг. II л. 1572 г.*“.

В примере, приводимом Срезневским, „каять“ употреблено с оттенком — не вообще исповедывать, а исповедывать перед смертью.

Е. В. Барсов в третьем томе своего исследования „Слова о полку Игореве“ подробно разбирает значение глагола „каяти“. На основании многочисленных примеров из греческих текстов в переводе их на древнерусский язык он показывает, что в древнерусских переводных памятниках глагол „каяти“ соответствует греческому глаголу со значением — считать кого-либо жалким, несчастным, оплакивать, соболезновать.

¹ Я. Пожарский. Слово о полку Игоря Святославича удельного князя Новгорода-Северского. СПб., 1819, стр. 67.

² А. С. Шишков, Полное собрание сочинений, т. XI, СПб., 1827, стр. 401.

³ Цит. по картотеке „Словаря современного русского литературного языка“ Института языкознания Академии Наук СССР.

⁴ Там же.

„В пергаменном прологе новгородского письма: «бесящегося вси каютъ» (Тихонр. 57) никак нельзя думать, что каютъ значит здесь «бранят»: несчастного всюду и всегда жалеют... Слово окаянный в древних памятниках также не означало проклятый, осужденный, но значило несчастный, достойный сожаления... Сообразно такому значению в древнейших переводных памятниках глаголов каяти и окаяти, выражение «Слова» «каютъ князя Игоря» следует принимать в значении: считают его несчастным, жалости достойным!»¹

В. Н. Перетц,² комментируя глагол „каяти“, считает, что в „Слове“ этот глагол употреблен в значении — жалеть, сожалеть. В подтверждение этого он приводит пример из Паренесиса Ефрема Сирина: „не научилъ есть, но кааяль есть“, и так толкует это „кааяль“: „себто уважав за гідного жалю, оплакував“. В таком же значении — жалеть, сожалеть — он указывает глагол „каять“ в фразе из Паремейника XIII века: „ты милостивъ и щедръ и тьрпѣливъ и многомилостивъ и кааяся (= жалуючи) о злобахъ чловѣчьскахъ“.

Обратимся к лексическим материалам картотеки „Исторического словаря русского языка“ Академии Наук СССР.

„А которые будут черницы стары или больны... и они (духовные пастыри) бы ихъ... устроили пищу и одежу... да велѣли бы ихъ каяти и поучати“ (из постановления Стоглавого собора).

Здесь „каяти“ стоит в значении — исповедывать.

„Къ господу богу вашему, яко милостивъ есть и щедръ и долготерпѣливъ, кааяся о злобахъ чловѣчьскихъ“ (РИБ, VI, 469 послание митрополита Фотия в Псков по случаю моровой язвы 1426 г.).

„Ты многомилостиве долготерпѣливе и премилостиве господи, кааяся о злобахъ чловѣчьскихъ“ (Врачевание молитвой в сборнике списка XV—XVIII вв.).

В этих двух примерах „кааяся“ значит — жалея, скорбя.

„А мы нынѣ и о томъ ся кааемъ, что Станислав Кишка здѣлалъ въ государя вашего грамотѣ писати царемъ“ (Польск. договор 1553 г.).

Здесь „кааем“ в значении — осуждаем себя.

„Бе съвѣта не сътвори ничсоже и когда сътвориши не раскаися“ (Изборник Святослава 1076 г.).

„Женитва всякому чловѣку печал. Оженивися чловѣкъ скоро раскается...“ (Даниил Заточник).

„Оженивися борзо, скоро раскается послѣ“ (Мудрость Менаандра по русским спискам XIV—XVI вв.).

„Примите мой доброй совет и не отказывайте королю на его желание, дабы вам после не каецца было“ (Верная Беландра, XVIII в.).

Во всех этих примерах „кааясь“, „раскаиваться“ значит — жалеть, сожалеть, горевать, но всегда вместе с тем с оттенком осуждения. — †

„Кто ли пропився до нага не помянет тебя, кабаचे непотребне? Како ли кто не въздохнет во многия времена собираемо богатство, а во един час все погыбе? Каены много, а воротить нелзе“ (Праздник кабацких ярыжек).

¹ Е. В. Бафров. „Слово о полку Игореве“ как художественный памятник Киевской дружинной Руси. Т. III. Лексикология „Слова“, М., 1890, стр. 352—353.

² Володимир Перетц. Слово о полку Игоревім пам'ятка феодальної України—Руси XII віку. У Києві, 1926, стр. 234—235.

Здесь существительное „каета“, образованное от глагола „каяти“, означает — жалость, сожаление, горе, раскаяние.

Из приведенных примеров ясно, что глагол „каять“, „каяться“ в текстах нецерковного характера употреблялся в значении — осуждать себя за совершенный опрометчиво поступок, одновременно осуждать и жалеть себя. И поэтому мы думаем, что самый удачный перевод слова „каяти“ в „Слове о полку Игореве“ принадлежит И. А. Новикову: „...осуждают, жалея“.

В церковных текстах „каяться“ значит — осуждать себя за грехи перед богом, и в этом случае оттенка жалости, сожаления, сочувствия нет совершенно, есть только — осуждать:

„Якоже бо есть миловати богу угажающая ему тако и мучити не *кающася* грѣхъ своихъ“ (Апокалипсис XII—XIII вв.).

„Глаголю бо вамъ, яко тако радость будетъ на небеси о единемъ грѣшницѣ *кающемся*, неже о девяности и девяти праведникъ, иже не требуютъ покаания“ (Великие четыре-миней).

„Князь же Дмитреи начать у нихъ прощения просити и *каютися* грѣха своего, еже сотвори...“ (Ермолинская летопись).

„Аште истинно *покаяние* хоштеши прियाи, то яви е дѣльмъ, аште гордости *каеши* покажи смѣрене“ (Изборник 1076 г.).

Сравнивая первую группу примеров со второй, нетрудно убедиться, что в текстах, близких к разговорной речи, к народному языку, глагол „каяться“ употреблен в значении — осуждать, жалеть, сожалеть, а в текстах церковных только в значении — осуждать (за грехи перед богом).

В фольклорных текстах в глаголе „каяться“ еще меньше ощущается оттенок осуждения, а в некоторых случаях это слово воспринимается только в значении — жалеть, сожалеть:

Не радуйся нашот,
Не *кайся* потеряв.

(С и м о н и, Пословицы).

Когда женишься, — *спокаешься*,
С молодой женой *намаешься!*
Полно, глупая, не дело говорить!
Люди женятся, не *каются*,
С молодым женам не *маются*,
Только в саночках катаются.

(Великорусские народные песни, собранные А. И. Соболевским).

Становись-ка, млад отецкий сын,
На одну со мной *мостиночку*,
На одну *перекладинку*,
Гляди вточь да во ясны очи,
Гляди впрямь да во бело лице,
Чтобы жить тебе не *каяться*
Мне-ка жить бы да не *плакаться!*

(Песни, собранные Рыбниковым).

Из улицы идет *ровнюшка*,
Своей *тросточкой* *помахивает*,
Золотыми *ключами* *побрякивает*.
Я за *ровнюшку* *замуж* пойду,
Пойду *замуж*, — не *раскаюся*.

(Великорусские народные песни, собранные А. И. Соболевским).

Следует отметить, что в „Общем церковно-славяно-российском словаре“, в статье на глагол „каяться“, мы читаем: „1) Признаваться во

грехах, приносить покаяние, *каяться во грехах*; 2) в простор. Сожалеть о учинении чего ...¹

Для подтверждения того, что слово „окаянный“ в древнерусском языке значило не только „проклятый“, „осужденный“ (в основном оно употреблялось именно в таком значении), но и имело значения — жалкий, несчастный, достойный сожаления, приведем несколько примеров:

„Рече убо святому: молюся тебе, не лънися и царемъ добродѣтели быти, спасая и исцѣляя *окаянную* (несчастную) дщерь мою, дары же достойны приимеши отъ насъ. Святыи же Аверкий рече къ царици...“ (Великие четьи-миней).

„...нача плакати о прекрасной своей дщери и рече: увы мнѣ, *окаянной* вдовицѣ, аще бы были чада моя дома, да шедъ бы угонили Амира царя и отняли бы сестру свою“ (Девгениево деяние).

„Окаянный“ употреблялось также в значении — не покаявшийся перед смертью:

„Покой господи душа рабъ своих умерших напрасно нужною смертию и облегчи господи тяготу *окаянных* и не приемших тайнъ твоих“ (Требник второй половины XVI века).

В диалектах до нашего времени сохранился переходный глагол „каять“ и производные от него:

„1) К а й к о в а т ь (и отсюда *покайковать*) — тужить, горевать. *Все по дочке плачет, да што кайковать-то, не поможешь; покайковала, да и руки опустила*; 2) раздумывать в нерешимости. Отсюда: кайковало — нерешительный человек; 3) сожалеть расквашаться. *Не послухашь теперь меня — опосля будешь кайковать*. (Арх., Холм., Онеж“²

„К а й к и (Петрозаводский уезд) — конец, конечно, все пропало. *Ну, брат, отцу кайки*, т. е. наверно умрет, не выздоровеет“³

„К а я т ь (Петроз., Пуд., Карг.) — исповедать кого-либо“⁴

В картотеке „Словаря современного русского литературного языка“ так объясняется слово „каюк“:

„К а ю к, м. (в косвенных падежах не употребительно) обл., синоним. слов: капут, карачун (собственно же означает: пора каяться ввиду близости и неизбежности смерти), конец, смерть. Употребляется преимущественно в восклицаниях. *Тут йиму и кайук!* (говорится о погибающем)“

Во время археографической экспедиции в ноябре 1950 года в Карело-Финскую ССР в деревне Шуерецкое (Кемский район) нам пришлось услышать в живой разговорной речи употребление глагола „каять“ как переходного. Восьмидесятилетний слепой старик Ф. А. Федосеев, говоря о том, что он слышал о враче, который лечит слепых, сказал: „Ну, мне-то уж куда лечиться: пока глаза лечат, так меня уже самого нужно будет каять!“. Здесь „каять“ было употреблено им в значении — оплакивать или исповедывать перед смертью.

Таким образом, мы можем говорить о следующих основных значениях глагола „каять“: оплакивать, причитать, осуждать, порицать, жалеть, сожалеть. На основании приведенных примеров можно предположить, что глагол „каять“ в древнерусском языке, в значении — жалеть, сожалеть кого-то, скорбеть о ком-то, постепенно, уже в ранний период жизни языка, как переходный глагол полностью вытес-

¹ Общий церковно-славяно-русский словарь, ч. I. СПб., 1834, стлб. 1123.

² А. Подвысоцкий. Словарь областного архангельского наречия. СПб., 1885, стр. 61.

³ Герман Куликовский. Словарь областного олонецкого наречия. СПб., 1898, стр. 32.

⁴ Там же, стр. 35.

нился синонимом „жалеть“, а сам сохранился лишь в форме возвратного глагола (глагол „жалеть“ с возвратной частицей *ся* в русском языке не употребляется).

Глагол „каяти“, очевидно, как и синонимичный ему глагол „жалеть“, употреблялся в древнерусском языке в значении — оплакивать, причитать над умершим [об употреблении глагола „жалеть“ в древнерусском языке именно в таком значении свидетельствуют тексты: „Ангель же божи постави Амбакума внезапно на мѣстѣ его. Царь же приде въ седмыи день *жалеть* Данила и прииде на ровъ и възрѣ и се Даниилъ сѣдя“ (Великие четыи-миней); „Яко суботѣ вашихъ възненавидѣ господь и преложи праздники ваша въ *желю*; яко убьенъ бысть начальникъ вашего безаконья“ (Патерик Печерский)].

Одно из трудно переводимых мест „Слова“ „... кая рана дорога, братие, забывъ чти и живота, и града Чрънигова отня злата стола...“ толкуется и переводится по-разному. Большая часть комментаторов и переводчиков считают, что „кая“ здесь — местоимение „какой“, „какая“ („какая из ран дорога, братья, тому, кто...“). Некоторые же считают, что это „кая“ — аорист от глагола „каяти“. Такой точки зрения держится Л. А. Булаховский в своей статье, посвященной языку „Слова о полку Игореве“.¹ Л. А. Булаховский считает верным перевод этого места Ильинским: „Он (Всеволод) отомстил раны...“. По его мнению, глагол „каяти“ имел значение — мстить. Подтверждение этому он видит в сербском языке, где глагол *кајати* означает — мстить.

Хотя из сказанного выше видно, что глагол „каяти“ в древнерусском языке был многозначен, мы не можем принять значения его как — мстить, пренебрегать, так как подтверждений такому значению глагола „каяти“ в русском языке нет. Это доказывает правильность толкования в этом месте „Слова“ „кая“ как „какая“, ибо, по смыслу всей фразы, в прошедшем времени можно употребить глагол „каяти“ лишь в значении — презирать, пренебрегать или отомстить, в известных же нам значениях глагола „каяти“ его прошедшее время не будет соответствовать внутреннему содержанию этого места.

Имеет ли какое-нибудь отношение глагол „каяти“ к названию реки, на которой произошло поражение русских войск — к Каяле? Мы считаем, что да.

Впервые предположение о том, что под Каялой нужно подразумевать не географическое название реки, а нарицательное имя, производное от глагола „каяти“, было высказано Н. Грамматиным: „Не от того ли *Каяла* и название получила, что русские *каяли* Игореву предприятие?“² П. П. Вяземский также считал, что Каяла — название символическое, он сравнивал его с названием реки бедствий в финском эпосе — Калари.³

Е. В. Барсов так объяснял название Каяла: „Наблюдая за употреблением «реки Каялы» в самом «Слове», мы приходим к решительному убеждению, что и здесь имя *Каялы* имеет лишь символическое, а не географическое значение. *Каяла* упоминается в «Слове» шесть раз — и

¹ Л. А. Булаховский. „Слово о полку Игореве“ как памятник древнерусского языка. Сборник статей „Слово о полку Игореве“ под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц, М.—Л., 1950, стр. 130—163.

² Н. Грамматин. „Слово о полку Игоревом“, историческая поэма, писанная в начале XIII века на славянском языке. М., 1823, стр. 159.

³ П. П. Вяземский. Замечания на „Слово о полку Игоревѣ“. СПб., 1875, стр. 181.

каждый раз также в самых лирических местах среди символической, образной речи... *Каяла река* (см. глагол *ка я ти*) значит просто: «*Жаль-река*»¹.

Точки зрения, что *Каяла* название не географическое, придерживался и В. Н. Перетц.

Н. К. Гудзий *Каялу* считает производной от слова „*каяти*“ в значении — проклинать, клясть.

Мы предполагаем, что название *Каялы* произошло от глагола „*каяти*“ в значении — жалеть, оплакивать.

В этом случае *Каяла* значит — река смерти, печали, скорби; гибельное место.

Образование от глагола „*каяти*“ нарицательного названия реки — *Каяла* — посредством малоупотребительного для обозначения места суффикса *л[а]*, очевидно, произошло по аналогии с собственными именами некоторых рек на *ла* — *Висла*, *Сула*, *Ворскла*, *Сысола*, тем более, что в самом же тексте „*Слова*“ встречается река *Сула*. Может быть, здесь также влияло и существительное „*желя*“, образованное от глагола „*жалеть*“.

Образование от глагола „*каяти*“ имени *Каяла* как обозначение места скорби, печали, плача подтверждается образованием в русском языке слов „*желя*“, „*жальник*“ от глагола „*жалеть*“.

„*Желя*“ — название обряда, обозначение всей совокупности действий, связанных с оплакиванием умершего:

„В 100 и 30 лѣтъ жития Адамова уби Каинъ Авель брата своего и сътвориша же лю Адамъ и Елга надъ нимъ...“ (Пам. Отр. лит. сп. XV в.).

„*Жаль*“, „*жальник*“ — в диалектах так называют места погребений, кладбище („*жаль*“, „*жальник*“ — образование от глагола „*жалеть*“, в значении — причитать, оплакивать покойника).

У *Даля* читаем:

„*Жаль* или *жальник* (-ика, *жальник*) м. *севр.* могила, могилки, буйвище, кладбище, погост, божья-нивка; убогий дом, скудельница, где складывают тела, находимые на путях и распустьях... *Жальбище*, ср. опустошенное, разоренное место или остатки побонца“².

„*Жаль*, *жальник*. Так называются могильные насыпи в *Кем. у.* и на *Кольском полуострове* на пути следования *покрученников* на *Мурманский берег* (при отсутствии на этом пути теплых ночлегов, при скудной пище и при плохой одежде, многие из них умирают без всякой помощи, и их там же хоронят *путевые товарищи*) *Помор*“³.

За то, что это слово не нового образования, говорит пример из постановлений *Стоглавого собора*: „Въ *Троицкую субботу* по селомъ и по погостомъ сходятся мужи и жены на *жальникахъ* и плачутся по гробомъ“.

Эти примеры убедительно свидетельствуют о возможности образования от глагола „*каяти*“ названия *Каяла* для обозначения места, на котором нужно „*каять*“ — оплакивать, причитать.

Каяла упоминается в „*Слове*“ в таком контексте, который говорит о поражении русских, о бедах русского войска. Автор „*Слова*“ еще до рассказа о битве уже называет реку, на которой она произойдет, но эта река не имеет географического названия, и поэтому он определяет ее место нахождения: „Ту ся копиемъ приламати, ту ся саблямъ потручяти о шеломы *половецкыя*, на рѣцѣ на *Каяль*, у *Дону великаго*!“.

¹ Е. В. Барсов. „Слово о полку Игореве“ как художественный памятник Киевской дружинной Руси, т. III, стр. 354 и 356.

² В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I. 4-е изд., СПб., М., 1912, столб. 1309 и 1310.

³ А. Подвысоцкий. Словарь областного архангельского наречия, стр. 43.

Только несчастья связаны с этой рекой: „Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы; ту кроваваго вина не доста; ту пирь докончаша храбрии русичи: сваты попоиша, а сами полегоса за землю Рускую“. И если принять Каялу как обозначение места несчастий, печали, обозначение места, связанного с гибелью, со смертью, то станет понятным и это место „Слова“: „Съ тоя же Каялы Святоплѣкъ полеаѣя отца своего между угорьскими иноходьци ко святѣй Софии къ Киеву“. Здесь Нежати́на Нива, известная кровопролитной борьбой в 1078 году Олега Святославича в союзе с Борисом Вячеславичем против коалиции Изяслава Ярославича и Всеволода Ярославича со своими сыновьями, названа „такой же Каялой“, т. е. таким же несчастным, смертным местом для Ольговичей.

Как известно, Нежати́на Нива находится в районе Чернигова, и, говоря в этом случае о Каяле, автор „Слова“ употребил Каялу как имя нарицательное, а не собственное. А. А. Потехня писал по этому поводу: „С тоя же Каялы, быть может, значит: не стой же, а с такой же, как та, которую была полна мысль автора, со столь же бедственной, как и битва Игоря на Каяле“.¹

Употребление названия Каяла как некоего символического наименования, а не географического обозначения реки, вполне соответствует всему литературно-художественному методу автора „Слова о полку Игореве“.

„За нимъ кликну Карна и Жля, поскочи по Руской земли, смагу людемъ мыкючи въ пламянѣ розѣ“. Первые издатели перевели Карну и Жлю как собственные имена Половецких ханов. Такая точка зрения существовала очень долго, но в 1870 году Эрбен, переводя „Слово“ на чешский язык, высказал мнение, что карня и жля—это нарицательные имена: карна—это кара, раздор, а жля, желя—злоба. Более подробно на объяснении этих слов позже остановился Вс. Миллер: карна—от кара, карание, олицетворение скорби; жля—то же, что и желя,—плач по убитым.

Таким же типом образования от глагола „каяти“ является Каяла.

Наряду с очень точными географическими названиями того или иного места в „Слове“ имеются обозначения географически точного понятия не собственным именем, а метафорами: Половецкая степь у автора „Слова“ называется „землей незнаемой“, Азовское море—или просто морем, или Синим морем. Возможность образования символического названия реки подтверждается употреблением в „Слове“ названия реки Дунай—не как географического понятия, а как символа реки вообще.

Обратим внимание на то, в каком контексте употреблена Каяла в плаче Ярославны: „Полечю, рече, зегзицею по Дунаеви; омочу бербрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утру князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ“. Очевидно, что здесь под Каялой подразумевается река смерти. Эти слова Ярославны можно понимать так: омочу рукав в мертвой воде и утру ею (мертвой водой) раны князя.

Как известно, во всех сказках, связанных с „мертвой“ и „живой“ водой, именно мертвой водой залечивают раны. При таком толковании этого места, которое вполне соответствует всему плачу—заклинанию Ярославны, проникнутому народными элементами, яснее и понятнее

¹ А. А. Потехня. „Слово о полку Игореве“. Текст и примечания. Харьков, 1914, стр. 55.

становится весь этот образ — „омочю бегрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утру князю кровавыя его раны...“.

Прием образования из нарицательных имен имен собственных и названий географических мест довольно широко встречается в древнерусском летописании. В рассказе о Липицкой битве говорится, что Юрия и Ярослава перед битвой хочет отговорить от сражения один из приближенных бояр: „Молвить же тако Творимиръ бояринъ: «княже Юрьи и Ярославе! меньшая братья въ вашей воли; оже бы по моему гаданию, лучши было миръ взять и дати старѣйшинство Костянтину...»“ (ПСРЛ, т. IV, стр. 22).

В рассказе о распре между князем Ярославом и новгородцами под 6778 (1270) годом Ярослав за помощью, для борьбы с новгородцами, „послалъ к царю татарскому Ратибора, помочи прося на Новъгородъ...“ (ПСРЛ, т. III, стр. 61), а для заключения мира с новгородцами „въ Новгородъ присла Творимира“ (там же, стр. 62). В Софийской первой летописи по всем ее спискам в этом месте читаем: „...а въ Новъгородъ присла творити мира“ (ПСРЛ, т. V, стр. 196).

Не подлежит никакому сомнению, что имена Творимир и Ратибор — имена нарицательные, а не собственные.

Такого же типа образование и прозвище Рогнеды Гориславой, да и в самом „Слове о полку Игореве“ мы видим подобное словообразование — „Олег Гориславич“.

Вспомним рассказ о битве русского отрока с печенегом: „Володимерь же радъ бывъ, заложи городъ на бродъ томъ, и нарече и Переяславль, зане перея славу отроко ть“ (Повесть временных лет, изд. 1950 г. стр. 85), или рассказ о битве Батия за город Козельск: „Оттуду же въ татарѣхъ не смѣють его нареци градъ Козельскъ, но градъ злый, понеже бишася по семь недѣль...“ (ПСРЛ, т. II, стр. 176).

В заключение скажем несколько слов о Каяле, упоминающейся в Ипатьевской летописи. Говорится об этой реке здесь только один раз: „И тако во день святого вокресения наведе на ны господь гнѣвъ свои, в радости мѣсто наведе на ны плачь и во веселье место желю на рѣцѣ Каялы“. Содержание этой фразы говорит о том, что Каяла здесь не географическое понятие. Достаточно посмотреть на почти синонимический ряд слов — плачь, желя, каяла, чтобы сразу обратить внимание на стилистическую близость между ними. Следует отметить также грамматическую форму этого словосочетания — „на рѣцѣ Каялы“. Каяла должна склоняться по основам на *a*, что очень последовательно выдержано в „Слове о полку Игореве“, и местный падеж должен быть — на рѣцѣ Каялѣ. В летописи же мы имеем родительный падеж — на рѣцѣ Каялы, т. е. на реке чего? — реке плача, реке скорби¹.

¹ Некоторые исследователи считают, что слово „каяла“ восходит к группе тюркских языков и в переводе на русский язык значит — „скалистая“ (наиболее подробно эта гипотеза рассмотрена в работе Menges K. H. The Oriental Elements in the Vocabulary of the Oldest Russian Epos, the Igor' Tale; supplement to Word, journal of the Linguistic circle of New-York, vol. 7, december, 1951, pp. 28—29).

Однако данные русского языка убедительно свидетельствуют о русском происхождении этого слова.

Ф. Я. ПРИЙМА

Наблюдения А. Н. Оленина над „Словом о полку Игореве“

Вопрос об открытии рукописи „Слова о полку Игореве“, его издания и первых попытках его истолкования до настоящего времени изучен слабо. Обследование архивов лиц, принимавших участие в издании древнего памятника, а также лиц, принадлежавших к их окружению, может дать в распоряжение исследователя новые материалы для выяснения названного вопроса.

Одним из лиц, представляющих, на наш взгляд, в этом отношении немаловажный интерес, является А. Н. Оленин (1763—1843), хотя в двух последних библиографических справочниках по „Слову о полку Игореве“ его имя почему-то вовсе не названо. Эта оплошность тем более досадна, что в известном труде Е. В. Барсова о древней поэме Оленин как исследователь „Слова“ был уже упомянут. Правда, Е. В. Барсов не обращался к первоисточникам, и поэтому упоминание им Оленина, помещенное в разделе „Библиография“, звучит невразумительно: „1822 год. Оленин, А. Н.: замечание, что выражение по морию и по сулию нужно читать слитно, не отделяя предлогов: Поморию и Посулию (указано в издании «Слова» Грамматина)“.¹

Указание Барсова не может нас удовлетворить не только потому, что имя Оленина помещено в нем под 1822-м, а не под 1806-м годом, как это следовало бы сделать, но и потому, что оно далеко не полностью охватывает намеченную тему.

А. Н. Оленин на протяжении многих лет был одним из близких знакомых издателя „Слова“ А. И. Мусина-Пушкина. Розыски и приобретение памятников русской старины, изучение древнерусских рукописей и подготовительные работы к их изданию — вот круг вопросов, которые постоянно привлекали к себе внимание как А. И. Мусина-Пушкина, так и А. Н. Оленина. Самое раннее из сохранившихся и известных нам писем А. И. Мусина-Пушкина к А. Н. Оленину датировано 3 ноября 1801 года. К этому времени между А. И. Мусиным-Пушкиным и А. Н. Олениным существовали уже прочно сложившиеся отношения, если судить об этом по содержанию упомянутого письма (Нач.: „По воле вашей рисовальщик взял у меня свадьбу царя Михаила Феодоровича и выбирает из одной, что ему нужно из одежды, обещал оные рисунки принести показать на будущей неделе; а потом дам шишаки и др. старинные военные снаряды рисо-

¹ Е. В. Барсов. „Слово о полку Игореве“ как художественный памятник киевской дружинной поэзии, т. I. М., 1887, стр. 5.

вать с натуры“).¹ Естественно предположить, что знакомство Оленина с Мусиным-Пушкиным возникло за несколько лет до переезда последнего из Петербурга в Москву (1799). Ряд обстоятельств благоприятствовал возникновению названного знакомства. После долголетней службы в армии и при дворе А. И. Мусин-Пушкин в 1791 году был назначен на видный пост обер-прокурора Синода. Приблизительно к этому же времени относится и начало его деятельности как археографа и коллекционера старинных рукописных книг. Что же касается Оленина, то в 1795 году, после длительного пребывания в „чужих краях“ и службы в артиллерии, он стал работать в гражданском ведомстве и начал свое быстрое продвижение по служебной иерархической лестнице. Служебная карьера молодого Оленина совершалась в сферах, тесно соприкасавшихся с административной деятельностью А. И. Мусина-Пушкина. В 1799 году Оленин был уже обер-прокурором III департамента Сената. Получив художественное образование и будучи медальером по специальности, А. Н. Оленин проявлял интерес и к деятельности Академии художеств, которой с 1794 года руководил А. И. Мусин-Пушкин. Последнего с Олениным сближала и совместная деятельность по Российской Академии, в члены которой А. Н. Оленин был избран в 1786 году, т. е. на три года ранее избрания в нее А. И. Мусина-Пушкина.

Перед тем как издать „Слово о полку Игореве“ А. И. Мусин-Пушкин, по собственному его признанию,² в течение нескольких лет „чрез старания свои и просьбы к знающим достаточно российский язык“ лицам трудился над совершенствованием перевода памятника. Подтверждение этого свидетельства А. И. Мусина-Пушкина мы находим и у А. С. Шишкова, который утверждал, что „над переводом одной (т. е. «Песни о походе Игоря», — Ф. П.) трудились многие и между прочим известный своими в языке и словесности знаниями г. Болтин“.³

Не следует забывать, что А. Н. Оленин был избран в Российскую Академию за представленное им „толкование многих военных русских старинных речений“ и что с тех пор на протяжении долгих лет, по собственным его словам, он „занимался объяснением многих обветшалых речений в словено-русском языке“.⁴ Учитывая сложившуюся в кругах Российской Академии репутацию А. Н. Оленина как одного из немногих и лучших знатоков „военных русских старинных речений“, естественно думать, что при переводе трудных мест древней поэмы и в особенности ее воинской терминологии (стрикусы, шераширы, папорози и др.) А. И. Мусин-Пушкин должен был обратиться за помощью и советом также и к А. Н. Оленину.

Материалы, опубликованные в 1934 году в статье Н. Н. Зарубина „К вопросу о первом издании «Слова о полку Игореве»“, также наводят нас на мысль, что А. Н. Оленин принимал известное участие в этом издании. В 1933 году Н. Н. Зарубиным был обследован экземпляр первого издания „Слова“, входивший тогда в состав библиотеки

¹ ГПБ, арх. Олениных, письма А. И. Мусина-Пушкина к А. Н. Оленину.

² См.: Ироическая песнь о походе на половцев удельного князя Новгород-Северского Игоря Святославича. М., 1800, стр. VII—VIII.

³ Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, ч. XI. СПб., 1827, стр. 384.

⁴ См. письмо А. Н. Оленина к С. С. Уварову от 15 февраля 1842 года (ГПБ, арх. Олениных, № 145).

А. Ф. Бычкова (№ 4474).¹ Зарубин обратил внимание на интересный факт: примечание к словам текста „Бориса же Вячеславлича слава на суд приведе“ (на стр. 15—16) в этом экземпляре значительно отличается от аналогичного примечания в других, „обычных“ экземплярах первого издания „Слова о полку Игореве“. Н. Н. Зарубину удалось установить и ряд других, также относящихся не к тексту, а к примечаниям отличий обследованного им экземпляра „Слова о полку Игореве“. „Не трудно доказать, — писал Н. Н. Зарубин, — что экземпляр из библиотеки А. Ф. Бычкова следует считать первоначальным видом издания «Ироической песни»“.² По мнению исследователя, пробные экземпляры издания „Слова“, к числу которых принадлежит и экземпляр А. Ф. Бычкова, были разосланы издателями знатокам древней Руси и только после получения от них замечаний „Слово о полку Игореве“ в исправленном виде было выпущено в свет. Этим обстоятельством объясняет Н. Н. Зарубин и сообщение типографщика С. А. Селивановского о том, что „печатание книги шло медленно“.

Таким образом упомянутый выше экземпляр „Слова“, вероятно, принадлежал одному из лиц, принимавших участие в его издании.

Весьма убедительные рассуждения Н. Н. Зарубина можно дополнить указанием, что экземпляр „Слова“ из библиотеки А. Ф. Бычкова первоначально входил в состав библиотеки А. Н. Оленина. Нас убеждают в этом как сообщение А. Ф. Бычкова о том, что в свое время им была куплена часть библиотеки умершего А. Н. Оленина,³ так и то, что в ряде мест на полях названного экземпляра „Слова“ мы находим карандашные заметки А. И. Ермолаева (1779—1828). С 1800 по 1818 год Ермолаев проживал в доме А. Н. Оленина и был одним из помощников последнего как в его служебной, так и в ученой деятельности. Упорство и самоотверженность молодого А. И. Ермолаева в изучении памятников древнерусской письменности позволили ему со временем стать одним из выдающихся русских палеографов. Однако в начале 1800 года, когда едва успевший окончить Академию Художеств Ермолаев под руководством Оленина только начинал приобщаться к занятиям „российскими древностями“, он несомненно не был лицом, известным издателям „Слова“. Таким образом будет правильнее предположить, что интересующий нас экземпляр древней поэмы об Игоре в походе был получен от А. И. Мусина-Пушкина А. Н. Олениным и лишь впоследствии попал во временное пользование А. И. Ермолаева. Делал ли Оленин замечания о присланном ему пробном экземпляре „Слова“ и были ли они учтены издателями — для суждения об этом, к сожалению, мы не имеем никаких данных.

Глубокий интерес к „Слову о полку Игореве“ был засвидетельствован А. Н. Олениным и в его знаменитом „Письме к гр. А. И. Мусину-Пушкину о камне Тьмутараканском, найденном на острове Тамане в 1792 году“, изданном в 1806 году.

В „Письме о камне“ Оленин доказывал правильность мнения А. И. Мусина-Пушкина о том, что упоминаемая в русских летописях Тьмутаракань находилась на Таманском полуострове, а не в Рязанском.

¹ В настоящее время названный экземпляр хранится в Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (собрание автографов, автографы А. И. Ермолаева).

² Н. Н. Зарубин. К вопросу о первом издании „Слова о полку Игореве“. Сборник к сорокалетию ученой деятельности А. С. Орлова. Л., 1934, стр. 525.

³ См.: А. Ф. Бычков. Обзор хода издания летописей в России. ЖМНП, 1859, ч. 105, разд. 2, стр. 17, примеч. № 32.

княжестве, как полагал русский историк первой половины XVIII века В. Н. Татищев.¹ Большое место в „Письме“ Оленина отводилось доказательству подлинности тмутараканского камня. Доказательства Оленина в его труде были поставлены на широкую палеографическую и филологическую основу. О значении „Письма о камне“ можно судить уже по одному тому, что оно положило начало существованию русской палеографии. Отметим, что большая доля участия в написании „Письма о камне“ принадлежала А. И. Ермолаеву; на участие в написании „Письма“ указал печатно и сам Оленин. Тем не менее следует заметить, что ознакомление с архивными данными убеждает нас в правильности уже выказанного в литературе мнения, что участие А. И. Ермолаева в написании „Письма о камне“ было значительно большим, чем это явствует из самой книги.²

Интересно, что автор или авторы „Письма о камне“ для доказательства своих взглядов о местонахождении древней Тьмутаракани привлекли и „Слово о полку Игореве“. Это замечание о древней поэме, которое было тогда же учтено исследователями „Слова о полку Игореве“, но с течением времени ими же довольно прочно забыто, мы даем здесь полностью. Приведя ряд доводов в пользу правильности мнения Мусина-Пушкина о местонахождении древней Тьмутаракани, авторы „Письма“ продолжали:

„К сим доказательствам можно еще присовокупить некоторые места из песни о походе Игоря. В ней на странице 9 сказано: „Див (Филин) кличет връху древа, велит послушати земле незнаеме, Вльзе, (Волге) и по морию и по Сулию (Псле) и Сурожу, и Корсуню, и тебе Тьмутороканьский блъван (Истукан)“.

На странице 24, того же сочинения, певец Игоревых подвигов, говорит: „Се бо два сокола слетеста с отня (с отцовского) стола злата (престола золотого) поискати града Тьмутороканя, а любо испити шеломомъ Дону...“.

„Первое место из песни Игоревой относится, по мнению моему, к бедам, угрожающим Игореву войску, о которых слух разнесется по всей стране, находящейся между (Вльзе) Волгою, (Посулию) Псом,³ (Поморию) Поморием, до Сурожу или Азовского моря⁴ в Корсуне к Тьмутороканю.

„По порядку, в котором поставлены здесь имена рек, морей и городов, кажется, заключить должно, что Сурожь, Корсунь и Тьмуторокань были соседственные между собою места, из коих далее всех было сие последнее.

„Взглянув на карту под № VIII,⁵ можно эту мысль удобнее обнять и удостовериться, что в сие место из песни Игоревой служит к подтверждению ваших доводов.

„То же самое доказывает и вторая из сей песни выписка, в которой под двумя соколами последователь Бояна подразумевает князей

¹ Мнение по этому вопросу А. И. Мусин-Пушкин изложил в своем „Историческом исследовании о местоположении древнего Тьмутораканского княжения“ (СПб., 1794).

² См., например: С. Булич. Очерки истории языкознания в России. СПб., 1904, стр. 711.

³ Река Псиол впадает от севера в реку Днепр к востоку и параллельно почти течет с рекою Сулою (также в Днепр впадающею), от чего уповательно Псиол и прозвался в старину Посулия. (Примеч. Оленина).

⁴ Сам же (князь Михаил Тверской) дойде орды месяца Сентяврия в 6 день на усть реки Дону, идеже течет в море Сурожское. (Примеч. Оленина).

⁵ Под № 8 к „Письму о камне“ приложена „Карта Полуденной России“.

Игоря и Всеволода, оставивших свои владения, первый в Новгороде-Северском, другой в Трубческе, чтоб поискать город Тьмуторокань или шлемом Дону испити.

„Следственно, если надобно было им итти из своих владений к Дону для достижения Тьмутороканя, то сие княжество должно находиться в южном краю России близ моря Азовского, что ныне утверждается обречением камня при городе Тамане — и сей-то город, по соображению урочищ, Константином Порфирогенетом при описании границ греческой империи со стороны Черного и Азовского морей назван крепостью Таматархою. Вот еще новые доказательства исторической истины, открытой вашим сиятельством. Мне приятно дать заметить читателям, что сильнейший из приведенных мною здесь доводов подчерпнут в древней российской поэме, которую отечественная словесность одолжена вашему же сиятельству“.¹

Приведенный отрывок из „Письма о камне“ интересен не только предложенным в нем исправлением написания двух слов древнего памятника (Посулие и Поморие), исправлением, которое было принято и усвоено наукой, но также и тем, что в нем Олениным был дан первый пример обращения к „Слову о полку Игоре“ для решения спорных вопросов русской историографии.

Свои ученые мнения Оленин высказывал только после длительных размышлений и исследования. Более чем кому-либо из его коллег по научным занятиям ему был свойствен дух здорового критицизма. И А. И. Ермолаеву, и А. Х. Востокову, и К. М. Бороздину Оленин неоднократно в виде совета любил напоминать пословицы „не всякому слуху верь“ и „поспешишь — людей насмешишь“, которых он сам всегда придерживался.

В 1810 году неким Селакадзевым был сочинен так называемый „Гимн Бояна Летиславу“. Жертвой этой мистификации явилось большое количество читателей. Селакадзеву поверили поэт Г. Р. Державин,² весьма начитанный в русских древностях митрополит Евгений³ и многие другие.

Фальсификация Селакадзева была, однако, раскрыта Олениным в скором времени после ее появления. В письме от 21 марта 1811 года к А. И. Ермолаеву и К. М. Бороздину, находившимся в то время в археологической экспедиции, не скрывая иронии, Оленин писал: „Вы ездили по белу свету отыскивать разные материалы к российской палеографии и едва нашли остатки какого-нибудь XI-го, а может только и XII-го века. А мы здесь нашли человечка, который имеет свиток, написанный во время дяди и дятки Олега и приписанный Владимиром первым, что доказывает существование с приписью подьячих с самых отдаленных веков российского царства, так точно как доказывал Станарель, что *votre fille est muette*. Если же вам этого мало, то у нас нашелся подлинник Бояновой песни, следующим письмом писанный...⁴ И прочая и тому подобная“.⁵

¹ А. О. Письмо к гр. А. И. Мусину-Пушкину о камне Тьмутараканском, найденном на острове Тамане в 1792 году. СПб., 1806, стр. 25—27.

² См.: Письмо Г. Р. Державина к С. В. Капнисту от 8 июня 1816 года. Сочинения Державина с объяснит. примеч. Я. Грота, т. VI, 1871, стр. 339.

³ См.: Сын отечества, ч. 70, 1821, стр. 174—175 и письмо митрополита Евгения к Анастасевичу от 27 марта 1813 года (Русский архив, т. 30, №№ 5—8, 1889, стр. 27).

⁴ А. И. Оленин приводит далее в своем письме образец этого вымышленного Селакадзевым „древнерусского“ письма.

⁵ БиА, арх. А. Н. Оленина, № 3623/3.

Мнение Оленина о „Гимне Бояна Летиславу“, распространенное им среди знатоков, было решающим в разоблачении фальсификации Селакадзева.

На протяжении многих лет Оленин объединял вокруг себя группу любителей и знатоков древнерусской письменности. До возникновения кружка Н. П. Румянцева (1814) группа палеографов и археографов, научным центром которой была возглавляемая А. Н. Олениным Публичная библиотека в Петербурге, и по количеству и по научной подготовке была первой в стране. В эту группу входили А. И. Ермолаев, А. Х. Востоков, К. М. Бороздин, к ней примыкали В. Г. Анастасевич, П. К. Фролов и ряд других лиц. В истории русской археографии и палеографии кружку А. Н. Оленина принадлежит огромная роль.

Следует отметить, что члены оленинского кружка немало внимания и сил уделяли изучению „Слова о полку Игореве“. „Слово“ изучал А. И. Ермолаев, который был „самовидцем“ рукописи древней поэмы и который определил ее как „написанную полууставом XV века“; ряд ценных замечаний о „Слове“ оставил после себя А. Х. Востоков, ученик и коллега А. И. Ермолаева по занятиям палеографией; „Словом“ занимался и В. Г. Анастасевич; поэтическая сторона „Слова“ привлекала внимание сотрудников Публичной библиотеки Н. И. Гнедича и М. Н. Загоскина.

Поддержка, которую оказывал А. Н. Оленин членам своего кружка в их занятиях над древней поэмой в первые годы после издания этого памятника, т. е. в обстановке слабого к нему внимания, сама по себе составляла большую заслугу А. Н. Оленина. Но Оленин не только покровительствовал младшему поколению „любителей древностей российских“, он вместе с ними разделял проникнутое научным интересом восхищенное и пристальное внимание к древнерусской поэме. Об этом непрерывающемся интересе Оленина к „Слову“ свидетельствуют, например, его, относящиеся к 1821 году, черновые наброски о мореходстве в древней Руси. Поводом к написанию этой обстоятельной и оставшейся ненапечатанной статьи послужило для Оленина чтение им „Истории“ Льва Дьякона. Приводим интересующий нас в этой статье отрывок:

„Соображая все сии места в греческих, русских и восточных писателях, можно несомненно заключить, что русские в X и XI веке других водоходных судов не имели, кроме однодеревных больших лодок, в то время лодьями и кораблями именуемых, или, лучше сказать, огромных челнов с набитыми по краям бортами. Сии челны ныне в Малороссии дубами называются, а в великой России и в Сибири — насадами, набойницами или набойными лодками. Первое из сих именованний уже известно было не токмо при Никоне («Тако, — говорит он, — собравши ему лодки и насады»). Никоновская летопись, 1, 333), но и писатели Древней Летописи и Слова о полку Игореве говорят: «Он же вниде в насад с сущими с ними»: Древняя летопись, 1, 158; «Ты (о Днепре) лелеял еси на себе Святослави носады...»: Песнь о походе Игоря. Москва, 1800, стр. 39“.¹

В приведенном отрывке, как и ранее в „Письме о камне Тмутарканском“, Оленин пользуется древней поэмой для обоснования своих исторических взглядов.

О глубоком интересе к „Слову“ А. Н. Оленина свидетельствует также и его письмо к секретарю Российской Академии П. И. Соколову

¹ ГПБ, арх. Олениных, № 25, л. 81.

от 9 августа 1827 года. Оленин высказывал в этом письме свое отрицательное мнение о „Словаре Академии Российской по азбучному порядку расположенном“ (СПб., 1806—1822 гг., 6 частей), хотя сам принимал участие в составлении этого словаря. По его мнению, главный недостаток словаря вел свое начало от акад. И. И. Лепехина, который, деятельно участвуя в первом издании словаря, перегрузил его слишком пространными статьями на естественно-научные темы. „Гораздо будет полезнее знать, — писал Оленин, — хотя и в самых кратких словах, точное значение многих старинных слов, как то: жи-вой щерашир, хоть и тому подобное, или же русских технических речений, как то: сад, или всад, барец, плотничные вздержки, портняжное и проч. и проч., нежели видеть, что вереск: *Erica vulgaris*, прутняк, кустиками по сухим борам растущий (что и достаточно для понятия сего речения в Словаре языка), имеет стебельки, усаженные листочками копиеобразными, толстоватыми, остроконечными — и еще к тому четыре печатные строки подобного толкования!“¹

Свою взгляды на задачу словаря русского языка А. Н. Оленин изложил подробно в 1831 году в специальной записке, представленной в Российскую Академию, готовившую новое издание словаря церковно-славянского и русского языков. Наиболее полный охват слов русского языка, включая и „наречие простолюдинов“, и предельная краткость в объяснении слов — таковы были высказанные в записке пожелания Оленина.² Подобная точка зрения не совпадала с господствующими среди членов Российской Академии взглядами о принципах построения словаря русского языка. Приведенный отрывок из письма Оленина к П. И. Соколову интересен также и тем, что он свидетельствует о попытках А. Н. Оленина ввести в академический словарь словарный состав „Слова о полку Игореве“ (щераширы, хоть и др.), сделать его широко известным. Это стремление также нельзя назвать обычным. Известно, что редакция „Словаря Академии Российской по азбучному порядку расположенного“ (1806—1822) обошла „Слово о полку Игореве“ полным молчанием. Вряд ли это можно объяснить тем, что среди составителей словаря господствовало скептическое отношение к древнему памятнику. Скорее всего замалчивание древней темы объяснялось заискием церковников в среде сотрудников словаря [архимандрит Михаил (Десницкий), архимандрит Иннокентий, протоиерей Красовский и другие]. Составители перегрузили словарь лексикой церковных богослужебных книг и остерегались введения в него элементов древнерусского разговорного языка. Языческие элементы „Слова о полку Игореве“ также могли послужить препятствием для „признания“ его редакцией академического словаря. Важно отметить, что в изданном в 1834 году „Общем церковно-славяно-российском словаре“ П. И. Соколова пожелание А. Н. Оленина впервые было реализовано, хотя и в далеком не полном виде. Может быть, не без влияния Оленина Соколов ввел в свой словарь несколько слов из древней поэмы (баян, былина, буй-тур и др.).

В 1832 году А. И. Олениным был издан его „Опыт об одежде, оружии, нравах, обычаях и степени просвещения словян от времени Траяна и русских до нашествия татар“. Этот труд обнаружил в Оле-

¹ БиЛ, арх. А. Н. Оленина, № 3625/4.

² См.: М. И. Сухомлинов. История Российской Академии, вып. 7. СПб., 1885, стр. 152—154.

нине незаурядного для своего времени знатока истории южных славян. Интерес А. Н. Оленина к славянам „времен Траяна“ находился в несомненной связи с его продолжительным и серьезным интересом к „Слову о полку Игореве“ и встречающимся в нем четырехкратным упоминанием загадочного имени Траяна („рица в тропу Трояню“, „вечи Трояни“, „земля Трояня“, „на седьмом веде Трояни“).

Непосредственным поводом к написанию названной книги было обращение к Оленину молодого художника Басина, нуждавшегося в различных указаниях в связи с задуманной им картиной „Крещение Руси“. Оленин ответил на просьбу Басина двумя развернутыми письмами, которые и составили книгу. Выразив в начале первого письма уверенность в том, что молодой художник представит изображаемых лиц в настоящих старинных русских костюмах, Оленин указывал на исключительную трудность подобной задачи. „От самой отдаленной древности, — писал Оленин, — до X или XI века по Р. Хр. не имеется никаких положительных памятников искусства, которыми бы можно руководствоваться в точном изображении словянского костюма. Древнейшие авторы о славянах ни слова о том не говорят. Писатели средних времен, начиная с императора Маврикия в VI веке, и последователь его, император Лев Премудрый в IX веке, оба, описывая подробно обычаи, оружие и образ воевания словян и антов, ни слова, однакож, не говорят о костюмах, т. е. об одеянии сих двух народов... По мнению моему, один только бесценный памятник искусства древних римлян может нам служить источником для одеяния и вооружения словянских племен до IX века. Сей памятник есть колонна императора Траяна, показывающая упорную его войну против даков, населявших нынешние: Банат, некоторую часть Венгрии, Сербии, Валахии и Бессарабии на Дунае, именно те области, в которых по сие время живут смешанные словянские племена“ (стр. 28—30). Указывая на то, что некоторые особенности одежды даков сохранились в costume южных славян нового времени и высказывая предположение, что даки времен Траяна принадлежали к славянским племенам, Оленин давал Басину совет „в случае нужды руководствоваться костюмом даков“ (стр. 7).

Через „Опыт об одежде“ Оленина красной нитью проходит мысль о том, что эпоха римского императора Траяна, ведшего упорную борьбу с южными славянами, нашла отражение в культуре и других областях жизни последних.¹

В настоящей статье нас интересует не оценка научных достоинств „Опыта“ Оленина, а лишь один вопрос: в каком отношении находится названный труд Оленина к его взглядам на древнюю поэму об Игоровом походе и на упоминаемое в ней имя Траяна? Первые издатели „Слова“ объяснить это имя, как известно, не могли. „Кто сей Троян, догадаться ни по чему невозможно“, — сообщали они.² Однако уже первые исследователи древней поэмы, еще не обладавшие необходимыми для них историческими сведениями, начали связывать имя Трояна в поэме с римским императором Траяном. Важно отметить, что на эту

¹ На основательность суждений и тонкость наблюдений А. Н. Оленина в его „Опыте об одежде“ указывал в свое время В. В. Стасов. (В. В. Стасов. Мнения о некоторых рукописей византийских, болгарских, русских, джагатайских и персидских. ОЛДП, вып. 120, 1902, стр. 4—9).

² См.: Ироическая песнь о походе на половцев удельного князя Новгород-Северского Игоря Святославича. М., 1800, стр. 6.

связь указывал в 1810 году и близко стоявший к Оленину В. В. Капнист, который в своем истолковании „Слова“ пользовался помощью члена оленинского кружка А. И. Ермолаева.¹

А. Н. Оленин несомненно был также убежден в необходимости проведения связи между упоминаемым в древней поэме именем Трояна и историческим именем императора Траяна. Нельзя признать случайным то, что в своем „Опыте об одежде“ начальный период культурной и государственной жизни славян Оленин приурочил ко „времени Траяна“, причем привел ряд аргументов в пользу своего мнения. Не случайно и то, что всю историю изменения одежды древних славян и „словенороссов“ Оленин несколько наивно подразделил на три больших периода: 1) от времен Траяна до татарского нашествия, 2) от татарского нашествия до времен Петра I, 3) от преобразований Петра I до XIX века. Не приходится сомневаться в том, что „времена Траяна“ в „Опыте об одежде“ ассоциировались в сознании его автора с „веками Трояна“ из „Слова о полку Игореве“. Несомненно и то, что развитию в науке подобного взгляда на упоминаемое в древней поэме имя Трояна названный труд Оленина оказал немалое содействие.

Следует указать также и на непосредственное упоминание „Слова о полку Игореве“ в „Опыте об одежде“. „Русские щиты, — делает в нем замечание Оленин, — были покрыты кожей красного цвета. А потому певец похода Игоря Святославича говорит: «Русичи великая поля червленными (красными) щиты перегородиша, ищучи себе чти, а князю славы»“.² Достоверность описания древнерусских щитов в „Слове о полку Игореве“ для Оленина подтверждалась в названном месте ссылкой на труд французского историка Готье д'Арка „История завоеваний норманов“, в котором Олениным было разыскано указание на то, что норманы в X—XI веках также носили красные щиты.³

Приведенное выше место из „Опыта об одежде“ показывает дополнительно, каким богатым для изучения древнерусской жизни и каким верным исторической действительности памятником считал Оленин древнюю поэму об Игоревои походе.

Большая загруженность А. Н. Оленина разнообразными служебными обязанностями препятствовала всю жизнь развитию его научной деятельности. Выработанный Олениным план издания свода русских летописей остался неосуществленным. Несмотря на продолжительный свой интерес к „Слову о полку Игореве“, Оленин не оставил после себя ни одной законченной работы об этом памятнике русского художественного слова. Тем не менее в бумагах Оленина, рассеянных в разных книгохранилищах и архивах Москвы и Ленинграда, в будущем еще могут быть разысканы оставшиеся нам неизвестными его замечания и заметки о „Слове о полку Игореве“. Судя по цитированному выше письму А. Н. Оленина к П. И. Соколову, Оленин чувствовал себя подготовленным для объяснения наиболее трудных слов древней поэмы, которые он предлагал ввести в академический словарь. Не исключена возможность, что часть подобных объяснений находится

¹ См.: Д. С. Бабкин. „Слово о полку Игореве“ в переводе В. В. Капниста. Сборник статей „Слово о Полку Игореве“ под ред. В. П. Андриановой-Перетц, М.—Л., 1950, стр. 362 и 365.

² А. Н. Оленин. Опыт об одежде, оружии, нравах, обычаях и степени просвещения славян от времени Траяна и русских до нашествия татар. СПб., 1832, стр. 48.

³ Gauttier d'Arc. Histoire des conquêtes des Normands, Paris, 1830, p. 117.

в составленном Олениным „Указателе встречающихся в летописях и других письменных памятниках имен, лиц, земель, морей и пр.“, местонахождение которого в настоящее время не известно.¹

Имя А. Н. Оленина, будем надеяться, займет принадлежащее ему место в перечне имен первых исследователей „Слова о полку Игореве“, а близость Оленина к А. И. Мусину-Пушкину и другим знатокам древнерусской письменности конца XVIII и начала XIX века еще привлечет к себе внимание исследователей, изучающих историю первого издания древней поэмы.

¹ В 1841 году Российская Академия приступила к изданию этого указателя, но в связи с последовавшим за этим расформированием Российской Академии печатание указателя было прервано на 32-м листе и издание в свет не появилось. См. об этом переписку А. Н. Оленина с гр. С. С. Уваровым в 1842 году (ГПБ, арх. Олениных, №№ 145 и 317).

*ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ
ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ*

М. Н. ТИХОМИРОВ

Городская письменность в древней Руси XI—XIII веков

Эта статья ставит своей задачей показать, что письменность в древней Руси была развита гораздо больше, чем это принято думать; что она не являлась достоянием только духовенства и феодалов, а имела значительно более широкое распространение; что литература древней Руси была богатой и не носила того одностороннего, церковного характера, который ей нередко приписывали.¹

1

Знаменитые надписи „граффити“ на стенах Софийского собора в Новгороде, изученные В. Н. Щепкиным, показали, что письменность в древней Руси получила широкое развитие уже в XI—XIII веках. Софийские надписи ввели нас в быт русского человека, подобно тому как надписи в Помпее осветили римский быт II века нашей эры. Теперь, когда археологи выкопали погребенные в земле различные предметы домашнего обихода, колодки, горшки, аршины, с древнерусскими надписями, когда в Гнездовском кургане начала X века найден был сосуд с надписью кирилловскими буквами, а в Новгороде берестяные грамоты XI—XV веков, — уместно заново поставить вопрос о русской письменности, попытаться показать, что уровень этой письменности вполне соответствует нашим представлениям о высокой культуре Руси XI—XIII веков.

Попробуем прежде всего напомнить те сведения, которые наши источники дают о книжной письменности на Руси X—XIII веков, до прихода монголов.

Здесь на первом месте надо отметить указание начальной летописи о деятельности Ярослава Мудрого как великого книголюбца XI века. „Ярослав любил церковные уставы и собрал писцы многие и переводил с греческого на славянское письмо, и написали книги многие“, — пишет летописец о его деятельности.² Из дальнейших летописных сведений мы узнаем, что Ярослав любил книги и многие из них положил в церкви святой Софии в Киеве.³

¹ Например, акад. В. М. Истрин пишет, что „немногие произведения древнерусских книжных людей, все, за исключением разве «Слова о полку Игореве», были основаны на готовом чужом материале“ (В. М. Истрин. Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода XI—XIII веков. Пгр., 1922, стр. 15).

² Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб., 1872, стр. 148—149: „И бе Ярослав любя церковныя уставы. . . и прекладалше от грек на словенское письмо, и списаша книги мнози“.

³ „Ярослав же сей яко же рекохом, любим бе книгам и мнози написав, положи в святей Софьи, церкви, юж созда сам“.

Современник только отметил особую любовь Ярослава к письменности: Ярослав „любим бе книгам и многы написав“. Но книжные собрания на Руси возникли еще до него. Летописец приписывает особую любовь к книжным словесам („бе бо любя словеса книжная“) его отцу — Владимиру Святославичу.

Уже И. И. Срезневский отмечал некоторые переводы, которые, по его мнению, были сделаны на Руси и отличаются русскими языковыми особенностями. Количество таких произведений сильно увеличилось в результате исследований А. И. Соболевского и других историков русской литературы. Таким образом у нас нет никакого сомнения в истинности летописных слов о переводах многих греческих произведений на славянский язык, сделанных уже в первой половине XI века.

Нет сомнений и в существовании библиотеки при Софийском соборе в Киеве, от которой до настоящего времени, повидимому, ничего не осталось. „Велика ведь бывает польза от учения книжного; книгами ведь... мы мудрость обретаем; это реки напоющие вселенную; в книгах ведь неисчетная глубина; и ими в печали утешаемся“ — эти изречения принадлежат летописцу XI века. В них высказывается та же мысль о пользе книжности и наук, которую впоследствии выразил великий русский ученый М. В. Ломоносов, говоря, что науки „в счастливой жизни украшают, в несчастный случай берегут“.

Софийская библиотека не была исключением в самом Киеве. У нас есть прямое указание на другую обширную библиотеку, где имелись не только русские, но и греческие книги, — на библиотеку Киево-Печерского монастыря. На хорах, „полатах“, соборной церкви этого монастыря хранились греческие книги, которые были принесены мастерами, расписывавшими эту церковь. „Суть же и ныне свиты их на полатах и книги их греческаяа блюдомы“, — пишет автор XII—XIII века.¹

Такие же библиотеки существовали и в других русских городах. Одна из них с давнего времени была собрана при новгородском Софийском соборе. Некоторые рукописные книги, дошедшие до нашего времени от XI—XII веков, несомненно были написаны в Новгороде. Так, из летописей мы знаем о существовании центров письменности в том же Новгороде. Например, в Юрьевом монастыре жил и работал Кирик, один из монахов этого монастыря, принимавший участие в составлении летописей. Знаем мы также о письменности, развивавшейся при новгородских приходских церквях. В частности, напомним о священнике Германе Вояте и пономаре Тимофее как авторах летописных заметок. В Полоцке письменность была настолько широко развита, что здесь перепиской книг не гнушались даже лица княжеского рода. В житии полоцкой княжны Ефросиньи рассказывается, что она начала „книги писать своими руками и наем емлюще требующим даяше“,² иными словами, Ефросинья сама переписывала книги и продавала их за деньги. Мы знаем также о высокой учености смоленского епископа Клима и о тех спорах по богословским вопросам, в которых принимал участие Смоленск начала XIII века, что нашло свое отражение в житии Авраамия Смоленского.

Все эти факты общеизвестны. Менее известно, откуда черпались основные кадры переписчиков русских книг. Некоторые сведения об

¹ Патерик Киевского Печерского монастыря. Изд. Археографической комиссии, СПб., 1911, стр. 9.

² Памятники старинной русской литературы, издаваемые Кушелевым-Безбородко, вып. 4. СПб., 1862, стр. 174.

этом могут дать записи на русских рукописях XI—XIII веков. Свод подобных записей, сделанный Е. Ф. Карским, показывает, что основную массу переписчиков составляли главным образом дьячки, пономари, а также поповские сыновья.¹

Правда, заказчиками обычно выступают епископы, игумены, князья, бояре, но исполнителями, как правило, было низшее духовенство. Это заставляет нас вспомнить высказывание Энгельса о средневековом духовенстве:

„Плебейская часть духовенства состояла из сельских и городских священников... Им как выходцам из бюргерства или плебса были достаточно близки условия жизни массы, и потому, несмотря на свое духовное звание, они разделяли настроения бюргеров и плебеев. Участие в движениях того времени, являвшееся для монахов исключением, для них было общим правилом. Из их рядов выходили теоретики и идеологи движения, и многие из них, выступив в качестве представителей плебеев и крестьян, окончили свою жизнь на эшафоте“.²

Но не одно только низшее духовенство пополняло ряды книжных переписчиков. О многих писцах нельзя точно сказать, к какой социальной группе они принадлежали. Кем были, например, Моисей Киянин, переписавший триодь Типографской библиотеки, Путята, Угринец и др.? Е. Ф. Карский справедливо предполагает, что такие переписчики „были писцами по профессии“, иными словами, ремесленниками. Таким образом у нас есть полное основание говорить, что письменность получила распространение не только в среде духовенства и выходцев из духовенства, но и среди ремесленников, к числу которых принадлежали писцы-профессионалы.

Действительно, широкое распространение письменности на Руси подтверждается замечательными открытиями, сделанными советскими археологами.

Давно опубликованы граффити, начертанные неизвестными руками на стенах Софийского собора в Новгороде. Такие же надписи найдены на стенах Выдубицкой церкви в Киеве, Софийского собора в Киеве и т. д. А сколько их должно было погибнуть при различного рода реставрациях древних соборов и церквей, когда во имя так называемого благолепия портились и искажались древние стены замечательных построек древней Руси!

Наиболее интересным обстоятельством в археологических находках последнего времени является то, что надписи X—XIII веков обнаружены на различных предметах обихода. Они имели определенное бытовое назначение, следовательно были предназначены для людей, которые могли эти надписи прочитать. Конечно, граффити можно в какой-то мере приписывать представителям духовенства, пусть даже низшего, которые царячили свои имена на стенах соборов и церквей. Письменные памятники — летописи, повести, жития и пр. — также отчасти могут быть приписаны представителям феодальной верхушки. Однако какие же князья и бояре могли делать надписи на горшках для вина и на колодках для обуви? Ясно, что эти надписи были сделаны представителями совершенно иных кругов населения, письменность которых становится теперь нашим достоянием благодаря успехам советской археологической и исторической науки.

Наиболее известны надписи на так называемых пряслицах, т. е. небольших грузиках, сделанных для веретен. Эти пряслица изготов-

¹ Е. Ф. Карский. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928.

² Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. М., 1952, стр. 25, 26.

лены из розового шифера, который добывался в Киевской земле, около города Овруча (древнего Вручого). Отсюда пряслица широко распространились по всей восточной Европе. В Рязани на таком пряслице находим надпись „Молодило“, в Новгороде — „Мартин“, в Вышгороде, поблизости от Киева, — „невесточье“, в Киеве — „Потворен пряслен“ и пр.¹ Существование надписей на пряслицах показывает, что письменность в данном случае была связана с широкими бытовыми потребностями. Надписи на пряслицах были именными, наподобие того, как это позже делалось с кольцами.

Еще более замечательными находками поразили нас новгородские раскопки, под руководством проф. А. В. Арциховского. Там, например, найдено было днище одной из бочек с четкой надписью XII—XIII века — „юрищина“. Бочка, следовательно, принадлежала какому-то Юрию или, по древнерусскому обычаю уменьшать или усиливать имя, „Юрищу“. На деревянной сапожной колодке для женской обуви встречаем надпись „Мнези“. Если это не является искажением какого-нибудь слова, то тогда это, повидимому, женское имя. Две надписи являются сокращениями имен, они сделаны на костяной стреле и на берестяном поплавке. Но, пожалуй, самая интересная находка — это открытие в Новгороде так называемого Иванского локтя.

Известно, что при церкви Ивана Предтечи на Опоках в Новгороде существовало объединение купцов, торговавших воском. Привилегией этого купеческого объединения являлось право производить контроль над мерами веса и длины, употреблявшимися при торговых операциях. Для измерения тканей, очень дорогих в средневековое время, как, например, драгоценные фландрские сукна, употреблялся так называемый Иванский, или „Еваньский“, локоть, образец которого хранился при церкви Ивана Предтечи на Опоках. При раскопках на Ярославовом дворе в Новгороде был найден небольшой кусок дерева в виде обломанного аршина, на котором оказалась надпись „святого еванского...“.² Надпись, сделанная буквами XII—XIII веков, указывает, для какой цели употреблялся деревянный аршин, найденный на Ярославовом дворе, — это был Иванский локоть.

Уже новгородские находки показывают, что употребление письменности было весьма значительным в ремесленном и торговом быту, по крайней мере так можно сказать о Новгороде.

Применение письменности на предметах домашнего обихода, однако, не являлось только новгородской особенностью. Б. А. Рыбаков описал фрагмент корчаги, на которой сохранилась надпись. Большую часть ее ему удалось разобрать. Б. А. Рыбаков предполагает, что полностью надпись читалась так: „благодатнеша плона корчага си“. Слова „неша плона корчага си“ полностью сохранились на остатках этого сосуда, найденного в старой части Киева при земляных работах.³ О такой же, только более обширной, надписи на обломке большого горшка, в котором хранилось вино, сообщает А. Л. Монгайт. По краю этого сосуда, найденного в Старой Рязани, начертана надпись буквами XII или начала XIII века. В. Д. Блаватский обнаружил фрагмент сосуда из

¹ А. В. Арциховский. Введение в археологию. Изд. 3-е, переработ. и дополн., М., 1947, стр. 178.

² А. В. Арциховский. Новгород Великий по археологическим данным. Вестник Академии Наук СССР, № 3, 1948.

³ Б. А. Рыбаков. Надпись киевского гончара XI века. Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры, XII, 1946, стр. 134—138.

Тьмутаракани, на котором сделано несколько неясных букв начерками XI—XII веков. Разобрать эту надпись не удалось ввиду ее отрывочности.

Жемчужиной среди археологических находок является опубликованная недавно Гнездовская надпись X века, из которой выясняется, что в сосуде с этой надписью хранилась какая-то пряность — „горухца“, т. е. горчичное семя, перец или еще какое-либо пряное вещество, дорого ценившееся в средние века.¹

Таким образом употребление письменности в XI—XIII веках для предметов гончарного производства является совершенно доказанным.

Как и можно было предполагать, письменность имела немалое распространение и в рядах каменщиков-строителей. Специальное исследование Б. А. Рыбакова показало, что кирпичи, употреблявшиеся для строительства каменных зданий в древней Руси, обычно имеют метки. Так, на нескольких кирпичах собора в Старой Рязани оттиснуто имя мастера: Яков. „Надпись вырезана была прямо в форме и оттиснулась на кирпиче, как зеркальное отражение“.² В настоящее время можно говорить уже с полной определенностью, что среди строителей каменных зданий древней Руси имелись грамотные люди.

Большое распространение письменности находим также у резчиков по камню. Древнейшими образцами письменности по камню являются каменные плиты с остатками букв, найденные в развалинах Десятинной церкви в Киеве, построенной в самом конце X века. Одна из древнейших надписей сделана на известном Тьмутараканском камне. К 1133 году относится Стерженский крест; почти одновременно с ним был поставлен известный Борисов камень на Западной Двине. Распространенность подобных крестов и камней с памятными записями XI—XIII веков указывает, что письменность прочно внедрилась в обиход древней Руси. Об установившемся обычае ставить на межах камни с надписями говорит и так называемый „камень Степана“, найденный в Калининской области.³

Письменность была распространена среди мастеров-художников, расписывавших древнерусские церкви. Для них грамотность, вероятно, являлась не только обычной, но и обязательной, так как церковные изображения, как правило, сопровождалась объяснительными надписями. Количество малых и больших надписей на иконах и фресках настолько велико, сами надписи сделаны так тщательно и так отражают развитие живого русского языка с его диалектными особенностями, что не требуется особых доказательств, чтобы сделать вывод о широком развитии письменности среди русских мастеров-художников.

Письменность была хорошо известна и в рядах ювелиров, оружейников, литейщиков и т. д.

Напомним здесь о существовании ряда надписей на различного рода сосудах, крестах, иконах, украшениях, которые дошли до нас от XI—XII веков. Невозможно допустить, что ремесленники, делавшие

¹ Д. А. Авдусин и М. Н. Тихомиров. Древнейшая русская надпись. Вестник Академии Наук, № 4, 1950. — Чтение Мареша („горух пса“) представляется недостаточно обоснованным.

² А. Л. Монгайт. Раскопки в Старой Рязани. Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры, XXXVIII, 1951, стр. 18—19. — Надпись прочитана А. Л. Монгайтом, как „Яков тв...“ (вероятно, „творил“).

³ П. Н. Третьяков. Сельское хозяйство и промыслы. История культуры древней Руси. Т. I. Материальная культура. М.—Л., 1948, стр. 61—62.

эти надписи, были людьми неграмотными, так как в этом случае мы имели бы ясные следы неумения воспроизвести надписи на самих вещах. Следовательно, надо предполагать, что среди ремесленников были люди с определенными навыками письменности. Доказательства этому дают сами предметы замечательного ювелирного искусства древней Руси.

Хорошо известны два серебряных сосуда, так называемые кратиры XI—XIII веков, принадлежавшие новгородскому Софийскому собору. На одном из них имеется надпись, указывающая на то, что сосуд сделан неким Братилой, на другом — указание на мастера Косту. Б. А. Рыбаков пришел к мысли, что сосуд Братилы относится к концу XI—началу XII века, а сосуд Косты сделан не ранее конца XII—начала XIII века.¹ Для нас важно отметить, что и Коста и Братила, оба ювелиры XI—XIII веков, несомненно были людьми грамотными.

Но письменность вовсе не являлась исключительной принадлежностью только новгородских мастеров. Напомним здесь о знаменитом Лазаре Богше, который в 1161 году сделал богатый крест Ефросиньи Полоцкой и оставил на нем свое имя.

Можно не сомневаться в том, что надписи на предметах обихода князей или высшего духовенства, как это отчетливо видно, например, из уже упомянутой надписи на старорязанском сосуде, открытом А. Л. Монгайтом, делались княжескими тиунами или какими-либо другими домашними слугами. Напомним здесь об окладе Мстиславова Евангелия, сделанном между 1125—1137 годами на средства князя. Некий Наслав ездил по княжескому поручению в Константинополь и, повидимому, был тиуном, судя по его словам: „правлящи его (т. е. князя, — М. Т.) орудия и правьду“. Какую-то долю выполнения надписей на предметах мы должны уделить торговым и ремесленным кругам.

До нас дошли по преимуществу дорогие изделия, хранившиеся с особой тщательностью и уцелевшие только в силу особо благоприятных условий. Но дает ли это право отрицать существование письменности среди тех кругов ремесленного населения, которое занималось производством других, менее драгоценных изделий, чем новгородские кратиры и полоцкий Ефросиниевский крест? Деревянные сапожные колодки, костяная стрела, берестяной поплавок, деревянная чашка с надписью „смова“, найденные в новгородских раскопках, свидетельствуют о том, что письменность в Киевской Руси не была достоянием только феодалов, — она находила распространение среди торговых и ремесленных кругов богатых русских городов XI—XIII веков.

Как видим, существование ряда ремесленных специальностей требовало знания грамоты, а в некоторых случаях даже определенного образования.

Следовательно, мы с полным основанием можем утверждать, что письменность должна была иметь и имела распространение среди ремесленников древней Руси XI—XIII веков. Конечно, распространение письменности среди ремесленников не приходится преувеличивать. Вероятно, она имела применение в основном в редких ремесленных производствах, была распространена по преимуществу в городах, но и в этом случае археологические находки последних лет уведут нас далеко от обычных представлений о бесписьменной Руси, где

¹ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. Изд. АН СССР. 1948, стр. 298.

только монастыри да дворцы князей и бояр являлись очагами культуры.

Приведем несколько фактов, мало привлекавших до сих пор внимание историков и историков литературы и языка, о широком развитии письменности на Руси.

Среди князей XII—XIII веков был широко распространен обычай обмениваться так называемыми крестными грамотами, представлявшими собою письменные договоры. О крестной грамоте, которую галицкий князь Владимирко „возверже“ киевскому князю Всеволоду, сообщается уже под 1144 годом. В 1152 году Изяслав Мстиславич прислал тому же Владимиру крестные грамоты с упреками в вероломстве;¹ в 1195 году киевский князь Рюрик отослал крестные грамоты Роману Мстиславичу; на основании их Рюрик „обличи“ измену Романа;² в 1196 году о таких же крестных грамотах упоминается по отношению к Всеволоду Большое Гнездо. Известно о крестных грамотах князя Ярослава Всеволодовича и т. д. Таким образом нет никакого сомнения, что обычай письменных междукняжеских договоров прочно утвердился на Руси в XII веке. Характерно, что уже в это время появляются грамоты-подделки. Известно о ложной грамоте, посланной от имени Ярослава Осмомысла в 1172 году. Судя по летописи, автором подложной грамоты были галицкий воевода и его товарищи.³ Грамота в этом известии является одним из необходимых атрибутов междукняжеских сношений, настолько вошедших в обиход, что к составлению ложной грамоты прибегают галичане и их воевода.

Сохранившиеся до нашего времени княжеские грамоты позволяют говорить о том, что они уже в XII веке составлялись по определенному формуляру. Две грамоты новгородского князя Всеволода Мстиславича, данные им Юрьеву монастырю в 1125—1137 годах, имеют одинаковое введение и заключение. Примерно по такой же формуле написаны грамоты Мстислава Владимировича (1130) и Изяслава Мстиславича (1146—1155).⁴ Перед нами документы, вышедшие из княжеской канцелярии, написанные по определенным образцам опытными писцами. Следовательно, навыки княжеских канцелярий не могли сложиться мгновенно, им должен был предшествовать какой-то период развития. Существование договоров Руси с греками говорит нам о том, что княжеские канцелярии на Руси появились не позднее X века.

Как уже сказано, письменность не являлась принадлежностью только княжеских канцелярий. Потребность в частных актах появилась уже довольно рано, о чем свидетельствует вкладная Варлаама Хутынского, написанная около 1192 года, а также еще более ранние документы частного-правового характера — купчая и духовная Антония Римлянина (не позднее 1147 года).⁵ Та среда, в которой возникали подобные документы, прекрасно очерчивается новгородскими берестяными грамотами, открытыми А. В. Ардиховским. В слое XI века было найдено письмо, написанное на бересте и адресованное к некоему Василю, по поводу семейных несогласий. находки А. В. Ардиховского со всей ясностью показали, что письменность глубоко внедрилась в русское общество

¹ Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871, стр. 225 и 318.

² Там же, стр. 461.

³ Там же, стр. 375.

⁴ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Под ред. С. Н. Валка. М.—Л., 1949, стр. 139—141. — Все эти грамоты начинаются словами: „се аз князь“, и кончаются заклатьями.

⁵ Там же, стр. 159—162.

XI—XIII веков. Существовал и дешевый материал для письменности — березовая кора.¹

В свете археологических находок новое объяснение получает известие о распространении в русских городах торговых документов, известных под названием „доски“. Были попытки считать доски чем-то вроде бирок, на которых значками отмечались долги. Это толкование того, что представляли собой доски, опиралось на обычные представления о бесписьменности древней Руси. Поразительнее всего, что такое объяснение досок держалось длительное время, несмотря на прямые указания наших источников, что доски были письменными документами. В известном рассказе летописи о восстании в Новгороде в 1209 году говорится о досках посадника Дмитра Мирошкинича, которые были отданы князю, но не поясняется, что представляли собой эти доски. Однако в Академическом списке XV века, высокая достоверность которого особо отмечалась А. А. Шахматовым, о досках сказано следующее: „а что ся на дьсках остало в письме, а то все князю“.² Таким образом совершенно ясно, что под досками понимается письменный документ.

В древнерусских памятниках доски точно так же отождествляются с письменами, писанием. В сборнике XIII века читаем слова: „в ты дни написаныя дьски сказую“; в другом древнерусском памятнике: „иже обрящется в дьсках написано, ино что книжное и лексикон и к брату написани какому“.³ Доски упоминаются также писателем XII века Кириллом Туровским. В одном его поучении встречаем слова, сравнивающие уничтожение досок с изгнанием торгашей из Иерусалимского храма: „да доски, иже в нас купци, разорить“.⁴

Доски являлись общепринятым и очень распространенным документом в древней Руси, как это показывают статьи Псковской судной грамоты. Новгородские находки позволяют предполагать, что досками могли являться письменные документы, вначале делавшиеся на дощечках, а в более позднее время, возможно, и на берестяной коре. О такой эволюции досок как торговых документов может говорить существование досок в Чехии (*dsky*), где так именовались заемные документы, хранившиеся в городских учреждениях. Они были собраны в книги с переплетами из деревянных досок, покрытых кожей.

Нет никакого сомнения в том, что письменные акты вошли в прочный обиход древней Руси XI—XIII веков. Они являлись неотъемлемой частью торговых сделок, которые совершались в Киеве, Новгороде, Смоленске, Полоцке и других русских городах.

Употребление письменных документов в торговом быту указывает на то, что письменность была необходима для городских торговцев и ремесленников. Об этом же свидетельствует употребление терминов, связанных с письменностью, в юридических памятниках древнего времени. Обычно в доказательство того, что древняя Русь не знала широкого распространения частных актов, ссылались на Русскую Правду, которая будто бы совершенно не упоминает о письменных документах. Однако в пространной редакции Правды упоминается „мех“, особый сбор, который шел в пользу писца: „писцю 10 кун, перекладнаго

¹ А. В. Арциховский. Новые открытия в Новгороде. Вопросы истории, 1951, № 12, стр. 77—87.

² Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб., 1872, стр. 466.

³ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I. СПб., 1893, стр. 761—762.

⁴ Рукописи графа Уварова, т. II. СПб., 1858, стр. 149.

5 кун... на мех две ногате".¹ По этому поводу один из комментаторов Русской Правды П. Мрочек-Дроздовский делает такое замечание: „мех — мешок для поклажи“. Далее он продолжает: „Некоторые, впрочем, объясняют его пергаменом для записывания необходимых сведений... но, кажется, в памятниках древней письменности, как и в современном языке, не найдется никакого подтверждения такому объяснению“.² Однако такой знаток древней письменности, как И. И. Срезневский, указавший на то, что слово „мех“ употреблялось для обозначения мешка, переводит термин „мех“ в Русской Правде как „кожа для письма“. Только абсолютной предвзятостью в подходе к изучению Русской Правды как памятника воображаемой бесписьменной Руси могло появиться толкование Мрочек-Дроздовского. Ведь сама Русская Правда прямо указывает, что и перекладное и пошлина „на мех“ шли писцу. К сожалению, и новейшие комментаторы Русской Правды ограничились только перечислением мнений о том, что означает слово „мех“. Между тем мы имеем указание на пошлины с письменных сделок и записей, относящиеся к XII веку. „Рускаяпись“ упомянута в рукописании Всеволода Мстиславича. Этот термин переведен в „Материалах для терминологического словаря“ как „подать, сбор“, что совершенно правильно, с тем добавлением, что речь идет о пошлинах с письменных записей („Рускаяпись“).

2

Итак, изучение русской письменности XI—XIII веков неизбежно приводит нас к выводу, что письменность была распространена в различных кругах русского общества. Не только феодалы, высшее духовенство и монахи, но и купцы и ремесленники нередко были грамотными, а в некоторых случаях и образованными людьми своего времени. Письменность вошла в общественный быт, была непосредственно связана с жизненными потребностями, по крайней мере в условиях городской жизни.

Возникает вопрос: были ли городские круги безучастны по отношению к литературным движениям на Руси XI—XIII веков?

Если судить по трудам о летописании А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова, то на этот вопрос пришлось бы ответить отрицательно. Известно, что А. А. Шахматов придавал громадное значение деятельности церковных кругов в области летописания. Его основной труд по истории летописного дела — „Разыскания о древнейших летописных сводах“, по существу говоря, связывает все летописное дело с епископскими кафедрами и большими монастырями. На смену церковникам Киево-Софийского собора, которым Шахматов приписывает составление древнейшего летописного свода на Руси, по его мнению, приходит Киево-Печерский монастырь. В Киево-Печерском монастыре составляются своды 1073 года и 1093 года и, наконец, Повесть временных лет. Повесть редактируется в Выдубицком монастыре в Киеве и заново исправляется в Киево-Печерском монастыре. Одновременно в XI веке появляется летописный свод при новгородском Софийском соборе.

Дальнейшие исследователи истории летописания в основном идут по стопам А. А. Шахматова, с той только разницей, что, по М. Д.

¹ Правда Русская. I. Тексты. Под ред. Б. Д. Грекова. М.—Л., 1940, стр. 112.

² Правда Русская. II. Комментарии. М.—Л., 1947, стр. 564.

Приселкову, в составлении летописных сводов XII—XV веков принимают участие уже преимущественно князья. Таким образом не остается места для участия в летописании каким-либо другим кругам населения.

Стремление А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова объяснить все летописание с точки зрения церковного или княжеского участия несомненно затемняет правильное представление о характере русской литературы древнего времени. Между тем такой же точки зрения о преобладании церковного элемента в создании летописей держится и советский ученый В. Т. Пашуто, написавший книгу по истории Галицко-волинской земли. Известно, что Галицко-волинская летопись XIII века, составляющая последнюю часть Ипатьевской летописи, отличается необычным расположением материала, который не укладывается в наше представление о летописном своде. Так, расстановка годов в Ипатьевском списке внесена уже в готовый летописный текст и плохо отвечает действительной хронологии событий. Существуют и такие списки Галицко-волинской летописи (Хлебниковский список), в которых годы совершенно не указаны.

Гражданский характер Галицко-волинской летописи неоднократно подчеркивался исследователями, да и в ней самой находим прямое указание на то, что ее составители заботились о сплошном, а не погодном изложении исторических событий: „хронографу же нужна есть писати все и вся бывшая, овогда же писати в передняя, овогда же воступати в задняя; чьтый мудрый разумееть; число же летом зде не писахом“.¹ Несмотря на это замечание самих составителей Галицко-волинской летописи, В. Т. Пашуто считает, что в Галицко-волинской летописи мы имеем в сущности несколько летописных сводов, которые были составлены по преимуществу при княжеских или епископских дворах. Так, появляется „княжеский Холмский свод митрополита Кирилла, составленный вероятно до отъезда его в Никею, только около 1246 г.“² Другая часть Галицко-волинской летописи признается летописью епископа Ивана, хотя этот епископ только трижды упомянут в наших источниках. Впрочем, и сам В. Т. Пашуто, рассказав о деятельности епископа Ивана, приходит к некоторым печальным выводам: „Последующие редакции настолько деформировали холмскую летопись владыки Ивана, что сделать еще какие-либо выводы относительно ее состава, а также датировки едва ли возможно“.³ Так, никому не известный епископ оказывается одним из творцов великолепного памятника древнерусской письменности, брызжущего светской жизнерадостностью, столь характерной для Галицко-волинской летописи.

Теперь, когда мы знаем о распространении письменности в кругах городского населения, купцов и ремесленников, уместно поставить вопрос о пересмотре всего наличного богатства нашей древней письменности. Замечательно, что среди дошедших до нас памятников письменности, которым удалось войти в поле изучения историков литературы, мы как раз найдем произведения, носящие ясные черты их составления в среде, которую едва ли можно признать верхушкой феодального общества XII—XIII веков. Вспомним хотя бы знаменитое „Моление Даниила Заточника“. Что бы мы ни утверждали об авторе этого моления, или, вернее, об авторах этого моления, дошедшего до нас в двух ре-

¹ Летопись по Ипатскому списку, стр. 544.

² В. Т. Пашуто. Очерки по истории Галицко-волинской Руси. Изд. АН СССР, 1950, стр. 91—92.

³ Там же, стр. 101.

дакциях XII и XIII веков, — мы должны признать, что Даниил Заточник стоял во всяком случае не очень высоко на феодальной лестнице.

В „Слове“ Даниила, которое адресовано князю Ярославу Володимировичу, перед нами рисуется яркий образ русского князя, выступающего в качестве феодала, окруженного слугами, вассалами: „Гусли бо страются персты, а тело основается жилами; дуб крепок множеством кореня; тако и град нашъ твоею дръжавою, зане князь щедр отедь есть слугам многим, мнози бо оставляютъ отца и мать, к нему прибегаютъ“.¹ Князь выступает в качестве управителя города, который, подобно тому как гусли настраивает гусли, направляет деятельность горожан. В Барсовском списке на месте слов „тако и град нашъ“ читаем „тако и градницы“, что возможно и было в первоначальном тексте. Градник — гражданин, горожанин. Это слово встречается в древнейших русских памятниках с XI века.² Поэтому нет основания предполагать, что оно появилось в Барсовском списке в виде позднейшей поправки. Позже это слово, видимо, исчезает из русского языка.³ Из числа градников и выходят те „слуги“, которые оставляют отца и мать и переходят на княжескую службу. Это жили, которыми укреплено тело, корни, питающие дуб, т. е. княжескую власть.

Тема о слугах, которых должен привлекать и князь и боярин на свою службу, занимает важное место в Слове Даниила Заточника. В Академическом списке, принятом в печатном издании за основу, вероятно по его относительно большей древности, читаем, что многие „оставляют“ отца и мать, тогда как в других списках находим на этом месте слово „лишаются“. Надо думать, что именно это слово и стояло в первоначальном тексте. На службу к князьям и боярам идут сироты, лишившиеся отца и матери.

Совершенно напрасно видеть в термине „слуга“ общепринятое современное понятие человека, служащего в домашнем хозяйстве. Понятие слуги в качестве феодально-зависимого человека, чаще всего мелкого вассала, хорошо известно по нашим грамотам XII века и более позднего времени. Именно психологию такого зависимого человека и рисует перед нами Слово Даниила Заточника. Слуга находится в зависимости от своего господина: „доброму бо господину служа, дослужитя слободы, а злу господину служа, дослужитя болшей работы“. Поэтому такое значение получает „щедрость“ князя или боярина. Щедрый князь сравнивается с рекою, а щедрый боярин с колодецем со сладкой водой, скупой князь уподобляется реке в каменных берегах, а скупой боярин соленому колодецу.

Нет никакого сомнения, что в такой же среде, вероятно в среде мелких княжеских слуг, зародились памятники, подобные житию Александра Невского, автор которого близко стоял к дружинным кругам и не мог забыть княжеской милости, так же как и предшествующий ему Даниил Заточник. Рядом с этим найдем прямые указания на то, что некоторые известия в летописях были написаны людьми, вышедшими из демократических кругов русского общества. Кому иному могут принадлежать знаменитые слова Новгородской летописи под 1256 годом о боярах, которые хотели творить себе добро, а меньшим зло:

¹ Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. Приготовил к печати Н. Н. Зарубин. Л., 1932, стр. 19.

² И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I, стр. 576.

³ Материалы для терминологического словаря древней России. М.—Л., 1937. — Слово „градник“ отсутствует в многочисленных памятниках, использованных для материалов.

„и бысть в вятших свет зол, како побѣти меншии, а князя въвести на своей воли“.¹

Народные массы не оставались безмолвными свидетелями больших политических событий своего времени. Вот почему они помнили о злом тысячом Путяте, двор которого был разграблен в киевское восстание 1113 года. Этот Путята Вышатич под искаженным именем Мышатички Путятина сохранился в русских былинах, как сохранились в них имена защитника новгородских прав Ставра Годиновича и посадника Мирошки.

Чем же объясняется, что соотношение церковной и гражданской литературы, оставшейся от Руси XI—XIII веков, очень невыгодно для последней? Вспомним хотя бы повременный список сочинений X—XI веков, составленный покойным академиком Н. К. Никольским. В нем мы находим главным образом памятники церковной письменности. О них же по преимуществу говорят сочинения по истории древнерусской литературы. Только немногие гражданские произведения — „Слово о полку Игореве“, „Слово Даниила Заточника“, „Слово о погибели Русской земли“, „Поучение Владимира Мономаха“ — возвышаются как отдельные острова среди моря церковной литературы. Да и эти произведения дошли до нас в единственных экземплярах. „Слово о полку Игореве“ погибло или было утеряно в московский пожар 1812 года, списки „Слова Даниила Заточника“ дошли только от сравнительно позднего времени, от XV—XVII веков. „Слово о погибели Русской земли“ было также долгое время известно в единственном списке. Только недавно новый список „Слова о погибели“ обнаружен неутомимым собирателем рукописей В. И. Малышевым. Наконец Поучение Мономаха дошло в единственном и притом дефектном списке.

Конечно, трудно предполагать, что гражданская литература в древней Руси преобладала над литературой церковной. Но были особые условия для гибели памятников гражданской литературы, которые действовали на протяжении ряда веков и которые до сих пор слабо отмечены в нашей исторической литературе. Главными хранителями церковной письменности, как это хорошо известно, были различного рода монастыри. За крепкими стенами этих оплотов феодальной власти хранились большие рукописные богатства, но самые условия монастырской жизни мало способствовали сохранению памятников гражданской литературы. Монастырские библиотеки (Чудова монастыря, Троицко-Сергиева монастыря и пр.) в большом количестве сохраняли различного рода церковные книги и произведения церковных писателей. Гораздо менее тщательно хранились светские произведения (кроме летописей и хронографов). Повидимому, и дошедшие до нас древнерусские сочинения гражданского характера сохранялись только в виде исключения, в том случае если они были объединены в сборнике с каким-нибудь летописцем, хронографом, или с церковными статьями. Рукопись, заключающая „Слово о полку Игореве“, представляла собою сборник, в который входили хронограф, а также „Временник, еже нарицается летописание Русских князей и земля Русская“. „Поучение Владимира Мономаха“ сохранилось в составе Лаврентьевской летописи. „Слово о погибели Русской земли“ оказалось в соседстве с житием Александра Невского, как это показывают оба его сохранившихся списка. Иными словами, гражданская литература древней Руси сохранялась до нашего

¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, стр. 81.

времени преимущественно при посредстве летописных или церковных произведений. Поэтому мы можем с полным основанием предполагать, что гражданская литература Киевской Руси вовсе не исчерпывалась одиночными памятниками вроде „Слова о полку Игореве“ или „Моления Даниила Заточника“. В этом нас убеждают русские летописи XI—XIII веков, которые в сущности сохранили немалое количество памятников гражданской литературы, представлявших собой когда-то особые повести.

Уже К. Н. Бестужев-Рюмин подметил, что повести, известные нам теперь по летописи, когда-то представляли собою отдельные сочинения. Некоторые князья прямо приказывали вписывать в летописи на поучение потомству описание различных бедствий и крамол, как это сделал волынский князь Владимир Василькович. Между тем в курсах истории русской литературы такие повести редко изучаются в виде отдельных произведений, а рассматриваются под общей рубрикой летописей. Таким образом создается совершенно неверное представление об односторонности русской литературной традиции XI—XIII веков, хотя гражданская литература на Руси появилась по крайней мере в X веке, т. е. одновременно или почти одновременно с литературой церковной.

В свое время И. И. Срезневский, а в настоящее время и ряд других исследователей, считал, что начало Повести временных лет представляет собою особое произведение, ставившее своей задачей показать, „откуда Руская земля стала есть“. Действительно, в повести о начале Руси, как ее называл акад. Н. К. Никольский, мы имеем перед собою определенное историческое повествование, повидимому, первоначально лишненное всякого налета церковности. Создатель этой повести интересовался историей полян-Руси, их первыми князьями — Олегом, Игорем, Ольгой, Святославом. Он был чужд позднейших рассуждений о варяжском происхождении князей, для него „словенский язык и русский одно есть“.¹

Кто же писал это произведение, в котором гражданская стихия, интерес к политическим событиям резко преобладал над интересом к событиям церковным? Думается, что автором его во всяком случае не являлся представитель духовенства.

Автор повести о начале Руси прекрасно знал обстоятельства конца X века. Он знал взаимоотношения между сыновьями Святослава. С необыкновенной четкостью и осведомленностью в деталях он описал борьбу Олега с Ярополком, гибель Олега, новую борьбу между братьями, победу Владимира и гибель Ярополка. Ему были известны даже деятели X века: воевода Блуд, который предал своего князя, и некий Варяжко, верный сподвижник Ярополка, который бежал после смерти Владимира к печенегам. Такого рода подробности были бы совершенно непонятны для людей, живших через 30—40 лет после смерти Владимира и описываемых событий.

Следовательно, уже на самой заре русской историографии появляется литературное произведение гражданского характера.

Можно указать несколько повестей, включенных в состав летописей XI—XIII веков, которые не имеют никакого отношения к церкви и не могут быть приписаны официальным княжеским историографам. Так, уже К. Н. Бестужев-Рюмин указывал на существование особого сказания об Изяславе Мстиславиче, положенного в основание известий

¹ Летопись по Лаврентьевскому списку, стр. 28.

за 1146—1152 годы в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях.¹ Предположение Бестужева-Рюмина о существовании сказания об Изяславе очень правдоподобно, но требует некоторого уточнения, так как речь может идти не об одном, а о нескольких сказаниях, вошедших в состав Ипатьевской летописи. Действительно, события названных лет описаны в Ипатьевской летописи не только подробно, но и с определенной точки зрения, обычно враждебной Юрию Долгорукому и его союзникам Ольговичам. Но не эта черта сказаний об Изяславе, давно уже отмеченная в литературе, привлекает наше внимание, а вопрос о том, в каких кругах возникло подобное повествование. Автор его не мог быть представителем духовенства, так как рассказ лишен почти всякого намека на церковность, за исключением обычных слов о том, что Изяслав победил „пособьем божиим“. Более того, известие о разграблении домов и монастырей в Киеве оставлено без всяких комментариев о неприкосновенности церковных имуществ.² М. Д. Приселков считал, что выделяющееся „талантом изложения, живостью и жизне-радостностью описание времени Изяслава Мстиславовича“ было составлено „весьма близким к князю лицом, едва ли не дружинником князя“.³ В этом высказывании М. Д. Приселкова ярко выразилась его тенденция приписывать все памятники летописания лишь духовенству и феодалам. Между тем в тексте Ипатьевской летописи очень мало говорится о самом Изяславе, по крайней мере нет ничего похожего на те похвальные отзывы, которые помещает о владимирских князьях Лаврентьевская летопись. Зато некоторые другие черты заставляют предполагать, что среди авторов летописных известий о событиях в Киеве мы найдем не только дружинников, но и горожан.

Главное действующее лицо повествования Ипатьевской летописи о междоусобных расприх князей в середине XII века — это киевские горожане, „кияне“. Киевляне ведут переговоры с Игорем Ольговичем, жалуясь на княжеских тиунов, „все кияне“ приносят присягу Игорю и потом изменнически переходят на сторону его противника Изяслава. Во всем рассказе нет и намека на обычные рассуждения о нарушении крестного целования, имеется только ссылка на слова черниговского епископа о клятвопреступниках.⁴

Еще интереснее рассказа Ипатьевской летописи об убийстве Игоря Ольговича. Тема рассказа о насильственной смерти князя от разъяренной толпы давала простор для церковных рассуждений о мученических кончинах и пр. Действительно, в летописном тексте помещены предсмертная молитва Игоря и другие отступления церковного характера, но трудно оспаривать их вставное происхождение.⁵ Первоначальный рассказ об убийстве Игоря лишен налета церковности, в нем нет указаний и на то, что этот рассказ вышел из-под пера дружинника. В рассказе „кияне все“ сходятся на вече во дворе Софийского собора „от

¹ К. Бестужев-Рюмин. О составе русских летописей до конца XIV века. СПб., 1868, стр. 79—105.

² Летопись по Ипатскому списку, стр. 233.

³ М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 53.

⁴ Летопись по Ипатскому списку, стр. 228—232. — Рассказ о низвержении Игоря с княжеского стола написан с определенной симпатией к Игорю, а не к Изяславу.

⁵ Вставка начинается от слов „Игорь же услышав“ и кончается фразой „и то ему глаголюще“. Восклицание Игоря „ох, брате, камо мя ведуть“ осталось несогласованным с вставкой о словах Игоря, что он будет „мученик“ (стр. 247—248). В Лаврентьевской летописи, где первоначальный рассказ об убийстве Игоря подвергся сокращению, вставки церковного характера отсутствуют.

мала и до велика“, подробно переданы переговоры между киевлянами и послом Изяслава Мстиславича. Та социальная среда, в которой возникла мысль о необходимости убить Игоря, выясняется из речей, произнесенных на вече. „Един человек“ напоминает о восстании 1068 года, поднятом киевскими ремесленниками и торговцами. В убийении Игоря принимает участие „народ“, тогда как митрополит и тысяцкие выступают против решения киевлян, что им „не кончати добромь“ с Ольговичами.

В рассказе об убийении Игоря мы не найдем указаний на его автора. В нем нет и прямых или косвенных указаний на то, что он написан дружинником, на первом месте в нем стоят не феодалы, а горожане, „вси кияне“. Автор рассказа даже не считает нужным порицать киевлян, приписывая приближенным Изяслава фразу, складывающую вину за убийство на самого Игоря и его родичей: „не ты его убил, но убили суть братия его“¹.

Если нельзя настаивать на том, что автором рассказа о смерти Игоря был безусловно горожанин, средневековый торговец или ремесленник, то нельзя и отрицать такой возможности. Во всяком случае такое предположение легче объясняет происхождение из городской среды рассказа о смерти Игоря, чем домыслы о княжеском дружиннике Изяслава как авторе летописного текста, сохранившегося в Ипатьевской летописи.

Центральная идея повествования о трагических событиях 1146—1147 годов выражена словами „бог за нашим князем и святая Софья“,² которые напоминают нам соответствующие выражения новгородских летописей.

Историки литературы, обращавшие внимание главным образом на церковную окраску летописных известий, почти игнорировали гражданские повести, включенные в наши летописные своды в виде особых повествований. Впрочем, за некоторыми из них утвердилось название „воинские повести“, которое заставляет думать, что такие повести вышли из феодально-военной среды, в частности из среды княжеских дружинников. Но это определение содержания повестей является чрезмерно сужающим их значение и может быть применено далеко не ко всем произведениям гражданского характера, включенным в летопись. Да и само военное дело не было исключительным достоянием дружинников, а было знакомо средневековым купцам и ремесленникам. Поэтому авторство повести о взятии Царьграда латинянами, вставленной в Новгородскую летопись под 1204 годом, с равным успехом может быть приписано как дружиннику, так и новгородскому купцу.

Почти уже прямое указание на автора, вышедшего из среды торговых людей, имеем в сказании об убийении Андрея Боголюбского, помещенном в Ипатьевской летописи. Сказание это сложное по составу. Начало его представляет церковную похвалу Андрею, изображенному в виде мученика. В сущности рассказ о самом убийстве вводится словами: „се же бысть в пятницу“.³ Этот рассказ изобилует такими подробностями, что не остается сомнения в том, что он написан лицом, хорошо знакомым с описываемыми им событиями. Единственным человеком, позаботившимся о теле убитого князя, изображен некий Кузьмище Киянин. Имя его говорит о происхождении из Киева, на его социальное положение указывает следующее припоминание об убитом

¹ Летопись по Ипатскому списку, стр. 250.

² Летопись по Лаврентьевскому списку, стр. 302.

³ Летопись по Ипатскому списку, стр. 397.

князе, который показывал богатства церкви в Боголюбове: „аче и гость приходил изъ Царягорода, и от иних стран из Руской земли, и аче латинин, и до всего хрестьянства“.¹ Гость — купец, торгующий с иноземными странами. Фигура такого гостя ярко рисуется в словах Кузьмища Киянина, вероятно заезжего киевского гостя, свидетеля трагических событий 1174 года в Боголюбове.

Мы остановились только на нескольких примерах, показывающих возможность, более того, вероятность участия городских кругов, торговцев и ремесленников в создании русской литературы XI—XIII веков. При более внимательном изучении эта вероятность получит еще большее подтверждение, чем раньше. Например, известное сказание о Липицкой битве 1216 года, при беглом взгляде, может быть отнесено к воинским повестям. Но такое заключение будет очень поспешным. В краткой и в подробной редакциях этого сказания главными героями являются новгородцы и смольняне, предпочитающие сражаться пешими, а не конными: „мы на коних не хошем, но яко же отци наши билися на Колакши пеши“. Воины слезают с коней, сбрасывают с себя верхнюю одежду и сапоги. В отличие от них „сами князи и вси вои поидоша по них на коних“.² Конечно, перед нами не профессионалы-дружинники, а ополченцы, между тем они показаны главными героями победы на Липицком поле, а о подвигах дружинников нет ни слова. Особый интерес проявляется автором сказания к судьбе новгородцев и смольнян, „иже бяху зашли гостьбою“ в земли враждебных князей.

В задачу нашей небольшой статьи, конечно, не входило рассмотрение всех памятников, которые могли возникнуть в среде горожан, но и сказанного достаточно для обоснования общего положения о том, что древнерусская литература создавалась не только феодалами и духовенством, а имела гораздо более широкие народные истоки, в частности в ее создании принимали участие горожане, ремесленники и торговцы. И если позднейшие переработки и дополнения во многом исказили первоначальные произведения городской литературы, то задачей будущих исследований является выяснение настоящих черт и особенностей этой городской литературы как особенно близкой к народным кругам.

¹ Летопись по Ипатскому списку, стр. 401.

² Полное собрание русских летописей, т. XXV, стр. 113.

В. П. АДРИАНОВА-ПЕРЕТЦ

Исторические повести XVII века и устное народное творчество

1

Шестнадцатый век был временем окончательного сложения новой формы народного устного эпоса — исторической песни, которая получает свое дальнейшее развитие в XVII и XVIII веках. Воспроизводя конкретные факты истории этого времени и характеризуя участников исторических событий, исторические песни со всей определенностью выявляют народную оценку их. В ожесточенной классовой борьбе трудового народа, с особенной силой развернувшейся в XVII веке, эти исторические песни вместе с другими видами народного творчества становятся могучим оружием социальной борьбы. Именно поэтому жесткая цензура правительства создала неблагоприятную обстановку для сохранения того богатого фольклора, который по следам событий XVII века творился в среде восставшего народа: только по глухим упоминаниям современников мы знаем, например, что особые песни слагались в лагере Болотникова, что одной из их тем было осуждение московских воевод. Однако и в дошедшем до нас в записях, начиная с 1619 года, лиро-эпическом фольклоре на темы исторических событий от Годунова до первого Романова немало противоправительственных оценок, противобоярских выпадов. Но не следует забывать, что устными песнями и сказами откликались на события разные слои населения, что не всегда эти отклики отражали мнение трудовых масс. В самой Москве, как и в других посадах Русского государства, в устных произведениях по-своему оценивали происходившее и менее решительно настроенные ремесленно-торговые круги, далеко не всегда разделявшие взгляды активных участников народного восстания. В этой среде легче усваивались некоторые оценки, внушавшиеся официальной пропагандой через грамоты и церковные поучения, и подерживалось если не прямо враждебное к восставшему народу, то во всяком случае настороженное к нему отношение.

Так, в различной среде одновременно возникали и откровенно направленные против правительства, в лице его феодальной верхушки, песни о „злodee-боярине“ Годунове, об „изменниках-боярах“, убивших Ляпунова, о попе Емеле, „крестом“ ограждающем „воров“ с „атаманами“, и т. д., и мистические легенды, изображавшие гражданскую войну и интервенцию наказанием за „грехи“, единственный путь избавления от которого в молитве и покаянии. Усиленная пропаганда цер-

ковью и властями такой оценки событий сделала то, что ссылки на „лукавство великое“ народа как на причину всех бедствий проникали со временем и в подлинно народные по происхождению песни, когда они воспроизводились реакционно настроенной средой.

Весь этот чрезвычайно противоречивый по своим идейно-художественным устремлениям фольклор начала XVII века жил, а иногда и творился в непосредственной близости к среде, создававшей в книжной литературе не менее противоречивое изображение одних и тех же событий, дававшей их участникам оценки с классово-противоположных позиций. В итоге — каждая социальная среда, если она и обращалась к фольклору, отбирала из него идейно близкое, используя его в своих целях.

Наиболее активно проявилось использование народной поэзии в исторической литературе начала XVII века, когда в литературной среде выдвинулись писатели из тех средних демократических слоев населения, которые деятельно участвовали в освобождении Русского государства от интервентов. Следует, однако, учесть, что давление правительственной цензуры на книжную литературу было не менее энергичным, чем на народную. Высказывать прямо свои оппозиционные, противоправительственные настроения писателю — значило рисковать не только своим положением, но иногда и жизнью. Вспомним, как тщательно скрыл свое имя автор одной из наиболее резких противоправительственных повестей времени правления „семибоярщины“ — „Новой повести о преславном Российском царстве и великом государстве Московском“ — и как он объяснял свою осторожность. Этот неизвестный автор, с негодованием обрушившийся не только на интервентов, но и прежде всего на правящее боярство, состоит на службе у правительства и боится порвать с ним открыто: „ясно мне не мощно от них отстати и вам про се сказати (т. е. о всех злодеяниях боярства), или бы единому кому от вас втайне рещи; боюся, некли тот человек умом своим ползнется и не утерпит и вам скажет имя мое, и от вас разнесется и до них, врагов и губителей христианских, донесется. Тогда мя, взяв, злой смерти предадут; аз же у них ныне зело пожалован. Сами ведаете, что все мы смерти боимся; а се тако же имею жену и дети, яко же и вы: аще мне самому случится умерети, вестно и на господа надежда, что не умерети, но ожити за ту правду, ино жена и дети осиротити, меж двор пустити, или будет всего того горши, на позор дати“.¹

В таких условиях никто не решался закрепить на письме под своим именем смелые мысли в защиту народа, против его врагов-бояр, и предпочитали пользоваться анонимными, „подметными письмами“, оригиналы которых не сохранились, а заключить о политической остроте которых позволяет лишь литературная обработка одного из них в названной выше „Новой повести о преславном Российском царстве“. Поэтому судить о литературе демократического направления приходится по редким сохранившимся ее образцам, в которых отражены оценки, враждебные политике боярского правительства, но далекие и от прямого выражения сочувствия восставшему народу.

Рост национального сознания, горячий патриотизм и ненависть к врагам родины — интервентам и поддерживавшей их феодальной верхушке, отличающие часть литературы 1610—1612 годов, обусловили не только идейное совпадение ее с подлинно народными отражениями

¹ Русская историческая библиотека, т. XIII, 1909, стлб. 217.

борьбы за независимость родины в устной поэзии, но у некоторых писателей и прямое обращение к такому фольклору.

Наиболее показательной в этом отношении является повесть, посвященная воеводе князю Михаилу Васильевичу Скопину-Шуйскому, — „Писание о преставлении и о погребении князя Михаила Васильевича, рекомаго Скопина“.¹ В истории борьбы с польской интервенцией Скопин-Шуйский сыграл несомненно положительную роль, одержав над польскими войсками две блестящие победы и освободив от захватчиков ряд русских городов. Но тот же талантливый воевода в 1606 году, по поручению Василия Шуйского, задержал у Москвы народное войско, под предводительством Болотникова, а за помощь, оказанную шведам в наступление на поляков, обещал шведам, по тяжелому для русского народа договору, отдать „город Корелье с уезды“ и, кроме того, „что ево королевское величество от ево царсково величества попросит до достою, города или земли или уезды“. Однако в посадском населении ряда освобожденных Скопиным городов, в самой Москве, где к 1610 году было уже очень много недовольных правлением Василия Шуйского, и в войске заслуги молодого воеводы, успешно очищавшего территорию от польских захватчиков, создали ему репутацию „столпа Русские земли“, как именует его автор „Писания“.

Как бы ни преувеличенно выражена была эта оценка Скопина — предводителя русских войск, за ней стоит несомненный факт: популярность воеводы, которой испугались в Москве и сам царь Василий Шуйский, заподозривший племянника в намерении сменить его на царском столе, и царский брат, Дмитрий Шуйский, незадачливый воевода, подпустивший к Москве „Тушинского вора“ и потому не получивший командования над войсками, которые были отправлены против поляков.

„Писание о преставлении“ нигде не противопоставляет молодого Скопина-Шуйского его царствовавшему дяде Василию Шуйскому, но в настоящем напоминании о том, что племянник „единого корени владеющего вселенную Августа кесаря Римского и от единых православные веры христианские начальника князя Владимера Киевского и всея Русские земли“, — слышно сочувствие тем, кто в это время называл Скопина достойным царского стола. Псковская летопись, объясняя злобу бояр против Скопина, прямо пишет о таких сторонниках воеводы: „слышаху бо тии завистницы, дядия его, в народе глаголющих, яко достоин сиевый князь и сильный муж и храбрый быти царем, яко избави нас от нашествия латынь, и град наш свободи от обстояния и от глада“.²

О скрытом недоброжелательстве по отношению к Скопину-Шуйскому говорили в разных кругах, и торжественная встреча правительством победителя в Москве не прекратила этих слухов. Вот почему неожиданная смертельная болезнь молодого, могучего по сложению воеводы была истолкована как результат отравления. Псковская летопись со всей откровенностью пишет о том, что вызов Скопина в Москву был продиктован именно намерением погубить этого слишком популярного, особенно в войске, воеводу. „Он же, беззлобивый, ни во уме сего помысли еже о царстве“, „не разуме дядина лукавства и злыя мысли“, отправился в Москву, где „сретоша его народи с вели-

¹ П. Г. Васенко. Повести о князе Михаиле Васильевиче Скопине-Шуйском. Отчет Общества любителей древней письменности за 1903—1904 гг., 1900, стр. 19.

² Псковские летописи, вып. 1. М.—Л., 1941, стр. 25.

кою честью“. Здесь-то на пиру у „дядий“ Скопин, по сообщению летописи, и был отравлен женой Дмитрия Шуйского. Как видим, во Псков пришли слухи об отравлении, но без тех подробностей, которые согласно приводят „Писание о преставлении“ и устная песня: пир происходит прямо у Шуйских, а не у Воротынского, он не связывается с крестинами, жена Шуйского — не кума Скопина, нет ни слова о матери воеводы, о погребении его в Архангельском соборе. Но и Псковская летопись рассказала о всеобщем горе: „мнози же народи, вернии и невернии“, „плакахуся его смирения и любви, и милости к малым и великим“.¹ Отравлением сразу объяснили смерть Скопина и устные песни, такую версию с полным доверием к ней повторил и автор повести „Писание о преставлении“, несомненно опиравшийся в своем рассказе на сложившуюся уже историческую песню.

Лирико-эпические песни в разных слоях общества отметили смерть Скопина-Шуйского. Записанный в 1619 году для Ричарда Джемса текст передает резко различное отношение, с одной стороны, „гостей москвичей“, с другой — „князей-бояр“ к вести о том, что „не стало у нас воеводы, Васильевича князя Михаила“. Первые оплакивают воеводу, освободившего уже ряд русских городов, и, видимо, не доверяя тем, кто сменит Скопина, предаются мрачным мыслям: „а тепере наши головы загибли“. „Князи-бояре“, наоборот, „усмехнулись: высоко сокол поднялся и о сыру матеру землю ушибся“, т. е. порадовались смерти быстро возвысившегося молодого воеводы. Само собой разумеется, что авторов такой песни не приходится искать в массе трудового народа: песня сложена, по убедительному предположению В. В. Данилова,² после 16 июля 1611 года, когда Новгород был занят войсками Делагарди („побежали немцы в Новгород и в Новгороде заперлися и многий мир-народ погубили“), а власть в Москве перешла к „семи боярщине“, возглавлявшейся Мстиславским и Воротынским („а съезжались князи-бояря супротиво к ним, Мьстиславской княз, Воротынской“). Об отравлении воеводы эта песня не упоминает, но описание злорадства князей-бояр подчеркивает, что песня сложена во враждебной им среде, скорее всего — в торговом посаде.

Обширная историческая песня (старшая запись которой находится в Сборнике Кирши Данилова) последовательно описала основные факты воинской биографии Скопина-Шуйского, сохранив ее историческую основу, но разработав ее эпическими приемами: трудное положение Русского государства, по которому снуют отряды захватчиков („а нелзя ни протти, ни проехати ни конному, ни пешему, и из силна царства московскова и великова государства росискова“); переговоры из Новгорода о помощи со „свицким королем Карлусом“ (с Карлом IX шведским), обещание дать за помощь „три города руския“ (ср. в договоре „город Корелье с уезды“); эпическое число шведских воинов — „сорок тысячей“ (в действительности — 12 000 человек); успешные действия войск Скопина („он очистел царство московское и велико государство росиское“); торжество в Москве по случаю приезда Скопина и пир, на котором ему „велику славу до веку поют“ (все исторические свидетельства описывают эти торжества); наконец, описание крестильного пира у князя Воротынского, где Скопин — крестный отец сына Воротынского, а кума его — дочь „Малюты Скурлатова“, по одному из вариантов, „князя Дмитрия Петровича Шустова

¹ Псковские летописи, вып. 1. М.—Л., 1941, стр. 125.

² Сборники песен XVII ст. Труды Отдела древнерусской литературы, т. II, 1935, стр. 170—172.

жена“, которая отравила Скопина (крестины были у князя Ивана Михайловича Воротынского, Скопин был кумом жены князя Дмитрия Ивановича Шуйского, крестника звали Алексеем); отъезд заболевшего князя к матери и укоризненная речь матери; сообщение о смерти Скопина. Есть варианты, помнящие и погребение князя в „колоде белодубовой“ (в повести — колоду по росту едва нашли) у „Михаила Архангела“, т. е. в Архангельском соборе, где и по повести похоронили Скопина.¹

Таким образом вся историческая основа этой песни о смерти Скопина, правильно передающая ход событий, предшествовавших его неожиданной болезни, свидетельствует о том, что песня сложилась вскоре после похорон князя, что ее сложил, повидимому, свидетель торжественного погребения князя и участник его похода против интервентов. Но в историческую основу вплетены привычные эпические эпизоды, применены характерные приемы эпического стиля: повторяющейся формулой, например, трижды дан перечень врагов, которые „облегли“ Русское государство; как в былинне, Скопин на пиру порасхвастался, и этим, по схеме былинного рассказа, объясняется боярская злоба на него; самый пир описан в привычных выражениях былинного пира князя Владимира, и т. п.

Автор „Писания о преставлении“ Скопина-Шуйского, дойдя до сообщения о приезде воеводы в Москву, резко изменил тон своего рассказа, его торжественную риторику типа жизнеописаний Степенной книги, и повел речь, следуя за устной песней, в той ее части, где описывалось отравление Скопина. Однако в повести отсутствует эпическая завязка действия, которая происходит в песне на пиру и которая, возможно, привнесена в народную песню позднее (по-былинному пирующие порасхвастались, похвалился и Скопин тем, что он „очистел царство московское“, что ему за это „славу поют до веку“; „боярам за беду стало“ это хвастовство, и они его отравили). Автор повести, видимо, знает хорошо действительные причины вражды к Скопину бояр. В самом рассказе об отравлении Скопина автор дополнил некоторыми фактическими подробностями песенную канву, ввел несколько книжных украшений, изменивших ритм песенного эпизода, но не захотел устранить своеобразных его черт. Характерно самое отношение этого автора к устной исторической песне как к вполне достоверному источнику. Вместе с тем, не менее показательно смелое соединение им пышной риторики книжного исторического повествования с типичным эпическим языком, в XVII веке еще достаточно устойчивым не только в передаче старых былин, но и у создателей песен о современных им событиях.

Исключив из этого эпизода повести явно не песенные выражения и новые, сравнительно с песней, фактические подробности, мы в общем довольно точно представим себе облик устной песни о смерти Скопина, как она звучала вскоре после своего создания: повесть „Писание о преставлении“ моложе песни не более чем на два-три года.²

¹ Об исторических элементах песен о Скопине см.: В. Ф. Ржигга. Повесть и песни о Михаиле Скопине-Шуйском. Известия Академии Наук по Отделению Русского языка и словесности, т. I, кн. 1, 1928, стр. 81—133.

² И как будет (после честного стола) пир на весело
(И дьявольским омрачением злодеяница) та княгиня Марья кума подкрестная
Подносила чару пития куму подкрестному
И была челом, здоровала с крестником (Алексеем Ивановичем)
И в той чаре (в питие) уготовано (лютое) питие смертное

Содержание „слова жалостна“ матери Скопина, которое она произносит „во слезах“ („восплакалась горко“), в повести объединяет предостережения княгини, предшествовавшие описанию крестильного пира, с ее жалобами, какими она встречает заболевшего сына. Начало „слова жалостна“ — вопрос матери, почему князь „рано и борзо с честного пиру отъехал“¹ — в одном из архангельских вариантов песни построено на обычном былинном мотиве:

Уж ты ой еси, мое дорого дитя!
Што же ты приехал не по старому?
Але пир-от тебе бывает не по юму (не по уму)?
Подносчики были бывает невежливы?
А винны-те цары да не доходили?
Але пивны стаканы да не доносили?²

В повести вместо этого обобщенного эпического вопроса — сомнения матери, относящиеся именно к данному крестильному пиру: „Любо тебе богоданный крестны сын принял крещение не в радости? Любо тебе в пиру место было не по отчеству?“ (для начала XVII века такой вопрос не был лишь „поэтическим приемом“). „Или бо тебе кум и кума подарки дарили не почестные?“ И, наконец, последний вопрос матери прямо указывает на то, что она догадалась об отравлении: „А хто тебя на пиру честно упоил честным питием? И с того тебе пития век будет не проспаться“.

Последние слова матери в повести — упрек сыну, не послушавшемуся предупреждения, — в песне иногда помещаются также в заключительной сцене. Так, в одном из сибирских вариантов мать встречает заболевшего сына такими словами-упреками:

В старину-то я Скопинушке говаривала:
Ты не езди, Скопин, во каменну Москву,
Не дружи ты с дочерью Малютиной!
Не послушал, Скопин, родну матушку,

И князь Михайло Васильевич выпивает ту чару досуха,
А не ведает, что злое питие (лютое) смертное.
И не в долг час у князя Михайла во утробе возмутилося
И не допировал пиру почестного,
И поехал к своей матушке княгине (Елене Петровне).
И как въсходит в свои хоромы княженецкие,
И усмотрила ево мати
И возрила ему во ясные очи,
И очи у него ярко возмутились,
(а лице у него страшно кровию знаменуется,
а власы у него стоя на главе колеблются),
И восплакалась горко мати его родимая,
И во слезах говорит ему слово жалостно:
Чадо мое (сын) князь Михайло Васильевич,
Для чего ты рано (и борзо) с честного пиру отъехал,
Любо тебе богоданный крестны сын
Принял крещение не в радости?
Любо тебе в пиру место было не по отчеству?
(Или бо тебе кум и кума подарки дарили не почестные?).
А хто тебя на пиру (честно) упоил честным питием?
И с того тебе пития век будет не проспаться.
И колко я тебе, чадо (в Олександрову Слободу) приказывала:
Не езди во град Москву,
Что лихи в Москве звери лютые,
А пышат ядом змииним изменничьим.

¹ Ср. в песне: „Да встречала его матушка, горко плакала“ (В. Миллер. Истори́ческие песни русского народа XVI—XVII вв. Пгр., 1915, стр. 556).

² Там же, стр. 551.

Уж поехал ты, Скопин, в каменную Москву,
 Подружился ты с дочерью Малютиной,
 Уж и съела кума молодого Скопина,
 Погубила злодейка добра молодца!
 Не стоять уж Скопину на резвых ногах,
 Уж и быть Скопину полоненному,
 Во темной во могиле схороненному.¹

В одном из архангельских вариантов эти предостережения матери правильно помещены перед описанием крестильного пира: „родна матушка“ и „молода жена“ вдвоем просят князя:

Ты не езьди, Скопин, да за Москву реку,
 Там поставят тебя-то-ведь не на пир зовут,
 Не на пир тебя зовут-то, не пировать с тобой.

 Ты не пей-ко-ся у их да зелена вина,
 Ты не кушай-ко у их все есвы сахарныя:
 Да уходит тебя кума, да доць Малютьева.²

Не удовольствовавшись песенной картиной отравления, автор повести, как и обещал в заглавии, подробно описал погребение Скопина, причем гиперболизм всей картины еще раз подчеркнул погубившую воеводу популярность среди войска и „множества народа“. На похоронах князя собралось народу „яко звезд небесных или песка морского“; от „вопля“ „не бе гласа поющих слышать и мнетися, аки во исступление ума сушу, яко и воздуху потупнути и земли стонати и камению колебаться, не токмо церкви стенам, но и граду“; слезы покрыли „мост церковный“. Обильно украсив это описание подобной книжной риторикой, автор, однако, в плачах отдал дань и лирике народных причитаний.

Как и в картине отравления Скопина на пиру, в плачах повести характерно соединение риторики украшенного исторического стиля XV—XVI веков с отголосками старых летописных плачей и интимностью народных причетей. „Дружина хоробрая“ в своем плаче особенно близко подходит к ритмичности причети и к своеобразной лиричности ее оценок умершего:

. . . а нас еси кому ты оставил?
 И хто у нас грозно и предивно и хоробро полки урядит?
 И кому нас приказал служити?
 И у ково нам жалованья просити?
 И за кем нам радошно и весело на враги ехать со брани?³

Следует, впрочем, отметить, что в плачах повести все же возобладал гиперболизм книжной риторики. Не имея в данном случае опоры в устной песне, которая подсказала ему описание отравления, автор в сценах погребения предпочел итти за тем литературным стилем, который позволил ему привлечь для возвеличения своего героя библейские образы Иисуса Навина, Гедеона, Самсона и т. п.

Книжно-риторическая стихия вообще преобладает в „Писании о представлении“. Тем интереснее, что автор, явно склонный более к торжественной книжной риторике, расценивает историческую песню как

¹ Там же, стр. 575.

² Там же, стр. 541.

³ П. Г. Васенко. Повести о князе Михаиле Васильевиче Скопине-Шуйском. Отчет Общества любителей древней письменности за 1903—1904 гг., стр. 21.

исторический источник, как достоверный рассказ об исторических событиях. Он не заботится о том, чтобы сохранить полностью ритм и поэтический стиль этого своего источника, но в развитии действия следует за устным эпосом, с которым он сошелся и в высокой оценке героя и в осуждении бояр как прямых виновников преждевременной смерти воеводы.

2

Своеобразно разработана историческая тема в небольшом произведении начала XVII века, озаглавленном издателем „Послание дворянина к дворянину“.¹ Дворянин Иванец Фуников,² автор послания, рассказал о событиях крестьянской войны начала XVII века в двух планах: большее место он уделил описанию расправы с ним самим „тульских воров“; в меньшей заключительной части патетически изобразил разорение всего государства и „царствующего града“. Эта заключительная картина написана традиционными красками — ее образец и прямой источник заключается в повести 1606 года и ей подобных, вышедших из лагеря феодальной реакции.

Но стиль единственного в своем роде изображения крестьянского восстания против помещика, сделанного самим „пострадавшим“, не имеет ничего общего с риторическим изложением судьбы государства. Бытовая тема разработана автором в шутливой форме народных сатирических и юмористических песен и сказок. Исторически точен этот мелкопоместный дворянин, когда он рисует расправу с ним „тульских воров“ „за старые шашни“. Время действия — восстание Болотникова, место — дворянская усадьба и деревня; у помещика после расправы не осталось „ни волосца животца“, деревня сгорела, а восставшие ушли, видимо с отрядом, дальше („сами эбежали“, по словам автора).

Основываясь на последовательности описанных в „Послании“ событий, И. И. Смирнов полагает, что Иванец Фуников просидел в тульской тюрьме „вплоть до падения Тулы в октября 1607 г.“, а написал свое „Послание“ „вскоре после подавления восстания Болотникова, вероятнее всего — весной 1608 г. (автор говорит о себе: «апреля по 23 день повидимому в живых, а бедно убо и скорбно дни пребываю»)“.³

Начав свое послание по форме, закрепленной „письмовниками“ для письменных обращений к знатным лицам („Благих подателю и премудрому наказателю, нашего убожества милосерде взыскателю и скудного моего жительствова присносущу питателю, государю моему имярек и отцу имярек...“), автор вскоре перешел на яркое описание расправы с ним своих же крестьян „за старые шашни“:

а мне, государь, Тульские воры выломали на пытках руки
и нарядили что крюки,
да вкинули в тюрьму и лавка, государь, была уска,
и взяла меня великая тоска.
А послана роγοжа,

¹ „Послание дворянина к дворянину“. Изд. Н. К. Никольского. Библиографические записки, № 4, 1892, стр. 1—2.

² И. И. Смирнов убедительно отождествляет этого „Иванца Фуникова“ с Иваном Васильевичем сыном Фуниковым, поместья которого описаны в писцовой книге г. Тулы Тульского уезда за 1587—1589 годы. Тогда это был, видимо, молодой человек, только что получивший поместье после смерти отца, а в „Послании“ он сам говорит, что ему „не мало лет“ и что он „сед“ (И. И. Смирнов. Восстание Болотникова. 1606—1607. Л., 1949, стр. 518—519).

³ Там же.

и спать не погоже.
 Сидел 19 недель,
 а вон ис тюрьмы глядел.
 А мужики, что ляхи,
 дважды приводили к плахе.
 За старые шашни
 хотели скинуть з башни.
 А на пытках пытаются,
 а правды не знают.
 Правду де скажи,
 ничего не солжи.
 А яз им божился,
 и с ног свалился,
 и на бок ложился
 Не много у меня ржи,
 Нет во мне джи.
 Истинно глаголю,
 воистинно не лжу.
 И они того не знают,
 болши того пытаются.
 И учинили надо мною путем,
 мазали¹ дважды кожу кнутом.
 Да моим, государь, грехом недуг не прилюбил,
 баня дурка, да мовник глуп.
 Высоко взмахнул,
 тяжело хлыснул.
 От слез добре велик.²
 Прикажи, государь, чем лечить;
 а мне, государь, наипаче за тебя бога молить,
 что бог тебя крепит,
 дай, господи, и впредь так творит. . .
 Розван,³ что баран,
 разорен до конца,
 а сед, что овца,
 не оставили ни волосца животца
 и деревню сожгли до кола.
 Рожь ратные пожали,
 а сами сбежали.
 А ныне воистину живем и в погребнице
 и кладем огнище,
 а на ногах воистинну остались одне голенища.
 Зритель, государь, сердца бог — не оставили шерстинки,
 ни лошадки, ни коровки,
 а в земли не сеяно ни горетки.
 Всего у меня было живота корова,
 и та не здорова.
 Видит бог,
 сломило рог.
 Да бог сердца весть,
 нечего есть.
 Велел бог пожить
 и не о чем тужить. . .

Как видим, фольклорным в этом ярко крепостническом послании можно назвать лишь его своеобразный стих да выразительную, не лишённую юмора речь. Автор, для которого „мужики, что ляхи“, несколькими словами изображает итог их расправы с ним и горюет о том, что „твоя ж и моя вся взята быша без останка“, т. е. погибло имущество и его, и его высокого покровителя. Интерес послания заключается и в том, что книжно образованный человек, щедро уснащающий свое изложение цитацией памятников украшенного исторического пове-

¹ Здесь ошибочно, не у места повторено „кожу“.

² Может быть после „велик“ пропущен стих.

³ Слово переписчиком испорчено.

ствования, счел возможным изложить свое послание народным юмористическим стихом, подхватив свойственную народному юмору манеру иронизировать над своей собственной судьбой (ср., например, ироническое изображение бедности в пословицах: „есть пирог — едим, а нет его — гледи́м“, „носил бы однорядку с коро́лки, да животы коротки“, и т. п.). Ничего, впрочем, кроме этой внешней формы, от подлинно народного остроумия он не мог усвоить, находясь в том классовом лагере, против которого направляется самое существо этого остроумия.

Таким образом автор воспользовался фольклорной формой для цели, прямо противоположной той, какой эта форма служила в народном творчестве. Но в литературный обиход так широко хлынул, в связи с общей демократизацией и авторской и читательской среды, фольклор, что даже и не сочувствовавший его идейной сущности обиженный дворянин не отказался от свежей и широко доступной читателям формы изложения, думая, может быть, таким способом вызвать к себе сочувствие и за пределами своего класса. Самая мысль применить в послании народно-юмористический стиль, возможно, не была новинкой в начале XVII века. Публикуемое ниже по списку середины XVII века „Послание дворительное недругу“, построенное на социально-острой теме, пародируя типичные образцы посланий „Письмовников“, широко применяет ритм, рифмы и стилистику народного юмора.¹

Также лишь внешне сближается с устно-поэтической стилистикой одна из поздних, мало достоверных в своей фактической части, но интересных по новым приемам повествования, повестей о событиях начала XVII века — „Сказание о царстве... Федора Иоанновича и о убиении брата его царевича Дмитрия Иоанновича Углицкого...“.² Автор-компилятор пишет не по своим личным впечатлениям, а, с одной стороны, по готовым литературным источникам и, с другой, по слухам, долго еще после окончания войны передававшим отдельные подробности минувших событий. В обработке своих источников автор „Сказания“ отдал дань их украшенному историческому стилю, но, стремясь нарисовать бытовую обстановку, в которой происходит действие, стремясь показать своих героев, а не только рассказать о них, он, особенно в диалогах и в изображении действующих лиц, широко пользуется лексикой и интонациями живой речи. Вот царь Федор прощается с младшим братом: „Иди, свет мой, здрав в путь свой, чтобы мне радостно впредь видеть тебя!“. Федор обращается с вопросом к Годунову: „О любимый мой приятель, Борис Федорович! Можешь ли ты? или какая печаль тебя постигла? Скажи ты мне, не утай, что стоиши предо мною добре не весел и кручиноват и часто воздыхаешь?“ и т. п.

От такой прямой речи, не лишенной уже элементов устно-поэтического языка (ср. синонимическое сочетание „не весел и кручиноват“), автор свободно переходил, например, к лирике народных причитаний, когда изображал горе матери убитого царевича: „Увы мне, бедной вдове! Увы мне горкой и беспомочной!.. И потом бедная, возлюбленным своим чадом утешалась и печаль свою и кручину им, светом моим, забывала.. у господа бога о нем милости просила и корми́ца себе ожидала... кому приказал утешать меня?... не могу на тебя, света моего, мертва зрети и без тебя жива быти не хочу!.. Молюся вам, бедная вдовица, не оставте и меня живу, да не разлучайте и меня

¹ См. в настоящем сборнике статью Л. С. Шептаева „Послание дворительное недругу“.

² РИБ, т. XIII, СПб., 1909, столб. 755 и сл.

с моим светом, дайте мне вместе с ним умереть“. Закончив передачу этого плача, автор и определяет его народным термином: „И много она, государыня, кричав и причитав“, но затем добавляет уже по-книжному: „и жалостно и умильно глаголя“ (стлб. 769).

В „Сказании“, наряду с историческими фактами, передано немало слухов, не имевших под собой реальной основы. Один из таких слухов дополнил в „Сказании“ рассказ об убийстве царевича Дмитрия. Автор с полной убежденностью описывает попытки отравить царевича, по приказу Годунова, и, не имея настоящего материала для этого описания,¹ придает боярыне Василисе Волоховой черты народно-песенной отравительницы. Не без воздействия фольклора оформлен, видимо, в повести и другой слух — о том, как Годунов, еще при жизни Федора Ивановича, гадал, удастся ли ему добиться царского престола. „Премудрая жена Варвара“ для Годунова, а для автора гадалка, изображается всеми средствами дидактической литературы о „злых женах“: она „лукавая прелестница“, „вражия угодница“, „сатанина невеста“. Документы сохранили известия, что Годунов обращался к гадалке — „лукавая окаянная баба“, ее гадания нарисованы сказочными приемами. Годунов дважды испытывает „волшебство“ гадалки. Первый раз она будто бы точно определяет, что „у сей кобылы будет жеребец ворон шерстью, белогуб, правая нога по колени бела, а левая нога по щетку бела, во лбу звезда белая, левое ухо вплоы бело“. Второй раз гадают на собаке: „у сей суки семеро щенят, 4 кобеля да три суки: два кобеля будут белы, кобель будет серопег, кобель будет желтопег, сука будет сера, две суки желты“. Эти предсказания гадалки переданы живым языком, без всякого оттенка книжности, и, конечно, опираются на устные рассказы о колдунах и ведуньях.

3

Неразрывно связаны с своеобразным казачьим фольклором „воинские“ повести донских казаков, запечатлевшие наиболее героический период в истории борьбы казачества с Турцией за овладение крепостью Азов.

В 1630-е годы казаки перешли от отдельных набегов на Азов для захвата добычи к планомерным действиям, задачей которых являлось окончательное изгнание турок из сильной крепости, обеспечивавшей им возможность постоянных нападений на окраинные области Московского государства. Азов в руках турок запирали казакам устье Дона, не пропускал их в Черное море, и, таким образом, овладение этой крепостью отвечало прежде всего интересам самого казачества.

Казачья песня с полной ясностью выразила именно эту оценку значения Азова. „На славным тихим Дону, во Черкасском славном городе“ казаки „про Азовый город говорят“:

Да не дай же, боже, уму-разуму
Как турецкому шельме-паше,
Не построил бы он своей башни
На Узбеке славном Калаче,

¹ В актах б. Министерства юстиции (Приказный стол, стлб. 564, л. 211) сохранился рассказ о том, что „царь Борис Федорович, как был в правителях, присылаа к бабе Царьиде села Володятина Дмитровского уезда, дворянина, Микифором звали, а чей сын и прозвище того не упомянит, и тот де дворянин загадывал, быть ли де Борису Федоровичу на царстве (Е. Н. Елеонская. К изучению заговора и колдовства в России, вып. 1. Типография Шамординской пустыни, 1917, стр. 11).

Не заставил бы свои он цепи
 Через батюшку он синий Дон.
 Да нельзя нам будет, казаченькам,
 По тихому Дону погулять
 Нам ни лодочкой, ни корабличком,
 Ни сухим бережочком.¹

Но казачья песня отразила и понимание общегосударственной роли Азова: отсюда направлялись походы на Русь, причем турки и сами нападали постоянно на окраинные области государства и прикрывали набеги крымских татар. „Из Черного моря“ выплывают корабли, направляющиеся на Русь, и вот „персидский шах“ уговаривает в песне „турецкого короля“:

Как на полно та тебе, турецкий король,
 Со белым та царем тебе воевать.
 Время тебе, турецкий король, со белым царем
 помиряться.
 — Как пройду я мать силу Расеюшку,
 Тогда я со белым та царем помирюся,²—

отвечает султан.

Казачи понимали, что удержать Азов только своими силами им не удастся, и поэтому в своих донесениях обратились за помощью к московскому правительству, когда в 1637 году смелым набегом они захватили крепость. Однако, как ни важно было бы обеспечить безопасность русских границ, оттеснив турок от Азова, Москва не могла в то время вступить в войну с Турцией: ее основные интересы требовали активных действий против Польши и Швеции, воссоединения украинских и белорусских областей и охраны северо-западной границы. Поэтому, посылая казакам военное снаряжение и „хлебные запасы“, Москва вместе с тем не давала им войск, а турецкому султану изображала действия казаков под Азовом как самовольные. В особенно трудном положении оказались казаки в Азове после того, как они ценой страшных жертв отбили все попытки турецкого войска вернуть в 1642 году Азов. „Осадное сидение“ казаков в Азове хотя и кончилось для них победой, но было очевидно, что эта победа — последняя, если не придет на помощь московское войско; что разрушенную крепость не достанет сил восстановить своими средствами; что „перераненные“ оставшиеся казаки уже не смогут второй раз выдержать осаду; что придется уйти из города.

В такой обстановке казачья „станция“ поехала в Москву с донесением о положении Азова и с просьбой к царю принять Азов во владение. В подкрепление просьбы одним из участников станции, видимо есаулом Федором Порошиным,³ была написана, в форме „отписки“, повесть, изображавшая героическую оборону Азова. В этой повести, имевшей целью воздействовать на участников Земского собора, которому предстояло решить вопрос о том, принимать ли Азов от казаков, — естественно шла речь не об интересах казачества, а об общегосударственном значении этой крепости: защита границ Русского государства, освобождение пленных русских, возможность спокойного развития народного хозяйства в окраинных областях — таковы, с точки

¹ Б. Н. Путилов. Исторические песни на Тереке. Грозный, 1948, стр. 33.

² Там же, стр. 34.

³ А. Н. Робинсон. Повести об азовском взятии и осадном сидении. В изд.: Военские повести древней Руси. М.—Л., 1949, стр. 226.

зрения автора этой, так называемой „Поэтической“ повести, задачи взятия и удержания Азова. Казачья песня, как мы видели, также знает, что не один Дон, а вся „мать сила Расеюшка“ была в то время целью набегов Турции.

Демократизм мировоззрения сблизил автора Поэтической повести об азовской осаде с творчеством основной массы донского казачества. Горячая любовь к родине символически воплощается для оторванных от нее казаков в пышных образах Московского государства („а государьство Московское многолюдно, велико и пространно, сияет светло посреди паче всех иных государств и орд бусурманских, персидских и елинских, аки в небе солнце“, — ср. в казачьей песне „славная наша мать Россеюшка“), его царя („а государь наш великий и праведный и пресветлый царь... многих государств и орд государь и обладатель, много у него, великого государя, в вечном холопстве таких бусурманских царей служат ему, великому государю, как и ваш Ибрагим, турецкой царь“) и православной веры („крестьянин побожится душою крестьянскою и на той правде во веки стоит, а ваш брат, бусорман, побожится верою бусурманскою, а ваша вера бусурманская татарская равна бешеной собаке, и потому вашему брату, бусорману, и верить нельзя“). Как и песня, идеализирующая „белого царя“ и противопоставляющая его, защитника народа, боярам-врагам (ср. в песне Разин не верит, что царский указ велит выслать его в Москву: „Что не царские де эвто грамоты, а боярские де эвто вымыслы“),¹ Поэтическая повесть также отразила эти народные представления о „хорошем царе“ и со всей возможной в данных условиях силой подчеркнула вражду к боярам: „отбегаем мы ис того государьства Московского из работы вечная, ис холопства невольного, от бояр и от дворян государевых“. Это бояре „нас (т. е. казаков) на Руси не почитают и за пса смердящего“, „и мы про то сами без вас, собак, ведаем“, „какие мы в Московском государьстве на Руси люди дорогие, ни к чему мы там не надобны“, — иронически замечает автор, имея в виду мнение феодальной верхушки.

Поэтическая повесть, как и песни казаков, дала идеализированные образы бесстрашных, мужественных воинов, но, в отличие от песен, она не создала такого же идеализированного типа предводителя казачьих войск. Беззаветная храбрость всех казаков, без различия рангов, обобщенный образ „казачества волного и донского бесстрашного“, „войска донского волного свирепого“, — проходит через все изложение повести. „Дону славного рыцари знатные, казаки избранные“, „богатыри светорусские“, „волные головы разбойничьи“, „крепкие жестокие сердца“ — эти определения относятся ко всем защитникам Азова, одинаково выносившим тяготы жизни в осажденном городе.

Такое сосредоточение внимания читателя на образе всего донского войска обусловлено в повести ее основной целью: изображением массового героизма казаков автор хочет убедить, что войско сделало все возможное для удержания в своих руках столь важного для Русского государства опорного пункта в борьбе с Крымом и Турцией, что этот массовый героизм был поддержан даже „небесными силами“, но что теперь настала очередь московскому правительству помочь своими войсками. Патетика и преувеличение, допущенные автором в воинских картинах, служат той же задаче — разбудить сочувствие к „перераненым“ казакам, заставить понять, что казачество не может больше удерживать город, что московские войска в Азове необходимы.

¹ Б. Н. Путилов. Исторические песни на Тереке, стр. 38.

Своих героев песни называют ласково — „казаченьки“, „ясные соколы“, „удалые молодцы“, „добры молодцы“, „люди вольные“, „хорош-пригож казачий круг“, а „Нечай“ именуется себя редким эпитетом „рыцарь“: „разудалый молодец, храбрый рыцарь и донец“.¹ Этот же эпитет повесть присваивает казакам.

По-песенному в повести ярко выражено насмешливо-презрительное отношение к врагам, которое соединяется с негодованием на насилия, какие терпели от них жители русских областей. Эти настроения с особой силой сказались в ответном послании казаков туркам, в котором они издеваются над „Ибрагимом турецким царем“, иронически спрашивая, где он „ум свой дел“, что „прислал под нас, казаков, для кровавых казачих зипунов наших четырех пашей своих“. „Небольшая та и честь будет ево царева турецкого имени“, если он огромным войском победит горсточку защитников Азова. Ибрагим — „свиной пастух наймит“, „собака смрадной песь“, „похабный бусорман, поганый пес, скаредная собака“, потому что возгордился, назвал себя равным богу, это „сатана“ „вознес его гордостью до неба, опустит его за то бог с высоты в бездну во веки“; „от нашей казачьей руки малые срамота и стыд и укоризна ему вечная будет“; „а мы сели в Азове людьми малыми. . . для опыту ж — посмотрим мы турецких умов и промыслов“, — иронизирует автор. Казаки насмешливо обещают побывать в Царьграде — „там с ним, царем турецким, переговорим речь всякую, лишь бы ему, царю, наша казачья речь полюбилась“ и т. д.

Так весь комплекс представлений автора повести должен был привлечь его внимание к устным поэтическим откликам на события боевой жизни казачества. Роднит литературную повесть с казачьей песней и любовное отношение к богатой природе донских степей, особенно к „тихому Дону Ивановичу“, который и кормил казаков и служил для них лучшей дорогой во время боевых походов. Потому-то в донских вариантах песен о Ермаке, взявшем Казань, он просит в награду у Ивана Грозного: „пожалуй ты нам батюшку тихий Дон со вершины до низу, со всеми реками, потоками, со всеми лугами зелеными и с теми лесами темными“.²

Этот мотив — Дон-кормилец — считал нужным подчеркнуть один из редакторов Поэтической повести, когда он в ответ казаков туркам на предупреждение последних, что из Москвы не пришлют на Дон „хлебов и всяких запасов“, добавил: „Ино буди вам бусорманам ведама, что кормит нас, молотцов, и поит на поле батюшка наш свет тихой Дон Иванович рыбу свежую и зверми дивими“.³ В этом добавлении Дон назван по-песенному „батюшка“.

Свою любовь к ставшему для них родным краю казаки в повести изливают в прощальной речи, когда готовятся к смерти в последнем бою за Азов: „Простите нас, леса темные и дубравы зеленые! Простите нас, поля чистые и тихия заводи! Простите нас, море Синее и реки быстрые! Прости нас, море Черное! Прости нас, государь наш тихой Дон Иванович, уже нам по тебе, атаману, нашему, з грозным войским не ездить, дикова зверя в чистом поле не стреливать, в тихом Дону Ивановичу рыбы не лавливать“.

¹ Песни донского казачества. Сталингр. изд-во, 1936, стр. 32.

² В. С. Миллер. Исторические песни русского народа XVI—XVII вв., стр. 501.

³ А. С. Орлов. Исторические и поэтические повести об Азове. Тексты. М., 1906, стр. 190.

Повесть обращается к „государю тихому Дону Ивановичу“ так же, как песня, для которой „батюшка славный тихий Дон“ олицетворяет вольную жизнь казачества:

Как ты, батюшка славный тихий Дон,
Ты кормилец наш Дон Иванович. . .
Как бывало, ты все быстер бежишь,
Ты быстер бежишь, все чистехонек,
А теперь ты, Дон, все мутен течешь,
Помутился весь сверху донизу. . .

И Дон отвечает, что он замутился потому, что „распустил“ своих ясных соколов донских казаков.¹

Идейная близость автора повести к творчеству трудового казачества не могла не сказаться и на его художественном языке. Однако в этом языке следует различать установившиеся средства устной поэзии и образную живую речь казаков, одинаково служившую и создателям казачьих песен, и авторам книжных повестей, и даже нередко донским канцеляристам, составлявшим документы, которые не только обращались в своей среде, но и направлялись в Москву в качестве своеобразной дипломатической переписки.

Казачий быт, с его характерными признаками, отлагался в живом языке выражениями, носившими поговорочный характер, но вполне точно отвечавшими определенным явлениям этого быта. Однако в этих выражениях нет еще той степени обобщенности, которая свойственна не только пословице, но и поговорке как особому виду устно-поэтического творчества. Например, подчеркивая свое бескорыстие на службе московскому царю, казаки противопоставляют себя московскому боярству и поместному дворянству: те служат „с вотчин и с поместий“, а казаки „не с вотчин, ни с поместий, с воды да с травы“, т. е. они на необжитых степных пространствах ловят рыбу в реках и пасут скот на никому не принадлежащей „траве“. Иногда эта юридическая формула подается сокращенно, без первой, звучащей укоризной части: „служим за траву и воду“ или „с травы и с воды“.²

Поэтическая повесть об Азовской осаде повторила и эту поговорку и другую, также приуроченную лишь к определенному случаю; вместе с отпиской повесть придает угрозе толмача Асанки, предрекающего казакам огромные потери от турецкого войска, вид поговорочного выражения: сейчас, насмеяется он, тела казаков „возят каюками, а станут де еще возить и бударами“. Это еще не фольклор, но та изобразительность живой речи, которая открывала широкие возможности для создания и выразительного делового и книжного языка, и художественно обработанных средств устной поэзии. Насколько сильна была склонность своеобразной казачьей речи к особому иносказательному способу выражения, видно, например, и из такой формы отказа части казаков (черкесских и манотцких) итти под Азов: казаки противопоставляют свои деревянные городки, которые они будут защищать,

¹ Вряд ли есть необходимость, однако, устанавливать прямую связь между самым введением прощальной речи казаков и несенными мотивами прощания героя перед битвой или перед уходом на долгую военную службу: бытовая ситуация в каждом отдельном случае естественно вызывает появление такого мотива (ср.: А. Н. Робинсон. Из наблюдений над стилем Поэтической повести об Азове. Моск. Гос. университет им. Ломоносова. Ученые записки, вып. 118. Труды кафедры русской литературы, кн. II, М., 1946, стр. 68—70).

² Донские дела, кн. II, стр. 155; кн. III, стр. 774 и др.

богатому каменному Азову, сражаться за который они не хотят: „мы де за камень не хотим умереть, мы де умрем за свои щепки“.¹

Смело внося в литературную повесть элементы этого вида образности, выросшей в конкретных условиях казачьего быта, автор Поэтической повести отдал дань и песенному языку своей среды.

Мы видели выше, что образ „государя тихого Дона Ивановича“ в повести — это песенный „батюшка славный тихий Дон Иванович“. Но и „леса темные“ и „заводы тихие“, „море Синее“ и „степь чистая“, „сабельки вострые“, „святая Русь“ — это образы, закрепленные песенной традицией донского казачества, выросшей на основе принесенного с далекой родины народного поэтического наследия.

Блестяще примененный еще в „Слове о полку Игореве“ поэтический символ „битва — сеянье, жатва“, вспомнившийся автору Поэтической повести — „все наши поля чистые орды нагайскими изнасеяны“, до сих пор помнит казачья песня. М. Шолохов поставил эпиграфом к первому тому „Тихого Дона“ песенный эпизод, построенный на этой символической:

Не сохами то славная землюшка наша распахана,
 Распахана наша землюшка лошадиными копытами,
 А засеяна славная землюшка казацкими головами. . .

Насмешливый ответ казаков туркам на приглашение перейти на службу к султану, изложенный в ответной грамоте, — обычная ирония эпического богатыря, на которой построен и ответ Захарии Тютшева Мамаю в народном предании, занесенном в одну из поздних версий Сказания о Мамаевом побоище. Казаки так отвечают туркам: „Станем мы служить ему, царю (т. е. Ибрагиму), пищалми казачими да своими сабельки вострыми“ (ср. ответ Захарии Мамаю: „а служить яз тебе, царю, рад своим мечем над твоею головою“).¹

Давняя эпическая традиция ввела в художественную речь Поэтической повести и символ „битва — пир“. Иронически приглашают казаки турок, имея в виду очередную приступ их на Азов: „Ради мы в завтра вас подчивать чем у нас, молотцов, бог послал в Азове городе“. В третьей редакции Поэтической повести, вообще усиливающей фольклорность речи, этот символ „враги-гости“ напоминает чаще. Уже в самом начале ответного послания туркам казаки с насмешкой пишут: „Давно уже мы, молотцы, вас собак бусорманов к себе ждали под Азов город в гости. . . что полно долго ваш турецкой царь за морем збирался к нам, молотцам, в гости. . . ради мы, молотцы, вас собак потчивать, чем у нас, молотцов, — в Азове городе бог послал. . . а у нас,

¹ Донские дела, кн. II, стр. 177.

² М. Шолохов. Тихий Дон, кн. 3. Изд. „Сов. писатель“, М., 1947. В комментариях к „Слову о полку Игореве“ обычно приводится вариант этого образа из исторической песни о Полтавской битве:

Распахана шведская пашня,
 Распахана солдатской белой грудью.
 Орана шведская пашня
 Солдатскими ногами.
 Боронена шведская пашня
 Солдатскими руками,
 Посеяна новая пашня
 Солдатскими головами.
 Поливана новая пашня
 Горячей солдатской кровью.

(Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. 8, М., 1870, стр. 173).

молотцов, то уже все дела готовое, чем вас, безбожных поганых турков, завтра потчивать“.¹

Враги-гости, гости „немилые“, которым готовится „чаша“ или которые сами готовят русским войскам „чашу смертную“, — образ, повторяющийся в поздней русской исторической повести: Сказание о Мамаевом побоище и Казанская история уже использовали эту народную символику. Однако только Азовская повесть подчеркивает в этом эпитете „гости“ и в обещании „потчивать“ их презрительно-насмешливое отношение к врагам. Потому-то вместо несколько приподнятого образа „чаши“ или даже „смертной чаши“ они обещают „потчивать“ своих гостей, чем „в Азове городе бог послал“, прямо намекая на боевые запасы. Так автор придал фольклорному в своей основе символу бытовую конкретность, не сбившись на книжный образ „смертной чаши“ — „горькой смертной чаши“, как это мы наблюдаем у его предшественников.

Возможно, что не без помощи песенной фразеологии автор Поэтической повести своеобразно построил рассказ турецких „языков“ о „страшном видении“, которое будто бы явилось осаждавшим войскам накануне их отступления от Азова: „шла великая и страшная туча от Руси от вашего царства Московского. И стала она против самого табору нашего...“ (стр. в третьей редакции: „идет с Руси туча великая и страшная грозная от вашего российского царства“).²

Еще в „Слове о полку Игореве“ выражение „черные тучи с моря идут“ — метафора, изображающая наступление половецкого войска. Однако в дальнейшей исторической повести XIV—XVI веков применяют образ тучи как представление о всяком сильном войске; так, и в Задонщине „силнии тучи съступалися... съступалися русские сынове с погаными татары“, и в Казанской истории русские войска „яко грозные тучи с великим громом“. И если в рассказе турецких языков „великая и страшная туча“ — вражеское для них русское войско, то Историческая повесть об Азове тем же образом определяет казачье войско: „и быть аки великиа туча грозная восходила“.³

В песенном применении этот образ „войска — тучи“ находим уже в песне, записанной в 1619 году:

А не сильная туча затучилася,
а не сильнии громы грянули,
куде едет собака Крымский царь
а ко сильному царству Московскому.⁴

Трудно отделить в описании войск и боевых столкновений в Поэтической повести обычные несколько гиперболизированные образы воинской повести от эпических песенных воинских картин. Несомненно, в задачу автора входило усилить впечатление от описания осады Азова, создать представление об огромных размерах вражеского войска, чтобы тем самым подчеркнуть заслугу защитников крепости; поэтому приподнятость повествования была ему необходима. Но в то же время не следует забывать, что под Азов действительно пришла огромная армия из турецких и наемных полков, поэтому нельзя целиком считать „литературным приемом“ патетику воинской фразеологии повести: „от силы их многия и от уристанья их конского земля

¹ А. С. Орлов. Исторические и поэтические повести об Азове, стр. 192.

² Там же, стр. 202.

³ Там же, стр. 57.

⁴ Песни, записанные для Ричарда Джемса в 1619—1620 гг. СПб., 1907, стр. 12.

у нас под Азовым потреслася и погнулась, и из реки у нас из Дону вода на береги выступила... на луги пошла“, „знамена яко тучи страшные“ покрыли людей, а было их так много, „что травы на поле или песку на море“. Образность этих описаний, вероятно, уже вошла в постоянное обращение, и, не связывая ее с определенным литературным и устно-поэтическим применением, автор нашей повести ввел ее как отвечающую его цели — создать яркие, вызывающие у читателя сочувствие к защитникам Азова картины их тяжелой боевой жизни.

Конечно, к деталям этих картин можно подобрать и фольклорные параллели: например, изнеможение казаков, перенесших уже многочисленные приступы, бесценно сражавшихся у стен Азова, повесть выражает теми же словами, какими иногда и в песне описывается истомленный в бою герой: „и уста наша кровию запеклись, не пиваючи и не едаючи“ (ср. в былинах: Илья Муромец объясняет князю Владимиру, почему привезенный им Соловей Разбойник не может засидеть: „теперь у него уста запечатаны, запеклись уста кровью горячею“; богатырь „бьется, дерется целой день, не пиваючи, ни едаючи“). Однако нельзя согласиться с А. Н. Робинсоном, который, приведя эти две фольклорные параллели к повести, делает вывод, что „этот образ (в повести, — В. А.-П.) явился в результате соединения двух былинных формул“.¹ В данном случае, конечно, каждый из сказителей, как и автор повести, передал бытовой эпизод бытовой же речью: это соединение понятий „не пить — не есть“ для определения крайней степени голода обычно и в живом языке: „не пивши — не евши“, равно как и без и отрицания „пить — есть“. Следовательно, искать для этого выражения повести фольклорных образцов нет надобности: казаки действительно изнемогали от голода, и пересохшие от жажды уста действительно „запеклись“ у них кровью.

Таким образом не следует преувеличивать фольклорности стиля Поэтической повести об Азове. Ее образность в большинстве случаев представляет прямое отражение выразительной живой речи той среды, какая выдвинула автора повести. С помощью этой выразительной речи достигалась характерная для повести реалистичность изображения. Количество „эпических приемов“ в повести, как мы видели, весьма ограничено: автор воспроизвел лишь те из наиболее популярных символов-метафор, которые помогли ему оттенить насмешливо-презрительное отношение к врагам (враги-гости, ироническое предложение служить им „сабельки вострыми“), усилить впечатление ужаса от кровопролитных боев и передать любовное отношение к природе донских степей. Выбранные автором поэтические средства фольклора не нарушили его стремления к реалистичности повествования, но помогли придать рассказу необходимую по замыслу эмоциональную окраску — ироническую, патетическую или грустно-лирическую.

И в этом соединении реалистического рассказа о действительно бывшем с оценкой автором изображаемых событий, в отказе от поэтического стиля старого эпоса, автор сошелся с исторической песней казаков, развивавшейся в XVI—XVII веках в том же направлении, в каком росла и общерусская историческая песня.

Историческая повесть об азовском взятии 1637 года ставила своей целью возможно более точную передачу хода военных событий. Поэтическая повесть об азовском осадном сидении 1642 года стремилась

¹ А. Н. Робинсон. Из наблюдений над стилем Поэтической повести об Азове, стр. 59.

в острой публицистической форме дать патетически украшенное изображение осады Азова, которое убедило бы московское правительство принять Азов. Сказочная повесть вспоминает всю азовскую эпопею в целом — от первого взятия до вынужденного оставления казаками Азова после героической его защиты — не в исторически точных ее очертаниях, а в поэтической обработке. Эта повесть последней трети XVII века была создана тогда, когда самая тема ее перестала быть такой животрепещущей и прямо связанной с жизненными интересами казачества, какой она была в конце 30-х и начале 40-х годов XVII века. На первом плане в ней поэтому оказалась обобщенная картина длительной героической борьбы казаков с турками, борьбы, принимавшей, в зависимости от обстановки, разные формы, но в данном случае отнесенной к азовскому взятию. Такое обобщение, несомненно раньше, чем в письменной литературе, произошло уже в казачьем фольклоре, в многочисленных песнях, которые, слагаясь под непосредственным впечатлением определенных исторических фактов, с течением времени отвлекали типичные черты столкновений донского казачества с турками и свободно переносили их с событий более ранних на позднейшие.

Однако и в том поэтически переработанном виде, в каком азовские события изложены в Сказочной повести, участники этих событий сохраняют реальные черты своего характера и поведения: они бесстрашны, умны, хитры; играя на жадности противника, одурачивают его, относятся к нему с презрением. Мало того, очевидно нарушая историческую точность в воспроизведении реального хода событий, Сказочная повесть вместе с тем вводит много реалий не только подлинного казачьего быта вообще, но и той обстановки, в какой развернулась в 1630—1640-е годы борьба за Азов.

Минуя пока вопрос о том, откуда в Сказочную повесть проник рассказ о похищении казаками дочери азовского воеводы, предваряющий описание собственно азовских событий, обратимся к своеобразному изложению темы Исторической повести, т. е. взятия Азова в 1637 году небольшим отрядом донских казаков.

Этот рассказ не имеет ничего общего с тем, как в действительности захвачен был Азов. Реалистически изложенный, этот рассказ все же представляет собой вымысел, если говорить о событиях именно 1637 года. Однако вряд ли можно сомневаться в том, что в своей многолетней борьбе с турками за Азов казаки не раз прибегали ко всякого рода военным хитростям, чтобы обмануть врага, и одна из таких хитростей — проникновение в лагерь противника на возах с товарами — в казачьих песнях оказалась приуроченной именно к взятию Азова. Такое приурочение могло, конечно, произойти уже тогда, когда стерлись в памяти исторически точные подробности взятия.

В песенном репертуаре не только донских казаков, но и населения других русских областей, а частично и в украинских песнях сохранилась группа вариантов такой исторической песни, которая изображала взятие Азова как захват города хитростью отрядом казаков; они въехали туда под видом купцов, которые скрыли своих товарищей на возах под товаром. Вся схема данного эпизода повести целиком отвечает плану песни: казаки собрались в круг, атаман предлагает в одни телеги посадить по четыре казака с ружьем, а в другие положить товары. Так отправляются казаки к Азову. „Не доходя до Азова за день“, атаман спрятал на возах вооруженных казаков, остальных велел переодеться, и под видом торговых людей „из астраханского

царства“ казаки отправились дальше. Встретившихся „татар“ казаки одарили „по три белки“ и назвались торговыми людьми. Высланным навстречу из города туркам они показали товары на десяти телегах, заверили, что в других — подарки азовскому паше, подарили посланным „по лисице“. Паша, выслушав рассказ, разрешил казакам въехать в город, ожидая богатых подарков. Ночью вооруженные казаки тайно „вылезли ис телег“ и, разбившись на отряды, захватили неожиданно город.

Один из наиболее сохранных вариантов песни¹ рассказывает, как на „тихом Дону на Иваныче“ собрался „казачий круг“, на котором „Иван Заморянин“ „речь-ту говорит, во трубу трубит“, что „пришел указ“ итти к Азову. Он предлагает сделать телеги, на них положить „живой товар — по восьми молодцов, а по девятому в провожалники, по десятому в повозчики“ и так отправиться к Азову. В пути их встретили „турецки целовальнички“, которым Иван объяснил, что они едут „со товарами со дорогильными“, просит очистить для них „дворы въезжие“, „где со товаром раскластися“. „На заре на утренней“ Иван поднимает казаков: „во белые руки берите сабли вострыя, вы рубите со татар буйни головы“.²

В одном из вариантов песни казаки называют себя „купцы черноморские“, а своих врагов — „купцы астраханские“, может быть как отголосок той песенной версии, где казаки явились под видом торговых людей из астраханского царства.

Заменив исторический рассказ песенной версией взятия Азова, автор Сказочной повести, однако, принял его лишь за основу. По песенному плану он построил подробный рассказ о сборах казаков в путь, о встречах перед Азовом и в самом городе с посланными паша, о том, как казаки расположились на ночлег, и наконец, об избииении азовцев. Но все это изложено той намеренно архаизированной, с точки зрения морфологии, речью, которая выдерживается на протяжении всей повести. Свободно развивая песенную версию, автор при этом сохранил ее характеристики смелых и решительных казаков и жадных, поддающихся на хитрость „татар“ и самого азовского паша. Таким образом песня потеряла в книжной передаче свой лаконизм и живую речь, но фольклорная оценка участников изображаемого события воспринята Сказочной повестью полностью, так как отвечала всей ее идейной направленности.

Итак, замена фактически точного рассказа о взятии Азова песенным не лишила в этом эпизоде Сказочную повесть своеобразной историчности. Сам песенный сюжет, как мы видели, не может быть оторван от реальных условий, в каких протекала многолетняя борьба казаков с турками: военная хитрость, с помощью которой в песне и в Сказочной повести казаки обманывают противников и проникают в Азов, — это не литературная выдумка, не „бродячий сюжет“, каким изображали ее представители компаративистского литературоведения.

¹ Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. 8, стр. 52—54.

² Ночное нападение на спящих жителей проникших в Азов под видом купцов казаков так изображает казачья песня:

Как не черный ворон закричал в полночь,
Закричал, заикал наш казачки атаман,
Уставайте, казаки, вы оправаяйтесь,
За ружья, за сабельки принимайтесь,
Басурманская орда теперь вся спать легла,
Вы их бейте, рубите, в полон не берите.

(А П и в о в а р о в. Донские казачьи песни. Повочеркасск, 1885, № 28)

Нет никакой надобности вслед за ними „историю“ этого якобы международного сюжета начинать с рассказа Начальной летописи под 880 годом о взятии Олегом Киева. Согласно этому рассказу, Олег подплыв к Киеву „в лодиях“, назвался „гостем“, заманил владевших Киевом Аскольда и Дира и, убив их, сел в Киеве. В основе этого предания также нет необходимости видеть сказочный вымысел: военная хитрость Олега в этом случае проста и вполне отвечает его намерению захватить Киев; в военной практике того времени она была вполне осуществима, и ничего сказочного в ней нет.

Продолжая нанизывать „варианты“ этого мнимо-„бродячего“ сюжета, компаративисты зачислили в их цепь даже полный бытовых реалий исторический рассказ Симеоновской и других летописей под 1446 годом о том, как во время усобицы московского князя Василия с племянниками князь Иван Можайский с воинами проникли в Троицкий монастырь, скрывшись в саях: князь „повеле сани многи изрядити как возы с рагозинами, а ины с полстыми, а в них по два человека в доспесе, а третий после идет, как бы за возом. И как предней уже их (т. е. ратных сторожей) великого князя Василия минуша и тако выскакаша вси из саней и изимаша их“. Совершенно очевидно, что весь этот рассказ отнюдь не литературное украшение, что за ним стоит подлинная историческая действительность: борющиеся стороны несомненно прибегали к подобного рода уловкам, обманывая противника.

Характерно, что тот же рассказ, с некоторыми дополнительными бытовыми подробностями, записал Петрей в „Истории о великом княжестве Московском“. Враги князя Василия „послали в монастырь несколько сот телег с сеном, соломой и другим мелким товаром, под которым спрятаны были воины. Когда извозчики рано поутру приехали к воротам, начальник стражи впустил их, не подозревая ничего худого. Тогда тотчас же выпрыгнули спрятанные воины, перебили сторожей, взяли в плен великого князя Василия, выкололи ему оба глаза и отвезли с женою и детьми в Углич“.

В. Миллер, расценивая этот рассказ как целиком сказочный, приводит к нему в виде варианта следующее устное предание об избиении поляков в Москве при первом самозванце:¹ „Когда Гришка Отрепьев воцарился, то Марина приказала ему звать в Москву поляков. Открыто им въезжать в город было нельзя, и поляков стали ввозить в бочках, по три-четыре человека в бочке. Много ли, мало ли навозили, но один раз везли на саях бочки с поляками по Москве, а навстречу шел дьячок, к заутрене благовестить. Увидел бочки и спросил: Што везете? — Маринино придано. — Дьячок ударил посохом по бочке, поляки и заговорили. Дьячок побежал на колокольню и стал звонить в набат. Кинулся народ, и поляков перебили“.

Первый рассказ о событиях XV века носит на себе все черты исторической действительности, в нем нет никакого вымысла, заменяющего факты. Предание об избиении поляков в начале XVII века, наоборот, реально лишь в оценке событий, в воспроизведении народной ненависти к полякам. Для того чтобы подчеркнуть эту ненависть, народное предание и представило по-своему попытку поляков скрыться от народного гнева; на самом деле именно беззастенчивое поведение свиты Марины, оскорблявшей национальные чувства москвичей, вызвало постоянные стычки между горожанами и поляками.

¹ Записано Н. Е. Ончуковым (Северные сказки. СПб., 1908, стр. 500).

Продолжая нанизывать искусственно рассказы, будто бы основанные на одном и том же „мотиве“, компаративисты заключают цепь их приведенным выше эпизодам Сказочной повести об Азове.

Как видим, во всех этих рассказах повторяется лишь общее представление о военной хитрости, но каждый из них показывает применение ее в совершенно конкретной и только для данного случая характерной исторической обстановке, требовавшей именно такого рода уловки для обмана противника. Итак, основа каждого из этих рассказов — в самой исторической действительности, а не в литературном вымысле авторов, притом идущем будто бы в направлении, подсказанном каким-то готовым „бродячим“ сюжетом. В своем стремлении во что бы то ни стало связать генетически все подобные рассказы компаративисты сосредоточивались только на внешнем сходстве способа военного обмана, совершенно оставляя без внимания историческую конкретность каждого отдельного повествования. Между тем именно эта конкретность убедительно показывает бесцельность поисков какой-то их общей литературной основы.¹

Сюжетная связь Сказочной повести об Азове с песенным казачьим фольклором не ограничивается эпизодом взятия Азова обманом. Ни одна из повестей, исторически точно передающих ход событий, предшествовавших захвату Азова в 1637 году, не упоминает о том, с чего начинается рассказ Сказочная повесть: казаки будто бы взяли в плен дочь азовского паши, каторая, в сопровождении 700 человек, с богатым приданым, нагруженным на четыре „бусы“, направлялась по морю к своему жениху „крымскому царю Старчию“.

Отдельные набеги за добычей практиковались казаками в самой разнообразной форме нападений на проходившие по Дону суда русских и иноземных купцов, на сухопутные караваны, на турецкие и крымские поселения. На этот раз казаки зашли далеко, до самого Азовского моря, и здесь стали поджидать богатые „бусы“. Приготовления к этому нападению описаны с полным знанием казачьих обычаев: дошел слух о том, что по морю направится богатый караван судов: казаки собираются „во един круг“, постановляют „иттить в путь“, навстречу каравану, готовят „легкие ясаулские струги“, оставляют на Дону „для обережения сто человек да черного попа Серапиона“, неделю и два дни „плывут по Дону до моря“ и, наконец, „в камышнике“ прячутся, поджидая добычу. Через пять дней, когда „недоста харчу“, отправляют небольшой отряд охотой добыть еды, через встречных татар узнают точно, где и когда проплывут „бусы“; „на третий день“, „в полудни“ бусы захвачены, дочь паши и ее служащие — в плену.

На захваченную в этом набеге добычу казаки покупают в Астрахани „русские товары“, и тогда-то затевается поход на Азов под видом купцов с товарами. Таким образом похищение невесты крымского царя Старчия, по Сказочной повести, обеспечивает материальную возможность осуществить хитро задуманный план — без больших жертв захватить и самый Азов. „Сказочность“ такого введения ограничивается приурочением удачного набега на богатый караван именно к походу на Азов 1637 года, как в дальнейшем повествовании к нему же было

¹ „Опыт библиографического обзора сюжета о проникании воинов в укрепленное место хитростью“ — так формулирует А. С. Орлов задачу особой главы, посвященной „международному“ комментарию к эпизоду Сказочной повести об Азове, — см. его исследование: Сказочные повести об Азове. „История“ 7135 года. Исследования и текст. Варшава, стр. 158—227.

приурочено и воспоминание о захвате Азова или какого-либо другого турецкого города не прямо военной силой, а хитростью.

Самый примечательный эпизод в истории борьбы казаков за Азов — взятие и осада 1637—1642 годов — притянул к себе, как видим, народные предания о набегах за добычей, о пленниках, которых берегли казаки, чтобы получить богатый выкуп, наконец, — о военных хитростях, применявшихся в борьбе с турками. Эти предания оформлялись в песнях, не только прямо приуроченных к Азову. После персидских походов Степана Разина песни, сложенные по свежим следам этих походов, бытуя рядом со старшими азовскими песнями, передавали им некоторые исторические подробности своего содержания, которые заменяли забывшиеся черты азовских событий. Вот почему и в первом, несомненно песенного происхождения, эпизоде Сказочной повести есть основание видеть отголосок не только казачьих набегов, современных азовским походам, но и первых походов Разина и даже давних походов Ермака. Однако самый переход таких подробностей в азовский сюжет был возможен именно потому, что исторически набеги за добычей и в середине XVII века и во время Разина протекали в близких формах.

Так и окруженный вполне реальными деталями вводный рассказ о похищении невесты крымского царя представляет собой обобщение отдельных случаев захвата богатых пленников. Песня знает и случаи похищения девушек. По убедительной догадке акад. А. С. Орлова, в Азовскую повесть рассказ о пленении девушек перенесен из разинского цикла песен.¹ Песня, связывающая взятие Азова с переодеванием казаков купцами, также, по мнению этого исследователя, связана с преданием о взятии Разиным в 1668 году персидского города Фарабата хитростью — казаки вошли в город „под видом купцов, которые хотят продать свои товары и купить новые“.² Если даже исторической основой песням и послужило действительно воспоминание о захвате Фарабата, то все же приурочение этого случая к Азову, думаем, произошло уже в песенной традиции, и автор Сказочной повести повел свой рассказ по таким версиям азовской песни, а не непосредственно по преданиям или песням о разинских походах.

Песня о похищении молодой Урзамовны, дочери турецкого мурзы, в старшей версии, сохранившейся в Сборнике Кириши Данилова, не называя прямо имени Разина, все же носит на себе явные следы песенного предания именно о его походах, хотя здесь уже есть довольно обычная в песнях замена Разина Ермаком. Вряд ли, однако, попытки возводить самую песню к циклу, возникшему в связи с походами Ермака, могут быть признаны убедительными.

Такую попытку сделал Д. С. Лихачев, сопоставив песню о похищении Урзамовны с рассказом Кунгурской летописи о том, как во время сборов ясак местный князек Елыгай привел Ермаку „прекрасную дочь свою в честь и в дар. Ермак же не принял и отверг и прочим запретил“. „Та бо девка роду ханска Сергачика царя прекрасна“. „Прекрасна дочь Елыгай“, — предполагает Д. С. Лихачев, — не есть ли это прототип той песенной „души красной девицы, молодой Урзамовны“, дочери „Мурзы турскова, которую казаки Ермака отпускают не обидев“.³

¹ Сказочные повести, стр. 150.

² Там же, стр. 152.

³ Повести о покорении Сибири. История русской литературы, т. II, ч. 2. М.—Л., 1948, сер. 92.

Историческая реальная основа песни и этого рассказа существенно разнятся. В одном случае — обычный, видимо, при сборе ясака в Сибири эпизод; в другом — столь же типичное похищение. Песня не довела до конца рассказ о судьбе „красной девицы молодой Урзамовны“: казаки привезли ее на „стругах лехких“ на Ахтубу, здесь они пируют „на великих на радостях со добычи“. На этом данный сюжет в передаче Сборника Кириши Данилова обрывается, и песня переходит к описанию убийства Карамышева. Повесть закончила рассказ о похищении, раскрыла, откуда у казаков появилась богатая добыча, и даже с этой добычей связала и весь план захвата хитростью Азова.

Как видим, повесть свободно обошлась со своим песенным источником. Этот источник, по справедливому определению А. С. Орлова, представляет поэтическое изображение „реального события, известного казачьего подвига на Каспийском море“.¹ Таким событием явилось, по его мнению, пленение дочери персидского Менеды-хана в 1669 году казаками Степана Разина, взявшего персиянку в наложницы. В казачьем репертуаре не сохранилось песни, перенесшей это событие ко времени взятия Азова. Но, поскольку и в исторических источниках нет указаний на то, что походу на Азов предшествовал удачный набег за добычей, в числе которой была и невеста крымского хана, — приходится предполагать, что Сказочная повесть самостоятельно объединяет устные предания разных циклов вокруг героического азовского сюжета.

Автор сумел органически влить этот дополнительный эпизод в композицию собственно воинской части своего повествования. Крымский хан, действительный участник осады Азова, отождествляется автором с женихом похищенной девушки. Этот хан Старчий, по повести, был убит во время дерзкого ночного нападения казаками, застигшими его спящим в шатре. Крымский хан на самом деле был ранен во время одного из приступов на Азов и умер на обратном пути, как об этом рассказала войсковая отписка 7 февраля 1642 года.

Насколько своеобразно использован песенный материал в центральном рассказе о захвате Азова хитростью, настолько вводный эпизод передан автором со всеми чертами реального происшествия без песенной характеристики „красной девицы“, умоляющей казаков не губить ее „красоты“. Дочь паши в повести — не действующее лицо, она просто часть добычи, притом самая выгодная, за которую паша-отец прислал „всякого живота на сто тысяч“. Деловитое изложение этого введения к азовским событиям лишено, таким образом, характерных поэтических черт песни, но и „историчность“ его ограничивается сюжетным планом: вымышленный, поскольку речь идет именно о взятии Азова в 1637 году, сюжет разработан с реалистическими подробностями, тогда как в песне, наоборот, исторический факт обработан согласно с песенной поэтической традицией, украсившей его типичными общими местами этого стиля.

Книжно-архаическая стихия преобладает в языке данных эпизодов повести и в описании взятия Азова.

Автор Сказочной повести проявил свое отношение к казачьей исторической песне не только в том, что он заменил изложение конкретных исторических фактов песенными обобщениями. В отличие от Поэтической повести, не выделяющей из массы казачества отдельного военного героя, Сказочная повесть, как и историческая казачья

¹ А. С. Орлов. Сказочные повести об Азове, стр. 155.

песня, обнаруживает интерес к военному герою. Этот герой не полководец-командир, тем более далек он от героических образов предводителей восставшего народа в циклах о Разине и Пугачеве. Но гибель „есаула Ивана Зыбина“, выделенного Сказочной повестью за его бесстрашное поведение в плену у турок, описана в таких же лирически окрашенных тонах, в каких казацки исторические песни описывали „рядовых казаков, урядников, хорунжих“. „Герой таких песен чаще всего гибнет в бою, его смертью куплена победа, о нем вспоминают возвращающиеся из похода, его хоронят товарищи в чужом краю“.¹

Древнерусская воинская повесть, опираясь на народные предания о таких героях, хотя и не возглавлявших русское войско, но в народной памяти особо отмеченных за горячую любовь к родине, за верность воинскому долгу, мужество и бесстрашие, — создала давно образы Евпатия Коловрата и Захарии Тютшева. Есаул Иван Зыбин относится к числу именно этих народных героев. Он смело отвечает „дарю Брагиму“ на его вопрос: „Почто вы, воры, наступили на десницу мою превеликую...“, и на всю бранную речь разъяренного врага: „И хотя бы и ты сам попался, я бы тебе право не уступил и снял бы голову по твои могучия плеча и взоткнул на свое вострое копые и разбросал бы тело твое по чистому полю“. Однако, в отличие от своих далеких предшественников, которые оттеняли в ответах русского пленника врагу эпически насмешливое к нему отношение (обещание „почтить“ врага), автор Сказочной повести, стремясь к возможно более правдоподобию и вместе с тем драматически напряженному развитию действия, заставляет Ивана Зыбина наполнить свою речь прямыми угрозами царю, теми, по оценке царя, „непристойными словами“, за которые он осуждает его на страшную казнь.

Этого народного героя казаки хоронят с глубокой скорбью, и плач-причитание его вдовы-турчанки естественно подчеркивает лирическую окраску всего эпизода, не знакомого старшим повестям об Азове. В последней трети XVII века автор мог только из устного предания ввести этот трогательный рассказ, резко выделяющийся своим вниманием к подвигу отдельного героя.

От устного источника в Сказочной повести идет, вероятно, и явно фантастический в целом рассказ о смелой вылазке двадцати казаков ночью во вражеский лагерь, во время которой они, переодевшись в турецкое платье, проникли к шатру самого царя Ибрагима, захватили турецкие знамена и богатую добычу и, наконец, убили крымского хана Старчия, а отсеченную голову его принесли атаману Науму Васильеву. Крымский хан, как выше указано, умер на обратном пути от Азова, раненный в бою, и отсеченная голова его — несомненно гиперболизм устного предания, опозитизировавшего какой-нибудь реальный рассказ о ночном набеге.

Широко пользуясь устным преданием и песнями для украшения повести новыми подробностями, автор Сказочной повести не отступал от исторической правды в оценке событий, в описании мирного и военного быта донского казачества. Реалистичность повествования он усиливал введением фактических подробностей. Склонный архаизировать язык, автор избегал прямого перенесения устно-поэтической речи в свой рассказ. Казачий фольклор для него служил материалом для создания свободной композиции на историческую тему.

¹ Б. Н. Путтилов. Исторические песни на Тереке, стр. 15.

Сказочная повесть, таким образом, представляет качественно новый этап в развитии исторического повествования: ее задача не в исторически точном воспроизведении хода действительных событий, а в создании драматически напряженного рассказа о героическом прошлом казачества. Характерно, однако, что автор, знакомый, несомненно, с гораздо более значительным периодом в этом прошлом — с событиями походов Степана Разина, предпочел совершенно не упоминать о них прямо, а воспоминания об этих походах, и то лишь первого периода, скрыть под видом уже утратившей свою остроту азовской эпопеи.

Было ли это сознательным уходом от острой политической темы автора, испуганного размахом народного движения, или вынужденной уступкой тому правительственному запрещению, которое и в устном творчестве пыталось заглушить воспоминания об „атаманушке батюшке Степане Тимофеевиче“, — сказать трудно.

4

После крестьянской войны начала XVII века значительный рост роли в общественно-политической жизни Московского государства демократического лагеря, противостоявшего феодальной реакции, способствовал созданию новой демократической интеллигенции, которая приняла деятельное участие в развитии литературы. Приобщаясь к книжной культуре, эта новая писательская среда сохраняла и все навыки особенно близкой ей многовековой устно-поэтической традиции. Новый автор, как и его читатель, энергично заявлял права на литературное применение живого языка, на смелое сближение с устным творчеством народа.

К середине XVII века, как известно, литературная практика этой демократической интеллигенции привела к созданию целого своеобразного направления — острой социально насыщенной сатиры. В начале XVII века историческая тема как непосредственный отклик на бурные события оказалась в центре внимания новой писательской среды. К сожалению, до нас дошли лишь наименее яркие образцы этой демократической исторической литературы, не дающие о ней полного представления. Но несомненно, что само появление литературных произведений, широко отзывавшихся на историческую действительность, оценивавших ее с точки зрения интересов трудового народа и выражавших эти оценки в доступной народу художественной форме, — не могло пройти бесследно и для литературных навыков враждебного лагеря. Вот почему и у авторов, прямо заявлявших свое осуждение восставшему народу, связь с фольклором обнаруживается иногда в более отчетливой, чем в предшествующем периоде, хотя и внешней только форме.

Демократическая историческая литература берет в XVII веке из родственного ей фольклора не то, что привлекало к нему писателя раннего средневековья. Как и новая историческая устная песня, литература избегает эпической идеализации и связанного с ней гиперболизма; она идет по пути создания реалистического, хотя и опoэтизированного рассказа о современной исторической действительности. Так, автор Поэтической повести об азовском осадном сидении 1642 года допустил в своем публицистическом изложении песенную поэтизацию бесстрашного донского вольного казачества, показав его только с положительной стороны; любовно лирически описал природу донских степей и своего кормильца — „государя тихого Дона Ивановича“.

усилила краски в боевых картинах. Для этой поэтизации средства дала ему историческая и лирическая песня донского казачества.

Но уже в последней трети XVII века наступает новый этап в использовании устно-поэтического источника для разработки исторической темы. Этот этап наглядно иллюстрирует так называемая Сказочная повесть об азовской эпопее 1637—1642 годов. Автор ее в части, касающейся захвата Азова казаками в 1637 году, заместил двумя песенными сюжетами описание реального хода исторических событий. Это замещение, конечно, нарушило точность описания данного исторического события, но оно не нарушило в целом жизненной правды изображения казачьего быта и отношений казаков с турками. Песенные сюжеты, обобщавшие в свое время исторические факты, развиты в повести с полным знанием самых существенных сторон этого быта. И хотя в подробностях, выдаваемых за исторические факты, мы и найдем отклонения от истории (убийство царя Старчия, разговор есаула Зыбина с Ибрагимом и т. д.), однако обобщение, сделанное уже в песнях, и в повести помогло добиться верности всей картины борьбы за Азов.

Такое замещение реального факта песенным обобщением наблюдений над современной ему исторической действительностью существенно отличается от способа развития исторической темы, касавшейся далекого прошлого, в таких, например, повестях также последней трети XVII века, как повести о начале Москвы или о Тверском Отроче монастыре. Сказочность и занимательный вымысел в этих повестях на первом плане, и это перемещение внимания на вымышленную тему, за счет исторической правды, дает право рассматривать данную группу жанрово различных произведений, объединенную вымышленной темой, лишь условно связанной с историческими лицами и событиями.

Таким образом если проследить пути развития передовой древнерусской исторической литературы и в той или иной степени родственного ей по своей идейно-художественной сущности устного исторического эпоса, то можно установить некоторую общность в направлении этих путей. В эпоху образования великорусской народности в разработке исторической темы устными историческими песнями и идейно родственной им исторической литературой наблюдается отход от того художественного метода, который применяется некоторыми писателями раннего средневековья и народными поэтами для идеализации исторической действительности. Стремление к реалистическому отражению этой действительности, в оценке ее трудовым народом или демократически настроенным писателем, объясняет отказ литературы от схематизма и идеализации. То обобщение отдельных исторических фактов, которое происходит в народной исторической песне, то взаимодействие, которое происходит между идейно родственными устными произведениями, например, между циклами песен о Ермаке и Разине, характерно и для литературных обработок исторической темы литературой второй половины XVII века, если эта тема уже потеряла свой злободневный характер. Точность изображения отдельных исторических фактов в таких случаях отступает на второй план; жизненная правда повествования сосредоточивается в правдивом воспроизведении основных сторон данной исторической эпохи. Так историческая тема становится сюжетом исторической художественной литературы, качественно новой формы изображения исторического прошлого, отличной и от новой формы истории как документа и от средневекового исторического рассказа, насыщенного злободневной публицистикой, всегда ярко

тенденциозного, соединяющего документальность с поэтичностью, которая, однако, в сознании автора и читателя не отделима от историчности.

Вскрывая способы использования устно-поэтического материала в различных видах исторического повествования древней Руси для полного и всестороннего решения проблемы отношения древнерусской исторической литературы к фольклору, необходимо произвести и подробный анализ ее художественных средств в сравнении с приемами изобразительности, организующими изложение в произведениях устной поэзии.

Сложность такого рода анализа объясняется тем, что подлежащий сопоставлению с языком литературных памятников язык устной поэзии как система художественно-изобразительных средств только начинает изучаться. Вот почему до сих пор общим методологическим недостатком всех литературоведческих заключений о „фольклорных“ элементах в языке древнерусских литературных произведений является то, что литературные тексты механически сопоставляются с той формой устной поэзии, какую она имела после XVII века. А если учесть, что XVII и XVIII века представлены очень ограниченным числом записей фольклора, то окажется, что материал для сравнения извлекался главным образом из записей XIX—XX веков.

Задача истории русского языка — установить, как на основе лексического богатства живого языка, его синтаксических отношений, на основе смысловой и эмоциональной выразительности языка в целом создаются своеобразные художественные средства, которые становятся органическими элементами устного поэтического языка. Лишь определив смысл и функцию таких устно-поэтических художественных средств в каждом фольклорном жанре, мы получим надежный материал для выделения и в литературном языке перенесенных в него именно из устной поэзии характерных и ею выработанных стилистических „приемов“.

А. П. Евгеньева,¹ исследуя в широком историческом плане язык устной поэзии, по его отношению к языку в целом, к древнерусскому и современному литературному языку, вскрывает всю ошибочность традиционного смешения явлений языковых с изобразительно-художественными средствами устной или письменной литературы.

Выводы этих исследований А. П. Евгеньевой заставляют с большой осторожностью заносить те или иные стилистические приемы древнерусских литературных памятников в разряд „устно-поэтических“, т. е. воспринятых в готовом виде из устной поэзии. Те заключения, к которым привел анализ нескольких характерных явлений русского языка, убеждают нас, что выработанные устной поэзией на основе этих явлений художественные средства нашли верное отражение и в языке лучших передовых памятников древнерусской исторической литературы. Тем самым подтверждается органическое родство этой литературы с творчеством трудового народа, родство идейное и художественное.

С этим выводом вполне согласуются и наблюдения над применением метафорически-символической системы устной поэзии в идейно близких к народному творчеству памятниках исторической литературы. Уже

¹ А. П. Евгеньева. О некоторых поэтических особенностях русского устного эпоса XVII—XIX вв. (Постоянный эпитет). Труды Отдела древнерусской литературы, т. VI, М.—Л., 1948, стр. 154—189; А. П. Евгеньева. Язык русской устной поэзии. Синонимия; там же, т. VII, М.—Л., 1949, стр. 159—211.

в XII веке, как это показывает „Слово о полку Игореве“, древнерусский писатель умеет не просто перенести эту систему, известную ему, например, по песням Бояна, в литературное изложение, сохраняя ее смысловую и эмоциональную выразительность, но он поднимает ее на большую художественную высоту. Вместе с тем именно „Слово о полку Игореве“ позволяет сделать некоторые заключения о хронологии многих изобразительных средств этой метафорически-символической системы, доживших в устной поэзии до нового времени.

Как показывает пример того же „Слова о полку Игореве“ и других поэтических обработок исторической темы, эта тема вовлекала иногда в литературу не только собственно эпические средства; автор переносил в свой рассказ и характерные черты народной лирики, когда этот рассказ приобретал эмоциональную окраску, когда в нем проявлялось, наряду с героическими мыслями и настроениями, радости и печали личной жизни.

Раннее средневековье в отношении к своеобразным художественным средствам устной поэзии значительно отличается от периода создания общерусской литературы XV—XVI веков. Чем старше памятник, тем заметнее, что основной языковой фон, на котором появляются элементы устно-поэтической системы, — это живой русский язык во всем его богатстве. Так, именно в XI—XII веках выразительная фразеология воинской практики обогащается художественными мотивами, аналогичными тем, какие украшают воинские описания в устном эпосе; в строго законченные формы практической ораторской речи — вечевой, посольской — входят повышающие ее эмоциональную выразительность лирические эпизоды; в бытовых плачах обнаруживаются мотивы лиро-эпической народной причеты и т. д.

Самый отбор отдельных изобразительных средств из другого источника — из растущей рядом с исторической литературой дидактической и панегирической литературы — направляется этой крепко спаянной языковой основой, в которой живая речь и выросшие из нее художественные средства слиты в неразделимое целое. Вот почему не только в простом и лаконичном летописном языке, но и в изысканной по своей художественности речи автора „Слова о полку Игореве“ эти дополнительные элементы литературного языка не нарушают его единства, подчиняясь господствующей его основе.

Все прочнее входившая в сознание господствующих классов религиозная идеология определила нарастание в литературном изложении соответствовавшего ей особого стиля со своим словарем, со своими средствами выразительности, смысловыми и эмоциональными. В период энергичного роста централизованного Русского государства создается свой пышный стиль и для передачи исторической темы — стиль, достигающий высшего расцвета в XVI веке и соответствовавший задаче утверждения авторитета правительственных кругов. Преобладающая основа этого стиля отдаляется от художественной системы устной поэзии.

В обработке исторической темы начала XVII века обнаружилось резкое классовое расслоение писателей, отразившееся не только на идейной оценке одних и тех же событий, но и на способе их художественного выражения. Однако и в том и в другом лагерях у большинства писателей идет борьба между двумя системами изложения. Риторический стиль в это время характерен для писателей — представителей феодальной реакции, но элементы его есть и у несомненно демократически настроенных авторов. Вместе с тем живая речь

с элементами фольклорности вливается в рассказ писателей, стремящихся быть более доступными массовому читателю; к ней же обращаются иногда и реакционные писатели, пытаясь также воздействовать не только на узкий круг своих идейных единомышленников.

Этот разнობой в стиле — характерное явление в исторической литературе первой четверти XVII века. Однако уже становится очевидно, что будущее не за той пышной книжной речью, которую усердно культивируют в литературе временно победившей реакции и которая явно искусственно оживляется в этой литературе. Будущее было за стилем литературы демократических слоев, боровшихся в течение всего XVII века за свои гражданские права. А вместе с их бытовой речью снова заняла свое место в литературе и художественная система языка устной поэзии в том ее виде, какой она приобрела к этому времени. Каждый автор, выбирая из фольклора идейно наиболее себе близкое, отражал и в языке определенную группу устных памятников. Потому-то цикл старших повестей на азовскую тему обогащал и свой язык из родственной области исторических и лирических песен донского казачества.

Рост значения живой и устно-поэтической речи в развитии литературного языка демократических направлений литературы XVII века характеризует не только памятники, объединенные исторической темой. Он был проявлением могучего процесса освобождения человеческой мысли от многовековой власти над ней церковной идеологии.

Ю. Н. ДМИТРИЕВ

Теория искусства и взгляды на искусство в письменности древней Руси

В русской литературе вопросы теории искусства впервые были поставлены и начали разрабатываться во второй половине XVII века. Правда, в памятниках письменности более раннего времени, XV и XVI веков, нашли свое отражение споры, которые возникали по поводу отдельных иконных изображений и которые волновали подчас очень широкие слои русского общества. Однако эти споры не касались собственно искусства и содержанием их были догматические вопросы — обсуждали и спорили: соответствует ли учению, обычаям церкви то или иное изображение? Постановления Стоглавого собора 1551 года относительно иконописания также носили исключительно церковно-догматический характер.

Но в XVII веке само искусство стало предметом глубоких размышлений. Это было время, когда создавалось новое искусство, вступившее в борьбу с вековыми художественными традициями древней Руси, и когда вместе с тем русская мысль, освобождаясь от власти богословия, делала первые попытки осознать различные области накопленных знаний и опыта практической деятельности, пролагая пути их дальнейшему развитию.

Вопросы искусства приобрели в эти годы настолько большое значение, что за короткий срок — примерно три десятилетия — появилось по крайней мере семь литературных документов, различных по назначению, касавшихся истолкования искусства. Некоторые из них представляли собою небольшие, но прекрасно разработанные теоретические трактаты.

Однако, возникнув в условиях переломной эпохи, вызванные потребностями текущего дня, эти трактаты выразили взгляды, имеющие значение не только для своего времени, но значительно более широкое и общее. Авторы их впервые в русской письменности изложили в стройной системе воззрения на искусство. Но эти воззрения опирались на традиционные для древнерусской культуры авторитеты, и, — что самое важное, — теоретические положения трактатов не только не расходились, но были в полном согласии со взглядами на искусство, существовавшими в древней Руси и прежде. Об этом можно судить по отдельным высказываниям, встречающимся в различных памятниках письменности более раннего времени. Здесь нет ничего удивительного. История эстетических учений показывает, что нередко различные эпохи предъявляли к своему искусству одинаковые требования, однако одинаковые требования в различные эпохи удовлетворялись по-разному.

Русские трактаты XVII века, будучи посвящены изобразительному искусству, имеют более широкое значение и в другом отношении. Основные теоретические положения, разрабатываемые ими, применимы не к одному только изобразительному искусству, но и к другим видам искусства, к искусству вообще. И действительно, сами авторы трактатов охотно прибегают к древним, восходящим еще к античности, уподоблениям живописи литературе и литературы живописи.

Из этих памятников письменности два были полемическими. Их породила та страстная борьба, которая шла между сторонниками нового и старого искусства. Одно из этих сочинений принадлежит другу прославленного художника Симона Ушакова изографу (т. е. живописцу) Иосифу Владимирову и представляет собой апологию новой эстетики и ядовитую критику взглядов, высказываемых приверженцами старых традиций.¹ Второе написано знаменитым протопопом Аввакумом в защиту старой живописи с не менее язвительной критикой новой живописи.² Эти два литературных произведения — памятники борьбы двух мировоззрений — ярче, чем какие-либо иные источники, освещают сущность того, что происходило в русском искусстве XVII века. Но, связанные всем своим содержанием с интересами и потребностями того времени, потребностями текущей внутрицерковной борьбы, они будут нам менее нужны, чем пять других документов, посвященных общетеоретическим вопросам. По сравнению с часто используемыми сочинениями Иосифа Владимировича и протопопа Аввакума эти теоретические трактаты менее известны, за исключением, быть может, сочинения, приписываемого Симону Ушакову.

Это последнее носит название „Слово к люботщательному иконного писания“³ и возникло в связи с задуманным его автором очень показательным для XVII века трудом — практическим пособием для живописцев. Пособие это, по замыслу своему совершенно непохожее на прежние руководства, так называемые „подлинники“, автор назвал „алфавитом художества“. Оно должно было состоять из изображений человеческого тела в различных положениях, которые предполагалось издать отпечатанными с медных гравированных досок. Такие образцы могли бы, по мысли автора, оказать художникам большую пользу. Вот как он объяснял свое намерение: „... вся члены телесе человеческого нашему художеству во употребление приходящие по различному требованию написать и на медных дщицах извоюну быти, ко еже напечататися ему искусне во образ и ползу всем люботщателем честных хитрости сея, надеяся, яко вси благодарне сей залог любве моей воспримут, внегда узрети им яко много поспешествовати может...“⁴

Изложению этого намерения предпослана обширная записка, которая должна была служить как бы обоснованием предполагаемого труда, но которая имеет, однако, совершенно самостоятельное значение. Задача „Слова“ — показать высокое значение искусства, и в удачном разре-

¹ Сочинение Иосифа Владимировича, именуемое обычно „Послание“, полностью не издано. Содержание его изложено Ф. И. Буслаевым в статье „Русская эстетика XVII в.“ (Ф. И. Буслаев, Сочинения, т. II, СПб., 1910). Извлечения из „Послания“ изданы в переводе на современный русский язык в сборнике „Мастера искусства об искусстве“ (т. IV, М.—Л., 1937). „Послание“ написано не позже 1666 года — года низложения Никона, о котором И. Владимиров говорит как о патриархе.

² Книга бесед протопопа Аввакума. Беседа четвертая. Пгр., 1917. — „Беседа“ написана не ранее второй трети 1673 года и не позже второй трети 1675 года (см. „Введение“, стр. VII).

³ Опубликовано Г. Филимоновым (Вестник Общества древнерусского искусства при Московском публичном музее, Материалы, М., 1874, стр. 22—24).

⁴ Там же, стр. 24.

шении поставленной задачи видна зрелость мыслей автора. Развивая основные положения, составляющие содержание „Слова“, он обнаруживает попутно свое понимание сущности искусства и его отношения к действительности, что представляет для нас наибольший интерес.

Г. Д. Филимонов, издавший „Слово“, отметил совпадение заключительной фразы этого сочинения с надписью, помещенной Симоном Ушаковым на исполненной им иконе Спаса, находящейся в соборе Троице-Сергиевой лавры.¹ Такое совпадение делает очень убедительной мысль, что именно Симон Ушаков и написал „Слово“, тем более, что кто-либо иной из его современников вряд ли мог претендовать на составление и издание подобного руководства для художников. Мнение об авторстве Ушакова укрепилось в научной литературе, и мы последуем за установившейся традицией, никем не оспариваемой.²

Три других сочинения взаимно связаны своим происхождением.

Первое из них — записка Симеона Полоцкого, составленная на имя царя Алексея Михайловича по поводу недостатков в деле иконописания.³ Она не издана полностью и известна по рукописному сборнику Государственной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, в котором занимает восемнадцать мелко исписанных страниц в четвертую долю листа.⁴ Подробно и красочно описывая недостатки русского иконописания того времени, о которых, впрочем, постоянно говорят различные авторы и правительственные документы, Симеон Полоцкий разъясняет значение иконописания, опираясь на авторитет „отцов церкви“. В предисловии к записке изложена просьба, чтобы царь предложил собору трех патриархов, созванному в Москве по делу Никона, обсудить эту записку, поднимаемые ею вопросы о недостатках русского иконописания и выработать меры к устранению последних. Записка была составлена, следовательно, в 1667 году, когда от рассмотрения дела Никона патриархи перешли к другим вопросам устройства русской церкви, или же в начале 1668 года, если судить по дате следующего документа.

Вопросы, поднятые Симеоном Полоцким, действительно стали предметом обсуждения собора, что видно по грамоте, данной в Москве 12 мая 1668 года от имени александрийского патриарха Паисия, антиохийского патриарха Макария и московского патриарха Иоасафа. Однако собственно состоянию русского иконописания и мерам к улучшению его грамота уделяет немного внимания, говорит о том и другом лишь в конце и весьма общо. Большая же часть ее занята рассуждениями об искусстве, которые образуют в целом превосходный теоретический трактат, содержащий апологию искусства. Хотя Симеон Полоцкий был не только инициатором обсуждения собором вопросов иконописания, но и принимал участие в деятельности собора, тем не менее не он был, повидимому, автором этой грамоты: настолько отличается она широтой рассуждения, подбором доводов и самым своим построением от записки Симеона.

¹ Там же. Примечание. — С. Ушаков умер в 1686 году.

² Впрочем некоторые историки древнерусского искусства ограничивали авторство Ушакова. „Судя по тяжелому [?] книжному языку, — писал Н. П. Кондаков, — Симон предоставил свои взгляды и опыты для изложения безымянному книжнику, о личности которого высказаны разные догадки“ (Н. П. Кондаков. Русская икона. Текст, ч. I. Прага, 1931, стр. 50).

³ Л. Майков. Симеон Полоцкий о русском иконописании. СПб., 1889; его же. Симеон Полоцкий. Очерки из истории русской литературы XVII и XVIII столетий. СПб., 1889. (В дальнейшем приводится сокращенно — Симеон Полоцкий).

⁴ Рум. № CCCLXXVI, лл. 12—20.

Грамота трех патриархов была подтверждена в 1669 году царской грамотой, которая повторяла в сокращенном и несколько измененном виде ее рассуждение о значении искусства.¹

И „Слово“, написанное Симоном Ушаковым, и записка Симеона Полоцкого, так же как и грамота трех патриархов, сохранились, или, правильнее будет сказать, известны в настоящее время в одном экземпляре, притом сочинение Ушакова и грамота — в копиях более позднего времени. Но тем не менее можно полагать, что в свое время эти первые опыты русской мысли в области теории искусства получили распространение, и их хорошо знали в кругу московских деятелей культуры последних десятилетий XVII века. Так можно думать на основании еще одного труда, посвященного искусству, который возник в указанный период. Составлен он, как полагают, Карионом Истоминым — известным деятелем конца XVII—начала XVIII века, автором ряда сочинений по догматике, истории, педагогике, переводчиком, стихотворцем, человеком близким к патриаршему и царскому дворам. Труд этот носит то же название, что и сочинение Симона Ушакова: „Слово к люботщателем иконного писания“,² но представляет собою компиляцию, составленную из всех четырех известных нам произведений — „Слова“ Симона Ушакова, записки Симеона Полоцкого, грамоты патриархов и царской грамоты. Соединить их вместе было удачной мыслью, и сделать это можно было без каких-либо натяжек, так как все названные сочинения в своих теоретических рассуждениях ставили перед собою одну задачу — показать высокое значение искусства, давали ей одинаковое решение, были проникнуты одинаковыми мыслями, опирались на одни и те же авторитеты и даже иногда пользовались одними и теми же доводами. Компиляция сделана очень искусно, и плодом ее явился трактат, стройный композиционно и богатый содержанием, хотя и не заключающий в себе новых, оригинальных суждений.

Основной задачей перечисленных произведений было доказательство важного, общественного, — как сказали бы мы теперь, — значения искусства. Но в рассуждениях на эту тему нашли свое выражение взгляды современников также и на другие стороны искусства, о чем мы уже говорили в отношении „Слова“ Симона Ушакова, но что относится в такой же степени и к остальным произведениям. Внимание их авторов не останавливается на ряде вопросов, которые имеют для нас наибольший интерес, но отношение их к этим вопросам нетрудно выяснить, вникая в их рассуждения. Мы будем поэтому искать в рассматриваемых сочинениях и найдем ответы на более широкий круг вопросов, чем те, которые прямо ставили и на которые отвечали их авторы.

Прежде чем приступить к разбору взглядов на искусство, выраженных в рассматриваемых произведениях письменности, необходимо дать читателю общее представление о последних: об их содержании, применяемых доказательствах, используемых источниках, о мировоззрении авторов. Удобнее всего это сделать сокращенным изложением наиболее замечательных произведений — „Слова“ Симона Ушакова и

¹ П. Пеккарский. Материалы для истории иконописания в России. Известия имп. Археологического общества, т. V, вып. 5, СПб., 1865. (В дальнейшем приводится сокращенно — Материалы). Акты Археографической экспедиции, т. IV, столб. 224—226.

² „Слово“ издано полностью: А. Никольский. Слово к люботщателем иконного писания. Вестник археологии и истории, вып. XX, СПб., 1911. — „Слово“ известно по сборнику, который А. И. Соболевский признает автографом Кариона Истомина. На этом основании А. Никольский приписывает авторство „Слова“ К. Истоминому (см. там же, стр. 69).

грамоты трех патриархов, сохранив в изложении все важные и характерные особенности русских трактатов об искусстве. Такое изложение, кроме того, послужит основой, на которую сможет опереться предлагаемое исследование, поскольку самые произведения, являющиеся его объектом, невозможно воспроизвести здесь полностью.

Содержание „Слова к люботщательному иконного писания“, приписываемого Симону Ушакову, мы передаем по печатному тексту, сверенному с рукописью, по которой оно издано.¹ Мы учли также сокращенный перевод „Слова“ на русский язык — перевод не во всем удачный.²

Содержание „Слова“ следующее.

Бог, сотворивший человека, дал ему особую способность — „душевную силу“, называемую „фантазией“, — изображать всевозможные вещи. Этим, свойственным естеству человека дарованием бог наделил всякого, но в разной степени. Одни могут создавать подобия видимого без труда, другим обучение искусству дается с большими усилиями.

Из многих и различных художеств (под этим словом понимались как все виды искусства, так отчасти ремесла и различные знания вообще) только семь считаются свободными. В их числе первенствующим, „началодержательным“ у древних греков было, по свидетельству Плиния, „иконотворение“, т. е. изобразительное искусство, которое само разделяется на шесть видов. Между ними живопись превосходит все остальные, потому что точнее и живее воспроизводит („вообразует“) оригинал („вещь предприятую“), яснее передает подобие всех его качеств, а также и потому, что более употребительно церковью.³

Изобразительное искусство было в большом почете во все века, во всех странах и во всех слоях общества, так как везде было в большом употреблении „великия ради пользы своя“. „Образы“, т. е. изображения, „суть живот памяти, память поживших, времен свидетельство, вещание добродетелей, изъявление крепости, мертвых возживание, хвалы и славы бессмертие, живых к подражанию возбуждение, действу воспоминание“. „Образы“, т. е. изображения, делают то, что отстоящее далеко предстоит перед нами и находящееся в разных местах „в едино предъявлятися время“.⁴

Поэтому в древние века это славное художество было так любимо, что не только „благородные“ обучались ему, но и „славные“ цари занимались им, „кисть скипетру присовокупяше“. Ибо если царь царей и господь господ является первым „образотворцем“, почему же и земным царям „образотворение“ нельзя приписать в похвалу? Первый же „образоделатель“ есть сам бог, ибо он сотворил человека по образу и подобию своему и, будучи бесплотен и неопишуем, принимал различные телесные образы, являя себя человеку. Следовательно, сам бог есть образотворец, и если в заповедях своих он запрещал создание „образов“, т. е. изображений, то рассуждающий разумно поймет, что запрещение говорит о создании идолов-образов, почитаемых за бога, а не обычных изображений, „красоту приносящих, духовную пользу деющих и божественная нам смотрящих являющих“. Христианские

¹ „Слово“ Симона Ушакова помещено в начале рукописного „Подлинника“, хранящегося в Государственной Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина под шифром О. XIII-4.

² Сборник „Мастера искусства об искусстве“, т. IV, 1937.

³ Вестник Общества древнерусского искусства... стр. 22.

⁴ Там же.

изображения почитаются не в качестве богов, и не вещь чтится в них, но „первообраз“.¹

Не только сам бог „иконописьательства есть художник“, но и все существующее и воспринимаемое чувством зрения имеет таинственную и удивительную силу этого художества, так как всякая вещь, если она будет поставлена перед зеркалом, напишет в нем свой образ. Разве не чудо, — восклицает автор, — что безо всякого чуда возникает чудесный образ, который перед движущимся человеком — движется, перед стоящим — стоит, перед смеющимся — смеется, перед плачущим — плачет и перед делающим что-либо иное — делает то же, во всем является живым, хотя ни тела ни души человеческих не имеет. Точно так же и в воде, на мраморе и на иных вещах, хорошо выглаженных, видим мгновенно изображающиеся, но не создаваемые трудом „образы“ различных вещей („всяких вещей образы в единой черте времени, всякого трудоположения кроме пишимы быти видим“).²

Не бог ли сам, а также естественными свойствами природы („сущим естеством“) учит человека „художеству иконописания“? Поэтому церковь с самого начала приняла иконные изображения. От икон, говорит автор, происходит так много чудес, что объять последние числом было бы все равно, что взвесить огонь, измерить дыхание ветров и сосчитать падающие капли дождя. Кровью и страданиями мучеников церковь защитила почитание икон от гонений, которые были воздвигнуты на них по наущению дьявола.³

Почитающие иконы, лобызая и поклоняясь им, возводят свой ум к первообразам. Поэтому человек и стремится искуснее научиться их изображению. Художник старается „мученические страдания живо изображати“, чтобы зритель проникся сочувствием к ним и стал как бы соучастником изображаемого. Так случилось некогда с Василием Великим. Готовясь произнести похвальное слово о Варлааме, он увидел изображение мученического подвига этого святого и, восхищенный искусством живописца, воскликнул, что художник представил этот подвиг лучше, чем он, оратор, мог бы сделать словами. Так подобает писать всем художникам, чтобы их произведения вызвали такое же удивление и об этих произведениях можно было бы сказать то же, что сказал Василий Великий об увиденном им изображении.⁴

На этом заканчиваются рассуждения автора „Слова“ об искусстве, и он переходит к осуждению тех художников, которые, заботясь о „земных прибитках“, относятся к своему искусству с небрежением, пишут изображения, достойные смеха и вызывающие поругание „чюжде-странных“. В заключение автор говорит о своем, уже известном нам намерении способствовать повышению мастерства живописцев изданием „алфавита художеств“.

Предваряя предстоящий разбор высказанных в „Слове“ суждений, отметим здесь одну черту его, обращающую на себя внимание. Автор „Слова“ целиком находится под влиянием церковных воззрений, и иначе, конечно, не могло быть. Но он — человек XVII века, и мысль его устремляется за ограничивающие, старые пределы церковных догм. В своих размышлениях он обращается к явлениям природы и естественным свойствам человека, к общественному значению искусства и на время забывает при этом об интересах церкви. Эта черта, столь

¹ Вестник Общества древнерусского искусства. . . , стр. 22—23.

² Там же, стр. 23.

³ Там же, стр. 23—24.

⁴ Там же, стр. 24.

показательная для развития русской мысли XVII века, свойственна также грамоте 1668 года, прибегающей к примерам из русской и всемирной истории, к ссылкам на сочинения византийских и античных авторов. Рассмотрим также и ее содержание.

Если мы захотим разыскать начало этого славного искусства живописи, — говорится в начале грамоты, — мы найдем, что первый художник есть бог, потому что он захотел сотворить человека. Сотворим, сказал, человека во образ и подобие наше. Итак, первейший образ человека есть сам господь бог, производный или произведенный — человек. Поэтому образ есть как бы некое подражание. Но также и икона (греческое *ἑικων* означает „образ“, „изображение“, „подражание“) потому так называется, что она есть отношение образа к образу, основанное на подобии („аки сношение есть образа ко образу с неким подобием“). Следовательно, „хитрость иконную“, т. е. искусство изображения, изобрел первый не Гигес Индийский, как предполагал Плиний, и не Пирр, как думал Аристотель, и не Полигнот, как судил Феофраст, и не египтяне, не коринфяне, и не хияне, или Афины, были первыми открывшими это славное искусство, как думают некие, но только тот самый господь, которого называют виновником всяких искусств и знаний, украсивший небо звездами и землю цветами.¹

Мудрые греческие мужи написали завет, чтобы никто из рабов или пленников не учился „хитрости иконной“, т. е. искусству, но только дети благородных и сыновья „советничьи“ обучались этому „художеству“. Не иначе узаконили и древние римляне. Между ними один из первых был род Фавиев, происходивший от Фавия — прославленного художника,² который, по выражению другой грамоты, грамоты Алексея Михайловича, „не меньшую стяжа похвалу иконною кистию, яко прочии мечем и копием острым“.³ Митродор, которого Павел Емилий просил обучить нескольких юношей, чтобы они могли украсить красками преславные победы последнего, был одновременно философом и художником. Но почему не привести в пример царей и первейших князей, не гнушавшихся искусством, как делом неприличным своему достоинству, но почитавших за величайшую себе честь держать в правой руке не только скипетр, но и кисть живописца, напоенную различными красками?⁴

Живописью („иконным писанием“) как магнитом был привлечен Богарис, именуемый и иным именем — Баризис. Он — первый христианин из болгарских князей, — увидев написанное на стене изображение „Второго пришествия“ Христа, показывавшее славу святых за их добродетели и, на противоположной стороне, адские казни, которыми по заслугам будут мучиться нечестивые после последнего суда, — принял христианство, пораженный этим изображением. Грамота повторяет легенду о том, будто и великий князь киевский и „всяя России“ Владимир уверовал и крестил всю Русскую землю после того, как учитель Кирилл философ показал ему изображение того же „Второго пришествия“, написанное на ткани. Григорий Назианзин рассказывает, как некий развратный юноша, увидев „своими очами преизрядного некоего любомудреца честное изображение, сиречь Полемонов, пред дверьями блудлища поставленное“, так устрасился им, что удержался от разврата, как будто бы, находясь перед изображением, он был пронзен стрелою

¹ П. Пекарский. Материалы, столб. 321.

² Там же.

³ Там же, столб. 329.

⁴ Там же, столб. 321—322.

или неожиданным ударом грома.¹ Воистину, изложить подробно все похвалы живописи („иконному писанию“) было бы то же, что чащею исчерпать Атлантическое море, как говорится в пословице. Однако автор или авторы грамоты не хотят полениться и напоминают несколько христианских легенд.²

Так как искусство живописи („хитрость иконного писания“) такой честью превосходит другие искусства, как солнце превосходит планеты, как огонь — прочие стихии, а весна другие времена года, орел — всех птиц, и лев — всех зверей, то поэтому достойно и правильно почитать искуснейших живописцев особой честью и вознести их достойным почитанием, так как живописец („иконный писатель“) есть служитель церкви и повествователь всяких священных и мирских историй и дел, превосходящий писателя.³

Ни для кого не секрет, что Юлий Цезарь вдохновился на бранные труды, видя изображение торжества Александра Македонского, и что поэтому римские власти установили, чтобы никто не смел писать его изображение, кроме Ахиллеса, и никто не отливал бы статуи „сильного Александра“, кроме Лизиппа, как о том свидетельствует Гораций.⁴

„Образы“, т. е. изображения, — это некие ученые и неусыпные проповедники или ораторы, отчего обычно, особенно же Иоанном Дамаскиным, именуются книгами для неграмотных. Это, говорят, — книги, с первого же взгляда на которые „должайшая история“ изъясняется только несложными рисунками и красками — „малыми знаменами токмо и шары“, так что „писание“ это скоро и нагляднейшим образом доходит до нашего ума. Не погрешил Симонид, сказавший: „иконное писание“ (живопись) — это молчащая поэзия, поэзию же называл он говорящей живописью. Не разошелся с правдою и Платон, величайший мудрец, говоривший: созданное художником изображение воистину живет, однако в величии своем не говорит, но молчит.⁵

Потому подписавшие грамоту судили, что было бы прилично и справедливо, дабы в великом городе Москве, гнезде благочестия и почитательнице этого замечательного искусства — „сея преизрядные хитрости“, — занимающиеся „иконным писанием“, т. е. живописью, будут почитаемы и вознесутся „на место некое честного достоинства“, а не сочтутся за малочитаемых и тем более за „малоценные и правдные чести люди“, ибо, как уже сказано, искусство живописи — „дело иконного писания“ — удивительно, славно и достойно царей. Честь, воздаваемая изображению, переносится на того, кто изображен; „честь образа к чести первообразного возносится“, говорит Василий Великий. Но так еще прежде него мудрец Стагерит ясно учил: это есть „движение ко образу и вещи образуемой“, что Афанасий объясняет подобием царского образа, говоря, что видящий изображение царя видит в нем самого царя, видящий царя узнает его по изображению.⁶

Честь, воздаваемая таким обычаем искуснейшим художникам, заботящимся о церковной красоте, возводится на творца неба и земли как на первого, украсившего звездное небо изображением зверей (т. е. знаками зодиака), покрывшего землю светлым одея-

¹ П. Пекарский. Материалы, стлб. 322.

² Там же, стлб. 322—323.

³ Там же, стлб. 323.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стлб. 323—324.

⁶ Там же, стлб. 324.

нием, расцвеченным цветами, и создавшего „душу словесную“ человека — „великого мира малое изображение“.¹

В заключение грамота приводит деление художников на шесть „чинов“ по степени их умелости, заимствованное у Григория Богослова, и указывает меры, которые должны быть осуществлены правительством для поддержания искусства в состоянии, отвечающем его интересам. При этом можно отметить следующее. Грамота находит нужным оговорить, что она имеет в виду не только тех, кто исполняет иконы, но и тех, кто пишет „мирские вещи“. Грамота говорит, следовательно, об искусстве вообще — и религиозном и светском — и предлагает государственное регулирование всей художественной деятельности. Однако речь идет при этом только об искусстве, так сказать, высоком. Она отличает живописцев, пишущих иконы и „мирские вещи“ (под которым подразумевает, повидимому, исторические изображения и портреты), от мастеров, пишущих „простые вещи“ — дело, с ее точки зрения, недостойное первых. Грамота запрещает попрекать художников их деятельностью, привлекать их наравне с посадскими людьми к несению служебных повинностей и понуждать их писать „простые вещи“: „и никто ни дерзнет в достойной их хитрости укоряти и со гражданством в служении всяком счисляти и понуждати и простых вещей писати, да не примут на ся клятвы“.²

Передавать содержание царской грамоты 1669 года, подтверждающей грамоту трех патриархов, нет надобности, поскольку ее рассуждения о значении искусства представляют собою сокращенное изложение последней, написанное, впрочем, лучше отдельных мест этой грамоты. Небольшие дополнения в доводах, сделанные при этом, не содержат в себе каких-либо новых мыслей.

Мы не станем излагать также и содержания пространной записки Симеона Полоцкого. В таком усложнении нашего очерка нет надобности. Сделаем только несколько замечаний. Записка Симеона Полоцкого, затрагивая тот же вопрос о состоянии современного ей иконописания, отличается от обеих грамот ходом рассуждений и более узким взглядом. В ней встречаются доводы, использованные и в „Слове“ Симона Ушакова и в грамотах, однако в целом у Симеона Полоцкого своя аргументация. В отличие от „Слова“ и в еще большей степени от грамоты, в рассуждениях Симеона Полоцкого об искусстве (главным образом об иконописи в собственном смысле слова) виден богослов и деятель церкви. Но и он ставит вопросы, касающиеся искусства вообще, и его рассуждения об искусстве содержат те же мысли и те же основные положения, что и указанные памятники письменности. Некоторые же из его доводов существенно дополняют рассуждения последних и разъясняют новые стороны во взглядах на искусство в XVII в. Этими доводами записки Симеона Полоцкого мы и воспользуемся, изложив их в своем месте.

„Слово“, написанное Симоном Ушаковым, и обе грамоты также, конечно, в значительной степени проникнуты богословскими идеями — это произведения средневековой мысли. Но нас указанная сторона рассматриваемых сочинений занимать не будет. О связях средневекового, в частности древнерусского, искусства с религией говорилось и писалось очень много; кстати заметить, значение этой важной связи сильно преувеличивалось, о чем нам представится случай сказать

¹ Там же.

² Там же, стлб. 325.

позднее. Нас интересуют другие стороны во взглядах древней Руси на искусство, не менее, если не более, важные для его понимания.

Рассуждения авторов рассматриваемых произведений письменности исходят из того убеждения, что искусство есть подражание. По ясному определению грамоты 1668 года, нам уже известному, „икона, того ради наречетца“ (потому так называется) „яко аки сношение есть образа ко образу с неким подобием“.¹ Помимо отношения сходства, между изображением предмета и изображаемым предметом не усматривается никакого иного отношения. Понятие „образ“ имеет у авторов рассматриваемых трактатов не то значение, что в наше время. Образ означает изображение, воспроизведение, но может означать и форму, которую принимает явление. Он существует не только в искусстве, но также — и прежде всего — вне искусства, в природе. Искусство воспроизводит образы, имеющиеся в природе. Образ в природе, как и в искусстве, есть нечто подражающее, воспроизводящее „первообраз“. Такое определение образа дает та же грамота 1668 года. Она выводит его из примера с человеком, „образ“ которого бог создал по образу и подобию своему, из чего следует, что „образ есть аки некое подражание“.² Симон Ушаков говорит об образах предметов, отраженных в зеркальной поверхности.³ Вместе с этим понятие „образа“ включает в себя представление о форме. Образ имеет телесную, зримую форму.⁴

Искусство передает лишь то, что имеет материальную, „плотскую“, по выражению Симеона Полоцкого, форму. То, что этой формы не имеет, не может быть изображено, оно — не изобразимо. В силу этого божество и ангелы не изобразимы: они не имеют образа, их нельзя видеть. „В божественное бо существо не прилагается образ“, — пишет Симеон Полоцкий, ссылаясь на Иоанна Дамаскина, — „божия бо существа невозможно видеть“. Изобразимы и потому изображаются лишь те телесные облики („плотское смотрение“), которые принимало божество или принимали ангелы, являясь людям.⁵

Искусство изображает предметы, имеющиеся в природе, подражая им. Симон Ушаков уподобляет изображения, создаваемые искусством, отражениям, возникающим в зеркальной поверхности. Такое сопоставление было распространено, и им воспользовался также Симеон Полоцкий: портрет богородицы, написанный евангелистом Лукою, он сравнил с зеркалом: „и тако убо устроив, яко в зердале“, — написал он в похвалу работе художника.⁶

Художник изображает то, что видит или знает по описаниям. „Премудрый художник, — говорит Иосиф Владимиров, — что он видит или слышит, то и начертывает в образах или лицах, согласно слуху или видению уподобляет“.⁷ Симеон Полоцкий поясняет, как художник может создавать изображения вещей, которых ему не приходилось видеть. Автор сравнивает живописца с пчелой: „Яко ж и трудолюбивии пчелы многим облетанием в лузех от благовонных цветов прекрасная и полезная во единого сота сладость любохитросне соби-

¹ П. Пекарский. Материалы, столб. 326—329; Акты Археографической экспедиции, т. IV, столб. 224—226.

² П. Пекарский. Материалы, столб. 322.

³ Вестник Общества древнерусского искусства..., стр. 23.

⁴ Там же, стр. 22.

⁵ Указ. рукопись, лл. 20 и 14.

⁶ Там же, л. 13 об.

⁷ Ф. И. Буслаев. Русская эстетика XVII в. Сочинения, т. II стр. 432.

рают... в лепоту бо и живописец собирает отвсюду и тщится описати не токмо видимыя вещи века сего, но и невидимых касается начертанием. Земным вещми воявление производит, да видимыми знамении не видимаго разумевают, невидимая от создания мира тварми разумеваема видима бывают".¹ То есть подобно тому как трудолюбивые пчелы, много раз облетая поля, собирают в одни соты прекрасную и полезную сладость благоухающих цветов, так и живописец собирает отовсюду и при помощи собранного старается изобразить не только виденные им современные ему вещи, но рисует также вещи, им не виденные. Он представляет их через посредство существующих вещей, чтобы при помощи видимого рисунка люди узнавали то, что не видели; невидимое, существовавшее в прошлом, будучи познано, может сделаться видимым.

Если задача искусства состоит в изображении видимых и познаваемых вещей путем создания их подобия, подражая им, то тот род искусства будет выше, который сможет передать подобие этих вещей лучше, полнее, нагляднее. Именно в этом, по мнению Симона Ушакова, заключается преимущество живописи. Она „по толику протчия виды (искусства) превосходит, по елику тончае и живее вещь предприятую вообразует, подобие всех качеств светлее (т. е. яснее) предъявляюще".² В том же „Слове“ Симона Ушакова рассказывается, как мы помним, о Василии Великом, который, намереваясь выступить с речью в похвалу святому Варлааму, признал себя побежденным художником, изобразившим подвиги святого лучше, нагляднее, выразительнее, чем он, оратор, мог бы это сделать словом.³

В исследованиях, посвященных древнерусскому искусству, последнее очень часто истолковывается как искусство символическое и мистическое, сознательно противопоставляющее себя действительности. В отношении рассматриваемых произведений письменности XVII века можно уже сейчас заметить, что в их истолковании искусства вовсе нет места какому-либо мистицизму, что последний чужд им. Они также далеки и от символического толкования искусства, понимания изображений как условных формул, выражающих некие отвлеченные идеи. Напротив, все рассуждения их противоречат подобного рода взглядам.

Авторы рассматриваемых сочинений разделяют мысль о сходстве искусства и литературы, живописного изображения и слова, решающих разными средствами одни и те же задачи. Грамота 1668 года называет изображения неусыпными учеными, проповедниками или ораторами („образы суть учении нецыи и проповедницы неусыпнии или ветии“).⁴ Постоянно проводится сравнение изображения с книгой, сделанное И. Дамаскиным. Часто повторяется мнение, что живопись передает содержание лучше, нежели слово. „Прилежнейшии живописцы, — пишет Симеон Полоцкий, ссылаясь на Григория Богослова, — многаши налагают шары (т. е. краски), да совершеншее слова писание предпоставляя“.⁵ Эта мысль о сходстве живописного изображения и слова — одна из тех мыслей, высказанных русскими авторами XVII века, которые повторялись в разные эпохи и пережили многие столетия. В грамоте 1668 года в подтверждение своей мысли автор приводит изречение античного поэта VI века до н. э. Симонида: „непогреший убо Симонид,

¹ Указ. рукопись, л. 16.

² Вестник Общества древнерусского искусства..., стр. 22.

³ Там же, стр. 24.

⁴ П. Пекарский. Материалы, стлб. 323—324.

⁵ Указ. рукопись, л. 15 об.

глаголавый — иконное писание молчное быти пиитство, пиитство же быти глаголюще иконное писание“.¹ Эту „блестящую антитезу греческого Вольтера“, по выражению Лессинга,² вспомнил не только автор граммоты, написанной в Москве в XVII веке: мысль, выраженная античным поэтом, будет повторяться до наших дней.

Задача искусства, так же как и литературы, в понимании авторов рассматриваемых произведений письменности, отнюдь не ограничивается проповедью учений церкви и удовлетворением ее потребностей. Взгляды этих авторов, в том числе Симеона Полоцкого, мысли которого заняты вопросами состояния иконописания, значительно шире. Вспомним, как выразил Симон Ушаков назначение искусства: оно рассказывает о прошлом, говорит о добродетелях и мужестве, увековечивает славу, возбуждает живых к подражанию совершенным подвигам и т. д.³ В другом месте Симон Ушаков пишет об „образах“, т. е. изображениях, „красоту приносящих, духовную пользу деющих и божественная нам смотрения являющих“.⁴

Из этих и подобных им высказываний можно увидеть, что в представлении их авторов искусство обладает неким познавательным значением. „Малыми знамены токмо и шары“, т. е. при помощи несложных, простых рисунков и красок оно рассказывает зрителю „должайшая история“.⁵ Искусство знакомит зрителя с тем, что находится далеко от него, и показывает одновременно то, что находится в разных местах. С помощью искусства человек узнает о вещах, существовавших в прошлом.⁶

Вместе с тем искусство служит целям прославления. Оно прославляет божество, основоположников церкви — учителей и мучеников последней, подвиги военачальников, деяния царей и вельмож. Симеон Полоцкий пишет, переходя на размер силлабического стиха, о тех, кто „царей своих образы не презирают и вельмож царевых в забвение не полагают, ибо мужества ради их во бране словесы известуют и образы их написуют, ови победы над главою венчающия, овия же сущим в сане поклоняющиеся...“.⁷

Важнейшее значение искусства заключается в его действенности. Оно влияет на умозрение человека, воздействует на его волю, направляет его деятельность. Посредством искусства распространяется учение церкви и произведения живописи сравниваются с проповедниками и ораторами. Искусство показывает образцы поведения, побуждает зрителя следовать им. Сила воздействия искусства велика. Изображение „Страшного суда“ заставило болгарского царя Бориса (Богариса) и русского великого князя Владимира переменить веру — отвергнуть язычество и принять христианство. Изображение побед Александра Македонского вдохновило Юлия Цезаря на бранные подвиги. Статуя Полемона, поставленная перед „дверьми блудилища“, поразила развратного юношу подобно удару грома и стала причиной его исправления...⁸ Таково влияние искусства на человека.

¹ П. Пекарский. Материалы, стлб. 324.

² Г. Лессинг. Лаокоон. Изогиз, 1933, стр. 58.

³ Вестник Общества древнерусского искусства... стр. 22.

⁴ Там же, стр. 23.

⁵ П. Пекарский. Материалы, стлб. 324.

⁶ Вестник Общества древнерусского искусства... стр. 22.

⁷ Указ. рукопись, лл. 18—18 об. См. также: А. Майков, Симеон Полоцкий, стр. 145—146.

⁸ П. Пекарский. Материалы, стлб. 322.

Наконец есть еще одно качество искусства, отмечаемое или подразумеваемое трактатами, качество это — красота. Мысль о том, что искусство есть красота, хотя и не развивается подробно, однако постоянно высказывается как мысль привычная, понятная, всеми признаваемая. Красота составляет содержание искусства: „премудрый художник“ передает в произведениях своих „первообразную красоту“,¹ т. е. красоту, существующую в мире, свойственную тому, что он, художник, изображает. Сами произведения искусства прекрасны.² Симон Ушаков сопоставляет их с небом, украшенным звездами, и с землей, одетой цветами.³ Живопись, иконы в частности, служат украшением храмов и постоянно называется красотой церкви. Безобразные — свойство отрицательное. Симеон Полоцкий приводит легенду об одном художнике, изобразившем богоматерь, а под ногами ее дьявола. Последнего он написал безобразным: „грубо и гнусно“, чем возбудил гнев дьявола, который явился художнику во сне с угрозами, а затем разрушил подмости, на которых работал мастер. На помощь художнику пришла богоматерь и спасла его.⁴

Рассматриваемые теоретические рассуждения об искусстве, порожденные возникшей потребностью осознать некоторые общие вопросы искусства, исходили из интересов определенной общественной среды и отразили претензии и требования, предъявляемые к искусству этой средой.

Во всех названных литературных документах и в особенности в записке Симеона Полоцкого выступает решительно выраженное притязание на искусство со стороны господствующих слоев общества. Проводится мысль, что занятие искусством — дело достойное „благородных“, „вельмож“, „начальствующих в мире“ и даже самих царей. Упраздняясь в искусстве, они возвышают его. С сочувствием рассказывается об обычае, существовавшем в древней Греции, который запрещал обучаться искусству рабам и пленникам, чтобы „только благородных чада и советничьи дети тому художеству навикают“.⁵ Одна из задач искусства, в изображении записки Симеона Полоцкого, — прославление вельмож и царей. В другом месте Симеон Полоцкий пишет, что „царствующие“, „не... довольствуют венцы и диадимы и багряницы цвет, числими ж законы и дани начальствуемых множества сплести сими царство, но требуют и поклонения, от него ж честншии возмнятся, не да сами покланяемы бывають точию, но и во творениях ж и шарех да будет честь им исполнящая же и совершеншая“.⁶

И „Слово“ Симона Ушакова, и записка Симеона Полоцкого, и грамоты 1668—1669 годов, и компиляция Кариона Истомина — все они ведут борьбу против тех дешевых икон, потребителем которых был народ — „простая чадь“.⁷ Несомненно, авторы этих литературных

¹ Указ. рукопись, лл. 14, 17, 17 об., 18.

² Там же, л. 20.

³ Вестник Общества древнерусского искусства... стр. 324.

⁴ Указ. рукопись, л. 18. — Эту средневековую легенду Симеон Полоцкий пересказал и в стихотворении „Икона богородицы“. См.: Л. Майков. Симеон Полоцкий, стр. 148—149.

⁵ Вестник Общества древнерусского искусства... стр. 22; П. Пекарский. Материалы, табл. 321.

⁶ Указ. рукопись, л. 14 об. Ср. „Слово“ К. Истомина; А. Никольский. Слово к люботщателем иконного писания. Вестник археологии и истории. вып. XX, 1911, стр. 72.

⁷ Указ. рукопись, л. 17; Л. Майков. Симеон Полоцкий, стр. 145.

документов искренне считали живопись указанных икон плохой, не соответствующей требованиям, предъявляемым ими искусству. Однако, по сути, дело заключалось в существовании двух разных искусств — искусства господствующих классов и искусства, создаваемого народом или во всяком случае распространяемого в народе, признаваемого им. Борьба против этого искусства представляла собою не что иное, как одно из проявлений классовой борьбы. Она была не только поводом, но и причиной возникновения первых русских „трактатов“ по теории искусства, которые своей апологией искусства, возносившей его, оправдывали и обосновывали „высокое“ искусство господствующего класса и свою борьбу против того искусства, потребителем которого был народ.

Авторы „трактатов“ — не только Симон Ушаков, но и другие — были в той или иной степени сторонниками новой, складывавшейся в то время живописи. В частности, Симеон Полоцкий сочувственно говорит о распространении в России портретной живописи.¹ Он заявляет себя приверженцем „светлой“ живописи, объясняя, почему старые иконы бывают темными.²

Но при всем том, при всех этих связях русских трактатов с современностью, и несмотря на то, что они представляли собою совершенно новое явление в истории русского искусства и в истории русской мысли, — основные положения, высказанные в них, отнюдь не были новыми, но имели широкое распространение и ранее. Истории эстетических воззрений они хорошо известны.

Что искусство есть красота, что изображение есть подражание, что искусство, прежде всего живопись, доставляет людям знание, поучает их, прославляет деяния героев, возбуждает в зрителях высокие помыслы и вдохновляет на славные дела, — такие взгляды переходили из эпохи в эпоху и нередко излагались более или менее одинаково. Если взять эти положения в их общей форме, то окажется, что их разделяли и античность, и западноевропейское Средневековье, и Возрождение. Они встретятся в сочинениях XVIII века и отчасти останутся в обиходе позже, когда наука даст уже более глубокое истолкование искусства.

Но было бы неверно думать, что взгляды наших трактатов определились „западными идеями“, которые проникали к нам в XVII веке „и озарили новым, до тех пор неведомым светом скромную мастерскую древнерусского живописца“, — как говорил по поводу сочинения Иосифа Владимировича Ф. И. Буслаев.³

В действительности эти взгляды сложились на совсем иной основе — на основе иного теоретического, философского и богословского наследства, которое уже давно стало достоянием древней Руси.

Тот, кто знаком с сочинениями византийских теоретиков, посвященными вопросам искусства, тот без труда, конечно, увидит тесную связь наших трактатов с этими сочинениями. Русские трактаты XVII века не только разрабатывают положения, выдвинутые Иоанном Дамаскиным, Василием Великим, постановлениями соборов иконокластов и т. д., но широко используют и их аргументацию. Однако и тот, кто вовсе не знает византийских теоретиков и не имеет почему-

¹ Л. Майков. Симеон Полоцкий, стр. 145; указ. рукопись, л. 18 об.

² Там же, стр. 144; указ. рукопись, л. 20.

³ Ф. И. Буслаев. Русская эстетика XVII века. Сочинения, т. II, СПб., 1910, стр. 423 и 428—429.

либо возможности ознакомиться с их взглядами, должен будет убедиться в справедливости сказанного, на основании ссылок авторов трактатов на указанные авторитеты и выдержек из их сочинений. Особенно наглядна в этом отношении записка Симеона Полоцкого со старательно сделанными сносками, указывающими использованные им источники.

Но несомненно и то, что русские трактаты представляют собою не простой пересказ взглядов византийских теоретиков-богословов и не механическую компиляцию из их сочинений. В этих трактатах произведен отбор положений, выдвинутых греческими авторами, некоторые положения даны в ином изложении, возможно в ином осмыслении. Здесь нет необходимости сопоставлять наши трактаты с сочинениями византийцев и выяснять точнее отношение первых ко вторым. Это — совсем особая тема, большая и сложная работа. Но можно и важно отметить, что „Слово“ Симона Ушакова, записка Симеона Полоцкого и обе грамоты — каждый документ в отдельности — оригинальны вразвитии мыслей, построении рассуждений, в выборе аргументов. В этом отношении они — самостоятельные произведения. Несомненно также и то, что, используя высказывания авторитетов, они излагали мнения своей эпохи.

Возникнув в условиях коренных изменений в русской культуре, начавшихся в XVII веке, русские трактаты отнюдь не вступили в противоречие с тем отношением к искусству, которое было выражено в нашей письменности прежде. Напротив, в своих основных положениях они изложили взгляды, существовавшие издавна, но до XVII века остававшиеся неосознанными. Взгляды эти не были чисто книжными взглядами: в основе своей они соответствовали господствующим представлениям об искусстве, распространенным в обиходе.

Как уже сказано, в русской письменности до середины XVII века не известно ни одного сочинения, специально посвященного искусству. Но отношение к последнему проявилось в многочисленных высказываниях по поводу архитектурных сооружений, произведений живописи, прикладного искусства и по иным поводам.

За пять столетий до появления рассматриваемых трактатов Кирилл Туровский, выдающийся и образованнейший деятель Руси второй половины XII века, пояснял задачи искусства (литературы) почти теми же словами, что и авторы XVII века. „Историцы и ветиа, — говорил он в „Слове на седьмую неделю по пасце“, — приклоняють свои слухы в бывшаа между царей рати и ополчения, да украсить словесы слышащая и возвеличать крепко храбровашшая и мужествовавшая по своем цари и не давших в брани плещи врагомь и тех славяще похвалами венчаеть...“¹ Мысль эта имела давнюю литературную традицию, которая через сочинения византийских авторов восходит к античности. Но для наших целей история того или иного суждения не имеет особого значения. Важно в данном случае то, что суждения высказывались и, следовательно, разделялись русскими авторами.

Так, следует, например, отметить, что уже с XI века в русской письменности цитируются слова Василия Великого, смысл которых заключается в том, что изображение как бы заменяет собою изображенное. В Повести временных лет, в статье, составленной в конце XI века, мысль Василия Великого передана так: „яко же глаголеть

¹ Памятники древнерусской церковно-поучительной литературы, вып. I. СПб., 1894.

Василий: икона (изображение) на первый образ приходит¹. В других памятниках она излагается точнее: „почесть образа на первообразное приходит“, или „честь бо образа, яко же рече Василий, переходит на первообразное“². Здесь следует отметить также определение „образа“, приведенное в одной из статей Сборника Святослава: „Не бо бе есть тело в образе, но образ в теле, да тело оубо есть сущтие, а образ случай“.

О том, как понималось отношение изображения к тому, что оно изображает, говорит уже известное нам сравнение искусства с зеркалом — сравнение, которым пользовались задолго до XVII века. Автор „Слова о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Руського“ применил его к литературному произведению. Приступая к похвале князю, автор предупреждает, что он не станет подражать „от оных древних елиньских философ повести“, но сложит „по житию достоверныя его похвалы“ как будто „в зеркале имый“ это „житие“³.

В летописях и других литературных памятниках древней Руси встречаются замечания об отдельных произведениях изобразительного искусства, преимущественно об иконах, заключающие в себе убеждение о соответствии изображения изображаемому в смысле сходства, достоверности изображения. „Чтение о житии и погублении Бориса и Глеба“ — произведение русского автора XI века — рассказывает, как князь Ярослав построил церковь во имя своих братьев, князей Бориса и Глеба, убитых Святополком. Украсив ее „всякими красотами“, иконами и другой живописью, князь повелел написать икону с изображением Бориса и Глеба, чтобы входящие в церковь, смотря на их образ, видели как бы самих князей: „да входяще вернии людии в церковь ти видяше ею образ написан и акы самою зряще“⁴. Добрыня Ядрейкович, будущий новгородский архиепископ Антоний, описывая достопримечательности Царьграда, в котором он пробыл с 1200 по 1204 год, передает легенду о мозаичном образе Христа в Софийском соборе. Художник, исполнявший это изображение, заканчивая его, очень довольный своей работой, воскликнул: „господи, каким ты был живой, таким я и написал тебя!“ Тогда голос, исходивший от образа, произнес: „а когда ты меня видел?“ Испуганный художник умер, и на иконе один палец так и остался несделанным⁵. Во второй редакции повести о Меркурии Смоленском (памятнике начала XVI века) есть рассказ о явлении Меркурия после смерти пономарю той церкви, в которой он был погребен. Меркурий предстал изображенным на иконе „яко жив во всемь воинском подобии“⁶.

В отзывах древнерусских авторов о произведениях живописи часто можно прочесть выражение „как живой“ в качестве похвалы искусству художника. К такому сравнению прибегает, например, игумен Даниил

¹ Повесть временных лет. Серия „Литературные памятники“, Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, ч. I, стр. 79; ч. II, стр. 340.

² М. А. Оболенский. Исследования и заметки. СПб., 1875, стр. 151.

³ В. П. Адрианова-Перетц. Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Руського. Труды Отдела древнерусской литературы, т. V, М.—Л., 1947, стр. 86. — Датируется „Слово“ первой половиной XV века (см. там же, стр. 92).

⁴ Д. И. Абрамович. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пгр., 1916, стр. 18.

⁵ П. Савваитов. Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград. СПб., 1872, стлб. 18 и 67—68.

⁶ Л. Т. Белецкий. Литературная история повести о Меркурии смоленском. П., 1922, стр. 74.

в описании своего путешествия в Палестину, совершенного в начале XII века. В Иерусалиме, в церкви Воскресения русский паломник видел мозаичные изображения пророков: „написаны суть пророцы святии мусиею, яко живы суть стоят“. Там же был „на стене написан Христос на кресте распят, хитро и дивно, яко жив“.¹ Автор „Беседы о Царьграде“, составленной не ранее начала XV века, пользуется этим же сравнением. Он отмечает в Софийском соборе мозаичное изображение Соломона: „над прежними дверми... написан Соломон мусиею, аки жив, в кругу лазорне со златом“. В церкви Николы он обращает внимание на образ этого святого: „на стене вапы (т. е. красками) устроен, аки жив“.²

Таким образом русские авторы XII—XV веков подходили к произведениям современной им живописи с той же меркой, что и люди других эпох и стран к произведениям своего, совсем иного искусства. Выражение „как живые“ — самая обычная похвала античного писателя картине или статуе и не менее обычная у Вазари по отношению к произведениям мастеров итальянского Возрождения. Но эта оценка остается в обиходе и более позднего времени, вплоть до XVIII и XIX веков. То, что в приведенных отзывах русских путешественников речь идет о произведениях искусства Византии, не имеет значения, так как в основных чертах стиль древнерусской и византийской живописи был однороден.

Но если изображение могло казаться живым, то и действительность древнерусский автор мог уподобить произведению, созданному художником.

Игнатий Смоленин, русский посол в Царьграде, присутствовавший при бракосочетании русской княжны Анны с императором Мануилом в 1392 году, так описывает певчих: „Певцы же стояху украшены чюдно... и множество их собрани и толико бысть чинно яко написаны зряхуся, старейший их бе муж дивен, красен, аки снег бел“.³

Рассказы о современных архитектурных сооружениях и произведениях живописи, встречающиеся в древнерусской письменности, более всего говорят о красоте, и часто восторженный отзыв о том или ином здании сводится к описанию и восхвалению его красоты.

О церкви Судомира, подожженной при осаде города татаро-монголами (1261), летопись говорит, что она была „велика и предивна сияюще красотою“.⁴ Соборный храм Владимира на Клязьме был назван одним из современников „красотою владимирскою“.⁵ Летописи рассказывают, как великолепие того или иного храма привлекало людей, приходивших из разных мест посмотреть прославленную постройку. О церкви архангела Михаила в Смоленске, сооруженной Давидом Ростиславичем, княжившим с 1180 по 1197 год, сказано, что подобной ей „несть в полунощной стране, и всим приходящим к ней дивитися изрядной красоте ея, иконы златом и жемчюгом с камением драгим украшены“.⁶ Собор Ростова, обновленный епископом Кириллом, вызывал удивление

¹ И. Сахаров. Путешествия русских людей в чужие земли, ч. 1. Изд. 2-е, СПб., 1837, стр. 29 и 33.

² М. Н. Сперанский. Из старинной новгородской литературы XIV в. Л., 1934, стр. 92 и 97.

³ Православный Палестинский сборник, вып. 12, СПб., 1887, стр. 14.

⁴ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), т. II. Ипатьевская летопись под 6769 г.

⁵ Киево-Печерский патерик. Послание Симона к Поликарпу.

⁶ ПСРЛ, т. II. Ипатьевская летопись под 6705 г.

не только „простедов“, но даже князей, вельмож, попов, игуменов „И вся приходящая удивлеса, князя же и вельможи и всяк возраст града Ростова, не токмо же прстыця, но и попы и игумены и весь черноризьчъский чин, и вся приходящая из окрестных град в святую соборную церковь... ова послушающе ученья его (т. е. Кирилла)... ова же хотяще видети украшенъя святыя церкви... Бысть бо украшенъе ея чюдно зело, якоже не бысть о прежьбывавших епископех, а по нем бо ве или будеть“.¹

Из этих и подобных им рассказов можно понять, как сильно воздействовала на людей того времени „красота“ искусства. Сущность этого воздействия лучше всего пояснят два следующих рассказа, помещенных в летописях. Один из них — рассказ Повести временных лет об испытании вер послами киевского князя Владимира. Отметим отдельные места этой хорошо известной легенды.

Русские послы явились в Царьград неудовлетворенные ни верой волжских болгар, так как в их богослужениях „несть веселья“, ни религией „немцев“, в церковных службах которых послы не увидели „красоты никояже“. В Царьграде император, узнав о цели прихода русских мужей, решил показать им праздничное богослужение с участием патриарха — „красоту церковную, пенъя и службы архиерейски“. То, что послы увидели в греческом храме, изумило и удивило их. Вернувшись в Киев, они передали свое впечатление князю так: „... не свемы, на небе ли есмы были, ли на земли: несть бо на земли такого вида ли красоты такая, и недоумеем бо сказати; токмо то вемы яко онъде бог с человеки пребывает, и есть служба их паче всех стран. Мы убо не можем забыти красоты тоя...“.²

Другой рассказ, написанный столетием позже, живо напоминает эту легенду, с той разницей, что в нем уже не греки, а русские с гордостью показывают иноземцам красоту своего храма.

Князь Андрей Боголюбский соорудил в своем замке в Боголюбове церковь Рождества богородицы, столь богато украшенную, что никто из видевших ее не был в состоянии передать словами „изрядныя красоты ея“. Когда к князю приходили иноземцы из разных стран или русские из других земель, он велел водить их на хоры своего храма, великолепие которого должно было показать, где находится „истинное христианство“, и убедить людей другой религии в превосходстве русской веры: „... иногда бо аче и гость приходил из Царягорода и от иных стран из Русской земли и аче латинин и до всего христьянства и до всее погани и... выведе и в церковь и на полати да видять истинное христьянство и креститься. И болгаре, и жидове, и вся погань“ видели „славу божию и украшение церковное...“.³

По подобного рода рассказам можно судить, что „красота“ искусства воспринята их авторами отнюдь не как „чистая“ красота, выражаясь языком нашего времени. Она связана здесь с представлениями и ассоциациями в основе своей политического, социального содержания. Красотой храмов возвеличивается религия страны, тем самым — мы можем это добавить — прославляется страна, в которой они воздвигнуты, прославляются богатство, могущество, власть князей — строителей великолепных сооружений, заказчиков прекрасных росписей и других произведений искусства, украшающих эти постройки.

¹ ПСРА, т. I. Лаврентьевская летопись под 6739 г.

² Повесть временных лет, ч. I, стр. 74—75.

³ ПСРА, т. II. Ипатьевская летопись под 6683 г.

Интересно сопоставить приведенные рассказы о храме Андрея Боголюбского и о Софии Царьградской с другим рассказом, сходным не только по мыслям, но и по выражениям, — рассказом Иоанна Экзарха Болгарского о впечатлении, которое производит на смерда вид княжеского двора. В таком сопоставлении указанное значение „красоты“ искусства выступает с особой отчетливостью. Вот рассказ из „Шестоднева“ — книги упомянутого болгарского писателя X века, хорошо известной древней Руси. Рассказ этот, кстати сказать, с его противопоставлением роскоши княжеского двора и убогих соломенных хижин („хызы сламны“) простых людей, с полным правом мог бы быть отнесен и к русской действительности X—XII веков.

Иоанн пишет: „Яко же смерд, и нищъ человек, и странен, пришед издадалече к преворам княжю двору и видев е, дивит се, и, приступив к вратам, чюдит се, вопрошая, и етры вшед, видит на обе стране храмы стояще украшены камением и дровом исписаны и прочее. В дворец вшед и узрев палаты высокы и църкви издобрены безгода камением и дровом и шаром изнутри же мрамором и медию и златом, таче не веды, чесомь приложити их, не бо есть видел на своей земли того, разве хызы сламны. Убог ти, яко и погубив си ум, чюдит се им ту. Но аще се прилучит ему и князя видети сядяща в сраце бисромь поkyдaне, гривну цетаву на выи носеща и обручи на руку, поясом волоромитом поясана, и мечъ злат при бедре висещъ, и оба полы его болеры сядяще в златах гривнах и поясах и обручах — ти аще его кто вопрошает, возвращьша на свою землю: что виде тамо? — речет: неведе како воспоедати того, свои бо бисте очи умеле достоине чюдите се красоте, тако же и аз не могу достоине тое доброты и чина сказати“.¹

* * *

Среди историков древнерусского искусства широко распространено истолкование последнего как искусства символического и мистического. Такое истолкование не ново: его подробно развивал во втором десятилетии нашего века небезызвестный в то время последователь религиозно-идеалистической философии Е. Н. Трубецкой. Забывая, вероятно, об этом обстоятельстве, указанную интерпретацию искусства древней Руси повторяют многие авторы наших дней. По утверждению одного из них,² искусство средневековой Руси было поставлено „на службу отрицающим реальность мира задачам“. По существу своему это — искусство „символическое и условное“. Создаваемые им изображения отвлечены и представляют собою „лишь чувственно-конкретизированные понятия“. В отдельных частностях они допускают „элементы иллюзионистической чувственности и реализма“, однако в целом изображение „воспринимается как символ, как нечто постоянное, неизменное и вечное“. Процесс развития древнерусской живописи с XI по XVII век включительно и отдельные проявления в нем „реалистических тенденций“ не затронули „существа ее условного и символического художественного мышления“, „религиозно-мистической сущности вос-

¹ Шестоднев, составленный Иоанном Экзархом Болгарским, по харатейному списку Московской синодальной библиотеки. Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских при Московском университете, кн. III, 1879, л. 195 об.

² А. Федоров-Давыдов. Из истории древнерусского искусства. Искусство, № 5, 1941, стр. 73—74, 80, 82, 96 и др.

приятия".¹ По словам другого автора, русской живописи XII века „свойственна прежде всего нарочитая условность ее образов, она преобразует реальные явления в условные символические схемы и идеалистические формулы“² и т. п.

Надо полагать, что авторы подобных высказываний не задумывались над тем, что их истолкование древнерусского искусства как искусства, противопоставившего себя жизни, „отрицающего реальность мира“, создающего нарочито условные образы, сознательно искажающего действительность, преобразуя реальные предметы и явления в символы и „идеалистические формулы“, — что такое истолкование приписывает древнерусскому искусству черты, свойственные по своему существу искусству реакционному, упадочному. Вместе с тем нет сомнения в том, что это искусство в основных линиях своего развития было, за исключением отдельных моментов, искусством прогрессивным. Порожденное новым, феодальным строем, оно было активной силой, способствовавшей оформлению, а затем развитию последнего. Поэтому оно не могло отвергать „реальности мира“ и не отвергало ее, но ставило своей задачей укрепление, утверждение становящейся и развивающейся феодальной действительности. То, что последняя облекалась фантастическим покровом религиозных представлений, обуславливалось уровнем общественного развития.

Высказывания современников об искусстве древней Руси показывают, насколько произвольно и ошибочно приведенное толкование и насколько превратное представление дает оно о древнерусском искусстве.

Однако не следует полностью и безоговорочно принимать на веру и то, что говорят о древнерусском искусстве его современники. Их восприятие изображений, созданных искусством их времени, и подлинное существо этого искусства — совсем не одно и то же. Если древнерусский художник говорит, что он изображает то, что видит или знает, если современнику такое изображение могло казаться как бы живым, и он сравнивал искусство с зеркалом — этого рода свидетельства нельзя пренебрегать, они очень важны. Они указывают, что в представлении людей того времени их искусство давало достоверные изображения той части окружающего их мира (существовавшего или воображаемого), которая привлекала их внимание. Но это совсем не означает, что древнерусское искусство в самом деле способно было реально изобразить те или иные предметы и явления. Реалистическим искусством оно, конечно, не было и не могло быть постольку, поскольку представления об окружающей действительности были у людей того времени крайне ограниченными и во многом ошибочными.

¹ А. Федоров-Давыдов. Из истории древнерусского искусства. Искусство, № 5, 1941, стр. 73—74, 80, 82, 96 и др.

² М. Каргер. Живопись. История культуры древней Руси, т. II, М.—Л., 1951, стр. 362; ср. также стр. 341.

*ПУБЛИЦИСТИКА ВРЕМЕНИ ОБРАЗОВАНИЯ
И УКРЕПЛЕНИЯ РУССКОГО
ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА*

М. О. СКРИПЛЬ

Сказание о Вавилоне граде

1

О XV веке можно говорить как о веке завершения объединения Руси. Этот процесс объединения шел крайне медленно и захватил несколько столетий. Его истоки уходят в очень раннее время. Уже к концу XIII—началу XIV века русские земли значительно оправились от разорения, вызванного первыми, страшными по своему опустошению страны и истреблению населения, нашествиями татаро-монголов. Наступает время относительной „тишины“. Возрождаются земледелие и ремесла. Начинается экономическое восстановление русских земель.

На рубеже XIII—XIV веков складывались весьма важные для дальнейшей исторической жизни северо-восточной Руси условия. Условия эти оказывались более благоприятными для Московского и Тверского княжеств, чем для других северо-восточных русских княжеств этого времени. Относительно далеко расположенные от главных ударов татаро-монголов во время их постоянно повторявшихся нашествий и набегов, окруженные со всех сторон окраинными русскими землями, Московское и Тверское княжества создавали условия хозяйственной жизни более безопасные, чем в других княжествах. Это привлекало на их территории потоки беженцев из пограничных русских областей. Население этих княжеств увеличивалось, экономическое восстановление протекало быстрее, чем в других землях северо-восточной Руси, политическая сила их князей возрастала.

Первую попытку объединения всех северо-восточных русских княжеств под своей властью сделал тверской князь Михаил Ярославич. Но Михаил Ярославич в своем стремлении установить власть Твери над всеми северо-восточными русскими княжествами встретился с рядом затруднений. Боясь усиления власти тверского князя, Новгород заключил союз с Москвой. Митрополичью кафедру после смерти митрополита Максима, поддерживавшего Михаила Ярославича, занял митрополит Петр, поставленный помимо воли тверского князя и принявший сторону московского великого князя Юрия Даниловича. Наконец, ордынские события лишили Михаила Ярославича последней поддержки: в 1312 году умер расположенный к нему хан Тохта. Начавшаяся при его преемнике, хане Узбеке, длительная борьба между Тверью и Москвой окончилась в 1328 году в пользу Москвы, и московский князь Иван Калита получил ярлык на великое княжение.

С этого времени начинается быстрый рост политического влияния Москвы и первенствующего значения московского князя среди других

русских князей. Иван Калита умело налаживает свои отношения с Ордой. При Иване Калите происходит ряд событий, способствующих экономическому и политическому усилению Московского княжества. После ряда попыток отстоять свою независимость Новгород вынужден был признать власть Ивана Калиты. Вполне зависимым от него оказалось и Ростовское княжество. Его вассалами стали князья угличские, белозерские и галичские. При Иване Калите значительно увеличились материальные средства Московского княжества как за счет его разумной финансовой политики, так и за счет обильных торговых пошлин. Митрополичья кафедра была перенесена из Владимира в Москву, и Москва сделалась постоянным местопребыванием русских митрополитов. Все это приводило к усилению Московского княжества в экономическом и политическом отношении, обеспечивая в дальнейшем его ведущую роль в деле объединения северо-восточных русских земель. В этом отношении определенное значение имела и победа Ивана Калиты над Тверью. После гибели Александра Михайловича тверские князья уже не возобновляли борьбы с Иваном Калитой.

При Иване Калите бесспорно упрочилась государственная власть на Руси, „была заложена основа *могущества Москвы*“.¹ Москва стала центром государственного объединения всей северо-восточной Руси. „Заслуга Москвы, — говорит И. В. Сталин, — состоит, прежде всего, в том, что она стала основой объединения разрозненной Руси в единое государство с единым правительством, с единым руководством. Ни одна страна в мире не может рассчитывать на сохранение своей независимости, на серьезный хозяйственный и культурный рост, если она не сумела освободиться от феодальной раздробленности и от княжеских неурядиц. Только страна, объединенная в единое централизованное государство, может рассчитывать на возможность серьезного культурно-хозяйственного роста, на возможность утверждения своей независимости. Историческая заслуга Москвы состоит в том, что она была и остается основой и инициатором создания централизованного государства на Руси“.²

Но борьба между князьями в период феодальной раздробленности Руси продолжалась и после княжения Ивана Калиты. Она захватила не только XIV век, но и весь XV век и была прежде всего борьбой за обладание землями и крестьянами как основным средством обогащения. Однако в это время ее стимулы далеко не исчерпывались стремлением отдельных князей к расширению своих вотчин, к обогащению. Особенно это характерно для феодальных войн между такими княжествами, как, с одной стороны, Московское княжество и, с другой стороны, Рязанское, Нижегородское или Тверское княжество. В этих войнах отдельные княжества добивались теперь не только расширения своих территорий, но и гегемонии над всеми русскими землями в целях объединения Руси для борьбы с татаро-монголами за национальную независимость. Движение к объединению русских земель сопровождалось и феодальными войнами и ожесточенной классовой борьбой. Борьба за объединение происходила не только между отдельными княжествами, но и внутри каждого из них. Великие князья боролись с удельными. Великих князей, собиравших русские земли в XIV—XV веках, поддерживали различные социальные группы населения: и часть бояр и духовенства, и нарождавшееся дворянство, и посадское население,

¹ Архив Маркса и Энгельса, т. VIII, стр. 149.

² „Правда“, 1947, 7 сентября.

и крестьянство. Каждая из этих групп руководствовалась при этом своими особыми классовыми интересами и целями, так что „совместное“ выступление их на защиту великокняжеской политики свидетельствовало не о затухании классовых противоречий в период образования единого Русского государства, а, наоборот, об обострении классовой борьбы: в великом князе каждая группа искала опоры для борьбы со своим классовым противником.

По мере фактического объединения русских земель и связанной с этим политической и классовой борьбы и по мере возвышения Москвы начинает складываться и идеология единого Русского государства. Совершенно определенные ранние проявления ее улавливаются уже в первых общерусских сводах. В XV веке она обнаруживается в ряде литературных произведений разных жанров и в своеобразном „фольклоре“ — в политических легендах об исторических лицах и событиях, которые затем переходят в литературу и оформляются как „сказания“ и „повести“. Исследование одного из таких сказаний — „Сказания о Вавилоне граде“ — и является предметом настоящей статьи.

2

Изучение цикла сказаний и повестей, или притч, о Вавилоне граде имеет свою длинную, почти столетнюю, историю. Так, еще в 1854 году Ф. И. Буслаев в своей статье „О русских пословицах и поговорках“, исходя из неправильного понимания слова *об ж е н и н*, встретившегося в таком написании в том списке „Сказания о Вавилоне граде“, которым он пользовался, пытался объяснить происхождение этого произведения. Вот что он писал о нем: „Будучи отдельным членом эпического предания, притча заимствовала свое содержание из мифа и сказания. Так, притча об Обрах стоит в прямом отношении как к преданию о великанах, которые между прочим у славян носят название Обра, так и к древнему эпическому рассказу о каком-то Обженине“.¹

Ошибка Ф. И. Буслаева была отмечена в том же году А. Н. Пыпиным. В послесловии к издаваемому им по рукописи Рум. муз. № 374, XVIII в. тексту „Сказания о Вавилоне граде“ А. Н. Пыпин, опираясь на ряд известных ему списков „Сказания“, показал, что слово *об ж е н и н* должно читаться как *обе ж а н и н*, т. е. человек родом из Обез (из Абхазии), и никак не может быть сопоставляемо с названием народа — обры. Здесь же А. Н. Пыпин сформулировал свое мнение о происхождении „Сказания о Вавилоне граде“, которое он затем почти дословно повторил в своем „Очерке“.² Приводим это мнение А. Н. Пыпина, так как оно послужило исходным пунктом для всех последующих ошибочных попыток истолкования „Сказания“. „... не думаем, — писал А. Н. Пыпин, — чтоб самая сказка была русского происхождения. Неважное место, которое дается здесь русскому началу, достаточно на это указывает, тем более, что главное действующее лицо — греческий император. Как многие другие произведения подобного рода, и эта сказка была, вероятно, занесена к нам из Греции. Имя русина не дает еще права производить сказку из русского

¹ Архив историко-юридических сведений о России, кн. II, пол. 2, отд. IV, 1854, стр. 47—49.

² А. Н. Пыпин. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. 1854, стр. 100—101.

источника: подобныя вставки делаются очень легко, и были в старину в большом ходу, так как посредством их думали усвоить известное произведение своей национальности“.¹

Никаких фактических данных в подтверждение своей гипотезы А. Н. Пыпин привести не мог. Оснащаться „фактами“ гипотеза о нерусском происхождении сказаний и повестей о Вавилоне граде стала тогда, когда к изучению их обратились сторонники сравнительно-исторической школы: сперва А. Н. Веселовский, а затем И. Н. Жданов. А. Н. Веселовский и И. Н. Жданов пошли значительно дальше А. Н. Пыпина и выдвинули целую систему ошибочных гипотез о происхождении, литературной истории, идейном смысле и значении цикла сказаний и повестей, или притч, о Вавилоне граде. Они прежде всего поставили своей целью доказать византийское происхождение не только „Сказания о Вавилоне граде“, на чем настаивал А. Н. Пыпин, но и всего цикла в целом. В этих целях они привлекли для сопоставления огромный материал, но все же не смогли указать в византийской литературе ни одного произведения, которое могло бы явиться прототипом „Сказания“ или какой-либо повести о Вавилоне граде. В итоге этих разысканий оказалось добытым только некоторое количество так называемых „параллелей“ к отдельным произведениям цикла, да и то большинство этих „параллелей“ было найдено в западноевропейских литературах, а не в литературе Византии. Но и этого материала было достаточно для того, чтобы А. Н. Веселовский и И. Н. Жданов могли придерживаться гипотезы византийского происхождения сказаний и повестей о Вавилоне граде; при этом А. Н. Веселовский особенно конкретизировал изложение этой гипотезы. Обратив внимание на то, что в путешествии Антония (XII век) говорится о вавилонской грамоте, он пишет в своих „Заметках по литературе и народной словесности“: „Рассказ Антония нельзя отделить от послания Льва в русской повести о Вавилонском царстве. Это дает мне повод к следующим заключениям: 1) что уже в XII веке существовало в Византии сказание, сходное по типу и по имени главного действующего лица с посланием русской повести; 2) что послание это явилось эпическим ответом на вопрос о происхождении загадочных пророчеств о судьбе Византии, в котором знаменательно чередовались имена Даниила и Льва Мудрого“.²

Определяя далее „пути проникновения“ этого цикла произведений на Русь, А. Н. Веселовский и И. Н. Жданов разошлись в своих мнениях. Первый придерживался уже прочно установившихся к его времени представлений о возникновении и развитии древнерусской литературы и поэтому писал: „...южно-славянский отпечаток (на сказаниях и повестях о Вавилонском царстве, — М. С.) остался, быть может, в некоторых именах, так что и в этом случае между древней Русью и Византией придется допустить южно-славянского литературное посредство“.³ Жданов же, отыскав очередную „параллель“ к циклу сказаний и повестей о Вавилоне граде в „Повести о царице Динаре“, которую он

¹ А. Н. Пыпин. Старинная русская сказка о Вавилонском царстве. Известия Академии Наук по Отделению русского языка и словесности, т. III, СПб., 1854, стр. 319.

² См.: Сборник Отделения русского языка и словесности Академии Наук, г. XXXII, № 7, 1883, стр. 13.

³ А. Галахов. История русской словесности, древней и новой, т. I. М., 1894, стр. 410. — См. также „Отрывки византийского эпоса в русском“ (стр. 122).

считал повестью „грузинского происхождения“, и обратив внимание на то, что в списках „Сказания“ упоминается „обежанин“, а царица Александра считается родом „армянина“, иначе решил вопрос „о путях перехода“ сказаний и повестей о Вавилоне граде на Русь. „Сопоставление этих данных, — говорит он, — указывает, может быть, на область первоначального распространения повести о Вавилоне, но делать отсюда какие-либо выводы о путях перехода этого памятника в старо-русскую письменность, при отсутствии более точных указаний, не решаюсь. Вопрос может разъясниться при участии знатоков армянской и грузинской литературы“.¹

Расходились А. Н. Веселовский и И. Н. Жданов и в решении вопроса о том, надо ли считать сказания и повести о Вавилоне граде частями одного первоначального произведения или следует думать, что они только позже слились в одно целое произведение. Понятно, почему этот вопрос встал перед представителями сравнительно-исторической школы: при предположении, что весь цикл сказаний и повестей о Вавилоне граде некогда представлял собою единое произведение, легче было, опираясь на различного рода „параллели“, решать основную проблему — проблему происхождения этого произведения. Поэтому А. Н. Веселовский вполне последовательно приходит к идее „свода“ всех сказаний и повестей о Вавилоне граде, создает этот „свод“ и в своей работе все время опирается на него как на реально существовавшее произведение. И. Н. Жданов приходит к иному выводу по этому вопросу: „Кроме повести о греческом посольстве в Вавилон, — пишет он, — в нашей старинной письменности известно было еще другое сказание о Вавилоне: „Притча о Вавилоне граде“. В этой притче, не безызвестной, как мы видели, и на западе, речь идет о Навуходносоре и сыне его Василии, о построении Вавилона и об его запустении. „Притча“ о Навуходносоре и повесть о послых царя Льва принадлежат, конечно, к одному и тому же кругу сказаний о пустынном Вавилоне, но нет достаточных оснований утверждать, что притча и повесть составляли когда-то одно литературное целое“.²

Не вполне одинаково решали А. Н. Веселовский и И. Н. Жданов и вопрос об идейном содержании цикла сказаний и повестей, или притч, о Вавилоне граде. Оба они при решении этого вопроса обращали внимание прежде всего на те эпизоды „Сказания о Вавилоне граде“, в которых рассказывается о перенесении царского венца сперва из Вавилона в Византию, а затем из Византии в Киев, но приходили к разным выводам. А. Н. Веселовский объединил в одно произведение „Притчу о Вавилоне граде“ в ее полном составе (рассказ о Навуходносоре и о сыне его Василии Навуходносоровиче) и „Сказание о Вавилоне граде“ (о греческом посольстве в Вавилон) с добавлением краткого рассказа о передаче царских инсигний из Византии в Киев и писал по поводу этой никогда не существовавшей „повести“: „Во всей «Повести» нельзя не признать отражения византийского политического миросозерцания“. Это „византийское политическое миросозерцание“, или „византийское политическое самосознание“, по сути дела неизвестно кому принадлежавшее, состояло, по мнению А. Н. Веселовского, в представлении того, что „власть, символически выраженная в образе венца, перенесена с Востока в Византию, которая становится средоточием и источником царственного достоинства“ и в свою

¹ И. Н. Жданов. Русский былевой эпос. СПб., 1895, стр. 46—47.

² Там же, стр. 151.

очередь передает эту власть другим странам и народам.¹ И. Н. Жданов прямо нигде не формулирует своего мнения об идейном смысле цикла сказаний и повестей о Вавилоне граде, но по косвенным данным видно, что он не соглашался с точкой зрения А. Н. Веселовского. Останавливаясь подробно на „знамениях“, приносимых из Вавилона, он пишет: „Только в русских повестях и сказках речь идет о царских инсигниях. Это дает основание предполагать, что упоминание о вавилонском венце не представляет существенной, исконной подробности рассматриваемого круга сказаний“.² Само собой разумеется, что этим самым И. Н. Жданов отрицал „отражение византийского политического миро-созерцания“ в цикле сказаний и повестей о Вавилоне граде.

Но эти „несогласия“ и „споры“ были несогласиями и спорами между представителями одной и той же „школы“, опиравшимися на одни и те же порочные методологические принципы компаративизма. Поэтому-то, расходясь в частности, А. Н. Веселовский и И. Н. Жданов сходились в главном — в признании византийского происхождения сказаний и повестей о Вавилоне граде. В угоду этому они отрицали наличие в первоначальном тексте центрального произведения цикла — „Сказания о Вавилоне граде“ — упоминания о „русине“, которое будто бы было позднейшей глоссой, попавшей в текст „Сказания“ на русской почве. И. Н. Жданов не остановился и перед тем, чтобы отрицать упоминание в этом круге сказаний и о царских инсигниях. Согласно основным принципам сравнительно-исторического метода, они создали „теорию“ о „путях перехода“ этих будто бы византийских произведений на Русь. Они ввели в научный оборот неправильную классификацию произведений рассматриваемого цикла, в конце затемнившую вопрос о времени их происхождения: классификацию, опирающуюся на ничем не оправдываемое следование за развитием сюжетной линии всего этого круга сказаний и повестей, а не на хронологию их возникновения.

Обо всем этом можно было бы сейчас и не говорить, но дело в том, что взгляды Пыпина—Веселовского—Жданова по этому вопросу еще сохраняются в нашей науке вплоть до настоящего дня.³

3

Не только дореволюционные ученые, но и советские авторы, говоря о сказаниях и повестях о Вавилоне граде, не опирались на данные текстологического изучения их в связи с русской исторической действительностью XV—XVII веков — временем наиболее интенсивного распространения этих произведений. А между тем изучение всей массы рукописей сказаний и повестей о Вавилоне граде и текстологический анализ их могли бы прояснить ряд вопросов литературной жизни произведений этого цикла.

Учтем прежде всего то, что из всех произведений рассматриваемого цикла наибольшим числом списков представлено „Сказание о Вавилоне граде“. На его долю приходится около одной трети всех списков. Кроме этого, „Сказание“ входит в большинство сводных

¹ А. Н. Веселовский. Отрывки византийского эпоса в русском, стр. 163, 164, 165.

² И. Н. Жданов. Русский былевой эпос, стр. 37.

³ Наш взгляд на „Сказание“ см.: Известия Отделения литературы и языка АН СССР, т. VII, вып. 3, 1948, стр. 197—199.

текстов, так что можно указать буквально только единичные списки „Притчи“, в которых его нет. Вместе с тем крайне характерна и хронология списков: списки „Притчи“ и сводных текстов не восходят к более раннему времени, чем конец XVI—начало XVII века, в то же время „Сказание“ нередко встречается в списках XVI века, а один раз даже в списке конца XV века. Эти, на первый взгляд внешние, данные приобретают большое значение при решении вопроса о генеалогических отношениях между произведениями цикла, взятого в целом.

Анализируя текст „Сказания о Вавилоне граде“, которое чаще всего распространялось в рукописях как отдельное самостоятельное произведение, и затем сравнивая различные списки „Сказания“ с его текстами, вошедшими в своды, мы убеждаемся в том, что в сводах мы встречаемся уже с более молодыми текстами его. Пропуски, искажения, добавления, перестановки — все то, что отличает эти тексты от текста „Сказания“ конца XV века, — дают возможность установить это безошибочно.

Благодаря этому становится совершенно очевидно, что все сводные тексты, объединяющие „Сказание о Вавилоне граде“ с притчами или повестями разных видов, могли как своды возникнуть только на русской почве. Кроме этого, можно даже, опираясь на генеалогию текстов „Сказания о Вавилоне граде“, установить хронологическую последовательность возникновения сводных текстов, так как эти последние при своем образовании обычно включали в свой состав типичный для данного времени — в смысле широкого распространения — текст „Сказания“. Так, можно с большой долей вероятности предполагать, что одним из древнейших сводных текстов цикла сказаний и повестей о Вавилоне граде является текст, представленный поздним списком XVIII века (ГИМ, Сокол. № 143) и отрывком текста XVII века (ГИМ, Барс. № 2134). Это тот свод, в первой части которого создание змея приписывается вавилонским юношам. Несмотря на сильно обновленный язык этих списков, особенно списка собрания Соколова № 143, сам сводный текст отличается чертами древности. Вошедшее в него „Сказание“ по своим характерным чтениям совпадает с текстами XVI века. Конечно, одного этого обстоятельства недостаточно для того, чтобы быть вполне уверенным в составлении самого свода в XVI веке, но все же оно подводит нас к этому предположению.

Вторым по времени образования сводным текстом необходимо считать текст, объединяющий повести, или притчи, о Навуходоносоре, его сыне Василии и „Сказание о Вавилоне граде“. Один из лучших списков этого свода — это список ГПБ, Титов. № 1506 (1512), XVII в. Текст „Сказания“, вошедший в свод, поздний, очевидно начала XVII века. Он, между прочим, существует и в отдельном виде, например в рукописи ГИМ, № 3710, XVII в. Таким образом, учитывая время возникновения текста „Сказания“, попавшего в данный свод, мы можем датировать образование самого свода не ранее начала XVII века.

Среди списков этого свода есть списки, заслуживающие особого упоминания: это — список ГИМ, Синод. № 850, XVII в. и список БиЛ, Унд. № 643, XVII в. Первый из них был издан Н. Тихонравовым,¹ а в наше время неоднократно перепечатывался Н. К. Гудziem в его

¹ Н. Тихонравов. Летописи русской литературы и древности 1859—1860, т. III, кн. 5. М., 1861, стр. 20—26.

„Хрестоматии по древней русской литературе“; второй известен только в рукописи. Списки эти замечательны тем, что в них встречается обстоятельное описание битвы Навуходоносора с войсками иноземных царей, окруживших Вавилон, с подробным перечнем численности войск Навуходоносора и его врагов, с указанием имен вавилонских военачальников и иноземных царей. Здесь упоминаются „воеводы“ Навуходоносора — Тевриз Мореистрович, Атлан Вавилонский, Дяткович властеличник Болгаристр и предводители вражеских войск — цари Тракийские и Далматинские. Имена эти ввели в заблуждение акад. А. С. Орлова, который еще не так давно писал по этому поводу: „Эта «Притча», скомпанованная из книжных и фольклорных мотивов, дошла в поздних текстах, но возможно, что существовала и в XV веке (и ранее). Позволим себе высказать предположение, что она создалась у сербов, например на далматинском побережье, где сильно была западная стихия. На Балканский полуостров могут указывать заглавие — «Притча», такое название, как «Мореистрович», «Болгаристр» (Истр — Дунай) и упоминание между врагами Навуходоносора царей «Далматинских»“.¹ Но гипотеза акад. А. С. Орлова рушится, как только мы обращаемся к рукописям. Список ГИМ, Синод. № 850 дефектный, в нем не достает последней части — рассказа о послых царя Алевуя. Список БИЛ, Унд. № 643 полный. Сравнивая его с лучшим списком, представляющим данный сводный текст, со списком ГПБ, Титов. № 1506 (1512), мы видим, что он является многоречивым вариантом этого сводного текста, что автор его протографа склонен был, не внося существенных изменений в повествование, везде чисто фразеологически или за счет различного рода деталей расширять повествование. Картина сражения Навуходоносора им также расширена за счет „исторического“ баснословия. Если учесть, что эта работа могла осуществиться только в середине или во второй половине XVII века, тогда станет понятен и интерес автора к ней: элементы „исторического“ баснословия были нередки в литературе этого времени.

Не останавливаясь сейчас подробно на решении сложного вопроса о происхождении рассказов о Навуходоносоре и его сыне, вошедших в сводный текст этого вида, отметим однако, что если считать их поздними произведениями русского происхождения, то встречающуюся в них фантастическую этимологию имени Навуходоносора можно вести от того вида переводных памятников, один из которых в иных целях указал еще И. Н. Жданов.²

Третьим по времени образования сводным текстом, очевидно, надо считать текст, характерной особенностью которого является совершенно

¹ А. С. Орлов. Древняя русская литература XI—XVII вв. М.—Л., 1945, стр. 224.

² И. Н. Жданов. Русский былевой эпос, стр. 42—44. — Здесь И. Н. Жданов ссылается на переводную статью, представляющую собою толкование на пророчество Даниила, и печатает ее параллельно с латинским текстом. Для нас особенно интересно следующее место статьи: „Глаголет же ся не в конх историях, яже Навуходоносор сей первое назван бысть сим именем, и сие от случая, понеже егда новорожен бысть, бе в дубраве повержен и оставлен, но по божию устроению прииде коза дикая, отроча млеко питая, яко писано есть в псалме: храний младенца господь; сова же надлете на древо надо огроком, ея же прокаженный по лесу преходя видев и начя дивитися, понеже та птица мало является в день, сего ради прилежнейше внемля узре козу сосящу отроча под дровом, его же взем кормити, сътвори его же Навуходоносором, от случая прозва. Наву бо сова глаголется в том языке, ходо — коза, носор — прокаженный“ (Список ГПБ, Соф. № 1464).

явная связь с апокрифом о Соломоне и царице Малкодушке.¹ По рукописям мы можем проследить самый процесс его возникновения. В так называемых сборниках неопределенного состава мы часто наталкиваемся на тенденцию составителя или составителей сборника располагать материал по какому-либо определенному признаку, чаще всего — тематическому. Это относится и к тем сборникам, в составе которых мы обнаруживаем „Сказание о Вавилоне граде“ или один из сводных текстов цикла повестей и сказаний о Вавилоне граде. Повести и сказания этого цикла в сборниках также окружаются близкими им по своей тематике произведениями. Так, например, в рукописи БиЛ, Увар. № 1824 (536), (401), XVII в. перед „Сказанием о Вавилонском царстве“ (сказание о посольстве; лл. 218—223) помещено „Бытие о Царе граде, како создан бысть царем Константином“; в рукописи ГПБ, ОЛДП № ССХЛ (5135) вслед за „Повестью о Вавилоне граде“ (сказание о посольстве; лл. 2—4) читается статья „Повесть о Цари граде, колико было драгих вещей...“ (это начало книги Антония новгородского) и пр. Наряду с этим значительно обоснованнее было предварение повестей и сказаний о Вавилоне граде апокрифом о Соломоне и царице Малкодушке, в котором повествуется о рождении у царицы Малкодушки от Соломона сына, того самого, который позже стал знаменитым Навуходоносором. Апокриф, таким образом, органически входил в биографию Навуходоносора — главного героя цикла сказаний и повестей о Вавилоне граде. Поэтому неудивительно, что в ряде рукописей мы обнаруживаем апокриф о Соломоне и царице Малкодушке перед одним из сводных текстов (второго типа по нашей классификации) сказаний и повестей о Вавилоне граде. Очевидно, кем-то из составителей сборников он намеренно был извлечен из состава Пален и помещен перед объединенными уже в сводном тексте сказаниями и повестями, или притчами, о Вавилоне граде. На этом месте он находится в рукописи БиЛ, № 589 (Пискарев, № 154), XVII в., в рукописи БиЛ, Унд. № 643, XVII в. и в других. Отсюда был только один шаг к полному слиянию апокрифа с циклом сказаний и повестей о Вавилоне граде, и этот шаг был сделан. Так образовался новый сводный текст изучаемого цикла произведений.

Это не было механическим объединением разнородных произведений. Автор свода значительно переработал свои источники. Рассказ об отношениях между Соломоном и Малкодушкой им отнесен к Навуходоносору и дочери Неврода, предшественника Навуходоносора в Вавилоне. Автор остроумно подчинил этот рассказ новой цели: Навуходоносор намеренно ставит свою жену-царицу в неудобное положение, чтобы благодаря этому выведать тайну своего происхождения и смысл своего имени. Создается новая версия происхождения Навуходоносора, основанная на новой русской этимологии его имени и имени Неврода. Неврод — это царь, у которого *не* родился сын; он вынужден был вследствие этого усыновить „детище“, которое он *находит* „на сору лежаща“ (Наход-на-сор). В остроумной и живой сцене между Навуходоносором и его женой это все раскрывается. Оскорбленная царица в ужасе воскликнула:

„О, неотечь ты сын! Что ты мя острамотил!“. Царь же ей рече: „Како есмь аз неотечь сын?“. Царица же ему рече: „Отец мой по случаю некоему ходил по граду и найде тебя на пути повержена на

¹ Впервые это было отмечено еще Н. Тихонравовым (Летописи русской литературы и древности, т. I, стр. 162).

сору. Потому тебе он и имя дал Навуходонасор царь!“. Царь же посмеяся, приемь ея за руку, рече: „Воистинну ныне уведал аз свое рождение и имя!“¹

Вследствие того, что в основу повествования о Навуходоносоре здесь положена новая этимология его имени, автор свода вынужден был опустить весь рассказ о царе Аксерксе. Из рассказа о Навуходоносоре он удержал только краткие упоминания о построении нового города, создании из камня змея, окружающего город (с характерной подробностью о горящем „в челюстях“ змея угле, раздуваемом мехами „на устрашение людям“; с подробностью, которая связывает данный свод с предыдущим сводом, тоже поздним), и изображении „змиева зрака“ на зданиях, утвари и одеждах. Затем он расширил свое повествование известной легендой о трех отроках, сожженных Навуходоносором в печи, и опустошение Вавилона ожившими змеями и его запустение поставил в связь с этим „богомерским преступлением“ Навуходоносора. Рассказ о Василии Навуходоносоровиче вследствие этого также должен был выпасть из нового свода.

Последняя часть рассматриваемого свода — рассказ о том, как послы греческого царя Василия приносят ему из Вавилона царские инсигнии. Но и здесь новые черты: послы уже при отъезде получают наказ „искати сердоликову крабицу, что положен царский виссон и порфира и скипетр и шапочка мономахова“. Соответствующим образом переделывается и заключительный эпизод рассказа о посольстве: „Мужие же принесоша ко царю своему Василию знамение из Вавилона: сердоликову крабицу, в ней же лежит царский виссон и порфира и шапочка мономахова и жезл царский“. Следует отметить, что в этом своде „шапочка мономахова“ настойчиво присваивается вавилонским царям. Но особенно интересны заключительные строки свода:

„Услышав же князь Владимир Киевский, что царь Василий получи такие великие царские вещи, и посла к нему своего посла, чтоб ево чем подарил. Царь же Василий ради чести своей посла князю Владимиру в Киев в дарех сердоликову крабицу да мономахову шапочьку. И с того времени прослыша великий князь Владимир Киевский — Мономах. А ныне та шапочка в Московском государстве в соборной церкви. И как бывает властiapоставление, тогда ради чину воскладывают ея на главу“.

Таким образом очевидно, что в последней части свода составитель его пользовался теми сведениями о „царских вещах“, какие впервые появились в политической литературе Московского государства в известном „Сказании о князех владимирских“. Указанная нами приписка давно уже известна в научной литературе; сделанные из нее выводы вошли и в учебные пособия. Но об этом всегда говорилось и говорится как о раннем факте, относящемся то к концу XV века, то к началу XVI века; как о факте, связанном „с развивавшейся идеей преемственности Москвой византийского наследства“ и свидетельствующем о создании идеологии московского самодержавия.² Но не был подвергнут критическому рассмотрению основной вопрос: когда эта приписка была сделана? А между тем этим ведь определяется ее значение в литературной жизни цикла повестей и сказаний о Вавилоне граде. Мы видели

¹ В этом разделе мы везде ссылаемся на рукопись ГИМ, Барс. № 1667, XVII в.

² М. Н. Сперанский. История древней русской литературы. М., 1914, стр. 416; Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. М., 1950, стр. 248.

уже, что сводный текст, в котором она встречается, третий по счету, нельзя признать ранним, так как он в свою очередь опирается на свод, созданный не ранее начала XVII века. Время появления этого свода дает возможность понять истинный смысл слияния в нем двух широко известных в древней Руси произведений.

Рассматривая же этот свод на фоне исторической действительности начала XVII века, мы можем правильно понять его идейный смысл. В период первого и особенно второго ополчения идея борьбы против польско-литовской интервенции, против польского короля получает широкое признание и по политическим и по религиозным соображениям. Патриоты этого времени ополчались на борьбу „за веру православную, за Московское государство на разорителей польских и литовских людей“. Подъем национальных чувств и неприязнь к полякам как к католикам были так сильны, что польские кандидатуры на московский престол не могли иметь значительного успеха. И когда второе ополчение освободило кремль и временное правительство созвало Земский собор, который должен был избрать царя, то первое же постановление собора было: „а литовского и свейского короля и их детей, за их многие неправды, и иных некоторых земель людей на Московское государство не обирать...“. Есть все основания предполагать, что идеологи Московского государства этого времени стремились к тому, чтобы новый царь „учинился на царстве по прежнему обычаю“, который возводился ко времени Владимира Мономаха и особенно хорошо был разработан в „чине царского венчания“ времени Ивана IV с упоминанием барм и шапки Мономаха. Естественно было именно в это время припомнить старые легендарно-политические сказания, которые вели происхождение самих „царских вещей“, т. е. инсигний, из глубокой древности, но минуя „латинский“, католический, Запад. В этом, как и в осознании успехов реальной политики, находили удовлетворение возросшие национальные чувства различных слоев московского населения начала XVII века.

В ближайшие же десятилетия известна попытка более тесно связать этот свод с личностью Михаила Федоровича, но дальше чисто внешнего приурочения содержания одного из эпизодов свода ко времени первого Романова неизвестный „писатель“ не пошел. Так, в списке Бил, Тихонр. № 18, XVII в., в конце свода мы читаем:

„И от того дни прослы великий князь Владимир (Мономах). И ныне та шапочка Мономаха царя, еже взята в Вавилоне, в российском царстве в Московском государстве у царя государя и великого князя Михаила Феодоровича всеа России самодержца. Дай бог спасен и здрав был на многия лета царь государь и великий князь Михайло Феодоровичь всеа Руси самодержец с своим с сыном с благоверным царевичем... царствовал в той мономаховой шапочке на многа лета...“.

Подводя итог этому беглому обзору текстов сказаний и повестей о Вавилоне граде, мы видим, что к раннему периоду московской литературы, к XV веку, возможно отнести только „Сказание о Вавилоне граде“ (рассказ о греческом посольстве в Вавилон). Остальные же произведения этого цикла, сводные тексты, могли возникнуть никак не раньше второй половины XVI—начала XVII века. Их место как цельных и законченных произведений в литературе этого времени. Что же касается вопроса о происхождении составных частей сводных текстов, т. е. повестей, или притч, о создании Вавилона и его заустени, то этот вопрос должен решаться особо.

В настоящей статье мы останавливаемся на решении ряда вопросов, связанных с изучением только „Сказания о Вавилоне граде“.

4

„Сказание о Вавилоне граде“ отличается стройной композицией и последовательно раскрываемой фабулой.¹ В нем нет следов „швов“, образующихся при соединении нескольких источников, при вставках или при позднейшей переработке первоначального текста. А эти швы неизбежно появились бы, если бы были правы компаративисты в своем представлении о литературной истории „Сказания“: о том, что упоминание о „русине“ появилось на русской почве и рассказ о добывании царского венца „не представляет существенной, исконной подробности рассматриваемого круга сказаний“ (И. Н. Жданов). Цельность „Сказания“ противостоит этим предвзятым „теориям“.

„Сказание о Вавилоне граде“ членится на три части. Первая знакомит читателя с главными действующими лицами повествования и указывает цель отправки послов в Вавилон. Причем многое здесь сказано еще неясно и неопределенно и вполне раскрывается только в последующем повествовании. Греческий царь Лев, в крещении Василий, „первое посла три человекъ крестьянскаго роду и соуръскаго“, но они на это отвечают царю: „Неподобно намъ тамо ити, но пошли из грекъ гричина, из безъ Ѡбжанина, из роуси роусина“. И царь „посла, яко хотяхуть“. Здесь не объясняется, почему первым послам „неподобно тамо (в Вавилон) ити“ и почему в составе посольства необходимо наличие „гричина“, „Ѡбжанина“ и „роусина“, — из дальнейшего повествования это станет ясным. Но следует отметить, что именно такой состав посольства в самом же начале сказания считается основой успеха всего дела. Этим послам царь Василий поручает „испытати (т. е. испросить, разузнать) зднамения“ в Вавилоне у гроба Анании, Азарии и Мисаила; при этом содержание „зднамения“ никому не известно, — это также разъяснится впоследствии. Царь дает обещание: „Аще боудеть зднамение святыхъ здѣ, да не ѡтлоучюся от Ероусалима, но боудоу подобникъ вѣрѣ хрестьянствѣи и поборникъ на врагы иновѣрныя за род хрестьянский“. В этой части „Сказания“ уже все намечено — и цели посольства в Вавилон и состав его, но ничто еще не раскрыто.

Вторая часть „Сказания“ чисто повествовательная. Здесь рассказывается о том, как послы царя Василия приходят к Вавилону. И сразу же обнаруживается, что только посольство в таком составе, в каком его снарядил Василий, может попасть в Вавилон и достигнуть своей цели, так как чудесное указание, как проникнуть внутрь города через спящего змея, оказывается написанным по частям последовательно на греческом, абхазском и русском языках:

„Бяшетъ тоу лѣствица от древа коупариса приложена чресь змѣя, а написано бо бяше на ней три слова грѣческы, обезскы, роускы. Первое слово, грѣческы: «Котораго человекъ богъ принесеть к лѣствицѣ сеи...». Второе слово, обезскы: «да лѣзеть чресь змѣя без боязни...». Третье слово, роускы: «да идеть с лѣствицѣ чресь платы, до часовницѣ»“.

С другой стороны к змею также прислонена лестница, ведущая внутрь города, и на ней „написано тако же“. Непонятный сперва состав по-

¹ В этом разделе статьи мы везде ссылаемся на список „Сказания“, ГИМ. № 2952, XV в. (см. ниже, текст сказания, стр. 142—144).

сольства находит свое оправдание по самому ходу действия. Если предположить, что упоминание о „*שופר*“ и „роусине“ — позднейшая вставка и в первоначальной редакции „Сказания“ этого упоминания не было, разрушится вся композиция произведения. Становится очевидным, что в художественном замысле „Сказания“ участие в добывании царских инсигний, наряду с греком, абхаза и русского занимает одно из центральных мест.

У гроба трех отроков послы просят „зднамениа“ и не находят ответа. Они готовы принять за знамение кубок с вином, стоящий на гробе Анании, и думают унести его к царю. В представлении послов знамение материализуется, приобретает значение предмета, знака. И когда чудесный голос приказывает послам искать „зднамениа“ в царских палатах, они обнаруживают здесь на царском одре „два вѣнца — царя Навходоносора и царицѣ его“. В грамоте, которую здесь же видят послы, объясняется история этих венцов и указывается, что они должны быть возложены „на царѣ богохранѣмомъ Василю и царицѣ блаженни Александрѣ молитвами святыхъ трехъ отроковъ“. Весь этот рассказ раскрывает соответствующее место первой части „Сказания“. Цель посольства теперь становится совершенно ясной.

Обнаружение венцов царя Навходоносора вместе с грамотой, определяющей их дальнейшее назначение, — это кульминационный пункт всего повествования. Без него не мыслимо само „Сказание“. Каким рисовалось „Сказание“ в его первоначальном виде И. Н. Жданову, когда он утверждал, что добывание царского венца „не представляет существенной, исконной подробности“ его, понять невозможно.

Связывая в крепкий узел все основные нити повествования, автор отмечает еще некоторые незначительные поступки послов в Вавилоне, рассказ о которых переключается и со вступительной частью „Сказания“ и с его заключением. К их числу относится упоминание о том, что послы взяли в царских палатах „кубокъ таковъ же, яко же оу трехъ отроковъ“, и среди „камения многоцѣннаго и драгого“ камней „великихъ числомъ 20“. Ниже мы еще возвратимся к этим подробностям рассказа. Затем повествуется о возвращении послов, со сказочным эпизодом пробуждения змея и пр.

В третьей части „Сказания“ действие переносится в лагерь царя Василия. Послы настигают царя на расстоянии 16 дней пути от Вавилона, и каждый из них рассказывает ему о выполнении поручения. Патриарх принимает от послов венцы царя Навходоносора и, прочитав грамоту, возлагает их на царя Василия и царицу Александру.

Основная линия повествования исчерпана: венцы царя Навходоносора, добытые в Вавилоне представителями трех стран — Греции, Абхазии и Руси, возложены на головы греческого царя и царицы. Но сложный рассказ еще не окончен.

Отправляя послов, царь Василий давал обещание, что в том случае, если „боудеть зднамениа святыхъ“, он „не отлучится“ от Иерусалима. Теперь, в заключительной части „Сказания“, рассказывается, что царь повелел „наполнити соухимъ златомъ“ кубок, — тот самый, который послы принесли из палат Навходоносора, — и вместе с пятью дорогими камнями, — тоже из числа принесенных послами, — отослал его в Иерусалим к патриарху. Так завершается рассказ о первой части обещания царя Василия.

„Сказание“ затем как бы обрывается на повествовании о намерении царя Василия итти в Индию и на том, что критский царь Давид дает ему совет вместо Индии итти „на страны полунощныя“. Заметив это,

А. Н. Пыпин писал в свое время: „Упоминание Индии и царя Давида показывает, кажется нам, что сказка о Вавилонском царстве едва ли не есть только часть другого, более обширного предания“.¹ Но это не так. Заключительные слова „Сказания“ не что иное, как рассказ о том, как осуществляет царь Василий вторую часть своего обещания: „... но боуду... поборникъ на врагы иновѣрныя за родъ хрестьяньскый“. Осуществлением этого обещания, собственно, и оканчивается „Сказание“. Одарив и отправив послов на родину („пойдѣта с миромъ, гдѣ соуть отди ваши и матери“), царь решает идти походом на Индию: „Царь же оттолѣ восхотѣ ити во Индѣю. Давидъ же царь критьскый рече: «Пойди на страны полунощныя, на врагы иновѣрныя, за родъ хрестьянскъ»“.

Это прочтение „Сказания“ убеждает нас в его цельности и стройности. Автор его как бы сам прослеживает развитие не только основных линий фабулы, но и второстепенных ответвлений ее, — настолько в его рассказе все строго согласовано. Участие в посольстве грека, абхазца и русского ни в коем случае не является случайной или поздней чертой повествования, так как исконность этой особенности „Сказания“ подтверждается самой композицией его. Столь же крепко с его композицией и фабулой связан и рассказ о добыче царских инсигний. Все содержание „Сказания“ можно выразить в немногих словах: царские инсигнии для греческого царя были добыты посольством в составе „гречина“, „обезанина“ и „русина“. Но в таком случае окажется, что автор „Сказания“ весьма настойчиво и прозрачно выражает мысль о равноправии или равенстве на исторической арене трех христианских стран: Византии, Обезии и Руси.

Если это так, то где и когда, в какой исторической и политической обстановке могла созреть эта идея?

5

Мысль о равноправии или равенстве Византии, Обезии и Руси могла возникнуть только в определенной конкретно-исторической обстановке, вернее всего, в обстановке наступления ислама на христианские православные страны в конце XIV века и первой половине XV века.

Со времени завоевания османскими турками Галлиполи и фракийского Херсонеса, т. е. с 1357 года, начинается наступление их на Сербию и Болгарию. Уже в 1362 году турки заняли города Старую Загору и Флиппополь; в 1371 году при Чермене на реке Марице они разбили соединенные силы Македонии, босняков и хорватов; в 1372 году захватили Ихтиман, Самоков и всю южно-болгарскую область, а в Македонии — Шип, Прилеп и Биталь; в 1383 году пала София. Второе болгарское царство было накануне своей гибели. Внутри его не затихали междоусобные распри, оно не получало поддержки и извне, от соседних государств.

Один за другим падают города Тырново, Провадия, Варна, Шумен и, наконец, Никополь, в котором укрепился Иван Шишман (1388). После этих поражений Иван Шишман вынужден был признать Болгарию в вассальной зависимости от турок, но, очевидно, продолжал готовиться к борьбе, так как в 90-е годы этого века турки предпринимают ряд походов в Болгарию. Отстоять свою независимость

¹ А. Н. Пыпин. Старинная русская сказка о Вавилонском царстве. Известия Академии Наук по Отделению русского языка и словесности, т. III, 1854, стр. 320.

болгарам не удается. В 1393 году турки снова берут Тырново, в 1394 году занимают Добруджу, Силистру; в 1396 году Иван Срацимир без боя сдает Видину. С этого времени Болгария на долгие столетия оказывается под властью османских турок.

Уже поражение на реке Марице в 1371 году сильно подорвало военную мощь Сербии. В битве этой погиб и король Вукашин, герой сербского народного эпоса. Король Лазарь, владевший северной Сербией, стал копить силы для борьбы с турками. Ему удалось собрать огромную по тому времени армию в 60 тысяч человек, которая встретила с турками на Коссовом поле. В первом же сражении с турками король Лазарь попал в плен и был казнен над трупом Мурада. Это вызвало панику в сербских войсках. Сербы потерпели полное поражение на Коссовом поле, и самый день битвы — день св. Вита (сербск. — Видовдан, 15 июня 1389 года) — остался в памяти сербского народа как самый трагический день сербской истории. Сербия потеряла независимость и была обложена тяжелой данью. И хотя отдельные князья, добиваясь поддержки турок, пытались удержаться у власти, это уже не могло иметь особо важного политического значения: подлинная самостоятельность Сербией была утеряна, а через 70 лет после битвы на Коссовом поле, когда султан Мухаммед прекратил и эти отдельные попытки сербских князей, вся страна (за исключением Белграда) стала турецкой провинцией (1459). Так сложились исторические судьбы Болгарии и Сербии к началу XV века.

Успешные войны османских турок с Византией на протяжении всего XIV века и их победы на Балканах в конце этого века сильно изменили международное положение православного Востока. Болгария и Сербия потеряли свою независимость. На исторической арене, в представлении русского книжника XV в., остались Византия, ослабленная и урезанная в своих границах, Обезы (обычное в древней Руси обозначение Абхазии) и Русь. Именно такое представление о положении „православного мира“ в первой половине XV века нашло свое отражение в идейно-художественном замысле „Сказания о Вавилоне граде“, своеобразно преломившись в идее равноправия или равенства Византии, Грузии — Абхазии и Руси.

· 6

Но в какой стране могла появиться эта идея?

Вся история отношений Византии к народам, принявшим от нее христианство, свидетельствует о том, что эта идея не византийского происхождения. „Интересы государства и церкви в Византии по отношению к этим народам, — говорит М. Дьяконов, — заключались в том, чтобы поддержать в их глазах авторитет мировой монархии и вселенской церкви“.¹ На всем протяжении исторической жизни Византии императорская власть представлялась греческим политическим деятелям всемирною и исключительною. Византийский император считался единственным представителем мировой империи и единственным законным главой всех христиан. Даже за римскими императорами не признавалось право на одинаковое с ним положение. „Новообращенные“ народы столетиями воспитывались в убеждении, что все христиане являются подданными византийского императора; и греческие политики стремились достигнуть на практике того, чтобы все страны, куда проникало

¹ М. Дьяконов. Власть московских государей. Очерки из истории политических идей древней Руси до конца XV в. СПб., 1889, стр. 2.

христианство из Византии, поставить в зависимость от византийского императора и в политическом и в церковном отношении. На истории взаимоотношений Византии и древней Руси мы видим, с каким исключительным упорством Византия пыталась добиться осуществления этих взглядов на практике.

Византийская церковь, согласно своей доктрине о императоре как помазаннике божьем и покровителе вселенской церкви, принимала все меры прежде всего к тому, чтобы поддержать авторитет императора в управлении русской церковью. В грамотах о поставлении митрополитов всея Руси константинопольские патриархи обычно свидетельствуют, что это поставление совершено „по соизволению и согласно высочайшаго и святаго моего самодержца“, „по благоизволению и согласию высочайшаго и святаго моего самодержца“, „благоволением и поспешением святаго боговечнаго царя“ и т. п.¹ В компетенцию императора входил также вопрос о границах русской митрополии и ее единстве. В спорных случаях по этому вопросу император или выпускал особый хрисовул, или председательствовал на соборе, разбиравшем дело, или давал свое „распоряжение и определение“.²

Но греческим политикам нельзя отказать в трезвом восприятии и правильном понимании исторической и политической обстановки. Императорские грамоты, которые иногда сопровождали решения императоров или постановления соборов по делам русской митрополии, наглядно показывают это. Тон этих грамот имеет характер убеждения, а не предписания.³ Чем более ослабевала Византия, тем яснее ее политики давали себе отчет в невозможности добиться политической зависимости Руси от империи; тем чаще стремились они предотвратить резкие конфликты, если они назревали; иногда отказывались от своих требований, а затем вновь выдвигали их. Одним из вопросов, обнаруживающих эту гибкость византийской политики по отношению к древней Руси, ее уступчивость и в то же время упорство в достижении поставленных целей, является, как известно, вопрос об избрании и поставлении константинопольским патриархом высших представителей русского церковного управления. М. Дьяконов приводит интересные данные о поставлении митрополитов на русскую митрополию. „Митрополиты греки, — пишет он, — были преобладающим явлением в течение всего времени, пока поставление на митрополию всея Руси происходило в Константинополе. До монгольского ига из 21 митрополита только двое были несомненно русские, и те были поставлены собором русских епископов. После монгольского ига митрополитами всея Руси были четверо русских, поставленных в Константинополе“.⁴ Но и эти немногие отступления от обычной практики в глазах константинопольских патриархов были нежелательным явлением, поэтому некоторые из константинопольских патриархов сообщали об избрании митрополитом русского сопровождают в своих грамотах подлинно юридическими оговорками, боясь создания прецедента. В этом отношении весьма характерна грамота о поставлении митрополита Алексея. „Мы, — говорится в этой грамоте, — хотя это совершенно необычно и не вполне безопасно для церкви, согласились на это только относительно одного кир Алексея, но отнюдь не допускаем и не дозволяем на будущее

¹ Акты исторические, т. I, № 254; Русская историческая библиотека, т. VI, прилож., стр. 48, 54, 68, 182.

² Русская историческая библиотека, т. VI, прилож., № 3, стр. 74, 76, 226.

³ Там же, стр. 34 и 40.

⁴ М. Дьяконов. Власть московских государей, стр. 5.

время никому из русских уроженцев сделаться тамошним архиереем...“.¹

Нет фактов русской истории, свидетельствующих о том, чтобы упорное стремление Византии через церковные дела или непосредственно добиться политической зависимости Руси имело успех хотя бы на короткое время. Но идея эта возникла в Византии очень рано, и вполне отказаться от нее империя не могла вплоть до падения Константинополя. Это и понятно: признание права „новообращенного“ народа на независимость в церковном и политическом отношениях противоречило основной теории византизма — теории мировой монархии и вселенской церкви.

Трудно представить себе, чтобы византийский писатель любого времени и, в частности, первой половины XV века, мог написать произведение, подобное „Сказанию о Вавилоне граде“. В Византии оно могло бы прозвучать как памфлет. Его идея о равноправии или равенстве греков, „обез“ и русских в корне противоречит византийским воззрениям на народы, принявшие христианство из Византии, — воззрениям, сложившимся исторически и получившим каноническое обоснование.²

Названием „Обезы“ в древней Руси, как известно, обозначались абхазцы (абазги, абхазы) или, вернее, их родина. Киевская Русь, по видимому, поддерживала с ними оживленные сношения, и упоминания об обезах довольно часто встречаются в наших летописях. Так, например, в Ипатьевской летописи под 1154 годом читаем: „Посла Изяславъ второе сына своего Мьстислава противу мачесъ своей, бѣ бо повель из Обезъ жену себѣ цареву дщерь“; здесь же под 1201 годом говорится о Романе Галицком, что он „ревноваше бо дѣду своему Мономаху, погубившему поганяны измаилтяны, рекомыя половци, изгнавшю Отрока за Обезы за Желѣзныя врата...“; в рассказе о первом нашествии татар в Лаврентьевской летописи: „Слышахомъ, яко многы страны поплѣниша — Ясы, Обезы, Касогы...“. Позже в летописях обезы упоминаются под 1352 годом, когда постиг их мор, во время завоеваний Тамерлана и пр. Вполне понятен этот интерес древней Руси к Обезам. Абхазия была христианской страной (в 550 году в ней уже были христианские церкви), границы которой лежали недалеко от древнего Тмутараканского княжества. Возможно, что уже в это время между русскими и абхазами были торговые и иные связи. Во всяком случае отмеченное летописью для XII века родство русского князя с царем Обез предполагает какие-то более ранние связи между двумя народами. Русские, кроме этого, могли встречаться с абхазами в монастырях Афона и в других местах.

В то время, когда под ударами турок теряли свою государственную самостоятельность Болгария и Сербия, в жизни Абхазии и Грузии также происходили крайне важные события. С 1386 года началась длительная борьба Грузии с Тамерланом, которая продолжалась в дальнейшем с его наследниками до 1411 года. Разорение Грузии во время этой борьбы было так велико, что она не могла оправиться от него на протяжении ряда столетий. Города, крепости и монастыри лежали в развалинах. Виноградники, сады и даже, в ряде мест, леса были

¹ Там же.

² Там же, стр. 1—2; Е. Е. Голубинский. История русской церкви, т. I, ч. I. 1880, стр. 226, примеч. 2; Т. В. Барсов. Константинопольский патриарх и его власть над русскою церковью. СПб., 1878, стр. 364—365, 443—445; А. С. Павлов. Теория восточного папизма. Православное обозрение, декабрь, 1879, стр. 754.

вырублены. Население во многих районах, особенно в равнинных, сократилось наполовину. Сократился объем и снизился уровень народного хозяйства. Наука и искусство пришли в упадок. И несмотря на то, что вслед за этим наступило сравнительно спокойное время тридцатилетнего царствования грузинского царя Александра I с его широкими восстановительными планами, страна все же не могла уже вполне оправиться.

Тем более не могло это произойти еще и потому, что в царствование Александра I заметно усилились крупные феодалы, а в связи с этим и феодальная эксплуатация трудового народа. Грузинское царство было накануне своего распада. Но современники не видели надвигавшихся событий, и восстановление при Александре I городов, крепостей, дворцов и монастырей воспринимались ими как возрождение лучших времен, как расцвет страны.

Казалось, что Грузия, третье по счету христианское свободное государство в первой половине XV века, вновь окрепла на многие годы. Очевидно, именно такое восприятие Грузии времени царя Александра I нашло свое отражение в „Сказании о Вавилоне граде“ в признании ее равноправной с Византией.

Но в „Сказании“ речь идет об Обезах, а не о Грузии. Вот именно эту особенность „Сказания о Вавилоне граде“ мы считаем драгоценнейшей реалией определенного исторического времени. Она помогает правильно подойти к решению трудного вопроса датировки этого произведения.

Конец XIV века и начало XV века — это было то время в истории Грузии, когда среди всех областей Грузинского царства Абхазия заняла совершенно особое положение. Главные удары Тамерлана во время его шести больших походов в Грузию не достигали ее. Вследствие этого, когда восточная Грузия и часть западной Грузии лежали в развалинах, Абхазия избежала прямых последствий нашествия Тамерлана. Сохранилось ее население. Не была разрушена ее экономика. Кроме того, она в это время пользовалась полной церковной независимостью от Грузии. Еще в XIII веке упоминается абхазский католикос, местопребыванием которого был город Пицунда. Теперь его власть простирается на всю Западную Грузию — на Абхазию, Сванетию, Мегрелию, Имеретию, Гурию. Это могло способствовать поднятию авторитета Абхазии как в самой Грузии, так и за ее пределами.

Эти страницы истории Абхазии были, очевидно, известны на Руси, где до конца XV века лучше знали абхазцев, чем грузин других областей. Здесь в первой половине XV века скорее Абхазия, чем Грузия в целом, могла быть сочтена той страной, которой наряду с Византией и Русью было суждено представлять на международной арене христианский православный мир.

В истории древней Руси время с 60-х годов XIV века и до середины 80-х годов XV века имело совершенно исключительное значение. Оно было не только временем роста и укрепления Московского княжества, но и непосредственным этапом на пути создания централизованного Русского государства.

Со второй половины XIV века на территории северо-восточной Руси начинается значительное экономическое оживление. Оно обнаруживается и в развитии внутреннего товарооборота и в расширении внешних торговых связей. В связи с развитием ремесленного производства и торговли увеличивается посадское население, возникают новые посады и слободы. „В обстановке этого экономиче-

ского подъема Москва начинает играть роль связующего экономического центра, быстрое развитие которого не могли остановить новые страшные опустошения¹. Но этим не ограничивается роль Москвы в экономике северо-восточной Руси. „Особое положение Москвы как пункта, к которому выводили водные пути по Дону и Волге, имело громадное значение.

Москва выступает перед нами в роли крупного международного центра восточной Европы... Через Москву проникают на Русь новые технические усовершенствования, утвердившиеся и вошедшие в обиход в средиземноморских странах и на Востоке“².

Одновременно с улучшением экономики северо-восточных русских княжеств происходили изменения в их политическом строе. В основном эти изменения состояли в успешном преодолении феодальной раздробленности внутри каждой из русских земель, сохранявших политическую самостоятельность в конце XIV—первой половине XV века. Этот процесс происходил и внутри Московского княжества. Но политика московских князей, которые в XIV и XV веках с незначительными перерывами почти все время удерживали за собою великое княжение, далеко не исчерпывалась подавлением самостоятельности „уделов“ внутри Московского княжества.

Московские великие князья вследствие занимаемого ими положения неизбежно должны были группировать вокруг Москвы, объединять и возглавлять другие северо-русские княжества в определенной внутренней и внешней борьбы. Эта объединяющая и руководящая роль Москвы была признана почти всеми русскими землями уже в конце XIV века в момент грозной опасности — нашествия Мамай.

Куликовская победа закрепляла за Москвой значение общерусского политического центра, а общие успехи княжения Дмитрия Донского означали кризис системы феодальной раздробленности Руси. Объединительную политику Дмитрия Донского продолжали его преемники. Но необходимо было еще целое столетие упорных усилий Москвы, направленных на подавление самостоятельности ряда феодальных русских государственных образований, прежде чем было достигнуто окончательное политическое объединение всей страны и создано централизованное Русское государство. Анализируя этот период исторического развития древней Руси, мы видим, как глубоко прав И. В. Сталин в своем определении исторической заслуги Москвы: „Историческая заслуга Москвы состоит в том, что она была и остается основой и инициатором создания централизованного государства на Руси“³.

Общественная и литературная жизнь Руси конца XIV—первой половины XV века определялась высоким уровнем национального самосознания русских людей, которое во всех областях культуры этого времени обусловило проявление особого внимания к большим государственным темам. В общественной жизни и литературе был поднят ряд новых политических идей, теорий и традиций. Они касались главным образом внутренней жизни Руси, хотя в известной мере в них отра-

¹ К. Базилевич. Опыт периодизации истории СССР феодального периода. Вопросы истории, № 11, 1949, стр. 79.

² М. Тихомиров. Москва и культурное развитие русского народа XIV—XVII вв. Вопросы истории, № 9, 1947, стр. 7.

³ Правда, 1947, 7 сентября.

зился интерес и к внешнеполитическим событиям и к международной обстановке.

Но новое в это время еще причудливо смешивалось со старым и традиционным. Различного рода теократические теории еще продолжали жить в обществе и подчас врываются в живую историческую действительность. Так, например, духовенство попрежнему считало своей высшей обязанностью вмешательство в междукняжеские политические споры, „распри“, а иногда и в феодальные войны в целях примирения враждующих сторон. И общество принимало это вмешательство. Следует, правда, отметить, что это вмешательство духовенства обычно помогало упрочению великокняжеской власти. К этому же кругу идей и теорий относились идеи о божественном поставлении властей, об ответственности князей перед богом сообразно их высокому сану — всё то, о чем в своих поучениях говорили митрополиты Алексей и Фотий и другие и что получило свое развитие в московской идеологии значительно позже, в XVI веке. Во всем этом много заносного, идущего от переводной литературы, от Византии.

Совсем иного характера были политические идеи, теории и традиции, выросшие на русской почве, связанные с русской историей. Одной из таких исторически обусловленных политических традиций была традиция, по которой великое княжение связывалось с Владимирским княжеством. Она имела огромное значение в политической жизни северо-восточных русских княжеств. Чтобы понять это, необходимо припомнить некоторые факты. Еще в 1108 году Владимир Мономах на реке Клязьме построил „город“, принявший его имя, — Владимир. При Андрее Боголюбском Владимир вырос в новую столицу Ростовско-Суздальской земли. При Всеволоде Большое Гнездо власть ростовско-суздальского („владимирского“) князя одно время вынуждены были признавать и Новгород и Киев. Всеволоду уже был присвоен титул „великого князя“. У него искали поддержки галицкие князья. Его силу отметил автор „Слова о полку Игореве“.

После нашествия татар великий князь владимирский Ярослав Всеволодович первый получил в Орде ярлык на великое княжение. Титул „великого князя“ продолжал потом связываться с Владимирским княжеством и тогда, когда князья, получавшие его, уже перестали переезжать на княжение во Владимир. Это стало традицией. В сознании политических деятелей XIV—XV веков великое княжение через владимирских князей, очевидно, связывалось с Владимиром Мономахом — основателем Владимира, последним крупным великим князем Киевского государства. Впоследствии эта традиция получила „историческое“ и „теоретическое“ обоснование в политической литературе конца XV—начала XVI века: в „Сказании о князях Владимирских“ и др.

Начавшийся с XIV века процесс феодальной концентрации русских земель вокруг усилившейся великокняжеской власти Московского княжества сопровождался ростом сознания общерусского единства, охватившим огромные народные массы. Яркой иллюстрацией этого является былевой эпос XIV—XV веков; идея единства Руси, никогда не оставлявшая народный эпос, с особой силой проявилась в нем именно в это время. Идея единства Руси нашла многообразное выражение и в литературе XIV—XV веков. Известно, что с особой определенностью она выразилась в общерусском летописании, как об этом можно судить по Троицкой, Симеоновской, Новгородской четвертой, Софийской первой летописям и некоторым другим летописным источникам. Уже в первых из них дается оправдание объединительной политики московских вели-

ких князей — Ивана Калиты и его преемников. В летописании же 20-х годов XV века еще ярче отражаются основные задачи политики Москвы. Летописание этого времени освобождается от пролитовских взглядов, нашедших свое отражение в летописании начала XV века, так как идея сохранения за Литвой русских земель противоречила объединительным тенденциям Москвы. В нем значительно смягчены встречавшиеся в более раннем московском летописании резкие отзывы об отдельных русских княжествах или их населении. Это опять-таки соответствовало взглядам московских политических деятелей, которые в объединительных целях не склонны были лишиться раз сеять рознь между Москвой и ее соперниками. Становится очевидным, если идея единства Руси окончательно не исчезла в народном эпосе и в литературе и в более раннее время, то теперь, в XIV—XV веках, она входит в общественное сознание русских людей вместе с представлением об исключительной роли Московского княжества в деле объединения русских земель. Именно в таком единстве находятся эти идеи в цикле повестей о Куликовской битве: Московское княжество здесь воспринимается уже как Русская земля, а Дмитрий Иванович считается ее защитником. Основная тенденция политики Дмитрия Ивановича выражена в этом цикле повестей замечательно тонко. Точно так же в „Слове о житии и о представлении великого князя Дмитрия Ивановича, даря русьского“ идея единства русской земли выражена в тесной связи с представлением об объединяющей роли Московского княжества в жизни Руси. Иван Калита, дед Дмитрия Донского, называется в „Слове“ „собрателем русской земли“, а сам Дмитрий — „царем русским“.

Интерес к международным событиям и политической жизни других стран и попытки осмысления русской истории на фоне мировой истории, известные в древней русской литературе в более раннее время, теперь, в XIV—XV веках, возродились с особой силой. В XIV—XV веках после значительного перерыва вновь появляется литература путешествий в Византию. Для нее характерно наличие интереса не только к фактам и событиям истории христианской церкви, но и к фактам гражданской истории Византии и к событиям современной авторам путешествий политической жизни ее. Так, к середине XIV века относится памятник новгородской письменности, известный под названием „От странника Стефанова Новгородца“.

Внимательный путешественник, Стефан Новгородец отмечает в своих записях различные достопримечательности Константинополя. Он как бы вводит читателя в атмосферу иностранного города с его своеобразными архитектурными памятниками, колоннами и художественными украшениями зданий, гаванью и пр.¹ Следует отметить второе произведение этого же вида, тоже новгородское, — „Сказание о Костянтинеграде“. Это краткий путеводитель по Константинополю, составленный в конце XIV или в начале XV века на основе какого-то более раннего повествования о путешествии в Византию, остающегося нам неизвестным. „Сказание о Костянтинеграде“ замечательно своими краткими, но выразительными описаниями тех разрушений памятников искусства, которые остались в Константинополе как память о Латинской империи 1204—1261 годов.² К этой же категории произведений относится и

¹ М. Н. Сперанский. Из старинной новгородской литературы XIV века. Л. 1934, стр. 50—51, 53, 55, 57.

² Там же, стр. 133, 134.

„Хождение Игнатия Смольнянина“ — памятник московской литературы конца XIV века.

Игнатий, наряду с религиозными достопримечательностями Константинополя, описывает и некоторые политические события империи, свидетелем которых он был. Так, он описал вооруженное столкновение в Константинополе сторонников императора Иоанна II и сторонников императора Мануила II и пышную церемонию венчания на царство Мануила II.

Не так давно М. Н. Тихомиров отметил, что известное место Задонщины о том, как широко разнеслась слава о победе на Куликовом поле, свидетельствует об обширных международных связях Москвы времени создания Задонщины. „Здесь перед нами, — пишет М. Н. Тихомиров, — большой круг земель, до которых должна дойти весть о русской победе: Дербент (Железные врата), Рим, Кафа в Крыму, Тырнов в Болгарии и, наконец, Царьград (Константинополь) — вот те пункты, до которых дойдет слава. В других списках Задонщины добавлен еще Орнач, т. е. Ургенч в Средней Азии. Таковы отдаленные и разнообразные центры, которые были связаны с Москвой“.¹ Все это справедливо. Но это же место Задонщины свидетельствует еще об одном — о высоком уровне национального самосознания, которое побуждает Софонию Рязанца оценивать победу на Куликовом поле как событие, имеющее международное значение. Для истории политических идей Руси XIV—XV веков это особенно ценное свидетельство, каких немного еще в литературе этого времени.

Несколько ярче, чем в других литературных жанрах, интерес к международным событиям отражен в летописании XV века. Летописи охотно говорят о международных событиях, в первую очередь о нашествии азиатских народностей на Европу. Так, повести о Тохтамыше и о Темир-Аксаке (Тамерлане) сопровождаются рассказами о борьбе ханов между собою и борьбе Темир-Аксака с султаном османских турок Балзидом; рассказывается и биография Темир-Аксака. Изложение истории Руси предварялось сведениями из всемирной истории, взятыми из переводного Хронографа. По идее летописцев история Руси этим самым связывалась со всемирной историей человечества. Но, конечно, среди произведений XIV—XV веков, касающихся международной темы, на первом месте должен быть поставлен Русский хронограф 1442 года. В нем изложение всеобщей истории, как она обычно понималась в Византии, дополнено сведениями из истории славянских народов и древней Руси. Весь этот материал составитель Русского хронографа удачно расположил по хронологическим циклам, помещая в каждом цикле описания соответствующих событий из истории Византии, южных славян и древней Руси.² Это была сознательная попытка включить историю русского народа в общемировую исторический процесс.

Мы смогли коснуться только незначительной доли того богатства идей, которое характеризует подъем национального самосознания Руси XIV—XV веков. Но и этих немногих примеров достаточно для того, чтобы утверждать, что уже в первой половине XV века Московское княжество достигло такого уровня своего развития, при котором появление в его идеологической системе идеи равноправия или равенства Византии, Абхазии и Руси было вполне возможным.

¹ М. Н. Тихомиров. Москва и культурное развитие русского народа XIV—XVII вв. Вопросы истории, № 9, 1947, стр. 6.

² История русской литературы, т. II, ч. 1. Изд. АН СССР, М.—Л., 1945, стр. 169, 199—200.

Итак, внешних данных для определения места и времени создания „Сказания о Вавилоне граде“ очень мало. Но исследование этого вопроса приводит к гипотезе появления „Сказания“ на Руси в первой половине XV века. В решении этого вопроса необходимо учитывать еще одну деталь содержания „Сказания“, которая как будто бы подтверждает его русское происхождение. В одном из хороших текстов „Сказания о Вавилоне граде“, в тексте Великих миней-четиных, т. е. достоверно середины XVI века, мы читаем: „Первое посла три человеки христианьскаго роду, сурожьскаго“. Упоминание о послах-сурожанах, конечно, немыслимо в устах грека, рассказывающего о тех далеких временах, когда царские инсигнии были добыты для греческого царя из древнего Вавилона. Оно переносит нас в обстановку русской жизни и русского быта. Только русский автор, хорошо знакомый с сурожанами-гостями, легко мог создать версию посылки их в качестве греческих послов в Вавилон.

В русских летописях XIII—XV веков Сурож и сурожане упоминаются нередко, так как Сурож в это время занимал одно из первых мест среди торговых городов северного Черноморского побережья. Ипатьевская летопись под 1288 годом упоминает о „сурожьцах“ на Волыни. В Софийской I летописи под 1319 годом впервые упоминается „море Сурожьское“. Под 1356 годом летописец передает, что из Орды в Москву пришел посол Ирынчей и с ним „гости-сурожане“. Это одно из первых указаний на торговые связи Москвы с Сурожем. В скором времени в Москве „сурожанами“ стали называть как купцов, приезжавших из Сурожа, так и русских купцов, ездивших для торговли в Сурож. В XIV—XV веках „гости сурожане“ составляли верхушку московского купечества. Слова „Сурож“, „сурожане“, „сурожский“ прочно вошли в словарный состав русского языка XIV—XV веков. Они начинают значительно реже встречаться с конца XV века и в XVI веке, когда с развитием международного рынка и новых торговых связей Москвы ее торговля с Сурожем приходит в упадок. Слово „сурожьскаго“ в рукописях XV и XVI веков писалось под титулом — сурскаго. Поэтому понятно, что в списках „Сказания о Вавилоне граде“, начиная уже с XVI века, т. е. со времени сокращения, а потом и прекращения торговли Москвы с Сурожем, а вместе с тем и с исчезновением из состава живого русского языка слов „Сурож“—„сурожане“—„сурожский“, начинает появляться чисто литературное написание сурьскаго и даже сирьскаго, т. е. сирийскаго. Так появляется в тексте „Сказания“ упоминание, что отправленные греческим царем в Вавилон послы были „роду сурьскаго“, „роду сирьскаго“; а затем из текста выпадает и это наименование. Список конца XV века, который, несмотря на свою древность, дает уже ряд искаженных чтений, исправляемых на основе списков XVI века, также имеет чтение „сурьскаго“.

„Сказание о Вавилоне граде“ замечательно своей исторической и политической концепцией. В нем в форме легенды дается осмысление положения Руси на фоне истории всех христианских православных стран конца XIV—первой половины XV века. В новой исторической обстановке в новой форме возрождается идея, волновавшая передовых людей еще времени Киевской Руси. Теперь русские идеологи выдвигают идею равноправия или равенства всех оставшихся независимыми православных стран — Руси, Абхазии (Грузии) и Византии. Это определенный выход русской политической мысли из круга ближайших и очередных задач внутренней жизни Руси в сферу международных

вопросов. Концепция, отразившаяся в „Сказании“, слагалась постепенно, начиная с конца XIV века. Были внешние причины, подсказывавшие ее, — потеря самостоятельности Болгарией и Сербией и ослабление Византии. Еще более существенными были внутренние причины, коренившиеся в глубоких изменениях жизни северо-восточных русских княжеств и особенно княжества Московского. За немногословным текстом „Сказания о Вавилоне граде“ открывается целый мир идей и отношений, волновавших русских людей в период, предшествовавший образованию централизованного Русского государства. „Сказание“ — это своеобразное обоснование права Руси и Абхазии (Грузии) первой половины XV века на участие в международной жизни на равных началах со старшей христианской православной империей — Византией. Абхазия входит в эту концепцию не случайно. Жизненные интересы Руси и кавказских народов соприкасались уже в это отдаленное время.

Взаимное стремление Руси и кавказских народов к союзу подтверждается рядом фактов в ближайший же период. Рассказ об участии на равных началах представителей трех православных сохранивших свою независимость стран в добывании царских инсигний для греческого царя, написанный в последние десятилетия существования Византийской империи, — это символическое изображение соотношения сил этих стран в первой половине XV века. Неизвестный автор „Сказания“ поражает нас глубиной своей политической идеи.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СКАЗАНИЕ О ВАВИЛОНЕ ГРАДЕ

(По списку ГИМ, № 2952, XV в.)

Слово о Вавилонѣ о трехъ отрокъ. Посланіе от Леоукиа царя, а во крещенъи нареченаго Василѣя, еже посла в Вавилонѣ испытати зднаменія оу святыхъ трехъ отрокъ — Онаньи, Озарьи, Мисаила.

А первое посла 3 человекы крестьяньскаго роду и соурьскаго. Они же рекоша: неподобно намъ тамо ити, но пошли из грекъ грѣчина, из безъ обяжанина, из роуси роусина. И посла, яко хотяхоуть.

Бяше близъ Вавилона за 15 днѣи, рече имъ царь Василѣи: аще боудеть зднаменіе святыхъ здѣ, да не отлоучюся от Ероусалима, но боудоу подобникъ вѣрѣ хрестьянѣи и поборникъ на врагы иновѣрныя за род хрестьяньскыи.

И поидоша три моужи, Гоугрии грѣцинѣ, Яковъ обяжанин, Лаверь роусинѣ, и ехали три недѣль до Вавилона. И придоша тамо и не видиша града: оброслъ бо бяше былиемъ, яко не видити полаты. Они же поустиша кони и нашли бо бяхоу поутець, малаго звѣри хождение. Бяше бо в былии томъ елико трава, а двѣ части гада. Но не бысть имъ страха, и поидоша поутемъ тѣмъ и придоша ко змию.

Бяшетъ тоу лѣствица от древа коупариса приложена чресь змѣя, а написано бо бяше на ней три слова грѣческы, обезскы, роускы. Первое слово, грѣческы: котораго человекъа богъ принесеть к лѣствицѣ сеи... Второе слово, обезскы: да лѣзеть чресь змѣя без боязни... Третье слово, роускыи: да идетъ с лѣствицѣ чресь полаты, до часовницѣ. Бяшетъ бо лѣствиця та 18 степенѣи, така бяшетъ толстота змѣя того. Вздоша горѣ, аже тамо другая лѣствиця вноутрь, написано

тако же. И преидоша чресь полаты, бяхоу бо полаты полны гада, но нествориша имь ничто же.

Они же пришедше и влѣзоша в церковь, и наполнишася благоухания оуста ихъ. Бяхоу бо много дѣянїя въ церкви написана. И поклонишася гробомъ святыхъ трехъ отрокъ — Онаньи, Озарьи и Мисаила, и ркоша: приидомъ к вамъ по божию изволенію и великаго царя Василѣя богохранимаго просить от васъ зднамения. И стояше коубокъ на гробъ онаньинъ златъ с каменіемъ драгимъ съ жемцюгомъ оукрашенымъ полнъ моура и ливанъ и стеклянцю того не видихомъ. Мы же, вземше ис кубка того, быхомъ веселѣ. И воставше от сна мыслихомъ взяти коубокъ с виномъ и нести ко царю. И бысть намъ гласъ от гроба въ девятый часъ дни: не возмете зднамения здѣ, но идите в царевь домъ, возьмите зднамение. Они же оужасны быша велми. И бысть имъ гласъ второе: не оужасаите, идите.

Они же вставше идоша. Бяше бо царева полата от часовнице, и внидоша в царевою полатоу и видиша тоу одръ стоящъ, и тоу лежаше два вѣнца царя Навходоносора и царицѣ его. Они же вземше видиша грамоту, написано грѣческимъ языкомъ: си вѣнци створенѣ бысть, егда Навходоносоръ царъ створи тѣло златое и постави на полѣ Дирѣамствѣ. И бяху бо вѣнци тѣ от камени самфира, измарагды и жемчюга великаго и злата аравита. Си венци створены бысть доселѣ, а нынѣ положена бысть и на царѣ богохранимомъ Василѣи и царицѣ блаженнии Александрѣ молитвами святыхъ трехъ отрокъ.

И вшедъ въ вторую полатоу и видѣша запоны и памфиры царьскыя, идѣже прияша руками и бысть все, акы прахъ. И бяхоуть тоу ларци со златомъ и серебромъ, и отвергше, видиша злато и серебро и камение многоцѣнное и драгое. И взяша камень великихъ числомъ 20 донести цареви, а собѣ, яко могоуть отнести, и взяше кубокъ таковъ же, яко же оу трехъ отроковъ.

И приидоша къ церкви и вшедше поклонишася тремъ отрокомъ, и не бысть имъ гласъ. И начаша тоужити, и вземше от коубка того испивше и быхомъ весели. И бысть имъ гласъ заоутра свитающи дни неделномуу и ркошач[и] имъ: оумьемъ лице свое. И оузрѣвше кубокъ церковнии с водою и оумывше лица своя и воздаша хвалоу богоу и тремъ отрокомъ. Отпѣвше и заоутренюю и часы, и бысть имъ гласъ, яко: взясте зднамение, поидите поутемъ своимъ, богомъ водими, къ царю Василѣю. Они же, поклонишася, испивше по три стеклянцѣ и поидоша къ змии и, прислонивше лѣствицю, полѣзоша чресь змѣя, и принесоша все, еже имѣяхоу. Сынъ жъ обѣжанинъ, именемъ Яковъ, запенѣся съ 15 степени и полетѣ долу и оубоуди змѣя. И вѣсташа на змѣи чешоуя, акы волны морьскыя. Они же, вземше друуга своего, поидоша сквозѣ былие с полоу дни и видѣша коня и друугы своя. Егда начаша вскладывати бремя на своя коня, и свистноу змѣи. Они же от страха быша акы мертви.

А гдѣ стояше царъ Василѣ, ожидая дѣтей своихъ, — бяшетъ я нарекъ собѣ, акы дѣтѣи, — бяше бо змѣя того свистъ и тамо. И падше от свиста того, ослеплѣ бяхоуть, и мнозѣ отъ стадѣ ихъ изомроша яко до 3000, подошелъ бо бяше за 15 днии. И отступиша от того мѣста за 16 днии и рече: оуже мои дѣти мертвѣ. И пакры рече: еще пождоу мало.

Сии же вѣставше, яко от сна, и поидоша, и постигоша царя за 16 днии и, пришедше, поклонишася цареви. И радъ бысть царъ и вси вои его. И сказавше емоу по единомуу. Патриархъ же вземъ два вѣнца и, прочетъ грамоту, възложи на царя Василѣя и на царицю на Але-

ксандрѣю, родомъ арменина наречеса. Царь же, вземъ коубокъ, повелѣ наполнѣти соухимъ златомъ. А камении пять драгихъ посла въ Ероусалимъ к патриархоу. А что собѣ принесоша, поведавше царевѣ злато и сребро и камение драгое и жемчюгъ великыи, царь же не взяше ничего же, но еще дасть имъ по три верапра злата. И отпусти я и рече имъ: поидѣта с миромъ, гдѣ соуть отци ваши и матери, и прославите бога и 3 отроky и царя Оулевуя, а во крещенѣи нареченнаго Василѣя.

Царь же оттолѣ восхотѣ ити во Индѣю. Давидъ же царь критьскыи рече: поиди на страны полунощныя, на врагы иновѣрныя, за родъ крестьянескъ.¹

¹ При издании текста списка ГИМ, № 2952, XV в., титла веде раскрыты, буквенные обозначения чисел заменены цифровыми, пунктуация проставлена современная, омега передается через о.

В. П. ЗУБОВ

Елифаний Премудрый и Пахомий Серб

(К вопросу о редакциях „Жития Сергия Радонежского“)

До настоящего времени у историков литературы нет твердо установившегося взгляда на принадлежность различных редакций „Жития Сергия Радонежского“ Елифанию или Пахомию.¹ Между исследователями нет даже согласия о количестве редакций: две, три, семь, девять.

Напомню, что Елифаний приступил к написанию жития в 1418 году, начав собирать материалы 20 годами ранее и написав до указанного года отдельные куски, из которых одни находились у него в „свитках“, другие — в „тетратех“. Фрагментарную беспорядочность этих материалов сам Елифаний характеризовал так: „предняя“ были „назади“, а „задняя — наперед“.

Пахомий Серб прибыл в Россию с Афона до 1438 года.² Пребывание его в Троицком монастыре и работа над житием Сергия относятся к 1440—1459 годам.

В отличие от Елифания, Пахомий писал после „обретения мощей“ Сергия (1422) и потому главное внимание обратил на „чудеса“; некоторые из них он якобы видел „своима очима“. В бытность свою в Троицком монастыре Пахомий составил также службу Сергию и написал житие сергиева ученика, Никона Радонежского.

Предположение о двух одновременных редакциях, принадлежащих Пахомию, подсказывается тем, что после описания двенадцати „посмертных чудес“, которое уже Ключевский убедительно датировал 1438—1443 годами,³ в некоторых списках следует еще описание „чудес“, относящихся к 1449 году. Они, очевидно, приписаны после, при вторичном пересмотре жития, которое, следовательно, относится ко

¹ В дальнейшем сокращенно (под фамилиями авторов с указанием страницы) цитируются следующие труды:

В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871.

Н. С. Тихонравов. Древние жития Сергия Радонежского. М., 1892 (1916).

В. Яблонский. Пахомий Серб и его агиографические писания. СПб., 1908.

Е. Е. Голубинский. Сергей Радонежский и созданная им Троицкая лавра. 2-е изд., М., 1909.

² В этом году уже были внесены в „Служебную mineю“ написанные им в Новгороде служба и похвальное слово Варлааму Хутынецкому (Н. С. Тихонравов, отд. 2, стр. 189).

³ В. О. Ключевский, стр. 116—118.

времени между 1449 и 1459 годами, поскольку 1459 годом датируется старейший известный нам список Пахомиевской редакции.¹

Приводимые ниже наблюдения над текстами были начаты нами в 1940 году в связи с реставрационными работами, предпринятыми в Загорском заповеднике (Троице-Сергиевой лавре) по особому постановлению правительства. Основной нашей целью тогда было выяснить историческую достоверность житийных свидетельств, рисующих древнейший архитектурный облик Троицкого монастыря. Это привело к необходимости сравнить различные редакции и выяснить их принадлежность Епифанию и Пахомию. Основные выводы сделаны на основе печатных изданий „Жития“. Позволяем себе думать, что и в таком виде наши выводы могут послужить путеводной нитью в лабиринте списков „Жития“, исчисляемых если не сотнями, то многими и многими десятками.

Мы будем основываться на следующих редакциях, обозначая их теми же буквами, что и Яблонский, у которого читатель может найти и более подробные указания на рукописи:

- Редакция А — напечатана Тихонравовым, отд. 1, стр. 70—144.
 „ Б — напечатана им же, отд. 1, стр. 3—69.
 „ В — не опубликована (видимо, близка к редакции Д).
 „ Г — напечатана Тихонравовым, отд. 2, стр. 3—60.
 „ Д — напечатана в „Великих минеях-четьих“ (сентябрь, дни 25—30, СПб., 1883, стлб. 1408—1463).
 „ Е — издана факсимильно литографским способом в лавре в 1853 году и архимандритом Леонидом в „Памятниках древней письменности“ (СПб., 1885), а также в „Великих минеях-четьих“ (указ. том, стлб. 1463—1563).
 „ Н — помещена в Никоновской летописи, под 1392 годом (ПСРЛ, т. XI, 127—147).

Задачей настоящей статьи является доказать: 1) что ни редакция Б, ни редакция Е, ни тем более другие, не могут быть в целом приписаны Епифанию; 2) что редакция Г, с одной стороны, и редакции В—Д, с другой, не могут характеризоваться как первая и вторая Пахомиевские редакции. И редакция Епифания и первая редакция Пахомия дошли до нас лишь в виде „инкрустаций“ в текст, являющийся в основном второй редакцией Пахомия.

Редакция Б, вопреки Н. С. Тихонравову, не может принадлежать Епифанию. Если считать редакцию Б „Епифаниевской“ редакцией, то становятся трудно объяснимыми совпадения редакции Б с житием Варлаама Хутынского, писанным в Новгороде Пахомием Сербом до прихода его в Троицкий монастырь. Пришлось бы предположить, как и сделал Тихонравов, что Пахомий имел в своем распоряжении в Новгороде текст в редакции Б (Епифания, по Тихонравову) и внес в него стилистические поправки и дополнения, откуда они перешли сначала в редактированное им „Житие Варлаама Хутынского“, а потом в редакцию Г „Жития Сергия“ („первую Пахомиевскую редакцию“, по Тихонравову). Это — путь сложный и неправдоподобный. Выходит, что в Новгороде Пахомий редактировал „Житие Варлаама“, взяв за образец Епифаниевское „Житие Сергия“ (редакция Б), а в Троицком монастыре при написании нового „Жития Сергия“ (редакция Г) взял за об-

¹ ГИМ, Синод. № 637 (в дальнейшем — редакция Г). — Документально засвидетельствованные следы деятельности Пахомия в Троицком монастыре кончаются также 1459 годом (ср.: В. О. Ключевский, стр. 119—120).

разед не Елифания, а редактированное им самим, Пахомием, „Житие Варлаама“.

Не проще ли принять, что текст „Жития Варлаама Хутынского“, написанный Пахомием в Новгороде, был им позднее использован при написании „Жития Сергия“?

Из дальнейшего изложения выясняются и другие мотивы, не позволяющие приписать редакцию Б Епифанию.

Точно так же и редакция Е не может считаться первоначальной. Она не дошла до нас в списках XV века, и уже Ключевский высказывал подозрение, не есть ли она „произведение редактора XVI в.“¹ Более пристальное изучение ее подтверждает, что редакция Е (или так называемое „пространное житие“) является заключительным этапом в истории текста „Жития Сергия“, и что она вобрала в себя различные варианты. Мы имеем перед собою типичный для XVI века „свод“ — такой же переработанный свод, включивший в себя различные компоненты, как „Макарьевские минеи-четыри“ или своды летописные.

Подтверждением того, что редакция Е является компиляцией различных редакций, служат: 1) дословное совпадение одного ряда ее глав с редакцией Г, другого — с редакцией Д;² 2) наличие рассказа об одном и том же событии в двух или более редакциях.³

Значение редакции Е заключается для нас именно в том, что она сохранила куски различных редакций, зачастую наиболее ранних, в других списках не сохранившихся.

Совершенно особняком стоят начальные главы редакции Е, посвященные юным годам жизни Сергия. Они производят впечатление попытки написать в XVI веке новое житие в крупном масштабе, с риторическими украшениями, цитатами, — словом, дать нечто вроде огромной „иконы с житием“.⁴

Если редакция Е является в основном сводом разнородных текстов, подчас даже недостаточно слаженных друг с другом (на что указывает расположение рядом нескольких вариантов одного повествования), то естественно напрашивается мысль, не сохранила ли редакция Е в виде отдельных ингредиентов и куски первоначальной редакции Епифания?

¹ Ключевский, стр. 100. — Его смущало при этом одно обстоятельство: список типа Е из собрания Ундольского, № 370 он считал относящимся к XV веку. Однако этот список, в котором главы расположены в ином порядке, чем в других списках редакции Е, относится к XVI веку (см.: Тихонравов, отд. 2, стр. 199). Тот факт, что в списке Унд. № 370 главы объединены в другом порядке, свидетельствует, что в XVI веке еще не установился твердый канонический порядок этих глав и делалась не одна попытка создания „свода“ или „сводной редакции“.

² Ограничимся указанием на следующие главы: редакции Г и Е — о изведении источника, о воскресении отрока, о беснующемся вельможе, о видении братства; редакции Д и Е — о посещении богоматери, о видении огня, о пришедшем епископе, о провидении еже посланных брашен причастившуся, о лихоимце.

³ Глава „О изобилвании потребных“ содержит три варианта одного и того же повествования. Первый начинается словами: „Понеже убо исперва, егда...“, второй: „Егда исперва...“, наконец, третий: „Исперва, егда...“. В главе „О начале монастыря иже на Киржаче“ сначала кратко (как и в редакции Б) рассказано о возвращении Сергия в Троицкий монастырь, а затем то же событие рассказано более пространно словами редакции Г (где этот рассказ выделен в особую главу — „Возвращение Сергиево с Кержача“).

⁴ Так, за повествованием о рождении Сергия следует длинное рассуждение о значении „чудесных знамений“ и о значении числа „три“, а далее — ряд примеров из других житий.

Для суждения по этому вопросу немаловажны стилистические особенности произведений, заведомо принадлежащих Епифанию. К числу таковых относится „Житие Стефана Пермского“.¹ Стилль этого „Жития“ очень характерен. Обычно исследователи квалифицировали стиль Епифания как „плетение словес“,² но не вдавались глубже в литературный анализ.³ Действительно, „плетение словес“ Епифания — близкий аналог „плетеного орнамента“. Слово как таковое часто теряет здесь свои выразительно-смысловые функции; элементы речи объединяются не столько логической связью, сколько на основе своей фонетической стороны, путем рифмы, ассонанса, путем гибкого видоизменения и сочетания слов одного корня.

Например, в „Житии Стефана Пермского“ читаем такие строки: в отличие от других изобретателей букв пермскую азбуку „един чернец сложил, *един* составил, *един* счинил, *един* калогер, *един* мних, *един* инок, Стефан, глаголю, приснопамятный епископ, *един* в *едино* время, а не во многа времена и лета, якоже и они, но *един* инок, *един* взъединенный и *уединенный* и *уединяся*, *един* *уединенный*, *един* *единого* бога на помощь призывая, *един* *единому* богу моляся и глаголя“.⁴ Здесь весь период „прошит“ одной нитью — корнем *един*.

Другой, более сложный пример: „Да что ты приглашу, пастуха ли нареку, понеже пасл еси христово стадо христианское словесных овец, на злаце разумнем, жезлом словес твоих, в паствине учения твоего и ныне пастве пастух сам пасом бываеши в тайном злаце“.⁵ Здесь не только ассонируют конечные слоги (приглашу — нареку), не только аллитерируют слова (приглашу, пастуха, понеже пасл и т. д.), но перекликаются, переплетаясь, слова: христово — христианское, словесных — словес, на злаце разумнем — в тайном злаце, причем сквозь все проходит словно главная нить: пастуха — пасл — в паствине — пастве — пастух — пасом. Такой период можно уподобить орнаменту с переплетением нескольких разноцветных нитей.

Наконец, пример еще более сложного ритмического орнамента, создаваемого путем распределения различного количества рифмующих и ассонирующих слов: „Да и аз многогрешный и неразумный, последуя словеси похвалений твоих, слово плету^{щи} и слово плодя^{щи}, и словом почтити мян^{щи}, и от словес похваление собирая, и приобрета^{тая}, и приплетая, паки глаголю: что ты нареку, вожа заблудившим, обретателя погيبшим, наставника прелценым, руководителя умом ослепленным, чистителя оскверненным, взыскателя расточеным, стража ратным, утешителя печальным, кормителя алчущим, подателя требующим, показателя несмысленным, помощника обидимых, молитвенника тепла, ходатая верна, поганым спасителя, бесом проклинателя, кумиром потребителя, идолом попирателя, богу служителя, мудро-

¹ Издано Археографической комиссией, приготовлено к печати В. Г. Дружининым (СПб., 1897).

² Так, по Ключевскому (стр. 111), епифаниевское перо — „утомительно-многословное и неистощимое в тавтологическом «плетении словес», умеющее для характеристики права Сергея подобрать 18 прилагательных так же легко, как 25 эпитетов для характеристики Стефана в его житии“. Ставя своей задачей исследовать жития как исторический источник, ища реальных подробностей в житиях, Ключевский естественно должен был пройти мимо художественных особенностей подобной словесной орнаментации.

³ Ряд наблюдений над стилем Епифания (по „Житию Стефана Пермского“) см. в книге Н. К. Гудзия „История древней русской литературы“ (изд. 4-е, М., 1950, стр. 230—233).

⁴ Указ. житие, стр. 72.

⁵ Там же, стр. 103.

сти *рачителя*, философии *любителя*, правде *творителя*, книгам *сказателя*, грамоте *пермстей писателя*.¹ Кроме окончаний, выделенных в тексте курсивом, мы находим в том же тексте нить слов: *обретателя* — *взыскателя* — *подателя*, — нить, переплетающуюся с другой нитью: *руководителя* — *чистителя* — *утешителя* — *кормителя*. Обе нити продолжаютя в конце периода, причем слова с окончаниями *-ателя* и *-ителя* начинают теперь рифмовать, переместившись с первого места на второе. Нужны по меньшей мере *киноварь* и *чернила*, чтобы наглядно показать линии этих узоров.

Епифаний сам хорошо сознавал „сплетенность“ своих слов. Он не только воспользовался в приведенном отрывке выражениями „плетущи“ и „приплетая“, но и в другом месте² говорит: „Како хвалу ти сплету?“.

Судя по „Житию Стефана Пермского“, для Епифания было характерно включение в текст *житий* сочиненных им молитв,³ *поучений*⁴ и т. п. В „Житии“ встречаются и диалоги,⁵ но более характерен для Епифания *статический* монолог в форме, как мы сказали, молитвы, *поучения*, *плача*. Так, в „Житии“ помещены „*плач пермских людей*“, „*плач церкви пермския*“, „*плачеве и похвала инока списающа*“.⁶ В соответствии с этой статикой, отсутствием „сценичности“, стоит характеристика того или иного лица путем нанизывания вереницы эпитетов. Наконец Епифаний (в отличие от Пахомия) любил давать длинную цепь текстов из „священного писания“.

Отличительным свойством произведений Пахомия были, наоборот, *драматические* (сценические) эпизоды. Например, при описании возвращения Сергия: „*ученицы ко святому в радости зельне припадающе на нозе его целоваху, и руже лобзающе, и ризам его касающеся, очи и лице знаменающе, инии же предтекуще от желания, толико хотяще зрети на нь*“. Это — многофигурная живописная композиция, сцена, в которой прежде всего привлекают внимание движения и позы. Сходные описания не даром встречаются в позднейших иконописных подлинниках.

Другое отличительное свойство Пахомия — любовь к диалогам.⁷ Речи не представляют уже собой риторических монологов, „плача“ или декламации, как у Епифания, а являются речами действующих лиц, приближаются к реалистической передаче живого разговора; повествование драматизируется, „инсценируется“, дается „в лицах“. Примером может служить начало разговора митрополита Алексия и Сергия (по редакциям Г, Д и Е). Митрополит говорит Сергию: „Ведый буди, преподобне, на что призвах тя и что хошу яже о тебе сотвориши?“. Сергий отвечает: „И како могу, господи, ведати?“ и т. д.⁸

Наконец если присмотреться ко многим рассказам Пахомия о чудесах, то нетрудно заметить, что в них особенно выделяются явления,

¹ Там же, стр. 106.

² Там же, стр. 102.

³ Там же, стр. 18—19, 52, 81.

⁴ Там же, стр. 28—29, 82—84.

⁵ Там же, стр. 57.

⁶ Там же, стр. 86—91, 91—98, 100—112.

⁷ Это было отмечено уже Яблонским, у которого приведены и примеры (стр. 270—272).

⁸ Ср. в спорной (по Тихонравову, „Епифаниевой“) редакции Б: „Видев же его митрополит и рече ему: „Добро прииде, чадо“. Сергие же отвеща: „По повелению твоему приидох, не могши преслушати твоего звания“. На мой взгляд, это еще аргумент в пользу того, что редакция Б не принадлежит Епифанию.

связанные со светом и сиянием. Пахомий пришел на Русь с Афона, который в XIV веке был одним из центров исихастского движения и споров о „несотворенности света фаворского“. В бесспорно Пахомиевском „Житии Кирилла Белоозерского“¹ читаем о том, как Кирилл „отворив оконце келии, видит свет велий, сияющ к полунощным странам Белоозера“. „И всю ночь бдяще, — заканчивает автор свой рассказ, — дивяся бывшему с гласом видению, и не бяше ему она ночь, но яко день пресветлый“. Совершенно те же обороты встречаем в „Житии Сергия“.² Даже если некоторые рассказы восходят к Епифанию, Пахомий не мог не усилить эти „светочносные“ черты.

Сюда же относится рассказ о „видении божественного огня“ и „о видении ангела“, лицо которого „светящися яко солнце, яко не могущим зрети на нь, ризы же его быша белы паче снега, необычныи, на нихже яко злато пружие частовидно истканно и преизмечтанно видящися“.³

При исследовании „Жития Сергия“ ни Ключевским, ни Тихонравовым не было учтено значение редакции Н (текста, помещенного в Никоновской летописи под 1392 годом). Между тем, эта редакция сохранила ряд особенностей первоначального, не дошедшего до нас протографа. По большей части редакция Н ближе всего подходит к редакции А. Но в ряде случаев имеются совпадения с редакцией Е, которая как редакция сводная естественно должна была вобрать в себя и элементы редакции Н.

Сравнительное изучение редакций Е и Н позволяет обнаружить некоторые элементы ранней, Епифаниевской редакции.⁴

В редакциях Е и Н глава „О преселении родителей святого“ содержит наибольшее количество конкретных подробностей и имен. Автор приводит причины переселения родителей: притеснения жителей Ростова московскими боярами после присоединения княжества Ростовского к Москве. Весь большой кусок, начиная со слов „Как же и чего ради обнища“ и до слов „И таковыя ради нужда“, не только отсутствует в других редакциях, но и не нашел в них никакого отражения. Отсутствует также и последующее перечисление жителей Ростова, переселившихся вместе с отцом Сергия, Кириллом. Оба куса, повидимому, восходят к Епифанию.⁵ Следом за ними идет характерное епифаниев-

¹ Текст — у Яблонского, стр. XV. „Житие“ написано в 1461 году (Ключевский, стр. 123).

² Ср. в „Житии Сергия“ („О видении братства“) повествование о том, как Сергей открыл оконце кельи, и „свет велий явися с небеси, яко всей ношней тьме отгнане быти, и толицем светом ночь она просвещена бе, яко дневной свет превосходити светлостью“. Там же в другой главе („О посещении богоматери“): „Пребысть же святыи всю ночь без сна, внимая умом о неизреченном видении“. (Обе цитаты — с незначительными вариантами во всех исследованных редакциях).

³ По редакции А. По редакциям Д и Е: „сияюще яко солнце лице его, не можаше зрети на нь; ризы же его необычны, чудны, блистающеса, в них же мечтание златостройно зрится“.

⁴ На значение редакции Н обратил в свое время внимание Голубинский (стр. 11): „Необходимо думать, что оно [извлечение Н] сделано из подлинника самого Епифания... оно дает нам, хотя и не в полном виде, подлинного Епифания... дает нам возможность видеть, насколько Пахомий при своем редактировании жития Епифаниева исправлял и переделывал последнее“. Впрочем, Голубинский предполагал в конечном итоге, что, за исключением нескольких мест, изменения Пахомия были незначительны (стр. 8 и 11).

⁵ Акад. А. С. Орлов (Древняя русская литература XI—XVII вв. М.—Л., 1945, стр. 214) пишет, очевидно основываясь на редакции Е: „Есть кое-какой историзм (например, о переселении родителей Сергия из Ростовской области), но зато и больше демонологии. Замечается также некоторый отзвук исихазма“. В соответствии

ское „плетение словес“: „Отрок же *предобрый, предоброго* родителя сын, о нем же беседа *воспоминается*, иже присно *воспоминаемый* подвижник“ и т. д.¹

В главе „О пострижении“ прославление Сергия (начиная со слов „Се бысть первый чернец“ и кончая „патриарху Аврааму“), видимо, принадлежит перу Епифания.² Также епифаниевская, как мы полагаем, — пространный молитва Сергия.³

В той же и следующей главах мы находим две другие похвалы, написанные Епифанием.⁴ Приведем лишь наиболее показательные строки той и другой: „слезы теплыя, плаkania душевная, въздыхания сердечная, бдения повсенощная, пеня трезвенная, молитвы *непрестанная*, стояния *неседальныя*, чтения прилежная, коленопреклонения частая,⁵ алкания, жадания, на земли легания, нищета духовная, *всего* скудота, *всего* недостаткы“.⁶ В другой похвале буквально повторяются некоторые обороты первой, и она в сущности является ее вариантом: „алкание, жадание, бдение, на земли легание,⁷ чистота телесная и душевная, устнама молчание,⁸ плотского хотения известное умерщвление,⁹ труды телеснии,¹⁰ смирение нелицемерное, молитва непрестающая, рассуждение доброрассудное, любовь совершенная, худость ризная, память смертная, кротость с тихостию“.¹¹

Следом за перечислением добродетелей идет также кусок, написанный Епифанием:

„К сим же и всем и бесовския рати, видимыя и невидимыя брани, борьбы, сплетения, демонская страхования, диавольская мечтания, пустынная страшилища, начинаемых бед ожидания, звериная начтения и тех свирепая устремления; и еще надо всеми сими и по сих еще нестрашливу быти ему душею и не боязливу сердцем, ниже ужасатися умом к таковым вражиям кознем и лютым прилогом же и начинанием“.¹²

Эта общая (статическая) характеристика, содержащая типично епифаниевские приемы (страхования — мечтания — ожидания, сплетения —

со сказанным нами раньше, мы склонны рассказ о переселении родителей Сергия действительно возводить к Епифанию, но демонология и исихазм скорее всего введены Пахомием.

¹ Весь рассказ редакций Е и Н о переселении родителей сжат до нескольких строк в редакциях А и Б и еще короче в редакциях Г и Д.

² От этого славословия в редакции Н осталось несколько слов: „Се же бысть первый инок...“. Из редакции Е приведу лишь характерное для Епифания начало: „Се бысть первый чернец в той церкви, и в той пустыни пострижен. Первый начинанием, последний мудрованием, первый писменем, а последний же труды. А реку и первый и последний. Мнози бо в той церкви постригошася, но ни един же доспе достигнути в прясло его, мнози тажко начаша, но не вси абие сице окончаша...“.

³ Ее вовсе нет в редакции Н.

⁴ Текст их имеется с некоторыми различиями и в редакции Н. Начало первой из них: „И кто может сказати труды его“ (Е и Н). Начало другой: „Бяху добродетели его сице“ (Е), „Житие же его бе сицево“ (Н). На Епифания указывают длинные ряды добродетелей, даваемых в форме перечисления, и „цитатность“ (многочисленные ссылки на „писание“).

⁵ Эти два слова отсутствуют в редакции Н.

⁶ На этих словах кончается совпадение с редакцией Н.

⁷ Пост, жажда, сухоядение, беспостелие, бдение (Н).

⁸ Дальше в редакции Н: труды телеснии всегдашнии.

⁹ Плоти умерщвление, тихость, кротость (Н).

¹⁰ В редакции Н эти слова были раньше.

¹¹ Последних трех слов нет в редакции Н, так как они были раньше.

¹² Аналогичное имеется во второй из указанных похвал: „Диавол же похотными стрелами“ и т. д., кончая словами „якоже бесове греховною стрелою устрелить хотяху, противу тех преподобный честотными стрелами стреляше, стреляющих на мраце правыя сердцем“, — типичная епифаниевская „инструментовка“. Означенный текст в точности имеется и в редакции Н.

натечения — устремления), явилась тем зерном, из которого позднее, у Пахомия, выросла целая группа демонологических рассказов о „чертовщине“, о „кознях бесов“, например о появлении множества „воев бесовских“, одетых в одежды литовские и в „шапки литовские островерхие“.

Мы не беремся здесь выявлять в редакциях Е и Н все епифаниевские вкрапления. Ограничимся лишь одним примером.

„Бог же моления его николиже не презре, яко благосердие имея множество щедрот, не навывче бо презирати моления боящихся его и творящих волю его. По временех же неколидех, сиречь пребывшу ему в пустыни единому единствовавшу, или две лете, или более или меньше, не веде, бог весть, и по сих, видя бог великую веру его и многое терпение его, умилосердися нань, хотя облегчати труды его пустынный, вложи в сердце некоторым от братиа мнихом богобоязненным, и начаху приходити к нему. Се же бысть строением и промышлением всесильного и милосердного господа бога, яко *хочет* не единому Сергию жити в пустыни сей, но множайшии братии, якоже рече Павел апостол: не ища своя пользы единого, но многих, да ся спасут; или реши: яко *хочет* бог воздвигнути место то и пустыню ту претворити и ту монастырь устроить, и множайшим братиям собратися“.¹

Мы склонны видеть в приведенном отрывке первоначальную редакцию Епифания или во всяком случае редакцию наиболее близкую к ней. На это указывают такие обороты, как „единому единствовавшу“, ссылки на писание и т. п.

Весьма показательно, что в той же редакции Е вслед за приведенным текстом идет другой приступ того же рассказа: „Богу тако извожду, начаша посещать его мниси, исперва един по единому, потом же овогда два, овогда же три“.²

Мы установили, что редакция Б не является первичной (Епифаниевской) редакцией, и наметили возможные пути к разысканию первичного текста в составе так называемого „пространного жития“ (редакция Е).³

Нам надлежит теперь рассмотреть вкратце соотношение между другими редакциями. Мы начнем с редакции Г, которую Тихонравов называл „первой Пахомиевой“. Она не может быть таковой по следующим соображениям.

Если взять текст двенадцати „чудес“, несомненно принадлежащий Пахомию, то сопоставление редакций Г и Д (первой и второй Пахомиевских редакций, по Тихонравову) дает такую картину: текст двенадцати „чудес“ — по существу один и тот же в редакциях Г и Д, с тою разницей, что в редакции Г он более сжат, а в редакции Д — более полон. Трудно представить себе, чтобы первичной редакцией была редакция Г, осложнявшаяся вставками и подробностями. Наоборот, все говорит за то, что редакция Д была сжата до объема редакции Г.

Очень важна деталь в описании восьмого „чуда“ — „о войне избавленом от поганых“. В редакции Д имеется указание, что „чудо бысть в наши лета“. Оно отсутствует в редакции Г. Это говорит против

¹ Редакция Е.

² Наиболее близка к только что приведенной второй редакции редакция Н.

³ Н. К. Гудзий (История древней русской литературы, стр. 233) говорит, что „в житии Сергия Радонежского, написанном Епифанием спустя лет 20 после жития Стефана Пермского, риторические излишества значительно умеряются стремлением автора к возможно большей фактичности и документальности изложения“. С точки зрения, предложенной нами, разница объясняется тем, что в редакции Е (которую в данном случае имеет в виду Н. К. Гудзий) куски подлинного текста Епифания тонут в тексте, подвергшемся перередактированию Пахомием.

того, что редакция Д возникла из редакции Г: при последнем допущении естественнее было бы видеть указание на „наши лета“ в более раннем варианте (Г), указание, которое должно было бы быть в выброшенном, а не вставленном в вариантах более поздних. Его естественнее всего было бы видеть в том списке Г, который относится к 1459 году и который является древнейшим из всех известных нам списков „Жития Сергия“. Между тем мы видим обратное. А это показывает, что редакция Д не возникла из редакции Г, но создавалась на основе варианта, лежавшего и в основе редакции Г и в основе редакции Д. В редакции Г указание на „наши лета“ было выкинуто, так как эта редакция вообще менее богата конкретными подробностями, чем редакция Д.

В самом деле, например в третьем „чуде“, читаем: в редакции Г — „некий архимандрит“ Игнатий, в редакции Д — „архимандрит Денисиевы пещеры“ Игнатий; в четвертом „чуде“: в редакции Г — „некий человек Дмитрий именем“, в редакции Д — „некий муж от великодержавного полаты великого вельможи сын именем Дмитрие“; в пятом и шестом „чудесах“: в редакции Г — „Захария именем“, тогда как в редакции Д указано не только имя, но и „старей вельможа граду Тфере“ и фамилия „Бороздин“; в седьмом „чуде“: в редакции Г — „некий человек Симеон имя ему“, в редакции Д — „некий муж от великих купец и славных господствующему граду Москве Симеон именем“.¹

Весьма существенно, что „чудо в латинских странах“ (1441—1443) и три „чуда“, датированные 31 мая 1449 года, имеются в редакции Г и отсутствуют в редакции Д; иначе говоря, наличны в той редакции, которую принято считать более ранней, и отсутствуют в позднейшей.²

Впрочем мы полагаем, что в вопросе о соотношении между редакцией Г и редакцией Д соотношение „раньше“ и „позже“ не является главным. Главным является то, что редакция Д (или, точнее, протограф Д) служит основой для редакции Г. Написаны они могли быть почти одновременно.

Ведь всякое житие ставило себе две цели: „назидание“ и „история“. Нельзя забывать, что житие полагалось читать за всенощной и за монашеской трапезой. Текст такого жития, преимущественно преследовавший цели „назидания“, должен был естественно отличаться от текста для чтения „про себя“, от текста, имевшего целью удовлетворить любознательность древнего книжника. В „назидательной“ редакции, читаемой вслух, не нужны были фактические подробности, не нужны были сведения чисто исторического характера. Она должна была быть короче,

¹ В описании двенадцатого „чуда“ в редакции Д имеются слова: „И всем братьям предстоящим и мне недостойному Пахомию, писавшему в то время житие святого. . .“. Этих слов нет в редакции Г. Нельзя толковать это отсутствие так, что в редакции Д вспоминается о времени, когда составлялась первая редакция (Г). В сопоставлении с данными, приведенными в тексте, следует понимать это как обеднение подробностями, вообще характерное для редакции Г. „Писавшему в то время“ в редакции Д — не воспоминание об отдаленном прошлом, а простое указание, что „Житие“ еще не было кончено. Ведь в сь рассказ ведется в прошедшем времени; вот почему и сказано „писавшему в то время“, а не „пишущему ныне житие святого“.

² Яблонский (стр. 62) довольно робко пытался оспаривать мнение о хронологическом приоритете редакции Г, указав, что отсутствие в редакции Д рассказа о „чуде в латинских странах“ наводит на мысль о составлении редакции Д до 1443 года. Однако в конечном итоге он вернулся к точке зрения, ставшей традиционной, а именно, что редакция Г есть „первая Пахомиевская редакция“, а редакция Д — „вторая“.

„вневременное“. Редакция Д — „историческая“, редакция Г — „назидательная“.

Рассмотрим теперь соотношение между редакциями А и Б. Считая редакцию Б первоначальной (Епифаниевской), Тихонравов вынужден был толковать редакцию А как текст Б, видоизмененный Пахомием. Однако такое толкование сопряжено с рядом затруднений. Уже Яблонский¹ обратил внимание на сходство главы „О родителях святого с Метафрастовым „Житием Ксенофонта и Марии“. Наибольшая близость наблюдается как раз в редакции А, остальные редакции всё дальше уводят в сторону. Точно так же глава „О откровении грамоте отроку“ в редакции А ближе всего к „Житию Феодора Едесского“.²

Это говорит в пользу первичности редакции А. Ведь нельзя же допустить, что при последующем редактировании текст „чинили“ в деталях по указанным литературным образцам, приближая его к ним.³

В уже упоминавшейся главе о родителях в редакции Б отсутствует конкретное указание на Ростов: „Бысть бо некто муж благоверен именем Кирил“. Вместо этого в редакции А: „Бысть бо в стране Ростовския области некий муж благоверен именем Кирил“. Таким образом и здесь, видимо, редакция А ближе к протографу, чем редакция Б.⁴ В других случаях, правда, налицо обратное: например, в редакции Б упоминается о трех братьях (как и в редакциях Е и Н), тогда как в редакции А речь лишь о двух — Сергии и Стефане).

Мы не будем в деталях проследивать соотношение между редакциями А и Б. Достаточно констатировать, что редакция А, хотя бы в отдельных случаях, сохранила первоначальные черты протографа. Тем самым отпадает предположение о первичности редакции Б. Словом, редакция А и редакция Б — два отпрыска одной ветви.⁵

Повторяю, что при анализе редакций А и Б и Г и Д следует ставить вопрос не только о „раньше“ и „позже“, но и о назначении их. На это в свое время указывал Голубинский. „Епифаниево житие преп. Сергия очень обширно“⁶ — писал Голубинский, — „... людей, желавших читать его, должна была устрашать эта его обширность; людям, желавшим иметь у себя его списки, должно было дорого обходиться приобретение последних. А таким образом и желательно было

¹ Яблонский, стр. 280.

² Издано Обществом любителей древней письменности (СПб., 1878). Ср.: Яблонский, стр. 277—279.

³ Например, в редакции А говорится о родителях Сергия: „К странным и нищим прилежашу“ (в „Житии Ксенофонта и Марии“ — „болма на добродетель прилежаша, сиротам же и вдовицам, странным и нищим обилно подавающе“). Между тем в редакции Б — более отвлеченно: „всяческими добродетелими украшени беху“.

⁴ В редакции Г: „Бысть бо некто муж в граде Ростове Курил именем, благоверен сый“. В редакции Д: „Бысть бо некто муж отечества граду Ростову Курил именем, благоверен сый“. Это подкрепляет предположение, что в редакции Б указание на Ростов выпало.

⁵ Что касается соотношения между редакциями А и Б, с одной стороны, и редакциями Г и Д, с другой, то ограничимся указанием, что повествование о Киржацком монастыре имеет две версии. В одной группе редакций (А, Б, Н, Е) уход Сергия в Киржац мотивируется разногласиями с братом Стефаном, в другой (Г и Д) эти разногласия завуалированы и в качестве причины приводится искание Сергием „безмолвия“. Несомненно, первая версия является более ранней (в списке Унд. № 370 они полностью приведены обе, одна за другой). Нельзя, однако, делать из этого вывод, что в целом редакции А и Б старше редакций Г и Д, так как в других случаях (некоторые из них приводятся дальше) редакция Б содержит следы более поздней обработки (см. ниже, стр. 157, об элементах „митрополичьей“ версии).

⁶ Под „Епифаниевым житием“ Голубинский понимает здесь так называемое „пространное житие“, т. е. редакцию Е.

его (жития) минейное сокращение, которое бы было и удобчотомо и удобоприобретаемо“.

Но следует ли вообще отбросить на основании всего сказанного версию о двух разновременных редакциях Пахомиевского „Жития“? Нам думается — нет. Не следует, однако, искать и первую и вторую редакции как нечто цельное среди редакций А, Б, В, Г, Д, Е, т. е. отождествлять одну из этих редакций с первой, а другую — со второй. Напомним, что ни один список не восходит за пределы 1459 года, не старше 1459 года, который является *terminus ante quem* для второй редакции. Ключевский считал, что первая Пахомиевская редакция была создана в 1438—1443 годах, а вторая — в 1449—1459 годах. Нет оснований сомневаться в этих датировках. Но нужно вспомнить некоторые политические события 1440-х годов. В 1442 году Дмитрий Шемяка и великий князь Василий Васильевич Темный примирились у гроба Сергия в Троицком монастыре в присутствии игумена Зиновия. В 1446 году Можайский князь Иван Андреевич захватил великого князя Василия Васильевича в Троицком монастыре, и через несколько дней после этого Василий Васильевич был ослеплен Шемякою. Известно, что в 1446 году на стороне Шемяки были между прочим и „троицкие старцы“ или „троицкие чернецы“.¹ В 1449 году Шемяка потерпел поражение под Галичем, а в 1453 году был отравлен сторонниками Василия Васильевича Темного.

Таким образом время первой редакции Пахомия (до 1443 года) было периодом, когда взаимоотношения Шемяки и Василия Темного до некоторой степени наладились. После 1449 года, к моменту начала работы над второй версией, всякое „шемякофильство“, к которому склонны были по крайней мере некоторые „троицкие старцы“, стало неуместным и прямо-таки одиозным. Следовательно, вторая редакция должна была быть проведена прежде всего в политических целях: нужно было убрать из текста все сепаратистские, антимосковские намеки — обличения московских бояр, притеснявших жителей Ростова, всякое проявление симпатий к Шемяке и его родным и т. д.²

Примером того, как элиминировались подобные намеки, может служить рассказ о постройке Троицкого собора. В редакции Г и еще более подробно в редакциях Д и Е упоминается в этой связи сын Дмитрия Шемяки, Юрий Звенигородский. Упоминание о нем вовсе исчезает в „Житии Никона“, где основание собора всецело связывается с именем игумена Никона, ученика Сергия.³

¹ А. Попов. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869, стр. 82; „Временник Общества истории и древностей российских“, X, 1851, стр. 21.

² Для Голубинского (стр. 9), хорошо объяснившего возникновение проложных житий и одного „минейного сокращения“, осталось непонятным появление второго „минейного сокращения“, т. е. второй Пахомиевской редакции. Единственное объяснение, которое он предложил, сводится к следующему: „Что касается второго минейного сокращения жития Епифаниева, относительно нужды в котором не может быть сделано никакого предположения, то власти монастыря, умножая новые редакции жития преп. Сергия до числа четырех, вероятно хотели содействовать этим нарочитому возвышению преподобного, а Пахомий, с своей стороны, поддерживая власти в их мысли, мог иметь в виду свой денежный интерес (ибо необходимо думать, что, представляя собою первого русского литератора, который получил за свои труды гонорар, он работал для монастыря не даром, а за деньги)“.

³ „Житие Никона“ сохранилось в двух основных редакциях — пространной и краткой, не считая так называемого „особого варианта“ краткой редакции. Какая из них старше — мнения расходятся. Нет точных указаний и на время, когда они возникли. Ключевский предположительно относил краткую редакцию к 1440—1459 го-

Если бы редакция Г была „первой Пахомиевской редакцией“, как думал Тихонравов, а редакция Д — „второй“, было бы совершенно непонятно, каким образом во второй редакции (Д) могло быть усилено панегирическое восхваление Юрия Звенигородского: „великодержавный бе и хвалим достойно и просвещения сподобленный от святого, христоролюбивое чадо его, князь Георгие“ вместо „хвалам достойный князь Георгий“.

Единственное объяснение — предположить, что и редакция Г и редакция Д в данном случае являются фрагментами двух вариантов одной и той же первой редакции, уцелевшими в составе второй. Один вариант (Д) — более полный, „исторический“, другой (Г) — более сокращенный, возникший из переработки полного для уже указанных „назидательных“ целей.

Приводим текст по редакции Д с указанием разночтений редакции Г в сносках.

„Тем же и стекошася¹ державнии князи и священнии собори; иже великодержавный бе и хвалим достойно и просвещения сподобленный от святого, христоролюбивое чадо его, князь Георгие.² Сий убо велию веру имея³ к преподобному отцу своему⁴ и премного попечение обители его⁵ яко во истину чудного⁶ отца совершенное в добродетелях⁷ чадо, достойную честь⁸ воздавая⁹ отцу и прилежно от усердия служа“.¹⁰

Дальше в редакциях Д и Е даются одна за другой две параллельные версии рассказа о сооружении собора.

(1-я версия). „И тако настояи и весь священный собор ученицы блаженного, с великодержавными князи советаша совет благ, обложиша церковь камению над гробом святого“.

(2-я версия). „И тако помоганием христоролюбивых князей, верою и любовию ко святому прилежащу, присный ученик святого Никон горяше духом и подвигу zelному касашеся со братнею, желание имый, еже бы при животе его совершиться, еже начат, святому храму единосущный троица, в похвалу своему отцу, еже и бысть молитвами святого отца вскоре, по прошению его. Церковь бо, якоже рехом, красну воздвиг и подписанием чудным и всяческими добротами украсив. От чадолюбивого же предпомянутого чада присного рука простерта ко строению паче всех бяше“.

Всему этому в редакции Г соответствует одна строчка: „И тако на том месте создаста церковь зело прекрасну“.

Другим важным историческим событием примерно тех же годов был Флорентийский собор (1438—1439), уронивший в глазах Москвы престиж византийского духовенства. В 1453 году пал Константинополь. Москве и Московской митрополии уже не могли импонировать апелляции к авторитету греков и Византии. Задача второй Пахомиевской редакции должна была поэтому заключаться в элиминировании тех византийско-греческих элементов, которые были наличны в ранних

дам (стр. 120), а Яблонский (стр. 74) полагал, что „определить точнее это время за отсутствием данных нельзя“. Мы полагаем, что отсутствие упоминаний о Юрии Звенигородском позволяет несколько сузить диапазон: 1449—1459 или даже 1453—1459 годы вместо 1440—1459 годов.

¹ И стекошася в тоя основания.

² в них же бе и хвалам достойный князь Георгий.

³ имый.

⁴ к святому.

⁵ и много попечение имый.

⁶ доброго.

⁷ добродетели.

⁸ честь достойну.

⁹ воздая.

¹⁰ бе бо от преподобного и просвещения сподоблен и прилежно от усердия служаща отцу.

редакциях „Жития Сергия“ и может быть восходили к Епифанию. На первое место должно было выступить значение Москвы и московского митрополита.¹

Например, в главе „О Симоновом монастыре“ (редакции А и Н) читаем, что константинопольский патриарх дал Феодору, племяннику Сергия и основателю Симонова монастыря, грамоту, разрешавшую ему „митрополиту ничим некоторыми делы не повиноватися“. Как мы уже говорили, редакция Н по большей части сохранила элементы ранней редакции „Жития Сергия“. Очевидно, таким ранним элементом является и приведенная цитата.

В тех же редакциях А и Н рассказ о выборе места для Симонова монастыря ведется в таком порядке: Феодор находит место, показывает его Сергию и только потом заручается согласием митрополита московского. В редакции Б повествование (в отличие от всех других редакций), наоборот, начинается с прихода Феодора к митрополиту, который благословляет его на выбор места. Очевидно, что эта последняя версия — наиболее поздняя (что, в частности, является еще одним аргументом против Тихонравова, считавшего редакцию Б — Епифаниевской).

В той же редакции Б, в главе „О преставлении Алексия митрополита“, также имеется кусок „митрополичьей версии“, отсутствующий в других редакциях.² Характерен и такой оборот: „Святый же не могы преслушати его рече“ (в редакции А: „блаженный рече“). Власть московского митрополита, следовательно, в редакции Б подчеркнута.

Таковую же картину дает глава „О начале монастыря на Киржаче“. Здесь в редакции Б также подчеркнуты власть и авторитет московского митрополита. Например: „Сице рцете господину моему митрополиту: вся от твоих уст, яко от христовых уст приму с радостию и ни в чем же преслушаю тя“ (в редакции А: „Он же обещася тако быти“). Дальше в редакции Б: „той же [т. е. Алексей] слыша зело возвеселися совершенному его послушанию“ (отсутствует в редакции А).

Наконец, сопоставляя различные версии рассказа о посланцах константинопольского патриарха Филофея к Сергию, можно также заметить различные оттенки в приемах изображения московского митрополита и его роли.

Не следует все сказанное понимать так, что среди редакций А, Б, В, Г, Д, Е одни — „византийско-греческие“, другие — „митрополичьи“. Точно так же, как при поисках Епифаниевского текста мы не могли остановиться ни на одной из этих редакций, а вынуждены были искать фрагменты произведения Епифания, инкрустированные в позднейший текст, так и здесь. И в данном случае, как и в других, мы ограничиваемся отдельными примерами, не вдаваясь в детальное анатомирование текстов.

Общий вывод настоящей статьи таков. Неверно было бы называть одну из редакций А, Б, В, Г, Д, Е, Н „Епифаниевой“, или „первой Пахомиевой“. Ни та, ни другая не дошли до нас в целом, законченном

¹ Так, рассказ о „епископе греке“ (имеющийся лишь в редакциях Г, Д и Е), вероятно всего, возник в ту пору, когда греки перестали быть для Москвы „благотельями чистоты православия“, т. е. в годы, близкие к Флорентийскому собору.

² Начинается словами: „Видевше его митрополит“. И дальше: „Взем же един от бояр“. Что касается других редакций, то в редакциях Д и Е, — а в Никоновской летописи (кроме редакции Н, помещенной под 1392 годом) имеется рассказ о том же событии в „Повести об Алексее митрополите“ под 1376 годом, за вычетом незначительных подробностей, совпадающий с редакцией Г (см. ПСРА, т. XI, 33—34). Во всех этих редакциях роль митрополита выделена меньше, чем в редакции Б.

виде. Можно лишь искать их фрагменты в дошедших до нас списках — фрагменты, носящие характер инкрустаций или вкраплений. Те списки, которыми мы располагаем, в основном являются „второй Пахомиевой редакцией“, продолжавшей видоизменяться вплоть до XVI века.

Ведь в самом деле, — необозримое множество списков „Жития Сергия“ вряд ли может быть уложено в Прокрустово ложе двух редакций, связанных с именем Пахомия. В неустанной доработке и переработке „на различную потребу“, для различных целей и нужд, принимал, конечно, участие не один Пахомий Серб. В „Житие Сергия“ вливались элементы других „житий“, на эволюцию редакций и вариантов влияло летописание, влияла политическая обстановка. Разветвлявшиеся на отдельные струйки и ручейки варианты вновь сливались в своды и обобщенные переработки и т. д., и т. д. Но рассмотрение всех этих вопросов выводит нас далеко за пределы тех скромных задач, которые мы себе поставили в настоящей статье.

А. А. ЗИМИН

О политической доктрине Иосифа Волоцкого

I

Буржуазно-дворянская историография в силу своей ограниченности не сумела дать четкую и правильную характеристику тем основным направлениям русской политической мысли, которые сложились к концу XV—началу XVI века. В частности, она не смогла разобраться в характере политической доктрины иосифлян, являвшейся в XVI веке официальной доктриной русской церкви. Долгое время в ходу была мысль, что „Иосиф (Санин, — А. З.) не имел никаких политических взглядов“.¹

Один из исследователей истории русской церкви Е. Е. Голубинский писал, что иосифляне отличались от остального русского духовенства „не своими убеждениями, а своим нравственным характером“,² в частности ненавистью к противникам и раболепством перед властью. Воззрения „осифлян“ и „нестяжателей“ по вопросу о монастырском землевладении отрывались от их политических взглядов.³ В таких условиях создавалось ошибочное представление и о всей системе политических воззрений иосифлян. Изолировав вопрос об их отношении к царской власти от их взглядов на монастырское землевладение, исследователи в своем большинстве не смогли правильно оценить политическую программу иосифлян. Сложилось одностороннее представление о безусловной поддержке, которую оказывали Иосиф Волоцкий и его последователи русским самодержцам.⁴

Большинство буржуазно-дворянских исследователей затушевывало противоречия между великокняжеской властью и представителями сильной воинствующей церкви. Настойчиво проводилась тенденциозная мысль о том, что в Московской Руси не было борьбы церкви с государством.⁵ Обычно эти исследователи подчеркивали лишь одну сторону

¹ К. Невоструев. Рассмотрение книги г. Хрущева „Отчет о XII присуждении награды графа Уварова“. СПб., 1870, стр. 88.

² Е. Голубинский. История русской церкви, т. II, вып. 1. М., 1900, стр. 875.

³ В. Малинин, например, писал, что „нет, однако, решительно никаких оснований предполагать, что «нестяжатели» в своей полемике по вопросу о монастырских имуществвах преследовали строго определенную политическую доктрину“ (В. Малинин. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901. — В дальнейшем приводится сокращенно — старец Филофей).

⁴ См.: В. Жмакин. Митрополит Даниил. СПб., 1881, стр. 91—95; В. Малинин. Старец Филофей, стр. 508, 583.

⁵ О. Ф. Миллер. Вопрос о направлении Иосифа Волоколамского. ЖМНП, № 2, 1868, стр. 544; В. Жмакин. Митрополит Даниил, стр. 94—95.

теории Иосифа Санина о теократическом характере власти великого князя, его поддержке московского государя. Оставались в тени временный характер союза иосифлян с великокняжеской властью, и специфические особенности их политики, зачастую вступавшей в противоречия с политикой московских государей.

Такое однобокое освещение литературно-полемиической деятельности Иосифа Санина тесно связано еще с одной большой погрешностью исследователей, наиболее четко выраженной в работе Жмакина.¹ Автор, пытаясь дать общую характеристику воззрений Иосифа Санина и его последователей, противопоставляет их при этом Нилу Сорскому и другим „нестяжателям“. В деятельности первых, по его мнению, проявляется „консервативно-формальное направление“, тогда как последним присуще „направление критическое, нравственно-либеральное“.² Эта характеристика воззрений иосифлян и нестяжателей получила широкое распространение, особенно в среде либерально-буржуазных историков, которые пытались модернизировать течения русской публицистики, этим искажая их сущность.³ За произведениями „консерватора“ Иосифа Санина не признавалось даже намека на самостоятельность, старательно акцентировались его преданность букве, формализм и т. д. Отсюда делался вывод о всей системе взглядов Иосифа Санина: „Содержание этого мировоззрения не было даже самостоятельным созданием русской мысли“.⁴ Наоборот, воззрения нестяжателей расписывались радужными красками.

В настоящее время советские историки должны решительно отказаться от подобной псевдонаучной модернизации исторического процесса. Даже самый беглый обзор системы политических взглядов Иосифа Санина покажет ошибочность вышеприведенных суждений. Нам нет необходимости превращать Иосифа Санина в „консерватора“, как нет необходимости делать из Нила Сорского „либерала“.

Несколько отличается от других работ русских историков конца XIX века исследование М. А. Дьяконова. Дьяконов впервые показал, что в творениях Иосифа Санина и его последователей, наряду с горячей защитой самодержавной власти московских государей, находятся элементы воззрений, свойственных представителям течения сильной воинствующей церкви (мысль о преимуществе власти духовной над светской и др.).⁵ Однако эта мысль у него получила неверное обоснование. Он поднимал вопрос о генезисе взглядов воинствующих церковников теории „заимствования“ Иосифом Саниным католической догмы. Дьяконов писал о близости взглядов Иосифа „с католической догмой о преимуществах священства перед светской властью. Не может подлежать, однако, сомнению, что эта догма перенесена на Русь

¹ В. Жмакин. Митрополит Даниил. — Ср. рецензию В. Каченовского (ЖМНП, № 12, 1881; разбор сочинения написан Голубинским). Отчет о 25-м присуждении награды г-р. Уварова. СПб., 1883.

² В. Жмакин. Митрополит Даниил, стр. 107; ср. стр. 23, 34.

³ Ср., например, противопоставление „консерватизма“ иосифлян „либерализму“ нестяжателей в работе С. Г. Вилюнского „Послания старца Артемия“ (Одесса, 1906, стр. 40), в статье М. В. Довнар-Запольского „Московские гуманисты и обскуранты XVI в.“ (в сб. „Москва в ее прошлом и настоящем“, т. II). Ср. тоже у А. Пыпина „Иосиф Волоцкий и Нил Сорский“ (Вестник Европы, № 6, 1891, стр. 729; ср. стр. 742—743) и у И. Панова „Ересь жидовствующих“ (ЖМНП, № 2, 1877, стр. 277 и др.).

⁴ А. Пыпин. Иосиф Волоцкий и Нил Сорский, стр. 746.

⁵ „Иосиф старается поставить авторитет священства выше авторитета государственной власти“ (М. А. Дьяконов. Власть московских государей. СПб., 1889, стр. 129; ср. стр. 92, 97 и др.).

партией иосифлянского духовенства в защиту одного из самых дорогих для этой партии прав церкви против посягательств московского правительства¹. Впрочем, такое неверное объяснение взглядов Иосифа Санина не было новым. В. Жмакин, например, писал: „В нетерпимости Иосифа можно отчасти допустить постороннее западное влияние на него как потомка выходца из Литвы“. Примерно то же писал он и об учителе Иосифа, Геннадии, архиепископе новгородском: „Внешнее и, в частности, западное влияние с большею ясностью отразилось на Геннадии“². Нет нужды доказывать, что влиянием „прадедушки“ трудно объяснить систему воззрений Иосифа Санина.

Ошибка М. А. Дьяконова заключалась в том, что, указав на отдельные стороны воззрений Иосифа Санина, в которых говорится о преимуществах власти духовной над светской, он не сумел дать общей оценки Иосифу Волоцкому и иосифлянам как представителям течения сильной воинствующей церкви, которые на известном этапе заключают временный союз с самодержавной властью, поддерживая ее до той поры, пока их теория и практика (в частности крупное монастырское землевладение) не вступают в резкое противоречие с политикой московских государей. Только такая характеристика мирозерцания Иосифа Санина может объяснить нам происхождение его воззрений на монастырское землевладение. Дьяконов же, наоборот, пытался историей обсуждения вопроса о монастырском землевладении объяснить отношение Иосифа Санина к московским государям.³ До тех пор, пока московские государи терпимо относились к еретикам и были склонны к секуляризации монастырских земель, Иосиф Санин, по мнению Дьяконова, настороженно относился к ним. После же соборов 1503 и 1504 годов, когда правительство „выполнило требования иосифлян как относительно церковных имуществ, так и казни еретиков, только тогда и возникает во всей полноте теория теократического абсолютизма“⁴.

Здесь следует сделать несколько уточнений. Иосиф Санин был не только „политиком“, но и теоретиком. Отношения его к самодержавной власти объясняются не только изменениями курса политики Ивана III, но всей системой воззрений Иосифа Санина как сторонника сильной воинствующей церкви. Решительный перелом в воззрениях Иосифа Волоцкого следует связывать не столько с событиями 1503—1504 годов, сколько с переходом Волоколамского монастыря под патронат московских государей в 1507 году. После собора 1504 года в творениях Иосифа Санина мы встречаем еще ярко выраженные мысли о преимуществе духовной власти над светской, например

¹ Там же, стр. 128. Ср. у В. Иконникова в его работе „Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории“ (Киев, 1869, стр. 368).

² В. Жмакин. Митрополит Даниил, стр. 59.

³ Иосиф, по мнению Дьяконова, „далеко не был строгим теоретиком в сфере политической. Он был гораздо больше политиком, смотревшим на государство и светскую власть лишь как на силу, содействующую или противодействующую ему в его борьбе. Соответственно с этим и в зависимости от обстоятельств менялось и его отношение к этой силе“. (М. А. Дьяконов. Власть московских государей, стр. 92).

⁴ См. там же, стр. 129; ср. стр. 94 и др. — Позднее такое объяснение изменений в идеологии Иосифа Санина было воспринято рядом историков. Так, Г. В. Плеханов, считая Иосифа Санина идеологом сильной воинствующей церкви, связывал появление в его политической теории „поправки“ о „царе-мучителе“ с появлением секуляризационных планов у московских государей. „Поправка“ была снята, когда, по его мнению, угроза секуляризации миновала. (Г. В. Плеханов. История русской общественной мысли. Сочинения, т. XX, стр. 135—144).

в „Соборном послании“, в „Трактате о монастырском землевладении“ (подробнее см. ниже).

Не учитывая этого, на наш взгляд, основного момента в истории эволюции воззрений Иосифа Санина, М. А. Дьяконов обошел молчанием связь его в первом периоде с удельным волоцким князем Борисом Васильевичем, который часто выступал открытым противником московского государя.

Работой Дьяконова по существу исчерпываются оригинальные исследования дореволюционной историографии в интересующей нас области. В период империализма, в период загнивания буржуазной историографии отдельные исследователи лишь повторяли высказанные Жмакиным воззрения. По сути дела ту же ошибочную характеристику Иосифа Санина дает П. Милюков. Иосифляне изображаются им как консерваторы-начетчики, преданные букве и обряду.¹ При этом он писал, что „тесный союз церкви с государством — такова была главная цель, поставленная Иосифом и его последователями. Поддерживать государственную власть и за это самим пользоваться ее поддержкой — такова была задача иосифлян. Иосиф готов был считать торжество московских государственных порядков торжеством самой церкви и содействовал ему всеми возможными средствами“.² Таким образом Милюков утверждал наличие самого тесного, безоговорочного союза великокняжеской власти с иосифлянами, церкви с государством в XVI веке.³ Эти ошибочные воззрения оказали несомненно влияние на М. Н. Покровского и его „школу“. Наиболее цельное изложение этих взглядов мы находим в работе Н. М. Никольского „История русской церкви“, которая первоначально была включена в качестве составной части в Русскую историю Покровского. Автор всецело разделяет точку зрения Покровского на русский исторический процесс, в частности солидаризируется с ним при характеристике XV—XVI веков.⁴ В конце XV века, по его мнению, произошел „кризис феодальной церкви“,⁵ в результате которого „церковь, наконец, порвала с удельными политическими традициями и стала на сторону державности“,⁶ т. е. „из феодально-удельной“ стала „московско-дворянской“, „страхнув с себя гири феодализма“.⁷ Переход „на сторону державности“ Никольский связывал с борьбой Иосифа против волоцкого князя.⁸ В этой полнейшей путанице понятий Иосиф Волоцкий и его воззрения даны совершенно искаженно. Мы читаем, например: „лучшее выражение религиозного сознания боярско-княжеского класса мы находим в сочинениях... Иосифа Волоцкого“.⁹ В работе Никольского нет ни слова об Иосифе как о представителе сильной воинствующей церкви. Автор вслед за Милюковым и др. подчеркивает безоговорочный союз иосифлян с великокняжеской властью.¹⁰ Понятие „русская церковь“ и поня-

¹ „Сохранение старины и усердная преданность форме, букве, обряду — таковы характерные черты их направления“ (П. Н. Милюков. Очерки по истории русской культуры, ч. 2. СПб., 1906, стр. 26).

² Там же, стр. 28.

³ Там же, стр. 35.

⁴ Н. М. Никольский. История русской церкви. 1930, стр. 71.

⁵ Там же, стр. 71.

⁶ Там же, стр. 85.

⁷ Там же, стр. 86, 90.

⁸ Там же, стр. 85.

⁹ Там же, стр. 65. Иосиф Волоцкий рассматривается Никольским „как один из удельных идеологов“.

¹⁰ Или, как он говорит, „союз государства и церкви“ (стр. 87); ср. еще: „тут еще нет и в помине тех теократических тенденций, которые возникли в XVII в. и выра-

тие „иосифляне“ у автора смешиваются. То же самое мы находим в работах самого Покровского, где Иосиф становится идеологом „патриархального абсолютизма“.¹

В статье Б. А. Рыбакова впервые последовательно проводится мысль о том, что Иосиф Волоцкий явился представителем воинствующей церкви. Мы только не стали бы так безоговорочно сближать „иосифлян“ с орденом иезуитов, поставив знак равенства между Иосифом Саниным и Игнатием Лойолой, как это делает автор. Он не учитывает особенностей исторического процесса, происходившего в Русском государстве.²

Автора интересует главным образом участие иосифлян в политической деятельности страны. Отдельные особенности воззрений Иосифа Санина, вытекающие из характеристики его как представителя воинствующей церкви (временный характер союза иосифлян с великокняжеской властью и т. п.), автором не рассматривались.

Не получила правильного раскрытия политическая доктрина Иосифа Волоцкого и в последних работах по истории русской общественно-политической мысли.

В специальном исследовании И. У. Будовница по истории русской публицистики XVI века уделено значительное место характеристике воззрений Иосифа Санина. Однако трактовку автором существа идеологии иосифлян следует признать неверной. Автор исходит из того тезиса, что „политическая линия Иосифа Волоцкого, направленная к укреплению московского самодержавия, несомненно имела прогрессивное значение“.³

Следуя за Дьяконовым и другими историками, И. У. Будовниц утверждает, что после 1504 года „тесное содружество Иосифа Волоцкого с великокняжеской властью ничем не омрачалось до самой его смерти“. Позиция идеологов сильной воинствующей церкви, к числу которых принадлежал Иосиф Санин, не может быть охарактеризована безоговорочно как „прогрессивная“. Кастовые интересы церковников (например защита кастовых интересов монастырского землевладения и др.) тормозили создание и укрепление Русского централизованного государства. И. У. Будовниц преувеличивает прочность союза иосифлян с великокняжеской властью, не раскрывая его временности. Автор игнорирует те напряженные отношения, которые были у Иосифа Санина с Василием III около 1511—1512 годов в связи с ссорой волоцкого игумена с архиепископом новгородским Серапионом и с приближением к великокняжескому престолу Вассиана Косого, злейшего врага иосифлян.

Не прибавляет ничего нового к нашему пониманию воззрений Иосифа Волоцкого и раздел из „Истории русской литературы“, написанный И. П. Ереминым.⁴ Иосифлянами, по мнению автора, завершено „формирование московской официальной политической идеологии“, а содержанием деятельности Иосифа Волоцкого как писателя-публициста является борьба с областным сепаратизмом за полную победу москов-

зились в формуле: «священство выше царства» (там же, стр. 88). Говоря о русской церкви, между которой и иосифлянами он ставит знак равенства, автор замечает, что „ее интересы совпадают с интересами дворянского государства“ (там же).

¹ М. Н. Покровский. Очерк истории русской культуры, ч. 2. Изд. 5-е. Пгр., 1923, стр. 77—79.

² Б. А. Рыбаков. Воинствующие церковники XVI в. Антирелигиозник, № 3, 1934, стр. 3, 4, 27 и др.

³ И. У. Будовниц. Русская публицистика XVI в. М.—Л., 1947, стр. 100.

⁴ История русской литературы, т. II, ч. I. М.—Л., 1946, стр. 309—314.

ского самодержавия.¹ Итак, между идеологией самодержавия и идеологией иосифлян весьма четко поставлен знак равенства. Создателем теории суверенитета царской власти, которая явилась якобы „оправданием беспредельной власти царя“, выступает Иосиф Волоцкий и в работе В. С. Покровского.²

II

Для того чтобы разобраться в существе политических взглядов Иосифа Волоцкого, следует прежде всего остановиться на характеристике эпохи, которая их породила.

Миросозерцание Иосифа Санина складывалось в эпоху образования Русского централизованного государства, во время коренной ломки старых отношений эпохи феодальной раздробленности.

В XV—начале XVI века широкая волна реформационно-гуманистического движения всколыхнула самые различные классы русского общества. Ожесточенная классовая борьба того времени часто выражалась в религиозных ересьях. Ф. Энгельс писал о народных движениях средневековья: „Если эта классовая борьба носила тогда религиозный отпечаток, если интересы, потребности и требования отдельных классов скрывались под религиозной оболочкой, то это нисколько не меняет дела и легко объясняется условиями времени“.³ Народные движения, направленные против господствующих классов в феодальную эпоху, должны были также выступать против официальной церкви, которая, по словам Энгельса, была „наивысшим обобщением и санкцией существующего феодального строя“, „должны были представлять из себя одновременно и богословские ереси“.⁴

В 70—80-х годах XV века в Новгороде, а затем и в Москве возникает „еретическое“ движение, названное его противниками „ересью жидовствующих“. Поскольку характеристика „ереси“, данная ее противниками из лагеря воинствующих церковников, должна быть признана неверной, мы предпочитаем именовать движение по основным центрам его распространения — „новгородско-московской ересью“. Характерно, что народное движение выступает в форме ереси городов. Ф. Энгельс по этому поводу писал:

„Ересь городов, — а она является официальной ересью средневековья, — была направлена главным образом против попов, на богатства и политическое положение которых она и нападала“.⁵

И действительно, новгородско-московские еретики и их последователи выступали в первую очередь против монашеского тунеядства, против монастырского землевладения и т. п.

Далее, необходимо четко разграничивать два направления в еретическом движении. Первое — прогрессивное, опиравшееся на массы городского населения, в частности на массы новгородского купечества и отчасти крестьянства. Во главе его стояли представители белого

¹ История русской литературы, т. II, ч. 1, 1946, стр. 309, 310.

² В. С. Покровский. История русской политической мысли, вып. 1, 1951, стр. 63 и др.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. VIII, стр. 128.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 129.

⁶ Среди названных Иосифом Саниным поименно 24 новгородских еретиков было 15 попов, дьяков, клирошан (Просветитель Иосифа Волоцкого. Казань, 1857, стр. 44—45).

духовенства — новгородские попы, дьяки, клирошане.⁶ Эту особенность городских ересей в свое время подметил Энгельс, который писал:

„Плебейская часть духовенства состояла из сельских и городских священников. Они стояли вне феодальной иерархии церкви и не имели доли в ее богатствах... Из их рядов выходили теоретики и идеологи движения...“¹

Второе направление является реакционным не только по форме, но и по существу. Его представляла на Руси в конце XV—начале XVI века дворцовая партия, группировавшаяся около наследника престола Дмитрия, внука Ивана III (в том числе мать Дмитрия, Елена, дьяк Посольского приказа Федор Курицын и другие лица). Эта партия была поддержана феодально-боярской реакцией, представленной Ряполовскими и Патрикеевыми. Использование реакционно-боярскими идеологами элементов реформационного движения не представляет собой чего-либо неожиданного. Магнатские дворы Польши и Литвы (Радзивиллов и др.) в эту эпоху являлись очагами, впитавшими в себя элементы реформационных движений. Проповедь свободы личности превращалась в их устах в проповедь боярского „самовластия“ и своим острием была направлена против создающегося централизованного государства.

В такой обстановке возникает и развивается политическая и публицистическая деятельность новгородского архиепископа Геннадия и его ученика Иосифа Санина, направленная на охрану господствующей церкви против народно-реформационного движения. Геннадий и его последователи ратовали за беспощадную борьбу с еретическим вольномыслием, советуя великому князю руководствоваться примером „шпанского короля, како он свою землю очистил“.² Самые лютые казни готовили воинствующие церковники тем, кто осмеливался выступить против господствовавшей церкви. Но борьба архиепископа Геннадия с „ересью“ осложнялась еще тем обстоятельством, что в 80—90-х годах XV века Иван III занимал сравнительно терпимую позицию по отношению к еретикам. Ересь получила значительное распространение при великокняжеском дворе. В 1498 году Дмитрий Иванович, внук Ивана III, являвшийся ставленником боярского еретического кружка, был торжественно провозглашен наследником московского государя.³ К тому же сам Иван III проводил ряд мероприятий, подрывавших материальное благосостояние церковников. В 70—90-х годах XV века одна за другой происходят секуляризации церковных земель в Новгороде. Были конфискованы почти все земли новгородского владыки и свыше $\frac{3}{4}$ церковно-монастырских вотчин.⁴ В этих условиях геннадиевский кружок церковников не мог, конечно, рассчитывать на действительную поддержку великого князя в борьбе с ересью. Тогда-то и появляется в Новгороде ряд произведений, в которых развивается идеология сильной воинствующей церкви, мысль о превосходстве духовной власти над светской, да к тому же не всякой духовной, а именно власти новгородского архиепископа. Дело в том, что с 1490 по 1494 год московским митрополитом был Зосима Брадатый, происходивший из известной дворянской фамилии Брадатых, близких к Федору Курицыну и другим пред-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. VIII, стр. 121.

² ААЭ, т. I, № 386.

³ ПСРА, т. VIII, стр. 228.

⁴ ПСРА, т. VI, стр. 216—217; т. IV, стр. 271. — Ср. у В. Н. Бернадского в его работе „Политика Ивана III в Новгороде“ (Ученые записки ЛГПИ, т. 61, Л., 1947, стр. 101, 107).

ставителям еретического придворного кружка. Сам Зосима не был членом этого кружка, однако он не склонен был к решительной борьбе с ересью. Поэтому воинствующие церковники не в московском митрополите, а в новгородском архиепископе видели опору для борьбы за „чистоту православия“. В их среде складывается легенда „о белом клобуке“, который якобы как символ высшей церковной власти перешел от римского папы Сильвестра к новгородскому архиепископу. Мало того, Сильвестр якобы заявил, что „белый же сей клобук... честнее“ царского венца, „понеже архангельского чина есть царский венец и духовного суть“.¹ Так складывались основы реакционной теории о превосходстве „священства“ над „царством“.

Около 1497—1499 годов, по поручению архиепископа Геннадия, составлен специальный трактат („Слово кратко противу тех, еже в вещи священные подвижные и неподвижные съборные церкви вступаются“), в котором мы встречаемся с довольно целостной системой воззрений воинствующих церковников, отстаивавших свои земельные богатства.²

В трактате пространно развивается мысль о преимуществе духовной власти над светской. Всякая власть, правда, „изволится от власти божественные, и сице толико мирьская власть есть под духовною. Елико от бога духовное достоинство предположено есть, сего ради больше достоин повиноватися власти духовной, неж мирьской“.³ Отсюда вытекает то, что княжеская, царская власть должна подчиняться церкви.⁴ Так, из формулы „несть бо власть, токмо от бога“ выводится подчиненное положение мирской власти по отношению к духовной. Цари и князья должны вместе с пастырями защищать „православную веру“ и монастырские земли.⁵ За неисполнение этого своего долга мирским властям грозит гибель („близь того властителя будет погибель“).⁶ В свою очередь и сама церковь должна „даже до кровопролития“ защищать свои богатства. В трактате излагается теория о двух мечах, которые даны в защиту церкви: „Един меч есть вещественный, той меч достоин пастырем церковным имети в защищение церкви своеа даже и до своего кровопролития“, „второй меч есть духовный“.⁷

Таким образом первые отклики на секуляризационные попытки московских государей раздались в Новгороде из окружения Геннадия, т. е. из той среды, где сформировалась идеология сильной воинствующей церкви на Руси, не только без сожаления карающей еретиков, но также твердо стоящей на страже своих земельных владений.

¹ Памятники старинной русской литературы, ч. 1, стр. 296.

² Такова, на наш взгляд, хорошо обоснованная точка зрения А. Д. Седелникова на время и место составления „Слова кратка“ (К изучению „Слова кратка“ и деятельности доминиканца Вениамина. Известия ОРЯС, т. XXX, 1925, стр. 207, 212—213 и др.). До сих пор, к сожалению, имеет хождение старый традиционный взгляд, по которому „Слово кратко“ составлено в 1505 году (И. У. Будовниц. Русская публицистика XVI в., стр. 102).

³ Чтения в Обществе истории и древностей российских (в дальнейшем — Чтения), кн. II, 1902, стр. 49; ср. стр. 18.

⁴ „Вси царие, начальници и прочии мирьстии господа, вси христиане первое к церкви православней и настоятелем послушание святое з боязнию и честию изьявляти должны есме, не створивый же сего, неверен и богови сопротивен вменитъся“ (Чтения, кн. II, 1902, стр. 10).

⁵ „Сего бо ради мирьски господа власть от бога приемлют, да на хулящих имя божие и враждующих пастырем и грабящим церковнаа достоинну казнь будут налагати без милосердия“ (там же, стр. 43).

⁶ Там же, стр. 42.

⁷ Там же, стр. 32—33.

III

Доподлинно не известно, знал ли Иосиф Санин указанные выше произведения геннадиевского кружка. Во всяком случае имеются веские основания считать знакомство с ними игумена Волоцкого монастыря вполне вероятным. Так, в сборниках Волоцкого монастыря мы встречаем „Слово кратко“; известно также, что Иосиф Санин вел переписку с Геннадием Новгородским.¹ Мало того, переводчиком „Слова кратка“ с латинского языка на церковно-славянский, как выяснил А. Седельников, был Дм. Герасимов.² Братом Дм. Герасимова был небезызвестный Герасим Поповка.³ До нас дошел ряд отрывочных сведений о деятельности этого „главного доверенного Геннадия по составлению геннадиевского свода библии“.⁴ Из них мы узнаем, что Герасим Поповка находился в довольно близких отношениях с Иосифом Саниным. Еще в 1486—1487 годах он послал Иосифу свою книгу,⁵ а 26 января 1489 года препроводил ему книгу Сильвестра⁶ и письмо с изъявлением дружеских чувств.⁷ Все это делает возможным предположение, что Иосифу было прислано из Новгорода „Слово кратко“, переведенное братом Герасима Поповки. Предположение это весьма заманчиво еще и потому, что в произведениях волоцкого игумена мы встречаем не только основные утверждения идеологов воинствующей церкви, но и почти всю аргументацию в защиту монастырского землевладения, какую развивал автор „Слова кратка“.⁸

В 1488—1490 годах, по призыву новгородского архиепископа Геннадия, Иосиф Санин начинает свои выступления против „новгородских еретиков“. В этот период складывается система его политических взглядов, несомненно под сильным влиянием Геннадия и его школы. Против новгородских еретиков был написан наиболее значительный трактат Иосифа Санина — „Просветитель“, составившийся разновременно (ок. 1488—1512 годов). В произведениях, написанных до 1507 года, т. е. до перехода Волоколамского монастыря под великокняжеский патронат (первые десять слов „Просветителя“, послание к Митрофану, послание инокам о повиновении соборному определению, послание к Нифонту и др.), Иосиф Санин вполне разделял основные постулаты идеологии сильной воинствующей церкви. В первоначальном и наиболее полном варианте мы находим ее в VII слове „Просветителя“.

Царю, по мысли Иосифа Санина, следует оказывать послушание только постольку, поскольку он заботится о православии, о своей пастве,

¹ „Геннадие же архиерей посланными с ним беседа“ (Чтения, кн. III, 1903 стр. 32).

² А. Д. Седельников. К изучению „Слова кратка“. Известия ОРЯС, т. XXX, 1925, стр. 221.

³ О нем подробнее в работе А. Седельникова „К изучению «Слова кратка»“ (стр. 224); Л. Н. Майков. Последние труды. СПб., 1900 и др.

⁴ Ср.: И. Е. Евсеев. Геннадиевская библия 1499 г. М., 1914, стр. 11; ср. стр. 4; ср. его же „Очерки по истории славянского перевода библии“ (Пгр., 1916).

⁵ П. Строев. Описание рукописей монастырей, Иосифо-Волоколамского и др. № СССLXXXVII среди рукописей в четверку; ср.: Чтения, кн. III, 1881, стр. 305.

⁶ См.: И. Хрущев. Исследование о сочинениях Иосифа Санина, стр. 262; Л. Н. Майков. Последние труды, стр. 4.

⁷ Письмо Герасима Поповки опубликовано несколько раз. См.: И. Хрущев. Исследование о сочинениях Иосифа Санина, стр. 262—263; П. Строев. Описание рукописей монастырей, Иосифо-Волоколамского и др., стр. 179; Иосиф. Описание рукописей. Чтения, кн. III, 1881, стр. 132; ср.: ГБЛ, Волок. № 505, л. 167.

⁸ А. Григорьев считает, что аргументы „Слова кратка“ могли оказать влияние на „Житие Иосифа“, составленное неизвестным (Чтения, кн. II, 1902, стр. XV).

выполняя „дело божие“¹, „царь бо божий слуга есть“, а так как власть божия выше царской, то „подобает тем преклоняться и служить телесне, а не душевне, и въздавати им царскую честь, а не божественную“². Царю же, противящемуся „велеию божию“, по мысли Иосифа, необходимо противодействовать всеми силами: „Аще ли жесть есть царь, над человеки царьствуя, над собою же имат царьствующа страсти и грехи, сребролюбие же и гнев, лукавство и неправду, гордость и ярость, злейши же всех неверие и хулу, — таковый царь не божий слуга, но диавол, и не царь, но мучитель“³. „И ты убо такового царя или князя не послушаеши, на нечестие и лукавство приводяща ты, аще мучит, аще смертию претит“⁴.

Таково освещение назначения царской власти, которое было дано в VII слове „Просветителя“. Грозные речи волоцкого игумена, направленные против царя-мучителя, которому должно отказывать в повиновении, понятны лишь в условиях конца 80—90-х годов XV века, когда царь и его окружение не оказывали действенной поддержки воинствующим церковникам в их борьбе с новгородскими еретиками. Не великий князь Московский, а церковные деятели типа Геннадия и Нифонта, епископа Суздальского, казались волоцкому игумену единственной поддержкой в борьбе с ересью — „главою всех“⁵. Иосиф Санин предстает перед нами как теоретик сильной воинствующей церкви, горящей о безусловном подчинении царской власти „священству“. Социальная среда, которая создала Волоколамский монастырь и поддерживала его в первый период, т. е. удельные князья Волоцко-Ружские и их окружение, способствовали воспитанию у Иосифа Санина воззрений, оппозиционных по отношению к московским государям.

Было еще одно обстоятельство, заставлявшее волоцкого игумена настороженно относиться к великому князю, — это земельная политика московского правительства. В 70—90-х годах XV века Иван III неоднократно проводил частичную конфискацию церковных земель в Новгороде, а в 1503 году пытался поставить вопрос о судьбах монастырского землевладения в общегосударственном масштабе. На этот раз с развернутым обоснованием стяжательской программы выступило официальное руководство русской церкви, возглавленное митрополитом Симоном, поддержанное геннадиевским кружком и последователями новгородского архиепископа, в числе которых был Иосиф Санин. Еще до 1503 года в составленных волоцким игуменом предисловиях к синодикам и другим книгам, куда записывались вклады „по душам“ умерших, Иосиф Санин рассматривал вопрос о монастырском землевладении с практической точки зрения игумена Волоцкого монастыря. В синодики заносились имена вкладчиков в монастырь,

¹ См. в „Просветителе“ стр. 320.

² Там же, стр. 324.

³ Там же, стр. 324—325.

⁴ Там же, стр. 325.

⁵ Иосиф Санин в послании Нифонту, епископу Суздальскому, писал: „ныне, господине, о том (речь идет о борьбе с ересью, — А. З.) стати искренпо некому, кроме тебя, государя нашего... глава бо еси всем и на тебе зрим все и тобою очистит господь всю церковь“ (РИБ, т. VI, стр. 821). Первоначально послание к Нифонту было посвящено „изобличению“ новгородских еретиков и не содержало упоминания о митрополите Зосиме (ГПБ, Q. XVII, № 64, лл. 245—248 об.). Составлено оно было, очевидно, около 1489—1490 годов, когда в Москве после смерти Геронтия не было митрополита и Нифонт, епископ Суздальский, мог рассматриваться „главою всего“. Новая редакция послания с резкими выпадами против Зосимы появилась уже после 1503 года, т. е. после разрыва Иосифа Санина с нестяжателями, к которым был близок умерший к тому времени опальный митрополит.

создававших его богатство. Поэтому, писал Иосиф Санин, игумен и братья должны их бережно хранить. „Сих ради бывает весь церковный доволь и священником же и диаконом и всем церковным служителем и всем братьям телесный покой, пища же и питание и одежда и обуза и келейное устройство и еже в келиах всяческих нужных вещей доволь, еще же и села и вертограды и реки и озера и пажити и вся животная и четвероногая“.¹ Но уже тогда, в 80—90-х годах XV века, Иосиф Санин подчеркивает, что передаваемые в монастырь земли и другие вклады необходимы прежде всего для обеспечения монахов и укрепления монастыря, а также как условие „поминовения“ умерших.

Эти практические соображения высказывались Иосифом Саниным в ряде посланий к частным лицам (в том числе, например, к княгине Голениной).²

На церковном соборе 1503 года, по инициативе великого князя, поднимают вопрос о судьбах монастырского землевладения Нил Сорский и другие нестяжатели.³ Нестяжатели, возглавленные Нилом Сорским и Вассианом Патрикеевым, представляли собою группу церковных деятелей, опирающуюся в осуществлении своей политической программы на боярскую партию при дворе Ивана III. Нестяжатели использовали в своекорыстных целях отдельные элементы русских гуманистически-реформационных учений конца XV века (в частности критику монастырского землевладения) — ведь главные идеологи нестяжателей (Нил Майков и Вассиан Патрикеев) были в свое время близки к разгромленному боярскому „еретическому“ кружку Елены Стефановны, Федора Курицына и других (не случайно нестяжатели выступали против крайних мер преследования еретиков, предложенных иосифлянами).

Иван III, заинтересованный в ограничении хищнических appetитов официальной церкви, побудил нестяжателей поставить вопрос о секуляризации монастырских земель на соборе 1503 года. Иосифлянское большинство собора провалило программу Ивана III.

Впервые в развернутом виде взгляды той части русского монашества, которая стояла за сохранение монастырского землевладения, изложены в „соборных“ постановлениях 1503 года. Точка зрения руководства собора 1503 года по вопросу о праве монастырей на владение землями интересна нам уже потому, что на этом соборе присутствовал Иосиф Санин, а решения были приняты в духе его программы. По предположению Павлова, именно волоцкий игумен составил главную часть соборного приговора.⁴ В посланиях „отцов собора“ к Ивану III констатировалось, что еще со времен Константина и Елены по всей вселенной „святителя и монастыря грады и власти и села и земли дръжали. А на всех соборах святых отец не запрещено святителем и монастырем земель дръжати и не велено всеми святыми соборами святых отец святителем и монастырем недвижимых стяжаний церковных ни продати, ни отдати“. Также и на Руси, с времен Владимира и Ярослава „даждо ныне святители и монастыри земли держали, и держат, а отдавати их не смеют и не благоволят, понеже вся такаявя стяжания церков-

¹ Цит. по рукописи б. Волоколамского монастыря, № 36, л. 41—41 об.

² И. Хрущев. Исследования о сочинениях Иосифа Санина, стр. 257 и др.

³ Ср.: „Нача старец Нил глаголати, чтобы у монастырей сел не было, а с ним пустыяники“ (Прибавления к творениям св. отцов, ч. X, стр. 505. Ср.: Чтения, кн. III, 1903, стр. 37; Православный собеседник, т. II, 1863, стр. 206). Подробнее в нашей статье „Княжеские духовные грамоты XV века“ (Исторические записки, кн. 27).

⁴ А. Павлов. Исторический очерк секуляризации, ч. I. Одесса, 1871, стр. 4.

ная — божая суть стяжания, возложена и нареченна и дана богу¹. Аргументы, которые выдвигаются в защиту монастырского землевладения, могут быть сведены к следующему: 1) древность владения монастырей селами, подкрепленная постановлениями соборов; 2) святость монастырского землевладения, ибо „стяжания церковная — божия суть стяжания“. Отсюда вытекало запрещение настоятелям монастырей отдавать церковные земли, а светским властям их отчуждать.

Несколько слов о так называемой „речи“, которую якобы произнес в защиту монастырского землевладения на соборе 1503 года Иосиф Санин. В буржуазной историографии указанная речь считалась важнейшим материалом для характеристики социально-политических взглядов волоцкого игумена.² В последнее время также И. У. Будовниц критически использовал данную „речь“,³ являющуюся по сути дела скорее публицистическим произведением середины XVI века, чем изложением действительных взглядов Иосифа Санина. Эта речь воспроизведена в так называемом письме о „нелюбках“ иноков Кирилло-Белозерского и Волоколамского монастырей, написанном в 40-х годах XVI века.⁴ Автор его, очевидно, постриженник Волоколамского монастыря, человек, близко стоявший к Нилу Полеву и Дионисию Звенигородскому: он ссылался прямо на беседы с Нилом Полевым и Дионисием как на основной источник своего письма.⁵ Нил Полев, боярин рузского удельного князя Ивана Борисовича, а позднее Юрия Ивановича, по своим взглядам, очевидно, колебался между иосифлянами и нестяжателями. Будучи противником крупного монастырского землевладения, он в свое время покинул Волоцкий монастырь и поселился в скиту неподалеку от белозерских старцев, хотя позднее, вследствие ссоры с нестяжателями, он вынужден был вернуться в монастырь. Автор письма о „нелюбках“, говоря о событиях начала XVI века, следует рассказам Нила Полева. Иосиф Санин рисуется им в письме далеко не в благожелательном тоне. Там рассказывается, например, о ложном доносе Иосифа на белозерских старцев. Этим самым как бы подтверждалось мнение Серапиона, архиепископа новгородского, об Иосифе Санине как о „ябеднике“. Зато Кирилло-Белозерский монастырь автор считает „светилом“.⁶ Все это вместе взятое заставляет нас настороженно отнестись к тексту письма о „нелюбках“. По сообщению автора, на соборе 1503 года Иосиф Санин в защиту монастырского землевладения произнес следующее: „Аще у монастырей сел не будет, како честному и благородному человеку постричься? И аще не будет честных старцев, отколе взять на митрополию или архиепископа или епископа или на всякия честныя власти? А коли не будет честных старцев и благородных, ино вере

¹ ГБЛ, Волок. № 514, л. 426—426 об.; ср. л. 431—431 об. Текст соборного постановления обстоятельно передан в цитированном сочинении Павлова (стр. 42—48). В дефектном виде соборное постановление см. в работе Н. Кадачева „О значении Кормчей и системе древнерусского права“ (Чтения, кн. III, 1847, стр. 41—43). То же см.: Н. А. Булгаков. Преподобный Иосиф Волоколамский. СПб., 1865, стр. 78—80.

² См., например, у В. О. Ключевского (Курс русской истории, т. II, М., 1937, стр. 303—304).

³ И. У. Будовниц. Русская публицистика XVI в., стр. 89.

⁴ Опубликовано в „Прибавлениях к творениям св. отцов“ (ч. X, М., 1851, стр. 502—527), вторично в кн. А. С. Архангельского „Образование и литература в Московском государстве конца XV—XVII вв.“ (СПб., 1901, стр. 163—166).

⁵ „И поведа нам ся старец Нил Полев“ (Прибавления к творениям св. отцов, ч. X, стр. 507). Ср.: „егда и Дионисий старец, князь Звенигородский и старец Нил Полев были в Кириллове в опале, и поведаша нам“ (там же).

⁶ Прибавления к творениям св. отцов, ч. X, стр. 508.

будет поколебание“.¹ Наряду с этим Иосиф приводил свидетельства Феодосия, Афанасия Афонского, Антония и Феодосия Печерских в защиту монастырского землевладения. Прежде всего заметим, что написанное лет через 40 после собора 1503 года „письмо“ вряд ли могло точно передавать речь волоцкого игумена. Мало того, к 1503 году у Иосифа Санина не было еще сложившегося мнения о монастырском землевладении.

Характерно, что первые жизнеописания Иосифа Санина вовсе умалчивают о его полемике с нестяжателями. Нет ни слова об этом в надгробном слове Иосифу, написанном его братаничем Досифеем Топорковым. Нет ни слова об этом и в официальном „Житии Иосифа“, составленном Саввою Крутицким по указанию митрополита Макария, около 1546 года. Сторонники волоцкого игумена стремились не обострять отношения с великими князьями напоминаниями об этом щекотливом вопросе. Аргументация Иосифа Санина, данная в письме, совершенно отсутствует в его собственных сочинениях. Она больше всего напоминает тенденциозное изложение взглядов Иосифа Санина его противником Вассианом Патрикеевым. Противоречия так называемой „речи“ волоцкого игумена настолько явны, что если бы она когда-либо была произнесена, то несомненно вызвала бы критику его противников, как это было в других случаях. Однако Вассиан Патрикеев никакой „речи“ волоцкого игумена на соборе 1503 года не знает. Приписать Иосифу мысль о том, что если не будет сел у монастырей, то в монастырь не будут постригаться монахи из „честных и благородных людей“, могли только его идейные противники. Автор письма о „нелюбках“ заставляет Иосифа излагать свою точку зрения именно на соборе 1503 года. В то же время сам автор письма имел довольно неточные представления об этом соборе. Он, например, уверяет, что на нем присутствовал Паисий Ярославов, тогда как тот умер 23 декабря 1501 года.²

Появление „речи“ Иосифа Санина в письме о „нелюбках“ объясняется той обстановкой, в которой оно слагалось. Это была эпоха серьезных реформ государственного аппарата, проводившихся правительством „избранной рады“. В частности, в 1551 году Стоглавый собор обсуждал вопрос о монастырском землевладении. В ходе заседания собора использовался ряд произведений Иосифа Санина (например его послание о вдовых полах, которое было написано им в связи с собором 1503 года). Современников, конечно, интересовало и мнение волоцкого игумена, высказанное на церковном соборе по такому животрепещущему вопросу, как монастырское землевладение. Ответом на запросы современников и явилось составление автором письма о „нелюбках“ речи Иосифа Санина, якобы произнесенной им на соборе 1503 года.

Связь между постановлениями собора 1503 года и развитием взглядов волоцкого игумена по вопросу о монастырских землевладениях была, но она рисуется совсем в ином плане: аргументация постановлений собора 1503 года оказала серьезное влияние на последующие сочинения Иосифа Санина.³

¹ Там же, стр. 505.

² См. об этом в нашей статье „Княжеские духовные грамоты XVI в.“ (Исторические записки, кн. 27, стр. 270—271).

³ См. далее о специальном трактате Иосифа Санина в защиту монастырского землевладения.

Еще накануне собора, летом 1503 года, Иван III принял Иосифа Санина и обещал ему начать широкое преследование ереси.¹ Ведь еще в 1502 году великий князь наложил опалу на своего внука-наследника Дмитрия, руководителей придворного еретического кружка, а несколько ранее на их боярских советников. В этом же году брат Иосифа Санина, Вассиан, был назначен архимандритом московского Симонова монастыря. Таким образом намечалось сближение великого князя и волоцкого игумена. Поэтому в сочинениях Иосифа Санина 1503—1504 годов, всецело разделявшего идеологию воинствующих церковников, можно заметить попытки заручиться поддержкой московского государя для борьбы с реформационным движением (еретиками). Например, он советовал Митрофану, великокняжескому духовнику, оказать воздействие на Ивана III, чтоб последний предпринял планомерное преследование еретиков: „И ты, господине, потщися вседушно государю подокучити, оставив все дела: занеже божие дело всех нужнее“.² Мало того, Иосиф Санин сам обращается с рядом посланий к Ивану III, а после его смерти к Василию III (ок. 1504—1505 годов), в которых развивает мысль о непримиримой борьбе с ересью (послания на еретика Кленова, на архимандрита Кассиана и т. д.). Но появление надежд на великокняжескую поддержку в борьбе с ересью не означало окончательного, полного отказа Иосифа Санина от своей старой оценки назначения царской власти и священства, исходившей из реакционной идеологии воинствующих церковников. Еще Иван III медлил начать преследование еретиков, еще слишком близки к нему были некоторые из противников иосифлян.

В этих условиях попрежнему Иосиф Санин в своих творениях ставит власть святителя выше власти царя: „Занеже божие дело всех нужнее“. Так, в послании инокам по поводу повинновения соборному определению со ссылкой на 20-е слово „Пандект“ Никона Черногорца (ок. 1504—1505 года) он писал: „Ко царю же и ко архиерею убо повинование телесное и урок дани и прочая подобающая, душевное же ни, архиерею же и душевное, купно и телесное, яко приемником апостольским сущим“.³ Власть иерея, таким образом, Иосиф ставил выше власти царя. В то же время в послании к духовнику великого князя Митрофану Иосиф развивал мысль, что „дело божие“ (иными словами, преследование еретиков) должно быть главной задачей царя, грозя в противном случае ему небесными карами. „Государя побереги, — писал Иосиф Митрофану, — чтобы на него божий гнев не пришел за то да и на всю нашу землю. Занеже, господине, за царское согрешение бог всю землю казнит“.⁴ Да и в своих посланиях к московским государям Иосиф пытается занять позиции наставника, направляющего их деятельность в интересах „дела божия“.⁵

¹ См. об этом в нашей статье „Княжеские духовные грамоты XVI в.“ (Исторические записки, кн. 27, стр. 270).

² Чтения, кн. I, 1847, Послание к Митрофану, стр. 1—2.

³ ГПБ, Ф, № 229, л. 344 об.—Послание написано от имени митрополита Симона, но авторство Иосифа Санина более чем вероятно; это произведение не только вошло в XV и XVI слова „Просветителя“, но и текстуально близко к посланию волоцкого игумена Митрофану (лето 1504 года).

⁴ Чтения, кн. I, 1847, стр. 1—2.

⁵ См. неизвестный ранее исследователям отрывок из послания Василию III (ГИМ, Синод. № 791, лл. 19 об.—22; ГПБ, Q. XVII, № 50, лл. 21 об.—23). Этот отрывок позднее был использован при составлении XVI слова „Просветителя“, а также архиепископом Феодосием в послании 1547—1551 годов о корчмах (ДАИ, т. I, № 41).

Сближение волоцкого игумена с московским государем вызвало недовольство волоцкого удельного князя, которое переросло в открытый конфликт.¹ Князь Федор Борисович, неоднократно покушавшийся на богатства монастыря, начал планомерное расхищение монастырского имущества. Пытаясь предотвратить окончательное оскудение монастырской казны, Иосиф Санин около 1507 года написал трактат против посягательств волоцкого князя.² Обстановка, в которой создавалось это произведение, отразилась на его структуре и направленности. Это был период борьбы Иосифа Санина с князем Федором Борисовичем, когда Волоколамский монастырь все еще оставался придворной обителью волоцких князей. Поэтому в своем трактате Иосиф Волоцкий еще очень осторожен. Он, например, ни разу не называет по именам своих противников, предпочитая говорить неопределенно „неции вельможи“. Аргументацию своих противников Иосиф передает следующими словами: „Слышах многих, глаголющих, яко несть греха, еже что от монастыря взяти. Того ради неции от вельмож зело не любяху мя и глаголаху: «с собою ли он принес, монастырскаго не дает, оскудит ли тем монастырь?»“.³ И еще ниже: „Аще же неции глаголют: «Мы не силою емлем, подобает нам игумену давати»“.⁴ Это, конечно, не аргументы нестяжателей, а мысли волоцкого князя и его окружения, стремившихся поживиться за счет монастырского богатства.

Эти два аргумента Иосиф Санин отвергал указанием на церковные правила, которые запрещают не только отнимать имущество силою у монастырей, но и вообще игумену раздавать его добровольно. К тому же „божественное бо писание не повелевает и от простых людей взяти нечто неповинно“, не то что у монастырей.⁵ Ссылкой на Никона Иосиф утверждал: „Церковная бо и монастырская такоже и иноческаа и дела их вся богови суть освещена, и на ино что не расточаются, разве на убогия и странния и плененныя и елика такова подобне и на своя иноческаа и монастырскаа и на церковныя потребы, нужныя обаче ниже и сия без потребы. Князь же или ин некый и даж до самого настоящаго не имам рещи, аще от сих что возмет на своя потребы, яко святотатец от бога осудится“.⁶ Согласно мысли Иосифа Волоцкого, монастырское имущество на нищих и убогих могло расточаться. Правда, в его сочинениях эта мысль остается не развитой до конца, поскольку она противоречила его же собственным утверждениям о созидании монастырского богатства. Позднее противоречие Иосифа Санина было замечено Вассианом Патрикеевым, который зло высмеял „нищих“ монахов-вотчинников. Итак, у монастырей отнимать владения, по мнению волоцкого игумена, нельзя: „Занеже монастырь и церкви божия богомолия нарицается:

¹ См. некоторые замечания на эту тему в монографии Л. В. Черепнина „Русские феодальные архивы XIV—XV вв.“ (ч. 1, М.—Л., 1948, стр. 219) и в нашей статье „Княжеские духовные грамоты XVI в.“ (Исторические записки, кн. 27, стр. 272).

² Текст см. в работе В. Малинина „Старец Филофей“ (стр. 128—144).

³ В. М а л и н и н. Старец Филофей. Приложения к работе, стр. 128.

⁴ Там же, стр. 129.

⁵ Там же, стр. 128. Ср. также аргументы „Слова кратка“ (Чтения, кн. II, 1902, стр. II). Аргументация обоих посланий сходна.

⁶ В. М а л и н и н. Старец Филофей. Приложения, стр. 130. Ср. также окончание послания Иосифа, где он со ссылкой на 59-е правило св. апостолов говорит: „Церковное бо богатство — нищих богатство... Нищих прокормление чади мнози, странним прилежание... в глуде прекормление“. В общем и целом „живым прибежище и утешение, а мертвым память“ (там же, стр. 144). То же самое в „Слове кратком“ (см. выше).

бога молит игумен и з братиею за государя и за его боляре и за вся христиане, а от них приемлет милостыню“.¹

Иосиф Санин в своем трактате о монастырском землевладении по-прежнему рисуется нам сторонником сильной воинствующей церкви. Но если в „Просветителе“ и в ряде других ранних произведений он защищал ее идеологические позиции, то в своем трактате о монастырском землевладении волоцкий игумен отстаивал ее экономическое могущество. Весь арсенал доказательств в этом трактате почерпнут из аргументации сочинений архиепископа Геннадия и его последователей, а также из практики монастырской жизни конца XV и начала XVI века.

IV

В 1507 году Волоколамский монастырь перешел под патронат великого князя. Социальной опорой монастыря к этому времени делаются небогатые и среднего достатка землевладельцы-феодалы Рузского и Волоцкого уездов, т. е. та среда, которая поддерживала борьбу московского правительства за укрепление централизованного государства. В 1507—1509 годах Иосиф Санин порвал отношения не только с волоцким удельным князем Федором Борисовичем, но также и с архиепископом Новгородским Серапионом, который явился наследником Геннадия в Новгородской епархии и горячим последователем его воззрений. Все эти события резко повлияли на идеологию волоцкого игумена. В последний период своего творчества (1507—1515) Иосиф Санин развивает теорию теократического происхождения самодержавия. Наиболее полное выражение она получила в его посланиях к великому князю, а также в XVI слове „Просветителя“. Сложилась эта теория уже к 1507—1511 годам.² Исходя из своих старых воззрений, согласно которым „божественный промысел“ является движущей силой исторического процесса, Иосиф Санин пришел к утверждению божественного происхождения царской власти.³

Зародыш этой мысли можно найти в ранних произведениях Иосифа Санина, где волоцкий игумен также говорил о происхождении царской власти от бога. Но тогда он доказывал это тем, что царь есть божий слуга, подчиняющийся „священству“, теперь же подчеркивалась другая сторона формулы — божественный характер царской-власти, созданной по подобию власти небесной. Отсюда вытекало, что „царь убо естеством подобен есть всем человеком, а властия же подобен есть вышнему богу“ (XVI слово „Просветителя“).

Мысль о божественном происхождении царской власти нужна была Иосифу Санину, чтобы побудить великого князя к активной поддержке борьбы против „еретиков“ и других врагов церкви. Первая забота царя, по его воззрению, — это защита православия: „Вас бо бог в себе место посади на престоле своем. Сего ради подобает царем же и князем всяко тщание о благочестии имети“ (XVI слово „Просветителя“). Для Иосифа Санина царская власть являлась только союзником в борьбе

¹ В. М а л и н и н. Старец Филофей. Приложения, стр. 129.

² Так можно датировать послание Иосифа Санина к И. И. Третьякову, XVI слово „Просветителя“, II послание „на еретики“ к Василию III и др.

³ См., например, „От вышняго божия десница оставлен еси сомодерже и государь всея Руси. . . от бога дана бысть держава вам, вас бо бог в себе место избра на земли и на свой престол вознес, посади, милость и живот положи у вас“. (II послание „на еретики“. ГПБ, Q.XVII, № 64, л. 202 об.). То же см. в XVI слове „Просветителя“ в IV эпитимье (текст см. в: С. С м и р н о в. Древнерусский духовник, стр. 230) и в послании к И. И. Третьякову (ГПБ, Q.XVII, № 64, л. 231 об. и далее).

за укрепление сильной воинствующей церкви, опорой в борьбе с ее врагами. Поэтому у него сохранялись старые мысли о царе, не радящем о православии, мучителе, которому не нужно повиноваться.¹ Цари только тогда достойны уважения, когда они являются истинными божьими слугами.² Но мысли о „царе-мучителе“ уже не были центральными в сочинениях волоцкого игумена, поскольку теперь великокняжеская власть поддерживала его в борьбе с еретиками и с „удельным насильством“. Поэтому главное место в его последних творениях занимает мысль о необходимости подчинения власти великого князя. Иосиф Санин писал: „божественная правила повелевают царя почитать, не сваритися с ним... И еще когда царю и на гнев совратитися на кого, — и оне с кротостию и со смиреннем и со слезами моляху царя“. Эти слова относились к Серапиону, архиепископу Новгородскому, который, по мысли Иосифа Санина, должен был подчиниться воле великого князя и „иосифлянского“ собора. Далее он приходит к мысли о том, что царь является высшим судьей в церковных делах. Именно царю передано все церковное и монастырское, его „суд не посушается“.³

Если Иосиф Санин, обращаясь к Нифонту, епископу Суздальскому, называл его „главою всего“, то теперь буквально то же самое он писал великому князю Василию Ивановичу.⁴ Это, конечно, было чрезвычайно важным выводом из теории теократического характера царской власти. Непосредственным поводом для того, чтобы высказать эту мысль о предпочтительности царской власти над „святительской“, была ссора Иосифа Санина с Серапионом. В великом князе волоцкий игумен нашел защитника не только против удельного насильства, но и против самовластия новгородского архиепископа. Это было отходом от тех позиций, которые раньше разделял Иосиф Санин как ученик Геннадия, когда он говорил о преимуществе духовной власти над светской. Поэтому нам будут понятны слова Серапиона о том, что Иосиф Санин изменил царю небесному и перешел к царю земному.⁵

¹ „Царь злочестивый, не брегий о сущих под ним, не царь естъ, но мучитель и, — прибавляет Иосиф, имея в виду, вероятно, Серапиона, новгородского архиепископа, — иже епископ зол сый, не брегий о стаде, не пастырь естъ, но волк“ (XVI слово „Просветителя“). Ср. еще там же: „Всякий убо царь или князь, иже в небрежении живий и о сущих под ним не радя, а страха вышняго не бояся, слугу себе сатане сотворяет. Сего ради страшно и напрасно найдет на него гнев божий“.

² „Князи бо и судии и служители суть божии нарицаются. Аще ли же ни, то вместо чадо божих, чадо гневу нарекутся, понеже суд жесток бывает на великих“ (IV эпитимья; С. Смирнов. Древнерусский духовник, стр. 231).

³ Послание к И. И. Третьякову. ГПБ, Q.XVII, № 64, л. 231 об. — Эти слова Иосифа, по мнению Малинина, перекликаются с утверждением его младшего современника и идеологического соратника Филофея: „ты един православный царь... браздодержатель святых божих церквей“ (В. Малинин. Старец Филофей, стр. 536).

⁴ См. II послание „на еретики“: „тебе, государю, подобает о сем попешишь, — глава бо еси нам“ (ГПБ, Q.XVII, № 64, л. 204). Малинин, характеризуя второе послание „на еретики“, писал, что Иосиф считал царя единственной опорой в борьбе с ересью, „с самой начальной поры вступления в борьбу с ересью“. Он ссылается при этом на послание волоцкого игумена к Нифонту. Если Иосиф считал, что казни и заточения являются главнейшими средствами в искоренении ереси, то, по мнению Малинина, „ясно, что с ересью может бороться только государственная власть“ (Старец Филофей, стр. 589—590). Здесь полнейшая путаница. Из послания Иосифа к Нифонту явствует, что именно последнего, а не царя, он считал своей главной опорой в борьбе с ересью: „Глава бо еси всем“. Что же касается рассуждений о „казнях“, то казни еретиков происходили в Новгороде по инициативе Геннадия еще до решительного изменения политики Ивана III.

⁵ ДРВ, т. XIV, стр. 192.

Из мысли о теократическом характере самодержавия, развиваемой Иосифом Саниным, вытекал и следующий практический вывод: подчинение удельных князей власти московского государя. В своем послании к И. И. Третьякову Иосиф Волоцкий усиленно подчеркивал, что Василий III является государем „всех русских земель, государем государь“, в том числе и князю Федору Борисовичу. Он противопоставлял „больших“ царей царям „меньшим“.¹ В своей практической деятельности волоцкий игумен руководствовался именно этим принципом. Он советовал князю Юрию Ивановичу Дмитровскому, одному из покровителей Волоколамского монастыря, во всем подчиняться своему державному брату: „не ведо державному брату своему противитися . . . преклони с извещением главу свою пред помазанныком божиим и покорися ему“.² Поэтому если великий государь был всем государям государь, то Юрий Иванович, хотя ему также „от господа бога дана бысть власть“, — государь всего только в „своем отечестве“.³

Итак, Иосиф Санин в значительной степени изменил свои воззрения на царскую власть, на отношение ее к „священству“ и т. д. Однако надо помнить, что при этом он попрежнему исходил из интересов сильной воинствующей церкви, которая в данный исторический промежуток заключала союз с великокняжеской властью. Это был временный и условный союз: Иосиф Санин и иосифляне поддерживали и освящали власть московского государя до тех пор, пока тот покровительствовал церкви, т. е. боролся с ее идеологическими противниками и защищал ее богатство, что было замечено тогда же современниками.⁴ Временность и условность этого союза наглядно можно проиллюстрировать на отношении Иосифа к монастырскому землевладению в последний период его деятельности. Он по сути дела сохранил целиком свою прежнюю реакционную теорию защиты неприкосновенности монастырских землевладений, на которые обращали взоры не только удельные князья, но и московские государи.⁵

V

Учение Иосифа Волоцкого о теократическом характере власти великого князя и его практические выводы использовались московским правительством в его борьбе с удельными князьями и боярской крамолой за создание сильного централизованного государства. Наиболее четкое изложение этой теории из II послания Иосифа „на еретики“ было впоследствии перенесено в чин венчания московских

¹ „Епископы и игумены и иноцы о церковных обихах от меньших царей и князей к большому царю и князю приходяху, а больше вступалися в вотчину меньших князей, а монастыри и церкви боронили“ (ГПБ, Q. XVII, № 64, л. 230 об.). Ср. письмо к В. В. Кутузову (ДРВ, т. XIV, стр. 138).

² Великие четьи-минеи, сентябрь 1—12, СПб., 1868, стр. 485—486.

³ ДАИ, т. I, № 216. — В другом послании Юрию Ивановичу Иосиф писал: „от сердца подающе любовь богодарованному царю нашему, воздающе ему должная покорения и послушания. . . и работающе ему по всей воли его и по велению его, яко господави работающе, а не человеком“ (Памятники старинной русской литературы, вып. IV, стр. 192).

⁴ Курбский, повторяя Вассиана Косого, писал об „иосифлянах“, которые „всичаски со прилежанием слушають, что бы угодно было царю и властем, сиричь, чем бы выманити имения к монастырем или богатство многое и жити в сладострастиях окверных, ако свиньям“ (Сочинения, т. I, стр. 209).

⁵ Он, например, помещает значительные отрывки из своего трактата в защиту монастырского землевладения в письме к И. И. Третьякову.

государей.¹ Произведениями волоцкого игумена пользовался в ряде своих посланий митрополит Макарий.²

Но реакционная доктрина идеологов сильной воинствующей церкви не могла вполне удовлетворить московское правительство XVI века, защита иосифлянами неприкосновенности монастырского землевладения тормозила процесс укрепления Русского централизованного государства, изживание пережитков феодальной раздробленности. Отсюда понятно двойственное отношение к иосифлянам Ивана Грозного. Этот талантливейший и образованный политический деятель в своих произведениях, которые как бы раскрывают перед нами идеологию московского самодержавия, воспринял только отдельные элементы учения Иосифа Санина о теократическом характере власти московского государя, решительно очистив их от элементов идеологии сильной воинствующей церкви. Временный союз представителей воинствующей церкви с великокняжеской властью не явился каким-нибудь чисто специфическим явлением истории России XVI века; он был характерным явлением эпохи становления абсолютизма в Западной Европе XV и XVI веков и в славянских странах (в частности — Польше). Представители церкви для борьбы с реформационными течениями стараются найти опору в сильном монархе, которого они поддерживают и благославляют на суровую расправу с еретиками.

Союз с представителями сильной воинствующей церкви на Руси сохранялся лишь до тех пор, пока он был необходим московским государям в их борьбе за установление самодержавия. Как только эта задача была выполнена, а практика иосифлянских монастырей (их землевладение) и их теория (о превосходстве духовной власти над светской) вошли в резкое противоречие с теорией и практикой русского самодержавия, — то совершенно естественно, что союз рухнул. Но это произошло уже в эпоху борьбы с Никоном и реформ Петра, когда церковь окончательно была включена в бюрократический аппарат абсолютистского государства.

¹ Ср. ДАИ, т. I, № 39. — Об этом см. у М. А. Дьяконова в его работе „Власть московских государей“ (стр. 109—110). См. также позднейшие памятники подобного рода — чины венчания Федора Ивановича (СГГ и Д, т. II, № 51), Бориса Годунова (ДАИ, т. I, № 145), Михаила Федоровича (СГГ и Д, т. III, № 16).

² См. послание к Василию III (АИ, т. I, № 160).

Н. Н. РОЗОВ

Повесть о новгородском белом клобуке как памятник общерусской публицистики XV века

Повесть о новгородском белом клобуке уже давно была известна историкам и исследователям русской литературы. О ней упоминали в своих работах Евг. Болховитинов,¹ Н. М. Карамзин,² Ф. И. Буслаев,³ А. Н. Пыпин,⁴ А. И. Соболевский⁵ и многие другие историки и литературоведы прошлого столетия. Н. И. Костомаров издал в 1860 году один из списков Повести.⁶ Это произведение вошло во все курсы и хрестоматии по древнерусской литературе, вплоть до современных.

Такой известностью Повесть о белом клобуке обязана прежде всего огромному количеству дошедших до нас ее списков.

Однако рукописное наследство Повести о белом клобуке до сих пор не было никем изучено и о ней не написано ни одного специального исследования. Это можно объяснить только тем, что на Повесть давно и прочно установился взгляд как на произведение антмосковское, децентралистическое, притом заимствованное, компилятивное и позднее окончательно оформившееся лишь в старообрядческой литературе конца XVII века.⁷ Все это, естественно, поставило Повесть о белом клобуке вне интересов как дореволюционных, так и в особенности советских ученых, хотя среди последних это произведение нашло более внимательных и непредубежденных исследователей, по-новому оценивших его идейно-политическое содержание.

¹ Евг. Болховитинов. Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода. М., 1808, стр. 34—40; он же. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина, т. I. СПб., 1827, стр. 115.

² Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. IV. СПб., 1819, Примеч. № 360.

³ Ф. И. Буслаев. Исторические очерки народной словесности и искусства, т. II. СПб., 1861, стр. 274.

⁴ А. Н. Пыпин. История русской литературы, т. I. СПб., 1902, стр. 342.

⁵ А. И. Соболевский. Западное влияние на литературу древней Руси. Вестник археологии и истории, № 11, 1899, стр. 9; он же. Рецензия на книгу В. Н. Малинина „Старец Елеозарова монастыря Филофей и его послания“. ЖМНП, № 12, 1901.

⁶ Памятники старинной русской литературы, вып. 1. СПб., 1860, стр. 287—300. — Это издание было перепечатано Д. Е. Кожанчиковым (Повесть о новгородском белом клобуке и Сказание о хранительном былии, мерзком зелии, еже есть табаце. СПб., 1861).

⁷ Такое мнение высказал известный и авторитетный в свое время историк раскола Н. И. Субботин (Рецензия на брошюру Кожанчикова. Русский вестник, № 5, 1862).

Советские историки и литературоведы увидели в Повести о новгородском белом клобуке не „раскольничью сказку“ (так определял ее Карамзин), не просто русский вариант известной средневековой западноевропейской фальшивки — Псевдоконстантиновой грамоты,¹ а прежде всего произведение, отразившее в себе ряд проблем, связанных с образованием на грани XV и XVI веков централизованного Русского государства.

Акад. А. С. Орлов считал, например, что Повесть о белом клобуке „выражала идею церковной независимости России от греческой метрополии“.²

Н. К. Гудзий, сравнивая Повесть с повестями о Вавилоне и со Сказанием о князьях Владимирских, считает, что она „исходила из тех же тенденциозных предпосылок“.³ Все это дало основание А. С. Орлову, Н. К. Гудзю, а вслед за ними и другим советским исследователям, датировать Повесть о белом клобуке концом XV или началом XVI века.

Литература и публицистика конца XV—начала XVI века — времени образования единого Русского государства, особенно литература областных феодальных центров, — привлекает в последнее время пристальное внимание советских историков и литературоведов. Советские ученые ищут и находят общерусские, центростремительные тенденции в памятниках литературы Тверского княжества, Новгорода, Пскова, что было отражением дум и чаяний широких народных масс, социальных низов упомянутых феодальных „полугосударств“, противостоящих старой феодальной знати. Если последняя всячески, любой ценой, вплоть до сговора с иноземными феодалами, старалась задержать и дезорганизовать процесс объединения Руси, то основная масса населения как названных, так и других русских княжеств с надеждой смотрела на великого князя московского, видела в нем представителя „порядка в беспорядке“, ждала от него, чтобы „был положен конец бесконечным бессмысленным войнам, чтобы прекращены были раздоры феодалов, приводившие к тому, что внутри страны шла непрерывная война“.⁴ Наиболее ярким примером подобной внутривосточной ситуации является Новгород второй половины XV века.

Один из старейших русских городов, крупнейший торговый и культурный центр средневековой Европы, Новгород являл собой в это время картину упадка и заката своей былой славы. Классовая борьба, бушевавшая в Новгороде, до предела обострила социальный антагонизм, дезорганизовала всю внутреннюю жизнь города. По свидетельству летописи, „в то время не бе в Новгороде правде и правого суда и возстаха ябедницы, изнарядиша четы и обеты и целования на неправду и начаша грабити по селом и по волостем и по городу... и бе по волости изъезжа велика и боры частые, кричь и рыдания и вопль и клятва всеми людьми на старейшины наша и на град наш“.⁵

¹ Таковой считали ее почти все дореволюционные ученые, начиная с Н. И. Петрова (О судьбе вена Константина Великого в русской церкви. Труды Киевской духовной академии, 1865, декабрь, стр. 471—491) и кончая А. Д. Седельниковым (Очерки католического влияния в Новгороде в конце XV—начале XVI в. Доклады Академии Наук СССР, № 1, 1929, стр. 16—19).

² А. С. Орлов. Древняя русская литература XI—XVI вв. М.—Л., 1939, стр. 172.

³ Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. Изд. 2-е, М., 1941, стр. 266.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XVI, ч. 1, стр. 443, 445.

⁵ ПСРЛ, т. IV, стр. 124.

Новгородское вече, являвшееся в это время в полном смысле слова фикцией народоправства, служило ареной столкновения двух антагонистических классов — старого феодального боярства, с одной стороны, купечества и ремесленников — с другой. „И бысть в Новегороди молва велика и мятеж мног... и разделишася людие: иinei хотяху за князя, а иinei за короля за литовского“,¹ — так характеризует летописец внутривосточное положение Новгорода во время походов Ивана III. Поддержка новгородскими социальными низами объединительной политики великого князя Московского облегчила и ускорила процесс присоединения Новгорода к Москве.

В решившей судьбу Новгорода битве при Шелони не только основная масса огромного новгородского ополчения, которую составляли „купци и житии людие, мастыри всякие — спроста рещи — плотници и горчары“, не дерзнула „поднять руку против великого князя“,² но и „владычній полк“ — гвардия новгородского архиепископа — не осмелился выступить против общерусской рати Ивана III. И если боярская верхушка Новгорода еще долго, почти до самого конца XVI века, была питательной средой для сепаратистских настроений, то народные массы Новгорода, как и других феодальных центров, сразу и навсегда стали на сторону сильной централизованной великокняжеской власти и никогда после этого ни новгородскому боярству, ни другим антипатриотическим, децентралистическим элементам не удавалось поднять их против Москвы.

Борьба двух антагонистических социальных группировок нашла свое яркое отражение в новгородской литературе второй половины XV века, обусловив появление в ней двух направлений, что сказалось даже в официальной новгородской письменности. Если до этого книжная деятельность архиепископского двора была направлена на обоснование и укрепление антимосковских, областнических тенденций и знаменитому писателю-агиографу Пахомию Сербу заказывались службы и жития местных святых, прославившихся своей борьбой за самостоятельность Новгорода, то теперь тот же Пахомий обрабатывает жития новгородских святых с явно промосковской тенденцией, называя князя Василия Васильевича „великим князем володимирским, московским, новгородским и всея Руси“, а Новгород — его „вотчиной“. Иную трактовку получают также и древние новгородские легенды и предания; не любованием новгородской стариной, не оплакиванием ее, а издевкой над новгородским самоуправлением и его выборной администрацией являются легенды о „перуновой палице“, „варяжской божнице“ и „Повесть о посаднике Щиле“. Наконец в явно промосковском духе перерабатывается житие новгородского святого Михаила Клопского.

К какому же из этих направлений следует отнести Повесть о новгородском белом клобуке, построенную на местном новгородском легендарном и агиографическом материале?

Ответить на этот вопрос можно лишь только после тщательного анализа идейно-политического содержания этого произведения с учетом всего богатства и разнообразия его рукописного наследства.

Автором настоящей статьи было обследовано свыше 250 списков Повести о белом клобуке в книгохранилищах Ленинграда (Государственная Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина, Библиотека Академии Наук СССР, Архив Института истории Академии Наук СССР),

¹ ПСРА, т. IV, стр. 128.

² Там же, т. XXV, стр. 289.

Москвы (Государственная Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Государственный Исторический музей), Киева, Ростова, Калинин, Новгорода, Пскова, Петрозаводска.¹

В процессе работы были обнаружены две новых неизвестных до сих пор редакции Повести, а также Написание архиепископа Геннадия и его Устав, имеющие непосредственное отношение к Повести, и множество вариантов всех редакций.

В полном и окончательном своем виде Повесть о белом клобуке представляется нам сочетанием трех самостоятельных произведений: Посыльной грамоты Дмитрия грека Толмача, собственно Повести и Написания епископа Геннадия.

Первые два — хорошо известны: они вошли в публикации Костомарова и Кожанчикова, их обычно пересказывают в учебниках и публикуют в хрестоматиях по древнерусской литературе. Третье — Написание архиепископа Геннадия — до сих пор не привлекало внимание исследователей;² вероятно просто потому, что опубликованный список Повести о белом клобуке не имел при себе Написания.

Этот интересный эпилог Повести о белом клобуке, являющийся в то же время и самостоятельным литературным произведением, встречается в двадцати девяти из известных нам списков Повести, причем в одиннадцати списках имеется лишь начало его — один и тот же кусок, обрывающийся на полуфразе.³ В двенадцати списках Написание приведено полностью, а в шести заканчивается (иногда просто обрывается) в различных местах.

В полном своем виде Написание является механическим соединением двух различных произведений: первое — собственно Написание архиепископа Геннадия, написанное от его имени, в первом лице; второе — изложение ритуала чествования белого клобука, установленного архиепископом Геннадием, в котором он сам фигурирует в третьем лице.

Наибольший интерес представляет первая, меньшая часть, непосредственно связанная с нашей Повестью и перекликающаяся с Посыльной грамотой Дмитрия Толмача. Здесь Геннадий сначала выражает свое удовлетворение и радость от того, что он „сподобился... извещение прияти о святем белом клобуке, где сотворен бысть и како прииде в великий Новград“, а потом сообщает, что разыскал кое-что („малая некая“) о белом клобуке также и у себя, в Новгороде, в Софийском соборе.

Из этого многочисленного и разнообразного материала Геннадий и составил свое Написание („и сия разстоящая многая и различная... во един собрав своим написанием“), рассказав в нем историю белого клобука, и передал это Написание в Софийский собор. В заключение Геннадий коротко отмечает, что он послал Дмитрия Толмача в Рим и во Флоренцию „неких ради нужных взысканиих“ и по возвращении обильно вознаградил его за успешно выполненное поручение.

¹ С одним списком собрания Карело-Финской базы АН СССР нам удалось познакомиться благодаря любезности В. И. Мальшева.

² За исключением митрополита Макария, который вскользь упоминает о Написании, говоря о первом, старообрядческом издании Повести конца XVIII века, ставшем теперь библиографической редкостью [Макария (Булгаков). История русской церкви, т. VII. М., 1891, стр. 235].

³ В двух списках (ГПБ, Титов. 2075/523; БАН, 33.17.32) этот же кусок употреблен в качестве заглавия всей Повести — он стоит перед Посыльной грамотой; обычное заглавие самой Повести в этих списках отсутствует.

Во второй части излагается порядок установленного Геннадием для белого клобука особого ритуала при богослужениях, а также обряда, совершавшегося в Вербное воскресенье, — шествия „на жребяти осли“ к церкви, основанной архиепископом Василием, по преданию, на месте встречи им белого клобука. После этого шествия устраивалась трапеза для „князей, бояр и нарочитых православных великого Новгорода“, во время которой „велегласно“ читалась „Написания повесть о белом клобуке“. Весь обряд заканчивался пением многолетия „державному государю и великому князю“, а архиепископа торжественно провожали „во своя“ (в описании этих проводов есть текстуальное совпадение с описанием шествия архиепископа Василия в конце Повести о новгородском белом клобуке, что, несомненно, еще больше связывает эти два произведения).

Таково вкратце содержание Написания архиепископа Геннадия.¹

Чтобы не возвращаться в дальнейшем к Посыльной грамоте, выскажем теперь же некоторые соображения, позволяющие не придавать особого значения этой части Повести.

Написанная в манере весьма распространенных в XVI веке книжно-риторических посланий к духовным лицам, Посыльная грамота не оригинальна и по содержанию. При чтении ее невольно приходит на память и известная беседа Дмитрия Герасимова с Павлом Иовием, в которой первый рассказывает второму, — так же как лицо, от имени которого написана Посыльная грамота, „римскому книгохранителю“, — о „благосостоянии“ и о „чудотворцах“ Русской земли, и бывшие в большом ходу во второй половине XVI века рассуждения о „порче“ древнегреческих книг „латинами“ (Иван Пересветов, Максим Грек). Более того, имеется ряд текстуальных совпадений с одним из сказаний о жизни Максима Грека, что было отмечено еще Субботиним. Посыльная грамота имеет также слишком явное сходство и с самой Повестью о белом клобуке: таинственное „Написание“ о белом клобуке, за которым Дмитрий Толмач приехал в Рим, совершает, по словам „римского книгохранителя“, из-за преследования со стороны „латинских людей“ рейсы по тому же маршруту, что и клобук в Повести. Наконец показательна и путаница в отношении лица, от имени которого написана Посыльная грамота. В заглавии он назван „Дмитрием греком Толмачем“ (а таких в начале XVI века известно два — Дмитрий Траханиот и Дмитрий Ларев, или Ралев), но в самом начале текста Грамоты он называет себя „слугой двора“ архиепископа Геннадия, „Митей малым“,² т. е. как будто имеется в виду известный русский переводчик и дипломат, живший в конце XV—начале XVI века, Дмитрий Герасимов, который в молодости носил это прозвище.

Все это вместе взятое говорит за то, что Посыльная грамота — позднее, составленное не ранее середины XVI века, прибавление к Повести о белом клобуке, возникшее под непосредственным влиянием последней, быть может, как попытка выяснить происхождение Повести или с целью придать ей больший авторитет, приписав этому произведению столь древнее, „римское“ происхождение.

Что касается самой Повести о белом клобуке, то прежде всего следует отметить следующее: в результате обследования рукописей

¹ Его полный текст см. в Приложении I, стр. 217.

² В опубликованном Костомаровым списке это место испорчено и читается так: „... Митя много челом бьет“. Все остальные списки исправляют это чтение на „Митя малый челом бьет“.

Повести оказалось, что Костомаров опубликовал не случайный, не первый попавшийся список этого произведения, а довольно исправный список чаще всего встречающейся в рукописях редакции Повести.¹ Эта редакция в литературе получила название „распространенной“, после того как Н. И. Субботиним впервые были сообщены сведения о другой, „краткой“ редакции Повести, которую этот автор, а вслед за ним и другие исследователи, признают первоначальной. Так как имеются основания возражать против этого традиционного мнения, которое до сих пор еще никто не пытался пересмотреть, то мы отказываемся от термина „распространенная редакция“ и будем называть эту редакцию „первой пространной“. Список, привлеченный Костомаровым для сравнения с опубликованным им текстом Повести,² оказался списком другой, еще более обширной редакции Повести, которую впредь будем называть „второй пространной“ (нам удалось обнаружить еще пять списков этой редакции). Обе пространные редакции, довольно близкие друг к другу и наиболее полно раскрывающие содержание Повести о белом клобуке, и будут нами рассмотрены подробно, так как и краткая,³ а также вновь обнаруженная и названная нами „кратчайшая“ редакция, не имеют самостоятельного значения, будучи простым сокращением второй пространной редакции.

Обратимся теперь к анализу содержания двух пространных редакций с целью определения источников Повести о белом клобуке и методов использования этих источников составителем Повести, чтобы таким образом подойти к анализу идейно-политического содержания этого произведения. Последнее является необходимым условием для датировки Повести, для определения ее места среди памятников древнерусской литературы, а также для характеристики и датировки ее отдельных редакций.

Прежде всего несколько замечаний о композиции Повести о белом клобуке; попутно напомним и содержание этого произведения.

Все произведение четко делится на четыре основные части, соответствующие четырем хронологическим этапам повествования. Каждая из частей Повести построена по одному и тому же плану: вначале упоминанием каких-либо легендарных или исторических личностей указывается датировка данной части, затем излагаются события, связанные с этими личностями, и все заключается описанием какого-нибудь эпизода, логически завершающего развитие этих событий и резюмирующего содержание этой части.

Первая часть, начинающаяся с имен римских императоров Максентия (305—312) и Константина (306—337), относит начало Повести к IV веку н. э. В этой части рассказывается эпизод из жизни Константина, имевший своим следствием легализацию христианства и появление белого клобука, история создания которого рассказана особенно подробно. Финал этой части — описанный до мельчайших подробностей церемониал возложения на Сильвестра белого клобука — завершает как цикл торжественных чествований Сильвестра, являясь апофеозом победы христианства над язычеством, так и историю „сотворения“ белого клобука. Вторая часть вводится именами „царя

¹ Рукопись ГПБ, Q. I-262.

² Рукопись ГПБ, Погод. 1350.

³ Один из списков краткой редакции был опубликован А. А. Назаревским в „Отчете о занятиях в Воронежском губернском музее“ (Университетские известия, Киев, № 7, 1912, стр. 31—40).

Карула“ и папы Формоса (891—896), рассказывает об их отступлении от „правых веры“, о непочтении римских пап к белому клобуку, о неудавшейся попытке его уничтожить. Финалом этих событий является эпизод отправки клобука в Византию, который завершает приключения клобука на данном хронологическом этапе. Ко второй части Повести по смыслу и содержанию относится также подробное описание болезни и смерти римского папы, помещенное в следующей, третьей части.¹ По мысли автора Повести все это является не только карой за непочтение святыни, но и символизирует предел морального падения католической церкви. Третья часть, начинающаяся упоминанием константинопольского патриарха Филофея (1355—1377) и царя Ивана Кантакузина (1341—1355), рассказывает о событиях, связанных с этими лицами, и завершается эпизодом отправки клобука на Русь. В финале этой части, являющемся кульминационной точкой всего произведения, раскрывается, наконец, смысл всех приключений белого клобука, его символика и предназначение. Наконец четвертая, последняя часть переносит нас в Новгород XIV века и описывает события, связанные с упомянутым в ее начале архиепископом Василием (1330—1352). Финалом этой части и всей Повести является описание торжеств в Новгороде по случаю прибытия белого клобука на Русь, народного ликования по этому поводу и распространения о нем славы по всей Руси.

Все четыре части Повести следуют друг за другом в четкой последовательности. Каждая часть логически связана с предыдущей и последующей. Все события Повести рассказаны равномерно, без скачков, переходы между отдельными частями оформлены религиозно-нравоучительными тирадами, все части Повести связаны единым сюжетным стержнем — историей приключений белого клобука. Композиционное единство Повести сопровождается и усиливается единством стиля и языка — применением одних и тех же стилистических приемов, постоянным повторением одних и тех же образов, что значительно растягивает и однообразит повествование, но усиливает его композиционное и стилевое единство. Особой стройностью и законченностью композиции, единством языка и стиля отличается первая пространная редакция, что дает основание считать эту редакцию произведением авторским, написанным от начала и до конца одним человеком и дошедшим до нас без существенных изменений, без всяких „наслоений“. Стройность композиции второй пространной редакции нарушена непомерным развитием финала первой части; здесь налицо уже явно позднейшие вставки — „наслоения“.

Откуда же составитель Повести о белом клобуке черпал материал для своего произведения? Каковы источники Повести? Решить эту задачу отчасти помогает нам сам составитель.

Во-первых, он подчас плохо заделал грани между отдельными частями своего произведения, соответствующими его отдельным источникам; во-вторых, в пространном заглавии Повести автор ее прямо указывает некоторые источники, которыми он пользовался.²

¹ Такое перемещение является своеобразным композиционным приемом, часто встречающимся в народном творчестве, например в сказках, когда рассказ то и дело возвращается назад, к событиям и героям, о которых шла речь раньше.

² Не лишено значения, что это весьма пространное заглавие тщательно и целиком приводится во всех списках как первое, так и второй пространной редакций, что дает основание считать его исконной и обязательной принадлежностью Повести.

Все заглавие состоит из пяти фраз: 1) „От истории римския повесть веления царского и чина святительского чюдна зело“. 2) „Написана вкратце от части жития благоверного царя Константина римского“. 3) „И о сотворении святительского белого клобука“. 4) „И откуда начало прияша архиепискупи великаго Новаграда, еже носити на главах своих, а не яко же прочии митрополити и епископи“. 5) „Зде же о сем известно сказание имать“.

Первые две фразы легко объединить — обе они являются указаниями на определенные источники: на знаменитую подложную „Константинову грамоту“, содержание которой здесь кратко, но четко сформулировано („царское веление“ о „святительском чине“), и на житие Константина, вернее на какую-то часть его, использованную не целиком, а „вкратце“. Эти фразы, взятые вместе, дают определение одному из составных элементов Повести, который мы имеем основание назвать „римским“, так как это слово подчеркивается в обеих фразах. Третья фраза говорит о „сотворении“ белого клобука; тут нет ссылки не только на „римское“ происхождение этой части Повести, но вообще отсутствует указание на какой-либо источник. То же самое и в четвертой фразе, где прямо говорится о происхождении новгородского обычая — ношения местными архиереями, в отличие от остальных русских митрополитов и епископов, белого клобука. Эти две фразы также легко объединить, так как в них речь идет об одном и том же — о белом клобуке, история которого от момента „сотворения“ до прибытия в Новгород составляет содержание второго, основного элемента Повести. Этот последний, в отличие от первого, „римского“, заимствованного, мы будем рассматривать как оригинально-русский элемент, как продукт собственного творчества автора Повести, что постараемся в дальнейшем доказать.

Наконец пятая, последняя фраза просто резюмирует все заглавие, связывает его с самой Повестью, что является чисто стилистическим приемом.

Постараемся теперь установить наличие этих, указанных в заглавии, составных частей произведения, определить их взаимоотношения, удельный вес каждой в идейно-политическом содержании Повести.

Уже из заглавия ясно, что Повесть о новгородском белом клобуке не является лишь русским вариантом Псевдоконстантиновой грамоты (*Donatio Constantini*), но включает в себя на равных основаниях и другой „римский“ источник — Житие Константина, а главное — оригинальный русский источник — местное новгородское предание. Сразу же становится очевидной и несостоятельность предположения некоторых ученых о привозе всей Повести целиком из Рима, так как допустить существование в Риме записи новгородской легенды совершенно невозможно.

Итак, два источника первого элемента Повести указаны в ее заглавии: это Псевдоконстантинова грамота и Житие Константина. Старейший из известных русских списков Псевдоконстантиновой грамоты, относящийся к XV веку, имеется в рукописи БиЛ, Унд. 1;¹ в качестве древнейшего списка Жития Константина возьмем его изложение в Ве-

¹ Он опубликован в статье А. Павлова „Подложная дарственная грамота Константина Великого папе Сильвестру в полном греческом и славянском переводе“, откуда в дальнейшем будут взяты нами цитаты Грамоты (Византийский временник, т. III, вып. 1, 1896, стр. 59—87).

ликих четых-минях.¹ Сравним тексты этих двух произведений с текстами обеих редакций Повести.²

Вот как выглядит начало Повести (в обеих пространных редакциях) в сравнении с соответствующим местом Жития Константина.

Повесть

По смерти убо нечестиваго царя Максентия на христиан гонение преста и бысть тишина велия. Человецы же живущии в Риме и окрестнии, аще и неверием одержимы бяху, но веселием и радостию великою венчавше град свой. Восприяша же с похвалами на царство великаго и славнаго Константина, спаса и благодателя нарицающе его. Богоспешный же царь Константин прием римский скипетр. . .³

Житие Константина

Жители еже римстии, . . . избывше лукаваго Максентиева мучения, град венчавше. Восприяша с радостию великою и с похвалами победителя Христа и великаго царя Касьянтина, спаса и благодателя нарицающе и сице на христианы преста брань. Богоспешный же царь Костянтин приим Рим. . .⁴

Далее в Житии Константина описывается амнистия христианам, восстановление христианских и разрушение языческих храмов — все то, что в Повести идет позднее, после крещения Константина, но близость обоих текстов сохраняется.

Приведенные цитаты достаточно убедительно свидетельствуют о том, что в основе первой части Повести и четых-минейного Жития Константина лежит один и тот же источник — текст Жития Константина, прошедший до того, как он попал в приведенные списки, ряд трансформаций, но от которого как в Повести, так и в Житии остались отдельные идентичные выражения и словосочетания.

Следующие эпизоды Повести — крещение Сильвестром Изумфера, жалоба на него Замбрии и постигший вследствие этого Сильвестра „гнев царев“ — в Житии Константина и в Псевдоконстантиновой грамоте отсутствуют, и естественно предположить их заимствование из Жития Сильвестра. Но недаром этот источник не упомянут наравне с другими в заглавии Повести: в Житии Сильвестра⁵ об этих событиях ничего не говорится, кроме упоминания эпизода „воскрешения“ быка, о котором в Повести сказано глухо, с обещанием рассказать в другом месте: „о сем убо инде скажем“;⁶ в Житии Сильвестра этот эпизод рассказан весьма подробно, выделен особым заголовком, и в нем фигурирует знакомый нам по Повести Замбрий.⁷

¹ По подлиннику (майский том Великих четых-миней), хранящемуся в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, с дарственной записью на первом листе, являющейся, по нашему мнению, автографом митрополита Макария (рукопись ГПБ, Соф. 1321, лл. 453—462 об.).

² Текст первой пространной редакции в дальнейшем будет цитироваться по одному из наиболее близких к архетипу и исправных ее списков. Это — отдельная рукопись конца XVI—начала XVII века (ГПБ, собр. Археол. общ. 22); текст второй пространной редакции цитируется по списку XVIII века (ГПБ, Тихан. 591), весьма близкому к архетипному списку этой редакции начала XVII века (дефектному, без конца — БАН, 19.2.14).

³ Рукопись ГПБ, собр. Археол. общ., л. 2.

⁴ Рукопись ГПБ, Соф. 1321, л. 456.

⁵ Великие четых-миней, январь, тетр. 1. М., 1910, стр. 67.

⁶ В двух списках Повести (ГПБ, Титов. 2075/523; БАН, 33.17.32) переписчик заменил эту отсылку прямой ссылкой: „о сем убо в Житии святого Сильвестра пишет“.

⁷ В Великих четых-минях, под вторым января, имеется еще весьма пространное „Деяние св. Сильвестра“. Содержание его довольно интересно. В самом начале говорится, что оно было составлено Евсевием и переведено с греческого на латинский язык (латинский перевод был напечатан впервые в 1474 году в Милане Мом-

Следующие события — история болезни Константина — описаны в названных автором в заглавии источниках Повести — Псевдоконстантиновой грамоте и Житии Константина. Приведем опять параллельные цитаты, чтобы убедиться, к какому же из этих источников ближе текст нашей Повести.

Повeсть

В седьмое убо лето царства своего царь Константин в слоновую проказу впаде, уязвен бысть по всему телу и оступив лежаше, едва дыша. И мнози чаровницы и волсви приходяще не точию от римлян, но и от перс приведены, искусни сущи врачевстей хитрости и не успеха ничтоже сотворити. Но паче на горшее приведше и мало не прелестиша царя лукавия, рекоша сице: подобает царю купели быти в Капитолии римстей исполнитися чистых перворожденных младенец кровию мужеска полу. И горящею кровию измытися тебе и живот получитьи, а телеса младенческая дати на жертву богом.¹

Житие Константина

Се же бе самое лето царства Кастянтина, но понеже несведом божественного крещения дотоле сый божественный Кастянтин, что бывает на нем страшное видение: в осьпную проказу впад, уязвен бысть по всему телу и люте оступев одва дыша лежаше. Волсви же и чяровнице не точию,² но и от перс приведени искусни врачевския хитрости и ничьсо же успевше, но паче вредивше и на горшее ишедшее сотворити, яко се не подобно творении льстими славими мудри елини и дияволи поспешницы приснии и за малым не прельстиша проноривии, яко се рекоша они страстни: подобает купели быти в Капетоли римсте, исполнити же ся еи негленных детии кровию, в не же горящии еще и яко се курящися измывшуюся ему в ней моци очистися.³

Количество текстуальных совпадений оказалось прямо пропорциональным объему этих цитат: наиболее подробно события описаны в Житии Константина и в Повести — между ними и наибольшее число совпадений. Отметим некоторые, наиболее существенные из них: аналогичное указание времени заболевания Константина — на седьмом году его царствования, буквально совпадающая аттестация „волхвов“ и „чаровников“, оборот „но паче на горшее приведше...“ и т. д. В Псевдоконстантиновой грамоте эти события изложены совсем кратко, и между Повестью и Грамотой не только почти нет текстуальных совпадений, но есть и довольно значительные различия. Например, совет исцелиться младенческой кровью дают царю в Грамоте не врачи или „чаровницы“, но „служебницы полатнии“; произойти все это должно не в Капитолии, а в „полатном жертвище“.⁴

Вывод ясен: и в этом отрывке составитель Повести использовал Житие Константина. Грамота в этом куске Повести оказалась также неиспользованной; использование ее начинается со следующего эпизода Повести.

бранием в „*Legendarium sive Acta Sanctorum*“, а греческий текст — в 1660 году в Париже Комбрефисом в „*Illustrium Christi martyrum lecti triumphales*“; в основу данного, четь-минейного текста „Деяния“, как прямо говорится в последнем, лег латинский текст. Содержанием этого „Деяния“ являются споры Сильвестра с евреями, ряд вероучителей которых, во главе с тем же Замбрией, назван по именам. Нашу повесть это „Деяние“ напоминает весьма отдаленно, хотя там названо, например, то же место, куда скрылся Сильвестр, что и в Повести, — „гора Сарафо“ (греч. *Σαραφίου βρος*), переведенное в повести более удачно — „Сарепийская гора“ или гора „Сорепна“, чего нет ни в Житии Константина, ни в Грамоте. „Деяния“ Сильвестра оказали явное влияние на один из вариантов первой пространной редакции (Рукопись ГИМ, Муз. 2909, лл. 573—607).

¹ Рукопись, л. 3 об.

² Здесь, очевидно, пропущены слова „от римлян“.

³ Рукопись, лл. 456—456 об.

⁴ Византийский современник, т. III, вып. 1, стр. 65.

Повесть

Псевдоконстантинова грамота

Тому же убо дне мимошедшу и ношному безмолвию пришедшу явистася царю во сне апостоли Петр и Павел глаголюще: понеже грехом не восхотел еси исполнити и проляти крови неповинных возгнушася, и от Христа господи и бога нашего послани есмы дати тебе спасение образ, имже здравие получиши. Послушай убо нашего заповедания и сотвори еже ти повелеваем...¹

Тому днви мимошедшу и ношному безмолвию мне пришедшу... престаша святии апостоли Петр и Павел мне глаголюще: понеже грехом не простил еси исполнитися и пролитиа возгнушатися неповинных кровий, от Христа и бога нашего послани есмы дати тебе совет, им же здравия получиши. Послушай убо нашего заповедания и сотвори еже ти повелеваем...²

Совпадение этих двух отрывков, как мы видим, почти буквальное; в Житии же Константина начало этого эпизода описано так: „той же ноши виде царь видение, в ней же явистася ему святая апостола Петр и Павел глаголюща: ве есве посланая от владыкы бога дати ти спасения образ...“³

Итак, роли рассматриваемых нами двух источников Повести переменились: если до сих пор изложение событий в Грамоте совпадало лишь с сюжетной канвой Повести, а подробности были заимствованы из Жития Константина, то, начиная с этого эпизода, Житие Константина становится канвой Повести, а подробности заимствуются из Псевдоконстантиновой грамоты, причем почти буквально. Последнее позволяет сделать следующий вывод: если начало Повести лишь восходит к общему с четь-минейным Житием Константином источнику, то теперь составитель Повести пользуется уже непосредственно Грамотой и имел в своем распоряжении список последней, весьма близкий к тому, который мы цитируем.

С момента включения в Повесть Псевдоконстантиновой грамоты начинаются расхождения между первой и второй пространными редакциями, которые до сих пор были весьма близки друг к другу. Это обстоятельство объясняется теперь просто: во второй пространной редакции Грамота использована в большей степени, чем в первой, где некоторые эпизоды, содержащиеся в Грамоте, либо сокращены, либо опущены. Вообще в первой пространной редакции имеется явная тенденция к ограничению риторичности и многословия, свойственных Псевдоконстантиновой грамоте, в то время как во второй пространной редакции риторичность Грамоты даже усиливается.

Вот как, например, приводятся заключительные слова апостолов в первом видении Константина:

Грамота Константина

Ему же бывшу, таковое воздание воздай иже спасителю своему, еже твоими повеленми елико по всей вселенней церкви обновляти. И ты же себе всей чести⁴ очисти, да всего многобесна идолского отступив, единому живому

Первая пространная редакция Повести

И егда же от святителя сию благодать примеше, воздаждь ему воздарение честно, да по всей вселенней твоими повеленми церкви православных обновятся священною лепотою и да прославится в них имя великаго бога

Вторая пространная редакция Повести

Сему же бывшу, иже от святителя сию благодать воспринмеш и таковому здравию тебе сподобашуся, воздаждь святителю благодарение честно и славу спасителю богу. Потом же твоими повеленми елико по всей вселенной церкви

¹ Рукопись, л. 4.

² Византийский временник, стр. 66.

³ Рукопись, л. 456 об.

⁴ Очевидно „всего чисте“ или „честно“.

истинному богу, иже есть един истинный, веруешь и поклоняешься и того исподняешь хотение.¹

и спаса нашего Иисуса Христа.²

православных обновлятися повели, священную лепотою украситися устрои и да прославитися в них имя великаго бога и спаса нашего Иисуса Христа. И ты же себе всего чиста очистити и всего многобесия идолскаго отступив, единому живому истинному богу, еже есть един бог истинный, веруеши поклонитися ему и того хотения во всем да исполниши.³

Следующий эпизод — встреча царя с Сильвестром и их диалог — изложен в обеих пространных редакциях почти одинаково и опять ближе к Житию Константина, а не к грамоте (часть диалога, например, буквально заимствована из Жития). Приведем опять цитаты, на сей раз более обширные, так как в изложении этого эпизода очень хорошо обнаруживается метод работы составителя Повести.

Житие Константина

Повесть

Псевдоконстантинова грамота

Посла абие к блаженному Селивестру. . . яко же повелено ему есть. Со всякою честию прити ему повеле. И вшедшу ему востав царь, первые целова и глаголя: здрава тя приимше радуемся. И святыи Селивестр отвеща: мир ти с небесе и победа да дастся. Тогда честный царь Константин рече ему о видении глаголя: во сне два некая мужа являшимися Петр и Павел глаголемая — яvista ми вся, еже о тебе. И се пришел еси — крестити мя и очисти мя. Но молю тя, епископе Селивестре: аще еста у тебе некая ею образ, покажи ми я и сотвори ми ею явлена образа, да разумею, аще еста рекша ми от бога послана быша. Ею же образа абие святыи-тель принес Селивестр и виде а царь и познав, начат вопити и глаголати: воистину ничсоже истиннее образу сею, ею же воображение и зрак видения узрех! Та ми рекоста: послани к Селивестру епископу и покажет ти купель спасения, в ней же измывся получиши своих струп здравие! Бла-

От царя Константина взысканию бывшу велику о епискупе и обретоша его со всякою честию и приведоста пред царя. И яко убо вниде епискуп в палату, царь же восста и первые целова его и рече: здрава ты приимши радуемся, честный отче. Селивестр же рече: мир тебе, сын,⁴ се дастся и победа. Царь же сказа ему о видении: некая, рече, два мужа ношью во сне явльшумися — Петр и Павел нарицаемита себе имяна — и возвестита ми яже о тебе. И се пришел еси, сотвори о мне, еже имаши от бога дар и очисти мя от болезни моея. Но и еще молю тя, святыи епискупе: повеждь ми, кто суть божи Петр и Павел имянуеми? Имаши ли у себе образы явльшихся мне и да покажеш ми их и сотвори ми ею явлены, да разумно ми да будет, аще воистину от бога посланным им быти. Селивестр же рече: не истина суть еже тех боги именовати, но апостоли суть господа нашего Иисуса Христа и по том всякия чести достойны. И отцу

Поискав и призвав изрядного и великолепнаго отца соборнаго папу, нас просветившаго Силвестра, вся ему яже от святых апостол повеленныя ми глаголы явих. Вопросих же его: кто суть божи Петр и Павел именуеми? Глаголаше он: не по истине тех боги именовати, апустолы же спаса нашего Иисуса Христа быти крепляшешся. Паку начах вопрошати блаженешаго папы: аще явлены сих апостол образы суть, яко да от писания возможем разумети, елико мощно онем быти, их же откровением научихомся. Тогда он, всякою чести достойный отец, божественных апостол образы принести своему диакону повеле. Их же виде и лица оных, их же во сне узрев, на иконах познав, великим гласом пред моими князьми же и велможами исповедах сех оных быти, иже во сне явльшихмися. К сим же блаженейший сий отец наш Силвестр, града римскаго епискуп, время заповеда покаания, в едином вретидем одеяну в нашей

¹ Византийский временник, стр. 66—67.

² Рукопись, л. 4 об.

³ Рукопись, ГПБ, Тихан. 591, лл. 7—7 об.

⁴ В остальных списках этой редакции — „с небеси“.

женный же святыи Селивестр седм дний пост царевн держати повелев и заповеди и милостыня творити проповедав. Благословивый сотворивый оглашена, отыде от него¹

Селивестр божественных апостол образы своему диакону повеле принести. Узрев же их царь на иконах и позна и пред своими князьми и велможамн исповеда и начат вопити и глаголати: воистину сих в видении узрих, ти мне глаголаста: послн ко епископу Селивестру, той ти покажет купель спасения. И паде пред ногама епископу. Блаженный же Селивестр воздвиг его и поучив от божественных писаний и заповеда ему поста прияти седмь дней и во едином вретнн одеяну быти и милостыню творити повели и благословив его, сотвори оглашена и отойде.²

полате, именуемой Латерана, да да все, яже...³

Далее в Псевдоконстантиновой грамоте следует отрывок, целиком включенный во вторую пространную редакцию, после которого идет эпизод крещения.

Совершенно очевидно, что автор Повести, сочиняя этот эпизод, имел перед собой и Житие и Грамоту. В обоих этих источниках одни и те же события изложены одинаково кратко, сухо и бесцветно, с протокольной фиксацией отдельных мелких подробностей и речей действующих лиц. Автор Повести изложил этот эпизод более подробно и красочно, сочным и понятным языком, но использовал некоторые детали, а также речи действующих лиц как из Жития, так и из Грамоты. Получилось так, что этот эпизод, с одной стороны, заимствован, а с другой — является оригинальным творчеством автора Повести. О поисках Сильвестра в Житии ничего не говорится, а в Грамоте только упоминается. Составителю Повести пришлось целиком сочинить первую часть разбираемого эпизода, так как этого требовала стройность и логичность изложения всего произведения: читателю известно, что Сильвестр скрывается в горах и „призвать“ его просто нельзя, а требуется „взыскание велие“, чтобы найти его и привести к царю. Встреча Сильвестра с царем и их взаимные приветствия полностью взяты из Жития, так как в Грамоте их нет. В рассказе царя о своем сновидении автор Повести объединил элементы из Жития (собственно рассказ) и Грамоты (вопрос о том, что за „боги“ Петр и Павел), и получился стройный, законченный диалог: царь рассказывает, спрашивает, получает обстоятельный ответ на свой вопрос и просит показать ему изображения апостолов. Сцена показа икон апостолов описана также в обоих источниках, но в Житии слишком витиевато, а в Грамоте — слишком кратко. Автор Повести вкладывает в уста Константина фразу собственного сочинения, удачно гармонирующую с общей динамичностью этого момента, подчеркнутой в обоих источниках (увидев иконы, царь „нача вопити и глаголати“). Наконец, заключительное поучение Сильвестра автор Повести берет из Жития, лишь несколько расширив его.

¹ Рукопись, лл. 456 об.—457.

² Там же, лл. 4 об.—5.

³ Византийский современник, стр. 67—68.

В заключительной части этого эпизода во второй пространной редакции опять вставлен значительный кусок Псевдоконстантиновой грамоты. Дальнейшие события — крещение и исцеление Константина — в обеих пространных редакциях изложены также по Житию, а не по Грамоте, и этим эпизодом заканчивается использование Жития Константина в Повести о новгородском белом клобуке.

Итак, в первой, компилятивной части Повести о белом клобуке ее автор использует в одинаковой степени и Житие и Грамоту, заимствуя выразительные средства как того, так и другого, объединяя и растворяя эти источники в своем творчестве.

Описанием легализации христианства заканчивается первая половина первой части Повести, и здесь мы обнаруживаем „грань“, так как изложение дальнейших эпизодов идет несколько по-иному. И если без особого труда удастся определить источники первой половины этой части Повести, то дальше дело обстоит гораздо сложнее.

Перейдем теперь к изложению событий, определенных в заглавии Повести как история „сотворения святительского белого клобука“. Напомним, что описания этих событий нет ни в Житии Константина, ни в „Деяниях“ Сильвестра. В Псевдоконстантиновой грамоте написанной, как известно, от его имени, в первом лице, об этих событиях говорится так:

„И венцем, имже от главы нашае ему подахом златом честнейшим и каменми... должен ест одеватися и на главе носити во славу божию о чести блаженаго Петра. А понеже той блаженнейший папа, понеже венец клирический, еже на главе пострига, его же о чести имеет блаженного Петра, не хотяше, еже от злата носити венец, мы венец место сего лицем белейшим, светлое воскресение господне назнаменоваше, священнейшому его верху своими руками возложим“.¹

В Повести же все эти события рассказаны чрезвычайно подробно, с привлечением множества эпизодов, подчас до мелочей детализированно. На большинство этих деталей и эпизодов, имеющих в Повести, в Грамоте нет и намека (например описание пира в честь Сильвестра, второе видение Константином апостолов, история создания белого клобука и до мельчайших подробностей описанная церемония вручения его Сильвестру). Сочинено ли все это составителем Повести, или откуда-нибудь заимствовано? Нам кажется, что здесь есть и то и другое, но элементы заимствования здесь настолько ассимилированы творчеством составителя Повести, что их почти невозможно установить. Лишь весьма немногие отдельные детали и подробности несут на себе неясные следы использования какого-либо источника. Так, например, в описании проводов Константином Сильвестра после пира фигурируют какие-то „председания с конми“, на которые царь сажает епископа (некоторые, более поздние переписчики Повести заменили эти непонятные „председания“ словом „колесница“). Эта деталь дает основания предполагать, что весь этот эпизод Повести был откуда-то взят ее составителем, причем данная подробность была им не понята, что сделало ее непонятной и читателю.

Зато описание „сотворения“ белого клобука явно сочинено в Новгороде, так как сделано с натуры с того самого клобука, который носил архиепископ Василий,² в то время как в Псевдоконстантиновой

¹ Византийский временник, стр. 78—79.

² В 1946 году при раскопках в Мартирьевской паперти Софийского собора в Новгороде было обнаружено погребение архиепископа Василия. В гробу, кроме остатков одежды (епископского облачения особого типа — тех самых „крестчатых риз“ — поли-

грамоте этот головной убор определенно и неоднократно назван „венцем“ (στειφανος), т. е. скорее короной, митрой, но во всяком случае не мягким монашеским клобуком, закрывавшим, в отличие от короны или митры, всю голову.

Чем же все-таки отличается эта вторая половина первой части Повести от ее начала? Почему между описанием легализации христианства и описанием „сотворения“ клобука нами отмечается незаметная на первый взгляд грань?

Начало Повести — все изложение ее до отмеченного нами момента — является не более, как компиляцией из двух источников, установить которые, как мы убедились, не представляет большой трудности. Во второй же половине первой части Повести используется лишь один из этих источников — Псевдоконстантинова грамота. Но использование этого источника в данной части Повести резко отличается от предыдущей: здесь уже не компиляция, а ассимиляция, и если отбросить маловероятное предположение о том, что в этой части был использован еще какой-то, неизвестный нам источник, то вся эта часть представляется намвольной импровизацией составителя Повести на мотивы Псевдоконстантиновой грамоты.

Приведем один из эпизодов этой части Повести, иллюстрирующий приемы этой импровизации, чтобы убедиться, как искусно использовал автор Повести неясные, глухие и краткие намеки на некоторые обстоятельства взаимоотношений Константина и Сильвестра, содержащиеся в Псевдоконстантиновой грамоте.

Сюжетная схема этого эпизода в Грамоте такова. Константин предлагает Сильвестру царский венец; Сильвестр отказывается, ссылаясь на то, что он носит „венец клирический от чести св. Петра“, да еще „на главе пострига“, т. е. будучи монахом; после этого царь возлагает на Сильвестра „венец лицом белейшим“. Автор Повести из этого одного эпизода сделал несколько. Предложение царя и отказ Сильвестра, о чем так кратко сказано в Грамоте, он развернул в значительный по объему эпизод; по ходу действия Сильвестр, отказ которого „оскор-

ставрона, который митрополит Феогност, по свидетельству летописей, пожаловал архиепископу Василию), были обнаружены остатки клобука: 23 жемчужины, бирюзовые, розовые и золотые бусины, наконец, две ленты „рясны“, сделанные из серебряного кружева. Таким образом клобук, который носил архиепископ Василий, был на самом деле белым, „плетеным“, „тричастным“, как про него говорится в Повести, и совершенно необычным не только по цвету, но и по роскошному оформлению: из серебряного кружева, с расшитыми шелками медальонами — изображениями святых, обильно украшенный жемчугом, с кистями на концах „рясы“. Такой необычайный головной убор мог действительно дать повод к легенде. Сравнение этих остатков с клобуком, который некогда хранился в Софийской ризнице и считался принадлежавшим архиепископу Василию, с полной очевидностью показывает, что последний был довольно точной, но менее роскошной копией клобука архиепископа Василия: он был связан из белого шелка и не с семью, а лишь с четырьмя изображениями — медальонами — на каждой „рясе“. Об этих раскопках см. в вып. XXIV „Кратких сообщений ИИМК“, в статьях А. А. Монгайта (стр. 92—104) и Л. И. Якуниной (стр. 105—107); с мнением последней, что раскопано было погребение архиепископа Симеона, а не Василия, трудно согласиться после тех доказательств, которые привел в своей статье Монгайт (стр. 102—103). Подробное описание белого клобука, якобы принадлежавшего архиепископу Василию, имеется в „Археологическом описании церковных древностей в Новгороде и его окрестностях“ архиепископа Макария (М., 1860, стр. 343—357). Его внешний вид воспроизведен в альбоме „Древности Российского государства“ Ф. Г. Солнцева (т. I, 1849, № 94). В настоящее время в Новгородском музее выставлен белый клобук неизвестного происхождения — также вязанный, но без всяких украшений и даже без „рясы“. Это, очевидно, один из четырнадцати белых клобуков, которые хранились в Софийской ризнице во времена Макария.

бил“ царя, произносит довольно большой по объему и риторически законченный монолог о монашеском смиреннии, т. е. о том же, чем кратко мотивируется отказ его от венца и в Грамоте. Следующий эпизод — пир в честь Сильвестра — сочинен составителем Повести; в Грамоте на него нет и намека; награждение Сильвестра „белейшим венцем“, о чем очень кратко сказано в Грамоте, развернуто автором Повести в четыре эпизода: сонные видения царя, собственно „сотворение“ клобука, видение Сильвестра и, наконец, церемониал возложения белого клобука.

Так, по канве Псевдоконстантиновой грамоты автор Повести создает „хитросплетенный“ по всем правилам агиографической литературы узор своего повествования.

Не случайно и изменение стиля изложения Повести, которое во второй половине первой части ее явно замедляется: в рассказ включаются различные религиозно-нравоучительные сентенции и отступления, вводятся диалоги действующих лиц. Различные „видения“ и „гласы“, употребляемые до сих пор в умеренном количестве и обычно кстати, там, где они действительно нужны для развития действия, начиная с этой части Повести сопровождают чуть ли не каждый шаг действующих лиц, чрезвычайно растягивают и однообразят изложение Повести. Все это является несомненно отражением индивидуальности, особенностями литературной манеры составителя Повести — не очень искусного литератора, но человека, начитанного в области церковно-исторической и агиографической литературы. Начав свое произведение компиляцией из нескольких источников (Житие Константина и Псевдоконстантинова Грамота, Житие и, возможно, „Деяния“ Сильвестра), он переходит к импровизации на сюжет одного из этих источников — Грамоты, чтобы затем развернуть во всю ширь уже свое собственное творчество. Рассмотренная нами вторая половина первой части Повести — история „сотворения“ белого клобука — и является, по нашему убеждению, вторым этапом, второй формой творчества составителя Повести, и в этом ее коренное отличие от первой половины.

Заключительной фразой импровизации составителя Повести на мотивы Псевдоконстантиновой грамоты является следующая, буквально взятая из последней, фраза: „Идеже бо святительская власть и христианскаго благочестия глава небесным царем установлена бысть — недостойно есть тамо власть имети земному царю“, и этой фразой заканчивается использование Псевдоконстантиновой грамоты в первой пространной редакции Повести.¹

Во второй пространной редакции этой фразой вводится значительный по объему кусок Грамоты, вставленный почти буквально, лишь с перемещением эпизодов и с пропусками отдельных, обычно не очень значительных фраз. Эта вставка значительно меняет, как мы укажем ниже, идейно-политическое содержание Повести, резко обособляет вторую пространную редакцию от первой. После вставки во второй пространной редакции также сообщается об отъезде Константина в Византию, и этим заканчивается в обеих редакциях первая часть Повести, охватывающая события, хронологически совпадающие с периодом царствования Константина Великого.

Следующие события, изложенные в Повести, связаны уже с более поздним историческим периодом, с новыми именами и с новыми ситуа-

¹ После этого кратко отмечается лишь, что, передав Сильвестру Рим с соответствующим „написанием“, Константин удаляется в Византию.

диями, на фоне которых рассказана дальнейшая история белого клобука. Между этими событиями и предыдущими — хронологический скачок,¹ вторая и на сей раз ошутимая грань, что дает основания считать это место концом первой, „римской“ и началом второй, русской части Повести, к выяснению источников которой мы сейчас и перейдем.

Эта часть начинается своеобразным экскурсом в область истории церкви. Рассмотрим этот экскурс и постараемся выяснить его источники.

В самом начале второй части Повести упоминаются „царь Карул“ и папа Формос. Если последний и имеется в списке римских пап (это имя носил лишь один из римских пап), являясь, таким образом, личностью исторической,² то первый, „царь Карул“, требует выяснения своего прототипа, так как в числе римских императоров не было ни одного с этим именем. Зато имя „царя Карула“ встречается во многих древнерусских исторических и церковно-полюемических произведениях, так же как в Повести о белом клобуке, рядом с именем папы Формоса. Взаимоотношения их описываются в этих произведениях в двух вариантах: иногда „царь Карул“ непосредственно связывается с папой Формосом,³ но в большинстве случаев их взаимоотношения более сложны: папа Лев в борьбе со „сродницами“ своего предшественника Адриана призывает к себе на помощь „от внутренней Фругии“ князя (или царя) Карула. Этот последний приводит с собой еретиков „учение Арнева и Аполлинариева“, однако Лев не дает ходу этим ересям, и они распространяются лишь при Формосе, который им тайно покровительствовал.⁴

¹ Это отмечено и в тексте Повести: „и тако преидоша лета многа во благочинии оном“.

² Формос занимал папский престол с 891 по 896 год. На фоне общего морального падения папства в IX—XI веках среди бесконечных интриг между местными итальянскими феодалами вокруг папского престола — интриг, в которые то и дело втягивались германские и франкские короли, Формос выделялся как ловкий политикан, сумевший удержаться на папском престоле до самой смерти. „Прославился“ Формос тем, что был казнен посмертно: его преемник Стефан VI приказал вырыть труп Формоса, судил его, казнил и выбросил в Тибр. К сожалению, в русской специальной литературе совсем не исследован ранний период деятельности Формоса — период его епископства в г. Порто, на одной из старейших католических кафедр, основанной еще в 314 году (Chevalier. Repertoire des sources historiques du Moyen Age. Bio-bibliographie, т. I, Paris, 1905, стр. 1543). А между тем, по западноевропейским источникам (Migne. Patrologiae latinae... , ССХХІХ, стр. 821—824), не кто иной, как Формос, будучи епископом в г. Порто, крестил болгар и, будучи в Риме в 869 году посвящая по приказу папы Адриана II в духовный сан, вместе с другим епископом, Гондрихом, славянских первоучителей Мефодия и Константина, что зафиксировано и в житии последнего. (Труды славянской комиссии АН СССР, т. I, Л., 1930, стр. 34 и 65). Таким образом Формос был одним из первых участников борьбы католицизма с православием за славянство; не этим ли объясняется традиционная ненависть к нему православных церковников, столь ярко отразившаяся в Повести о новгородском белом клобуке?

³ „Карул“ способствует утверждению еретика Формоса на папском престоле, или, наоборот, Формос призывает на помощь Карула. Например, в „Летописце Переяславля Суздальского“: „Игом Карул — князь Риму — устави Формоса и Ариана учения приемша держати, служати опресноки“ (Летописец Переяславля Суздальского, изд. Оболенского, стр. 31). В так называемой „Летописи Авраамки“ не Карул помогает Формосу, а „латыни“ во главе с Формосом „сотвориша себе царя Карула и впадоша в ереси сия“ (ПСРА, т. XVI, стр. 28).

⁴ Так изложены события в „Сказании о латынех, како отступиша от православия“ (ПСРА, т. XXII, ч. I, стр. 326), в „Слове избранном от святых писаний, еже на латыню“ и других произведениях, наиболее ранним из которых является статья в требнике начала XV века „Како и коего ради дела отлучишася от нас латыня“ (см: А. Н. Попов. Историколитературный обзор древнерусских сочинений против латын. М., 1885, лл. 137—145).

Мы не будем пытаться установить, какая историческая личность была прототипом „даря Карула“,¹ что за страна „Фругия“, так как ограничиться предположениями было бы недостаточно, а специальное исследование этого вопроса увело бы слишком далеко от нашей темы. Считаю достаточным констатировать тот факт, что папа Формос и „дарь Карул“ фигурировали в русской исторической и церковно-полемической литературе XV—XVI веков как основоположники аптолинаризма, арианства и других ересей, что привело, по мнению древнерусских историков и богословов, к окончательному отпадению католического Запада от „истинной веры“.²

Последним и объясняется присутствие этих лиц в Повести о новгородском белом клобуке, которая в этой, второй, части носит ярко выраженный антикатолический характер. Да и сам автор Повести во второй ее части мало заботится о соответствии своего произведения историческим сведениям и источникам своего времени: он лишь вскользь упоминает о том, что Карул и Формос впади в „аптолинариеву ересь“ и стали служить на пресном хлебе. В центре его внимания окончательно становится судьба белого клобука, который эти еретики почему-то возненавидели и всячески пытались уничтожить. Исторический фон, фактографическая сторона описания в этой части Повести отступает на второй план (автор не называет даже, например, имени второго папы, назвав его просто „ин папа нечистый“). Зато фантасти-

¹ Скорее всего „Карул“ — искаженное имя Карл, которое носили многие германские императоры „Священной римской империи“. Карл III Толстый был современником Формоса, и с ним определенно отождествляет „Карула“ автор Хронографа второй, западнорусской, редакции (ПСРА, т. XXII, ч. II, стр. 210). Может быть также, что „Карул“ — Карл Великий, который, как известно, активно вмешался в борьбу за папский престол между Адрианом I и Львом III и получил корону из рук последнего. По западноевропейским источникам известно, что Формос короновал в 896 году франкского короля Карла Симплиция (Migne. Patrologiae latinae...). Таким образом обе русские версии связи Формоса с „Карулом“ имеют исторические основания: первая версия (Формос — современник „Карула“) относится к Карлу Симплицию, вторая („Карул“ — современник пап Адриана и Льва) — к Карлу Великому. Составитель хронографа второй редакции, очевидно, спутал Карла Симплиция с Карлом Толстым.

² Насколько эта версия была в свое время распространена, свидетельствует еще такой факт. Во многих богослужебных книгах XV—XVI веков имеется чин принятия католиков и лютеран в православие. По ходу действия принимаемый должен был произносить весьма пространное „анафематствование“, в самом начале которого говорилось следующее: „Отрицаются и отвращаются... римского царя Карула и иже с ним пришедших в Рим от западных латын... иже тогда держажу сокровенно многие ереси — ариеву и аптолинариеву и македониеву... Проклинаю и последи бывших православных пап учению... Проклинаю и богомерзкого папу Формоса... и той есть первый в римских папах отступник православия... Проклинаю формосовых единоправных ему стабников, бывших во Формосе в Риме пап...“ и т. д. (цит. по требнику начала XVI века, рукопись ГПБ, Солов. 1214/1105, лл. 1 об.—2 об.). Приведем еще два малоизвестных документа, в которых фигурирует Формос (с ним сравнивается митрополит-униат). Это — послание русских епископов литовским 1459 года о непризнании киевского „жеммитрополия“ Григория (АИ, т. I, стр. 502—503) и послание московского митрополита Ионы к новгородскому архиепископу Ионе о том же Григории, того же 1459 года, в котором с Формосом сравнивается сам Исидор (АИ, т. I, стр. 116—118). Наконец в грамоте митрополита Филиппа новгородцам 1471 года упоминаются и „древние еретики Каруловы“ и „последовавший им папа Формос“ (АИ, т. I, стр. 516). Два последних документа имеют некоторое значение для исследования Повести о новгородском белом клобуке. В качестве „первого еретика“ Формос фигурировал и в украинской полемической литературе: коварным, лицемерным, тайным еретиком, совратившим римскую церковь, основоположником раскола между восточной и западной церквями рисует его, например, Захарий Копыстенский в своей „Палинодии“ (РИБ, т. IV, стр. 1099—1100), сравнивая его с Лютером (там же, стр. 1227).

ческая и полемическая стороны здесь доведены до предела, что дало возможность автору широко развернуть свое творчество, отказавшись от компиляции, отмеченной нами в первой части Повести. Конечно, и здесь использованы многие приемы, образы и штампы агнографической литературы — различные „чудеса“, „гласы“, „видения“, но все это тесно переплетено с элементами собственного творчества автора Повести. Последние, несомненно отразившие мировоззрение составителя Повести, подчас просто поражают своей реалистичностью, разительно контрастирующей с общим безудержно фантастическим фоном повествования. Таковы, например, картины бури и кораблекрушения, написанные не только весьма реалистически, но и со знанием технологии кораблестроения того времени: корабль не просто сгорает от удара молнии, а сначала растопляется и загорается „смола корабленая“, образуется течь, корабль разламывается на части, и все вместе взятое приводит судно к гибели; чудесно шествующие „по водам“ святые (избитый, старый, еще евангельский образ) вовсе не „чудесно“, а просто, „по-человечески“ спасают Иеремию; отыскав веревку — остаток снастей погибшего корабля — они привязывают ее „за конец дски“ и приволакивают доску к берегу. Узнав о спасении клобука, папа с досады рвет и кусает свою бороду. Число подобных примеров можно было бы увеличить, но нам кажется, что уже и сказанного достаточно, чтобы доказать наличие несомненно реалистических черт в описании всех этих фантастических событий. Необходимо также отметить и то, что количество реалистических деталей и подробностей возрастает в местах наивысшего полемического подъема. Особенно показательны в этом отношении описание болезни и смерти римского папы, где дана прямо клинически точная картина течения одной из венерических болезней. Причина этой ужасной болезни и смерти указана автором Повести кратко, но совершенно определенно: „Толико бо поганый он папа не любяше Русския земли, но и слышати не терпяше“.

Следующая, третья часть Повести, рассказывающая о пребывании клобука в Царьграде, также начинается упоминанием исторической личности — патриарха Филофея.¹

Немного позднее появляется другая историческая личность — византийский император Иоанн Кантакузен (1341—1355). Эти два исторические лица делают фон изложения третьей части Повести более конкретно-историческим, чем во второй части, где налицо значительная путаница исторических имен и событий. Автор Повести совершенно определенно вводит нас в XIV век, в то время как события второй

¹ Филофей занимал кафедру дважды: с 1354 по 1355 и с 1362 по 1376 год. Имя патриарха во второй пространной редакции — „Увеналий“ — является загадкой, так как в списке константинопольских патриархов оно не встречается. Носил это имя лишь один из иерусалимских патриархов (420—458), участник третьего и четвертого соборов, добившийся после долгой борьбы с александрийским и антиохийским патриархами значительного возвышения иерусалимской кафедры (Сергий. Полный месяцеслов Востока. Владимир, т. II. Заметки. 1901, стр. 250—251). Таким образом имя этого патриарха во второй пространной редакции является анахронизмом (архиепископ Василий жил через 900 лет после Ювеналия), что наводит на мысль о том, нет ли здесь просто ошибки писца, повторенной переписчиками и таким образом укоренившейся. Обнаружить примеры подобных искажений переписчиками личных имен не представляет особого труда. Например, тот же „Увеналий“ в трех имеющихся в нашем распоряжении списках краткой редакции Повести претерпел следующие изменения. В списке ГПБ, Погод. 1600 и списке ГИМ, Муз. 2166 фраза „в Константинограде бе патриарх Увеналий, муж добродетелен“ читается так: „В Константинограде бе патриарх, а велико уже муж добродетелен“, в списке БиЛ, Рум. 45: „...патриарх сей велико уже муж добродетелен“, а в списке ГИМ, Муз. 581 вместо „Увеналий“ написано „уведал“.

части Повести охватывают огромный хронологический период и не поддаются точной датировке. Однако конкретизация исторического фона этой части Повести не повлияла на ее изложение, которое остается столь же фантастическим, как и во второй части. Полемический же пыл составителя Повести явно спадает, и реалистических деталей в описании отдельных эпизодов здесь значительно меньше. Из-за этого еще больше на первый план выступают образы, приемы и штампы агиографической литературы, что делает эту часть Повести наиболее „елейной“ (в этой части, например, много плачей: долго плачет патриарх после своего видения; узнав о причине его плача, заплакали и все присутствующие). Но лишь только речь заходит о Русской земле (когда Сильвестр велит отослать клобук в Новгород), составитель Повести в том же запасе выразительных средств агиографической и церковно-полемической литературы находит образы и приемы, которые дают ему возможность с большой патетичностью высказать свои патриотические чувства, сделать заключительный эпизод этой части кульминационным моментом всей Повести. Об идейно-политическом значении этого эпизода мы будем говорить подробно в дальнейшем.

Четвертая, заключительная часть Повести переносит нас на Русь, в Новгород XIV века. Как и каждая из предыдущих частей, она начинается именем лица, с которым связаны события этой части. На сей раз это знаменитый новгородский „владыка“, прославленный администратор и градостроитель, путешественник, полемист и писатель — архиепископ Василий (1330—1352). Личность и дела этого, несомненно выдающегося, русского деятеля XIV века достаточно хорошо освещены как в дореволюционной, так и в современной исторической литературе,¹ и мы не будем давать его подробной характеристики. Отметим лишь огромную популярность его среди современников. В 1-й Новгородской летописи, очень скупой, как известно, не только на похвалы, но и вообще на характеристики исторических лиц, Василию отведено значительное место: говорится, что епископом избран был он, простой приходский священник, потому, что его „возлюбил весь град от мала до велика“, подробно описывается его градостроительство, и на первый план выдвинута его роль примирителя внутренних междоусобиц, его умная и дальновидная политика по отношению к Москве.² Последнее было отмечено и московским правительством: митрополит Феогност пожаловал Василию невиданную до сих пор на Руси награду — „крестчатые ризы“, что единогласно свидетельствуется всеми летописцами. Вокруг имени архиепископа Василия очень рано стали слагаться легенды (еще в 1-й Новгородской летописи говорится о явлении среди бела дня звезды во время его хиротонии), и одной из этих легенд было предание о присылке ему из Константинополя особого головного убора — белого клобука; литературную обработку этого предания представляет собой заключительная часть нашей Повести.

На первый взгляд эта обработка сделана по всем правилам агиографической литературы: в самом начале архиепископ Василий аттестуется как „муж праведный, постничеством и всеми добродетелями украшен“ (тем же штампом был уже аттестован патриарх Филофей); он так же,

¹ Архиепископ Василий обычно фигурирует в курсах и отдельных работах по русской истории вообще и по истории древнерусской литературы в частности как усердный строитель новгородских церквей, Волховского моста, крепостей (он был, например, строителем первой каменной стены вокруг новгородского детинца) и как автор знаменитого послания о „земном рае“.

² ПСРЛ, т. II, стр. 75—78, 80—81, 82—85.

как и Филофей, помолвившись, „сел почити“ и „мало воздремався“, увидел ангела, предупредившего его о прибытии белого клобука. Пока что составитель Повести не утруждает себя привлечением новых приемов, новых выразительных средств и описывает события в Новгороде так же, как описал события в Царьграде. Но постепенно в повествование включаются новые и притом чисто русские бытовые и местные новгородские подробности, не совсем подходящие подчас для агиографического произведения. Например, если патриарх, проснувшись после своего видения, лишь спешит начать пораньше утреню, чтобы сообщить новость „собору церковному“, то Василий, убедившись через специальных посланных в „истинности“ своего видения, проявив тем самым явный скептицизм, сначала рассылает по всему городу глашатаев („проповедников“), чтобы организовать торжественную, всенародную встречу, велит звонить „во вся тяжкая“ и отправляется с крестным ходом встречать посланных от патриарха. Все это вполне соответствует русским обычаям, а созыв „всенародного множества“ через специальных „проповедников“ является местным, новгородским обычаем — так созывалось вече. Местные новгородские черты включаются даже в описание „чудес“: неоднократно фигурирующие в Повести „гласы“ здесь исходят от знаменитого образа Пантократора в куполе Софийского собора.¹

Наивысшей конкретизации описания составитель достигает в заключении Повести, изложенном с такими бытовыми и реалистическими подробностями, что создается впечатление рассказа очевидца. Таковы описание шествия Василия в невиданном доселе головном уборе через толпу удивленных новгородцев, некоторые детали пира, который устроил Василий по случаю прибытия клобука, описание его мелких хозяйственных распоряжений насчет устройства „честных даров“ и ответных подарков царю и патриарху, причем не были забыты и сами посланные с клобуком, которых Василий также, „даровы многими одарив“, отпустил во-свояси. Все это дает основание утверждать, что в финале Повести ее составитель использовал устное предание, был увлечен стихией народного творчества, и поэтому, наряду с приемами и средствами агиографической литературы, в этой части использованы некоторые фольклорные приемы. Такова картина грандиозного семидневного пира, написанная широкими былинными мазками (в числе гостей на этом пиру не забыта и „нищая братия“),² освобождение на

¹ Местонахождение этого образа в некоторых списках Повести указано точно: „иже бе написан под маковицей“, т. е. вверху главного купола Софийского собора. Отметим еще одну „чудесную“ деталь, столь же местного новгородского происхождения, поводом появления которой был такой же конкретный предмет, каким был и сам клобок архиепископа Василия. В Повести неоднократно говорится, что белый клобок совершал свои „путешествия“ в специально для него сделанном „ковчеге“ или „сосуде“. Этот футляр хранился в Софийской ризнице еще в 60-х годах прошлого столетия (о нем см.: Макарий (Миролюбов). Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях, т. II. М., 1860, стр. 343); он был из кипариса, обладающего, как известно, довольно сильным и очень приятным запахом. Отсюда то „благоухание чудное“, которое почувствовали, по словам Повести, новгородцы при вскрытии плотно закупоренного „ковчеге“ с клобуком.

² Интересно сравнить описание этого пира с пиром, который устроил имп. Константин Сильвестру и который описан в начале Повести. Там — подробное описание типично византийского церемониала — встреча Сильвестра царем, угощение „из царских рук“ „клириков и мнихов“, т. е. исключительно духовенства, и другие подробности; здесь — широкий русский семидневный пир и не только для духовенства, но и для нищих и заключенных: причем щедрой рукой, без всяких церемониалов, просто „добре напитал“ архиепископ Василий своих гостей.

радостях заключенных, щедрые подарки и, наконец, заключительная фраза Повести о том, как пошла слава о белом клобуке „во все царства и страны“, через „многих стран и градов людей, приходящих в Новгород“.

Анализ содержания Повести о новгородском белом клобуке, выяснение ее источников и методов их использования приводит нас к следующим выводам.

В первой части Повести, хронологически наиболее отдаленной от той эпохи, до которой доведено повествование, автор использует некоторые известные в XIV—XVI веках исторические, агиографические и церковно-полемические произведения. Два из них автор прямо называет в заглавии своего произведения, и их легко выделить из самого текста Повести. Это — Житие Константина и Псевдоконстантинова грамота, использованные в совершенно равной степени. Начиная со второй части, таких заимствований уже не обнаруживается, и автор Повести самостоятельно сочиняет свое произведение, хотя, например, вторая часть написана в духе бытовавших в XV—XVI веках церковно-полемических, антикатолических произведений. Наконец в четвертой, последней части Повести местная новгородская легенда, легшая в основу всего произведения, разрабатывается уже непосредственно, без привлечения каких-либо литературных источников, и здесь автором использован ряд фольклорных образов и приемов. Таким образом элементы „от истории римския“ обнаруживаются лишь в первой половине первой части нашей Повести, т. е. составляют ничтожную ее часть; при этом один из этих элементов — Грамота — в первой пространной редакции полностью ассимилирована составителем Повести, который не только превратил „венец“ царя Константина в новгородский белый клобук, но и целиком переосмыслил ее идейно-политическое содержание. Основную политическую идею этого произведения — идею обоснования особых прав и привилегий римского папы — автор Повести целиком отверг, взяв из этого источника только то, что ему было нужно для доказательства „святости“ клобука, обладателем которого стала „Русская земля“.

Все это дает основание считать Повесть о новгородском белом клобуке произведением не заимствованным, а оригинально русским. Это не русский вариант Псевдоконстантиновой грамоты, как утверждали некоторые дореволюционные ученые, а разработка местной новгородской легенды с привлечением некоторых других источников, в число которых вошла лишь незначительная часть этой пресловутой грамоты.

Когда могла появиться легенда, легшая в основу Повести о белом клобуке, и что она собой представляла?

В первоначальном своем виде легенда о присылке белого клобука архиепископу Василию могла сложиться только сразу после смерти последнего,¹ так как менее чем через 100 лет имя этого некогда знаменитого „владыки“ было забыто или, вернее, сознательно замалчивалось в Новгороде. Когда в первой половине XV века архиепископ Евфимий II стал усиленно насаждать культ местных новгородских

¹ При жизни архиепископа Василия этой легенды, очевидно, еще не существовало: если бы белый клобук уже тогда считался „святым“, созданным „первым христианским царем“, то его не скоронили бы вместе с Василием. Д. Ф. Кобеко (Опыт исправления текста „Беседы о святых Царьграда“. Известия ОРЯС, кн. 3, 1897) и А. Д. Седелников (Vasilii Kalika. L'histoire et la legende. Revue des études Slaves, t. VII, 1927) относят возникновение легенды о белом клобуке ко времени Василия.

святы, что было отражением сепаратистских и антимосковских тенденций, оживившихся в Новгороде накануне падения его самостоятельности, архиепископ Василий не был включен в их число. Отсутствие в новгородском летописании каких-либо следов легенды о белом клобуке¹ также можно объяснить реформой новгородского летописания, проведенной тем же Евфимием II — ставленником боярко-литовской партии, который имел все основания стараться преуменьшить славу архиепископа Василия: отношение последнего к Москве было прямо противоположно политике Евфимия.² Поэтому, легенда о белом клобуке не вошла и не могла войти ни в одно из литературно-исторических и агиографических предприятий Евфимия II. Это обстоятельство еще раз свидетельствует о том, что и в своем первоначальном виде, до своей переработки в Повесть, эта легенда в Новгороде не считалась антимосковской даже в период последнего и наивысшего подъема сепаратистских тенденций среди новгородской правящей верхушки.

Отражение первоначальной легенды о белом клобуке, легшей в основу нашей Повести, можно усмотреть в мало исследованной Повести о Муромском острове.³

Повесть известна в двух редакциях; одна из них была напечатана трижды: архиепископом Амвросием,⁴ Е. П. Барсовым⁵ и митрополитом Филаретом,⁶ причем последний поместил вольный пересказ ее по двум спискам. Эта редакция и отразила, по нашему мнению, древнюю новгородскую легенду о белом клобуке. В ней сообщается, как основатель Муромского монастыря на Онежском озере Лазарь, был послан епископом Василием (в одном месте Повести этот епископ назван „Кесарийским“, а в другом „Царьградским“) в Новгород к архиепископу Василию „повесть сказати“ о белом клобуке.

Здесь два крупных несовпадения с Повестью о новгородском белом клобуке: во-первых, Лазарь посылается в Новгород не патриархом Филофеем, а каким-то „Царьградским“ епископом, во-вторых, в Повести о Муромском острове говорится, что Лазарь был послан в Новгород лишь с тем, чтобы рассказать Василию о происхождении белого клобука, и совсем не упоминается о принесении последнего.

Таким образом Повесть о Муромском острове в этой редакции, свидетельствуя о существовании легенды о клобуке архиепископа Василия, с Повестью о белом клобуке ничего общего не имеет.

Вторая, поздняя редакция, встречающаяся гораздо реже, наоборот, несет на себе отчетливые следы влияния Повести о новгородском

¹ Сбивчивые и противоречивые известия 2-й и 3-й новгородских летописей (ПСРЛ, т. III, стр. 140 и 225) и о даровании белого клобука архиепископу Василию являются несомненно позднейшими вставками, сделанными в разное время, так как они не согласованы ни между собой (во 2-й летописи эта вставка сделана под 6932 годом, а в 3-й — под 6893 годом), ни с контекстом летописи (дата приписки во 2-й летописи, например, расходится с годами правления архиепископа Василия на 72 года).

² Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 767—775.

³ Так названа она в двух, имеющихся в нашем распоряжении списках Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина: рукопись XVII века собрания Михайловского, № 384 Q и рукопись середины XIX века собрания старообрядческого Волковского молитвенного дома, № 88. Существует еще два варианта заглавия этого произведения: „Житие“ и „Завещание“ Лазаря Муромского.

⁴ Амвросий. История российской иерархии. М., 1813, стр. 115—130.

⁵ Е. П. Барсов. Преподобный Лазарь Муромский. Олонецкие губернские ведомости, № 43, 1867.

⁶ Филарет. Русские святые, вып. I—IV. СПб., 1882, стр. 325—338.

белом клобуке. Лазарь в ней прибывает в Новгород вместе с епископом Евмением, упоминаемым в Повести, и приносит Василию белый клобук и подарки от патриарха Филофея.¹

В какой исторический момент, при каких обстоятельствах жизни Новгорода там вновь вспомнили легенду о клобуке архиепископа Василия? Естественно, что это могло произойти только лишь после присоединения Новгорода к Москве. Однако легенду о белом клобуке не просто вспомнили, а переработали в значительное по объему и содержанию литературно-публицистическое произведение, используя в нем ряд церковно-исторических, полемических и агиографических источников. Последнее говорит за то, что эта переработка была сделана в момент оживления литературной деятельности в Новгороде. Следующее после отмеченного при Евфимии II оживление литературной деятельности „владычного двора“ наблюдается в конце XV века, но тенденции новгородской письменности были теперь совершенно иными.

После присоединения Новгорода к Москве в новгородской литературе „широко развернулась... своеобразная идеологическая борьба за первенство в Русской земле (а не господство друг над другом)“, которая была следствием „тех чрезвычайно сложных взаимоотношений“, в которые вступили между собой культуры Новгорода и Москвы. Эта борьба, начавшаяся еще задолго до окончательного уничтожения новгородского „само управления“, приняла теперь „более церковные формы“, так как „великие князья делают в Новгороде архиепископов главными проводниками своей политики“.² Последнее целиком относится ко второму из назначенных Москвой в Новгород архиепископов — Геннадию.

В отличие от своего предшественника Сергия, своей надменностью и неуважением к новгородской старине восстановившего новгородцев против Москвы, Геннадий подчеркивал свое уважение к новгородским обычаям и, в частности, первым из московских архиереев стал носить традиционный белый клобук новгородского архиепископа. Инициатива использования местной новгородской легенды, связанной с происхождением этого головного убора, для пропаганды общерусских объединительных идей могла исходить только от Геннадия. Вместе с тем прекрасные знания новгородского фольклора, новгородской литературной традиции и довольно заметная доза местного новгородского патриотизма, обнаруженная автором Повести, чего нельзя приписать москвичу Геннадию, свидетельствует о том, что среди новгородских книжников, которых Геннадий привлек к своей интенсивной книжной деятельности, он нашел хорошего исполнителя своего замысла. Так, в содружестве архиепископа Геннадия и какого-то новгородского книжника и была составлена Повесть о новгородском белом клобуке. Вот почему еще в XVI веке инициативу создания Повести приписывали Геннадию, а исполнителем его замысла называли „Дмитрия Толмача“ — скорее всего новгородца Дм. Герасимова.

Составитель Повести о белом клобуке не только переработал в своем произведении древнюю легенду о диковинном головном уборе архиепископа Василия по типу широко распространенных в Новгороде

¹ Филарет в своем издании пересказал эту вторую редакцию по рукописи Ундольского. Об обеих редакциях имеется также сообщение А. П. Воронова на собрании Общества любителей древней письменности (Памятники древней письменности, т. СХI, 1895, стр. 31—32).

² См.: История русской литературы, т. II, ч. 1. М.—Л., 1945, стр. 369.

легенд о „гонимых святынях“,¹ но придал этому сюжету новый политический смысл. Белый клобук в Повести не просто „гонимая святыня“, а эмблема высшей духовной власти, переходящая сначала из Рима в Византию, а потом — из Византии на Русь. Оба этапа его миграции обоснованы в Повести конкретными историческими событиями: первый — отпадением римской церкви от „истинного православия“ из-за аполинаризма, второй — захватом турками Константинополя. Факт прибытия клобука в Новгород осмыслен автором Повести как событие мирового исторического значения. Вместе с ним переходит на Русь не только духовное, но и политическое наследство „двух Римов“. В финале третьей части Повести, являющемся, как было уже отмечено, и композиционно и по содержанию кульминационным пунктом всего произведения, автор восторженно, в самых патетических выражениях, говорит о величии и светлом будущем Русской земли, когда „все царства придут в конец и сникнут во едино царство Русское“, когда „даря русское возвеличит господь над многими языки и под властью его многие царие будут от иноязычных“. „И страна та, — заключает автор Повести свой панегирик Русской земле, — наречется светлая Русия, богу тако изволившу тацеми благодарении прославити русскую землю и честнейшу сотворити паче первых сих“ (т. е. Рима и Византии).

Этот общерусский патриотизм, выразившийся в Повести о белом клобуке, не совместим с традиционной оценкой этого произведения как децентралистического и антимосковского.

Что же, однако, дало повод к этой традиционной оценке?

Прежде всего свойственное дореволюционным ученым преувеличение областнических тенденций памятников литературы феодальных центров древней Руси. Игнорируя наличие классовых противоречий в областных центрах, эти ученые даже не допускали возможности появления в памятнике областной литературы, тем более Новгородской, общерусских объединительных тенденций. И как Соболевский² и другие ученые во что бы то ни стало старались отыскать и преувеличить значение иноземных источников Повести, так Костомаров, Буслаев, Пыпин и за ними многие другие исследователи старались увидеть в этом произведении прежде всего областнические тенденции, игнорируя подчас не только содержание самой Повести, но и исторические факты.

Чтобы не быть голословными, приведем примеры.

В комментарии к изданию Повести Н. И. Костомаров уверяет, что целью этого произведения является „найти историческое оправдание домогательствам на независимость от митрополита“,³ т. е. стремление

¹ Сюжет миграции святыни очень рано появился в новгородской литературе. И это не случайно: многочисленные путешествия новгородцев в чужие края по торговым делам обусловили появление в новгородской литературе большого количества описаний путешествий — одного из самых древних жанров русской литературы. Еще в XII веке в одном из таких описаний путешествия можно усмотреть зарождение сюжета миграции святыни: новгородец Добрыня Ядрейкович привез с собой в Новгород из Палестины „гроб господень“. В дальнейшем в Новгороде возник ряд легенд о „гонимых святынях“, прибывающих на Русь из-за преследований либо „латин“ (легенда об Антонии Римлянине), либо „агарян“ (легенда о Тихвинской иконе божьей матери).

² В рецензии на книгу В. Н. Малинина „Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания“ (ЖМНП, № 12, 1901, стр. 487) А. И. Соболевский утверждает, что в основе Повести лежит рассказ „какого-то римлянина“ о пропавшей в 1485 г. папской тиаре. „Лет через сто, — пишет Соболевский, — этот текст был заменен другим, русского сочинения“, — так легко решает этот автор вопрос о происхождении Повести о белом клобуке.

³ Памятники старинной русской литературы, вып. 1, стр. 301.

к автокефалии, чего никогда в Новгороде не наблюдалось. Ф. И. Буслаев заявляет, что Повесть о белом клобуке имеет своим предметом возвеличение духовного превосходства Новгорода над Москвой,¹ в то время как в Повести нет ни одного слова, дающего основание в такому заключению. А. Н. Пыпин, которого смутило то обстоятельство, что в Повести не названа Москва, пишет: „Говоря о третьем Риме, автор Повести как будто (разрядка моя, — Н. Р.) хотел навести читателя на мысль, что этим Римом должен быть Новгород“.² Эти столь слабо аргументированные высказывания о Повести авторитетных для своего времени историков и литературоведов и являются источниками традиционной оценки Повести о белом клобуке, которая еще иногда проявляется и в работах советских литературоведов.³

Историческая ситуация, сложившаяся вскоре после составления Повести о белом клобуке, обусловила возможность появления различных переработок этого произведения — его новых редакций. Кроме того, само содержание Повести, затронувшее ряд актуальнейших для всего XVI века политических проблем, давало повод к ее многочисленным переделкам.

Инициатор создания Повести — архиепископ Геннадий, один из крупнейших представителей высших слоев русского духовенства конца XV века, по своему происхождению и имущественному положению крепко связанный со старым московским боярством,⁴ затронул в Повести вопрос о превосходстве духовной власти над светской. Будучи официальным представителем Москвы в Новгороде и ревностным проводником московской политики, за которым, однако, подозрительно и пристально следили из Москвы, — Геннадий затронул этот вопрос очень осторожно. В первой пространной редакции Повести всего только две фразы касаются этой острейшей для всего XVI века проблемы. Основание новой столицы Византийской империи мотивируется в Повести следующей, буквально взятой из Псевдоконстантиновой грамоты фразой: „идеже святительская власть и христианского благочестия глава небесным царем уставлена бысть, не достойно там иметь власть земному царю“. В другом месте, — там, где речь идет о величии и светлом будущем Руси и проводится аналогия между белым клобуком и „царским венцом“, данным „русскому царю“ также из Византии и также царем Константином (Мономахом), — прямо говорится, что святительский клобук „честнее“ царского венца, „понеже архангельского чина царский венец есть и духовного суть“.

Такое сопоставление в условиях вспыхнувшей в начале XVI века борьбы вокруг вопроса о секуляризации церковной собственности было

¹ Ф. И. Буслаев. Исторические очерки народной словесности и искусства, т. II, стр. 274.

² А. Н. Пыпин. История русской литературы, стр. 344.

³ Так, например, Д. С. Лихачев, посвятивший ряд своих работ „истории развития национального самосознания древней Руси“, в которых подверг тщательному анализу и переосмыслению ряд памятников новгородской литературы второй половины XV века, считает Повесть о белом клобуке „отголоском идей боярско-литовской партии в церковной трансформации“ (Д. С. Лихачев. Национальное самосознание древней Руси. Л., 1945, стр. 92).

⁴ Скучные сведения о раннем периоде жизни Геннадия дают основания предполагать его знатное происхождение: известно, например, что он владел вотчинами (Геннадий подарил несколько сел и деревень Волоколамскому монастырю), в Степенной книге он назван „мужем сановитым“. Многочисленные вклады Геннадия в Чудов монастырь, субсидирование им из собственных средств строительства в Новгороде, богатые подарки исковичам — все это свидетельствует о богатстве Геннадия.

очень выгодно для „стяжателей“. И, вероятно, кем-то из них слабо намеченная (если не сознательно затушеванная) в Повести идея превосходства духовной власти над светской была акцентирована путем включения в Повесть больших отрывков Псевдоконстантиновой грамоты. Это было сделано грубо, явно наспех, без „подгонки“ вставленных кусков под содержание и стиль Повести. Так, самая большая и наиболее важная по своему идейно-политическому содержанию вставка даже и вводится во второй пространной редакции словом „и паки“ (и еще), т. е. носит совершенно явный характер дополнения, позднейшей вставки. Так появилась на свет вторая пространная редакция, не получившая широкого распространения, о чем свидетельствует небольшое количество дошедших до нас ее списков.

Непопулярность второй пространной редакции можно объяснить только ее слишком явной и узкой направленностью — подтвердить неприкосновенность имущественных прав церкви. Да и сами „отцы церкви“ в своих спорах со светской властью предпочитали ссылаться на первоисточник — на Псевдоконстантинову грамоту, минуя ее неуклюжую компиляцию с новгородской повестью.¹

Несколько большее распространение получил сокращенный вариант второй пространной редакции — так называемая краткая редакция Повести о белом клобуке. Остановимся на ней более подробно, так как, во-первых, с „легкой руки“ Н. И. Субботина эта редакция до сих пор принимается за первоначальную, древнюю редакцию Повести, а во-вторых, усиление в этой редакции проновгородской тенденции повлияло на традиционную оценку идейно-политического содержания Повести. Имеется два варианта этой редакции: один из них, более близкий ко второй пространной редакции, условимся называть „первоначальным“ вариантом (он представлен 13 списками); другой, представленный 52 списками, назовем „основным“ вариантом, основной группой текстов краткой редакции.

Из списков первоначального варианта краткой редакции самым древним является список конца XVI — начала XVII века, находящийся в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в собрании Вяземского (Вяз. LV-0); этот же список является самым исправным и наиболее близким к протографу. К основной группе текстов краткой редакции относятся наиболее древние списки Повести о новгородском белом клобуке: два списка середины XVI века и три списка конца XVI века.² Оба варианта краткой редакции начинаются фразой: „По явлении святых апостолов святейший папа (в первоначальном варианте добавлено „римский“, — Н. Р.) Селивестр, поучив царя от божественных писаний и крести его во имя отца...“ и т. д. Такая фраза вряд ли вообще может быть началом самостоятельного произведения, так как ясно говорит о каком-то предшествующем и известном автору и читателю событии, отсылает к какому-то перво-

¹ На Псевдоконстантинову грамоту есть ссылки в „Соборном ответе“ Ивану III, 1503 года, в ответе митрополита Макария Ивану IV „о недвижимых церковных вещах“ (выписка из него вошла в 60-ю главу Стоглава), а также в „Слове кратком“, в защиту церковных имуществ, инициативу создания которого некоторые исследователи приписывают арх. Геннадию [например А. Д. Седельников в статье „К изучению «Слова кратка» и деятельности доминиканца Вениамина“ (Известия ОРЯС, т. XXX, 1926)]. Ср. выше: статья А. А. Зимина, стр. 166.

² Это обстоятельство может быть сильным аргументом в пользу старшинства краткой редакции (чего, кстати сказать, не отметил никто из исследователей), если не учитывать идейно-политическое содержание краткой редакции.

источнику. А что этим первоисточником является какая-то из пространных редакций, несомненно уже потому, что начало этой фразы буквально взято из них.¹ И в дальнейшем сокращенный пересказ „своими словами“ истории белого клобука в краткой редакции постоянно перебивается отдельными выражениями и целыми цитатами, взятыми без изменения из пространных редакций. При этом до появления в Повести царя Константина и папы Формоса оба варианта краткой редакции почти буквально совпадают; после этого в первоначальном варианте имеется ряд подробностей, буквально взятых из второй пространной редакции Повести, отсутствующих в основном варианте.

В краткой редакции оказались сокращенными или просто пропущенными многие эпизоды из первой и второй частей Повести, где речь идет о событиях в Риме и Византии. Вместе с этими эпизодами оказалось за пределами этой редакции и то место, в котором сформировано идейно-политическое содержание Повести (видение патриарха), вследствие чего идея „третьего Рима“ в этой редакции намечена весьма слабо.

Из-за пропуска ряда эпизодов, в том числе рассказа о болезни и смерти ненавистника Руси—римского папы, сведена почти на нет также антикатолическая тенденция Повести. Что же осталось из Повести о новгородском белом клобуке в этой редакции?

На этот вопрос прямо отвечает вставка, обнаруженная нами в семнадцати списках основной группы текстов краткой редакции, в конце Повести, перед ее последней фразой: „Разумеете же отцы и братия, яко по божию изволению отъята бысть честь, и православие искоренися в Риме, и предано великому Новуграду и во всю русскую землю распространися и утвердися христова православная вера; сей бо белый клобук сотворен в Риме царем Константином папе Сильвестру от духа свята тричастно по чину святых Троицы“ и т. д. Эта вставка, резюмирующая содержание краткой редакции Повести, ясно говорит, что целью автора этой редакции было доказать церковное главенство Новгорода, через который якобы на Руси распространилось „истинное православие“, и дать краткую историческую справку о новгородской церковной реликвии—белом клобуке новгородского архiereя.

Итак, к краткой редакции в какой-то степени может быть отнесен традиционный взгляд на Повесть как на произведение проновгородское, ставившее своей целью доказать первенствующее положение новгородской кафедры в русской церкви. В ней не осталось почти ничего от того высокого общерусского патриотизма, которым насыщена Повесть о белом клобуке в своей первоначальной редакции. Появление краткой редакции можно связать с усилившимися в середине XVI века сепаратистскими тенденциями новгородского боярства, которым суровая рука Ивана Грозного нанесла в 1570 году сокрушительный удар. Поэтому-то краткая редакция и была скоро забыта.

Краткая редакция подверглась в свою очередь значительному сокращению, в результате которого появилась „кратчайшая“ редакция повести, известная нам в семи списках XVII—XVIII веков.

¹ В одном списке краткой редакции первой половины XVII века (БиЛ, Фунд. 195) переписчик отметил: „слышах убо, яко сие перечень, а истинное начало о клобуке, о нем же, сице пишет: от истории римские веления царска“. Следовательно, уже тогда было известно, что краткая редакция— всего лишь пересказ („перечень“) пространной, а не ее первоисточник.

Кратчайшая редакция — короткая историческая¹ справка, конспект краткой редакции Повести о новгородском белом клобуке. Лишь одна деталь отличает эту редакцию не только от краткой, но и от пространных редакций: в кратчайшей редакции внешний вид белого клобука описан так: „... устрои его (т. е. царь Константин клобук) камением драгим и жемчугом, а округ его (вариант — „по оба полы“, — Н. Р.) дванадцать камней во образ дванадцати апостол, а посреди же его камень адамант (в одном из списков добавлено: „дражайшее тех двундесяти камней“)“.

Тщательность, с которой автор этой редакции удалил при переработке им краткой редакции всякий идейный и даже просто мотивирующий элемент, привела к тому, что здесь не ощущается даже и отмеченная нами в краткой редакции проновгородская тенденция, да и вообще трудно нащупать в этом сухом, коротком перечне фактов хоть какую-нибудь тенденцию. Этим и можно объяснить, что кратчайшая редакция по количеству списков стоит на последнем месте.¹

История о новгородском белом клобуке прожила долгую и интересную жизнь, которую можно разбить на два этапа — легендарный и литературный. Легенда о необычном головном уборе архиепископа Василия сложилась, вероятно, в конце XIV века, вскоре после его смерти. Мы не знаем, что представляла собой эта легенда, но ясно, что она не принадлежала к числу легенд, возвыщавших значение Новгорода, иначе она привлекла бы к себе внимание литературы, созданной новгородскими сепаратистами при архиепископе Евфимии II. То обстоятельство, что легенда о белом клобуке была переработана в обширное литературно-публицистическое произведение только в конце XV века, когда идейное направление книжной деятельности архиепископского двора в Новгороде резко изменилось, говорит за то, что в этой легенде не было ничего такого, что возвышало бы Новгород над Москвой. Эта переработка была сделана в замечательный и значительный период истории нашей страны: только что было сброшено татарское иго и начался процесс объединения Руси в централизованное государство; Русь освободилась и от многовековой идеологической зависимости — пала Византия, культура и идеология которой всегда оставались чуждыми русским людям. Все это естественно вызвало подъем национального самосознания.

Отсюда — основная идея повести о белом клобуке, идея духовного превосходства Руси над двумя мировыми политическими центрами: „ветхим“ католическим Римом, к которому русский народ, особенно новгородцы, навсегда запомнившие немецких „псов-рыцарей“ питал издавна ненависть, и „новым Римом“, разложившимся из-за междоусобиц, соединившимся с католичеством и, наконец, стертym с политической карты средневековой Европы.

Кроме этой, главной идеи повести, в ней слабо, но, пожалуй, впервые в истории русской публицистики отразилась идея превосходства

¹ Среди многочисленных списков Повести о белом клобуке есть два, датируемые началом XVIII века, не совпадающие ни с одной из охарактеризованных редакций. Список Забелина № 495 — компиляция, составленная на основе какого-то варианта Жития Константина и краткой редакции. Список Забелина № 508 является вариантом первоначального варианта краткой редакции, отличаясь от него более подробным и более аргументированным пересказом всего происходящего, что и не позволяет отнести этот список целиком к краткой редакции и в какой-то степени по манере изложения приближает его ко второй пространной редакции.

духовной власти над светской, которая была логическим выводом из идеи „третьего Рима“: раз политическое могущество Руси обусловлено тем, что в ней сохраняется „истинная вера“, то, стало быть, „святейший“ клобук „честнее“ царского венца. Эта идея была подхвачена и акцентирована в первой по времени переработке Повести — во второй пространной редакции. В ее сокращенном варианте, так называемой краткой редакции, искусственно, путем удаления всего общерусского элемента, была усилена проновгородская тенденция — след и свидетельство составления первоначальной редакции Повести новгородским книжником. Обе эти переработки, сделанные представителями определенных социальных группировок (первая — воинствующих церковников, вторая — новгородских сепаратистов) не получили широкого распространения. Последняя из них, так называемая краткая редакция повести, создав этому произведению репутацию антимосковского и децентралистического, ограничила возможность распространения его в Москве после новгородских походов Ивана Грозного. Однако интерес к Повести о белом клобуке не исчез: в середине XVI века к ней была присочинена „Посыльная грамота Дмитрия Толмача“ — исторически первая попытка выяснить происхождение этого произведения. То, что в Посыльной грамоте говорится о „благосостоянии“ Русской земли и о „чудотворцах“, в ней „просиявших“, свидетельствует о том, что она была составлена в Москве, в период массовой канонизации русских святых (1547—1549).

XVII век был временем широкого, повсеместного распространения Повести о белом клобуке. Причины этого явления могут быть выяснены только специальным исследованием судьбы Повести в новых исторических условиях, поэтому здесь мы выскажем лишь некоторые предположения по данному вопросу.

Во-первых, в XVII веке Повесть не была чужда высшему русскому духовенству, в то время как в XVI веке она упорно замалчивалась официальной историографией и агиографией (она не попала ни в Четьи-минеи, ни в Степенную книгу, ни в один из летописных сводов). В списках XVII века Повесть встречается в нескольких случаях в хронографе различных редакций, ее цитирует в споре с греческими иерархами Арсений Суханов и цитирует как раз то место, где выражена основная идея этого произведения.¹ Но основной средой распространения Повести были отнюдь не церковные верхи: ее, например, полностью игнорировал патриарх Никон, впервые опубликовавший полный текст Псевдоконстантиновой грамоты в своей Кормчей.² Зато это произведение было широко использовано противниками Никона — новой и мощной оппозицией внутри русской церкви, основные кадры которой составляли представители низшего духовенства. В послании протопопа Аввакума к царю Алексею Михайловичу „О греческих властях и о вере их нынешней“ прямо говорится, что у них „изяче благочестие“, как о том писано „во истории о белом клобуке“.³ Старообрядцам нужна была антивизантийская тенденция Повести, дискредитация авторитета греческой церкви, к которому прибегли и Никон, исправляя книги по греческим оригиналам, и царь Алексей Михайлович, призвав в качестве

¹ Этот отрывок распространялся с конца XVII века самостоятельно, отдельно от Повести, получив даже самостоятельное заглавие (см. Приложение I, стр. 217).

² Никон несомненно знал Повесть, один из списков которой содержится в рукописи, пожертвованной им в Воскресенский Новоиерусалимский монастырь (ГИМ, Синод. 272).

³ РИБ, т. XXXIX, стр. 760.

судей над Никоном „вселенских“ патриархов. Поэтому собор 1667 года, низложивший Никона, отверг и Повесть о белом клобуке, назвав ее „живой и неправой“, написанной Дмитрием Толмачем „от ветра главы своя“.

Однако популярность Повести о белом клобуке в XVII веке нельзя объяснить только тем, что ее использовала в своих интересах внутрицерковная оппозиция. Многосторонность идейно-политического содержания этого произведения за все долгое время его существования давала возможность различным социальным группировкам — как церковным, так и светским — использовать Повесть в своих интересах. Но при всех переделках основная идея этого произведения — идея величия Руси и ее духовного преимущества перед „ветхим“ и „новым“ Римом, обусловившего политическую мощь и мировое значение Русского государства, — оставалась неизменной. Эти переделки акцентировали лишь некоторые второстепенные, „побочные“ тенденции Повести. После ликвидации „смуты“ и иностранной интервенции, шедшей под знаменами воинствующего католицизма, — новгородская повесть, стала достоянием русской литературы в своем первоначальном виде, без различных „наслоений“ XVI века. Отсюда — большая популярность Повести в первой половине XVII века, до реформ Никона и раскола, засвидетельствованная таким большим количеством ее списков этого времени.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Библиография списков Повести о новгородском белом клобуке¹

В настоящей библиографии списки Повести распределены по редакциям. Перечень списков каждой редакции начинается со списка, принятого за основной, наиболее близкого к архетипу, за которым следуют остальные в порядке, соответствующем возрастающей степени их разночтений с основным.

В первой пространной редакции списки сгруппированы следующим образом: списки, наиболее близкие к основному, выделены в особую, архетипную группу и перечисляются вслед за основным в хронологическом порядке; остальные списки по совпадению разночтений с основным разделены на 18 групп. Внутри групп списки расположены так: вначале идет список, наиболее близкий к предыдущей группе, за ним следуют остальные, расположенные по степени их близости друг к другу, и последним обозначен список, примыкающий к следующей группе. Эти группы расположены вслед за архетипной группой также по мере увеличения разночтений входящих в них списков с основным. За списками, объединенными в группы, следуют индивидуальные списки и варианты первой пространной редакции.² Наиболее много-

¹ В настоящую библиографию включены только те списки, имеющиеся в книгохранилищах Москвы и Ленинграда, которые были подвергнуты тщательному анализу. Списки, с которыми нам удалось познакомиться в Киеве, Калинин, Ростове, Новгороде и Пскове, ничего нового в вопрос о редакциях Повести не вносят (это в подавляющем большинстве — списки XVII века первой пространной редакции).

² Отдельные части и отрывки первой пространной редакции, оформленные как самостоятельные произведения, приведены и аннотированы в конце настоящей библиографии.

численные группы и некоторые индивидуальные списки первой пространной редакции кратко аннотированы.

Списки краткой редакции перечисляются без аннотации; при этом списки первоначального варианта разделены по совпадению разночтений на десять групп, за которыми следуют в хронологическом порядке списки, не поддающиеся группировке.

Каждый список обозначен в данной библиографии следующим образом: после порядкового номера указаны его местонахождение,¹ шифр, датировка, вид рукописи, в которой находится данный список (сборник, отдельная рукопись и т. д.), и листы, на которых начинается и кончается данный список. В обеих пространных редакциях, кроме того, указан состав данного списка (наличие или отсутствие Посыльной грамоты Дмитрия Толмача и Написания архиепископа Геннадия). Списки, вновь обнаруженные, обозначены звездочкой.²

1. ПЕРВАЯ ПРОСТРАННАЯ РЕДАКЦИЯ

Архетипная группа

1. ГПБ, собр. Археол. общ. 22, нач. XVII в., отд. — Посыльная грамота, рукопись Повесть (основной список).
2. ГИМ, Увар. 1686 (101), XVI—XVII в., отд. рукопись — Посыльная грамота, Повесть.
3. БиЛ, Муз. (Больш.) 313, нач. XVII в., сборн., — То же.
4. *ГПБ, Солов. 865 (965), нач. XVII в., сборн., лл. 380—415 — Посыльная грамота, Повесть, Написание.
5. ГПБ, Погод. 1619, XVII в., сборн., лл. 56—87 об. — Посыльная грамота, Повесть.
6. БиЛ, Муз. 1549, сер. XVII в., сборн., лл. 166—203 — То же.
7. ГИМ, Синод. 390, XVII в., отд. рукопись — Посыльная грамота (дефект), Повесть.
8. ГИМ, Увар. 542 (1073/418), XVII в., сборн. лл., 492 об. — 530 — Посыльная грамота, Повесть.
9. ГИМ, Синод. 456, сер. XVII в., сборн., лл. 493—509 — То же.
10. БАН, 21.8.7 (сев. 677), к. XVII в., сборн., лл. 96—155 — Посыльная грамота, Повесть, Написание.
11. БАН, 34.4.1, к. XVII в., хронограф, лл. 664 об.—681 — Посыльная грамота, Повесть.
12. ГИМ, Барс. 425, к. XVII в., сборн., лл. 126—147 об. — То же.
13. ГИМ, Увар. 619 (1931) (448), перв. пол. XVIII в., сборн., лл. 100—113 — Посыльная грамота, Повесть, Написание.
14. ГПБ, Q.1-683, к. XVIII в., сборн., лл. 1—15 об. — Посыльная грамота, Повесть (без конца).

Первая группа

15. ГПБ, Q.1-262, XVII в., сборн., лл. 38 об.—70 об. — Посыльная грамота, Повесть.
16. ГПБ, Q.1-1409, к. XVI в., сборн., лл. 394—423 — То же.
17. ГПБ, Q.1-984, нач. XVII в., святцы, лл. 263—291 об. — То же.
18. ГИМ, Синод. 389, XVII в., отд. рукопись — То же.

¹ Нами употреблены следующие условные обозначения книгохранилищ, в которых имеются списки Повести: Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина — ГПБ, Государственная Библиотека СССР им. В. И. Ленина — БиЛ, Библиотека Академии Наук СССР — БАН, Государственный Исторический музей — ГИМ, Архив Института истории Академии Наук СССР (Ленинградское отделение) — ИИ.

² В „Библиографии древнерусской повести“ В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской (Л., 1940) эти списки не учтены.

19. ГИМ, Вахрам. 415, XVIII в., отд. рукопись — Повесть, Посыльная грамота.
 20. ГПБ, Погод. 1558, XVII в., сборн., лл. 195—206 — Посыльная грамота, Повесть.
 21. ГПБ, Q.XVII-186, XVII в., сборн., лл. 99—139 — Повесть, Посыльная грамота.
 22. ГПБ, ОЛДП 50 (1886), F. XVII в., сборн., лл. 167 об.—182 — Повесть.
 23. ГИМ, Муз. 2657, XVII в., сборн., лл. 268—301 — Посыльная грамота, Повесть.
 24. ГПБ, Вяз. F. XVI XVIII в., сборн., лл. 601—608 — Повесть.
 25. ГИМ, Увар. 1547 (160), нач. XIX в., выписки из рукоп. книг, лл. 261—268 — То же.

Списки первой группы распадаются по совпадению разночтений на две подгруппы: списки 16—19 и списки 20—25. К этой группе относится список, опубликованный Костомаровым и Кожанчиковым (список 15); к ней же близок вариант № 1 (список 118).

Вторая группа

26. ГПБ, F. IV-679, к. XVII в., хронограф, лл. 466—472 — Повесть, Посыльная грамота.
 27. БАН, 33.13.21, к. XVII в., сборн., лл. 1—28 — Повесть.
 28. ГПБ, F. IV-835, втор. пол. XVII в., хронограф, лл. 384—393 — Повесть, Посыльная грамота.

Для списков этой группы характерно перемещение Посыльной грамоты (она идет после Повести). По разночтениям списки этой группы близки к предыдущей и к последующей, что ставит вторую группу в положение связующего звена между первой и третьей группами.

Третья группа

29. ГПБ, Вяз. CXV-Q, 1744 г., сборн., лл. 1—23 об. — Посыльная грамота, Повесть.
 30. ГПБ, ОЛДП, 176-Q, XVIII в., отд. рукопись — То же.
 31. БАН, 17.8.25*, 1793 г., Новгородская летопись, лл. 216—240 об. — То же.
 32.*ГПБ, Тихан. 502, XVIII в., отд. рукопись — То же.
 33. ГПБ, F. II-76, XVIII в., сборн., лл. 1—20 — То же.
 34. ГПБ, СПб. дух. акад. 304, XVIII в., сборн., лл. 314—347 об. — То же.
 35.*ИИ, Лихач. 40, к. XVII в., сборн., лл. 131—167 — То же.
 36.*ГПБ, Новгор. дух. семинария, 6818, XVIII в., отд. рукопись — То же.
 37. БнЛ, Рум. 91, XIX в., отд. рукопись — То же.
 38. ГИМ, Муз. 1574, XVII в., сборн., лл. 1—24 — Посыльная грамота, Повесть (без конца).
 39.* ИИ, Лихач. 83, XVII—XVIII в., сборн., лл. 1—15 — Посыльная грамота (без начала), Повесть.

Списки этой группы распадаются на две подгруппы: списки 29 и 30, близкие к предыдущей группе (к сп. 28), и списки 31—39. Особенно близки между собой списки 32—34, вплоть до лексических особенностей (например, вместо слова „болячка“ в этих списках употребляется слово „вред“). К ним близки списки 35—37, отличающиеся особенной безграмотностью, доходящей до извращения смысла и содержания отдельных мест Повести: в них, например, вместо „и страна та наречется светлая Россия“ написано: „и срамота наречется светлая Россия“, и т. п.

Четвертая группа

40. ГПБ, Титов. 1244 (1732), XVIII в., сборн., лл. 112—123 — Посыльная грамота, Повесть (без конца).
 41.* ГПБ, Колоб. 398, XVIII в., отд. рукопись — Посыльная грамота, Повесть (начало).

Оба эти дефектные списка, очень близкие друг к другу, восходят к двум предыдущим группам, но отличаются от них множеством мелких разночтений и вставок.

Пятая группа

42. БиЛ, Рум. 1837, нач. XVII в., сборн., лл. 129—161	— Посыльная грамота, Повесть, Написание (начало).
43.* ГПБ, Q.I-254, сер. XVII в., сборн., лл. 256—293 об.	— Повесть, Написание (начало), Посыльная грамота.
44. БиЛ, Муз. 10467, XVIII в., сборн., лл. 268—329 об.	— Повесть, Написание (начало).
45. ГИМ, Муз. 2990, к. XVII в., сборн., лл. 87—115 об.	— Посыльная грамота, Повесть.
46.* ГПБ, Мих. 261, Q. XVI—XVII в., отд. рукопись	— Посыльная грамота, Повесть, Написание (начало).
47. ГПБ, Погод. 1576, XVII в., сборн., лл. 108—146 об.	— Повесть, Написание (начало), Посыльная грамота.
48. ГИМ, Увар. 610 (1837) (413), XVII в., сборн., лл. 202 об.—240	— Посыльная грамота, Повесть.
49. ГИМ, Забел. 439, к. XVII в., сборн., лл. 1—35 об.	— То же.
50. ГПБ, 0.1-354, XVIII в., сборн., лл. 158—175 об.	— То же.
51. БиЛ, Муз. 162, XVII в., сборн., лл. 538—553 об.	— Повесть (без начала), Написание (полностью).

Списки этой группы распадаются на три подгруппы: списки 42—45, 46—48, 50 и 51. Связующим звеном этих подгрупп является список 46. Для всех списков этой группы (кроме списков 50 и 51) характерно наличие начала Написания, обрывающегося на полудфразе.

Шестая группа

52. БиЛ, Муз. (Больш.) 260, XVII в., сборн., лл. 87—101	— Посыльная грамота, Повесть, Написание (начало).
53. ГИМ, Забел. 467, к. XVII в., сборн., лл. 224—271	— Посыльная грамота, Повесть, Написание (без конца).

Оба эти списка, близкие к предыдущей группе, отличаются довольно многочисленными мелкими пропусками, инверсиями и, главное, безграмотностью, приводящей порой к бессмыслице. Например, в списке 52 все царства „снидутся в царство римское“, вместо „русское“ и т. д.

Седьмая группа

54. ГПБ, Погод. 1610, XVII в., сборн., лл. 1—41 об.	— Посыльная грамота, Повесть.
55. ГПБ, Соф. 1466, XVII в., сборн., лл. 519—558 об.	— То же.
56. ГИМ, Муз. 3123, XVIII в., сборн., лл. 214—243	— Повесть.
57. ГПБ, Титов. 1529 (56), XVIII в., сборн., лл. 111—130 об.	— Повесть.
58. ГИМ, Увар. 1819 (538), XVII в., сборн., лл. 24—46 об.	— Посыльная грамота, Повесть.
59. БАН, Д-361 (Ант. Сийск. № 21), XVII в., Апокалипсис, лл. 167—207	— То же.
60. ГПБ, ОЛДП 69 (1893), Q. XVII в., отд. рукопись	— То же.
61. БиЛ, Тихонр. 227, 1623 г., сборн., лл. 270 об.—298 об.	— То же.
62. ГИМ, Муз. 1907, XVII в., сборн., лл. 3—55	— Повесть.
63. ГПБ, Титов. 1506 (1512), XVIII в., сборн., лл. 99 об.—140 об.	— То же.

Списки этой группы имеют оригинальное заглавие Посыльной грамоты: „Написание (в списке 61 „Предисловие“) о белом клобуке о новгородском“. Из числа списков этой группы можно выделить подгруппы: списки 54—59 и списки 60 и 61 (связующим между этими подгруппами является список 57). К этой группе близок один из индивидуальных списков (список 113).

Восьмая группа

64. БАН, 16.15.8, нач. XVIII в., сборн., лл. 1—40 об.	— Посыльная грамота, Повесть (без конца).
65. БяЛ, Рум. 2521, нач. XVII в., сборн., лл. 212—256	— Посыльная грамота, Повесть.
66. БяЛ, Тихонр. 396, XVII в., сборн., лл. 296—331	— То же.
67. ГИМ, Синод. 593, сер. XVII в., сборн., лл. 322—364	— Повесть, Посыльная грамота.
68. ГИМ, Синод. 272, сер. XVII в., сборн., лл. 485—509	— Посыльная грамота, Повесть.
69. БяЛ, Унд. 525, нач. XVIII в., отд. рукопись	— Повесть.
70. ГПБ, Q.XVII-114, XVII в., сборн., лл. 5—24 об.	— То же.
71. БяЛ, Унд. 603, XVII в., сборн., лл. 163—218 об.	— То же.
72. ГИМ, Барс. 380, XVII в., сборн., л. 111—140 об.	— То же.
73. ГИМ, Барс. 1551, XVII в., сборн., лл. 1—44	— То же.
74. ГИМ, Увар. 66 (1872), нач. XVIII в., сборн., лл. 332—345 об.	— То же.

Списки этой группы распадаются на две подгруппы: списки 64—69 (в этой подгруппе особенно близки между собой списки 64, 66, 69) и списки 71—74. Связующим между этими списками является список 70 — наиболее индивидуальный список этой группы.

Девятая группа

75.* ГПБ, Волк. 88 (56/1940), XVIII в., сборн. („Цветник“), лл. 233—271	— Повесть, Написание.
76. БАН, 23.1.12., к. XVIII в., сборн., лл. 137—207	— То же.
77. БяЛ, Унд. 300, к. XVIII в., сборн., лл. 136—162	— То же.
78. ГИМ, Востряк. 1163, к. XVIII в., сборн., лл. 5—24 об.	— То же.
79.* БАН, Успенск. 135, к. XVIII в., сборн., лл. 129—151	— То же.
80. ГИМ, Муз. 2850, к. XVIII—нач. XIX в., сборн., лл. 156—186 об.	— То же.
81. ГИМ, Муз. 2955, нач. XIX в., сборн., лл. 19—43 об.	— То же.
82. ГПБ, Q.I-1170, сер. XIX в., сборн., лл. 1—66 об.	— То же.

Все списки этой группы, которые можно разбить на две подгруппы — списки 75—78 и списки 79—82, находятся в сборниках старообрядческого происхождения (в них имеются разные полемические статьи — прения диакона Феодора, „о сложении перстов“, Соловецкая челобитная и др., а также жития Аввакума, Епифания, Лазаря и др.). Характерным для списков этой группы является отсутствие Посыльной грамоты и наличие полного текста Написания архиепископа Геннадия. Последний список этой группы — лицевой; он содержит 24 довольно примитивные иллюстрации.

Десятая группа

83. ГИМ, Востряк. 206, XVIII в., сборн., лл. 1—24.	— Повесть, Написание (начало), Посыльная грамота (без конца).
84. БяЛ, Унд. 1102, 1759 г., сборн., лл. 186—204	— Повесть, Посыльная грамота.
85. ГПБ, Погод. 1349, XVIII в., сборн., лл. 282—305	— Посыльная грамота, Повесть.

Для списков этой группы характерно наличие нескольких вставок из второй пространной и краткой редакций, что дает основание предположить, что переписчик протографа списков этой группы имел в своем распоряжении и первую и вторую пространные редакции.

Одиннадцатая группа

86. ГПБ, Титов. 1897 (76), XVII—XVIII в., сборн., лл. 92—95 — Отрывок (конец Повести).
 87. ГИМ, Увар. 795 (2067), XVIII в., сборн., лл. 84 — Посыльная грамота, об.—104 об. Повесть.
 88.* БАН, Успенск. 65, к. XVIII—нач. XIX в., сборн., — То же. лл. 48—68

Для списков этой группы характерно оригинальное заглавие Посыльной грамоты: „Отписка от Дмитрия грека из Рима ко архиепископу Геннадию великаго Новаграда и Пскова“.

Двенадцатая группа

89. ГИМ, Муз. 481, к. XVII в., сборн., лл. 48—74 — Посыльная грамота, Повесть.
 90. ГИМ, Забел. 464, XVII—XVIII в., сборн., лл. 18—45 — То же.
 91. ГПБ, Q.XVII-264, к. XVIII в., сборн., лл. 3—33 об., 103—106 об. — Посыльная грамота (без конца), Повесть (без конца).

Эти списки имеют оригинальное начало заглавия Повести: „История римская сиречь Повесть zelo чудна. Написано вкратце...“, и далее, как обычно.

Тринадцатая группа

- 92.* ГПБ, Мих. 262-Q, нач. XVIII в., отд. рукопись — Посыльная грамота, Повесть (без конца).
 93. БАН, 38.5.37, XVIII в., сборн., лл. 4—21 — Посыльная грамота, Повесть.
 94. ГИМ, Увар. 355 (21), к. XVIII в., сборн., лл. 165—191 — То же.

Четырнадцатая группа

95. ГПБ, Погод. 1294, к. XVII в., сборн., лл. 420 об.—443 об. — Посыльная грамота, Повесть.
 96. ГПБ, Погод. 1612, XVII в., сборн., лл. 161 об.—189 об. — То же.

Пятнадцатая группа

97. ГИМ, Муз. 1428, XVII в., сборн., лл. 66—93 — Посыльная грамота, Повесть.
 98. ГПБ, Q.XVII-184, XVII в., сборн., лл. 95—125 об. — Посыльная грамота, Повесть (без начала).

Шестнадцатая группа

- 99.* ГПБ, Погод. 1465, к. XVII в., хронограф, лл. 109—149 — Посыльная грамота, Повесть.
 100. ГПБ, Q.XVII-5, нач. XVIII в., сборн., лл. 1—54 об. — То же.

Семнадцатая группа

101. ГПБ, Титов. 2075 (523), XVIII в., сборн., лл. 152—273 — Написание (начало), Посыльная грамота, Повесть (без заглавия).
 102. БАН, 33.17.32, к. XVIII в., сборн., лл. 74—94 об. — Написание, Посыльная грамота, Повесть.

Особенностью списков этой группы, отличающихся от остальных множеством дополнений, вставок, инверсий и совершенно видоизмененным (сокращенным) концом Повести, является употребление начала Написания (тот же самый кусок, что и в некоторых списках пятой группы) в качестве заглавия всего произведения.

Восемнадцатая группа

103. БиЛ, Тихонр. 552, к. XVII в., сборн., лл. 1—36 — Посыльная грамота,
Повесть.
104. ГИМ, Щук. 91, к. XVII—нач. XVIII в., отд. рукопись — То же.

Разночтения этих двух списков с основным, вначале значительные, к концу сходят на нет.

Индивидуальные списки

105. ГПБ, Титов. 1503 (78), XVII в., сборн., лл. 39—62 об. — Посыльная грамота,
Повесть.
106. ГПБ, 0.1-1021, XVII в., сборн., лл. 294—322 об. — Повесть.
107. БиЛ, Муз. 613, сер. XVII в., Степенная книга, — Посыльная грамота,
Повесть.
108. ГИМ, Муз. 2872, к. XVII в., сборн., лл. 337—367 — То же.
109. ГИМ, Увар. 522 (1930) (437), к. XVII в., сборн., — То же.
лл. 68—110
110. БАН, Д-279 (Арханг. сем. № 131), к. XVII в., сборн., — То же.
лл. 187—210
111. ГПБ, Ф. XVII-15, к. XVII—нач. XVIII в., сборн., лл. 38 — То же.
об. — 54
112. ГИМ, Муз. 3958, XVIII в., сборн., лл. 1—36 об. — Посыльная грамота,
Повесть, Написание,
113. ГИМ, Барс. 448, XVIII в., отд. рукопись — Посыльная грамота,
Повесть,
Написание.
114.* ГПБ, Волк. 116, 1824 г., сборн., лл. 78—106 — Посыльная грамота,
Повесть, Написание.
115. ГИМ, Муз. 2097, сер. XVIII в., сборн., лл. 62 об.—77 об. — Повесть.
116. ГИМ, Барс. 1625, к. XVIII в., сборн., лл. 94—111 об. — Повесть (с большим
пропуском в сере-
дине).
117.* ИИ, Лихач. 58, XVII в., сборн., лл. 324—329 об. — Посыльная грамота,
Повесть (начало).

Варианты

118. БиЛ, Муз. 2522, XVII в., сборн., лл. 160—174 — Посыльная грамота,
Повесть.
119. ГИМ, Муз. 3610, XVII в., отд. рукопись — Посыльная грамота,
Повесть, Написание.
120. ГИМ, Муз. 2506, XVII в., сборн., лл. 122 об.—129 — Посыльная грамота,
Повесть.
121. ГИМ, Муз. 2909, 1806 г., сборн., лл. 573—607 — Повесть, Написание.
122. ГИМ, Епарх. 652, XIX в., отд. рукопись — Посыльная грамота,
Повесть, коммента-
рий.

II. ВТОРАЯ ПРОСТРАННАЯ РЕДАКЦИЯ

- 123.* ГПБ, Тихан. 591, XVIII в., сборн., лл. 1—36 об. — Посыльная грамота,
Повесть, (основной
список).
124. БАН, 19.2.14, нач. XVII в., сборн., лл. 580 об.—750 об. — Посыльная грамота,
Повесть (начало).
125. ГПБ, Титов. 1487 (107), XVIII в., отд. рукопись — Посыльная грамота,
Повесть (вариант).
126. ГПБ, Погод. 1350, к. XVII в., сборн., лл. 132—163 — Посыльная грамота,
Повесть (с пропу-
ском).

127. ГИМ, Увар. 1873 (5), к. XVII в., сборн., лл. 184 — То же.
об. — 210

128. ГИМ, Забел. 505, нач. XVIII в., сборн., лл. 35—56 об. — Повесть (с пропу-
ском).

Три последних списка весьма близки друг с другом, имеют общий протограф, восходящий к архитипу этой редакции, к которому непосредственно восходят основной список и список 124. Список 125 является вариантом этой редакции.

III. КРАТКАЯ РЕДАКЦИЯ

1. Первоначальный вариант

129. ГПБ, Вяз. 55, Q. XVI—XVII в., сборн., лл. 133—144 об. (основной список).
130. ГИМ, Епарх. 372/26, XVI—XVII в., сборн., лл. 119—124.
131. ГИМ, Увар. 1868 (40), 1622 г., сборн., лл. 31—33 об.
132.* ГПБ, Солов. 857 (967), XVII в., сборн., лл. 61 об.—67.
133. ГИМ, Увар. 1817 (530), XVII в., сборн., лл. 427—432.
134. ГПБ, Погод. 1558, XVII в., сборн., лл. 109 об.—112.
135. ГИМ, Барс. 1801, XVII в., сборн., лл. 27—30.
136. БиЛ, Фунд. 195, XVII в., сборн., лл. 219—227.
137. БиЛ, Унд. 593, XVII в., сборн., лл. 49—53.
138. БиЛ, Унд. 601, XVII в., сборн., лл. 31—39.
139. БиЛ, Тихонр. 378, XVII в., сборн., лл. 270—275.
140.* ГПБ, Q. XVII-77, нач. XVIII в., сборн., лл. 160—163 об.
141. ГИМ, Востряк. 1011, XVIII в., сборн., лл. 62 об.—68.

2. Основной вариант

- 142.* ГПБ, Солов. 854 (964), XVI в., сборн., лл. 261 об.—266 об. (основной список).

Первая группа

143. БиЛ, Унд. 1309, XVII в., сборн., лл. 104—110 об.
144. ГПБ, Погод. 1600, XVII—XVIII в., сборн., лл. 149—161.
145. ГИМ, Муз. 2166, к. XVII в., сборн., лл. 723 об.—798 об.
146. БиЛ, Рум. 35, XIX в., выписки из рукоп. книг, лл. 31—34 об.

Вторая группа

147. ГИМ, Синод. 141, нач. XVII в., сборн., лл. 172 об.—177.
148. ГИМ, Синод. 140, перв. пол. XVII в., сборн., лл. 134 об.—138.
149. ГИМ, Воскрес. 112, XVII в., сборн., лл. 240—245.

Третья группа

150. ГИМ, Муз. 3939, XVII в., сборн., лл. 237 об.—438 об.
151. ГИМ, Муз. 1198, XVII в., сборн., лл. 253—260 об.
152. ГИМ, Муз. 1961, XVIII в., сборн., лл. 146—153 об.

Четвертая группа

153. БиЛ, Рум. 361, XVI—XVII в., сборн., лл. 309—313.
154. ГИМ, Вахрам. 483, XVIII в., сборн., лл. 63—72.

Пятая группа

155. ГИМ, Чудов. 335, нач. XVII в., сборн., лл. 235 об.—240.
156. ГПБ, СПб. дух. акад. 270, XVII в., сборн., лл. 43—48.

Шестая группа

157. ГПБ, ОЛДП 48 (1454) F, нач. XVII в., сборн., лл. 9 об.—14.
158. БиЛ, Тихонр. 587, XVII в., сборн., лл. 82—86.

Седьмая группа

159. ГИМ, Забел. 433, нач. XVIII в., сборн., лл. 70—75 об. (дефект).
160. ГПБ, О. XVII-10, XVII в., сборн., лл. 311—320.

Восьмая группа

161. ГИМ, Увар. 1894 (848), XVII в., сборн., лл. 146—151.
162. ГИМ, Единов. 94, к. XVII в., сборн., лл. 217—221.

Девятая группа

- 163.* Петрозаводск, 336, сер. XVIII в., сборн., лл. 118—126.
164. ГПБ, Q. XVII-199, к. XVIII в., сборн., лл. 76—81.

Десятая группа

165. БАН, Д 177, к. XVI в., сборн., лл. 239—245.
166. Бил, Унд. 1071, XVII в., сборн., лл. 511 об.—515.

Индивидуальные списки

167. ГИМ, Синод. 756, XVI в., сборн., лл. 27—29.
168. ГПБ, O.XVII-60, к. XVI в., сборн., лл. 236—243.
169. ГИМ, Увар. 482, к. XVI в., сборн., лл. 312—316.
170. ГПБ, Солов. 330 (350), XVI—XVII в., сборн., лл. 422—430.
171. ГПБ, O.XVII-177, нач. XVII в., сборн., лл. 406 об.—412.
172. БАН, 21.2.18, нач. XVII в., сборн., лл. 157—161 об.
173. ГПБ, F.1-243, XVII в., сборн., лл. 321—325.
174.* ГПБ, Солов. 912, XVII в., сборн., лл. 204—209.
175. ГПБ, СПб. дух. акад. 304, XVII в., сборн., лл. 310—316.
176. ГПБ, O.1-426, XVII в., сборн., лл. 157—162 об.
177. ГПБ, Погод. 1309, XVII в., сборн., лл. 421—426 об.
178.* ГПБ, Солов. 875 (985), XVII в., сборн., лл. 211—217.
179. ГИМ, Синод. 253, 1623 г., сборн., лл. 164—167.
180. ГИМ, Синод. 451, 1634 г., Тропник, лл. 149—156.
181. ГИМ, Увар. 1880 (138), XVII в., сборн., лл. 74 об.—78.
182. ГИМ, Муз. 719, XVII в., сборн., лл. 560 об.—564.
183. ГИМ, Муз. 1615, XVII в., сборн., лл. 97 об.—100.
184. ГИМ, Увар. 1921 (1173), XVII в., сборн., лл. 80—85.
185. Бил, Троицк. 739 (1518), XVII в., обиходник, лл. 610 об.—614 об.
186.* ГПБ, Q. I-1009, XVII в., сборн., лл. 691—696.
187. ГИМ, Муз. 581, к. XVII в., сборн., лл. 57—62 об.
188. БАН, 21.4.16, к. XVII в., сборн., лл. 130—134 об.
189. Бил, Унд. 592, к. XVII в., сборн., лл. 77—87 об.
190. БАН, 33.4.9, XVII—XVIII в., сборн., лл. 257—262 об.
191. ГПБ, Погод. 1958, XVIII в. сборн., лл. 53—58 об.
192. ГИМ, Щук. 516, XVIII в., сборн., лл. 26 об.—33.
193.* ГПБ, собр. Зинченко (нешифр.), сборн. без пагинации.

Варианты

194. Бил, Унд. 614, к. XVII в., сборн., лл. 208 об.—209 об.
195. ГИМ, Востряк. 1258, нач. XVII в., сборн., лл. 137 об.—138 об.
196. ГИМ, Синод. 456, к. XVI в., сборн., лл. 206—210.

IV. КРАТЧАЙШАЯ РЕДАКЦИЯ

197. БАН, 33.9.8, XVIII в., сборн., лл. 295 об.—299 (основной текст).
198. БАН, 21.8.16, к. XVIII в., сборн., лл. 108—109 (дефект).
199.* ГПБ, Q.XVII-252, XVII—XVIII в., сборн., лл. 130 об.—131 об.
200.* ГПБ, Солов. 911 (1021), XVII в., сборн., лл. 269—270 об.
201. ГИМ, Синод. 648, XVII в., сборн., лл. 667—671.
202. ГИМ, Синод. 686, XVII в., сборн., лл. 330—333.
203. ГИМ, Муз. 1640, XVII в., сборн., лл. 22 об.—25.

Списки 197 и 198 восходят непосредственно к архетипу этой редакции; списки 199 и 200, а также списки 201 и 202 попарно восходят к общим протографам, через которые восходят к архетипу. Список 203 является переходным от кратчайшей редакции к краткой.

V. ОСОБАЯ РЕДАКЦИЯ

204. ГИМ, Забел. 495, XVII—XVIII в., сборн., лл. 68—71 об.
205. ГИМ, Забел. 508, XVIII в., сборн., лл. 68—81.

VI. ОТДЕЛЬНЫЕ ЧАСТИ ПОВЕСТИ

1. Посыльная грамота

206. БиЛ, Рум. 459, XVII в., сборн., лл. 522 об.—524 об.
207. БАН, 21.2.16, XVIII в., сборн., лл. 67—73.
208.* ГПБ, собр. Зинченко, 1837 г., 2 разрозненных листа.
Последний список является наиболее индивидуальным, отличающимся значительными разночтениями, ни с одной из групп или списков не совпадающими.

2. „Видение патриарха Филофея“

209. ГПБ, Титов. 1581 (122), XVIII в., сборн., лл. 94—95 об.
210. ГИМ, Муз. 692, 1797 г., сборн., лл. 649 об.—650.
Оба эти совершенно аналогичные списка озаглавлены так: „Об истории римской. Видение Филофея, патриарха Царяграда о белом клобуке, егда явися ему царь Константин и папа Силвестр“. В них, без особых разночтений с основной группой списков первой пространной редакции, приводится первая часть видения Филофея (начинается отрывок несколько ранее — с попытки присвоения Филофеем белого клобука), с формулировкой идеи „Русь — третий Рим“ и далее до аналогии белого клобука с шапкой Мономаха (следующая за этим фраза о соотношении церковной и светской власти в этих списках отсутствует).

211. ГПБ, Погод. 1340, к. XVII в., сборн., лл. 431—433 об.

В этом списке, озаглавленном „Выписано изыстории о белом клобуке, о явлении царя Константина и о патриархе Филофее“, приводится отрывок, аналогичный двум предыдущим, но начинающийся непосредственно с видения Филофея. Кончается этот список дальше двух предыдущих, и в нем пророчество о Русской земле приведено почти до конца (нет только фразы о патриаршестве и заключительной фразы: „и страна та наречетца светлая Россия...“), но с большим пропуском в середине.

212. БиЛ, Муз. 268, XIX в., отд. рукопись, лл. 17 об.—18 об.

Вся эта рукопись озаглавлена „Хождение Арсения Суханова“. В ней под заглавием „Выписано из истории о Силвестре папе и о царе Константине и о белом клобуке“ помещается отрывок Повести о новгородском белом клобуке, приводящий видение Филофея до конца, с некоторыми разночтениями и пропусками отдельных слов, а также вставками от себя, акцентирующими тот или иной момент повествования. Например: „Слышите к тому и разумеите“, „и паки к тому прирече“, а после фразы о русском царе, о том, что его „возвеличит господь над многими языки“, добавлено: „яко же и бысть“. Заканчивается этот отрывок также своеобразной религиозной сентенцией с ссылкой на Евангелие. Эти вставки усиливают устно-поэтический стиль этого отрывка, что естественно, так как он включен в текст спора Арсения Суханова с греками.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Написание архиепископа Геннадия

Основной текст приводится по рукописи конца XVII в., (БАН, 21.8.7., лл. 151 об.—155 об.; см. Приложение I, список 10); разночтения даны по следующим спискам:¹

¹ После порядкового номера каждого списка в скобках дан его номер по Приложению I.

- 1 (119). ГИМ, Муз. 3610, нач. XVII в. (в разночтениях обозначается *А*).
 2 (43). ГПБ, Q.1-254, сер. XVII в. (в разночтениях обозначается *Б*).
 3 (4). ГПБ, Солов. 865 (965), нач. XVII в. (в разночтениях обозначается *В*).
 4 (13). ГИМ, Увар. 619 (1931) (448), нач. XVIII в. (в разночтениях обозначается *Г*).
 5 (46). ГПБ, Мих. 261, Q, к. XVI—XVII в. (в разночтениях обозначается *Д*).
 6 (53). ГИМ, Забел. 467, к. XVII в. (в разночтениях обозначается *Е*).
 7 (78). ГИМ, Востряк. 1163, к. XVIII в. (в разночтениях обозначается *Ж*).
 8 (80). ГИМ, Муз. 2850, к. XVIII в. (в разночтениях обозначается *З*).
 9 (75). ГПБ, Волк. 88, нач. XVIII в. (в разночтениях обозначается *И*).
 10 (83). ГИМ, Востряк. 206, сер. XVIII в. (в разночтениях обозначается *К*).
 11 (121). ГИМ, Муз. 2909, 1806 г. (в разночтениях обозначается *Л*).
 12 (114). ГПБ, Волк. 116, 1894 г. (в разночтениях обозначается *М*).

1 НАПИСАНИЕ АРХИЕПИСКОПА ГЕНАДИЯ²

Сия же написания³ аз⁴ архиепископ Генадие известно уведав и зело возрадовахся⁵ великою радостию,⁶ яко сподобихся при своем мне⁷ пер-вострольстве⁸ великаго архиерейства⁹ извещение прияти о святом белам клобуке, где сотворен¹⁰ бысть и како прииде в великий Новград.¹¹ Прочая же изысках малая некая о том же белам клобуке в соборней церкви. И сия разстоящая¹² многая и различная аки¹³ на поле чисте многия¹⁴ цветы во един собрав своими написании,¹⁵ добре уяснив¹⁶ и соборней церкви предав на уверение¹⁷ православным.

Димитрие же он Толмач в Риме и во Флоренцы граде бе два лета, неких ради нужных взысканиих.¹⁸ Егда же прииде оттуду, аз же смиренный Генадие архиепископ даровах ему имения многа и одежами¹⁹ и пищаи удовлах.

²⁰От сего²¹ же времени благочестия любитель святейший Генадие архиепископ²² устав сидев предаде соборней церкви. Егда²³ же хотяше служити божественную литоргию и вшед в церковь, клобук со главы своя сняв, положаше его²⁴ раме своей.²⁵ И входя во олтарь и по целовании святых икон, пришед ста на месте в церкви идеже облачашеся во святительский сан. Хотяй же с ним служити поп приношаше пред него блюдо сребрено позлащено. Архиепископ же клобук с²⁶ раму своєю²⁷ сняв и положаше его на блюде оном. Поп²⁸ же отшед,²⁹ поклонився³⁰ архиепископу³¹ благочинно и блюдо оно³² клобуком поставляше³³ во олтаре³⁴ на нарочите месте близ святых трапезы³⁵ до отпущения божественныя литоргия. По совершении же святых службы протопоп или честнейший игумен, служа со архиепископом,³⁶ во всем чину взимае³⁷ с места³⁸ блюдо оно, на нем же святой клобук лежаше, и³⁹ приношаше⁴⁰ ко архиепископу.⁴¹ Архиепископ же⁴² взимае⁴³

1—2 *АК нет.* 2—3 *Е нет.* 4 *БВГ нет.* 5—6 *Л* о сем. 7 *А нет.* 8 *БК* святительстве. 8—9 *К нет.* 10 *Конец списков Б, Д и К.* 11—22 *Л нет.* 12 *А* растуще. 13—14 *Г нет.* 15—16 *Г* добродревних. 17 *З* утверждение. 18 *А* потреб. 19 *В* одержащими. 20—21 *ИЖЗ* всего же. 23 *В нет.* 24—25 *А* место свое. 26—27 *А* главы своя. 28 *А* Он. 29 *Л нет.* 30 *А* поклоняется. 31—32 *Л* и вшед во олтарь. 33—34 *Л нет.* 35 *М доб.* и тамо стояше. 36—39 *А* и паки. 37—38 *Ж* ему. 40—41 *Л нет.* 42—45 *Л нет.* 43 *Ж нет.* 43—44 *ГМ* с

блюдо и ⁴⁴ святой ⁴⁵ клобук положаше его ⁴⁶ на свою главу и отхождаше во своя. Тако же и в келии своей ⁴⁷ святой он клобук ⁴⁸ положаше на блюде честне.⁴⁹

На ⁵⁰ честные же и великия праздники господа нашего Исуса Христа ⁵¹ и пречистыя богородицы, паче же на цветоносный день, Генадие архиепископ, егда шествие творяше на жребяти и ⁵² осли к церкви святого Иерусалима,⁵³ юже созда боголюбивый Василие архиепископ и того дни в дому ⁵⁴ святыя Софеи премудрости божии в велицей полате трапезу поставляя и князей и бояр питая и нарочитых православных ⁵⁵ великаго Новаграда, такоже и священный чин добре учрежая многими брашны. По скончании же честнаго оногo торжественнаго пиршества и по раздаянии ⁵⁶ хлеба пречистыя богородицы ⁵⁷ святейший Генадие архиепископ повелевая молчанию быти ⁵⁸ всем в полате сущим ⁵⁹ и о святем белом клобуке написания ⁶⁰ повесть веляше чести велегласно добре умеющему причетнику. И вси в сладость послушаху чтомаго и чудесам божиим дивящеся ⁶¹ и святой белый клобук благодаряху.⁶² По чтении ⁶³ же священники ⁶⁴ и дьяки певчии ⁶⁵ и подьяки державному государю и великому князю пояху многолетие,⁶⁶ потом же архиепископу. И тогда святейший Генадие благословение дая комуждо, такоже и клобук целоваху его. И чашу ⁶⁷ пречистыя богородица ⁶⁸ раздая своими руками всем православным ⁶⁹ и удовляя всеми.⁷⁰ И потом отхождаше во своя предидущим ему подьякам во священных одеждах со свещами и пение празднику поюще провожающе ⁷¹ его честно.⁷² Генадие же архиепископ учрежая их доволно. И сия убо о сих до zde.

блюда. ⁴⁵ Ж доб. белый. ⁴⁶ Л клобук. ^{46—48} Л нет. ⁴⁹ Конец списков ЕИЖ. ^{50—51} Л на владычние праздники. ⁵² АЛМ нет. ^{53—54} Л иже есть. ⁵⁵ Л нет. ^{56—57} Л святого антидора. ^{58—59} АВЛ от всех в полате сущих. ⁶⁰ Л написанную; М нет. ^{61—62} Л нет. ⁶² Г доб. бога. ⁶³ Ж утрени. ^{64—65} Г и дьяконы. ⁶⁶ А многолетно. ^{67—68} А заздравную. ^{69—70} А нет. ⁷¹ ИЖЗ провождают. ⁷² Конец списка Л; М доб. и о сих до zde. Конец списка М; А доб. и сия о святем клобуке до zde. Конец списка А.

Е. Н. КИМЕЕВА

„Послание митрополиту Даниилу“ Федора Карпова

Федор Иванович Карпов предстает перед нами не только как известный дипломат, но и как писатель-публицист, образованнейший человек своего времени. Однако, характеризуя Ф. Карпова, нельзя ни на минуту отвлекаться от конкретной исторической обстановки, от той политической борьбы между сторонниками сильной неограниченной власти государя и противниками ее, которая разгоралась все острее и нашла свое окончательное разрешение в „опричнине“ Ивана Грозного (1564). Нам важно выяснить, идеологию каких кругов господствующего класса выражал Ф. Карпов в своей публицистической и общественной деятельности.

Хотя сведения о Ф. Карпове в источниках скудны и касаются, главным образом, его дипломатической деятельности, но они все же позволяют сделать определенный вывод о принадлежности Ф. Карпова к оппозиционно настроенным слоям господствующего класса. Попробуем доказать это, основываясь на тех сведениях, которые дают нам источники.

Из документов мы узнаем о связи Ф. Карпова с Максимом Греком.¹

Акад. В. С. Иконников в своей работе „Русские общественные деятели XVI в.“² сообщает, что по прибытии Максима Грека в Русское государство вокруг него сплотился тесный кружок одинаково мыслящих лиц. Его келья стала местом собрания, куда сходились „книжные“ люди толковать о делах книжных и общественных нуждах; иногда их беседа доходила и до политических обстоятельств Русского государства.³ В. С. Иконников сообщает нам и имена лиц, постоянно посещавших Максима Грека. Вот они: князь Петр Шуйский, князь Андрей Холмский, Василий Михайлович Тучков, Иван Данилович Сабуров, Иван Никитич Берсень-Беклемишев, дьяк Федор Жареный, Ф. Карпов, Дмитрий Герасимов, Нил Курлятев, князь-инок Вассиан Косой, князь Андрей Курбский и др.⁴ Все это были люди, так или иначе настроенные оппозиционно к существующей государственной власти. Это были, несомненно, представители двух поколений оппози-

¹ О Максиме Греке см. следующие работы: В. С. Иконников. Максим Грек и его время. Изд. 2-е, Киев, 1915; В. Ф. Ржига. Максим Грек как публицист. Труды Отдела древнерусской литературы, вып. 1, 1934; И. И. Смирнов. К вопросу о суде над М. Греком. Вопросы истории, № 2—3, 1946.

² В. С. Иконников. Русские общественные деятели XVI в. Киев, 1866.

³ Там же, стр. 44.

⁴ Там же.

ционно настроенных слоев господствующего класса. На то обстоятельство, что это были представители именно двух поколений, указывают косвенные данные. Не мог же князь Андрей Курбский, родившийся в 1528 году, посещать Максима Грека в первые годы приезда последнего на Русь. Видимо, представители старшего поколения имели связи с Максимом Греком до его заточения, т. е. в начале 20-х годов. Это и Берсень-Беклемишев, и Василий Михайлович Тучков, и дьяк Жареный, и Вассиан Косой, и Ф. И. Карпов, и др. Представители же младшего поколения были связаны с Максимом Греком уже после его освобождения, т. е. в 50-е годы (Андрей Курбский, Нил Курлятев и др.). Многие из людей старшего поколения поплатились жизнью за свои выступления против центральной власти: Берсень-Беклемишев казнен в 1525 году, Дьяк Жареный заточен в темницу тоже в 1525 году, князь Вассиан Косой заточен в монастырь в 1531 году.

И. И. Смирнов в своей статье „К вопросу о суде над Максимом Греком“¹ доказывает принадлежность Максима Грека к боярской оппозиции. Он считает, что связь Максима Грека с представителями опального боярства находит объяснение в его резко враждебной настроенности против центральной власти.

Разумеется, консервативное боярство не тянулось бы так к Максиму Греку, если бы не видел в нем своего единомышленника. Также и Ф. Карпов, связанный с консервативными боярскими кругами, не мог в какой-то мере не разделять их взглядов. Нам известна характеристика, данная Ф. Карпову Андреем Курбским: он назвал его „разумным мужем“.² Яркий представитель оппозиции, противник сильной центральной власти, изменивший Родине и бежавший в Литву, князь Андрей Курбский не стал бы так благосклонно и с явным уважением отзываться о Ф. Карпове, если бы не видел в нем сторонника тех же порядков, которые он сам защищал перед царем. В высказываниях же Курбского о лицах, близких к Ивану Грозному и защищавших неограниченную власть последнего, много зла, едкой иронии, прямой ненависти: Вассиан Топорков, посветовавший царю не иметь около себя советников, — „вселукавый мних“.³ Другие — это и „презлые ласкатели“⁴ и „пагубники отечества“.⁵ А сколько в этих характеристиках прямого унижения сторонников Грозного: „сильных и славных изгнал, вместо же храбрых и нарочитых мужей усердствуешь с воеводишками и каликами“.⁶

Оппозиционность Ф. Карпова нашла свое отражение только в его публицистической деятельности, в его связях с Максимом Греком и консервативными княжеско-боярскими кругами. Связи эти, повидимому, не были чисто внешними, основой их служило одинаковое критическое отношение к современному политическому строю.

Характерно, что боярские оппозиционные круги были очень недовольны внешней политикой Василия III, особенно его политикой по отношению к восточным странам. Опальный Берсень-Беклемишев резко критиковал ее, хорошо зная все подробности: „А во се ныне отовсюду

¹ И. И. Смирнов. К вопросу о суде над Максимом Греком. Вопросы истории, № 2—3, 1946.

² Сочинения кн. А. Курбского. Русская историческая библиотека, т. XXXI. СПб., 1914, стр. 436.

³ Н. Устрялов. Сказания князя А. М. Курбского. СПб., 1868, стр. 212.

⁴ Там же, стр. 200, 212.

⁵ Там же.

⁶ Там же, стр. 212.

брани, ни с кем нам миру нет: ни с Литовским, ни с Крымским, ни с Казанью, все нам недрузи, а за наше нестроенье“.¹ Критиковал Берсень-Беклемишев и политику великого князя в отношении Турции.² Он мог получать столь подробные сведения о восточных делах и от Ф. Карпова, который принимал самое активное участие в сношениях с восточными странами и, встречаясь нередко с Берсением у Максима Грека, имел возможность посвящать его в дела внешней политики.

Однако открытых выступлений против существующего порядка у самого Ф. Карпова не было, хотя в деле Берсень-Беклемишева (политический процесс 1525 года) и был замешан его двоюродный брат Петр Муха Карпов.³ Поэтому для определения социальной принадлежности Ф. Карпова, для характеристики его взглядов особенно важное значение имеют его публицистические произведения.

До нас дошло всего три его произведения: два послания Максиму Греку и одно митрополиту Даниилу.⁴ В. Ф. Ржига сообщает о наличии еще одного (неопубликованного) произведения Ф. Карпова — послания к иноку Филофею, находящегося в Москве, в Государственной Библиотеке СССР им. В. И. Ленина, среди рукописей Н. С. Тихонравова. Но источники позволяют нам сделать предположение о более широкой публицистической деятельности Ф. Карпова. В частности, из произведений Максима Грека можно установить наличие оживленной переписки между ними, обмена мыслями по важным вопросам современности — об объединении церквей, православной и католической, и об астрологии.

В начале XVI века в Москве шла усиленная пропаганда идеи объединения церквей под главенством католической церкви. Этой пропагандой занимался великокняжеский врач, немец, родом из Любека, Николай Булев (Немчин). Он утверждал, будто разница между латинской церковью и православной не существенна и не препятствует соединению. Он же занимался распространением астрологических взглядов.

О Н. Булеве как о „профессоре медицины и астрологии и всех наук основательнейшем“ отзывался Франциск-де-Коло, посол императора Максимилиана, прибывший на Русь для посредничества в переговорах Василия III о мире с Литовско-Польским государством. Отзыв этот мог знать Ф. Карпов.⁵ Н. Булеву, видимо, и удалось заинтересовать своими идеями Ф. Карпова. Ф. Карпов, близко знавший Максима Грека, ценивший его ум и широкую образованность, не раз обращался к нему за разъяснениями по самым разнообразным вопросам, а по поводу идеи соединения церквей даже вызывал его на полемическую дискуссию с Николаем Немчиным.⁶ В ответ на обращение Карпова Максим Грек написал в два приема огромный трактат — „Слово на

¹ Отрывок следственного дела И. Берсень-Беклемишева. Акты Археографической экспедиции, т. I, № 172.

² Там же.

³ М. Н. Тихомиров. Новый памятник московской политической литературы XVI в. Сб. „Московский край в его прошлом“, ч. 2, М., 1930, стр. 112.

⁴ „Послание митрополиту Даниилу“ издано В. Г. Дружининым в „Летописи знагий Археографической комиссии“ (вып. 21, 1908, стр. 106—113; далее сокращенно — ЛЗАК), послания Максиму Греку изданы: одно в сочинениях Максима Грека (Казань, 1897, ч. III, стр. 222—224), другое Н. К. Никольским в „Христианском чтении“ (1909, август, стр. 15—16).

⁵ В. С. Иконников. Максим Грек и его время, стр. 229.

⁶ Сочинения преподобного Максима Грека, ч. 1, Казань, 1895, стр. 188.

латинов“¹, в котором доказывал невозможность объединения православной церкви с католической.

Интерес Ф. Карпова к идее соединения церквей был своеобразным проявлением оппозиционности к существующему строю. Ведь иосифянская церковь, только недавно освободившаяся из-под опеки византийской церкви, ни в коем случае не могла благосклонно относиться к идее соединения церквей да еще под главенством католической церкви, и, следовательно, эта идея не могла быть одобрена и центральной властью.

В немногих сохранившихся своих произведениях Ф. Карпов выступает перед нами как человек с пытливым, беспокойным и ищущим умом. Он пытался освободиться от нерушимых церковных догм, проникнуть в самую суть явлений. Ему была чужда религиозная схоластика. В этом отношении особенно интересно его обращение к Максиму Греку по поводу встреченных им противоречий в Библии. Карпов пытается добиться разрешения своих сомнений: „... аз же ныне изнемогаю умом, в глубину впад сомнения, прошу и мил ся дею, да ми некая целебная присиплещи и мысль мою успокоиши“.² И далее: „не премолчит бо во мне многоопытный мой помысел, хоцет ведати, ему же несть господин, и тшится найти, его же несть изгубил, мыслит чести, его же несть учил, хоцет победити, ему же несть победил“.³

Критическое отношение Ф. Карпова к религиозной догме, его пытливость и постоянные искания были средством борьбы с религиозной схоластикой официальной церкви.

Против астрологических воззрений Ф. Карпова направлен ряд сочинений Максима Грека. Но, выступая против заблуждений Карпова, Максим Грек остается высокого мнения о нем, о его уме и способностях. Это видно и по тону его посланий и по обращению к Ф. Карпову. Он пишет, что астрологические взгляды не достойны „благочестию и разуму твоему“,⁴ называет Ф. Карпова „честнейшим Феодором“,⁵ „мудрейшим Феодором“⁶ и т. д. и особо подчеркивает, что выступает не вообще против „приобщения к наказанию словесных учений, украшающих божия человека, а лишь от излишних и заповеданных священными правилами и отлучающих убо верные помыслы от веры и от упования яже от бога“.⁷

Все это свидетельствует о том, что между Ф. Карповым и Максимом Греком существовали не только внешние, но и глубокие идейные связи, на которые не могли повлиять даже разногласия в вопросах об отношении к религиозной догме.

Из произведений Максима Грека мы узнаем еще о двух увлечениях Ф. Карпова — медициной и философией, но источники не дают нам возможности выяснить, в чем проявлялся интерес Карпова к этим наукам. Кроме того, читая произведения Ф. Карпова, можно установить следы знакомства его с отдельными произведениями античной литературы. Так, в „Послании митрополиту Даниилу“ он цитирует Аристотеля и дает дословный перевод двух стихов из „Метаморфоз“

¹ Сочинения преп. Максима Грека, ч. I, XII — XIII слова.

² Там же, ч. III, 1897, стр. 222.

³ Там же, стр. 222—223.

⁴ Там же, ч. I, стр. 278.

⁵ Там же, стр. 186.

⁶ Там же, стр. 205, 207.

⁷ Там же, стр. 298.

Овидия.¹ Ф. Карпов несомненно знал латинский язык, ибо переводов Овидия на древнерусский язык в то время не существовало. В послании к Филофею иноку Ф. Карпов пишет, что одобряет все написанное „гомеровым слогом“, проникнутое „риторским разумом“, искусно сложенное „не варварски, но грамматически“.² Из тех же его произведений можно установить, что Ф. Карпов прекрасно знал богословскую литературу и нередко цитировал ее. Знание Ф. Карповым татарского языка было связано с его дипломатической деятельностью как необходимое для переговоров с восточными государствами.

Ф. Карпову было свойственно критическое отношение к своим собственным знаниям. Так, в послании к Максиму Греку он писал: „мнитмися, отче, подобает недомыслящемуся не стыдиться о них же недомыслия, но исповедати свое неразумение мудрейшим“.³

* * *

Живя в бурную эпоху и вращаясь в высших сферах, Ф. Карпов не мог остаться в стороне от волнующих политических проблем своего времени, в стороне от все более обострявшейся политической борьбы. Борьба эта развивалась в различных направлениях и имела самые разнообразные формы и оттенки выражения.

В среде оппозиционного консервативного боярства мы видим, с одной стороны, лиц, непримиримо настроенных по отношению к усиливающейся великокняжеской власти и открыто выступавших против самодержавной власти. К таким относится боярин Берсень-Беклемишев. С другой стороны, часть тех же оппозиционно настроенных лиц боялась открыто выступить с критикой существующих порядков, затаив в себе недовольство усиливающейся центральной властью, и высказывала это недовольство лишь при случае, в частных письмах и посланиях, в тщательно прикрытой форме. Нередко представители этой группы в своей служебной деятельности были тесно связаны с ненавистной им самодержавной властью. К таким относится и боярин Ф. И. Карпов, дипломатическая деятельность которого была непосредственно направлена на укрепление новой власти.

Для характеристики политических взглядов Ф. Карпова исключительную важность представляет его „Послание митрополиту Даниилу“. Это послание было обнаружено В. Г. Дружининым в „Сборнике XVI в.“, вывезенном из города Кемь и приобретенном в 1908 году Рукописным отделом Публичной библиотеки (л. 313—329), и вместе с несколькими другими памятниками „Сборника“ было им опубликовано.⁴ Послание имеет следующее заглавие: „Высокия книжности разуму уроженному, святейшему господину Данилу митрополиту всеа Руси раб святыни твоеа Феодорець Иванов сын Карпов челом бьет“. Язык послания изящный и образный, но в то же время довольно сложный и трудный.

Если бы мы ничего не знали о личности Ф. Карпова из других источников, то даже по одному этому посланию могли бы судить об его широкой образованности. Послание дает нам возможность отметить прекрасное знание Ф. Карповым богословской литературы, интерес к античным авторам, в частности знание Аристотеля и Овидия.

¹ ЛЗАК, вып. 21, 1908, стр. 112.

² Известия Академии Наук, № 15, 1914, стр. 1105.

³ Сочинения преп. Максима Грека, ч. III, стр. 222.

⁴ ЛЗАК, вып. 21, 1908, стр. 106—113.

В послании выражаются взгляды Ф. Карпова на окружавшую его действительность. Это — единственный источник, сохранивший до нашего времени его политические взгляды. Судя по посланию, взгляды Ф. Карпова на государственную власть резко расходятся со взглядами митрополита Даниила.

Начинается послание похвалой митрополиту Даниилу. Этой теме, а с другой стороны, полемике с митрополитом Даниилом посвящена значительная часть послания. Ф. Карпов не скупится на похвалы, говорит о совершенствах митрополита Даниила, о его широкой образованности, однако самый преувеличенный тон этих похвал наводит на мысль об ироническом отношении к адресату: „Како бо возможно есть мне не свершеному от свершенных и вышних вещей свершенешему тебе отвецати... Елико звезды отстоят от земли, и елико запад от вьстока, и свет от тмы, и сладкое от горкаго, и белость от черности, толико исповедую моему несвершению отстоати от твоего свершения“.¹ „Паки перо на похвалу обращу, добродетели зеркало именуа тебя, и поучения златаго — сладчайши орган напишю тебе славейша света учителю, не сумнюся убо и звездою светлою нарици тебе, от нея же лучи злаго слуха не исходят, ты светилник горящ, иже тмы омрачения не весть; ты благовонный цвет добродетели, иже смрада оклеветателного гнушается, ты бисер всех благых, ты свет учителем, ты уста Христова, ты глас небесный, ты книжник живота, иже о мне, мне и не хотящу славиши мя честию, ей же убо не достоин есмь, везде о мне проповедаеши и писаньи твоими угоднейшими мене чествуа, поздравляеши, в них же паки ты, славны православныа церкви свет, солнца яснее, мой темный ум мраком неведения омрачен и осиянию вечнаго света призываеши...“.² „Лепо есть и на всяко время на всяком месте от всего сердца, целым умом, всеми силами моими, свершенным желанием, делом и словом в всем животе моем тебе возлюблю, и не яз токмо но и вси вернии правии сердцем възлюбят и восхвалят тя, почтят и прославят тя купно со мною, иже тебя вчтена на святительство и наказана по очьского закона и истинне, аки отца чествують и тебе всякою премудростию опасному ведением наученому и учения исполнену, аки вожу, последуют жизнь, в ней же славятся блаженных души не ложно и следят. Твое бо учение светлое темного Феодора просвещает и по сих многая благодарения воздаю тебе за твоа благоддеяния...“.³

Эта часть послания проникнута едкой и тонкой иронией. Разумеется, Ф. Карпов не считал себя таким уж невеждой по сравнению с митрополитом Даниилом, как это можно вывести из его слов. Самоуничижение Ф. Карпова не искреннее, так же как и превозношение митрополита. Это своеобразный прием, к которому он прибегает, чтобы поиздеваться в скрытой форме над своим политическим противником. Не остались незатронутыми даже гастрономические вкусы митрополита Даниила: „Аз бо желаю, дабы писанеицо сие неученное твоим ученым ушесем тако бы сладко было, якоже устом моим сладка твоа рыбаца, ту не поданная“.⁴

Восхваление митрополита, его якобы „светлого“ учения нужно Ф. Карпову и для того, чтобы прикрыть свои собственные противоположные взгляды и переключить внимание митрополита на второсте-

¹ ЛЗАК, 1908, вып. 21, стр. 107.

² Там же.

³ Там же, стр. 107—108.

⁴ Там же, стр. 108.

пенные вопросы, показать себя „якобы“ его последователем. Это своеобразный дипломатический прием, к которому Ф. Карпов прибегает для маскировки своих взглядов.

Затем идет главная часть послания, которая содержит основные мысли автора. Эта часть наиболее важна для нас, так как отражает взгляды Ф. И. Карпова на государственную власть. Ф. Карпов ставит в этой части вопрос: что необходимо для существования государства — терпение или правда? Если терпение потребно для соблюдения владычества и царства, тогда напрасно сложены законы, тогда обычаи святы и благие уставы будут разрушены и сильные будут угнетать бессильных. Если надо жить, руководствуясь терпением, тогда зачем же царству или владычеству правители и князья? Ф. Карпов протестует против терпения: „... с молвою сильный погнетет бессильного, да тръпение имать“.¹ Не нужны будут тогда судьи в царстве, „зане терпение вся исполнит, идеже в терпении жити будет“.² Если же правда потребна во всяком „градском деле и царстве“, если по ней каждому свое воздается, „свято и праведно живется, тогда хвала тръпения погибнуть“.

В мирском обществе, руководствующемся терпением, господствуют насилия, истязания, люди за серебро приобретают себе слуг или оружие, или коней, или одежды красные. „Аз тръплю, — говорит Ф. Карпов, — не имея же предреченных, в что вменится мое тръпение, разве оставится от отечества, изгонится от службы честны, причтется нищко службе не потребне“.³ „Дело народное в градах и царствех погибнет долгодуществом терпения, долготръпение в людех без правды и закона общества добро разрушает и дело народное ни во что низводит, злыя нравы в царствех вводит и творит людей государем непослушных за нищету“.⁴

Нетрудно заметить, что жизнь в терпении и смирении ассоциируется у Ф. Карпова с неограниченным произволом со стороны верховной власти. Выступая против терпения и смирения в обществе, Ф. Карпов в скрытой форме протестует против произвола самодержавной власти и, следовательно, против существующего порядка.

Но Ф. Карпов не только выступает против существующего порядка. Он выдвигает свою положительную программу, которую подкрепляет ссылками на идеальное государство Аристотеля и на историю развития человеческого общества. Всякий город и всякое царство, — говорит Ф. Карпов, — должны управляться начальниками по Аристотелю, правдою и известными законами праведными, а не терпением. Люди, по мнению Карпова, должны жить под властью царей, обязанность которых — в своих царствах и городах защищать неповинных, освобождать страждущих, вредящих и озлобляющих наказывать, „неисцельных же от среды благих возмут“.⁵

Цари и начальники всех стран и народов должны быть подобны „гуслей игрецу Давиду“. Как он „соединяет к согласию“ струны гуслей и извлекает из них сладкие звуки, так и „начальник всякого самодержавства блудящих и врежающих грешник“ должен понуждать к согласию „грозою закона и правды, а добрых подвластных беречи своим жалованием“ и милостью и призывать к добродетели и добрым

¹ ЛЗАК, 1908, вып. 21, стр. 109.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 110.

делам дарами и сладкими и благими словами, злых же неисправимых истреблять, т. е. поступать так, как „беседует“ „нравоучительный“ философ Аристотель в своей десятой книге о нравах. Если же правитель не будет „прилежен в попечении своих подвластных, но неповинных от сильных погнестися попустит“, за то „ответ воздати велиему судьи должен... по глаголу апостола Павла к римлянам: „достойни суть смерти не токмо творящии, но и иже попускають творящим“.¹

Ф. Карпов считает, что во все времена люди жили под властью закона: „в время естества под законом естественным, второе, во время закона, под законом Моисейским, третье и ныне, во время благодати, под законом Христовым, зане в всяко время от перваго зла Каинова дажд до последнего зла человеци в сем смертном мире всегда будут злии меж добрых смешны“ и всегда будут причинять зло добрым людям.² Поэтому и законы нужны, „да тех страхом человеческая дерзость запретится“.

По мнению Ф. Карпова, законы должны основываться на правде, а правда должна сочетаться с милостью, за которую и любят подвластные своих князей: „милость бо без правды малодушьство есть, а правда без милости мучительство есть, и сия два разрушают царство и всяко градосожительство. Но милость правдою пострекаема, а правда милостью укрощаема сохраняют царя царство во многодньстве“.³

Но в данном послании Ф. Карпов не выступает против смирения и терпения вообще. Он выступает против смирения и терпения в гражданском обществе. Он считает, что „в монастырех бо от братии никогда подобает оскудети терпению“.⁴ Терпение потребно проповедникам, которые тем „сподобляются сожребиа агельскаго“⁵ (так как терпением искушаются избранные) и, как золото в горниле, им очищаются и возносятся на небо. Ф. Карпов сам разъясняет, что он „терпения не отвергох, но показах токмо, коль потребна суть во всяком гражданстве правда и законы“ „ко исправлению неустройных“.⁶

Это выступление Ф. Карпова за смирение и терпение среди духовенства является попыткой ограничить политическую роль церкви, верной союзницы самодержавной власти, чисто духовной сферой деятельности и таким образом ослабить центральную власть. Возможно, что здесь нашли свое отражение и идеи нестяжательства, разделявшиеся княжеско-боярской оппозиционной средой.

Послание содержит взгляды Ф. Карпова на окружающие его нравы. Эта часть послания характеризуется мрачной настроенностью автора. „Но, увы, ужо в нынешние времена, — говорит Ф. Карпов, — мнози начальники на своих подвластных и сирых не призирають, но их под неверными приказьщики погнетатися попускають о страже должной стада порученнаго нерадьяще, под тяжкою работою терпения жити своих попускають и не расматрять, яко человекьский род немощен есть и паче похотению последует чювственному неже правому словества суду“.⁷ „Благословеннейший еуаггелист Иоанн «весь мир во

¹ Там же.

² Там же, стр. 110—111.

³ Там же, стр. 111.

⁴ Там же, стр. 109.

⁵ Там же, стр. 111.

⁶ Там же.

⁷ Там же, стр. 110

зле лежати» писать“. Золотые времена истинно настали ныне, с золотом приходит сан, с золотом „советуется любовь, в цене цена ныне есть“...¹ Никакой порок „не скуден“, в том числе и разврат, „от него же дело общее человеческое падает“.² „Много ныне в мире в наши времена, — рассуждает далее Ф. Карпов, — льстей и лукавствы“. Кто навредил одному, хочет навредить и другому, „ум строптивых злых не поучается ползу чинити“, но зато беспамятен в отношении сделанного ему добра. Лукавый человек радуется воздать „за мед яд, за плод пеню, за благость лесть. Ныне брани везде, ныне живут от похищения, несть гостиник от гостя без боязни, несть тесть от зятя, и братская убо любовь редка есть“.³ Кто взял ризу, хочет взять и сорочку, укравший овцу „мыслит отвести и корову“ и не только на этом не успокаивается, но и сколько может хочет похитить у ближнего и его самого жизни лишит: „От сих бо цело уразумел еси, коль вредными и не угодными стезями хромыми ногами, слепыми очима она земная власть и все естество человеческое ходить ныне“.³

Как мы можем убедиться, эта часть послания представляет обличение порядков, современных Ф. Карпову, переходящее порой в прямое порицание современной ему государственной власти. Для того чтобы ярче оттенить существующее положение, Ф. Карпов прибегает и к аллегорической форме изображения действительности. „Множайша тебе о сем существе сложил бы, — пишет он, — аще бы любезное и плодотворное было лето, в нем же в птичьих песнях писати услаждает писца. Ныне же врази животу, мраз, студен снег и дым разум смущають, персты стесняють, очи слезити понужають, чернило мрзнуть, харатью сажею опорочають, коя вся писцу спротивна быти видятся“.⁴ Аллегория эта нужна Ф. Карпову и для того, чтобы показать, как неблагоприятен для человеческой жизни существующий строй.

В конце послания Ф. Карпов выказывает себя противником всякого прогресса, всякого движения общества вперед.

По какому поводу это послание могло быть написано, с какою целью и когда? Акад. В. С. Иконников в своей работе „Максим Грек и его время“ высказал предположение о том, что Ф. И. Карпов за что-то „подвергся опале, а когда митрополит Даниил посоветовал ему сносить ее со смирением и терпением, ответил этим посланием. Версию эту подхватили уже в советское время В. Ф. Ржига и И. У. Будовниц, не развивая ее и ничем не подтверждая, — первый в статье „Боярин-западник XVI в. (Ф. И. Карпов)“, второй в книге „Русская публицистика XVI в.“.

Отвечает ли исторической правде это суждение об опале, была ли опала на самом деле? В документах мы не находим ничего, что подтверждало бы мнение об опале и о послании как отклике на нее Ф. Карпова. Обратимся к посланию, ибо только оно одно может помочь нам в выяснении этого вопроса.

С одной стороны, в нем мы находим места, прямо говорящие, что послание является ответом митрополиту Даниилу на какое-то его посла-

¹ ЛЗАК, 1908, вып. 21, стр. 112.

² Эта фраза, как доказал В. Ф. Ржига, является дословным переводом двух строчек из „Метаморфоз“ Овидия. См.: Известия Академии Наук, № 15, 1914, стр. 1105.

³ ЛЗАК, вып. 21, 1908, стр. 112.

⁴ Там же, стр. 111—112.

ние: „от словес епистолии твоей, пресветлейше, научаюся...“¹ „ныне убо, что отведаю тебе, и како пресветлейшей епистолии твоей конец положить возмогу, како бо возможно есть мне не свершеному от свершенных и вышних вещей свершеннейшему тебе отвеждати, светлейшая бо твоя епистолиа ползовати мне тебя пишет... да не глух противу честных писаний твоих буду... Что воздам попечению твоему, имже по вся дни о спасении душ наших печешься святого учения настояние и святейшаго живота прежних отец образом, и данною по мне епистолии твоей избытием“.² „По предиреченных же веледушна мя твориши к терпению даже до конца светлейшими епистолии твоей совещаши во скорбех и противствех моих...“³

С другой стороны, мы находим в послании строки, прямо говорящие, что Ф. Карпов в период написания послания находился в удрученном состоянии духа, — это и уже выше приведенная цитата, в которой Ф. Карпов прямо говорит о своих „скорбех и противствех“, и прямое признание „зане великими скорбьми одържим есмь; увы, ныне несть мне время епистолей слагати, но время належитъ рыданию, не бо плачевнаа книга Иереми не толиких рыдании исполнена быти может, елико моя худая епистолиа“.⁴

Однако этих признаний еще слишком недостаточно, чтобы присоединиться к мнению об опале. Что могло заставить Ф. Карпова, человека, связанного служебной деятельностью с самодержавной властью, не взирая на опасность, выступить с критикой существующих порядков, правда, не в открытой, а в тщательно замаскированной форме, но все же с критикой, которая могла плачевно отразиться на его дальнейшей жизни и деятельности?

Событием, возмутившим его настолько, что он, пренебрегая последствиями, высказался открыто, могло явиться осуждение и заточение в тюрьму Максима Грека, человека, которого он очень уважал и с которым был тесно связан. Как мы уже видели, Ф. Карпов принадлежал, несомненно, к оппозиционно настроенным слоям боярства. Но оппозиционность его была не активная, не открытая, а скрытая. Это — глубоко запавшее ему в душу недовольство новыми порядками, самодержавной властью. Однако, связанный с нею своей служебной деятельностью, опасаясь навлечь на себя опалу, он не высказывал своего недовольства. И понадобилось, видимо, какое-то из ряда вон выходящее, возмутившее оппозиционно настроенных лиц событие, чтобы эти его настроения прорвались. Но даже и здесь, несмотря на охватившее его возмущение, Ф. Карпов очень осторожен; он не прямо высказывает свое недовольство, а говорит намеками и умело маскирует свои взгляды. Это подтверждается и тем, что сам Ф. Карпов говорит в послании: „... яз ныне о тех, яже умыслил, молчание устом моим налагаю...“⁵

Если мы примем высказанное выше предположение, то понятны станут и сетования Ф. Карпова, и его удрученное состояние, большие „скорби“, о которых он сам нам сообщает. За этим настроением скрывается недовольство и существующими порядками и, возможно, несправедливым, по его мнению, осуждением Максима Грека.

¹ Там же, стр. 106.

² Там же, стр. 107.

³ Там же, стр. 108.

⁴ Там же, стр. 106.

⁵ Там же.

Но почему же тогда в послании встречаются места, говорящие о том, что оно является ответом митрополиту Даниилу?

Мы допускаем такое предположение. Глубоко возмущенный, как и все связанные с Максимом Греком консервативные слои боярства, его осуждением и заточением, Ф. Карпов обратился к митрополиту Даниилу, главному и непримиримому противнику Максима, за объяснениями, а может быть даже и просил его оказать снисхождение последнему. Митрополит ответил ему посланием, в котором обосновывал необходимость терпения и смирения в обществе, и это свое мнение переносил на Максима Грека. И вот после этого-то и появилось уже известное нам послание, в котором Ф. Карпов высказался в критическом духе о власти и о современной ему действительности, но в очень осторожной форме, ничем прямо не напоминая об осуждении Максима Грека, хотя в его рассуждениях о царской милости и можно усмотреть отдаленный намек на судьбу последнего. Так, в одном месте послания, говоря о том, каким должен быть царь в государстве и как он должен управлять, Ф. Карпов заявляет о необходимости сочетания в государстве правды с милостью, за которую и любят подвластные своих царей. В другом месте Ф. Карпов заявляет, что обязанность царей в своих царствах защищать неповинных, освобождать страждущих, беречь своим жалованием и милостью добрых подвластных.

Если принять это предположение о поводе, вызвавшем послание, то время написания послания мы можем отнести к 1526 году. Собор, на котором был осужден Максим Грек, состоялся в 1525 году. Значит, ранее 1525 года послание не могло быть написано. Но для того, чтобы обратиться к митрополиту Даниилу, получить от него ответ, тщательно обдумать его и ответить новым посланием, требовалось время, и не малое, поэтому время написания послания можно отнести к 1526 году.

Это предположение подтверждается и следующим обстоятельством. В „Послании митрополиту Даниилу“ содержится скрытое выступление против второго брака великого князя, которому активно содействовал митрополит, защищая государственные интересы. Ф. Карпов высказывается об этом следующим образом: „ныне в мире некоторый порок не скуден, в том числе и разврат, от него же дело общее человеческое падает“. Княжеско-боярские реакционные круги были очень недовольны вторым браком Василия III, так как надеялись на восстановление после смерти великого князя порядков удельной старины. Развод Василия с Соломонией и новый брак его они считали „развратом“, делом противозаконным и незаконным.

Соломония была пострижена в монастырь в конце 1525 года, а в начале 1526 года Василий уже вступил в новый брак. Отсюда также вполне вероятно, что послание не могло быть написано ранее первых месяцев 1526 года, поэтому первоначально высказанное нами предположение о времени написания послания получает здесь новое подтверждение.

В послании митрополиту Ф. Карпов высказал свои взгляды на царскую власть, прямо противоположные взглядам митрополита Даниила и других идеологов самодержавия, обосновывавших идею божественного происхождения царской власти и считавших царя неограниченным главой своих подданных, которые должны покорно и терпеливо переносить всевластие самодержца.

Ф. Карпов протестует против этой концепции. Он выступает с критикой окружающей его действительности, он недоволен существующим положением. Ф. Карпов возражает против терпения и покорности

в обществе. Нетрудно заметить, что понятия „терпение“ и „покорность“ он ассоциирует с ничем не ограниченным произволом правителя. Таким образом его рассуждения о терпении в гражданском обществе, о покорности, — это выступление в тщательно прикрытой форме против неограниченной власти государя.

Но, выступая с критикой существующего порядка, выступая против неограниченной власти государя, как мы уже отметили выше, Ф. Карпов выдвигает и свою положительную программу. Он считает, что государство должно управляться царем „по правде“. Что же понимает Ф. Карпов под „правдой“? Ведь о необходимости „правды“ в государстве писал позднее И. Пересветов — идеолог дворянско-помещичьей группировки господствующего класса, и такой яркий представитель боярской оппозиции, как изменник Курбский.

„Правда“ Ф. Карпова имеет совершенно другой смысл, нежели „правда“ И. Пересветова, который под „правдой“ понимает неограниченную власть государя над его подданными, царскую „грозу“. Ф. Карпов под „правдой“ понимает законы, основанные на „обычаях святых и благих уставах“. Следовательно, по Карпову, царь должен управлять по законам, основанным на каких-то старых обычаях и традициях, а неограниченная власть — это беззаконие,

Класс реакционный, сходящий с арены общественной жизни, в своей идеологической борьбе с классом победившим, прогрессивным, имеющим свою политическую программу, пытается действовать также и моральными аргументами. У боярства нет точного представления о государственной власти, какой она должна быть в данный момент, оно отстаивает старые порядки. Для обоснования своих притязаний боярские публицисты ничего другого не могут привести, кроме ссылки на „старые обычай“, традиции. История знает тому немало примеров. Очень яркий пример — опальный Берсень-Беклемишев. В своих беседах с Максимом Греком он жаловался, что князь великий Василий „старых обычаев“ не держится и „людей старых“ не почитает и „запершиися сам третей у постели всякие дела делает“.¹

По мнению Ф. Карпова, „правда“ должна сочетаться с милостью, за которую и любят подвластные своих царей. Это типичный старобоярский взгляд на власть царя. Вспомним, что говорил тот же Берсень-Беклемишев в беседах со своими сторонниками, направленных против Василия III: „добр, деи, был отец великого князя Василия князь великий Иван и до людей ласков“.²

Для того чтобы наиболее убедительно аргументировать выдвинутую им программу и доказать ее полную обоснованность, Ф. Карпов ссылается на историю развития человеческого общества и на идеальное государство Аристотеля, которое управляется „начальниками“ по „правде“ и известным праведным законам, а не терпением. Ф. Карпов отмечает, что во все времена и века люди жили под властью законов, и это вполне справедливо, так как всегда среди людей находятся злые, и добрые люди от них страдают. Поэтому законы нужны и сейчас, чтобы запретить человеческую дерзость и обуздать злых. Весьма возможно, что под дерзкими Ф. Карпов разумеет дворянство, которое росло, выдвигалось на передний план и в лице самодержавия имело своего могущественного покровителя, в то время как боярство теряло свое положение, разорялось, подвергалось репрессиям со стороны цен-

¹ Орывок из следственного дела И. Берсень-Беклемишева. Акты Археографической экспедиции, т. I, № 172 стр. 142.

² Там же.

тральной власти за свое упорное стремление жить „по старине“. Соперничество неродовитых, незнатных с кичающимися своим происхождением боярами в представлении последних было необыкновенной дерзостью, на которую жаловался и Берсень-Беклемишев в своих беседах с Максимом Греком.

Послание пронизано обличениями „злых“, выступлениями в защиту „добрых“. Но что понимает Ф. Карпов под этими категориями? „Добрые“ и „злые“ у Ф. Карпова — это не только нравственное деление людей. У него это деление имеет глубокий социальный смысл. „Злые“ — это те, кто творят произвол, заставляют людей жить „под тяжелой работой смирения и терпения“, это представители центральной власти; „добрые“ — это те подвластные, которые терпят беззакония от „злых“, т. е. под термином „добрые“ Ф. Карпов имеет в виду свою социальную среду и, следовательно, выступая против „злых“, выступает одновременно на ее защиту.

Анализируя взгляды Ф. Карпова на государственную власть, нетрудно заметить большое их сходство со взглядами такого ярчайшего представителя оппозиции, каким является А. М. Курбский, изменивший родине и бежавший в Литву в 1564 году.

И Курбский и Карпов — оба выступают против неограниченной самодержавной власти государя. Для обоих самодержавие, самовластие, являются беззаконием, которое надо устранить путем введения „правды“ в государстве. Этот характерный момент прослеживается как в послании Ф. Карпова, так и в произведениях Курбского, в его письмах Ивану Грозному и в „Истории о великом князе Московском“.¹ И у Ф. Карпова и у Курбского „правда“ в государстве представляет ограничение самодержавной власти царя, которую они оба считают „произволом“.

Но в произведениях Курбского политическая программа консервативного боярства выражена откровеннее. Он прямо говорит о необходимости ограничения самодержавной власти боярским советом: „самому царю достоит быти яко главе, и любити мудрых советников своих, яко свои уды“.² „Когда в заповедех господних пребывал еси, избранных мужей нарочитых окрест себя имел еси, и не токмо был еси храбрый, мужественный подвижник и врагом твоим страшен, но и священного писания преполон и святынею чистою освящен. А ныне во якую бездну глупства и безумия развращения, ради прескверных маньяков твоих, совлечен еси! И памяти здрави лишен!“.³

А. Курбский прямо упрекает Грозного за самовластие. В одном из писем к нему он говорит, что „казни праведных различных“ — это „беззакония“ царя, „еже в Руси никогда не бывали“.⁴ Этого нет у Ф. Карпова, ибо, как мы уже отметили выше, „Послание митрополиту Даниилу“ это только частное письмо, не претендующее на детальное и полное освещение всех вопросов теории государственной власти.

У Ф. Карпова, так же как и у А. Курбского, встречается деление людей на „добрых“ и „злых“, и у обоих оно имеет социальный смысл. „Злые“ — это представители центральной власти и стоящие за самодержавную власть, защищающие ее и обосновывающие ее божественное происхождение; „добрые“ же — это преследуемое, критически настроенное по отношению к самодержавию, боярство.

¹ Н. Устрялов. Сказания князя А. М. Курбского. СПб., 1868.

² Там же, стр. 37.

³ Там же, стр. 210.

⁴ Там же, стр. 46.

Возвратимся к анализу послания, так как в нем есть еще моменты, очень важные для характеристики социально-политических взглядов Ф. Карпова. Все послание пронизано протестом против расширения той роли, которую церковь, монастыри начинали играть в общественной жизни.

Как известно, иосифлянская церковь временно тесно связала свои интересы с интересами самодержавной власти. Обосновывая принцип божественного происхождения царской власти и проповедуя неограниченную власть государя над его подвластными, церковь взамен получила защиту своих земельных владений от посягательств консервативного боярства, проповедовавшего нестяжательность церкви. Церковь и центральная власть были союзниками, взаимно усиливающими друг друга.

Но княжеско-боярские оппозиционные круги выступали против этого союза. Они хотели ограничить политическую роль церкви в государстве и таким образом ослабить центральную власть, лишив ее крепкого союзника. Вот с этой-то целью и проповедует Ф. Карпов необходимость смирения и терпения в монастырях. Это замаскированное ограничение роли церкви в общественно-политической жизни страны.

В „Послании митрополиту Даниилу“ мы встречаем одно интересное для взглядов Ф. Карпова место — это выступление против золота.

Акад. Б. Д. Греков в книге „Крестьяне на Руси“ приводит данные об огромной задолженности боярства, которая непрерывно увеличивалась с начала XVI века.¹ Образование единого централизованного государства изменило строй жизни высших классов общества, начиная с самого великого князя. Вместе с ростом потребностей усиливалась и жажда их удовлетворения, а это требовало денег. Старые хозяйства боярства уже не могли удовлетворить его возросшие потребности, особенно если они были связаны со службой, придворной и военной, предъявлявшей известные требования к людям этой среды. Отсюда огромная задолженность знати, займы, заклад имущества и, наконец, разорения. Вот почему своеобразное выступление Ф. Карпова против золота можно расценить как отголосок тяжелого положения в конце запутавшегося в долгах боярства. Это не выступление против золота как такового, а выступление в защиту боярства против центральной власти, являющейся косвенным виновником тяжелого положения боярства.

И, наконец, в конце послания мы встречаем слова, прямо говорящие о консервативности Ф. Карпова, о его старобоярской ориентации. Это, как выше указано, выступление против какого бы то ни было развития, движения вперед в общественной жизни, мечта о том, чтобы общество застыло на одном месте, — мечта, типичная для старобоярских консервативных кругов. Чувствуя, что вместе с движением общества вперед приближается их гибель, что новая социальная сила растет им на смену, бояре тщетно стремились предотвратить неизбежное. И Ф. Карпов разделял мечту о возврате прошлого — об „обетованной земле живых“, где вечны и незыблемы „старые обычаи“, где „часы не начинают дней, восхода и захода не имеют, годового предела не стяжут, старость младенчества не прменяеть, немощь здравия не озлобляеть, смерть живота не скончеваеть, времена несчастья тамо не чаются, тамо вся красна, ничто не благо, вся добра, ничто спротивно, несть труда телеснаго или мысленаго, но всегда бес конца тихий покой, никою неразумиа, но всевечна премудрость“.²

¹ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси. М.—Л., 1946, стр. 598.

² ЛЗАК, вып. 21, 1908, стр. 112—113.

Итак, будучи связан своей служебной деятельностью с центральной властью, с новыми порядками, Ф. Карпов тем не менее не сочувствовал этим порядкам и находился в скрытой оппозиции к центральной власти, имея связи с боярскими, консервативными кругами. Боясь навлечь на себя гнев правительства, Ф. Карпов таил свое недовольство в себе и, даже когда высказал свое отношение к существующему строю, выступил не открыто, а в замаскированной форме.

Таким образом мы видим, что личность Ф. Карпова очень противоречива: с одной стороны, его служебная деятельность непосредственно служила укреплению централизованного государства, с другой стороны, его мысли и взгляды резко расходились с его служебной деятельностью.

В заключение необходимо остановиться еще на одном моменте: чем являлось „западничество“ Ф. Карпова?

В. Ф. Ржига разбирает этот вопрос, не учитывая социальной принадлежности Ф. Карпова. Он оценивает „западничество“ Ф. Карпова положительно, считая его показателем передовых взглядов. Однако „западничество“ Ф. Карпова имеет другую основу. Оно связано с непринятием современных ему порядков, что являлось характерным для консервативно настроенных боярских кругов.

Реакционные круги, ненавидя всеми силами центральную власть, стремились противопоставить русским порядкам западноевропейские. Отсюда у Ф. Карпова ссылки на идеальное государство Аристотеля, которые дают возможность показать неприемлемость для него русского строя, отсюда и его обращение к Овидию — знаменитая фраза „ныне брани везде“, которая перекликается с точно таким же высказыванием казненного Берсеня-Беклемишева.

„Западничество“ Ф. Карпова не показатель прогрессивности, а, наоборот, показатель реакционности его взглядов, что особенно ярко проявилось в „Послании митрополиту Даниилу“.

Р. Г. ЛАПШИНА

Феодосий Косой — идеолог крестьянства XVI века

Одной из отличительных черт в развитии общественной мысли в середине XVI века было оживление религиозного вольнодумства, отражавшего позиции различных классов и классовых группировок. Среди всевозможных ересей 50-х годов выделяется ересь Феодосия Косого как выражение отношения крестьянства к происходившим в России событиям — к становлению феодального абсолютистского, самодержавного государства, ко всем его мероприятиям.

В русской дореволюционной историографии Феодосием Косым и его учением интересовались, главным образом, клерикальные историки. Этим во многом объясняется и круг вопросов, разрабатывавшихся ими, и оценка учения Косого. Прежде всего они рассматривали учение Косого только как ересь, т. е. как отступление от православного вероисповедания, причем отступление крайне „резкое и уродливое“.

Дореволюционные историки не учитывали, что учение Косого возникло из протеста против всего общественного строя, а не только против некоторых церковных „нестроений“, что оно было оппозицией государству, а не только церкви. Одни из них объясняли возникновение „ереси“ влиянием западных реформационных течений и связывали ее с протестантством и антитринитаризмом; другие связывали учение Косого с тем „умственным брожением“, которое породило и „ересь жидовствующих“, причем учение Косого трактовалось ими как продолжение, только более резкое, „ереси жидовствующих“.

Объясняя происхождение ереси Косого чисто внешними причинами, буржуазная историография не вскрыла сущности его учения, не дала ему правильной оценки. В лучшем случае историки ограничивались признанием за ересью Косого социального смысла, совершенно не пытаясь анализировать происхождение и характер социальной струи его учения.

В крайне отрицательном и близоруком взгляде буржуазных и дворянских историков на учение и личность Феодосия Косого сказалась их классовая ограниченность. Они не могли и не хотели дать единственно правильную оценку ереси Косого как проявления борьбы угнетенных и эксплуатируемых масс, как идеологической формы классовой борьбы крестьянства против феодального строя и санкционировавшей его церкви.

В советской историографии Феодосию Косому не посвящено ни одной специальной работы. Учение Косого характеризовалось лишь попутно.

И. У. Будовниц в своей книге „Русская публицистика XVI века“, в главе „Еретики середины века“, дает очерк ереси Косого. Не давая

прямо и определенно оценки учения, а только кратко излагая его, Будовниц не характеризует учение как отражение интересов и идеологии крестьянства; поэтому он может говорить о „негибкости“ Косого, аттестовать его как „идейно настроенного, оторванного от жизни мечтателя“.¹

И. И. Смирнов в своей работе „Восстание Болотникова“, рассматривая положение крестьянства в XVI веке, характеризует Косого как „яркого представителя антикрепостнических тенденций“,² называет его „выразителем идеологии угнетенных социальных низов“.³ Такой взгляд направляет анализ учения Феодосия Косого на верный путь.

Трудность работы над выяснением системы взглядов Феодосия Косого объясняется главным образом характером источников, из которых приходится эти взгляды извлекать.

До нас не дошло ни одного произведения самого Феодосия Косого, нет и более или менее последовательного и внушающего доверия относительно точности и полноты изложения его учения. Все, чем мы располагаем, — сочинения противника Косого монаха Зиновия Отенского: „Истины показание к вопросившим о новом учении“⁴ и „Многословное послание“.⁵ Оба произведения написаны в 60-х годах XVI века, причем „Истины показание“ точно датируется 1566 годом.

„Истины показание“ сохранило имя автора — Зиновия Отенского. Авторство же „Многословного послания“ было установлено лишь после тщательного изучения памятника и сравнения его с „Истины показанием“. В „Многословном послании“ порядок течения мыслей в разборе „ереси“ Косого, доказательства, приводимые в защиту официальной церкви и крепостнических устоев, часто не только одинаковы с приводимыми в „Истины показание“, но и совпадают целыми фразами и абзацами. Все это дает основание „Многословное послание“ считать принадлежащим также перу Зиновия Отенского.

Оба произведения носят характер защиты основ официальной церкви и главных положений христианской догматики, служат цели утверждения, оправдания существующего государственного строя и крепостничества. „Истины показание“ написано в форме бесед Зиновия Отенского с тремя „крылошанами“, которые расспрашивают его об „истинности“ „нового учения“, попутно излагая его. „Многословное послание“ представляет собой ответ нескольким „богобоязненным“ литовцам, обратившимся к Зиновию с тем же вопросом, что и „крылошане“.

Хотя Зиновий Отенский, приступая к своим трудам, и заверяет: „взыщем вкупе братскую общею любовью о учении сем явльшемся ныне, не враждою, ниже любопрепирательством, ни упрямудрением, ни мудростию, ниже коварством коим, но в простоте от чиста сердца“,⁶ но, разумеется, нигде не следует этому своему благому намерению. Его отношение к личности и учению Феодосия Косого полно классовой ненависти и крайне тенденциозно. Это заставляет сомневаться в объективности изложения им взглядов Косого, но

¹ И. У. Будовниц. Русская публицистика XVI века. М.—Л., 1947, стр. 270.

² И. И. Смирнов. Восстание Болотникова. 1606—1607. Л., 1949, стр. 35.

³ Там же, стр. 36.

⁴ „Истины показание к вопросившим о новом учении“ издано в прибавлении к журналу „Православный собеседник“ (Казань, 1863).

⁵ „Многословное послание“ издано в „Чтениях в Обществе истории и древностей российских“ (кн. II, 1880).

⁶ Цит. по кн.: Ф. Калугин. Зиновий инок Отенский. СПб., 1894, стр. 121.

зато помогает вернее определить классовую сущность и социальную остроту учения Косого.

Итак, источники не беспристрастны, но сама их тенденциозность помогает дать правильную оценку ереси Косого.

Взгляды Ф. Косого Зиновий Отенский излагает не со слов „еретика“ и не по его произведениям, а с пересказов крылошан — людей, „сверженных“ в ересь, т. е. из вторых рук.¹ Это в свою очередь вызывает сомнение относительно полноты изложения учения. Крылошане могли и не знать всего, а, быть может, не нашли нужным рассказать обо всем монаху, особенно о том, что в проповеди Косого носило не отвлеченно-богословский, а живой, конкретный характер, связывало основные положения с жизнью, подкрепляло их жизненными примерами, т. е. проявляло гораздо более открыто и четко социальную оппозицию, чем это отразилось в изложении Зиновия.

Видя цель учения Феодосия в том, чтобы „нищете своей изобрести поможение“, Зиновий подчеркивает, что это „удоб прият будет работающими чреву и подчревным“, к которым Зиновий относит „рабов“ — „вси бо рабы удобь притичют к срабному и срадуются“.² Зиновий тем самым подчеркивает, что учение Косого отражало жизненные интересы „рабов“, к которым он относится с презрением и высокомерием представителя господствующего класса, и потому находило среди них большой отклик.

В условиях феодального общества протест против общественного строя неминуемо должен был быть протестом против церкви и, значит, ересью. Вот как объясняет эту необходимость Энгельс: „... церковь являлась наивысшим обобщением и санкцией существующего феодального строя.

„Ясно, что при этих условиях всеобщие нападки на феодализм, и прежде всего нападки на церковь, все революционные, социальные и политические учения должны были представлять из себя одновременно и богословские ереси. Для того, чтобы возможно было нападать на общественные отношения, с них нужно было совлечь покров святости“.³

Чтобы „совлечь покров святости“ с существующих общественных отношений, нужно было доказать их „небожественное“ происхождение, противоречие заповедям и нормам религии, несоответствие порядкам „истинной церкви“.

Чтобы доказать, что церковь не „истинна“, не „праведна“, не имеет никакого права выступать перед людьми со словом божьим, все ереси стремились показать, что ее строй, уставы, сущность не соответствуют „истинной“ церкви, какой она должна быть, в их представлении, по заповедям бога. В условиях того времени доказать это было возможно, лишь ссылаясь на авторитет священного писания, обосновывая свой протест текстами священных книг.

Следовательно, противопоставляя свой взгляд принятому официальной церковью, нужно было доказать „божественный авторитет“ первого и произвольность, „человеческое измышление“ второго. Этой особен-

¹ Вполне возможно, что „пришествие крылошан“ и сами „крылошане“ — лишь литературный прием, которым пользуется Зиновий Отенский для изложения взглядов Косого. Но так или иначе остается очевидным, что изложение ведется не по произведениям и не со слов самого Феодосия Косого, так как в подобном случае полемика со стороны еретиков была бы гораздо более активной, гибкой, настойчивой.

² Истинны показание... стр. 48.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. VIII, стр. 128.

ностью мировоззрения Средневековья объясняется прикрытие „христианскими словесными формами“ часто крайних и в политическом и в богословском смысле учений, в сущности отвергавших христианство.

Задачей „совлечения святости“ объясняется и выбор богословских текстов, характерный для всех или большинства средневековых ересей. Это — книги раннего христианства, скромного христианства первых веков, рисовавшие „...картину общества, ничего не знавшего о многосложной, искусственной феодальной иерархии“.¹ На Библию основывался Мюнцер. Библию — „Моисеевы книги“ — нарицает Косой „столпами“.²

Находя подтверждение своим нападкам и основу для своих положительных идеалов в книгах раннего христианства, ссылаясь на писания, черпая в них аргументы для доказательства тех или иных своих положений, ереси Средневековья отличаются в то же время большим рационализмом в постановке вопросов и в способе доказательств. Это освобождение разума от схоластики и догматики богословия, от обязательной, безусловной веры в „божественные“ авторитеты, также было протестом против официальной церкви, против феодального образа мышления.

Отрицающую, критикующую, нападающую сторону, всегда самую сильную, представляли ереси, которые были оппозиционны феодализму, критиковали и отвергали его порядки и законы. Но, по условиям времени, этот протест облекался в форму богословских ересей. Жизнь давала материал для протеста, Библия помогала облечь этот протест в законные и приемлемые тогда богословские формы. Однако неразвитость общественных отношений, невозможность осознания исторического процесса и роли в нем трудового народа приводили к мечтаньям, которые не могли осуществиться, к туманной незрелости положительных программ.

Таким образом средневековая ересь — это прежде всего протест против феодализма и благословляющей его церкви.

Как же относился Ф. Косой к официальной церкви своего времени — церкви, в лице своих могущественнейших представителей обосновавшей абсолютистскую самодержавную власть как данную богом, призывавшей „властителем повиноватися, яко не властелем, но богами“?³ Косой отрицает ее внешние атрибуты (храмы, иконы, молитвы и пр.), осуждает ее иерархию и отвергает все основные догматы ее учения.

Рассмотрим критическую часть учения Косого.

„Не праве быти вере в вас, и бога прогневаете мнимым благочестием вашим, в церкви каменя приходите, а того в евангелии и апостоле не писано. Писано — апостоле на горницу въсходили, а не в церковь; не беаху бо церкви при апостолах. Едина церкви в Иерусалиме древняя, еаже о разрушении Христос рече: не остане камень на камне, и пр. Не подобает церквам ныне бывати, по разрушении древняя церкви. Ныне не церкви сия създана, но кумирницы суть и златокузницы“.⁴

Начиная критику с одного частного вопроса, с одного камня всего здания, Косой не забывает при этом о целом, о главной цели своей критики — о всей официальной церкви, о всей „неправой вере“. Такая

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. VIII, стр. 135.

² Истины показание... стр. 208.

³ И. У. Будовиц, Русская публицистика XVI века, стр. 125.

⁴ Многословное послание, стр. XII.

целеустремленность вообще является самой характерной особенностью его способа критики.

Косой отрицает храмы потому, что они не „заповеданы“, составляют часть „неправой веры“; вера „неправа“, в частности потому, что использует храмы, которые, как стремится доказать Косой, не уставлены богом. Весьма интересно такое выражение Косого: „не права у вас вера“, которым он как бы противопоставляет себя официальной церкви и ее представителям.

Не нужны храмы, не нужны и все их принадлежности. Бог „подобия никакогоже не повеле сотворити“, и „посему Косой и хулит иконы, яко чрез божию заповедь пишут иконы и преступают заповедь“.¹ Иконы „не заповеданы“, они совершенно бесполезны, они идолы, они обращают храмы в „кумирницы и златокузницы“.

„Глаголет Косой, яко Давид писа: идоли язык сребро и злато, дела рук человеческих, очи имут и не видят, уши имут и не слышат, ноздри имут и не обоняют, уста имут и не глаголют, руди имут и не осязуют, нози имут и не ходят, — сия Давид глаголаше о иконах, иконы бо якоже и идоли, очи им писаны, и уши, и ноздри, и уста, и руки, и ноги, и ничтоже ими действуют, ни могут двигнути“.²

Косой выступает против того, что эти безжизненные идолы, изображения на „дцках“, которые „ничтоже действуют“, объявляются чудотворными, он прямо видит в этом подделку — „чюдеса от икон ложны суть“.³

„Глаголет Косой, яко именующияся православнии покланяются древу вместо бога, почитают крест, нещующе аки любезно богу. И толико не разумеют, и толико не хотяще разумети, елико и от себе познати есть: аще бо кто кому сына палицею убьет на смерть, еда убо может человек палицу ону любити, еуже сын его убиен бысть? и аще кто тую палицу любит и целует, не возненавидит ли отец убитого и того любящего палицу ону, еже убиен сын его? Тако и бог ненавидит креста, яко убиша сына его на нем; также прогневается бог и на почитающих крест — убийцу сына его“.⁴

В этом случае Косой пользуется примерами из жизни, руководствуется простыми человеческими представлениями, ссылается на довод — „от себе познати есть“: это рационализм, смелый и убедительный.

И в критике почитания икон и креста также видно, что эти вещи критикуются не сами по себе, не как что-то самостоятельное, но как части „неправой веры“. Отрицание их подчинено целому, служит задаче опровержения всей системы, всей веры.

Косой отвергает все обряды, все таинства, все внешние формы культа, принятые официальной церковью. Он призывает „не молитися“, „не каятися“, „не причащатися“ и пр., ссылаясь на то, что все это не заповедано богом. „Кто дни раздели на постные и не постные? — спрашивает Косой, — дни изначала богом одинаки сотворены“.⁵

Особенно убедительно звучат те положения, где Косой издевается над нелепостью тех или иных обрядов, отрицая всякое их значение и святость.

¹ Истины показание... стр. 391.

² Там же, стр. 357.

³ Там же, стр. 476.

⁴ Там же, стр. 509.

⁵ Многословное послание, стр. XIV—XV.

Молитвы Косой отрицает на том основании, что если бог всемогущ, незачем его „учить“, он прежде людей должен знать их нужды. Рассуждения Косого здесь поражают строгой и рационалистической логикой.

Критика внешней обрядовости также нужна Косому не сама по себе. Она необходима ему для того, чтобы отвергнуть монашество, проводящее жизнь в подобных „подвигах благочестия“, чтобы обрушиться на могущественнейшую организацию и опору церкви — монастыри. „Монастыри же во Евангелии и законы их и уставы несть писаны“.¹ Однако Косой отрицает монашество не по одним только чисто религиозным, но преимущественно по социальным мотивам. Главное основание для своей критики он видит в паразитизме, в стяжательстве монастырей. И здесь, высказываясь по злободневному и бурно обсуждавшемуся вопросу времени, Косой идет дальше нестяжателей; он ссылается на идеологов этого направления, но делает гораздо более решительные и смелые выводы. Феодосий Косой понимал, что паразитизм, эксплуатация захваченных у крестьян земель являются необходимым условием существования любого монастыря, его основой. И он требует уничтожения всех монастырей, не только „стяжательных“, потому что он против всех „стяжаний“, а не только крупных, какие осуждались нестяжателями. В своих высказываниях Косой нигде не разделяет монастыри на стяжательные и нестяжательные, а имеет в виду все монастыри вообще:

„Несть писано во Евангелии и во Апостоле примати села в монастыри или церквам, и се человеческое предание есть“.² „Но монастыри, заповеди, претупающе нестяжания, имеют села. И о том добре писа князь Вассиан инок, такоже и Максим Грек много о том глаголет и много писа слово от лица любостяжателя и от лица нестяжателя прерочно“.³

Относя монастыри к „человеческому преданию“ и „внушению диавола“, совлекая тем самым „покров святости“ с этого учреждения, Косой высказывается за его уничтожение:

„Монастыри человеческая предания и в них законы и уставы предаша по своих воли и обычаю“.⁴

Так же непримирим он в отношении поклонения святым православной церкви. Социально острые, эти взгляды Косого рационалистичны и смелы. Он приравнивает всех святых к обыкновенным мертвецам и обвиняет церковь в обоготворении мертвецов. Мертвые ничем не могут помочь живым, а им заставляют поклоняться, отвращая от истинного бога. Он обвиняет официальную церковь в том, что она подменяет „настоящего“ бога подставными идолами, мертвецами:

„Глаголет Косой: которое православие в Руси, или како может православие быти в них? Обоготвориша бо мертвых и молятся мертвым, аки богу, и от них помощи просят. На них писано во пророде, еже живые от мертвых помощи взыскупают, оставивше бо самого бога к мертвым прибегают“.⁵

Уличая церковь в этом обмане, Косой подчеркивает, что „епископи“ сами „нарекают“ святых, сами сочиняют их жития (только за счет

¹ Истины показание. . . , стр. 888.

² Там же, стр. 923.

³ Там же, стр. 890.

⁴ Там же, стр. 888.

⁵ Там же, стр. 438.

этих „человеческих измышлений“ он относит все чудеса, приписываемые святым), молитвы к ним и пр.:

„Именуют себе Русь православными, а они паче человекослужители и идолослужители; понеже храмы поставиша, и в них иконы мертвых аки идолы утвердиша на дѣках, и мертвецы положиша с ковчеги в церквах их всем на видение и соблазн, нарекуще преподобными, и праведными, и святыми, установивше сами поют им каноны, и прочитают написавше жития их, и молятся мертвым и просят от них помощи, свечи пред них зажигают, кадила приносят, и отводят люди от бога к мертвецам, и иконам навыноша служить, бога же и не ведят, ниже могут ведати, понеже во идолослужение впадоша“.¹

Святыми нарекаются часто люди, дела которых противоречат „божьим заповедям“, но зато выгодны церкви:

„Максим Грек zelo принужает хранити заповедь нестяжания, и сего ради слово списа о покаянии души своея, в немже стяжания помногу осуди, от негоже приемля Косой глаголаше, яко прельстишася нарекуши преподобными Кирила, Пафнотия, Никона и прочих стяжавших села; по Максиму бо они чужии спасения“.²

Следовательно, подчеркивает Косой, критерий святости для представителей официальной церкви — не в соблюдении „божьих заповедей“ и „праведной“ жизни, но только в делах выгодных, нужных церкви, пусть даже этим заповедям противоречащих. Косой разоблачает церковь в этом обмане и прямо объявляет епископов „человекослужителями“. Он пронизательно видел в такой практике официальный церкви способ воспитать послушание, почтение к церковным и светским „власть предержащим“. Так становится понятным и необходимым вывод Косого из всех этих, на первый взгляд богословских, догматических рассуждений:

„Чесо убо ради православнии поклоняются мощем праведных и иконам их? Глаголет бо Косой, яко не подобает поклонитися не токмо умершим, си ниже живым“.³

Этот вывод — не следует поклоняться живым — сущность всех взглядов Косого. Прикрытый христианскими словесными формулами, выраженный в форме нападок на церковь за ее отступление от духа истинной веры, протест Косого обращен ко всему общественному строю, порожден им и сказывается всюду, обращаясь не только против духовных, но и против светских властителей.

Но Косой не ограничивается только опровержением святости святых, он обрушивается на основные догмы христианства, отрицая божественное достоинство богоматери и Христа. И здесь в самой постановке вопросов и в доказательствах Косой почти не прибегает к Библии, основываясь на доводах разума, наблюдениях над жизнью.

Богоматерь он приравнивает к обыкновенным женщинам. На Христа он также смотрит как на простого человека, „проповедает Христа человека проста, а не бога“.⁴ Христос обыкновенный человек и, как все люди, не сотворен, а рожден женщиной. Выступая против учения христианской церкви о божественной миссии Христа, Косой ведет критику этого догмата с рационалистических позиций. Он утверждает,

¹ Там же, стр. 413.

² Там же, стр. 908.

³ Там же, стр. 501.

⁴ Там же, стр. 217.

что если бог всемогущ, то ему совершенно не нужны помощники в деле „поновления“ „человеческого образа“. Рационалистическую критику Косой дополняет и усиливает социальной — он подчеркивает, что человеческое общество не изменилось после Христа, жизнь осталась прежней.

В этих рассуждениях Косого, кроме всего, интересна мысль о естественном законе, которому повинуются человеческая жизнь и который приравнивает человека ко всем прочим живым существам:

„Что убо глаголеши часто поновити богу обетшавший образ свой и создание его падшее воздвигнути ему и исправити, не глаголеши же, что обетшание образу, что же ли зданию падение, како же ли обновление и въздвижение и исправление ему?.. Да како образ божий в человечестве истле, человеком живущим одинако и пребывающим якоже от начала, такоже и по Христове пришествии тоже человеком пребывающим и живущим, рожающимся и умирающим? Елицы естеством здравы бываху человецы, здрави и до смерти пребывают; елицы же человецы впадают в недуги, тии истлевают различно. Которое убо тому поновление или воздвижение есть, такоже пребывающим человеком, якоже до пришествия Христова и по пришествии его?.. Что убо ты глаголеши, яко созидая человека бог вначале поможение поползнутию его изготова? Что убо человек, или что есть сие, еже умрет человек. Не умирают ли рыбы великия в море и гады, и киты, такоже и птицы небесные, и звери, и львы, и слоны великия на земли? Вся та создание божие, якоже и человек. Буди убо яко и восхоте бог человеку помощь изготovati, да чесо же убо ради сыну его воплотитися, а не послати богу иного кого на помощь худости человечестей, яко же и царь человек свой образ хитрицем или исправит, или поновит“.¹

По мнению Косого, Христос мог быть только учителем людей, их ходатаем перед богом.

Провозглашая „единого бога“, „отца“ всего существующего, Косой, однако, стремится всячески ограничить его влияние на человеческую жизнь. Косой оставляет за богом только акт создания человека, совершенно освобождая человеческую жизнь и деятельность от вмешательства божества.

Таким образом Косой отвергает все учение современной ему официальной церкви как неистинное, не отвечающее подлинной, по его понятиям, религии.

Кого же Косой считает виновниками искажения религии, виновниками того, что истинная вера заменена идолопоклонством, что проповедуется поклонение мертвецам и живым вместо истинного бога, что „человеческое предание“ и „измышление“ поставлены вместо заповедей бога, что на место истинной религии встала грубая, выгодная кое-кому подделка?

Виновником всего этого Косой объявляет церковную иерархию. В своих выступлениях против попов и епископов он старается развенчать их, „совлечь покров святости“ с их личностей, дел, учения. Косой обвиняет церковную иерархию в умышленном сокрытии истинного бога, священных „столповых“ книг и пр. Его цель — доказать несовместимость существования этой „многосложной, искусственной“ иерархии с истинной верой, с истинным православием. Он так характеризует представителей церковной иерархии: „Ныне попы не суть священники божии,

¹ Истинны показание. . . , стр. 276—277, 262—263.

но лицемерствуются священством¹, и прямо запрещает повиноваться этим „идольским жрецам, ложным учителям“. Это недостойные люди, отвратительные морально, не имеющие права выступать от имени Христа, не утруждающие себя исполнением тех заповедей, которые проповедают для других:

„В них же ни единомыслие исправляется, ниже союз мира соблюдается, ни яже в душе кротость хранится но раздвоение и прятность ревность обретается, много убо дерзость будет уды Христовы именовать, или от него начальствоватися глаголати: простою же мыслию со дерзованием реши, яко держит тамо и царствует плотское мудрование“.²

И вот именно эти люди „измыслили“ вместо „настоящего бога“ угодных им мертвецов, вместо „настоящей веры“ — идолопоклонство. Они сознательно скрывают от народа „истинную веру“: они не „держат в руке“, т. е. не дают читать людям „столповые“, „священные“ книги, в которых, как уверен Косой, и есть истина:

„Моисеевы книги нарицает Косой столповыми. Есть же и аде в монастырех столповые книги, да сохранены и запечатленны лежат, не дают их прочитати и таят их от людей“.³

Уже только поэтому попам не следует повиноваться: они учат по „человеческому преданию“, но не по „заветам бога“, т. е. лгут людям:

„Посему ложнии учителя епископы и попы, понеже учат книг в руку не держат; сам же Косой посему истинна учителя себе сказует, понеже в руку имея книги и тыя разгибая, комуждо писанная дая самому прочитати, и сия книги рассказывает“.⁴

Косой призывает совершенно упразднить церковную иерархию, не повиноваться ее представителям, не слушать их проповедей, не читать их книг:

„И на погребении от епископов и от попов не отпеватися, и по смерти не поминатися, глаголет Косой, яко епископы и попы ложнии учителя, идольстии жрецы, и маньяки; велят приносить проскуры и канун, и свечи ко идолам на жертву; подобает поклонятися духом отцу, а не поклоны творити, ни проскуры, ни кануны, ни свечи приносить“.⁵

„И книг церковных учителей и жития и мучения святых не прочитати и к попом не приходити“.⁶

Все молитвы, жития святых, все сочинения представителей официальной церкви, выдаваемые за „откровения бога“, будто бы имеющие авторитет подлинного слова божия, на самом деле выдуманы ими самими для обмана, приносящего им выгоду. Вся ими созданная религия — совершенно не соответствует духу „истинной“ религии, от основных догматических положений до внешних проявлений, до сложной обрядности, запутывающей людей.

Утверждая „человеческое предание“, „епископы“ и попы боятся раскрытия этого обмана и преследуют тех, кто его раскрывает. Так объясняет Косой гонения на еретиков.

Итак, разоблачая церковную иерархию, Косой тщательно, подробно вскрывает и разоблачает преднамеренную ложность дел, учения, целей

¹ Многословное послание, стр. XIX.

² Истины показание. . . , стр. 875—876.

³ Там же, стр. 208—209.

⁴ Там же, стр. 42.

⁵ Там же.

⁶ Там же, стр. 41—42.

официальной церкви. Эти обличения, относящиеся к церковным властям и ко всей церковной иерархии, а также понимание Косым истинной роли „человеческого предания“ и истинной роли официальной церкви его времени — позволяют ему сделать тот вывод, который придает его учению огромную социальную остроту:

„В церквях же попы учать по книгам и по уставам их человеческая предания, и повелевают себе послушати, и земских властей бояться и дани даяти им; не подобает же в христианах властем быти и воевати“.¹ „Не подобает же повиноватися властем и попом“.²

Для этого уничтожающего вывода и необходимы были обоснованное отрицание феодальной церкви, всех ее установлений и осуждение ее служителей. Нужно было сначала „совлечь покров святости“ с церкви-с богословия, а затем — с благословляемого этой церковью обществен, ного строя.

Социальная острота ереси Косого была понятна его современникам. Недаром у него было много последователей, большинство которых составляли представители угнетенного класса — „рабы“, как называет их Зиновий Отенский. Недаром господствующий класс, не ограничиваясь судом и проклятиями, вынужден был противопоставить этому „рабьему“ учению свое идеологическое противоядие.

Итак, учение Косого было оппозиционным выступлением против современного социального и государственного строя санкционирующей этот строй официальной церкви.

Что же противопоставлял Косой порочной церкви и порочному порядку жизни, какую религию и какое гражданское устройство? Ради чего отрицалась им современность, какое общество рисовал он своим последователям, какой порядок считал истинным, соответствующим „заветам бога“?

Положительная программа была всегда самой слабой стороной всех оппозиционных учений Средневековья, да и не только Средневековья, а и гораздо более позднего времени. Незнание и невозможность познания законов исторического развития, неспособность самого угнетаемого многочисленного класса Средневековья, крестьянства, выдвинуть свою программу, наконец, самый уровень исторического развития общества — словом вся совокупность условий делала выступления, сильные своей отрицающей стороной, беспочвенными и неисполнимыми мечтаниями в положительной своей части.

Опорой для положительных идеалов служили „хилиастические мечтания раннего христианства“. Черпая в книгах раннего христианства материалы для разоблачения церкви и современной действительности, средневековые ереси искали в этих книгах и ответов на вопросы об устройстве будущего общества. Они по-своему трактовали принципы раннего христианства, и на этой своеобразной интерпретации Библии и Евангелия строили идеалы будущего общества.

Эти идеалы, как правило, содержали в себе намеки на будущее коммунистическое общество. „Но в то же время полет мечты за пределы не только настоящего, но и будущего, мог быть только насильственным и фантастическим и должен был при первой же попытке практического применения снова оказаться в узких пределах, которые одни только и были возможны в условиях того времени“.³ Эта истори-

¹ Многословное послание, стр. XVI.

² Там же, стр. XVII.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. VIII, стр. 131.

чески обусловленная ограниченность и превращала положительные программы в „хилиастические мечтания“. Основой, сущностью их было требование равенства всех людей. Но это требование отличалось от требований равенства в позднейшее время, т. е. не было осознанным выражением потребности „реальной общественной группы“ и выдвигалось „вообще не как положительный принцип общественного порядка, а как принцип отрицательного равенства всех людей перед богом“.¹ Вот как характеризует Энгельс понятие равенства раннего христианства: оно „знало только одно равенство для всех людей, а именно — равенство первородного греха, что вполне соответствовало его характеру религии рабов и угнетенных. Наряду с этим оно, в лучшем случае, признавало еще равенство избранных... Следы общности имущества... объясняются скорее сплоченностью людей, подвергавшихся гонениям, чем действительными представлениями о равенстве“.² Именно так трактовали равенство и средневековые ереси, основывавшиеся на книгах раннего христианства.

На общем фоне выделяется лишь Мюнцер, лишь ему Энгельс дает совершенно иную оценку: хотя и Мюнцер не свободен от хилиастических мечтаний раннего христианства, однако „у Мюнцера эти коммунистические намеки впервые становятся выражением потребностей реальной общественной группы; у него впервые они формулируются с известной определенностью; начиная с него, мы встречаем их снова во всяком большом народном потрясении, пока они постепенно не сливаются с современным пролетарским движением...“.³

И в этом отношении Ф. Косого нельзя поставить рядом с Мюнцером (во всяком случае судя по имеющимся в нашем распоряжении материалам), хотя его ересь также являлась отражением идеологии определенного общественного класса — крестьянства. Что эта была именно крестьянская, во многих своих выводах революционная, „рабья“ ересь, было отмечено уже его противниками-современниками. Учение Косого было ответом закрепощаемого крестьянства и холопства на классовую политику самодержавного государства.

И все же положительная программа Косого не могла быть чем-либо другим, как только мечтаниями. Причина этого кроется в положении и сущности крестьянства как класса в XVI веке. Ведь программа Мюнцера шла так далеко потому, что была выражением интересов не только крестьянства, но и плебейства. Плебейство и дало программе Мюнцера ее далекий прицел и вместе с тем большую определенность. Вот что говорит Энгельс о положении плебеев:

„Плебеи в это время были единственным классом, стоявшим совершенно вне официального общества. Они стояли вне как феодальных, так и городских связей. У них не было ни привилегий, ни собственности, ни даже отягченного тяжелыми повинностями владения, которое существовало у крестьян и мелких горожан. Они были во всех отношениях неимущи и бесправны; условия их жизни даже не соприкасались с существующими учреждениями, которые их совершенно игнорировали. Они были живым симптомом разложения феодального и цехового городского общества и в то же время предшественниками современного буржуазного общества.“

¹ М. М. Смирин. Народная реформация Томаса Мюнцера, стр. 44.

² Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Гос. изд. полит. лит., 1950, стр. 97—98.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. VIII, стр. 131.

„Это положение плебеев объясняет нам, почему плебейская часть общества уже тогда не могла ограничиться одной только борьбой против феодализма и привилегированных горожан; почему она... должна была выйти за пределы едва зарождавшегося тогда современного буржуазного общества...“¹

„Это насильственное, но вполне объясняющееся из условий жизни плебеев, предвосхищение последующей истории мы впервые встречаем в Германии у *Томаса Мюнцера* и его партии“.²

Таким образом именно участие плебейства в реформации, составившее основную опору Мюнцера, определило программу его учения и ее революционность.

В России в XVI веке еще не было подобной общественной группы, которая представляла бы по своему положению зародыш будущего пролетариата, предрекавший будущие буржуазные отношения. Самой угнетенной и самой многочисленной общественной группой было крестьянство; в учении Косого отразилось его отношение к современной церкви и современному общественному устройству — отрицательное, революционное отношение; отразилась и историческая ограниченность крестьянства.

Говоря о крестьянстве в революции 1905 года, В. И. Ленин подчеркивал: „С одной стороны, века крепостного гнета и десятилетия форсированного пореформенного разорения накопили горы ненависти, злобы и отчаянной решимости. Стремление смести до основания и казенную церковь, и помещиков, и помещицье правительство, уничтожить все старые формы и распорядки землевладения, расчистить землю, создать на место полицейски-классового государства общежитие свободных и равноправных мелких крестьян, — это стремление красной нитью проходит через каждый исторический шаг крестьян в нашей революции...“³

„С другой стороны, крестьянство, стремясь к новым формам общежития, относилось очень бессознательно, патриархально, по-юродивому, к тому, каково должно быть это общежитие, какой борьбой надо завоевать себе свободу, какие руководители могут быть у него в этой борьбе...“⁴

Эта характеристика во многом вполне относима к крестьянству XVI века.

Ненависть к властям и церкви, ко все увеличивающемуся обезземеливанию и закрепощению то проявлялась в подобных религиозных ересях, то прямо выливалась в открытые восстания. Но страшная придавленность крестьянства, раздробленность, привязанность к своему, пусть обремененному налогами, но относительно своему клочку земли, — не могли создать у крестьянства четкого осознания своего общего положения, своих целей и задач. Следствием „политической невоспитанности, революционной мягкотелости“⁵ крестьянства было то, что и выступления крестьянства имели не сознательный, целенаправленный характер, но характер стихийного взрыва. „Крестьянские восстания, — пишет И. В. Сталин, — могут приводить к успеху только в том случае,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. VIII, стр. 130—131.

² Там же, стр. 131.

³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 15, стр. 183.

⁴ Там же, стр. 184.

⁵ Там же, стр. 185.

если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями. Только комбинированное восстание во главе с рабочим классом может привести к цели“.¹

Что же представляла собой положительная сторона учения Косого, какой порядок предлагал он взамен феодального строя?²

Его отрицание — действительно, выводы — революционны; его положительная программа ограничивается намеками, туманна и неясна.

Разбирая критическую часть учения Косого, мы заметили, что основное подтверждение своей критики он находил в книгах раннего христианства. Косой использовал везде, где было удобно, и писания более позднего времени, и сочинения русских церковных авторов, но только когда выводы их совпадали с его выводами, когда они противоречили существовавшим церковным порядкам. Это был определенный тактический прием, позволявший ему убедительнее и с большей остротой доказывать свои взгляды. Но только „Моисеевы книги“ называл он „столповыми“, только их принимал полностью, считая, что там и записаны все заветы божьи, что только они истинны. В этих же книгах Косой пытался найти подтверждение своим представлениям о будущем справедливом обществе.

Анализ взглядов Косого показывает, что он не видел разницы между областью религии и областью общественных отношений. Бог у него — отец всего существующего, единственный авторитет, единственная власть для людей. Не подобает даже „рожьших почитать, ни именовать отцев, пишет бо: Не нарицайте себе отца на земли. Един отец ваш бог“.³ На основании этого положения Косой отвергает и все „земские власти“ — „не подобает же в христианах влаством быти“.⁴

Для обоснования своих взглядов на принципы устройства будущего общества Косой использует евангельскую заповедь: „любите друг друга“.⁵ Отсюда он выводит необходимость равенства всех людей. В признании равенства Косой идет очень далеко, распространяя его не только на христиан, но и на людей всех вероисповеданий. Главным доказательством неоспоримости равенства людей является, по мнению Косого, то, что все люди равны перед богом:

„Все люди едино суть у бога, и татарове, и немцы, и прочии языцы; глаголет бо апостол Петр: «во всяком языке бойся бога и делай правду прият ему есть»“.⁶

В обществе, где все люди равны между собой, не должно быть нищих и чрезмерно богатых людей:

„Велят же попы — имения приносить и нищим подаяти, а нищия псы, не подобает им подаяти, пишет бо: «несть добро отя ти хлеба чадом и поврещи псом». И чада мы есмы яко познахом истину, занеже у нас разум духовный. И аще кто наш разум имеет, то брат духовный, и чадо есть, и к нам подобает приносить имения, яко пишет в Деяниях: «Яко приношаху имения и полагаху пред ногама апостол»“.⁷

Основываясь на этом высказывании Феодосия Косого, можно сделать предположение и о том, как он представлял себе пути построе-

¹ И. В. Сталин, Сочинения, т. 13, стр. 112—113.

² Необходимо отметить, что высказываний по этому поводу еще меньше, так что приходится основываться буквально на нескольких замечаниях.

³ Многословное послание, стр. XVII.

⁴ Там же, стр. XVI.

⁵ Там же, стр. XV.

⁶ Там же.

⁷ Там же, стр. XVII.

ния справедливого общества. Очевидно, он придавал огромное значение проповеди своего учения, в истинности которого был глубоко убежден.¹ Цель проповеди Косой видел в том, чтобы приобщать всех людей к истине, делать их духовными братьями. Он был убежден, что это достижимо, что все люди приобщатся к новому учению и создадут новое, основанное на справедливости и любви, общество. Он считал, что богатые добровольно отдадут свои „имения“ новым „апостолам“ (к которым Косой относил себя и уже познавших учение, своих близких последователей). А смысл жизни „апостолов“ — помогать людям² проповедью и, очевидно, распределением между всеми имуществ, делить поровну все богатства, все блага, иными словами — помогать созданию нового, справедливого общества.

Для учения Косого, таким образом, характерен не революционный подход к вопросу о путях построения нового общества и уничтожения старого. Несмотря на решительность выводов критикующей части, учение Косого не призывает к восстанию, к насильственному низвержению существующего строя. Причина этого кроется в неразвитости классовой борьбы, в незрелости, недостаточной остроте классовых конфликтов между двумя основными классами феодального общества в период появления ереси Косого.

Итак, вырисовывается следующая картина: общество равных друг другу людей, в котором единственная власть — бог, и где нет никаких „земских властей“; общество объединяет не только христиан, но всех людей, „все языцы“; основной закон их взаимоотношений — согласие, любовь, поэтому нет войн; люди во всем равны между собой — и социально (над ними нет земских властей, они никому не обязаны „данами“), и имущественно (нет нищих, богатые лишены избытков и „имений“). Общество создается не насильственным, революционным путем, но добровольно, в результате убеждения, объединением людей и имуществ.

Чтобы расшифровать этот идеал, надо перевести его богословские формулы на язык чаяний и стремлений крестьян того времени.

Что представляло собой требование равенства, мотивированное равенством всех людей перед богом? — Это было требование равенства в земельных отношениях, требование равного распределения земли между теми, кто ее обрабатывает (это тем более понятно, если вспомнить процесс обезземеливания крестьянства, особенно усилившийся во второй половине XVI века).

Что такое протест против „даней“? — Не что иное, как протест против все увеличивающихся и усложняющихся крестьянских повинностей.

Что скрывалось за требованием передачи богу всех функций власти?³ — Протест против существующей царской и боярско-дворянской власти, враждебной угнетенным массам и эксплуатирующей их.

Так богословская форма наполняется совершенно определенным, конкретным содержанием; картина идеального общества становится довольно четким отражением крестьянских требований. Требования равного разделения земли и права распоряжаться всеми продуктами своей земли и своего труда, протест против феодальных повинностей,

¹ Косой заявлял, что он „истину паче всех весть“ (Истины показание. . . , стр. 48), „Никому же так не открылася истина, яко же нам открыся“ (Многословное послание, стр. XVII).

² Многословное послание, стр. XVIII.

³ Бог у Косого определяет законы человеческого общества; люди в свою очередь не обязаны повиновением и почтением никому, кроме бога.

требования разделения всех доходов поровну. Это было в общем требование во всем „уравниловки“, которую так определил И. В. Сталин: „Уравниловка имеет своим источником индивидуально-крестьянский образ мышления, психологию делёжки всех благ поровну, психологию примитивного крестьянского «коммунизма»“.¹

Учение Феодосия Косого, проповедовавшее „крестьянский коммунизм“, отрицавшее официальную церковь и „земские власти“, не могло не встретить отпора со стороны правящего класса. Одних проклятий и суда оказалось недостаточно, требовалось идеологическое обоснование необходимости всех учреждений и авторитетов, ниспровергаемых Косым, необходим был идеологический отпор.

Этой задаче посвящены в той или иной степени все известные произведения Зиновия Отенского, а полностью два самых капитальных — „Истины показание к вопросившим о новом учении“ и „Многословное послание“. Эти книги, дышащие ненавистью к „рабу“ и его „рабьему“ учению, по всем затрагиваемым вопросам защищают официальную церковь и существовавший общественный и государственный строй. Написанные в полемическом, а чаще в откровенно злобном тоне, эти произведения направлением своих ударов еще раз подчеркивают главное в учении Феодосия Косого — социальную остроту и враждебность существующему строю.

По мнению Зиновия Отенского, Феодосий Косой не может быть „учителем“, потому что он „раб“. „Рабы“ не имеют никаких гражданских прав:

„И закони же градстии отместут яже от рабов бываемая свидетельства; не повелевают бо закони рабов на судищи представляти во зысканиях межю прящемися быти послухом ... како же раб учитель будет, егоже и писание отместет и закони отрицают?“²

Защищая устои феодального строя, Зиновий Отенский выступает апологетом рабства. „В глазах Зиновия Отенского раб не имеет никаких прав и не может сам распоряжаться своей личностью. Он является полной собственностью своего господина. Его труд не оплачивается и не вознаграждается. Все, что он имеет, принадлежит не ему, а его господину, и господину же принадлежит все, что приобретает раб откуда бы то ни было“.³ Свою защиту рабства Зиновий Отенский излагает в форме сравнения труда раба и свободного человека:

„Несть же убо едино работа свободного и работа рабья. Ино раб и ино наемник. Наемник свободен есть и, ему же хошет, работает по найму, и иже кто хошет, наимает его, раб же не может работати, ему же хошет, ниже кто хошет, поемлет его работати себе, понеже раб имать господина и раб есть своему господину, а не всем есть раб; и елико аще поработает господину своему, мзды не имать и найма не вземлет. Егда бо не восхошет творити работы господина своего, томление и раны приемлет раб. И посему раб не имать свое ничто же, но вся, еже имать у себе, господина его суть, и самую срацицу [сорочку] и вся купно, еже раб притяжет отъюду же, аще будет господину своему, а не себе притяжает“.⁴

И, делая вывод о неизбежности и неуничтожимости рабства, Зиновий Отенский не без страха замечает:

¹ И. В. Сталин. Сочинения, т. 13, стр. 119.

² Истины показание... , стр. 25.

³ И. И. Смирнов. Восстание Болотникова, стр. 35.

⁴ Истины показание... , стр. 30.

„Писание показывает величество злобы рабья, от нея же земля трясется, вневгда рабу воцаритися“.¹

Таким же характером „защиты основ“ отличается и другое основное положение Зиновия Отенского — о носителе верховной власти: безусловное „повиновение“ и „возлюбление“ должно проявлять не только по отношению к самому царю, но и к „образу цареву“.

„Видим же убо и человека образ, яко честнейши есть и вышши всех повинующихся ему. Не токмо бо простии человецы земледельцы и руку художницы, вневгда цареву образу вносиму в грады митрополции, но и воины царевы и старейшии мужие граду, и честнейшии сановницы, и сами и синклиты, и воеводы, и епархи устретают с честию много и покланяются образу цареву человеку, яко и самому цареву; и есть образ царев честнейши всего синклита его, и воевод, и епарх и патрикиев, вси бо тии покланяются образу цареву и многою честию в устранении его, яко и самого царя, и тем показующе повиновение к царю, и возлюбление свое к нему“.²

Полному отрицанию Феодосием Косым каких бы то ни было земских властей Зиновий Отенский противопоставляет апологию самодержавной царской власти. „Так устами своих идеологов крепостники-землевладельцы провозглашали незыблемость основ социального строя Русского государства, незыблемость крепостнических порядков“.³

Итак, ересь Феодосия Косого была выражением потребностей угнетенных масс. К ней вполне приложима характеристика Энгельса, относящаяся к крестьянским и плебейским ересям: „Разделяя все требования бюргерской ереси по отношению к попам, папству и восстановлению ранне-христианского церковного строя, она в то же время шла бесконечно дальше. Она требовала восстановления равенства, существовавшего в отношениях между членами ранней христианской общины, и признания этого равенства в качестве нормы и для гражданского мира. Из равенства сынов божиих она выводила гражданское равенство и даже отчасти уже равенство имуществ. Уравнение дворянства с крестьянами, патрициев и привилегированных горожан с плебеями, отмена барщины, поземельных цензов, налогов, привилегий и уничтожение по крайней мере наиболее кричащих имущественных различий, — вот те требования, которые выставлялись, с большею или меньшею определенностью, как необходимые выводы из учения раннего христианства“.⁴

Ересь Феодосия Косого — идеологическое выражение классовой борьбы крестьянства с господствующим классом феодалов — борьбы, которая наполняет всю историю того времени, то проявляясь в подобных оппозиционных учениях, то выливаясь в открытые восстания.

¹ Истины показание... стр. 25.

² Там же, стр. 283.

³ И. И. Смирнов. Восстание Болотникова, стр. 35.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. VIII, стр. 130.

Т. А. КОЛЕСНИКОВА

Общественно-политические взгляды Ермолая-Еразма

Русская публицистика XVI века представлена многими авторами. В числе их есть и выразители интересов уходящего в прошлое боярства и идеологи растущего, набирающего силу дворянства, наконец, и крестьянство поднимает голос в свою защиту. Немаловажное место среди публицистов второй группы занимает Ермолай-Еразм. Священник по роду занятий, принявший впоследствии монашество, интересовавшийся в своих работах не только вопросами церковно-религиозными, но и посвятивший немало страниц чисто светским проблемам, Ермолай-Еразм выделялся среди других публицистов своего времени особым интересом к устройству общества.

Вопрос о том, какие из приписываемых Ермолаю-Еразму произведений принадлежат действительно ему, не получил еще окончательного решения в нашей литературе. Однако имеются произведения, автором которых с полным основанием можно считать Ермолая-Еразма, это — „Благохотящим царем правительница и землемерие“, „Того ж списателя к царю моление“, „Поучение к своей комуждо души некого Ермолая“ и „Слово о разсужении любви и правде и о побеждении вражде и лже“. О принадлежности их одному автору можно судить по единству взглядов на некоторые предметы, высказываемых часто одними и теми же словами.

В „Молении к царю“ Ермолай-Еразм, предлагая царю свои литературные услуги, говорит о другом своем произведении мирского характера, ставящем целью достигнуть „благоугодия земли и умаления насильства“.¹ Этим произведением, повидимому, является „Правительница“, так как основная цель ее — „се убо всякого мятежа о земных умалится“.²

Несмотря на то, что имя Ермолая-Еразма вошло в научную литературу уже во второй половине XIX века, облик его как публициста еще не выяснен в достаточной степени, до сих пор остается спорным вопрос о том, выразителем интересов какого класса он является. Даже в советской историографии при выяснении вопроса о социальной направленности проекта реформ, предлагаемого Ермолаем-Еразмом, были допущены ошибки, в результате чего долгое время имела распространение точка зрения, рассматривающая Ермолая-Еразма в качестве защитника и выразителя интересов крестьянства.

¹ И. А. Шляпкин. Ермолай Прегрешный новый писатель эпохи Грозного. СПб., 1911, стр. 24.

² Летопись занятий Археографической комиссии (ЛЗАК), вып. 33. Л., 1926, стр. 194—195.

Р. Ю. Виппер первый увидел в авторе проекта защитника интересов крестьянства — „последовательного народника“, по его выражению.¹ В своей работе „Иван Грозный“ Р. Ю. Виппер останавливается на анализе „Правительницы“ и считает „Слово к благохотящим царем“, как он называет „Правительницу“, сочинением, очень характерным для своей эпохи как по стилю, так и по содержанию: „... в нем видна мера того народничества, которое допускалось правительством и которое оно охотно слышало от общества“.²

Р. Ю. Виппер видит защиту крестьянских интересов автором проекта и в том, что автор предлагает дать крестьянам на поместных землях „полные жребии“. Р. Ю. Виппер расценивает их как „большие участки“, т. е. превышающие размеры существующих крестьянских участков. Однако крестьянские „полные жребии“ не превышали в XVI веке обычных размеров участков поместных крестьян, а Ермолай-Еразм в своем проекте как раз имеет в виду крестьян, принадлежащих служилым людям — помещикам.

Р. Ю. Виппер считает, что автор „Правительницы“ работал по византийским источникам. Доказательство этому он видит в предлагаемом автором способе измерения земель: „поприще“ напоминает ему квадраты римских землемеров. Кроме того, знакомство автора „с наиболее демократическими законами римских императоров, которые не раз брались защищать своих крестьян-солдат против захвата со стороны крупных владетелей, объясняет, по мнению Р. Ю. Виппера, то обстоятельство, почему Ермолай-Еразм обратился с проектом „защиты“ крестьян к царю.“³

Таким образом у Р. Ю. Виппера автор проекта — „последовательный народник“, надеющийся найти поддержку в своем стремлении защитить крестьян у самого царя. Следовательно, в трактовке личности автора и его проекта Р. Ю. Виппер занимает буржуазные позиции, рассматривая государство как надклассовую силу, стоящую над обществом, призванную заботиться о благе всех подданных государства.

Во втором издании своей книги, вышедшем в свет через 22 года после первого, Р. Ю. Виппер несколько пересмотрел свои взгляды на „Правительницу“ и ее автора, отказавшись от некоторых формулировок, но в сущности продолжая оставаться на старых позициях. Автор проекта у него попрежнему защищает крестьян, „заботится об их участи“, проект назван „благоприятным крестьянам“.⁴ Р. Ю. Виппер пытается выяснить, чем объясняется своеобразная идеология проекта, и находит объяснение в признании решающего влияния заволжских старцев, выступавших „против стяжательства“ „вельмож“, под которыми они разумели крупных иерархов и богатые монастыри.⁵ В этом сближении позиции Ермолая-Еразма с заявлениями заволжских старцев Р. Ю. Виппер правильно подметил, что для Ермолая-Еразма главными в „защите“ крестьянства являются не интересы крестьян сами по себе, а интересы той или иной группировки господствующего класса. Однако недоказанным остается „влияние“ заволжских старцев на направление проекта реформ Ермолая-Еразма.

Никакого влияния заволжских старцев нельзя усмотреть в проекте; наоборот, антибоярская направленность проекта не подлежит сомнению.

¹ Р. Ю. Виппер. Иван Грозный. Изд-во „Дельфин“, 1922, стр. 36.

² Там же, стр. 38.

³ Там же, стр. 37.

⁴ Р. Ю. Виппер. Иван Грозный. М.—Л., 1944, стр. 39

⁵ Там же.

Об этом говорит и установление предела земельных владений, и обязательность службы без денежного вознаграждения, и выступление автора против боярской гордости, за первенство личных заслуг перед знатностью.

Точка зрения Р. Ю. Виппера, рассматривающего Ермолая-Еразма как защитника интересов крестьянства, получила большое распространение особенно после выхода в свет рабты В. Ф. Ржиги „Литературная деятельность Ермолая-Еразма“.¹ Незначительное улучшение положения крестьян, которое могло произойти в случае осуществления реформ, В. Ф. Ржига расценил с точки зрения проявления подлинных чаяний крестьянства, отметив, что автор „Правительницы“ „впервые облакает крестьянские чаяния в положительную формулировку, определенную и яркую“.² В. Ф. Ржига подчеркивает „народнические симпатии Ермолая-Еразма“.³

Работа В. Ф. Ржиги представляет несомненную ценность обоснованием принадлежности Ермолаю-Еразму ряда произведений, среди которых находится и „Правительница“.

На позициях признания Ермолая-Еразма крестьянским идеологом, защитником интересов крестьян стоит и И. У. Будовниц. В своей книге „Русская публицистика XVI века“ он рассматривает Ермолая-Еразма как выразителя интересов крестьянства, указывает на близость Ермолая-Еразма к народу, видит симпатии Ермолая-Еразма к беднейшему населению и при решении вопроса о городе. Умеренность средств, предлагаемых Ермолаем-Еразмом для улучшения положения крестьян, И. У. Будовниц объясняет влиянием на мировоззрение Ермолая-Еразма митрополита Макария; последний всегда стремился к решению всех вопросов компромиссным путем.⁴

И. У. Будовниц и В. Ф. Ржига отмечают утопический характер мер, касающихся крестьянских повинностей, и вместе с тем подчеркивают жизнечность некоторых его предложений.

В своем труде „Крестьяне на Руси...“ Б. Д. Греков посвятил специальную главу крестьянскому вопросу, где и остановился на Ермолае-Еразме и его проекте. Не называя Ермолая-Еразма крестьянским идеологом, Б. Д. Греков вместе с тем подчеркивает его демократизм, его сочувствие низшим слоям общества.⁵ Б. Д. Греков основной упор делает на показе усиливающейся роли денег в обществе, влияющей на ухудшение положения крестьян, и под этим углом зрения рассматривает Ермолая-Еразма и его проект. Он особенно останавливается на предложении Ермолая-Еразма взимать оброк с крестьян не деньгами, а натурой, хлебом, характеризую Ермолая-Еразма за это мероприятие как „врага серебра“, как человека, мечтающего о возвращении старины.⁶

Признает заинтересованность Ермолая-Еразма положением крестьян и акад. А. С. Орлов в „Истории русской литературы“, где он отмечает, что и „Беседа валаамских чудотворцев“ и „Правительница“ „проявляют интерес к облегчению тягот крестьянства“.⁷

Однако в настоящее время эта точка зрения не является общепризнанной. В советской историографии существует и другой взгляд на

¹ ЛЗАК, вып. 33, стр. 103—200.

² Там же, стр. 188.

³ Там же.

⁴ И. У. Будовниц. Русская публицистика XVI века. М.—Л., 1947, стр. 222—227.

⁵ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. М.—Л., 1946, стр. 762.

⁶ Там же, стр. 765.

⁷ История русской литературы, т. II, Изд. АН СССР, 1945, стр. 487.

Ермолая-Еразма: он рассматривается как дворянский идеолог, защитник интересов дворян-помещиков. Такую точку зрения поддерживает ряд исследователей, хотя и не занимавшихся специально Ермолаем-Еразмом и его проектом, но высказавших свое отношение к ним. Так, П. А. Садиков в работе „Очерки по истории опричнины“ отметил, что „подобная забота о низших классах московского общества так же характерна для сочинений Еразма, как и вопрос об уничтожении холопства для Ивашки Пересветова“,¹ указав этим на то, что Ермолай-Еразм в защите крестьянства остается на позициях господствующего класса, т. е. дворянства.

Т. И. Райнов в книге „Наука в России XI—XVII веков“ называет Ермолая-Еразма „известным своими литературно-политическими выступлениями в интересах служилого дворянства“.²

Разделяет мнение о Ермолае-Еразме как дворянском идеологе и О. В. Трахтенберг в статье „Общественно-политическая мысль в России в XI—XVII вв.“. Он указывает на близость Ермолая-Еразма пересветовским идеям, считая, что „утопичность проекта Ермолая-Еразма несомненно отражала с позиций господствующего класса кризис, переживавшийся в то время крестьянским хозяйством в связи с развитием товарно-денежных и укреплением крепостнических отношений“.³

Более развернутую характеристику Ермолая-Еразма и его проекта дал И. И. Смирнов, который отметил, что критика эксплуатации крестьянина ведется Ермолаем-Еразмом с позиций господствующего класса с целью „урегулировать взаимоотношения между крестьянами и землевладельцами и этим устранить опасность мятежей“.⁴ Эта краткая формулировка показывает самую сущность проекта и ясно обрисовывает социальное лицо его автора.

Учитывая все вышесказанное, следует признать, что вопрос о Ермолае-Еразме нельзя считать окончательно решенным, он требует дальнейшего внимательного изучения.

Для изучения общественно-политических взглядов Ермолая-Еразма, для выяснения его классовой принадлежности наибольший интерес представляют два его произведения: „Благохотящим царем правительница и землемерие“ и „Того ж писателя к царю моление“.

Слово „правительница“ употреблено здесь в смысле „руководства“, поэтому заглавие произведения переводится следующим образом: „Руководство для желающих блага царей и измерение земли“. „Правительница“ представляет собой проект двойного рода реформ: одни касаются вопросов социально-экономической жизни общества, другие имеют целью подъем общественной нравственности.

В отличие от „Правительницы“, посвященной исключительно общественным вопросам и не носящей на себе следов личной заинтересованности автора, „Моление к царю“ проникнуто личными мотивами и написано с целью представить на суд царя свои произведения, а также получить денежную помощь, дабы „в прочаа дни в устроении немятежне пожити“.

¹ П. А. Садиков. Очерки по истории опричнины. М.—Л., 1950, стр. 11.

² Т. И. Райнов. Наука в России XI—XVII веков. М.—Л., 1940, стр. 185.

³ О. В. Трахтенберг. Общественно-политическая мысль в России в XI—XVII вв. Сборник „Из истории русской филологии“. Госполитиздат, 1951, стр. 72.

⁴ И. И. Смирнов. Восстание Болотникова. 1606—1607. Госполитиздат, 1951, стр. 35.

Уже самый характер этих произведений указывает, что основное значение при выяснении общественно-политических взглядов Ермолая-Еразма имеет „Правительница“.

Встает вопрос о том, к какому времени следует отнести написание „Правительницы“? Среди исследователей дореволюционного периода датировка памятника вызывала большие разногласия, существовало несколько точек зрения на этот счет.

В советской историографии общепризнанным считается мнение В. Ф. Ржиги, который считает, что „Правительница“ написана в 40-х годах XVI века, видя основания для такого утверждения в самом тексте памятника: Ермолай-Еразм посвятил вторую часть своего проекта вопросу об искоренении пороков общества, особенно подчеркивая пагубное влияние на нравственность „корчемниц“. В. Ф. Ржига указывает, что большое распространение корчемные дворы получили в Новгороде в 40-х годах XVI века. Распространяя по аналогии это явление на Псков, к которому, по его мнению, имел отношение Ермолай-Еразм, В. Ф. Ржига и признает временем написания „Правительницы“ 40-е годы XVI века.¹

Попытаемся выяснить более точно время написания „Правительницы“. Материал для уточнения этой даты дает сам текст памятника.

Наиболее обширная часть проекта реформ, составляющего содержание „Правительницы“, посвящена рассмотрению вопроса об измерении земли. С целью ускорения работы землемеров автор предлагает ввести новую единицу измерения, намного больше прежней. Указание автора проекта на усиленную деятельность землемеров является очень ценным.

Слишком медленная работа землемеров рассматривается автором как некое общественное зло, существующее постоянно и требующее немедленного применения мер для своего искоренения. Автор, ставя вопрос о землемерах, исходил не из отдельных случаев испомещения служилых людей, а имел в виду какое-то массовое перераспределение земли, коснувшееся значительной части крестьянства.

Для XVI века мы знаем одно крупное испомещение служилых людей — это испомещение „тысячи“ в 1550 году. Тогда для землемеров наступила горячая пора, им пришлось много поработать при выполнении своей государственной миссии. Вполне вероятно, что их деятельность сопровождалась теми нежелательными для крестьян явлениями, на которые указывает Ермолай-Еразм. Эти соображения дают основание предполагать, что временем написания „Правительницы“ были примерно 1550—1551 годы.

Автор главное внимание уделяет вопросу об обществе, о том, как должны сочетаться права и обязанности различных классов, какие взаимоотношения должны существовать между ними. Вопрос о государственной власти играет у автора подчиненную роль и рассматривается только для того, чтобы подчеркнуть важность предлагаемых им реформ и привлечь внимание адресата — русского царя — к проекту. С этой целью Ермолай-Еразм использует теорию о Русском государстве как единственном истинно православном государстве в мире, делая отсюда нужным для него вывод об обязанности русского царя заботиться о благе всех подданных, ибо такое выдающееся положение русского царя среди неверных правителей налагает на него большие обязанности: „Аще же убо верою прав ест, достоин ему неленостно снискати, раз-

¹ В. Ф. Р ж и г а. Литературная деятельность Ермолая-Еразма. ЛЗЭК, вып. 33.

смотря, яже ко благополучению всем сущим под ним, не единими велможами еже о управлении пещис, но и до последних“.¹

Приступая к решению вопроса о строении общества, Ермолай-Еразм прежде всего выясняет, что составляет основу общества, от чего зависит благосостояние и даже само существование общества. Эту основу составляют, по его мнению, крестьяне, или „ратаи“, как он их называет. Крестьяне в силу того, что они производят хлеб, от которого „всех благих главизна“, заслуживают признания наибольшей степени нужности в обществе, стоя в этом отношении даже выше вельмож: „Вельможа бо сут потребни, но ни от коих же своих трудов довольствующеся. В начале же всего потребни сут ратаеве: от их бо трудов ест хлеб, от сего же всех благих главизна: богови в службу бескровная жертва хлеб приносится и в тело христово претворяется, потом же и вся земля от царя и до простых людей тех труды питаема“.²

Эта основа общества, питающая его, не находится в спокойном состоянии, постоянно в „волнениях скорбных“ пребывает³ из-за тяжелых повинностей, лежащих на ней. Крестьяне страдают от того, что „безпрестани различные работная ига подъемяют: овогда бо оброки дающе сребром, овогда же ямская собраниа, овогда же ина“.⁴ Кроме того, крестьяне терпят большие обиды от злоупотреблений царских сборщиков, собирающих подати в государственную казну и попутно „подле царского уставления и себе с них многа“⁵ берущих, а также во время своих поездок требующих с населения много денег для исполнения ямской повинности. Но и этим не исчерпываются тяготы, которые несут крестьяне. К ним еще добавляются расходы, связанные с содержанием царских землемеров, наделяющих землей воинов. Землемеры, имея малую единицу измерения, надолго заживаются у крестьян, обедая их при этом.

Выяснив причины тяжелого положения крестьян, ведущего к прямым выступлениям с их стороны, Ермолай-Еразм предлагает меры для устранения этих зол, доказывая справедливость своих предложений то наблюдениями над явлениями природы: „Подобно бы убо в лете един тяжательный ярем носити сим, яко бо всяка тварь птицы и зверие и скоти единою летом изнемогают линством“,⁶ то ссылками на авторитет священного писания, например ссылкой на Иосифа Прекрасного, который, будучи в Египте во время голода, раздавал голодающим пшеницу за сокровища, не имеющим же их давал хлеб в счет будущего урожая из расчета уплаты пятой частью урожая. Из рассказа об Иосифе Ермолай-Еразм делает вывод о том, в какой форме и в каком количестве следует брать подати с крестьян, напоминая, что пример Иосифа повлиял на правителей других стран, которые стали со своих подданных брать долю от плодов своей земли: „... идеже бо ражается злато и серебро, ту и воздают злато и серебро, а идеже плодятся множество великих скот, ту и воздают скоти, а идеже плодятся зверие, ту и воздают зверие“.⁷

Русь в изображении Ермолая-Еразма является страной земледельческой. Здесь не рождается ни серебра, ни золота, нет в ней

¹ ЛЗАК, вып. 33, стр. 193.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же, стр. 194.

и больших стад скота, рождается же здесь самое дорогое из всех земных благ — хлеб.

Все эти соображения и служат Ермолаю-Еразму основанием для предлагаемой им реформы крестьянских повинностей. Следует царям и вельможам с крестьян брать подати хлебом — пятую часть, как это сделал Иосиф в Египте, но не деньгами, ибо крестьяне денег не имеют и не знают, откуда их взять. Взимать деньги с крестьян нельзя еще и потому, что они (деньги) из царской казны раздаются вельможам и воинам „на богатство, а не нужда ради“,¹ ибо для удовлетворения непосредственных нужд вельмож и воинов достаточно будет пятой части урожая, с которой они могут жить и нести службу.

Перечисляя повинности крестьян, Ермолай-Еразм ничего не упоминает о барщине, и это отнюдь не случайно. Барщина в то время только начинала получать распространение, не была еще господствующей формой крестьянских повинностей, очевидно поэтому Ермолай-Еразм не включает ее в их число. У помещика, по проекту Ермолая-Еразма, еще нет барской запашки. Это можно доказать на основании простого расчета. На четвероугольном поприще,² равном $833\frac{1}{3}$ четвертям, находится „20 ратаевых полных жребий“. Каждый крестьянский участок равен $12\frac{1}{2}$ четвертям в одном поле или $37\frac{1}{2}$ четвертям в трех полях; в сумме эти 20 участков дадут земельный надел, равный $833\frac{1}{3}$ четвертям,³ следовательно барской запашки нет, значит отсутствует и барщина.

Из общего вопроса о крестьянских повинностях Ермолай-Еразм специально выделяет вопрос о ямской повинности, решая его следующим образом: крестьяне должны быть освобождены от уплаты ямской повинности, последняя должна быть переложена на города. „Ямская же правления вся подробно достоин устроить, от града по расписанию и до другого града“.⁴

В связи с рассмотрением вопроса о ямской повинности Ермолай-Еразм касается положения города и роли его хозяйственной жизни. Город у Ермолая-Еразма — торговый центр, где живут „стяжатели многа прибылька“.⁵ Они и должны нести на себе тяжесть ямской повинности, но зато в вознаграждение городское население освобождается от всех торговых пошлин.

Рассмотрев крестьянские повинности, Ермолай-Еразм делает вывод о том, что все предложенные им меры поведут к уменьшению волнений в деревнях: „Се убо всякого мятежа о земных умалится“.⁶ Для волнений не будет причин, ибо прекратятся сборы податей и связанные с ними злоупотребления, уменьшится число сборщиков податей.

Все рассмотренные Ермолаем-Еразмом вопросы служат как бы введением к основной части „Правительницы“, касающейся реформы землеизмерительной единицы. Ермолай-Еразм предлагает с целью ускорения раздела и прекращения земельных тяжб заменить действовавшую меру, четверть, более крупной — четвероугольным поприщем. Тут же приводится подробное изложение соотношения четвероугольного поприща и четверти. Ермолай-Еразм подчеркивает преимущества, которые принесет

¹ Там же.

² О четвероугольном поприще см. ниже.

³ 20 крестьянских участков = 750 четвертям, остальные $83\frac{1}{3}$ четверти идут на сено и лес.

⁴ ЛЗАК, вып. 33, стр. 194.

⁵ Там же.

⁶ Там же, стр. 194—195.

введение четверогранного поприща. С применением его будут достигнуты две цели: 1) ускорится работа землемеров в 10 раз — „кими денми ныне град описовати, теми денми возмогут 10 град описовати и, понеже четвертинная мера в частости мешкано, сия же поприщами около вдруг все оградит“,¹ 2) прекратятся земельные тяжбы, ибо границы земельных участков будут более четки и хищение с чьей-либо стороны сразу станет заметным: „Аще бо кто хоцет прекривити, и убо мера обличит, яко излишня чюжая восхити, у кого же отъят, тако же мера обличит, яко обиден ест“.²

Ермолай-Еразм не ограничивается теоретическим изложением преимуществ от введения четверогранного поприща, а приступает к рассмотрению практического пользования им при наделении земель.

Прежде всего он решает вопрос об обеспечении землей самого царя. Этот вопрос действительно требовал особого внимания, так как освобождение крестьян от уплаты податей в пользу государя и прекращение сбора торговых пошлин лишали царя части его доходов. Нужно было подумать о восполнении этой утраты. С этой целью Ермолай-Еразм предлагает царю отделить себе по своему желанию определенное количество поприщ в городах и брать с крестьян пятую часть урожая в свою пользу. Для доказательства того, что интересы государя при этом не пострадают, Ермолай-Еразм приводит примерную цифру того количества зерна, которое царь может иметь, если отделит себе в 100 городах по 10 поприщ и если урожай будет сам-пять.³

Цифра эта достигает довольно внушительной величины — 2,5 млн четвертей с одного поля. Этого количества зерна вполне достаточно не только для удовлетворения потребностей царя, но и для продажи, с целью получения денег.

Переходя к вопросу о наделении землей бояр и воинов, Ермолай-Еразм намечает шесть категорий земельных наделов, дающихся „комуждо по достоинству“. Высший оклад в 4 поприща в 8 раз превышает низший, в 0,5 поприща, соответствующий наделу в 125 четвертей в поле. Между этими крайними границами находятся наделы в $2\frac{1}{2}$, 2, $1\frac{1}{2}$ и 1 поприще. Ермолай-Еразм оговаривает и тот возможный случай, когда поприще будет неравно поприщу. Он считает такое неравенство вполне допустимым и естественным, ибо сами люди отличаются друг от друга.

Из государственных повинностей Ермолай-Еразм останавливается еще на наместничьем корме, предлагая также освободить крестьян от его уплаты.

Государственная служба не должна оплачиваться денежным жалованием, а должна исполняться с земли. Наделение воинов и бояр землей налагает на них обязанности несения бесплатной службы в пользу государя.

В рассуждениях Ермолая-Еразма о боярской „величине“ ясно видны его симпатии к служилым людям — помещикам. Знатность происхождения и богатство, которым обладает тот или иной боярин, не должны служить причиной выделения его из среды служилых людей, они не дают ему права вести себя перед ними „яко государем“. Вся разница

¹ ДЗАК, вып. 33, стр. 195.

² Там же.

³ Следует отметить, что Ермолай-Еразм для убеждения господствующего класса в том, что одна пятая урожая не так уж мала, берет наибольшую урожайность. По данным Н. Рожкова, средняя урожайность того времени была сам-три. Часто урожайность достигала только сам $1\frac{1}{2}$, сам $1\frac{2}{3}$. (Н. Рожков. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. М., 1899, стр. 57).

между членами господствующего класса заключается только в различной величине земельных наделов. Любая государственная должность понимается Ермолаем-Еразмом не как некая привилегия избранных, а как необходимое дополнение к земельному наделу. Большой земельный надел требует от его владельца исполнения больших обязанностей без какого-либо денежного вознаграждения: „Не достоин бо никому же боярам и воеводам и воином, своя ратая имуще, со инех же сребро имати. Аще бо кто предо инеми войны и велик ест, то по достоянию его болши ест земли вдано ему, и тако ратаев своих предо инеми войны болши стяжет, ового вдвое, а инаго втрое, инех же в седмеро и в осмеро. Сей тако велик ест, аще и воеводствовати или боярствовати удобен, но неудоб же ест ему предо инеми войны яко государем быти. Се ест излишнее и богатество и гордост, еже у своих ратаев удобная доволствия взимая, к сему же и с чюжих сребро взимати“.¹

Сознавая необходимость заботы о безопасности государства, Ермолай-Еразм рассматривает вопрос о том, по какому принципу должна нести воинская повинность. Основой для несения воинской повинности служивыми людьми является четверогранное поприще. Получивший от царя в пользование поприще земли выступает в поход сам „и с ним слуге в бронях“. Большое количество поприщ влечет за собой увеличение количества слуг, обязанных выйти в поход.

Установив, таким образом, нормы несения воинской повинности, Ермолай-Еразм переходит к рассмотрению вопроса о том, как сделать войско царя действительно боеспособным, готовым в любой момент выступить в поход. Он видит препятствие к этому в том, что служилые люди живут в своих поместьях: это не только затрудняет сбор войска, замедляет его, но и дает возможность некоторым лицам совсем не являться на службу. Если же войны будут жить в городах, получая от своих крестьян „установленное“, все эти нежелательные для государства явления, по мнению Ермолая-Еразма, будут сразу ликвидированы: „яко едина царева грамота о воинстве придет к ним, и единаго часа вси, слышав, усрамятся друг друга отлучитися, но единомысленно и в един день вси грядут на порученную им службу“.²

Переходя ко второй части проекта, включающей в себя ряд мер, направленных на подъем общественной нравственности, Ермолай-Еразм снова обращается к авторитету священного писания, дабы обосновать необходимость вмешательства царя и в эту сторону жизни. Большие обязанности налагаются на царя его саном: „ему же дано боле, и взищется боле от него, и ему же дано, множайши, множайши и просят от него“.³

На примере Пскова Ермолай-Еразм показывает пагубное влияние корчем на нравственность.

Для устранения начала всех зол — пьянства — Ермолай-Еразм предлагает запретить разведение хмеля; для прекращения душегубства он предлагает кузнецам ковать ножи с тупыми концами. В этом предложении Ермолая-Еразма обращает на себя внимание уверенность автора в силе государственной власти, в силе государственных установлений. Это свидетельствует о больших сдвигах в общественном сознании, происшедших в связи с образованием централизованного государства. „Меры“, предлагаемые Ермолаем-Еразмом, не могли быть выдвинуты в обстановке феодальной раздробленности.

¹ ЛЗАК, вып. 33, стр. 197.

² Там же.

³ Там же, стр. 198.

В чьих интересах написан проект, чьим идеологом является Ермолай-Еразм — вот вопросы, которые нас интересуют и на которые мы должны дать ответ в результате анализа „Правительницы“.

В науке, как мы видели, существуют две точки зрения по этому вопросу: одна часть исследователей считает Ермолая-Еразма защитником интересов крестьянства, другая видит в Ермолае-Еразме дворянского идеолога, стоящего на позициях защиты интересов господствующего класса.

Можно ли назвать Ермолая-Еразма крестьянским идеологом, выразителем и защитником интересов крестьянства?

Ермолай-Еразм предлагает ввести в масштабах всего Русского государства единообразный порядок уплаты податей крестьянами землевладельцу. Эта мера в какой-то степени упорядочивала бы отношения между крестьянами и феодалами; крестьянские обязанности были бы ясно определены, так что крестьянин был бы огражден от безмерных требований со стороны господина. Кроме того, освобождение крестьян от несения государственных повинностей несомненно отразилось бы на положении крестьян в сторону его улучшения, ибо повинности в пользу государя достигали очень больших размеров. Уменьшение количества дней, в течение которых крестьяне должны были содержать царских землемеров, было бы также в пользу крестьян.

Таким образом мы видим, что предлагаемые Ермолаем-Еразмом реформы частично улучшили бы положение крестьян, привели бы к некоторому смягчению испытываемого ими гнета. Такой характер реформ, а также самый тон речи автора, проникнутый сочувствием к крестьянину, создают впечатление, что Ермолай-Еразм выступает здесь как защитник интересов крестьянства. Именно это обстоятельство и послужило некоторым исследователям основанием для признания его крестьянским идеологом, причем от внимания этих исследователей ускользнула цель проекта, так ясно указанная самим автором.

Цель же эта совершенно иная. Ермолай-Еразм считает, что решение крестьянского вопроса в том плане, как он это предлагает, приведет к уменьшению количества крестьянских волнений — „се убо всякого мятежа о земных умалится“,¹ обеспечит установление классового мира, сохранит неприкосновенным существующий строй. О каком-либо коренном изменении положения крестьян в проекте нет и речи.

На цель проекта указывает также высказывание Ермолая-Еразма в другом его произведении — „Молении к царю“, где Ермолай-Еразм предлагает вниманию царя произведение, посвященное мирским вопросам, ставящее целью достижение „благоугодия земли и умаление насильства“.² Очевидно, Ермолай-Еразм имеет здесь в виду „Правительницу“.

В этом свете понятны все предложения Ермолая-Еразма, продиктованные отнюдь не желанием изменить коренным образом положение крестьянина. Смысл предлагаемой Ермолаем-Еразмом реформы — новое землеустройство, передел земли, который не оставит места для боярского, вотчинного землевладения, по которому вся земля окажется разделенной между служилыми людьми. Открыто говоря об ослаблении крестьянских волнений как о положительном следствии реформы, Ермолай-Еразм стремится в сущности к тому, чтобы эксплуатацию крестьян передать целиком в руки дворянства. Классовые требования

¹ ЛЗАК, вып. 33, стр. 194—195.

² И. А. Шляпкин. Ермолай Прегрешный новый писатель эпохи Грозного, стр. 24.

дворянства подаются здесь в форме бессознательно лицемерной защиты интересов крестьянства, в бессознательно лицемерной идеологической оболочке. Рассуждения Ермолая-Еразма в этом случае напоминают встречающиеся именно в XVI веке рассуждения о „вечной справедливости“, с типичными для этого времени ссылками на примеры из области природы. По выражению Ф. Энгельса, „эта справедливость всегда представляет собою лишь идеологизированное, вознесенное в небеса выражение существующих экономических отношений либо с их консервативной, либо с их революционной стороны“.¹ Ермолай-Еразм не требует никаких „уступок“ от дворянства в пользу крестьянства. Дворяне ничего не теряли от предлагаемых им реформ, наоборот, к ним отходила часть доходов с крестьян, шедших государству, и часть тех доходов, которые получало с крестьян купечество, покупая у них хлеб, когда крестьяне обязаны были часть повинностей платить деньгами. По проекту Ермолая-Еразма, дворяне-помещики, получая весь оброк натурой, имели возможность, минуя перекупщиков, сами продавать хлеб.

Уже сама цель написания проекта ставит под сомнение верность суждения о Ермолае-Еразме как крестьянском идеологе. Разве мог Ермолай-Еразм, будь он действительно идеологом крестьянства, выражая его интересы, выступить против крестьянских волнений, являвшихся для крестьянина единственным средством сопротивления все усиливавшемуся гнету? Разве мог он в таком случае добиваться не коренного изменения положения крестьян, а лишь незначительных уступок?

Быть идеологом какого-нибудь класса, выражать его интересы — это значит понять и высказать коренные, насущные нужды этого класса, ради которых класс борется, осуществление которых является для него жизненной необходимостью. Об этом ли говорят предлагаемые Ермолаем-Еразмом реформы? Отвечали ли они крестьянским требованиям и чаяниям?

Самым жизненным вопросом для крестьянина XVI века, решения которого он добивался всеми имевшимися в его распоряжении средствами, был вопрос о ликвидации растущей крепостной зависимости, о возвращении права свободного выхода. Крестьянский идеолог не мог бы не откликнуться и не добиваться решения этого вопроса в интересах крестьянина.

Как же поступает Ермолай-Еразм, как решает он этот важнейший для крестьянина вопрос? Для выяснения этого обратимся к рассмотрению изложенной Ермолаем-Еразмом теории общества.

Признавая в качестве основы существующего общества крестьян, Ермолай-Еразм признает вместе с тем обязанностью крестьян содержать все остальные классы общества на свой счет. Крестьяне у Ермолая-Еразма крепко связаны с землей; наделение воинов и бояр землей одновременно означает наделение их крестьянами. Ермолай-Еразм считает крепостную зависимость естественным состоянием крестьянина и не допускает даже мысли о каком-либо коренном его изменении. Крестьянские волнения являются помехой в жизни общества, в жизни господствующего класса, нарушающей нормальный ход ее, и поэтому требуется вмешательство государственной власти для их пресечения.

При рассмотрении вопроса о крестьянских повинностях Ермолай-Еразм применяет такой тактический прием: он особо рассматривает

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XV, стр. 71.

вопрос о государственных повинностях, как бы говоря этим, что он требует принципиально иного решения, чем вопрос о повинностях в пользу землевладельца: если в отношении повинностей феодалу речь шла только о некотором упорядочении в их взимании, то здесь — о полной ликвидации государственных повинностей. Ермолай-Еразм, предлагая освободить крестьян от уплаты государственных повинностей, не расходился с интересами и взглядами на этот предмет своего класса. Тенденция к освобождению подвластного населения от уплаты государева тягла была очень заметна как среди светских, так и среди духовных землевладельцев. С этой целью переводили крестьян в состояние половников и монастырских детенышей, так как те и другие либо совсем, либо частично освобождались от несения государева тягла.

Государственные подати были очень разнообразны и тяжелы для населения. Помещик был заинтересован в том, чтобы государственные повинности были ликвидированы, ибо это означало, что все предназначенное для их уплаты оставалось в хозяйстве крестьянина, точнее говоря — в хозяйстве самого феодала. Помещик стремился видеть зависимого от него крестьянина работоспособным, но это совсем не значит, что он заботился о благосостоянии самого крестьянина; он заботился о крестьянине постольку, поскольку последний являлся его рабочей силой и основой всего его хозяйства. Личное благосостояние помещика зависело целиком от того, насколько прочна эта основа, насколько она в состоянии вынести и выполнить все требования, предъявляемые господином. Освобождение крестьянина от уплаты государственных повинностей как раз отвечало этой задаче: та часть продукта труда крестьянина, которая раньше шла на уплату государевых податей, теперь находилась в хозяйстве крестьянина, от этого же увеличивалась пятая часть урожая, идущая в пользу землевладельца. Из всей массы государственных повинностей Ермолай-Еразм соглашается оставить за крестьянами лишь одну, имеющую оборонное значение, — обязанность крестьянина ходить в поход вместе со своим феодалом.

От подобного решения вопроса о крестьянских повинностях феодал только лишился бы права безгранично эксплуатировать своего крестьянина, были бы установлены определенные нормы этой эксплуатации, с целью сохранения самой эксплуатации, но никаким коренным, принципиальным изменением отношения между землевладельцем и крестьянином не подверглись бы, некоторое упорядочение их было бы в интересах самого феодала.

Ермолай-Еразм остается на позициях защиты интересов землевладельцев и в вопросе о введении новой земельной меры. Предлагая измерять землю не четвертью, а единицей большей, чем четверть, — четырехгранным поприщем, Ермолай-Еразм считает, что этим будут ликвидированы земельные тяжбы, а также ускорится процесс измерения земель, следовательно сократится количество дней содержания землемеров на иждивении крестьян. Однако больше крестьяне ничего не получили бы с введением четырехгранного поприща, ибо тяжбы между ними были бы столь же неизбежны и обычны, как и раньше. Ведь крестьянские участки внутри владений феодала имели бы такие же неясные границы, какие имели до введения четырехгранного поприща; четкость границ была бы очевидна лишь для различных землевладельцев, следовательно речь шла о прекращении земельных споров между феодалами, а не между крестьянами.

Но четырехгранное поприще не только поэтому отвечало интересам господствующего класса. Оно являлось также основой для регламен-

тации воинской повинности дворян-помещиков. С одного поприща должен был выходить на службу служилый человек со слугой в бронях; в зависимости от количества имеющихся во владении поприщ число слуг соответственно увеличивалось. Расположенные на поприще 20 крестьянских хозяйств должны были выставить двух человек. Таким образом служилый человек, владеющий двумя поприщами, обязан был выйти сам с тремя слугами, с трех поприщ — с пятью слугами и т. д.

Регламентация воинской повинности вводила обязанности дворян в определенные строго границы. Еще в конце XV века никакого единообразного порядка в несении воинской службы не существовало, каждый феодал выводил военных слуг столько, сколько он мог содержать их „по силе“. Это вело к взаимным препирательствам и неудовольствиям как со стороны правительства, так и со стороны служилых людей. Регламентация воинской повинности пресекала незаконные посягательства со стороны правительства и в то же время давала возможность правительству требовать беспрекословного выполнения обязанностей службы с дворян. Этим упорядочивалась сама система несения воинской повинности.

Итак, реформы Ермолая-Еразма не вносили никаких принципиальных изменений в положение крестьянина.

Продолжим рассмотрение теории общества, выдвинутой Ермолаем-Еразмом.

Ермолай-Еразм не является сторонником равенства всех членов общества. Исходя из принципа отличия людей друг от друга, он считает вполне допустимым разную величину наделов: „Аще ли же где будет поприще поприщу землею неравно, — ест бо тако и людие: суть во едином удобствии, сиреч равенстве, имут же некая отстояния, между себе суще неравна — по человеку убо разсмотрим и поприща разделяет лучшим лучшая“.¹

Ермолай-Еразм не борется за введение равенства даже внутри господствующего класса, не говоря уже о равенстве всех членов общества, включая и крестьян. Крестьяне остаются у него только рабочей силой, обязанной содержать общество, т. е. господствующий класс. В отношении крестьян Ермолай-Еразм не предлагает придерживаться принципа соответствия прав и обязанностей с личным достоинством человека, как он это делает в отношении господствующего класса. Крестьянин, независимо от своих личных способностей и достоинств, обязан оставаться лишь необходимым придатком к земле, быть рабочей силой и не стремиться выйти из этого состояния.

Ермолай-Еразм, так же как и Пересветов, пытается доказать необходимость выдвижения и награждения людей (принадлежащих только к господствующему классу) в зависимости от их личных заслуг, а не по родовитости. „Комуждо по достоинству“ — вот требование Ермолая-Еразма. Личные способности человека и его заслуги перед государством должны вознаграждаться большим количеством земельных богатств.²

Государь, наделяя землей воинов и бояр, должен требовать службы без денежного вознаграждения. Это требование касалось как военной службы, так и административной. Это не была добровольная жертва со стороны господствующего класса, трудно заподозрить Ермолая-

¹ ЛЗАК, вып. 33, стр. 196—197.

² Там же, стр. 197.

Еразма в таком опрометчивом поступке. Это был очень продуманный шаг с его стороны; Ермолай-Еразм вполне последователен в своем стремлении отстаивать интересы своего класса. Освобождение крестьян от уплаты государственных повинностей снимало вопрос об уплате жалованья войнам и воеводам царя.

Классовый характер взглядов Ермолая-Еразма виден и в его стремлении сделать полностью едиными интересы служилых людей и государя. Царь такой же помещик, как и все остальные, он выделяется среди них лишь величиной своих земельных владений. Общность интересов царя и помещиков обеспечила бы единство мыслей и действий этих двух сил; будучи в сущности таким же помещиком, как и другие члены этого класса, царь лучше может понять интересы помещиков, составляя с последними единый лагерь, противостоящий крестьянству. Общность интересов царя и помещиков была необходима для проведения согласованной политики по отношению к крестьянству.

Итак, основу общества, по теории Ермолая-Еразма, составляют крестьяне; обязанностью их является содержание этого общества. Несмотря на то, что крестьяне являются единственным производящим классом в обществе, они не входят в число его полноправных членов и находятся на самом его низу, являясь простой рабочей силой. На этой основе зиждется благосостояние класса, интересы которого так дороги Ермолаю-Еразму, — класса помещиков во главе с царем; их связывают общие интересы: царь наделяет помещиков землей с крестьянами, а те несут ему бесплатную службу. Это такое общество, в котором непосредственный производитель, крестьянин, безжалостно эксплуатируется и подавляется, где рабское состояние крестьянина не только не признается неестественным, но всячески охраняется. В этом обществе крестьянина не считают за человека, не признают за ним прав на человеческое достоинство, а рассматривают только как рабочую силу, принадлежащую другому человеку из высшего класса. Право на владение личностью человека не является исключением, а признается общим правилом.

Представителя такой классовой идеологии, конечно, нельзя расценивать как идеолога крестьянства.

В отношении к крестьянству предложения Ермолая-Еразма во многом напоминают политику правительства Бориса Годунова. В условиях нарастания социально-политического кризиса, а также в условиях непосредственной угрозы крестьянской войны правительство Бориса Годунова предпринимает ряд шагов к тому, чтобы не допустить восстания крестьян. Оно встает на путь некоторых уступок крестьянству, ставя вопрос о регламентации крестьянских повинностей. Но в том и в другом случаях эти попытки вмешаться в отношения между землевладельцами и их крестьянами не имели успеха, так как феодалы решительно отстаивали право беспрепятственной эксплуатации крестьянина и не допускали ни малейшего ограничения своих прав. Даже в предчувствии неизбежности крестьянского восстания, когда появились уже его непосредственные предвестники, помещики не хотели идти на какие-либо уступки крестьянству. Тем менее можно было ждать уступок от служилых людей — помещиков 50-х годов XVI века, когда непосредственной угрозы крестьянского восстания еще не существовало. Крестьянские волнения были по своему размаху еще далеки от таких потрясших весь строй выступлений, как крестьянская война начала XVII века. Нужны были годы опричнины с их усилением эксплуатации крестьянства и, наконец, законодательство 80—90-х годов по крестьянскому вопросу, чтобы разразилась крестьянская война.

В середине XVI века служилый человек и само правительство не видели серьезных оснований для опасений и не собирались изменять хотя бы в малой степени своей политики по отношению к крестьянству, ведя линию на дальнейшее усиление эксплуатации зависимого крестьянина. Лишь некоторые предложения Ермолая-Еразма о введении новой земельной меры и о порядке несения военной службы были приняты во внимание и нашли отражение в последующем законодательстве 50-х годов. Но в отношении крестьянских повинностей господствующий класс продолжал политику, шедшую вразрез с предложениями Ермолая-Еразма.

В своем проекте Ермолай-Еразм особо останавливается на вопросе о значении города. Это указывает на возросшую роль городов, резко отличавшихся по своему характеру от сельских поселений. Город у Ермолая-Еразма является центром торговли, там совершаются торговые операции, приносящие большие прибыли — „прикупы“, обогащающие городское население. Ермолай-Еразм не увидел начавшегося уже в то время классового расслоения городского населения и рассматривал его как единый коллектив, который объединял под названием „стяжатели многа прибытка“.

Видя, что деньги заняли прочное место в обществе, Ермолай-Еразм стремится найти тот источник, из которого феодал мог бы снабжаться деньгами. В середине XVI века эту задачу выполняли крестьяне; обращаясь со своими продуктами на рынок, они вырученные деньги отдавали землевладельцу и государю. Уплата оброка натурой и освобождение крестьян от несения государева тягла лишали как землевладельца, так и государя этого источника денег.

Ермолай-Еразм видит выход в том, что город будет снабжать господствующий класс деньгами; получая от крестьян хлеб, землевладелец и государь могут продать часть его в городе и получить оттуда деньги. Получается своеобразное разделение труда: крестьянин снабжает господствующий класс хлебом, кормит его, а город снабжает господствующий класс деньгами.

Обязанностью городского населения является участие в содержании государственного аппарата; неся ямскую повинность, оно частично пополняет государственную казну, а также обеспечивает связь между отдельными центрами страны.

Выяснение общественно-политических взглядов Ермолая-Еразма и анализ предлагаемых им реформ позволяют ответить на вопрос: что же представляет собой Ермолай-Еразм как публицист?

Перед нами реформатор, прогрессивный деятель, но прогрессивность его не идет далее утверждения интересов дворянства, в середине XVI века являвшегося прогрессивной частью господствующего класса. Предложения реформ в сочинении Ермолая-Еразма шли в русле многочисленных других предложений, направленных на укрепление позиций дворянства, высказывавшихся в дворянской публицистике середины XVI века.

Г. Н. МОИСЕЕВА

Автор „Казанской истории“

Изучение исторических сведений „Казанской истории“ в их сопоставлении с документально засвидетельствованными фактами истории русско-казанских взаимоотношений и последней битвы за Казань, 1552 г.¹ приводит к заключению, что автор этой историко-публицистической повести занял вполне определенную позицию в ожесточенной внутриклассовой борьбе второй половины XVI века.

В середине XV века (1445) из остатков распадавшейся Золотой Орды образовалось Казанское ханство. Быстро развившееся в сильное военное государство, основой политики которого были военные нападения на граничащие с ним государства, ограбление их жителей и захват пленных для продажи на восточных рынках, Казанское ханство, являясь ближайшим соседом Русского государства, с первых же дней своего существования стало постоянной угрозой для русского населения. Казанские феодалы неоднократно предпринимали попытки захватить Москву. К середине XVI века татарская опасность усилилась в связи с ростом могущества Турции, с правительством которой Казань, через посредство Крымского ханства, входила в соглашение в процессе борьбы с Русским государством.

Борьба с Казанским ханством, начавшаяся при Василии Темном, продолжалась с успехом его сыном Иваном III, затем с переменным успехом Василием III, отцом Ивана Грозного.

Вопрос о покорении последнего оплота татарской угрозы на Востоке занимал ум молодого Ивана IV в первые годы его самостоятельного правления. Предпринятые им походы 1548 и 1550 годов не привели к поражению враждебного государства, и только третий поход, осенью 1552 года, завершил историческое дело московских государей. Покорение Казани не только в самом Русском государстве, но и в зарубежных странах было воспринято как событие огромного исторического значения. Взятие Казани было большой исторической заслугой Ивана Грозного — „человека с сильной волей и характером“.²

Завоевание Казани отвечало экономическим и политическим целям Москвы и отразило интересы широких народных масс, более всего страдавших от татарских набегов и выносивших на своих плечах непо-

¹ Этому изучению посвящена наша работа, представленная в качестве диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. В статье мы подводим итоги наблюдений, характеризующих общественно-политическую позицию автора „Казанской истории“.

² Постановление ЦК ВКП(б) от 4 сентября 1946 года о кинофильме „Большая жизнь“. Госполитиздат, 1950, стр. 21.

сильные тяготы военных походов под Казань. В завоевании Казани также сильно было заинтересовано дворянство — служилый правящий класс, рассчитывавший получить новые земельные уделы. Не случайно поэтому дворянский публицист XVI века И. Пересветов в своей челобитной советует царю вести твердую наступательную политику в отношении к Казанскому ханству: „Есть ли хотети Казанского царства добывать... послати войско под Казань, возрадивши сердца воинником своим царьским жалованием и ласкою и приветом добрым. А слышал есми про ту землю, про Казанское царство, у многих воинников, которые в царстве Казанском бывали, что про нея говорят, применяют ея к подрайской земле угодием великим“.¹

Активная поддержка военных мероприятий Ивана Грозного народными массами и прогрессивной частью правящего класса обеспечила победу Русского государства над Казанским ханством в 1552 году.

Походы под Казань были предприняты Иваном Грозным без активного содействия феодальной аристократии и часто наперекор ее желаниям. Корыстолюбивые и бездарные воеводы из князей и бояр предпочитали пассивную оборону активному наступлению. На поле брани они действовали бесталанно и беспомощно. Впоследствии, в „Царевом государевом послании во все его Российское царство на клятвопреступников его, на Андрея Курбского с товарищи об их измене“, Грозный резко охарактеризовал их поведение. „Се ли храбрость, — спрашивает Иван Грозный, — еже службу ставити в опалу? и тако ли покорити прегордые царства?“² Государственные поручения бояре выполняли „не хотением, а паче с роптанием“.³ Осенью 1552 года, после потопления на Волге пищевых запасов, князья-воеводы прямо уговаривали Грозного снять осаду Казани и возвратиться по домам: „Како же и в тамошнем пребывании всегда развращенная советовасте, и егда запасы истопоша, како три дня стояв, хотесте во своя возвратитися“.⁴ Во время взятия города князья-воеводы начали штурм крепости, не дожидаясь приказа царя: „Како и в самое взятие града, аще бы не удержав вас, како напрасно хотесте погубити православное воинство, неподобно время брань начати?“⁵

Но князья и бояре, бывшая „рада“, рассматривали завоевание Казани как свою заслугу. Изменник родины А. Курбский в письме Грозному прямо обвинял его в избииении воевод „сильных во Израили“, „полагающих за него душу“: они будто бы разорили „прегордые царства“ и „подручных во всем тебе сотворили, мужеством храбрости их, у них же прежде в работе быша праотцы наши“.⁶ Курбский утверждает, что Иван Грозный обязан был блестящим успехом первых лет царствования доверию к „мужам разумным“, при этом он перечисляет и свои личные заслуги и заслуги представителей знатных родов, советников царя, которым царь якобы обязан своими победами. В „Царевом послании“ Иван Грозный ответил на это заявление Курбского: „А сильных есмь во Израили не побил, и не вемы, кто есть сильнейши во Израили, понеже Российская земля правится божиим милосердием... и последи нами, своими государи, а не судьями и воеводи, неже ипаты

¹ В. Ф. Ржигала. И. С. Пересветов — публицист XVI в. М., 1908, стр. 67—68.

² Послания Ивана Грозного, Изд. АН СССР, сер. „Литературные памятники“, М.—Л., 1951, стр. 47.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Русская историческая библиотека (РИБ), т. XXXI, 1914, стр. 2.

и стратилаты“.¹ Грозный отрицает заслуги феодальной аристократии в деле создания и укрепления Русского централизованного государства: „А Российское самодержжество изначала сами владеют своими государьствами, а не бояры и не вельможи“.²

Спор о казанских делах, отраженный и в „Послании“ Грозного и в сочинениях изменника родины Курбского, не может не быть связан с борьбой, которую с конца 50-х годов уже начала феодальная реакция из-за направления всей внешней политики Грозного. В „Цареве государеве послании“ вспоминается „супротивословие попа Сильвестра и Алексея“ (т. е. Адашева) о „германских градах“, т. е. о начавшейся Ливонской войне. Единомышленники Курбского настаивали на том, чтобы война велась в южном направлении — с Крымом и Турцией. Грозный проводил свою политику, целью которой „было дать России выход в Балтийскому морю“.³

Когда в середине 60-х годов после ряда поражений, понесенных в Ливонской войне по вине князей-воевод, выяснилась необходимость поставить во главе войска новых военачальников, которые без родовитых „богати“ продолжали бы военные действия на западном направлении, — изменник Курбский стал напоминать о своих и своих сообщников мнимых заслугах в победе под Казанью в 1552 году. Извращая факты, Курбский пытался доказать незаменимость знатных воевод, клеветал на Ивана IV, отрицал его заслугу в проведении этого победоносного похода.

В этой обстановке автор произведения, в центре которого стоит описание падения Казанского ханства, не мог не выразить своего отношения к оценке роли Грозного в казанском походе, к оценке поведения „вельмож“ в этом походе и в предшествовавших ему попытках покорения Казани.

В „Царевом государевом послании“ во все его Российское царство на клевопреступников его, на Андрея Курбского с товарищи об их измене“ Грозный объясняет причину измены Курбского не случайностью, не его, Грозного, якобы „жестокостью“ в отношении к князьям-воеводам и к нему лично, а связью поведения Курбского с политикой враждебных власти великого князя московского группировок родовитых князей и бояр. Измена Курбского с точки зрения Грозного — связана с поведением его предков. Грозный пишет: „... понеже убо извыкосте от прародителей своих измену чинити“,⁴ и перечисляет случаи, когда Курбские вставали во главе заговоров против деда Ивана IV — Ивана III, его отца и матери. В период детства Грозного боярскую оппозицию возглавлял брат Андрея Курбского.⁵

Поведение князей-воевод и бояр во время военных походов, характеристики их как государственных деятелей раскрываются автором „Казанской истории“ на всем протяжении повествования. Так, „некий ближний советник“ Василия II дает „совет горький“ великому князю, приведший его к военному столкновению с Улуг-Мухаммедом и в конечном счете к поражению под Белевым и даже к плену. В 1505 году воеводы, посланные к Мурому против казанского хана Магомед-Эмина,

¹ Послания Ивана Грозного, стр. 30.

² Там же, стр. 14—15.

³ Архив Маркса и Энгельса, т. VIII, 1946, стр. 165. — Подробнее об этом споре см.: Я. С. Лурье. Вопросы внутренней и внешней политики в посланиях Ивана IV. (Послания Ивана Грозного, стр. 484—488).

⁴ Послания Ивана Грозного, стр. 29.

⁵ Там же.

не выполнили своего задания — „стреши прихода царева, не дати воли воевати Русския земли“, потому что „они себя сторожаху, а не земли своея“, результатом чего явилась „гибель христиан“. В 1513 году Василий III снарядил большой поход под Казань, но русские воеводы не взяли города потому, что перепились и начали „глумитися, играти и спати до полудня“. Казанский хан Сафа-Гирей воспользовался этим и разбил русские отряды наголову. В 1524 году черемисы уничтожили под Казанью „ладейную рать“ только потому, что русские войска были разведены, а бесталанное руководство начального воеводы кн. Ивана Бельского привело к тому, что было потеряно „30 000 человек“, воеводы „не постояли у Казани единого дня“ и вернулись домой. В 1530 году блестяще начатый поход под Казань, когда был взят острог и начат штурм города, при самых благоприятных условиях (Сафа-Гирей убежал из города, „а Казань пусту оставив“), закончился по существу победой татар, заключивших с Москвой мирный договор. Случилось это потому, что начальный воевода, тот же кн. Иван Бельский, „прелстися, много себе взяша у казанцев, и того ради же сами остались и иного же понуди“.

Автор „Казанской истории“ рассказывает и о том, как в Москве казанские послы неоднократно подкупали „палатных бояр“, „вельмож“, „поборников творяще по себе“, чтобы они „печаловались“ в пользу казанцев. Некоторые списки „Казанской истории“¹ объясняют сговор Ивана Бельского с казанцами его давнишними связями с врагами русского народа за спиной Москвы: „яко бе в нем большая измена с казанцы, ходяще войною, не воеваху градов и сел его“.²

С особой силой обрушивается автор на высшее сословие, дойдя до описания событий времени Ивана Грозного. Он строго осуждает всю знать — „бояр и велмож и судей градцких“ — за то, что в годы малолетства Ивана IV они „самовластием“ жили. Бесчинства вельмож привели к тому, что „неправды умножишася, обиды, тадбы и разбой и убийства, по всей земле рыдания и вопль велик“.

Реальные портреты князей и бояр „недоброхотов“, ленивцев, взяточников, выведенные в „Казанской истории“, завершает вымышленный образ предателя Юрия Булгакова,³ тайно сообщившего казанскому хану Едигеру места подкопов, которые велись русскими войсками

¹ В настоящей статье цитаты из текста „Казанской истории“ приводятся по спискам первой редакции произведения. В основу издания памятника, подготовляемого Институтом русской литературы (Пушкинским Домом) Академии Наук СССР, взята рукопись, хранящаяся в Институте русской литературы из собрания В. Н. Петрова Q.26-П; разночтения к тексту по рукописям: 1) Государственной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, собрание Н. А. Никифорова № 174; 2) Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, F.IV.578; Q. XVII, 209; собрание Соловецкого монастыря № 1501/42; 3) Библиотеки Академии Наук СССР, собрание И. И. Срезневского 24.5.9.

² F.IV. 578, л. 183.

³ В „Казанской истории“ образ Юрия Булгакова намеренно сближен автором с биографией князя Юрия Михайловича Булгакова, принадлежавшего к родовой московской знати. Исторический образ князя Ю. М. Булгакова, неоднократно затевавшего местнические споры и бесконечные суды [свидетельства см. в „Древнейшей разрядной книге“ (М., 1901, стр. 110, 133, 149, 154—155), в „Историческом сборнике“ (т. II, стр. 10—11) и в „Актах Археографической экспедиции“ (т. I, СПб., 1836, стр. 345)], умело использован в „Казанской истории“. Хотя автор и не называет прямо имени родины Юрия Булгакова князем Ю. М. Булгаковым, а представляет его „воином царева полка“, тем не менее современникам был совершенно ясен смысл, вложенный автором в характеристику этого предателя. Не случайно поэтому вторая редакция „Казанской истории“, возникшая в иной политической обстановке — после смерти Ивана Грозного, не имеет в своем составе рассказа о Юрии Булгакове и о наказании, заслуженно понесенном им.

во время осады Казани в 1552 году. Строгую оценку поведения князей и воевод произносит автор „Казанской истории“ устами Шигаея. Касимовский хан не лестного мнения о русских князьях и воеводах, живущих „в велицей славе и богатстве“, обладателях „многого имения“: на поле битвы они „некрепцы и не сильны“. Князья, вместо того чтобы защищать родину, „подвизаются лестно и нерадиво друг за друга уклоняющиеся“.

Если поведение изменника Курбского смыкается с поведением его предков, то московские великие князья предвосхищают блестящую деятельность Ивана Грозного. Автор „Казанской истории“ прямо подчеркивает преемственность и поведения и духовного облика Ивана IV: „и бысть велми мудр, и храбр, и серд... подобен по всему деду своему, великому князю Ивану“.¹

Неоднократно предпринимавшиеся московскими великими князьями походы под Казань бывали неудачными, как объясняет автор „Казанской истории“, по двум причинам: либо из-за изменнических действий князей и бояр, либо из-за „лукавства казанцев“, поддерживаемых в их действиях „пonorовниками их“, т. е. теми же князьями — советниками великих князей. Автор прямо пишет: „иже прежде его (Ивана Грозного, — Г. М.) бывши державствующие Московстии, праотец сего, великия князи, востающа, ополчающеса на казанцев, хотяще взяти змиево гнездо их, Казань град, изгнати их ото отечества своего, Руския державы, и вземше не единою Казань и держати за собою царство не могоша, и укрепить его и не разумеша, лукавства ради казанцев“.²

Будучи еще совсем юным, московский государь „согляда всю землю свою очима, всюду яздыше. Виде многие грады руские старья запустеша от поганых: Рязанская земля и Северская крымским мечем погублена, Низовская земля вся — Галич, и Устюг, и Вятка, и Пермь от казанцев запусте“.³

Борьба с Казанским ханством стала знаменем действий Грозного: он продолжил историческое дело московских великих князей — „как отец его, и дед, и прадед воеваху с ними“,⁴ — и завершил борьбу с Казанью взятием ее в 1552 году. Реформы в войске, позволившие перейти от обороны к наступлению на Казань, „избиение старых мятежников“ — решительная борьба с боярской оппозицией, судебные реформы, укрепившие Русское централизованное государство, — вот те политические и военные мероприятия Ивана Грозного, которые отмечает автор „Казанской истории“ как основу военных успехов под Казанью.

Весь рассказ „Казанской истории“ пронизан преклонением перед образом Ивана Грозного, все мировоззрение автора ярко окрашено сочувствием политике Грозного. Даже в тех частях повествования, где Грозный как действующее лицо отсутствует, читатель узнает его оценки поведения участников изображаемых событий; политикой Грозного определенного периода его правления обусловлена тенденциозная переработка автором „Казанской истории“ реальных исторических фактов и отношений. Так, наиболее характерные для мировоззрения автора эпизоды „Казанской истории“ оказываются отзвуками дел и писаний самого Грозного или его ближайших единомышленников.

Автор „Казанской истории“ доказал своим произведением, что завоевание Казанского царства было личной заслугой Грозного, что,

¹ Q. 26-П, л. 54.

² Там же, л. 57.

³ Там же, л. 56.

⁴ Там же, л. 57.

преодолевая явное или скрытое сопротивление бояр-воевод, Грозный неуклонно продолжал вести наступление на Казань. Чтобы резко оттенить ведущую роль Грозного в восточной политике 50-х годов, автор использует всякую возможность для противопоставления государственной точки зрения Грозного своекорыстным побуждениям бояр.

В споре о том, кому принадлежит главная заслуга в деле покорения „прегордого“ Казанского царства, автор „Казанской истории“ решительно стал на сторону Грозного. Он показал, что походы под Казань предпринимались Иваном IV при явном противодействии со стороны феодальной знати: „мнози тогда худоумнии человецы, или прямо рещи безумные и тщедушныя, негодоваху и роптаху на самодержца своего, яко и самому ему землю свою губящи, и паче злее ратных и щадящу, и не брегущи люди своих“.¹ Вспомним упрек Ивана Грозного по адресу „избранной рады“ в его „Цареве государеве послании“: „егда посылахом на Казанскую землю воеводу своего князя Семена Микулинского с товарищи, како вы глаголали? Се яко мы в опале своей их послали, казнить их хотя, а не своего для дела“.²

Автор „Казанской истории“ показывает, что во время осады и штурма Казани в 1552 году Иван Грозный не только руководил всеми военными операциями, но и принимал в них личное участие. Не в пример князьям и воеводам, стоявшим „бездельно“ во время приступа к крепости, Грозный „всед на избранный свой конь с мечем своим... хотеша в ярости дерзнути с воеводами сам итти к приступу в велицем полце и собою дати начало храбрости всем“.³

В обострившейся внутриклассовой борьбе царя с боярством, в суровые и трудные годы опричнины автор „Казанской истории“ бесповоротно стал на сторону Ивана Грозного и оценил события и поведение участников их за все предшествующее время с точки зрения нового исторического этапа политической борьбы.

Не случайно в начале 70-х годов XVI века в антиправительственном лагере появилось сочинение „История о великом князе московском“, где изменник Курбский остановился по существу на тех же эпизодах из истории похода под Казань, на которых заострил внимание читателя автор „Казанской истории“.

Описывая деяния „избранной рады“, Курбский сообщает, что это именно она произвела реформы в войске, позволившие перейти к решительным действиям по отношению к Казани. Дела „избранной рады“, по словам Курбского, якобы воодушевили Ивана IV, который „возревновав ревностью начал против врагов сам ополчаться“⁴ Курбский нагло заявляет о том, что военными действиями под Казанью руководил не Иван Грозный, а „стратилаты великия... княжа Суздальский Александр, нареченный Горбатый... княжа Пронский Юрий, княжа Федор Львов, княжа Семен Микулинский“⁵ и он — князь Курбский. А во время решительного штурма, когда, по „Казанской истории“, князья и воеводы „стояли бездельно“, а Грозный, „всед на избранный свой конь“, сам бросился в бой, чтобы „собою дати начало храбрости всем“,⁶ по клеветническому рассказу Курбского, „искусные стратилатове“, т. е. те же князья-воеводы, для подъема духа русского войска,

¹ Q. 26-П, л. 260 об. — 261.

² Послания Ивана Грозного, стр. 47.

³ Q. 26-П, л. 215 об.

⁴ РИБ, т. XXXI, стр. 174.

⁵ Там же, стр. 181, 187, 189.

⁶ Q. 26-П, л. 215 об.

бегущего под нажимом татар из города, решили поставить „близу врат градцких, нареченных царских, херуговь великую и, самого царя, хотяща и не хотяща, за бразды коня взяв, близ хоругвь поставиша“.¹

Цель, которую преследовал в своем сочинении Курбский, состояла в том, чтобы „развенчать московского великого князя и возвеличить свои собственные заслуги, дискредитировать идею царского самодержавия и пропагандировать государственный строй, основанный на власти бояр“.²

В этой обстановке ожесточившейся политической борьбы между прогрессивной политикой Ивана Грозного и своекорыстными, эгоистическими и в конечном счете изменническими действиями феодальной знати, в атмосфере замалчивания заслуг царя, а подчас и прямой клеветы на него родилась публицистическая повесть об основании и падении Казанского ханства — „Казанская история“. „Казанская история“ ответила на многие вопросы общественной мысли, рассматривая события прошлых лет под углом зрения современности — открытой политической борьбы Ивана Грозного с боярством.

Характеристика деятельности Ивана Грозного, направленной на укрепление Русского централизованного государства, непримиримое отношение к князьям и боярам; беспощадное разоблачение их ставят „Казанскую историю“ на одно из первых мест среди литературно-публицистических памятников XVI века. Мироззрение автора выросло из потребностей времени и служило интересам передовых сил общества в их борьбе за Русское централизованное государство. „Возникнув на базе новых задач, поставленных развитием материальной жизни общества, новые общественные идеи и теории пробивают себе дорогу, становятся достоянием народных масс, мобилизуют их, организуют их против отживающих сил общества и облегчают, таким образом, свержение отживающих сил общества, тормозящих развитие материальной жизни общества“.³

Поэтому „Казанская история“, раскрывая величие дел Грозного, горячо поддерживая его внешнюю и внутреннюю политику, разоблачая врагов этой политики — княжеско-боярский лагерь, активно помогала укрепиться той новой расстановке классовых сил, за которую шла борьба в 60-е годы XVI века. Идеальный сторонник поднимавшегося дворянства, автор „Казанской истории“ старательно подбирал факты, которые дискредитировали феодальную знать, сознательно замалчивал ее роль в походе 1552 года под Казань, заменив имена действительных участников этого похода, родовитых воевод, именами незначительных иноземных выходцев, участвовавших в ливонских походах начала 60-х годов.⁴ Значительное место в разрядах „Казанской истории“ занимают

¹ РИБ, т. XXXI, стр. 198.

² И. У. Будовниц. Русская публицистика XVI в. М.—Л., 1947, стр. 282.

³ И. В. Сталин. О диалектическом и историческом материализме. Вопросы ленинизма, 11-е изд., 1947, стр. 547.

⁴ Исследователи „Казанской истории“ неоднократно обращали внимание на расхождение разрядов войск во время похода под Казань в 1552 году, помещенных в произведении, с разрядами, имеющимися в документальных источниках (Разрядных книгах). Имена действительных воевод заменены в „Казанской истории“ именами татарских царевичей, прибывших в Россию значительно позднее описываемых событий, в конце 50—60-х годов XVI века. Так, Г. З. Кунцевич, выделивший из многочисленных списков „Казанской истории“ ее первоначальную редакцию, отметил, что расхождение разрядов имеется именно в этой группе списков. Последующие редакции имеют правильные, не расходящиеся с документальными данными, разряды войск. Г. З. Кунцевич объяснил расхождение разрядов первоначальной редакции тем, что автор, создавая свое произведение, „не имел под руками летописи“ (Г. З. Кунцевич. История о Казанском царстве. СПб., 1905, стр. 414). Сличив

князья, не принимавшие активного участия в казанском походе, но вошедшие в 1564—1565 годы в „опричную дружину“ Грозного.¹

В своих политических взглядах автор „Казанской истории“ смыкается с передовой дворянской публицистикой XVI века. Рассматривая „Казанскую историю“ с этой стороны, мы можем установить самые тесные идейные связи ее с сочинениями Ивана Пересветова. По всем крупнейшим вопросам, которые ставила историческая действительность XVI века и которые находили отражение в передовой литературе того времени, мы наблюдаем значительное сходство во взглядах автора „Казанской истории“ и автора „Челобитных“ на имя Ивана Грозного — Ивана Пересветова.

Важнейшим вопросом первого десятилетия самостоятельного правления Ивана IV был вопрос об издании новых законов. В речи на Стоглавом соборе царь отчетливо сформулировал значение нового Судебника. „Царская речь рассматривает издание Судебника как важнейшее мероприятие, направленное на ликвидацию последствий боярского правления“.²

В советской исторической науке раскрыто значение „Судебника 1550 г.“ как памятника „классовой юстиции“, который „последовательно проводил линию защиты феодалов в целом, заинтересованных в удержании в узде эксплуатируемого большинства непосредственных производителей“.³

К. Маркс указывал, что в „феодалную эпоху высшая власть в военном деле и в суде была атрибутом земельной собственности“.⁴ Анализ жалованных грамот XVI века на землю приводит И. И. Смирнова к выводу о „распространении имущественных привилегий на служилых людей и помещиков“⁵ и о приобретении дворянами новых политических прав. „Судебник 1550 г.“, по справедливому мнению И. И. Смирнова, отразил „процесс политического возвышения дворянства“.⁶ „Дворянство, — отмечает Л. В. Черепнин, — было заинтересовано в создании крепкого государственного аппарата, стоявшего на страже его классовых интересов, охранявшего личную безопасность дворян и неприкосновенность их имущества“.⁷ „Праведен суд“, в изображении автора „Казанской истории“, и „права великая“, о которой пишет Иван Пересветов, — это не только искоренение „лукавых судей“, но прежде всего новые, справедливые, отвечавшие интересам дворянства, законы.

разряды войск „Казанской истории“ с разрядами войск начала 60-х годов XVI века, когда упомянутые в произведении иноземные царевичи действительно принимали участие в военных операциях во время Ливонской войны, и проследив поведение князей-воевод времени казанских походов Грозного (50-е годы), когда московский государь окончательно разошелся с кружком своих бывших советников из „избранной рады“ и когда многие деятельные участники ее стали открытыми врагами царя и изменниками родины, мы пришли к выводу о намеренном, тенденциозном перенесении автором „Казанской истории“ общественных отношений 60-х годов на изображение событий 50-х годов XVI века. Таким образом разряды „Казанской истории“, отражающие открытую политическую борьбу Грозного с боярством начала 60-х годов XVI века, появились в произведении не по неведению автора и не случайно.

¹ Г. Н. Бибииков. К вопросу о социальном составе опричников Ивана Грозного. Труды Государственного Исторического музея, вып. XVI, М., 1941, стр. 24—28.

² И. И. Смирнов. Судебник 1550 г. Исторические записки, т. 24, М., 1947, стр. 267.

³ Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. 2, М., 1951, стр. 348.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XVII, стр. 366.

⁵ И. И. Смирнов. Судебник 1550 г., стр. 300.

⁶ Там же, стр. 317.

⁷ Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. 2, стр. 348.

В челобитной Ивану Грозному И. С. Пересветов передает царю „предсказания“ „мудрых философов“ и „докторов“: „Да и то начитают в мудрых книгах своих тако: правду великую в царство свое введеш... что не будет такие правды под всею подсолнечною, яко во твоём царьстве, и от твоей мудрости и великой грозы государевы лукавые суды, яко от сна проснутся, да посрамятся дел своих лукавых“.¹ „Неправедным судьям“ будет „правда и гроза“ — говорит Пересветов. Волошский воевода Петр, мнение которого передает Пересветов, прямо считает, что основой сильного государства являются твердые и справедливые законы: „есть ли хотети мудрости царской отведати и о воинстве и о уставе жития царского. Бог помогает не ленивым, да кто правду любит и праведен суд судит“.²

В „Казанской истории“ автор поставил в заслугу Грозному то, что он „многих велмож устраши, от лихоимания и неправды обрати и праведен суд судити научи“.³

В заключительной похвале автор развивает эту мысль более подробно: Иван IV „тщашеся и покушашеся како бы всяку неправду и нечестие, и кривосудство, и посулы, и резоимание, и разбой, и тадбы изо всея земли своя извести, правду же и благочестие в людех насеяти [и] возрастити“.⁴

В „Сказании о Магомед-Султане“, принадлежащем тому же Пересветову, показаны и пути претворения в жизнь новых законов: Магомед-Султан „выдал судебные книги“, у него „по городом же десятцкие уставлены и сотники и тысяцкие“,⁵ которые и должны на месте осуществлять этот „праведен суд“. В „Казанской истории“ Грозный „по всей области великия державы своя по всем градом и по селом изыска и устави разумныя люди и верны сотники и пядесятники и десятники на вере и устави во всех людех“.⁶

Пересветов передал в своей челобитной мнение волошского воеводы о необходимости для Ивана IV иметь сильное и технически обученное войско: „таковому государю годитца держати двадцать тысяч юнаков храбрых со огненною стрелбою, гораздо ученых“.⁷

Автор „Казанской истории“ личной заслугой Грозного считает преобразование войска, позволившее перейти в решительное наступление на Казань; он сообщает, что Иван Грозный „смети во всей области своей ратных людей служивых ему“, для того чтобы „брещи землю свою со всех стран от поганых язык, и еще ново прибави к ним огненных стрелцов много, к ратному делу гораздо изученных“.⁸

Пересветов полагает, что „воинами царь силен и славен“, поэтому он рекомендует Ивану IV быть внимательным к нуждам воинов и щедрым на вознаграждения: „сердца им [воинам] веселити, и жалования государева из казны прибавляти... во всем их любить яко отцу детей своих и быти до них щедру и милостиву“.⁹

¹ С. А. Белокуров. Челобитная И. С. Пересветова царю Ивану IV. Чтения в Обществе истории и древностей российских (в дальнейшем — Чтения), кн. IV, СПб., 1901, стр. 4.

² Там же, стр. 3.

³ Q. 26-П, л. 55.

⁴ F. IV. 578, л. 285 об.

⁵ В. Ф. Ржигга. И. С. Пересветов — публицист XVI в., стр. 77.

⁶ F. IV. 578, л. 285 об.

⁷ В. Ф. Ржигга. И. С. Пересветов — публицист XVI в., стр. 63.

⁸ Q. 26-П, л. 56 об.

⁹ С. А. Белокуров. Челобитная И. С. Пересветова царю Ивану IV. Чтения, кн. IV, стр. 6.

В „Казанской истории“ автор показывает, как отнесся Грозный к воинам, у которых перед походом под Казань в 1552 году нехватило средств, чтобы обеспечить себя снаряжением и продовольствием: „видев же инех вои своих убозех сущих и нужных всем, не имеющих у себя ни коней воинских, ни кормли, и тех для отвори полаты своя оружные и ризныя и житница хлебныя, даваше им до любви их и оружия всякая, и светлы ризы, и кормлю, и добрыя кони ис конюшни своея“.¹ Московский государь был „ко всем воинственным людем своим милостив и многодаровит“.² „Ратных людей служивых ему“ Грозный „любя и брежаше старыя, яко отца, средовечныя, яко братию, юнныя же яко сыны, все почиташе честьми прилежными“.³

Так, традиционной формулой церковно-дидактической литературы автор определил реальную черту поведения Ивана IV, забота которого о воинстве описана им с большой теплотой.

Устами „мудрых философов“ и „докторов“ И. С. Пересветов предрекает Ивану Грозному славу великого полководца: „слыша ото мудрых дохтуров и философ про твое царское от бога мудрое приращение, как пишут о тебе, великом царе, по земному знаменю и о твоём царстве и о мудром воинстве, беречи веры христианские и умножати, неверны к вере приводит“.⁴ Пересветов прямо говорит: „быти тебе, государю, великому и покорит бог недруги твои тебе, государю, и божию помощию дочлси в книгах, что обладати государю многими царствы“.⁵

В „Казанской истории“ в заключительной похвале о воинской славе Ивана IV сказано так: „... зваху его во всех странах крепким царем и непобедимым, и бояхся погании языцы ратию приходити на Русь, слышаше же его жива еще и страх его сведуще“.⁶ Могущества русского царя „убояша бо ся“ не только „погании цари“, казанцы, черемисы, ногайцы, но и „немцы с магистром... вострясошася и побегоша ото искуснейших ратоборец“.⁷ Грозный не только освободил исконно русские земли — „стеснившаяся от супостат руския пределы“, но и „разшири и продолжи их до край морских, и наполни безчисленными селени людскими, и многи победы на супротивных постаив“.⁸

Если Пересветов рекомендует Грозному воинам „сердце веселить и ни в чем кручины не допустити“, то совсем иначе он советует ему относиться к „вельможам“. Пересветов убежден, что „ленивые богатины“, хотя „крест целуют, изменяют; то есть великая ересь, что за веру христианскую не стоят и государю верно не служат“.⁹ Объясняет он это тем, что „богатые любят упокой“. Пересветов советует царю не доверять вельможам управление государством. Он предостерегает Ивана IV, в случае если он поверит им, то „на воины своя кручины напустит и на все царство свое и неутолимый беды великия от вельмож своих“.¹⁰ По его мнению, княжеско-боярская верхушка не может служить и в качестве военного руководства, потому что во время по-

¹ Q. 26-II, л. 146.

² Там же, л. 55 об.

³ Там же, л. 56.

⁴ С. А. Белокуров. Челобитная И. С. Пересветова царю Ивану IV. Чтения, кн. IV, стр. 5.

⁵ Там же, стр. 12.

⁶ I. IV. 578, л. 286.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ С. А. Белокуров. Челобитная И. С. Пересветова царю Ивану IV. Чтения, кн. IV, стр. 5.

¹⁰ Там же, стр. 13.

ходов „вельможи Русского царства сами богатеют, имение емлют, царство его оскужают, и тем они слуги ему называются, что цветно и конно и людно выезжают на службу его, а крепко за веру христианскую не стоят, и люто против недруга смертною игрою не играют“.¹

Автор „Казанской истории“ описал выезд князей и воевод перед походом на Казань в 1552 году. Они „приезжаху во град един по единому их, на площадь, ко царским его полатам, и показующиеся ему, изодевяшеса в пресветлыя своя одеяния и со всеми отроки своими, тако же и добрые свои коня во утварях красных ведуши“.² Выше нами было показано, как автор „Казанской истории“ обрисовал роль князей и бояр в государственной и военной жизни. Он подтвердил конкретными примерами те обвинения, какие выдвигал против феодальной знати Пересветов. Ни в управлении государством, ни в руководстве военными действиями „вельможи“, „ленивые богатины“, не могут быть надежной опорой царской власти.

В своей челобитной И. С. Пересветов коснулся и вопроса о личных качествах идеального государя. Царь должен быть прежде всего воин, полагает Пересветов. В форме предсказания он советует Грозному больше всего радеть о „воинских делах“, о „мудром воинстве“ и не полагаться на советы князей и бояр, которые, конечно, попытаются отвлечь его от сурового долга. Пересветов рекомендует царю не быть милосердным с вельможами, в противном случае „придет на него великая кротость, и то есть уловление от врагов его, не будет царь мыслити о воинстве и о праве во царстве своем, будет веселитися с теми, которые ему сердце разжигают вражбами и многими прелестными пути“.³

В похвале Ивану Грозному, заключающей „Казанскую историю“, автор особо подчеркивает, что царь „от юнныя версты не любяху никакая потехи царские... токмо всегда о воинственном попечении упражняшеса, и поучение о браных творяше, и о сих с воеводами прилежаще, и сим во вся дни живота своего с мудрыми советники своими поучашеса, и подвизашеса, како бы очисти землю свою от поганных нашествия и от частого пленения их“.⁴ Он показал, что государем, надежды на которого возлагала передовая дворянская публицистика XVI века, является Иван Васильевич Грозный, что его действия определены теми же целями, о которых говорит И. Пересветов в своих „Челобитных“.

Автор „Казанской истории“ показал, что походы под Казань предпринимались Иваном IV ради интересов народа. „Слышати уже не могу всегдашнего плача и рыдания людей моих“,⁵ — говорит Грозный, обращаясь к собравшимся боярам. Царь создает войско, изучает военное дело, ведет споры с боярами, думает и молится о государственных задачах. Не ради личной славы, а для защиты русских областей от нашествий захватчиков предпринимает он многочисленные походы под Казань. Укоряя нерадивых воевод, думающих лишь о том, как бы скорее возвратиться из-под Казани по домам, Грозный клянется: „да умру с вами zde, на чужой земле, а к Москве с поношением и со стыдом не возвращаюся“.⁶

¹ С. А. Белокуров. Челобитная И. С. Пересветова царю Ивану IV. Чтения, кн. IV, стр. 6.

² Q. 26-П, л. 145 об.

³ С. А. Белокуров. Челобитная И. С. Пересветова царю Ивану IV. Чтения, кн. IV, стр. 12—13.

⁴ F. IV. 578, л. 286.

⁵ Q. 26-П, л. 142—142 об.

⁶ Там же, стр. 191.

В изображении „Казанской истории“ Грозный всегда уважительно и заботливо относится к народу — участнику важнейших событий в жизни государства. Отправляясь в поход, Грозный „всему бещетному множеству великому народу московскому на четыре страны до земли поклонися“; обезьяная войска перед последним приступом на Казань, царь „кланяся им до златых стремени ноги своея“, называя всех „русская чада“. Народ же радостно, „яко пчелы матку свою“, встречает царя, возвращающегося с победой в Москву. В перечне вышедших навстречу царю „в поле за посад“ названо „все множество безчисленное народа московского“. Царь же „посреди народа тихо путем прохаждаше на царстем коне своем, со многим величанием и славою великою, на обе страны поклонився народом, да вси людие наслаждаются, видяще и велелепотныя славы его сияюща на нем“.

В этом идеализированном изображении отношения самодержавного царя к народу совершенно скрытой оказалось историческая правда — то, что укрепление централизованного дворянского государства и обеспечение его безопасности от внешних врагов происходили за счет усиления эксплуатации трудового народа. Идеолог дворянства, автор „Казанской истории“ в отношении в народным массам занимал позицию, типичную для возвышающегося эксплуататорского класса. „...всякий новый класс, который ставит себя на место класса, господствовавшего до него, уже ради осуществления своих задач вынужден избрывать свой интерес как общий интерес всех членов общества...“¹

Патриотизм Грозного в изображении автора „Казанской истории“ носит на себе отпечаток исторической ограниченности. Занимая определенную позицию во внутриклассовой борьбе Ивана IV с боярством и отстаивая свои классовые интересы, автор „Казанской истории“ представил их как общенародные интересы. Социальную природу идеологии возвышающегося правящего класса гениально раскрыл К. Маркс в работе „Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта“. „То, что они (буржуазные идеологи, — Г. М.) отстаивают, объявляется *народным правом*, то, что интересует их, объявляется *интересом народа*“.² Субъективно стремясь к защите своих интересов, объективно служивый правящий класс содействовал созданию сильного централизованного государства и разгрому феодальной аристократии, тянувшей Русское государство к феодальной раздробленности.

Кто же был этот страстно убежденный сторонник политических мероприятий Грозного? Этот вопрос не раз поднимался историками и литературоведами, начиная с XVIII века и кончая последней работой акад. А. С. Орлова — „Героические темы древней русской литературы“, вышедшей в 1945 году.

От В. Н. Татищева идет мнение, что автором „Казанской истории“ является священник Иоанн Глазатый, который был в казанском плену и, освобожденный во время „взятия“, был прощен Грозным. Имя Глазатого как автора рассказа „о доставании и взятии града Казани“ В. Н. Татищев называет, говоря об источниках своей „Истории российской“.³ И хотя В. Н. Татищев не сообщает, на основании каких данных авторство „Казанской истории“ приписано им Глазатому, тем не менее, вслед за „Историей российской“, „попа Иоанна Глазатого“

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. IV, стр. 38.

² К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. I, М., 1948, стр. 241.

³ В. Н. Татищев. История российская, кн. I, ч. 1. М., 1768, стр. XII.

считают автором Н. И. Новиков,¹ митрополит Филарет,² митрополит Евгений,³ К. Н. Бестужев-Рюмин⁴ и Д. И. Иловайский.⁵ Г. З. Кунцевич, которым написана монография о „Казанской истории“, полагает, что священник Иоанн Глазатый был автором „Отрывка русской летописи“, прибавленного к „Казанской истории“ и прочно вошедшего в ее позднейшие редакции.⁶

Весьма вероятно, что автором компиляции из официозных рассказов о взятии Казани, которая вошла во вторую редакцию „Казанской истории“, утратившую все публицистическое звучание произведения, действительно был Иоанн Глазатый. Резко оцерковленный тон всего изложения, обилие молитв, чудес, знамений выдают в авторе духовное лицо. Этот оцерковленный рассказ совершенно расходится с характером изложения в первых 49 главах, перенесенных целиком из основной редакции „Казанской истории“ и принадлежащих несомненно другому автору⁷—светскому. Можно представить себе, как сложилась эта „легенда“ о том, что автором всей „Казанской истории“ был именно „поп Иоанн Глазатый“.

В. Н. Татищев знал „Казанскую историю“ только в ее второй редакции, которая была издана по двум спискам в 1791 году. Три списка, содержащие текст подлинной „Казанской истории“ в ее основной редакции, не были еще известны в XVIII веке, их обнаружил и выделил из общей массы списков лишь Г. З. Кунцевич. В. Н. Татищев знал, видимо, какой-то список „Отрывка русской летописи“ или второй редакции „Казанской истории“, связанный с именем Иоанна Глазатого, и счел последнего автором не только второй ее части, начиная с 50-й главы, но и всего предшествующего рассказа. Позднейшие упоминания об авторе „Казанской истории“ основаны на указании В. Н. Татищева, без попытки критического пересмотра его мнения. Г. З. Кунцевич, отделивший первоначальную редакцию от позднейших, впервые поставил вопрос о сходстве „Отрывка русской летописи“ с рассказом о походе под Казань в позднейших редакциях „Казанской истории“ и высказал догадку о принадлежности этого отрывка попу Иоанну Глазатому.

Другая точка зрения на автора „Казанской истории“ была высказана в статьях об этом памятнике акад. А. С. Орлова. А. С. Орлов интересовался „Казанской историей“ в связи с вопросами стиля древнерусской исторической беллетристики XVI—XVII веков. Его интересовало прежде всего влияние на „Казанскую историю“ других памятников древнерусской литературы. А. С. Орлов считал, что „Казанская

¹ Н. И. Новиков. Материалы для истории русской литературы. СПб., 1867, стр. 28.

² Филарет. Обзор русской духовной литературы. Изд. 3-е, СПб., 1884.

³ Митрополит Евгений. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чину, т. I. СПб., 1827, стр. 259—260.

⁴ К. Н. Бестужев-Рюмин. Русская история, т. I. СПб., 1872, стр. 42.

⁵ Д. И. Иловайский. История России, т. III. М., 1890, стр. 624.

⁶ Г. З. Кунцевич. История о Казанском царстве, стр. 556.

⁷ В Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в составе сборника О. XVII. 73 находится список второй редакции „Казанской истории“, составленный из двух различных повестей: первая повесть — первая часть первой редакции „Казанской истории“, кончающаяся главой „Совет царя и великого князя с бояры своими“; вторая — „Повесть о боговводимом подвиге царя и великого князя“. Повести отделены одна от другой чистым листом, причем первая повесть заканчивается кондовкой, а вторая начинается с новой заставки. Эти данные свидетельствуют о том, что переписчик „Казанской истории“ в упомянутом сборнике ощущал их как две различные повести.

история“ создалась „под влиянием повести Искандера о взятии Царьграда турками в 1453 г.“,¹ что автор „Казанской истории“ сознательно следовал за этой повестью. „Его привлекало сходство своей судьбы с судьбой Искандера. Оба были в агарянском плену, — один — у турок, где и потурчился, другой — у злых черемис и лютых казанцев“.²

В своей позднейшей работе А. С. Орлов отказался от этой точки зрения и полагал, что сходство судьбы Искандера и автора „Казанской истории“ объясняется тем, что автор последней „подражает Искандеру даже и в этой особенности повести“.³

Решая вопрос об авторе „Казанской истории“, прежде всего следует ответить на вопрос: имеем ли мы право подвергать сомнению самый факт длительного пребывания его в казанском плену и считать, как это делает акад. А. С. Орлов, биографические эпизоды „Казанской истории“ лишь литературным подражанием Нестору Искандеру, лишенным реальной основы?

Напомним все автобиографические данные, какие могут быть извлечены из „Казанской истории“.

О своей жизни в плену автор сообщает следующие сведения. За 20 лет до взятия Казани, т. е. в последние годы княжения Василия III, он был взят в плен и „сведен“ в Казань; здесь его отдали „в дар“ казанскому царю, который „взял его с любовью“ и оставил при дворе „служити“, „пред лицом своим стояти“. От царя и „премудрейших и честнейших“ казанцев пленник получил некоторые сведения о прошлом Казани. Когда и где искал автор эти сведения „в летописях русских“ и у „искуснейших людей русских“ — трудно решить, но в „казанских“ летописях он „мало видех“ — очевидно еще во время пребывания в плену. Живя в Казани, пленник наблюдал страдания русских пленных, которых продавали в рабство, и издевательства над монахами и монахинями. Описывая эти „беззакония“, автор замечает: „есмь сам видех очима своима, пишу сия, видех горкую беду сию“.⁴ Освоившись с местными суевериями, автор доверчиво описывает „знамения“, предсказывавшие падение Казани, и, в частности, передает рассказ „о бесе“, который в виде „змия велика огнена“ улетел из улуса на берегу Камы „в пустая места непроходная, прогнан христовою силою“, этим предсказав людям, что здесь водворится христианство. Это „третье знамение, — пишет автор, — при мне же бысть, еще бо ми тогда в Казани живуща“.⁵

Есть основание думать, что этот пленник занял в Казани особое положение: находясь при царском дворе, он мог оказывать услуги и русскому правительству, поэтому он остался в Казани, когда московский ставленник на казанском престоле, царь Шигалей, в 1551 году отпустил на свободу весь „русский плен“. Рассказ об этом освобождении русских пленников как будто выдает необычайное положение самого автора: Шигалей приказал собрать „весь в Казани плен русский мног, избравше за 30 лет, изо всея земли Казанския, числом более 100000 мужи и жены, отроки и девицы, и на Русь отпустиша. Инии же застаревшея престелницы многи от них ошастася, не хотяще обра-

¹ А. С. Орлов. О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики XVI—XVII вв. СПб., 1909, стр. 4—5.

² Там же, стр. 5.

³ А. С. Орлов. Героические темы древней русской литературы. М.—Л., 1945, стр. 113.

⁴ Q. 26-II, л. 61.

⁵ Там же, л. 92.

титися к вере христове и до конца отчаявше своего живота спасения, и погибоша, окаянны, свет отвергше истинныя веры, а тму возлюбившие“.¹

Совершенно очевидно, что автор не причислял себя к этим „застаревшим прелестницам“; ведь через год он сам вышел „на имя царево“, вернулся в христианскую веру, да еще получил „удел“. Можно думать, что он остался в Казани не потому, что „отчаялся своего спасения“, а потому, что выполнял какие-то ответственные поручения при сменявшихся казанских царях. Тогда становится понятно, почему он вышел из плена „на имя царево“, почему сразу получил и „удел“: видимо, это была награда за какие-то старые услуги. Станет понятным и то, что и дальше он, как увидим, оставался близок к правительственным кругам, но уже в Москве.

В свете всех этих данных проверим, во-первых, можно ли считать рассказ о пребывании в плену литературным приемом, во-вторых, согласуется ли облик автора, каким он вырисовывается из его рассказа, с предполагаемым духовным званием, т. е. есть ли реальная почва для предположения, что автором „Казанской истории“ был „поп Иоанн Глазатый“.

Анализ содержания „Казанской истории“, на фоне возможных ее литературных источников, показывает, что автор ее сообщает много таких сведений, которые он не мог извлечь из письменных источников и которые основаны им или на личных наблюдениях, или на его близком знакомстве с казанскими устными преданиями о прошлом и рассказами казанских татар — непосредственных участников описываемых событий. Об этом он свидетельствует сам, когда говорит о невозможности написать историю Казани по русским летописям; не найдя сведений „в летописцах русских“, он обратился к „искуснейшим руским людям“, расспрашивая их „о первом зачале“ Казанского царства, однако ему „глаголаше тако ин и инако, ни един же поведае истинны“; знал он рассказы казанского хана — „слышах словом от самого царя изо уст многажды и от вельмож его“. На протяжении своего повествования автор неоднократно ссылается на устные источники: „глаголют“, „глаголют мнози нецы“ и т. д.

Сам автор „Казанской истории“ был свидетелем многих исторических событий. На его глазах прошла большая часть царствования Сафа-Гирея, дважды он видел на казанском троне Шигалея, перенес казанский плен, затем осаду и взятие города русскими войсками. В некоторых рассказах „Казанской истории“ он ссылается на личные наблюдения: „есмь сам видех очима своими, пишу сия“. Поэтому некоторые из описаний событий, происходивших в самой Казани на протяжении с 30-х по 50-е годы XVI века, при достаточно критическом к ним отношении могут служить историческим источником для воссоздания этого периода жизни Казанского царства.²

¹ Q. 26-П, л. 103.

² Эта достоверность некоторых частей „Казанской истории“ принималась многими исследователями за достоверность целого, и потому их приводило в недоумение несоответствие историческим данным других частей повествования. Так, С. М. Соловьев называл „Казанскую историю“ „мутным источником“ и отказался пользоваться ею (Собрание сочинений, т. V, СПб., 1838, стр. 68). В. В. Вельяминов-Зернов склонялся к мысли о том, что „Казанская история“ — источник, которым „надобно пользоваться с большой осторожностью. Автор, как видно, писал на память, мало заботясь о том, что у него выйдет из-под пера“ (В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб., 1863, стр. 6). С. М. Шпилевский так высказывался о „Казанской истории“: „К сожалению, «Казанская

Таким образом биографические данные „Казанской истории“ подтверждаются характером сообщаемых ею сведений: многие факты автор действительно видел „своими очима“, о многих мог узнать только от казанцев. Прежде всего трактовка автором возникновения Казанского ханства построена не на русских письменных или устных источниках, а на казанских преданиях и легендах правящей верхушки из среды татар. Этому господствующему классу нужно было „...держать в узде эксплуатируемое большинство...“¹ населения завоеванных ими земель, и для этого было необходимо, помимо военной силы, идеологическое оружие. Правящая верхушка создала теорию преемственности власти Золотой Орды ее наследником — Казанским ханством, через потомка Бату — Саина. Саину же автор „Казанской истории“ приписывает и основание самого города Казани как „стольного града“ Золотой Орды.

Между тем археологические данные позволяют относить возникновение болгарского поселения на реке Казанке к XII веку, казанских болгар русские летописи упоминают уже в 1157 году. „Эта область уже в домонгольскую эпоху стала играть немаловажную роль. Она входила в состав Булгарского княжества, и великий князь буйгарский был одновременно и ее князем“.²

Казанское ханство, возникшее на основе распада Золотой Орды в середине XV века, не ранее 1445 года, возводится автором „Казанской истории“ к 50-м годам XIII века, т. е. к периоду расцвета власти золотоордынских ханов. Таким образом возникновение Казанского ханства под властью бежавшего из Золотой Орды Улуг-Мухаммеда и его сыновей объясняется в „Казанской истории“ как возрождение золотоордынского „стольного града“ и трактуется не как насильственный захват земли волжских болгар, а как законное обоснование татар на территории Золотой Орды.

Вымышленный рассказ о фантастическом основателе Казани — Саине, так же как и объяснение появления там в середине XV века Улуг-Мухаммеда, мог быть сочинен только в кругах самих казанских татар, возводивших свой род к Золотой Орде и приписывавших ей и основание своей столицы. Этот рассказ не мог возникнуть в „исконной среде болгарского населения Казанского царства или других народов, населяющих ее: черемис, марийцев, мордвы и также покоренных пришедшим татарским улусом во главе с Улуг-Мухаммедом“.³ Он мог возникнуть только в среде правящей верхушки казанских феодалов — ближайшего окружения хана.

Автор „Казанской истории“, исхивший в воссоздании начальной истории Казани из преданий казанцев-татар, приписывает ей трехсот-

история», которая так много обещает, представляет в действительности весьма скудный исторический материал: автор не столько заботился о подробной и точной передаче событий, не говорю уже о характеристике внутреннего быта Казанского царства, сколько о высокопарности слога и ширококешательности, которую в его время отличались и другие“ (С. М. Ш п и л е в с к и й. Древние города и другие булгарско-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877, стр. 75). „В историческом отношении Сказание (История о Казанском царстве) не представляет ничего замечательного и не составляет исторического материала“ (А. М., Казанские губернские ведомости, Казань, № 18, 1856, стр. 156—157). Д. И. Иловайский считает, что „рассказы казанского летописца вообще не отличаются полной достоверностью и обилуют разными домыслами и прикрасами“ (Д. И. И л о в а й с к и й. История России, т. III, стр. 623).

¹ И. Сталин. Вопросы ленинизма. Изд. XI, 1947, стр. 604.

² А. И. Смирнов. Волжские болгары. Труды Государственного Исторического музея, вып. XIX, М., 1951, стр. 61.

³ Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950, стр. 415.

летнюю давность: „и много лет преидоша, до 300 лет от первого начала Казани от Саина царя“.¹ В соответствии с представлениями правящей верхушки Казанского ханства, автор „Казанской истории“ утверждает, что Казань и в первый раз (золотоордынским ханом Саином) и „второе зачася от другого царя Ординского“. Позднее, описывая события XVI века, автор снова напомним о том, что „не от князей и воевод или от простых людей строима бывает Казань, но от царей“.² Волхвам, советовавшим покориться московскому царю, казанцы надменно отвечали: „Мы ли хотим подручники быти московскому держателю и князем его и воеводам . . . достоин нам ими владети и дани у них взимати: яко же прежде они бо царем нашим присягали и дани давали, и мы есмя тем изначала господие и оне раби наши и како смеют или возмогут наши раби нам, господем своим, противитися“.³

Так татарская националистическая историография соотносила возникновение Казанского ханства, явившееся следствием распада Золотой Орды, с периодом ее расцвета, обосновывая этим его „права“ на продолжение тех же отношений с Москвой, в каких состояла Русь к Золотой Орде вскоре после ее завоевания Батыем.

Для чего же автор „Казанской истории“ вовлек в свое изложение националистические легенды казанских феодалов и как связал он их со своей концепцией?

Утверждая, что Русская земля „от начала“ „была едина“, что и область, „идеже ныне стоит град Казань“,⁴ некогда принадлежала Руси, автор изображает и борьбу за эти земли как справедливую; эту борьбу направляет не стремление захватить чужие земли, а право на возвращение своих владений. Поместив казанские легенды об основании Казани преемником Батыею, автор тем самым представил казанское „взятие“ как завершение борьбы с Золотой Ордой, а Ивана IV — продолжателем исторического дела московских государей.

Ряд сведений, сообщенных „Казанской историей“, как мы уже сказали, автор мог почерпнуть только из личных наблюдений или рассказов очевидцев. К таковым относятся рассказы о потоплении черемисами „ладейной рати“ под начальством кн. Ивана Бельского в 1524 году, сообщение о причине внезапной смерти казанского хана Сафа-Гирея („пьян, руже свои и лице умывая, напрасно запеняя ногами своима и ударися во умывальны темец главою своею и заразися весь о землю“), подробности, относящиеся ко времени регентства Сумбеки и ее фаворита Оглана Кошкака. Но наибольшей полноты достигают сведения автора о Казани в описании осады ее русскими войсками в 1552 году.

Краткие сведения, касающиеся положения в стане русских полков, почерпнутые из летописных источников, перемежаются в „Казанской истории“ с подробным красочным описанием положения осажденных казанцев, то уверенных, что их город „яко великая гора каменная твердо стояше и неподвижно ни откуду же от сильного бьения пушечного шатайся“, то в панике прибегавших к помощи „иноземцев“, которые остались в осаде.

Не ожидая помощи извне, казанцы „затвориша Бухар и Шамахан, и Турчан, и Армян“. Особо были задержаны, по словам „Казанской истории“, „Турчане и Армень“, ибо их считали „огненному бою гораз-

¹ Q. 26-П, л. 57.

² Там же, л. 134.

³ Там же, л. 57.

⁴ Там же, л. 3.

дых“ и поэтому „принужаху их битися с Русью; онем же не хотящим и отрицающимся аки неумеющим дела того, и приковываху их железы к пушкам, и с обнаженными мечи стояху над главами их, и смертью претяху им; и тако их принудиша неволю ис пушек бити по Руским полком“. Однако не только армяне, но и турки, несмотря на антимосковские настроения турецкого правительства, — „лестно и худо бяху и не улучаху, аки не умеючи, и ядра черес воя препущаху или не допущаху“.¹ Иван Грозный знал о поведении иноземцев во время осады города русскими, и, как сообщает автор „Казанской истории“, после взятия Казани „царь князь великий милость за се подаст им“.² В летописях известия о благожелательном отношении к русским „армен, турчан“ и других иноземцев, бывших во время осады Казани в самом городе, не имеется. Тем интереснее сообщение автора „Казанской истории“. „Летописец начала царства“ сообщает, что после взятия города „полон же повеле царь имати жены и дети малые, а ратных людей за их измены избити всех“,³ что и было исполнено, а „армяне, турчане, бухарцы“ оказались, по свидетельству „Казанской истории“, выпущенными с царскими милостями. Исследователи „Казанской истории“ брали под сомнение это сообщение автора.⁴

После победы над Казанским ханством в Москве, в честь взятия города русскими войсками, был построен „на рву у Флоровских ворот“ собор Василия Блаженного, где один из алтарей был посвящен Григорию Просветителю Армянскому.⁵ Возможно, что это было знаком внимания к армянам, доказавшим свое благожелательное отношение к русским во время последней осады Казани. Мы имеем, таким образом, косвенное подтверждение сообщения автора „Казанской истории“, находившегося в течение всей осады в городе и знавшего отношение к московскому правительству различных групп осажденных.

Только в „Казанской истории“ имеются сведения о том, что казанцы, гордо и с презрением отклонившие мирные предложения Ивана Грозного, мобилизовали для защиты города последние человеческие ресурсы: к оружию были призваны „высокорастлыя жены и девицы сильныя“.

Особенно яркие и убедительны картины, описывающие противоречивые настроения в самой Казани. Женщины — матери и жены — обращались с мольбой пойти на переговоры с русским царем, но казанцы, подстрекаемые фанатичным духовенством, не хотели об этом и слышать. Только на месте, в Казани, можно было наблюдать, какое впечатление на потерявших было надежду жителей произвел тактический отход русских войск от стен города перед взрывом. Пленник, близкий ко двору, мог знать, что царь Едигер не верил отходу, что он был „весел и не весел“, вынужденно, „аки не хотя“, он приказал приносить благодарственные „молбы“ и жертвы. Пленник видел и буйное веселое доверчивого казанского народа, думавшего, что русские совсем ушли от города.

При сличении некоторых рассказов „Казанской истории“ с летописными рассказами о начальном этапе осады Казани можно отметить, что автор „Казанской истории“ описал осаду так, как ее представляли сами казанцы, т. е. опираясь на впечатления осажденных.

¹ Там же, л. 184.

² Там же.

³ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), т. XIII, ч. 2, СПб., 1906, стр. 513.

⁴ Г. Э. Кунцевич. История о Казанском царстве, стр. 444.

⁵ ПСРЛ, т. XXI, ч. 2, СПб., 1913, стр. 674.

Налицо в „Казанской истории“ топографически и этнографически точное описание местностей и народностей, населяющих их. Город Свияжск был построен русскими на земле черемис. Автор объясняет: „Две бо черемисы бе в Казанской области, а языка три, 4 язык варварский“ (черемисы, не принявшие мусульманскую веру). Луговая черемиса включает в себя „черемису кокшайскую и ветлужскую“. Автор знает множество татарских поверий, толкований снов, местных легенд и сказок. Все это с несомненностью убеждает нас в том, что автор „Казанской истории“ действительно жил в Казани и описал многое по личным наблюдениям.

Следует отметить возрастающую полноту сведений автора о Казани в части, относящейся ко времени царствования Василия III и особенно Ивана Грозного. Если в описании истории возникновения Казанского ханства автор сообщает только общие сведения, то, начиная с описания событий первой четверти XVI века, рассказ его становится подробным, мотивированным, сообщающим ценные сведения, подтверждаемые косвенными русскими источниками (рассказ о „ладейной рати“ 1524 года, о взятии острога по реке Булаку русскими войсками в 1530 году, об участии армян и других иноземцев на стороне русских в обороне Казани и т. д.), но не находящие себе соответствия ни в одном летописном сборнике. Так, автор подтвердил часть своей биографии, сообщенной им в первой главе „Казанской истории“.

Итак, нет оснований не доверять тому, что автор был взят в плен казанцами, обращен в мусульманство, двадцать лет (с 1532 по 1552 г.) жил в Казани (эти годы как раз заполнены самыми подробными описаниями событий), был близок к верхушке казанского общества, а во время взятия города русскими войсками вышел „ис Казани на имя цареве Московского“.

Но можно ли отождествлять этого освобожденного пленника с „попом Иоанном Глазатым“? Сомнение в духовном звании пленника вызывает уже тот факт, что он получил от Ивана Грозного „мало земли уделом“, т. е. поместье, как рядовой дворянин, и „нача служить ему верно“. Трудно совместить с представлением о церковнослужителе XVI века и терпимое отношение автора „Казанской истории“ к мусульманским поверьям, не раз обнаруживаемое им в изложении. Однако для полной характеристики облика автора необходимо учитывать все данные „Казанской истории“, выясняющие круг интересов его после выхода из Казани до времени написания „Казанской истории“ (т. е. не ранее 1564 года).

„Казанская история“ раскрывает перед нами огромное количество фактов, известных ее автору из самых разнообразных письменных источников. Безусловно были известны и использованы автором „Казанской истории“ русские летописи:¹ „Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси“, Никоновская летопись и в том числе ее Синодальный список с пометками на полях неизвестного лица, раскрывающего роль воевод в период малолетства Ивана Грозного, Московский свод 1479 года, Новгородская IV летопись, Воскресенская летопись, Софийская II и Львовская летописи, возможно Московский свод 1518 года, Хронограф 1512 года русской редакции. Автор прямо ссылается на этот круг его источников: „яко пишут Русти

¹ Анализу летописных источников „Казанской истории“ нами посвящена глава диссертации, в которой мы выясняем вопрос о том, какими именно летописями пользовался автор „Казанской истории“ и с какими целями.

летописцы“.¹ Автор хорошо знал „Царево государево послание во все его Российское царство на клятвопреступников его на Андрея Курбского с товарищи“; известен ему был и Царский архив, где хранились клятвенные записи — „шерти“, местнические суды, переписка Ивана IV с иностранными государями, в частности, переписка с ногайскими князьями, донесения русских послов, дела Посольского приказа, разрядные и статейные списки, родословные книги русских князей. Среди этих письменных источников были такие, которые давали автору не только факты, но и оценки их: это в первую очередь „Царево государево послание“ Грозного, давшее характеристику боярства, правившего в годы детства царя, и резкую оценку многих представителей княжеско-боярского лагеря, к 60-м годам окончательно разоблачивших себя как изменников родины. Среди этих источников были такие, которыми можно было воспользоваться лишь в Царском архиве, в Посольском приказе или через лиц, особо близких к правительственным кругам. Это прежде всего относится к „Летописцу начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси“, полнее всего использованному автором. „Летописец начала царства“ составлен в промежутке между 1553—1555 годами.² Н. Ф. Лавров устанавливает, что автором его был человек из „кругов, близких к царской семье“, что „тенденциозность его заставляет думать, что его надо искать не в боярской среде“.³ Автору „Казанской истории“ были известны и приписки на полях „Летописца начала царства“, т. е. автор знал его не в обычном экземпляре. Он широко использовал эти приписки и согласовал во всех случаях свой рассказ с ними, а не с рассказом основного текста. С. В. Бахрушин полагает, что приписки эти сделаны особо доверенным лицом Ивана Грозного и с ведома самого царя.⁴ Можно не сомневаться в том, что если редактором „Летописца начала царства“ мог быть близкий к царскому двору человек, то и читать его с пометами, имеющими важное политическое значение, могло также лицо, которому доверяли и царь и его близкое окружение.

В „Казанской истории“ использованы первоисточники: разрядные записи, начиная с конца XV века (походы под Казань Ивана III) и кончая серединой 60-х годов XVI века, а также статейные списки и родословные книги русских князей. Знает автор клятвенные записи казанских и касимовских царей, хранившиеся в Царском архиве, донесения русских послов, которые вероятнее всего находились в Посольском приказе. Но „Казанская история“ не официальное произведение, написанное по поручению правительственных кругов. Автор писал его не по „заказу“. Он проводил свою точку зрения, исходя из своей общественно-политической позиции, из своего передового мировоззрения. Именно эта принадлежность автора к прогрессивным деятелям XVI века и помогла ему правильно оценить деятельность Ивана Грозного, по-новому осветить многие исторические факты и события. Автор создавал свое произведение на основе изучения громадного количества источников и первоисточников, привлекая документальный материал не в меньшей степени, чем составители таких монументальных исторических сочинений XVI века, как „Летописец начала царства“, Степенная книга и др.

¹ Q. 26-П, л. 162.

² Н. Ф. Лавров. Заметки о Никоновской летописи. Летопись занятий постоянной историко-археологической комиссии, т. I (XXXIV), 1927, стр. 87—89.

³ Там же.

⁴ С. В. Бахрушин. „Избранная рада“ Ивана Грозного. Исторические записки, т. XV, 1945, стр. 33.

Для ознакомления с громадным по объему материалом нужно было время. И автор „Казанской истории“ за 12 лет пребывания в России (с 1552 по 1564 год) овладел существующей литературой, историческими сведениями и подчинил свою громадную начитанность единой и стройной идеологии. В „Казанской истории“ ярко сказались черты общественно-политического мировоззрения автора, отраженные в отборе и оценке изображенных событий и лиц.

Рассказ автора, как мы видели, дает возможность определить, выразителем взглядов какой из групп был он в ожесточенной внутриклассовой борьбе 50—60-х годов XVI века, чем и как „нача служити“ этот бывший пленник наделившему его землей царю.

Г. З. Кунцевич, характеризуя мировоззрение автора „Казанской истории“, выделил в нем как основные черты „религиозное и национальное самосознание“.¹ Исследователь видит в истолковании автором „Казанской истории“ поступков действующих лиц только религиозную трактовку событий „сообразно понятиям века“.² Но кругозор автора гораздо шире, и одной религиозной трактовкой он не ограничивает оценку событий и лиц. Для признания автором „Казанской истории“ „попа Иоанна Глазатого“ содержание памятника не дает никаких оснований.

Не известно, какого рода службу нес автор „Казанской истории“, вернувшись на родину. Ясно одно, что своим пером он действительно „нача служити верно“ царю, содействуя идейному воспитанию сподвижников Грозного, разъясняя широким кругам читателей смысл одного из крупнейших событий его царствования — завоевания Казанского ханства, раскрывая историческую необходимость крутой расправы царя с феодальной знатью.

Можно полагать, что автор „Казанской истории“ принадлежал к тем „писарям русским“, о которых со злобой и ненавистью говорит в своей „Истории о великом князе московском“ изменник А. Курбский. Этим писарям „князь великий zelo верит, а избирает их не от шляхетного роду, ни от благородна, но паче от поповичев или от простого всенародства“.³ Курбского приводит в бешенство то, что „писари творят ненавидячи вельмож своих“.⁴

„Казанская история“ — яркое свидетельство резко отрицательного отношения автора к феодальной верхушке России: автор принадлежал к тому слою людей, которые беззаветно служили Ивану Грозному и являлись опорой царя в его прогрессивной деятельности, направленной на укрепление Русского централизованного государства. В способе изображения исторических событий, в их оценке автор „Казанской истории“ отразил новые, более высокие формы исторического сознания. „Казанская история“ создана на основе самого тщательного ознакомления с относящимся к теме материалом повествования. Однако материал не ведет за собою автора, а подчинен его основополагающей мысли.

Автор не пытается описать все события в их исторической последовательности, а отбирает те из них, которые отражают самое характерное, самое необходимое для раскрытия основной мысли, те, которые с наибольшей полнотой вскрывают их внутреннюю связь.

¹ Г. З. Кунцевич. История о Казанском царстве, стр. 564.

² Там же.

³ А. М. Курбский, Сочинения, РИБ, т. XXXI, стр. 221.

⁴ Там же, стр. 221.

Так, он не описывает похода на Русь Батыя, а говорит об этом событии как о прошедшем факте „яко двадцать лет минуша по Батые царе, пленившем Русскую землю“, послужившем, однако, причиною (по рассказу „Казанской истории“) образования Казанского ханства и возникновения его правящей династии. Автор объединяет, таким образом, в единое целое рассказ о походе на Русь Батыя с падением Казани под ударами русских войск в 1552 году.

Характеризуя время окончательного освобождения от татаро-монгольского ига, автор связывает главу „О конечном запустении Златая Орды и о царех ея, и о свободе и величестве Русские земли, и о чести, и о красоте преславного града Москвы“ с рассказом о походе Ивана III на Новгород и о покорении удельных княжеств Твери, Вятки и Рязани. Автор утверждает этой связью событий, что, только взяв „великий Новгород со мноюю гордостию и буйством, и Тверь, и Вятку, и Рязань и вси русские князи“ „подклонив“ под свою власть, Иван III смог противостоять Золотой Орде, „освободится от ярма и поношения бисюрманского“ и освободить исконные русские земли, захваченные „от польского короля“.

Покорение Новгорода и присоединение к московскому княжеству Твери, Вятки и Рязани дали возможность Ивану III „великое дерзновение побороти по христианстей вере, и преобидя рещение царя Ахмета Златая Орды“, противостоять Золотой Орде. Москва возглавила это объединение русских княжеств, и ей автор посвящает восторженный панегирик. Он предрекает ей небывалый расцвет, выражая свое понимание его в форме политических и религиозных теорий XVI века: Москва „ныне столный и преславный царствующий град, второй Киев, не срамлюся же и не буду повинен нареци того и третий новый Рим, провозсия бо в последняя лета, яко великое солнце в велицей нашей рустей земли, во всех градах, во многих людех“.¹

Таким образом автор „Казанской истории“ связывает расцвет Москвы с ее ролью в освобождении от татаро-монгольского ига. Понять это в XVI веке значило понять процесс централизации власти в руках именно московского великого князя, правильно осветить значение Москвы в образовании централизованного Русского государства.

Широкая историческая перспектива и точное знание предмета своего описания позволили автору „Казанской истории“ подняться до понимания реальных отношений, устанавливающихся между людьми в процессе их деятельности. Смена царей на казанском престоле происходит не путем вмешательства потусторонних сил (как объясняет это Степенная книга), а в результате внутриворцовой борьбы между сторонниками московской и крымской партий. Особенно ярко раскрывается мировоззрение автора при объяснении причины бегства Сафа-Гирея в Крым: „Воста в Казани в велможах, и во всем народе и во всем люду казанском смятение великое; возвигоша бо крамолу все, соединившеся болшие с меншими, на царя своего Сапкирея и свергоша его с царства и выгнаша ис Казани. . . что он приемляше свояземца, крымских срацын, приходяще к нему в Казань, велможам им быти устроише, и богатяше их, и почиташе, и власть велику обидети казанцов даваше, любляше их и брежаше паче казанцев“.² Сравним объяснение причины бегства Сафа-Гирея в Степенной книге: „И тогда в Казани нападе велий страх и

¹ ИРЛИ, Q. 251-П, л. 25 об.

² Q. 26-П, л. 64 об.

трепет, яко же на самого царя Сафа-Кирея и на князей и на вся люди казаньския по многому волховованному их и мечтанию“.¹

Победу Русского государства над Казанью автор представляет не как „боговодимый подвиг царя“, а как тяжелый труд русского воинства и его главы — Ивана Грозного. Не христианские добродетели „царя и великого князя“, а его государственная мудрость и воинский талант выдвинуты в произведении на первый план. Даже в идеализированном портрете Ивана Грозного не нашла места характеристика его христианских добродетелей.

В произведениях средневековья К. Маркс отмечал, как одну из характерных их особенностей, „религиозный отпечаток“,² — он налицо и в „Казанской истории“: в произведении имеются знамения, чудеса русских святых, прорицания, вещие сны и т. п. Но он здесь присутствует лишь в той мере, в какой к нему прибегали все писатели XVI века, не исключая и самого Грозного. Не эти, объясняемые условиями времени черты сделали „Казанскую историю“ отражением передовой общественной мысли XVI века.

В. И. Ленин указывал, что „Исторические заслуги судятся не по тому, чего *не дали* исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они *дали нового* сравнительно с своими предшественниками“.³ „Казанская история“ — публицистическая повесть, построенная на огромном материале исторического повествования, пронизанном единой мыслью и подчиненном единой идее, — свидетельство нового этапа в историческом самосознании русского народа, свидетельство нового этапа и в литературном развитии древней Руси.

¹ ПСРА, т. XXI, ч. 2, стр. 609.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. VIII, стр. 128.

³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 2, стр. 166.

*ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА
И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СССР*

И. П. ЕРЕМИН

К истории русско-украинских литературных связей в XVII веке

Широкая популярность в России во второй половине XVII века произведений украинской литературы „киево-могилянского“ периода ее истории — факт общеизвестный. Но не меньшей популярностью пользовалась на северо-востоке Руси в XVII веке и литература украинская конца XVI—начала XVII века, „до-могилянская“, — как показывают некоторые факты, в этой связи до сих пор не обращавшие на себя должного внимания.

1

Борьба за национальную независимость породила на Украине в конце XVI—начале XVII века обширную литературу открытых писем, памфлетов, полемических трактатов. Уже в первой половине XVII века эта так называемая полемическая литература получила распространение и в пределах Московского государства. Все здесь, в этой литературе — и критика воинствующего католицизма, и яркая картина преследований, которые терпели и терпят православные в панской Польше, и пафос утверждения своей национальной культуры — все это не могло не привлечь к себе сочувственного внимания московского читателя XVII века, сравнительно недавно пережившего кризис „смутного“ времени. Некоторые из украинских книг этого рода в Москве в XVII веке не только внимательно перечитывались, но и переводились на русский язык, нередко переделывались, а иногда даже, полностью или в извлечениях, переиздавались. В 1624—1625 годах одна из них, именно „История о Листрикийском, то есть о разбойническом Ферарском або Флоренском соборе“ так называемого Клирика Острожского, послужила источником „Повести слезной“ о том же событии князя И. А. Хворостинина. В 1644 году в Москве была напечатана „Кириллова книга“, в состав которой вошла в переводе на современный книжный русский язык, частью полностью, частью в отрывках, целая серия украинских полемических произведений XVI—XVII веков: трактат Василия Острожского „О единой истинной православной вере“ (1588), „Казанье святого Кирилла патриархи Иерусалимского о антихристе“ Стефана Зизания (1596), острожская „Книжица“ 1598 года, изданная Киево-Печерской типографией в 1620—1621 годах „Книга о вере“ Захарии Копыстенского и др. В 1648 году в Москве была переведена и впервые напечатана рукописная „Книга о вере“ игумена киевского Михайловского монастыря Нафанаила. В 1652 году был переведен „Лифос“ — полемический трактат

тат, изданный на польском языке в Киеве в 1644 году по инициативе Петра Могилы.

Нашел своих читателей в России и крупнейший украинский писатель демократического лагеря XVI—XVII веков — Иван Вишенский, замечательный мастер полемики и агитации, „один из творцов народной украинской литературы“ (И. Франко).

Из произведений Ивана Вишенского одним из первых стало известно в Москве его напечатанное анонимно в острожской „Книжице“ 1598 года гневное послание епископам-рenegатам — „от святое Афонское горы скитствующих“. В 1644 году послание это было в Москве переиздано в составе „Кирилловой книги“ наряду с остальными статьями острожской „Книжицы“ — соборным посланием князя К. К. Острожского и посланиями патриарха Мелетия. Послание напечатано в „Кирилловой книге“ полностью; некоторым изменениям подвергся только язык: мела — имела, хотечи — хотячи, голыми словесы — нагими словесы, совлеченем — совлечением, обачиши — узриши, маестности — имения, толко — точию, пан — господин и т. п.

О том, что произведения Ивана Вишенского были в свое время хорошо известны и в пределах „Великой России“, свидетельствует прежде всего дошедший до нас рукописный материал. Из общего числа пяти известных мне списков сочинений Вишенского четыре несомненно русского происхождения: список Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, собр. Толстого Q. 1.243, XVII—XVIII вв.; список Государственного Исторического музея, собр. Уварова № 632 (486), нач. XIX в.; список Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, собр. Титова № 2425 (1333), первой половины XIX в.; список библиотеки Саратовского Государственного университета, собр. Мальцева № 910 (502), 1862 г. Судя по этим спискам, русскому читателю, кроме послания „от святое Афонское горы скитствующих“, были известны следующие произведения Вишенского: первые пять глав его „Книжки“ (сборника избранных сочинений, составленного самим Вишенским в 1599—1600 годы), его послания львовскому братству, старице Домникии, Иову Княгиницкому, „Зачапка мудрого латынника з глупым русином“, „Краткословный ответ“ Петру Скарге, „Позорище мысленное“, — т. е. в сущности все наиболее значительное из его литературного наследия.

Сличение текста „Книжки“ Вишенского по списку собр. Уварова № 632 (486)¹ с текстом той же „Книжки“ по древнейшему и лучшему из пока известных нам списку — № 4 б рукописного собрания библиотеки монастыря св. Онуфрия в Львове, первой половины XVII века, — показывает, что русские писцы, трудясь над перепиской сочинений Вишенского, не ограничивались одним только механическим копированием украинского оригинала, но по мере сил и умения пытались сделать его доступным для понимания русского читателя. На это указывают массовые случаи о с м ы с л е н и я, иногда неудачного, слов и словосочетаний: мусит (л. 213 об.) — мучит; отрувся (л. 218) — отрупився; вмеш (л. 231) — смееш; цноты (л. 233 об.) — ценности; прагнул (л. 234) — правду; блазенствах (л. 238) — блаженствах; трактovati (л. 245) — страстиковати; мнеманя (л. 269 об.) — вниманя; фрасовати схочете (л. 272) — гневатися хотяще; курва (л. 278 об.) — недоброе; пилнуют (л. 303 об.) —

¹ Списки собр. Титова № 2425 (1333) и саратовский — той же группы, что и список собр. Уварова № 632 (486); последний, однако, несколько лучше воспроизводит текст их общего протографа.

именуют, и т. п. О том же свидетельствуют и нередкие случаи более или менее точного перевода украинского оригинала на русский книжный язык: пытаю (л. 204) — вопрошу; прагнут (л. 204) — желают; мел (л. 205) — имел; мощно (л. 205 об.) — крепко; майстром (л. 207 об.) — мастером; грошки (л. 207 об.) — денги; хату (л. 207 об.) — избу; везвал (л. 209) — позвал; вышемененый (л. 214 об.) — вышеименованный; нехай (л. 215 об.) — пусть; ганбяхих (л. 216) — хулящих; урядил (л. 218 об.) — устроил; вшелякого (л. 219 об.) — всякого; ледве (л. 233 об.) — насилу; запевно (л. 224) — за совершенно; дотиснути (л. 225) — достигнути; стратили (л. 227) — потеряли; пыху (л. 227 об.) — гордость; ведлуг (л. 231 об.) — ради; чобот (л. 234) — сапог; цноты (л. 237) — чести; жолнером (л. 238 об.) — служивым; загамует (л. 253 об.) — усмирит; розмаитых (л. 260) — разных; богобойне (л. 263 об.) — богобоязне; зычит (л. 268 об.) — желает; жадное (л. 269) — кождое; послушайте (л. 269 об.) — послушайте; не досыт (л. 271) — не доволен; лепше (л. 272) — лучше; горелки (л. 272 об.) — вины; дотягнет (л. 272 об.) — станет; пеняжные (л. 273) — денежные; на колысках (л. 273) — на колясках; праці (л. 273) — работы; напыхаете (л. 273) — наполните; першее (л. 274 об.) — первое; не пытаются (л. 278) — не спрашиваются; в сховане сердца (л. 278 об.) — в сохранение сердец; дерами (л. 280) — проломы; гвалт (л. 283) — шум; невымовный (л. 285) — неглаголаный; мистра (л. 285) — беса; зацными (л. 285) — значными; отрыгане (л. 293 об.) — ругание и пр.

Тот факт, что некоторые слова, например прагнути, цнота, в одних случаях переведены совершенно правильно, в других же только подвергнуты осмыслению, — признак, что над приспособлением текста Вишенского к пониманию русского читателя потрудились, видимо, не один писец. На это указывает и список собр. Толстого Q. 1.243, где также налицо примеры прямого перевода украинского оригинала на русский язык: велбити (л. 240) — величати; бач (л. 253) — видишь; мощно (л. 288 об.) — крепко; стопней (л. 275) — степеней; котрое (л. 283 об.) — которое; властеля (л. 302 об.) — властителя; забитям (л. 304 об.) — убитием и пр.

Списки сочинений Вишенского собр. Уварова № 632 (486), собр. Титова № 2425 (1333) и саратовский, собр. Мальцева № 910 (502) — старообрядческого происхождения. Отсюда следует, что сочинения Вишенского в свое время охотно читались и переписывались и в среде раскольников-старообрядцев. Ничего неожиданного в этом нет.

Распространению его сочинений в старообрядческой среде прежде всего отнюдь не мешало то обстоятельство, что они касались событий конца XVI — начала XVII века, притом специфически украинских; старообрядцы, судя по их писаниям, не только были хорошо осведомлены о событиях на Украине XVI — XVII веков, не только знали имена крупнейших деятелей того времени — князя К. К. Острожского, М. Рагозы, М. Смотрицкого, но даже не раз современное им церковное „смятение“ ставили в прямую связь с церковной унией 1596 года. „Егда исполнися 600 лет после римскаго падения, тогда Малыя России народи отступша к римскому костелу от восточныя церкви христовы. Егда же после того исполнилося 60 лет, тогдаж в Великой России у нас велие смятение учинися, також и отступление совершися“, — писал инок Авраамий, один из первых расколоучителей, толкуя число 666, „число зверя“, в своем „Христианноопасном щите веры“.¹ „Отпиши ко мне, как живут

¹ Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые под ред. Н. Субботина, т. VII. М., 1885, стр. 238.

отщепенцы, б... дети, новые унияты“, — просил игумена Феоктиста протопоп Аввакум, имея в виду никониян.¹

Не мешало популярности Вишенского в старообрядческой среде и то, что в сочинениях его большое место отведено полемике с латинством, обличительной критике римско-католической церкви и папской курии. Полемике с латинством и сами старообрядцы придавали большое значение, так как не сомневались в том, что все основные „дохматы“ никонианской „ереси“ — латинского происхождения и внушены Никону и его последователям предтечей антихриста — римским папой. Не только „крыж четвероконечный“, „клобуки рогатая“, требование „трижды глаголати «аллилуия»“ и прочие „живые“ догматы никониан являются, с точки зрения Аввакума, „мудрованием римскаго костела“, „поляков и киевских уният“, но латинского происхождения и самый главный их „дохмат“ — новое „в перстах сложение“. „Еже креститися тремя персты, — большим, и указательным, и великосредним, — се бо есть древняго Фармоса и отступника папы римскаго мудрование его со дьяволом, — писал Аввакум сибирской „братии“, — он тремя персты крестился и людей благословлял... Того ради блюдитесь, правовернии, сея скверныя печати, да не со дьяволом осужени будете в тартаре преглубоком“.²

Есть, наконец, все основания предполагать, что Вишенский принадлежал к числу тех авторов, сочинения которых старообрядцы, — в массе своей в XVII веке выразители посадско-плебейского и крестьянского протеста против Московского феодально-крепостнического государства, — ценили в особенности, так как именно в них находили ответ на многие волновавшие их вопросы, наталкивались на мысли, во многом соответствующие их собственным убеждениям. Действительно, достаточно сопоставить сочинения Вишенского с писаниями хотя бы того же Аввакума, чтобы убедиться в том, что популярность Вишенского в среде старообрядцев была не случайной, а опиралась на глубокое сочувствие многим его идеям, его настроениям, его миропониманию.

„Помните ли вы, как Мелхиседек жил в чащине леса того, в горе сей Фаворстей, семь лет ядый вершине древес, и вместо пития росу лизаше? — совсем в манере Вишенского допрашивал Аввакум современных ему князей господствующей церкви в беседе седьмой — „О старолюбцах и новолюбцах“. — „Прямой был священник, не искал ренских, и романей, и водок, и вин процеженных, пива с кордомоном, и медов малиновых и вишневых, и белых всяких крепких. Друг мой, Иларийон архиепискуп Рязанской! Видиши ли, как Мелхиседек жил. На вороных и в каретах не тешился езда. Да еще был и царские породы. А ты кто? Воспомяни о себе, Яковлевич, попенок! В карету сядет, растопырится, что пузырь на воде, сидя в карете на подушки, расчесав волосы, что девка, да едет, выставя рожу на площади, чтобы черницы-ворухинянки любили. Ох, ох, бедной! Некому по тебе плакать...“.³

„Все христиане от апостол и отец святых научени быша смирению, и кротости, и любви нелицемерной, — читаем в пятой беседе Аввакума — „О внешней мудрости“, — с верою непорочно, и постом, и со смиренною мудростию, живуще в трезвости, достигают не мудрости внешней, — поразумевати и луннаго течения, — но на самое небо восходят смирением ко престолу царя славы и со ангелы сподобляются славити

¹ Памятники истории старообрядчества XVII в., вып. 1. Русская историческая библиотека, т. XXXIX, Л., 1927, стр. 910.

² Там же, стр. 867—868.

³ Там же, стр. 303—304; ср. стр. 280—281, 335.

бога... Алманашиники, и звездочетцы, и вси зодейщики познали бога внешнею хитростию, и не яко бога почтоша и прославиша, но осуетишася своими умышленными... Платон и Пифагор, Аристотель и Диоген, Иппократ и Галин— вси сии мудри быша и во ад угодиша... взимахуся... выше облак,— слово в слово, яко и сатана древле. Сего ради отверже их бог: благоизволил буйством апостольским спасти хотящих наследовати спасение...¹

Доказывая боярыне Ф. П. Морозовой равенство всех людей перед богом, Аввакум приводил те же доводы, что и Вишенский: „Али ты нас тем лутчи, что боярыня? Да одинако нам бог распростре небо, еще же луна и солнце всем сияет равно, такожде земля, и воды, и вся прозябающая по повелению владычно служат тебе не болши и мне не менши“.²

„В нынешнее настоящее, огнепальное, время со исповеданием и со прощением, друг ко другу, тела и крови причащайтесь“, — писал Аввакум в Москву „всем горемыкам“; перспектива остаться „без попов“ не смущала Аввакума, как не пугала она и Вишенского: „аще нужда привлечет“, лучше, по мнению Аввакума, „исповедатися искусному простолудину, нежели невежди попу, паче же и еретику“.³

Вишенский полагал, что есть только один путь „спасения“: безоговорочный отказ от всех радостей и утех жизни, бегство из этого мира зла и несправедливости; того же мнения держались и Аввакум и другие расколоучители. „Един бысть православный царь на земли, — писал инок Авраамий „христолюбцу некоему“, — и того, не внимающего себе, увы, западни еретицы, яко облацы темнии нашедше, угасили христианское солнце российское, и свели во тьму многия прелести, и погрузили до конца, да не возникнет на истинный свой первый свет правды. О, горе бысть сие, возлюбленнии! Не явно ли антихристова личина показывает свою прелесть? Да внимаем себе, сиречь отсюду обзираем и с нечестивыми не мешаем себе, путь бо нечестивых погибнет, — и развращеннаго их учения не послушаем, да не осудимся вечно от Христа и святых его со отступниками и еретики, — но бегаем от них и скроем главу свою Христа, да не разлучимся с ним во веки веком...“.⁴

2

Не меньший интерес со стороны русских читателей XVII века вызвала к себе и другая распространенная отрасль украинской литературы конца XVI—начала XVII века — виршевая поэзия.

С образцами ее систематически знакомила русского читателя украинская печатная книга. Как известно, уже с 1581 года (см. острожскую Библию) на Украине утвердился обычай украшать книгу — в начале, а иногда и в конце — разного рода стихотворными посвящениями, приветствиями, предисловиями и пр.⁵ Есть основание думать, что этот стихотворный орнамент книг „литовской“ печати и явился в начале XVII века одним из проводников стихотворной культуры в Московской Руси. Показательно, что характер именно такого стихотвор-

¹ Там же, стр. 287—290.

² Там же, стр. 917; ср. стр. 402.

³ Там же, стр. 421; ср. стр. 831, 939.

⁴ Я. Барсков. Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912, стр. 162.

⁵ См.: Хв. Тітов. Матеріали для історії книжної справи на Україні в XVI—XVIII вв. Київ, 1924, стр. 85, 94, 103, 133—134 и сл.

ного орнамента — в данном случае стихотворного послесловия к книге — носит один из наиболее ранних памятников русской виршевой (досилабической) поэзии — вирши, которыми заканчивается, в обеих редакциях, известная „Повесть“ князя И. М. Катырева-Ростовского. Эти вирши¹ (последние из них так и называются — „Начало виршем Мятжежным вешем...“) с аналогичными украинскими сближаются не только по жанру, по занимаемому ими месту в книге, но, — на это указал уже Н. К. Гудзий,² — и по языку.

Очень рано, не позже 20-х годов XVII века, стали проникать в Московскую Русь, наряду с виршами орнаментального назначения украинских печатных книг, и широко распространенные на Украине в конце XVI — начале XVII века вирши полемические, направленные против разного рода „еретиков“ и, в частности, против римско-католической церкви. Во всяком случае вирши этого типа были хорошо известны другому пионеру русской виршевой поэзии начала XVII века князю И. А. Хворостину, автору „Изложения на еретики и злохулники“ — обширного стихотворного трактата, направленного против латинян. Убеденный „западник“ по умонастроению, за свое неумеренное „западничество“ два раза поплатившийся ссылкой в монастырь на покаяние, И. А. Хворостинин написал это свое „Изложение“ (1300 стихов, связанных „двоестрочным согласием“, т. е. парными рифмами) около 1625 года, незадолго до смерти, видимо с целью снять с себя обвинения в пристрастии к „еретикам“ — латинянам. И по содержанию и по композиции (чередование стихотворений, из которых каждое представляет собою замкнутое целое и носит особое заглавие: „О лъжепастырях“, „О латыньской гордости“ и т. п.) стихотворный полемический трактат И. А. Хворостинина³ близко напоминает аналогичные украинские вирши, тоже направленные против латинян, — Загоровского сборника первой половины XVII века.⁴ Прямую связь виршей Хворостинина с этими или им подобными виршами выдают и нередко встречающиеся в его „Изложении“ украинизмы: „иже прегордому папе негоддует“ (стр. 55); „и не любит Христос, где мерзости згода“ (стр. 57); „таковыи себе мучению вдавають“ (стр. 58); „приняти частую оферу“ (стр. 72); „земная оздоба“ (стр. 73); „виждь заходныя церкви уставы“ (стр. 77) и пр., а также характерные украинские рифмы: порфиры — мѣры (стр. 70).

¹ См. „Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени“ (Русская историческая библиотека, т. XIII, вып. 1. Л., 1925, стр. 619, 622—624, 707, 710—712).

² Н. К. Гудзий. Заметки о Повести кн. Ив. Мих. Катырева-Ростовского. Статьи по славянской филологии и русской словесности. Сб. статей в честь акад. А. И. Соболевского. Изд. АН СССР, Л., 1928, стр. 308.

³ См.: Вновь открытые полемические сочинения XVII века против еретиков. Летопись занятий Археографической комиссии, вып. XVIII, СПб., 1907, стр. 40—80.

⁴ См.: А. Добровольский. Загоровский монастырь, его библиотека и сохранившийся в ней западнорусский литературный памятник XVII-го столетия. Вестник юго-западной и западной России, № 8, 1863, стр. 85—107.

Л. С. ШЕПЕЛЕВА

Культурные связи Грузии с Россией в X—XVII веках

В течение столетий грузинский народ вел героическую борьбу за свое существование с жестокими и хищными агрессорами — султанской Турцией и Персией. На всех этапах этой кровопролитной борьбы Грузия искала и находила союзника и покровителя в лице Русского государства.

В начале XVIII века русско-грузинские связи становятся прочными и постоянными. В Москве, Петербурге, Астрахани, на Украине появляются многочисленные грузинские колонии. Русская культура оказывала благотворное воздействие на культуру грузинского народа. С русского языка на грузинский было переведено значительное количество сочинений. Доблестные сыны грузинского народа участвовали в военных походах Петра I и Суворова.

В составе Русского государства Грузия, как и Россия, пережила развитие капитализма. С возникновением рабочего движения в промышленных центрах России развилось рабочее движение и в Грузии, во главе которого встал великий Сталин. Вместе с русским народом грузинский народ совершил пролетарскую революцию и изгнал с территории Грузии иностранных интервентов и предательское меньшевистское правительство. Плечом к плечу с русским народом грузинский народ, как и другие народы многонационального Советского государства, построил социализм. В дружной семье народов Советского Союза грузинский народ, разгромив националистов, борется за победу коммунизма.

Дружба русского и грузинского народов утвердилась не вдруг, она развивалась и укреплялась в течение многих столетий.

Предлагаемая статья представляет попытку объединить разрозненные сведения о раннем периоде русско-грузинских взаимоотношений — до XVIII века.

* * *

Связи грузинского народа с восточными славянами восходят, по-видимому, к глубокой древности. Однако до нас не дошло ни письменных, ни материальных памятников, которые служили бы доказательством существования этих древнейших связей. О том, что они имели место, мы можем лишь предполагать по некоторым косвенным данным.

Возможно, что в деле сближения Руси с Грузией немалая роль принадлежала Тмутараканскому княжеству. О местоположении Тмутаракани существует более или менее согласное мнение ученых. Это — Таманский полуостров с низовьями реки Кубани. Время существования

Тмутараканского княжества точно не установлено. По данным одних авторов, образование Тмутараканского княжества относится к IX веку, по сведениям других, оно появилось около 967 года, когда Святослав, разбив ясов и косогов, т. е. осетин и черкесов, утвердил господство русских на Таманском полуострове. Тмутараканское княжество просуществовало до начала XII века, когда оно пало от нашествия половцев. Последнее упоминание Тмутаракани в русской летописи мы находим под 1094 годом.

В Грузии в это время шел процесс собирания отдельных княжеств, который завершился к концу X века образованием объединенного Абхазо-грузинского царства.

К сожалению, сколько-нибудь определенных сведений относительно взаимоотношений этих двух государственных образований до нас не дошло.

О значительном культурном влиянии Тмутаракани на народы северо-восточного Кавказа свидетельствует тот факт, что в распространении христианства среди черкесов в X—XI веках, наряду с греко-византийской церковью, принимала участие и тмутараканская епархиальная церковь Бориса и Глеба.

У кабардинцев, наряду с греческим, был распространен и русский алфавит (кириллица). Доказательством этому является надпись на русском и на кабардинском языках, сохранившаяся на каменном надгробном кресте, который был найден в конце XVIII века „на пути из Черкасска в Георгиевск, близ Преградной почтовой станции“, как полагают, на северо-восточном рубеже Тмутараканского княжества.¹

Проблема культурных взаимоотношений Руси с христианским Кавказом поставлена Ф. Шмитом в „Заметках о поздневизантийских храмовых росписях“.² Автор предполагает, что Тмутараканское княжество могло быть местом культурного общения Руси с Закавказьем и Передней Азией. Следы этого общения Ф. Шмит усматривает в особенностях сюжетного разрешения росписей в киевском храме св. Софии, Михайловском монастыре, в Кирилловском монастыре и в ряде храмов Киевской Руси XI и XII веков. Эти особенности чужды византийским росписям, но в росписях грузинских церквей они обычны.

Принятие Киевской Русью христианства послужило делу политического и культурного сближения России и Грузии, где еще в IV веке было введено христианство. Принадлежность русского и грузинского народов к одной и той же православной ветви христианской религии имела большое значение для развития тесных взаимоотношений этих двух народов и еще больше укрепила их вековую дружбу. До нас дошли лишь отрывочные и скудные сведения. Составить по ним ясную и полную картину русско-грузинских взаимоотношений в ранний период их истории очень трудно. Прежде всего воспользуемся теми сведениями, которые дают нам памятники исторической литературы: сборник исторических трудов о Грузии — „Картлис цховреба“³ и русские летописи.

В русских летописях страна, населенная грузинами, называется: Грузия, Гурзия или Иверская (Ыверская) земля. Название города

¹ Г. Турчанинов. Эпиграфические заметки. IV. Кабардинская приписка на памятнике славяно-русского письма XI в. из-под села Преградного. Известия Академии Наук СССР, Отд. литературы и языка, т. VII, вып. I, 1948.

² См.: Византийский временник, т. XXII (1915—1916), Пгр., 1916.

³ „Картлис цховреба“ — „Жизнь Грузии“.

Тбилиси встречается в форме „Тэфлизий“. Название грузинского народа также варьируется: грузи, гурэи, иверы, обезы.¹

Патриаршая, или Никоновская, летопись, Типографская летопись и ряд других летописей под 6662 (1154) годом сообщают известие о женитьбе киевского князя Изяслава Мстиславича, внука Мономаха, на абхазской княжне. „В лето 6662 женися Изяслав друоугою женою, привед ю из Обез“.² Судя по времени этой женитьбы, большинство исследователей считают, что абхазская княжна была грузинская царевна, сестра Георгия III, отца Тамары.³ Этот первый факт установления прямых родственных отношений между князьями Киевской Руси и Грузией отмечен в „Истории государства Российского“ Н. А. Карамзина.

В труде Базили, (историка Тамары) „Картлис цховреба“, который был найден в 1923 году И. А. Джавахишвили, содержится довольно подробное изложение истории отношений царицы Тамары с русским князем Георгием (Юрием) Суздальским, сыном великого князя Андрея Боголюбского.

Рост производительных сил вызвал к жизни сильное стремление к объединению Грузии в единое государство (X век). Цари-объединители встречали ожесточенное сопротивление феодалов. Мы имеем в виду деятельность таких царей, как Баграт III (975—1014), Давид IV Строитель (1089—1125), Георгий III (1156—1184).

В царствование Тамары (1184—1213) феодальная Грузия достигает наибольшего политического и культурного расцвета. Территория ее простирается от Черного моря до Каспийского. Налаживаются оживленные торговые связи, растут города, ведутся большие строительные работы. Выдвигается целая плеяда талантливых поэтов и историков, среди которых автор бессмертной поэмы „Витязь в тигровой шкуре“ Руставели.

Выбор жениха для царицы Тамары не был случайным. Здесь был налицо определенный государственный расчет, связанный со стремлениями укрепить политическое и культурное сближение Грузии и русских княжеств. Свадьба состоялась в 1185 году.

Броссе, ссылаясь на грузинские исторические источники, рассказывает об участии русского князя в военных походах грузин, в которых он отличился мужеством и полководческим талантом.⁴ Наряду с этим грузинские летописи отмечают, что с течением времени нрав его настолько испортился, что Тамара по воле Царского Совета вынуждена была выслать своего мужа за пределы Грузии, в Византию. Георгий не примирился со своим положением и вскоре, воспользовавшись поддержкой византийского императора и части крупнейших гру-

¹ Обезы — это собственно абхазы; грузин называли иногда обезами, так как Грузинское царство в X—XI веках называлось Абхазским (по происхождению царской династии).

² Полное собрание русских летописей (ПСРА), т. XXIV. Типографская летопись. Пгр., 1921, стр. 77. — Также см.: Патриаршая, или Никоновская, летопись, там же, т. IX, СПб., 1862, стр. 198; Московский летописный свод конца XV в., т. 25, М.—Л., 1949, стр. 58.

³ М. Броссе. Взгляд на историю и литературу Грузии. Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП), ч. XIX, 1838, стр. 290; — С. А. Белокуров. Сношения России с Кавказом. Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете (Чтения), кн. III, 1888, стр. V; — М. Г. Джанашивили. К материалам по истории и древностям Грузии и России. Тифлис, 1912, стр. 17—18.

⁴ М. Броссе. Взгляд на историю и литературу Грузии. ЖМНП, ч. XIX, 1838, стр. 294—298.

зинских феодалов, занял большую часть западной Грузии и объявил себя царем. Однако побежденный войсками Тамары, он был вновь удален из Грузии. В 1193 году Георгий еще раз попробовал вернуть себе власть, но и на этот раз его попытка не удалась. После этого грузинские летописи уже не упоминают его имени.

Весьма сомнительными представляются нам сведения историков о порочном нраве Георгия (Юрия). Дело, повидимому, обстояло следующим образом. После смерти царя Георгия III (1184) на престол взошла коронованная еще при жизни отца его дочь Тамара. Грузинские феодалы решили воспользоваться случаем и подняли вопрос о законности ее власти. В дальнейшем они неоднократно выступали против самодержавной власти, стремились всячески ограничить права царя. Когда в дарбази был поставлен вопрос о выборе жениха для царицы Тамары, феодальная аристократия предложила Георгия (Юрия) Суздальского. Несмотря на нежелание царицы, дарбази настаивало на своей кандидатуре.

„Собрались перед царицей Русуданой патриарх и дидебулы, спасеты и эриставы, дали знать Тамаре, приглашали ее соединиться брачными узами, торопя ее в этом.

„А она отвечала: «Как можно сделать такой необдуманный шаг? Мы не знаем ни о поведении этого чужеродного человека, ни об его делах, ни об его воинской доблести, ни об его природе и ни о нравах. Дайте мне переждать, пока не увидите достоинства или недостатки его».

„Но они оказывали ей сопротивление, говорили о бездетности, сокрушались по поводу бесплодия ее дома, требовали себе предводителя войск и всячески стесняли ей душу... После многих пререканий и помимо ее воли справили свадьбу“.¹

Чем же мотивировало дарбази свое решение пригласить русского князя? Во-первых, тем, что русские, как и грузины, были христиане православного толка, во-вторых, русский князь был „лицом родовитым, сильней всех царей той страны“.² Помимо этого, причиной, побудившей дарбази сделать такой выбор, являлось, повидимому, и желание иметь в качестве мужа Тамары человека властолюбивого и умеющего править, но вместе с тем зависимого от них. Таким человеком был русский князь Георгий (Юрий), который в это время находился на северном Кавказе в изгнании и не мог опереться на свои родственные связи; в стране он был бы чужим, не зная ни ее обычаев, ни языка.

В своей борьбе против Тамары Георгий опирался на крупных феодалов, недовольных самодержавной царской властью. Таким образом Георгий возглавил реакционные силы, противодействовавшие процессу централизации царской власти. Феодалы потерпели поражение, и Георгий был изгнан. Но борьба была нелегкой и в ходе ее сторонникам Тамары необходимо было выдвинуть убедительные доказательства в пользу того, что правда на стороне Тамары, а не на стороне ее супруга.

В русских летописях имя Георгия (Юрия) Суздальского, сына Андрея Боголюбского, встречается неоднократно. Например, под 6682 (1174) годом Львовская летопись сообщает нам: „Выбежа Рюрик от

¹ Б а с и л и. Цит. по кн.: В. Д. Дондуа. Басили, историк царицы Тамары. Сборник „Памятники эпохи Руставели“. Государственный Эрмитаж. Л., 1938. стр. 44—45.

² Там же, стр. 44.

Новгорода; потом Новгородцы послаша ко Ондрею, и да им сына своего Юрья, и прияша его с честью“.¹

После смерти отца в 1175 году Юрий Андреевич вынужден был оставить Новгород и отправиться на северный Кавказ к полководцам ханам, где и пробыл до 1185 года, т. е. до года женитьбы на Тамаре.

В X—XI веках культурная жизнь Грузии была сосредоточена главным образом в монастырях, которых довольно много было как в самой Грузии (например Шатбердский, Пархальский), так и за ее пределами (в Палестине, на Афонской и Синайской горах, в древней Болгарии и т. д.).

Иверский грузинский монастырь в Иерусалиме был известен игумену Даниилу, в начале XII века описавшему свое путешествие в Палестину.² Монастыри являлись важными культурными очагами, где велась интенсивная переводческая деятельность и создавались оригинальные произведения. Так, например, Иоанн Петрици (XI—XII века) перевел на грузинский язык труды Прокла Диадоха, снабдив перевод комментариями, произведения Иосифа Флавия и т. д. Ефрему младшему (XI век), помимо многочисленных переводов, принадлежит оригинальное сочинение „Повесть о причине обращения Грузии и о том, в каких книгах о нем упоминается“ и др. Широко был распространен агиографический жанр, прекрасным образцом которого может служить „Житие Григория Хандзтийского“, написанное в X веке Георгием Мерчули. Особую ценность этому памятнику придает то, что он рисует нам картины не только религиозной жизни страны, но и социально-политической; в сюжет умело включены бытовые подробности.

Большой известностью в Грузии и вне ее пользовался Иверский монастырь на Афоне, основанный в 980 году. В нем подвизалась целая плеяда видных духовных писателей и деятелей грузинской культуры. Среди них особенно прославились Евфимий и Георгий Афонский (X—XI века).

Евфимий положил начало грекофильскому направлению грузинской литературы. Он перевел с греческого двадцать пять произведений философско-религиозного характера. Существует довольно распространенное предположение, что Евфимий перевел с грузинского языка на греческий „Душеполезную историю о Варлааме и Иоасафе“.³ Этот морально-аскетический рассказ индийского происхождения, в его уже греческой версии, пользовался большой популярностью у христианских народов. Русский перевод повести, как полагают, был сделан с греческого языка еще в XI веке, т. е. может быть, при жизни самого Евфимия или вскоре после его смерти.

Второй видный деятель Иверского монастыря, Георгий Афонский, большой знаток языков, перевел с греческого на грузинский „Сказание об осадах Константинополя персами, скифами-русскими (в 626 году) и арабами“. Здесь мы отмечаем сам по себе факт появления такого перевода на грузинский язык, указывающий бесспорно на определен-

¹ ПСРА, т. XX. Львовская летопись. СПб., 1910, стр. 126; см. там же: т. IV, Новгородская четвертая летопись. СПб., 1848, стр. 13.

² Житие и хождение Даниила Русских земли игумена (1106—1108 гг.). Православный Палестинский сборник, т. I, вып. 3, СПб., 1883, стр. 82—83.

³ См.: „Повесть о Варлааме и Иоасафе“. М.—Л., 1947. Введение И. Ю. Крачковского, стр. 10; К. Кекелидзе. Из истории афонской литературной школы. Труды Тбилисского Государственного университета имени И. В. Сталина, VI, стр. 146—151.

ный интерес, пробудившийся среди грузинских культурных деятелей к русским и Руси.¹

Таковы доступные нам факты, по которым мы можем попытаться, правда, с большими пробелами, восстановить картину зарождения и развития русско-грузинских культурных связей в столь отдаленный от нас период истории.

В начале XIII века в центральной Азии образовалось могущественное кочевое государство монголов, которые за сравнительно короткий срок подчинили себе Среднюю Азию, Персию, Кавказ и сопредельные страны. Первое появление монголов в Грузии относится к 1220 году, а уже к 1236 году, после упорных и кровопролитных боев с войсками Чингис-Хана, Грузия подпала под монгольское иго.

Столь же жестокая участь выпала и на долю России. В 1223 году монгольские орды напали на Россию, сметая все на своем пути. Русский летописец, повествуя об этом ужасном событии, не забывает упомянуть и о других народах, в частности о грузинах-обезах, которых с Русью связала общность постигшей судьбы: „В лето 6731 (1223 год, — Л. Ш.), по грехом нашим, приидоша языци незнаеми... зовут же ся Татарове, а ины глаголють Таоурмены, а друзии Печенези... Про сих же слышахом, яко многи страны поплениша: Ясы, обезы и косоги...“² Грузия была подвластна Золотой Орде. Под властью Золотой Орды находилась и Русь. Весьма вероятно предположить, что при дворе правителя Золотой Орды — Джучи, сына Чингис-Хана — русские князья и грузинские правители во время их пребывания в ставке хана должны были встречаться.³

В 1346 году после смерти грузинского царя Георгия Блистательного в Грузии разразилась страшная эпидемия (по всей видимости, чума), унесшая много жизней. Русский летописец был хорошо осведомлен о событиях, происшедших в „восточных странах“. В Патриаршей, или Никоновской, летописи мы читаем: „Того же лета (т. е. в 1346 году) бысть мор силен зело под восточною страню: на Орначи и на Азторокани, и на Сарай, и на Бездежи и на прочих градах стран тех, на христианех, и на Арменех, и на фрязех, и на Черкасах, и на Татарех и на Обязех, и яко не бысть кому погребати их“.⁴

В первой половине XIV века Грузия освобождается от монгольского ига и сбрасывает с себя тяжелое бремя уплаты дани. Происходит восстановление в конце разоренной экономики страны. Экономическому подъему сопутствовало и увеличение политического престижа и значения Грузии в сопредельных странах. Так, например, известно, что египетский султан в знак уважения и дружбы оказывал грузинам большие привилегии и льготы по сравнению с другими христианскими народами в Иерусалиме. В этом отношении известный интерес представляет для нас рассказ „Во Иерусалиме хождение“, помещенный в Патриаршей, или Никоновской, летописи под 1389 годом: „Сице же ми случися видети недостойному и сущим с мною во святем граде Иерусалиме. Есть убо тамо церковь воскресение Христова... тамо

¹ Перевод грузинского текста на русский язык и небольшое предисловие автора помещены в кн.: М. Г. Джанашивили. К материалам по истории и древностям Грузии и России, стр. 105—145. — См. также: В. В. Мавродин. Очерки по истории феодальной Руси. Л., 1949, стр. 13.

² ПСРА, т. XXIV, Прг., 1921, стр. 87.

³ См.: С. А. Белокуров. Сношения России с Кавказом. Чтения, кн. III, 1888, стр. VI—VIII.

⁴ ПСРА, т. X, Патриаршая, или Никоновская, летопись. СПб., 1886, стр. 217.

есть Адамля глава; а служба тамо Гурзійская, Гурзи служат, а за нею Венецыйская служба, Венецы служат... а под Голгофою низу на земли Иверская служба, Ивери служат“.¹

Наконец еще одно сведение о Грузии встречаем мы в русских летописях. Оно касается тех опустошительных завоеваний, которые совершил Тамерлан (Темир-Аскак) в самом конце XIV века. „А се имена тем землям и царством, иже бе попленил Темиръ Аскак и взял за себя: Самархант... Тевлизи, Тевризи, Гурзоустани, Обезии, Гоурзи ...“.²

Свидетельства русских летописей о Грузии представляют большую ценность для истории русско-грузинских взаимоотношений в период монгольского ига. Они позволяют нам высказать предположение, что в этот период не прекращаются совсем, как это принято было полагать, завязавшиеся ранее русско-грузинские связи. Общенье между Русью и Грузией безусловно имело место и в эту эпоху.

С конца XV века устанавливаются уже непосредственные политические сношения Грузии с Русским государством. Так, в 1492 году Кахетинский царь Александр посылает к московскому князю Иоанну III своего посла с просьбой о помощи и покровительстве в борьбе Грузии с окружающими ее мусульманскими странами. Русские летописи относятся к этому факту с должным вниманием и в числе других событий того времени почти всегда помещают сведения о приходе посла из Грузии: „Тое же зимы прииде посол к великому князю из Иверския земли от князя Александра, именем Мурат“.³

К этому времени международная обстановка претерпела сильнейшие изменения. В 1453 году турки-османы захватили Константинополь, столицу Византийской империи. Падение Византии отрицательно сказалось на внутреннем и внешнем положении Грузии. Отныне Грузия граничила не со страной, близкой ей по вере и культуре, а с сильным мусульманским государством, стоящим на низком уровне культурного развития. Появление Турции на исторической арене привело к тому, что, начиная с конца XV века, разгораются постоянные войны между Турцией и ее политической соперницей в Передней Азии, Персией, за преобладание на Кавказе. На несколько веков Грузия делается ареной кровопролитных войн. Все эти обстоятельства губительно сказались на политическом и экономическом состоянии страны, и в начале XVI века под ударами иноземных нашествий она окончательно распалась на три царства — Карталинское, Кахетинское, Имеретинское — и княжество Самцхе-Саатабаго. Теперь, в силу своей разобщенности, Грузия не могла уже противостоять захватчикам, и в 1555 году, по условиям мирного договора между Турцией и Персией, была поделена на сферы влияния: восточная Грузия отошла к Персии, а западная Грузия — к Турции.

В то время как исторические судьбы привели Грузию к полному ослаблению, к потере ею государственной независимости, Московское государство, освободившись от монгольского ига, крепло и набиралось сил. После падения Византии возрастало и международное значение Москвы. Очевидно, что именно на Севере, в Русском государстве, должна была искать Грузия поддержки и покровительства. Этим и объясняется появление грузинских послов в Москве в 1492 году.

¹ ПСРА, т. XI. Пагриаршая, или Никоновская, летопись. СПб., 1897. стр. 104—105.

² Там же, т. XXIV, стр. 161.

³ Там же, т. IV, стр. 160.

„Все это не говорит, однако, еще об установлении уже в XV в. правильных дипломатических взаимоотношений между отдельными политическими образованиями Кавказа и, в частности, между Грузией и Москвою. Такие правильные взаимоотношения устанавливаются только во вторую половину XVI в., после того, как Московское государство вплотную подошло к Кавказу“.¹

Московское государство, завоевывая в XVI веке Поволжье с городами Казань и Астрахань и северные предгорья Кавказа, преследовало определенные политические и экономические цели.² Во-первых, оно хотело обеспечить безопасность своей торговли с Персией от посягательства со стороны турок; во-вторых, укрепляясь на северном Кавказе, Московское государство хотело на первых порах хотя бы парализовать усилия Турции, старавшейся установить свое господство на Кавказе. Для достижения поставленных целей Московское государство ищет себе на Кавказе союзников среди близких ему по вере народов. Оно с готовностью откликается на просьбы грузинских царей Леона и Луарсаба (1557) о покровительстве и помощи. В Кахетию в том же 1557 году был отправлен русский отряд для защиты кахетинских крепостей.

В 1586 году посол грузинского царя Александра пишет государю всея Руси Федору Ивановичу: „...понеже государь наш и земля наша христианская, а от неверных турок в велицей беде и в утесненье, и в том твоя царская воля, как государя нашего и его землю пожалуешь, от таких и неверных богомерских агарян оборониш“.³

На это Федор Иванович велит ответить царю: „И великий государь наш царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии самодержец для крестьянские веры государя вашего Александра князя и всю Иверскую землю в своем царском жалованье и во оборони держати хочет...“. И ниже: „...и город на Терке для тебя и твоей земле обереганья поставить государь велел, — только ныне вскоре тому сstattися не мочно...“.⁴

Московское государство старалось по мере сил и возможности облегчить бедственное положение дружественной страны. В 1601 году царь Борис отправил в Кахетию посольство „с ответом, что он хочет держать царя Александра и Иверскую землю от всех недругов в обереганье и защищенье и дорогу велел очистить через Шевкалскую землю и рать велел послать на Шевкала и Кумыцких князей“.⁵ В 1604 году были снаряжены русские войска, целью которых было завоевание Дагестана и освобождение дороги на Кахетию. В том же году послу Татищеву было поручено „тайное“ дело — сосватать среди грузинских царевичей и царевен дочери царя Бориса жениха, а сыну его невесту.⁶ Как видим, Россия вновь захотела завязать родственные отношения между царскими домами России и Грузии.

Но после 1605 года налажившиеся были связи Московского государства с Грузией прерываются. В Московском государстве начинается

¹ М. Подиевков. Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений. 1615—1640. Тбилиси, 1937, стр. VI.

² Со взятием Казани и Астрахани к Московскому государству перешла такая важная водная магистраль, как река Волга. Это обстоятельство безусловно повлияло на оживление сношений Руси с Кавказом.

³ С. А. Белокуров. Сношения России с Кавказом. Чтения, кн. III, 1888, стр. 12.

⁴ Там же, стр. 13 и 20.

⁵ Там же, стр. CVIII.

⁶ Там же, стр. СІХ.

период „смутного времени“, ознаменованный иностранной интервенцией, борьбой различных клик за царский престол, крестьянской войной. Занятое устройством своих внутренних дел, оно на время оставляет Кавказ.

Как мы уже говорили, историческая обстановка, сложившаяся во второй половине XV века, содействовала политическому и культурному сближению Грузии с Россией. Теперь перейдем непосредственно к рассмотрению первых русско-грузинских литературных связей.¹

В 1380 году под предводительством Дмитрия Донского русские войска разбили монгольские полчища на Куликовом поле. Это был серьезный этап в освобождении Руси от монгольского ига. Победа на Куликовом поле способствовала укреплению власти московского князя и успешному объединению русских княжеств вокруг Москвы в единое централизованное государство. Москва постепенно становилась общерусским политическим и культурным центром. Оживленная литературная деятельность, развернувшаяся в Москве, была тесно связана с политическими устремлениями и интересами своей эпохи.

Определенный интерес представляет для нас сказание о посольстве греческого царя Льва-Василия из цикла сказаний „О Вавилонском царстве“. Древнейшие тексты сказания о Льве-Василии восходят к XV веку.² Главными действующими лицами сказания являются грек, русский и обежанин — абхазец, т. е. представители трех оставшихся независимыми православных стран: Византии, Руси и Грузии. Присутствие в русском сказании обежанина — факт, достойный внимания. Он указывает на то, что на Руси хорошо были осведомлены о том месте, которое в тогдашней международной жизни³ занимала как представительница Грузии одна из наиболее сохранившихся после нашествия Тамерлана ее областей — Абхазия.

Под обежанским языком в этой повести несомненно подразумевается язык грузинский, так как абхазский язык почти до советского времени был языком бесписьменным.⁴

Следующим значительным памятником русско-грузинских литературных связей является „Повесть о грузинской царице Динаре, како победи перского царя“. Повесть сохранилась в большом количестве списков, но все они не древнее XVI века; самый ранний список относится к третьей четверти XVI века. Сопоставление списков между собою, замечает один из исследователей „Повести о Динаре“, приводит

¹ Советская историческая наука уделяет изучению данного вопроса большое внимание. См., например, работы: Н. А. Бердзенишвили. Из истории русско-грузинских взаимоотношений на рубеже XVI—XVII веков. Из истории Грузии XVIII в. Тбилиси, 1944; Я. Цинцадзе. Разыскания о русско-грузинских взаимоотношениях. Тбилиси, 1947.

² Идейный анализ этой повести см. в статье М. О. Скрипиля, помещенной в этом томе.

³ Выше мы уже отметили ряд сведений о Грузии, помещенных в русских летописях. К этому можно еще прибавить интересный рассказ, повествующий о происходившем в Ферраре и во Флоренции (1438—1439) восьмом вселенском соборе, который принял решение о соединении православной церкви с католической. Русский летописец довольно подробно описывает поведение на этом соборе иверского митрополита Григория, который не согласился принять унию и покинул собор (см.: ПСРА, т. VI. Софийская вторая летопись. СПб., 1853, стр. 152, 159).

⁴ У азербайджанского поэта XII века Хакани, писавшего по-персидски, имеется такой байт (двустипшие): „От любви к этой красавице кудрявой, яснолицой стал я жителем Абхазии и заговорил по-грузински“ (А. Н. Болдырев. Два ширванских поэта, Низами и Хакани. Сборник „Памятники эпохи Руставели“, Л., 1938, стр. 137). — Этот байт свидетельствует о широком распространении вне пределов Грузии смещения понятий „абхаз“ и „грузин“.

к мысли, что „повесть известна нам в одной редакции, так как те немногие отличия списков друг от друга, которые были приведены, не носят редакционного характера, а скорее характер механический, не внося изменений в идейный смысл содержания“.¹

Время написания повести и ее автор нам не известны. В связи с тем, что события, изложенные в повести, и имена некоторых действующих лиц явно ведут нас в Грузию, необходимо выяснить вопрос о происхождении этой повести.

Еще М. Броссе высказал мнение о том, что „содержащиеся в этом отрывке сведения о Грузии были, по всей вероятности, сообщены полуучеными грузинами, которые приезжали в Россию после посольства к Иоанну III, — может быть даже греческими монахами, которые долго служили посредниками между обоими народами, пока грузины столь же мало знали по-русски, сколько русские по-грузински. Во всяком случае, чтобы определить время сочинения этого отрывка, не надобно выпускать из виду того обстоятельство, что с 1605 года, когда возвратился Татищев, до 1619 не было посольств из Грузии в Россию“.²

Совсем особую позицию занял в этом вопросе А. И. Соболевский.³ Анализируя словарные особенности текста повести, Соболевский делает вывод, что „Повесть о Динаре“ была переведена на русский с греческого языка, причем в до-монгольский период.⁴ М. Н. Сперанский подробно останавливается на аргументации, которую выдвинул Соболевский в защиту своих положений. Чересчур общий характер рассуждений А. И. Соболевского кажется ему неубедительным и недостаточным.

Однако ни историческая обстановка, которая дана в повести, ни деятельность героини не соответствуют тому, что известно о царице Динаре. Сравнивая известия, имеющиеся в „Картлис Цховреба“ о грузинской царице Тамаре, в частности описание Шамхорской войны, с содержанием „Повести о Динаре“, М. Броссе пришел к убеждению, что в основу русской повести положено описание Шамхорской войны, которую вела царица Тамара в 1195 году. Следовательно, героиней повести является не малоизвестная в истории Грузии царица Динара, а прославленная, знаменитая царица Тамара, которая, как и героиня повести, наследовала престол после смерти своего отца и прославилась свое имя рядом блестящих побед над персами. С этим выводом М. Броссе согласились все дальнейшие исследователи „Повести о Динаре“.

¹ М. Н. Сперанский. „Повесть о Динаре“ в русской письменности. Известия Академии Наук СССР, Отд. русского языка и словесности, т. XXXI, 1926, стр. 67—68.

² М. Броссе. Сведения о грузинской царице Тамаре в древнерусской литературе. (С приложением текста). Ученые записки имп. Академии Наук по I и III отделениям, т. I, СПб., 1853, стр. 489.

³ См. Отчет имп. Общества любителей древней письменности за 1896—1897 гг., СПб., 1898, стр. 28.

⁴ В школьном учебнике „История Грузии“ (ч. I, Тбилиси, 1946. Авторы: Н. Бердзенишвили, И. Джавахишвили и С. Джанашиа) на стр. 237, в разделе „Западноевропейцы о Грузинском средневековом государстве“, мы встречаем следующие строки: „В ту же эпоху в Византии была создана большая поэма в стихах, прославляющая царицу Тамару. Здесь Тамара выступает под именем могущественной иверской царицы Динары, которая, несмотря на все трудности, лично предводительствуя войском, одерживает блестящую победу над «персами», т. е. над ивоверными агрессорами Востока. Впоследствии поэма была переложена по-русски и пользовалась на Руси большой популярностью“. По всей видимости, авторы присоединились к мнению А. И. Соболевского о греческом происхождении „Повести о Динаре“.

В своей работе, посвященной русскому сказанию о Динаре, грузинский ученый Я. Цинцадзе¹ дает обильный материал для обоснования этого положения. Но в вывод М. Броссе он вносит существенную поправку: в основе русского сказания о Динаре лежат не только события Шамхорской войны, но и вся история царствования Тамары, так, как она изложена Васили, историком Тамары.

Превращение Тамары в Динару — не искажение имени, а контаминация.² Автор „Повести о Динаре“ спутал имена двух цариц, о которых ему рассказывали. На факт контаминации указывает то, что отцом героини повести назван царь Александр, тогда как отцом Тамары был Георгий III. Имя Александр скорее всего есть искажение имени отца царицы Динары — Адарнерсе.

„Таким образом, — пишет Сперанский, — ни одно из доказательств, приводимых А. И. Соболевским в пользу переводности и древности «Повести о Динаре» в нашей литературе, не ведет обязательно к положительному в этом направлении решению вопроса о ее происхождении; одно только, что можно сказать с уверенностью, это то, что «Повесть» явилась впервые на русской почве и здесь жила до довольно позднего времени, не получив распространения в иных славянских или иноземных литературах“.³

Если мы отбрасываем вопрос о переводности повести и полагаем, что она появилась впервые на русской почве, то мы обязаны искать ее автора, а также и тот источник, откуда автор мог позаимствовать этот сюжет. Содержание „Повести о Динаре“ убеждает нас в том, что в основу произведения положен какой-то грузинский источник. По этому вопросу нет разных мнений среди исследователей, но когда пытаются уточнить это обстоятельство, то высказываются самые различные соображения. Прежде всего возникает вопрос: о какой грузинской царице идет речь в повествовании? В повести фигурирует царица Динара. В истории Грузии известна царица, носившая такое имя. Она жила в X веке и была женою владетеля Эретии (часть Восточной Грузии). Епископ Кирион счел возможным допустить, что в русской повести упоминается именно эта Динара — царица Эретии.⁴

Чем же объяснить, что имя малоизвестной, местной царицы, вернее — имя жены владетельного князя, проникло в русскую повесть? Попытаемся в этом разобраться.

Как сказано выше, в 1492 году в Москву прибыл посол от Кахетинского царя Александра. После падения Византии Грузия оказалась в окружении мусульманских стран, Персии и Турции, и вела с ними постоянную неравную борьбу за свое существование. Естественно, что она искала помощи и поддержки в близкой ей по вере стране. „Кахетинские цари, — пишет С. Белокуров, — принимали в расчет и дружественные сношения московских великих князей с персидскими шахами... надеясь в будущем на заступничество Московского госу-

¹ Я. Цинцадзе. Труды Тбилисского Государственного университета имени И. В. Сталина, т. X, 1939.

² В Грузии в настоящее время довольно широко распространено женское имя Динара. Это имя вполне самостоятельно, оно ни в коем случае не является видоизменением имени Тамара.

³ М. Н. Сперанский. „Повесть о Динаре“ в русской письменности. Известия Академии Наук СССР, Отд. русского языка и словесности, т. XXXI, 1926, стр. 51.

⁴ Епископ Кирион. Культурная роль Иверии в истории Руси. Тифлис, 1910, стр. 111.

дарства перед шахом за единоверную христианскую страну“.¹ Для этого и прибыл посол в Москву, положив своим приездом начало интенсивным дипломатическим связям между Россией и Грузией.²

Грузинских послов должны были в Москве расспросить о Грузии, о ее отношениях к кызылбашскому (персидскому) шаху и турецкому султану и т. д. В своих ответах грузинские послы, останавливаясь на борьбе Грузии с соседними мусульманскими государствами, старались, как это можно предполагать, подчеркнуть, что Грузия, как и Россия, страна православная.

Приведем несколько отрывков из грамот кахетинского царя Александра.

„Нынеча ж исперва бога да и пречистые да и чесного и животворящего креста любви для нам, хрестьяном, пособляя; да и от их рук хрестьянской род избави государьским милосердием и его жалованьем. Тысяча лет есть, что мы православные хрестьяне есмя да сею землею владеем и царствуем, а в которых всегда те неверные собаки Шевкалские покорени под нашею рукою. И ведомо ж тебе будет, что неверные люди всегда хрестьяном недруги и изменники“.³

„Да здесь от тысячи лет которые храмы запустили и подпис в них попортилась...“.⁴

„А мы надеёмся на Христа, что есмя хрестьяне крещеные, якоже прияхом веру и хрещение от грек в лете 1262-м году“.⁵

Рассказ о том, когда и кем было введено христианство в Грузии, занимал, по всей видимости, значительное место в рассказах послов и в переписке между грузинскими царями и Москвой. Как бы в доказательство нашего предположения, Русский хронограф в редакции 1512 года приводит обстоятельный рассказ о крещении грузин: „О иверех. Во Иверех же жена некая пленена пребываше в посте, исцели отроча болно, а потом царицу положи на оубозей своей постели и здраву сотвори. Царица же нудяше царя, еже церков пленницы сотворити. И не покоряющюся ему, слепотою объят бысть. И пленницею исцелен, и повеле создати церков. И наочи его послати к греческому царю Константину, еже послати ему архиерея. И пришед, всех крести“.⁶

Необходимо отметить, что ранее 1512 года сведений о крещении Грузии в русских летописях мы не нашли. Вероятно, именно этот летописный рассказ имел в виду русский архимандрит Иосиф, бывший

¹ С. А. Белокуров. *Сношения России с Кавказом. Чтения, кн. III, 1888, стр. XXVIII.*

² В рукописном сборнике Государственного Исторического музея „посланий российских митрополитов“ до нас дошел русский перевод грамоты Александра, датированный 91 годом. Как убедительно показал К. В. Базилевич в своей книге „Внешняя политика русского централизованного государства. (Вторая половина XV века)“ (М., 1952, стр. 410—411), грамоту следует отнести не к 1491 году, как это сделала С. А. Белокуров, а скорее к 1483 году (т. е. к 6991 году). Таким образом можно предположить, что установление дипломатических связей Грузии с Москвой имело место еще в 1483 году.

³ Грамота Александра Федору Ивановичу с послами — кн. Капланом, старцем Кириллом и Куршитом (1588—1589 гг.). См.: С. А. Белокуров. *Сношения России с Кавказом, стр. 56.*

⁴ Грамота Александра Федору Ивановичу (1590—1591 гг.). Там же, стр. 225.

⁵ Грамота Александра патриарху Иеву (1590—1591 гг.). Там же, стр. 233. — По всей видимости, цифра 1262 обозначает количество лет, прошедших со дня принятия христианства.

⁶ ПСРА, т. XXII (I), СПб., 1911, стр. 266. — Подробный рассказ об обращении Грузии в христианство приведен в грузинской исторической хронике „Картлис цховреба“. (См.: М. Brosset. *Histoire de la Georgie, t. I. St.-Petersb., 1849, p. 110—114.*)

с посольством кн. Волконского в Грузию в 1637—1640 годах, когда в своей речи, обращенной к грузинскому духовенству, говорил: „И то ведомо от летописных книг, что грузинская земля истари прияла святое крещение, а божественного закона мало видим от вас соблюдаема...“¹

Привлекает внимание следующий интересный факт: в официальной переписке грузинских царей с Москвой неоднократно подчеркивается, что Иверия — это жребий богородицы: „...первопрестолник святых соборных апостольских церквей пресвятая богородица чеснаго и славнога ея Успения Иев, божиею милостию, святейший патриарх царствующаго града Москвы и всея Руси — части и жребия пресвятая и пренепорочныя владычицы наша богородицы: и приснодевы Мария Иверския земли, о святем душе сыну и сослужебнику нашего смирения, пресвященному Николаю митрополиту города Цхета...“²

В „Картлис цховреба“ мы находим подробный рассказ о том, как на долю богородицы выпал жребий проповедывать христианство в Грузии.³

Как это видно из приведенных выше русских сведений о Грузии, в своем изложении истории родной страны грузинские послы опирались на „Картлис цховреба“, где вопросы, связанные с православием в Грузии, излагаются особенно обстоятельно.⁴

Грузинский посол, повествуя о принадлежности своей родины к православию, мог рассказать посольским людям, что в X веке жила в Восточной Грузии царица Динара, которая с помощью своего сына Ишханика обратила еретиков в православие, искоренив ересь в подвластной ей области. Рассказ о ее деятельности также находится на страницах „Картлис цховреба“.⁵ Если бы грузинский посол просто излагал историю Грузии, он вряд ли вспомнил бы о существовании этой царицы. Но она могла понадобиться грузинскому послу для того, чтобы лишний раз подчеркнуть заслуги Грузии в борьбе за православие. Во всяком случае имя этой царицы — Динара — могло запечатлеться в памяти русских, слушавших рассказ грузинского посла.

Всего подробнее должен был останавливаться посол на блистательном царствовании царицы Тамары, когда Грузия, достигнув высшего могущества, вела победоносные войны с врагами христианства. Впоследствии повествование о подвигах царицы Тамары невольно могло слиться в сознании автора повести (или у тех, кто записывал речи послов) с именем царицы Динары. Только таким образом, кажется нам, можно найти объяснение этому загадочному смешению имен в русской повести.

В статейном списке посольства кн. Волконского в Грузию (1637) приводится интересная беседа, которая состоялась между русским архи-

¹ М. Полиевктов. Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений, стр. 403.

² Учительная грамота от святейшего патриарха Иова к иверскому митрополиту со старцем Захеем (1589—1590 гг.) (см.: С. А. Белокуров. Сношения России с Кавказом, стр. 91—92; также см.: М. Полиевктов. Материалы..., стр. 51, 58).

³ M. Brosset. Histoire..., t. I, p. 55.

⁴ Примечательно, что большинство сведений о Грузии, которые мы находим в русских источниках, восходит к „Картлис цховреба“. Так, например, в „Проскинитарии“ Арсения Суханова, бывшего в Грузии в 1640 и 1652 годах, приводится легенда о ризе Христа, перенесенной из Иерусалима в Грузию. „Картлис цховреба“ подробно излагает на своих страницах эту легенду (M. Brosset. Histoire..., t. I, p. 54—55).

⁵ M. Brosset. Histoire..., t. I, p. 279.

мандритом Иосифом и грузинским архиепископом Зеведем. Разговор шел о грузинской царице Тамаре, причем оба собеседника называли ее Динарой.

„И архиепископ сказал: была Динара царевна в Грузех и перского царя победила; тое Динары сын Георгий строил монастырь и в свое имя и церковь святого великомученика Георгия поставил да и сам лежит здесь церкви. И архимарит говорил: пишет в летописцех, что Динара царевна в Грузех царствовала и перского безбожного царя победила и потом царство ее на многа лета была мирно; а того не пишет, что у нее дети были или замужем была. И они долго думав, сказал архиепископ: была де замужем“.¹

Из приведенного разговора видно, что русский архимандрит знает историю царицы Тамары лишь в пределах сведений „Повести о Динаре“. Поэтому его и озадачил рассказ грузинского архиепископа Зеведея о строительной деятельности сына Динары (Тамары) — Георгия. Таким образом мы видим, как сведения русских о Грузии подвергались на месте, т. е. в самой Грузии, проверке и уточнению.

Можно привести еще одно интересное сведение. В 1618 году в Москву прибыло из Грузии посольство игумена Харитона. В изложении устной речи грузинского посла, произнесенной от имени Теймураза, и в русском переводе грамоты Теймураза к русскому царю упоминается царица Динара: „А та земля православная ж крестьянская вера, а по-грузински имя той земле Имерель, а тут лежит Динара царица“.²

„А живет-де ныне государь ево под турским в башачикской земле, а по их по-грузински в имерелской земле, где лежит Динара царица, а царь ныне в той земле по их по-грузински Георга, а по-русски Егорей...“.³

В обоих документах, особенно в последнем, заметно старание дать названия стран и имен, наряду с грузинской, в привычной для русских форме. Этим, вероятно, и объясняется то обстоятельство, что в переписке и в устных беседах грузин с русскими царица Тамара называется Динарой, т. е. в уже привычной для русских форме.

Вопрос о времени написания „Повести о Динаре“ остается открытым. Некоторые исследователи, как Н. К. Гудзий, К. В. Базилевич и другие, считают, что повесть была написана уже в конце XV века. К. В. Базилевич в своей работе⁴ датирует повесть последней четвертью XV века. Он обращает внимание на два обстоятельства: во-первых, на композиционную (а иногда и текстуальную) близость повести с посланием епископа Вассиана Рыло к Ивану III на Угру, написанным в 1480 году, что говорит в пользу русского происхождения повести и за отнесение ее к концу XV века;⁵ во-вторых, на содержание заключительных слов

¹ М. Полиевктов. Материалы... стр. 371—372.

² Там же, стр. 45.

³ Там же, стр. 40.

⁴ К. В. Базилевич. Внешняя политика Русского централизованного государства. (Вторая половина XV века). М., 1952, стр. 412.

⁵ В качестве примера К. В. Базилевич приводит следующее сравнение:

Повесть о царице Динаре
Вспомните, братья, Деворуи Гедеона
со многими людьми Мадиамаля победи:
не господь же ли бог наш и заступница
пречистая богомати поможет нам?

Послание к Ивану III Вассиана Рыло

Яко же се глаголю... и Девору с Вараком и Гедеона трема сты губившаго множество тысяць Медиамлян... и иных многих вставляше им бог и избавляше их от работы иноплеменник, и работаша им иноплеменницы. Ныне же тойже господь.

повести: „Даже и до днесь нераздельно державство Иверьское пребывает“.¹

М. Н. Сперанский и Я. Цинцадзе склонны отнести сочинение повести к середине XVI века, к эпохе царствования Ивана IV, когда идея централизованной царской власти достигает наибольшего развития. К такому выводу их приводит анализ идейной направленности „Повести о Динаре“.

Многочисленность списков „Повести“ подтверждает ее актуальность для своего времени. Интересно, что „Казанский летописец“ вкладывает ссылку на поведение царицы Динары, взятую из повести о ней, в речь Ивана IV, обращенную к войску накануне взятия Казани в 1552 году. Время написания „Казанского летописца“ — примерно 1564—1566 годы. Старейшая редакция из дошедших — 1570—1571 годов. Примечательно, что только в редакции 1584 года появляется эта ссылка из „Повести о Динаре“, в более ранних редакциях она отсутствует.²

Несколько слов относительно авторства повести. М. Н. Сперанский, учитывая идейную направленность повести, а также ее иноземный сюжет, предполагает, что „Повесть могла возникнуть в наиболее образованной тогдашней правительственной среде, не чуждавшейся, как известно, и непосредственного участия в литературе: отсюда «литературный» стиль Повести, показывающий в ее создателе человека, по своему времени литературно образованного и обладающего привычкой обращаться с литературным материалом; может быть, это был какой-нибудь из чиновников посольской избы, которому в силу его занятий приходилось иметь дело с приходившими в Москву грузинами, который, быть может, даже знал и по-грузински. Так, приблизительно можно представить себе происхождение у нас «Повести о Динаре»“.³

Мы склонны думать, что автор повести должен был принадлежать к тому кругу образованных книжников, писателей и публицистов, которых объединил вокруг себя митрополит Макарий.

„Это была своеобразная академия XVI в., — пишет И. У. Будовниц, — члены которой были погружены в разнообразные научные и литературные занятия. Они писали жития святых, составляли капитальные научные труды, занимались живописью, разрабатывали социально-политические проблемы“.⁴

Но убедительность этого сравнения пропадает, если мы обратимся к Василию: „Явилась и Тамара. Узрела их (т. е. воинов). Она тоже оставалась несколько дней, чтобы принять участие в молебствиях. Потом сказала им: «Братья мои, пусть не затрепещут от страха сердца ваши, если их такое множество, а вас — мало, потому что с нами бог. Вам приходилось слышать о Гедеоне и о трехстах его воинах и о бесчисленном множестве мадиамитян, им истребленных. . .»“ (см.: В. Д. Дондуа. Василий, историк царицы Тамары, стр. 51).

¹ Этот довод не кажется нам очень убедительным. Во-первых, распад Грузии был длительным процессом, который воспринимался современниками как временные распри между наследниками. Окончательно Грузия распалась к началу XVI века. Во-вторых, послы Александра безусловно должны были стараться представить своего царя правителем всей Грузии; в русской летописи нет указаний на то, что Александр является местным правителем („Тое же зимы прииде посол к великому князю из Иверския земли от князя Александра, именем Мурат“). В-третьих, после посольства 1492 года никаких сношений с Грузией, по видимому, не было. В-четвертых, автор „Повести о Динаре“ старался провести определенную тенденцию. Для того чтобы представить централизованное государство долговечным и неизбежным, он мог и поступиться исторической правдой.

² Этим сведением мы обязаны Г. Н. Моисеевой, автору кандидатской диссертации о „Казанском летописце“.

³ М. Н. Сперанский. „Повесть о Динаре“ в русской письменности, стр. 83.

⁴ И. У. Будовниц. Русская публицистика XVI века. М.—Л., 1947, стр. 194.

Члены этого кружка и сам Макарий всецело были на стороне укрепления власти московского государя и поддерживали его восточную политику. Митрополит Макарий написал, например, много посланий, связанных с казанским походом Ивана IV, в которых он воодушевлял войска и восхвалял подвиг государя. Вполне допустимо предположить, что „Повесть о Динаре“ была написана кем-либо из членов этого кружка, стоявшего близко к правительственным кругам. Идейная направленность „Повести“ является лучшим доказательством этого предположения.

В заключение обзора „Повести о Динаре“ можно добавить, что она, по всей вероятности, была сочинена на основании записей, сделанных со слов грузинских послов. Некоторые подробности, сохраненные текстом повести, несомненно говорят о том, что рассказы послов записывались. Между записью и ее литературной обработкой мог иметь место значительный промежуток времени.

Таким образом предположение, что „повесть“ написана в середине XVI века, не менее правдоподобно, чем отнесение ее к последней четверти XV века.

К XVI веку в Передней Азии усиливаются две мусульманские державы: Турция и Персия. Между ними начинается долгая и упорная борьба за преобладание на Кавказе. Грузинские цари (имеретинский, карталинский, кахетинский) номинально продолжали управлять страной, но находились в полной зависимости от персидского шаха и турецкого султана. При малейшем неподчинении царя в его владения вторгались персидские или турецкие войска, а сам он заменялся новым ставленником.

Как Турция, так и Персия в своем стремлении к господству проводили самую чудовищную политику угнетения и насилия над грузинским народом, создавая этим угрозу самому существованию народа. Неоднократно вспыхивали в Грузии национально-освободительные восстания против иноземных завоевателей, но все они жестоко подавлялись. 1616 год принес огромные бедствия грузинскому народу. Полчища персидского шаха Абасса вторглись в Кахетию. Они безжалостно уничтожали на своем пути население, дома, виноградники, памятники культуры. 150 тысяч грузин было насильно переселено в Персию.

Такие же, если не худшие, испытания выпали на долю и Западной Грузии, оказавшейся под властью турок. Страна была обложена данью, которая год от года возрастала. Чрезвычайно тяжелое положение трудового народа становилось невыносимым в связи с укоренившейся в стране продажей крестьян в рабство. Рынки Передней Азии были полны рабами из Западной Грузии.

Антиохийский патриарх Макарий, посетивший Грузию в 1655 и в 1666 годах (по пути в Москву), с возмущением писал об огромном количестве случаев продажи христиан в плен.¹

Кахетинский царь Теймураз I в беседе с русским послом кн. Мышецким с горечью говорил ему: „Да он же (дадьянский князь, — Л. Ш.) продает бусурманам на всякий год по десяти и по пятнадцати тысяч человек робят христианских детей, да к турецкому султану и к везиру посылает в поминках по сту по двадцати человек робят же и дает турецкому царю с себя дань“.²

¹ П. Жузе. Грузия в 17 столетии по изображению патриарха Макария. Казань, 1905.

² Посольство князя Мышецкого и дьяка Ключарева в Кахетию. 1640—1643. Документы издад и введением снабдил М. Полиевктов. Тифлис, 1928, стр. 37.

Академики С. Джанашия и Н. Бердзенишвили в статье „О наших законных требованиях к Турции“ писали в 1945 году: „Много завоевателей видела Грузия. Турки по праву заслужили звание наихудших из них. Только смерть, разрушение и одичание приносили они всюду, куда ни появлялись. Развитая материальная культура в захваченных грузинских областях была поставлена на несколько ступеней ниже. Городская жизнь полностью заглохла там, где раньше она была ключом. Исчезли интенсивные сельскохозяйственные культуры — виноделие, шелководство. Обнищало население. Самому зверскому, бесчеловечному гонению была подвергнута святая святых грузинского народа — его язык, его законы и традиции, культура и вера отцов. Огнем и мечом насаждались турецкий язык и ислам“.¹

Лишенная возможности противостоять агрессивной силе Турции и Персии, разоренная в экономическом отношении и разобщенная политически, Грузия, естественно, пытается найти помощь и спасение у своего северного соседа — России. В 1615 году, по инициативе Теймураза I, было отправлено в Москву посольство от всех шести грузинских царств и княжеств. Посольства в Москву были отправлены также в 1618 и 1623 годах.

Московское государство охотно принимало грузинских послов, обещало Грузии свое заступничество и покровительство. Конечно, Московское государство руководилось при этом не только желанием помочь единой стране в борьбе против мусульманских государств, но и своими политическими и экономическими расчетами относительно Кавказа. Оказать Грузии военную поддержку Москва была не в силах, но она брала на себя заступничество за Грузию перед шахом. Кроме того, московское правительство послало Теймуразу 20000 ефимков² и большое количество собольих мехов. Русские послы говорили Теймуразу I: „...как ты, Теймураз царь, начальное дело совершишь, царскому величеству и его царским детям крест поцелуешь и сыну своему и ближним людям поцеловати велишь, а то тебе будет надобно, чтоб шах земли твоей не разорял, и царское величество о тебе, Теймуразе царе, к шаху отпишет, чтоб шах, для его государевы дружбы и любви, и ведая, что ты, Теймураз, в его царском повеленье учинился под его царскою высокою рукою в холопстве, не наступал и войны и тесноты не чинил...“.³

Известно, что Московское государство в своих переговорах с Персией выполнило это свое обещание. Сложившаяся таким образом политическая обстановка приводит к оживлению русско-грузинских связей. XVII век ознаменован рядом посольств, направлявшихся из Грузии в Москву, и ответными посольствами Московского государства.

Перед московскими послами были поставлены большие и серьезные задачи: во-первых, установить прочные политические связи с Грузией, стараясь склонить грузинских государей к присяге на верность русскому царю, который в свою очередь в жалованной грамоте обязывался держать Грузию „в обороне и защищенье“ от посягательств Турции и Персии; во-вторых, собрать возможно большее количество самых разно-

¹ С. Джанашия и Н. Бердзенишвили. О наших законных требованиях к Турции. Заря Востока, № 247, 1945.

² Ефимок — древнерусское (до середины XVIII века) название талера (см.: М. Подиевков. Посольство князя Мышецкого... стр. 184).

³ М. Подиевков. Материалы... стр. 311.

образных сведений экономического, политического, географического и культурного характера о странах, входивших в орбиту восточных интересов Московского государства, ибо без такой предварительной информационной подготовки нельзя было и думать о прочном обосновании на Кавказе. Для собирания сведений Московское государство пользовалось всяким удобным случаем. В Посольском приказе в Москве опрашивали людей, приехавших из Закавказья, будь то послы из Грузии или просто лица, прибывшие из тех краев. Была специально разработана техника собирания такого рода сведений. С другой стороны, и для русских послов, отправляющихся в Грузию, составлялась специальная программа — наказ.¹ Таким образом, Москва уже к концу XVII века располагала нужной ей суммой необходимых сведений.

Теперь мы с помощью конкретных примеров, взятых из исторических документов, попытаемся показать, насколько разносторонними и содержательными (обладающими большой познавательной ценностью) были статейные списки русских послов XVII века.

В 1637 году Михаил Федорович отправил в Грузию своих послов — кн. Волконского и дьяка Хватова. Послы пробыли в Грузии довольно долго и за это время успели немало узнать о жизни страны. Из множества сведений и замечаний, рассеянных в их посольских отчетах, мы отметим лишь два, которые представляют известный интерес с точки зрения культурного общения России и Грузии. Так, например, приводится интересное описание тех развлечений, которые видели русские послы при дворе царя Теймураза I: „Да в тот же день, в светлое воскресенье, приготовлены были у царя два скомороха, один с сурнею, а другой з бубном. Да у тое ж кибитки, где у царя стол был, вкопана в землю соха, дерево стоячее сажен шесть вверх, и через то дерево перекинут конат, и концы того коната привязаны у земли крепко. И по тому конату ходил мужик кумычанин и сверху вниз и ногами ухватяся за конат, а сам повиснул и руками плескал. А как по конату ходил вверх и вниз, и у него было в руках дерево сажени в полтретьи, а по концам у того дерева навязано песку в дерюгах. И скоморохи играли, и он по конату ходит во весь стол и до вечера“.²

Русских послов интересовали, как мы видим, самые разнообразные стороны жизни страны. Они внимательно приглядываются к народному искусству и столь же внимательно прислушиваются к чуждому им языку, старательно занося в свои статейные списки грузинские слова, которые они, по возможности, тут же истолковывают. Например, рассказывая о желании русского архимандрита Иосифа освятить грузинский храм, пострадавший при нашествии персов, русский посол говорит, что это встретило сильнейший протест со стороны грузинского архиепископа Зеведея, который кричал: „ара, ара (по-русски: не хочу, не хочу)...“.³

В 1640 году Московское государство отправляет в Кахетию новое посольство во главе с кн. Мышецким и дьяком Ключаревым. Послы везли кахетинскому царю Теймуразу I жалованную грамоту от московского царя Михаила Федоровича. В грамоте говорилось, что великий государь Михаил Федорович принимает под свою царскую высокую руку иверского царя Теймураза и его царевича Давида, обещает держать их в „милостивом призренье и в обороне и в защищенье...“.

¹ М. А. Полиевктов. Экономические и политические разведки Московского государства XVII в. на Кавказе. Тифлис, 1932.

² М. Полиевктов. Материалы... , стр. 391.

³ С. А. Белокуров. Сношения России с Кавказом, стр. 143—144 — ара (ара) по-грузински; по-русски значит — нет.

Помимо выполнения официально-дипломатической части своей миссии, посольство должно было внести и определенный вклад в дело изучения Грузии в экономическом, политическом и культурном отношениях. С этой целью для кн. Мышецкого и дьяка Ключарева был составлен специальный наказ: „Да и того князю Еуфиму и дьяку Ивану розсмотреть в грузинской земле и роспросить про все и разведывать всякими мерами подлинно, какова и сколь пространна грузинская земля и на скольких верстах и сколь людна. И каковы люди и любят ли Теймураза царя и сына ево царевича Давида и впредь их себе прочат ли. И чем та земля изобильна, какой в ней хлеб родитца, и какие в ней узорочья живут, и в какову цену что продают или купят. И Картадея ныне за Теймуразом ли царем или за шахом, и будет за шахом, кто ею по шахову приказу владеет. И впредь того чаять ли, что тое Картадею шах Теймуразу царю отдаст, или иными какими мерами Теймуразу царю доступити ее мочно, или шах Теймуразу царю не отдаст, и самому Теймуразу царю некоторыми мерами доступити ее не мочно. И не нарушена ль в ней православная христианская вера... А разсмотря и разведав того всего накрепко, написати про то в статейном своем списке подлинно“.¹

Приехав в Грузию, кн. Мышецкий не упускает случая заносить в свой статейный список все, что случилось ему видеть и слышать в Грузии. Русский посол описывает, например, какому унижению подвергался кахетинский царь во время приема персидского посла. Так, в статейном списке читаем: „И посол князь Еуфиму боярину Реваз бею говорил: для чево Теймураз царь и царевич Давид и все вы Теймураза царя ближние люди встречали шахова посла в челмах и в озямах покизылбаски? И боярин Реваз бей послу князю Еуфиму говорил: сами де вы то видите, что мы у кизылбаских людей живем в неволе. Только де нам так не делать, и нам от кизылбаских людей и часу не жить“.²

Такого рода сведения разбросаны по всему статейному списку.

В конце статейного списка кн. Мышецкий составляет нечто вроде отчета, в котором он собирает свои замечания и наблюдения о Грузии воедино и располагает их в определенном порядке.

И по рассмотренью и по разведываньк в грузинской земле князь Еуфима Мышецкого Картадея и Тефлиз за шахом, а владеет Картадеею и Тифлизом по шахову указу тефльской Рустом-хан. И Картадея и Тефлизу шах Теймуразу царю не отдаст, и собою Теймуразу царю грузинскими людьми Картадея и Тафлизу доступити не мочно, потому, что у Теймураза царя ратных людей не много, и земля ево вся запустошена и от кумыцких людей от частых приходов разорена... А жилых мест у Теймураза царя в земле к тефльской и к картадеевской стороне Кизык да Мартакон. А в иных местах деревень мало, и пашни в грузинской земле небольшие... во всей грузинской земле в деревнях всяких пашенных людей с 3000 дворов. И те люди поделены всем, Теймуразу царю и царевичу Давиду и властям и боярину Реваз бею и стольникам и азнаурам всем... А в Егорьевском монастыре Лаверды и в Крыме в Орхангельском монастыре и в иных монастырех и по мирским церквам во всей грузинской земле службы в церквах нигде нет, потому что власти все живут при Теймуразе царя, а по монастырям от кумыцких людей жить не смеют, и жильцов в тех монастырях и пашен никаких нет... А как шах воевал грузинскую землю, и по монастырем и мирским церквам все разорил и роскопал до основания. И дома бывали встарь, полаты каменные и те дома по тому ж разорены до основания, что отнюдь поделати их не мочно. И Теймураз царь живет, перезжая по деревням и по пустым местам, а в одном месте не живет. И станы ему ставят подле лесу, потому что у него безлюдно... И по смете все грузинские земли вдоль, от базару Зегеми

¹ М. Полиевктов. Посольство князя Мышецкого... , стр. 45.

² Там же, стр. 147.

до Аристопова владенья, верстах на 200. А поперег, от Шонты от кизылбаские стороны до кумыджких гор, долу ровного места верст з 20, в иных местех мало болши. Да от Шонты ж до Мартакопи, Теймураза же царя владенья, верст с 50, а от Мартакопи до Тефлизу верст с 7. А городов никаких в грузинской земле нет. А которые малые городки в грузинской земле встарь бывали, и как шах воевал грузинскую землю, и те городки шах разорил и розбил до подошвы. . . А земля в Грузех пахотная середняя, супесок; от пустоты поросла вся лесом. А хлеб сеют пшеницу, ячмен, чечевицу, боб. А пахут плугом на быках. А земля хлеб родит средней. А в какову цену что купят, того не ведомо, потому что в грузинской земле базаров и съезжих ярмонок нигде нет, и ничего не продают. И в деревнях своего и конского корму и овощу никакова купить не добыли. А овощь родитца в Грузех: яблоки, дули, армуды, нары, виноград, изюм. . . А люди в грузинской земле собою добрые есть. А бой у них лучной и копейный, а у пехоты сабли и пищали по-кизылбаски, з жагры.¹ И Теймураза царя и сына его царевича Давида любят и почитают и впреть их прочат. . . А узорочья в грузинской земле никакова не видали, и торговых людей нет. А приезжают к Теймуразу царю из шаховы земли ис Тефлизу и из иных городов арменья с худым товаришком, с киндяки² и кумачи с пестрядью з бязью. . .³

Следует отметить, что в статейном списке кн. Мышецкого очень много места уделяется описанию деятельности русских художников-иконописцев, работавших в Грузии.

Пространный отрывок из отчета кн. Мышецкого служит прекрасным образцом того, какого рода сведения интересовали посольский приказ Московского государства.

Столь же значительным по характеру собранных сведений о Грузии явился и посольство стольника Толочанова к имеретинскому царю Александру в 1650 году. Во время своей поездки по Имеретии послы отмечали количество городов и селений, состояние торговли, сельского хозяйства и военного дела. Ими была составлена роспись городам и монастырям Имеретии.

Заслуживает внимания оставленное русскими послами описание древнего Гелатского монастыря, очень пострадавшего впоследствии от вражеских нашествий.

„Город Галат, каменной, стоит в полугоре, а под ним течет река, имя ей Красная, от города с полверсты. У города двои ворота, на них башни. У одних ворот затворы железные большие, на них чеканено письмо. А сказывал митрополит Захарей, что те ворота привезены из Кизылбаской земли, из города из Дербени в те поры, как ходил воевать Кизылбаскую землю Меретийский царь Давид. . .“⁴

В статейном списке Толочанова мы встречаемся с фактом, на который мы уже обращали внимание, — это внесение в статейный список грузинских слов вместе с их объяснением.

Например: католикос — „по их вместо Патриарха“,
азнауры — „по Русски Дворяне“,
тавады — „по руски Бояре“.

Следует здесь отметить, что немалое количество сведений о Кавказе получали русские и от грузинских послов, приезжавших в Москву. Одним словом, русские посольства XVII века по широте задач, стоявших перед ними, были как бы своеобразными научными экспедициями.

¹ Жагра — трут, палка для фитиля, пальник (М. Полиевктов. Посольство князя Мышецкого. . ., стр. 184).

² Киндяк — набойка, бумажная ткань с набитым однокрасочным рисунком (там же, стр. 185).

³ Там же, стр. 158—161.

⁴ Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию. 1650—1652. Документы издал М. Полиевктов. Тифлис, 1926, стр. 144—145.

Общение между грузинами и русскими шло в XVII веке по разным путям; одним из этих путей было непосредственное знакомство русских с Грузией во время их поездок на Восток по торговым делам или с целью посещения Палестины. В одном из памятников паломнической литературы XVII века — в „Иерусалимском хождении“ купца Василия Гагары 1634 года — сохранился ценный, обильный бытовыми наблюдениями рассказ о Грузии:¹

А полом полде во Иерусалим. А шел на Грузинскую землю на город Тефлиз, а Тефлис город стоит на горе велицей каменной, да в Тефлисе же граде божим изволением есть колодези горячие, а над ними сделаны палаты вельми чудны, а в тех палатах бани, — парятся всякие люди, христиане и неверные; а парятся не вениками, и тех бань ни зную, ни лето не топят, так божим промыслом от воды горячи бани; а трут терщики кисеями мухоярными, а в банях срам закрывают фатами.

А подкопом Тефлиса града взяти никому нельзя; а приступ с одной стороны от Грузинская страны, а с иных стран никак приступати не мочно. А ров обведен круг того Тефлиса не деланой, так бог родил; то сечиваная гора, а глубиюно тот ров 10 сажень, а в нем вода таже горячая, что из бани идет. . . а меж их градов идет река именем Кура скрозь гору каменную, и по обе страны реки Куры города, и всех городов в том граде Тефлисе 4 града, опричь того града, что под землею сделан, а делал его Тифлиской царь Симеон. Да вверх по той же реке Кура, близ Тефлиса за 12 верст, стоит монастырь; а в нем живет Митрополит и Архиепископ, а храм в нем вельми чуден устроен аспидной, — аспид разных цветов; нигде такового строения не видал, что божие милосердие вельми чудно и красно устроено. Да против того монастыря, на другой стране реки Куры, стоит гора вельми высока, облаки от ней сходят; а вверх тое горы храм поставление древних царей Грузинских. Да близ той же реки Куры есть гора каменная велика, а на ней просечены 4 окна большие; а жил-де туг людояд в той горе, а ел тот людояд по человеку на всякий день. Да в той же Грузинской земле есть меж великих гор щели, а в тех щелях заключены звери Гохи и Магохи, заключены железными врата, кои писаны во Апокалипсисе; они выдут при последнем времени. А заключены те звери царем Александром Македонским. А про те щели мне сказывали Грузинский митрополит и архиепископ: ходил-де их Грузинец за зайцы с собакою, и заяц ушел в те щели, и за зайцем забежала собака. И те было звери в той пещере тое собаку из щели начали хватати выбиватца, и от дверей внизу камень отбит, и тое собаку хогели ухвэгити, и собака завищала, и от них ушла, и те звери почали выдиратся; и тот Грузинец подал весть Грузинцом, и пришед тех зверей заклали великим камением. А в прежних годах тех зверей неслышно было, и в двери не талкивалися. . .

Рассказ русского купца Василия Гагары весьма замечателен. В нем мы находим самые разнообразные сведения, говорящие о широком интересе русского человека ко всем сторонам жизни виденной им страны. Здесь и интересные замечания о поразивших его серных банях, и сведения военного характера, и довольно подробное описание местоположения Тбилиси и Мцхета. Мы видим, что Василий Гагара интересуется и местными сказаниями и легендами; это некоторым образом подтверждает наше предположение о том, что обмен устным народным творчеством начался еще и в те времена.

Можно предполагать, что именно в XVII веке создались благоприятные условия для общения не только представителей господствующего класса Русского и Грузинского государств, но и широких масс трудового народа. Из демократических кругов брались разного рода слуги для многолюдных посольств — русских и грузинских; безвестные русские

¹ Текст этого „хождения“, сохранившегося в двух сильно различающихся между собою (именно в части рассказа о Грузии) редакциях, опубликован в следующих изданиях: 1) Православный Палестинский сборник, вып. 33, СПб., 1891; 2) Сказания русского народа, собранные И. Сахаровым, т. II, СПб., 1849; 3) Сборник Российской Публичной библиотеки, вып. 1, Пгр., 1924. Ниже текст цитируется по изданию, опубликованному во „Временнике имп. Московского общества истории и древностей российских“ (кн. 10, 1851, стр. 14—15).

паломники шли на Восток через Грузию; в северных предгорьях Кавказа происходили встречи местного населения с русскими, уходящими за окраины Русского государства от феодально-крепостнического гнета. В такой обстановке возможен был взаимный обмен и произведениями устной народной поэзии. Проф. К. Д. Дондуа в своей неопубликованной работе „Из фольклорных встреч восточных славян и картвелов (К вопросу о сходных сюжетах)“¹ сравнивает ряд русских и белорусских легенд с грузинскими и сванскими. Приведем для примера две легенды — русскую и грузинскую, которые К. Д. Дондуа сопоставил как родственные:

Русская легенда²

Жил одинокий парень. Поехал он пахать, пшеницу сеять... Парень пашет и песни поет. Шли по дороге Илья пророк и Миколай угодник. Илья поинтересовался — почему парень такой веселый. „Что мне не веселиться, — говорит парень, — лошадки ходят, ничего. Мне больше ничего не надо, только бы батюшка Николай угодник пшенички зародил“. Илья рассердился на парня: пшеницу родит он, а не Миколай. Говорит Миколаю: „Я ему пшеницу урожу, по колена будет, а после градом побыю“. Николай приходит к парню и советует продать пшеницу. Тот послушался, продал ее богатому мужику. Прошла неделя, и пшеницу градом побью. Илья думает, что разорил парня. „Да ведь она не того парня: он ее продал. Ты правого разорил“, — говорит Илье Миколай. „Ну, ладно, — отвечает Илья, — у меня от этой градобойной пшеницы он (т. е. пострадавший мужик) двадцать сот нажнет с десятины“. Миколай идет к парню и советует ему купить обратно пшеницу у мужика. „Купил парень пшеницу за десять рублей десятину. Пшеница пошла и пошла, выжал он ее, двадцать сот нажал“. Илья думает: „У кого гродом убил, тому и зародил: он ее выжал совсем“. Когда же узнает от Миколая, что „выжал, да опять тот же, что сеял“, решил уمولоту ему не дать. Миколай и на этот раз перехитрил Илью. Наконец по совету Миколая парень несет два пирога в церковь: один — на голове „батюшке Илье Великому“, другой — „под правой пазухой — Миколаю угоднику“. Парень получает прощение.

Грузинская легенда³

Шли дорогою вместе Иисус Христос, пророк Илья и св. Георгий. Утомленные долгим путешествием, они остановились отдохнуть и, между прочим, пообедать. Около того места, где остановились отдохнуть путешественники, пас стадо овец пастух, к которому они послали пророка Илью выпросить одного барана себе на обед. Илья пошел к пастуху и говорит ему: „Подари мне, добрый пастух, одного барана.“ — „Гони хоть пол-стада, — говорит ему пастух, — но только скажи мне, кто ты такой“. — „Я — пророк Илья: я даю вам хлеб, посылаю на ваши поля дождь и вообще покровительствую крестьянскому труду“, — отвечает Илья. — „Ох! если б я не боялся своего бога, я разбил бы вот этой палкой тебе голову“, — говорит пастух. — „За что ты сердиться на меня?“, — спрашивает Илья. — „А вот за что: засеет несчастная вдова или какой-нибудь другой бедняк полосу земли хлебом, а ты ни с того, ни с сего, посылаешь град именно на их ниву и опустошаешь ее“. Так пророк Илья вернулся с пустыми руками к своим спутникам и передал им разговор, который имел с пастухом. Выслушав Илью, Иисус Христос сам отправился к пастуху просить у него барана. „Гони хоть пол-стада, — говорит ему пастух, — только скажи, кто ты такой“. — „Я господь ваш, творец мира“. — „Ох! если бы я не боялся бога моего, я развозжил бы тебе голову вот этой палкой“, — говорит пастух. — „А что я тебе сделал такое?“, — спрашивает пастуха Иисус Христос. — „А то, что ты губишь молодых людей, между тем, как оставляешь в живых много таких стариков, которым даже надоело жить“, — отвечает пастух. Таким образом вернулся ни с чем и Иисус Христос. Теперь пошел к пастуху св. Георгий. Когда пастух пожелал узнать о личности св. Георгия, то он ответил ему: „Я святой Георгий, которого вы призываете,

¹ Разрешение использовать данные этого исследования в моей работе было дано мне в свое время покойным К. Д. Дондуа, моим руководителем по аспирантуре.

² Д. Н. Садовников. Сказки и предания Самарского края. СПб., 1884, стр. 270—272. (Примечание К. Д. Дондуа).

³ Сборник материалов по описанию местностей и племен Кавказа, вып. XIX, 1894, отд. 2, стр. 152—154.

находясь в нужде; я защищаю вас от злых духов дьяволов и исторгаю вас из рук притеснителей". Выслушав св. Георгия, пастух воскликнул: „Гони все стадо“, — и пал пред ним на колени. После обеда Иисус Христос, отряхнув прах от платья, сказал: „Пусть на этом поле будет отличный урожай, пусть с одного снопа падает по сто коди (коди = трем пудам).

Здесь кончается первая часть сказки (своего рода завязка) и начинается вторая, представляющая собой занимающий нас сюжет:

Св. Георгий передает слова Иисуса Христа пастуху и советует ему вспахать это поле. Пастух так и сделал. Через несколько времени чудным путешественникам пришлось проходить по тому месту, где они недавно обедали и где теперь рос богатый хлеб. Иисус Христос, узнав от св. Георгия, что нива эта принадлежит тому пастуху, который в прошлый раз отказался подарить ему барана, сказал пророку Илье, чтобы он послал на ниву пастуха град и опустошил ее. Св. Георгий немедленно сообщил пастуху об опасности, которая грозит его ниве, и пастух поспешил продать ее одной вдове за два быка. Между тем пошел град и до того опустошил эту ниву вдовы, что от посева не осталось и следа. Когда Иисус Христос узнал о поступке пастуха, то он приказал пророку Илье восстановить на ниве вдовы посев в прежнем состоянии. Не успел еще пророк Илья привести в исполнение приказание Иисуса Христа, а пастух, по внушению св. Георгия, уже купил обратно себе ниву от вдовы. Когда нива была восстановлена пророком Ильей до прежнего состояния, то пастух приступил к уборке с нее хлеба и с каждого снопа поучил по сто коди.

Поражает почти полное совпадение сюжетной линии этих легенд. Однако нет данных для того, чтобы установить, где первоначально сложилась данная легенда и когда она стала достоянием соседнего народа, творчески включившего ее в круг привычных образов и представлений своей национальной народной поэзии.

Как сообщают исторические документы, между Россией и Грузией имела еще одна форма культурного общения. Из статейных списков русских послов, из дипломатической переписки между русским правительством и грузинскими царями мы узнаем, что в Грузии, начиная с 1589 года до середины XVII века, работало десять русских художников-иконописцев.

В научной литературе не раз появлялись отрывочные сведения о московских художниках. Наиболее полные и ценные сведения о них мы находим у М. Полиевктова.¹

В Грузии в результате нашествий персов и турок было разрушено много церквей и других архитектурных памятников. Необходимо было хотя бы частично реставрировать разрушенное. Поэтому грузинские цари в своей переписке с русскими царями неоднократно просили прислать им иконописцев. Первым с такой просьбой обратился кахетинский царь Александр II: „Государству моему, как учинилось во крестьянской вере, тысяча двести шестьдесят лет; и в те времена от разоренья иноверных многие монастыри и храмы порушились, а ныне я то все хочу воздвигнути, их устроить при своем животе, как было преж сего. И о том великому государю приказывал есми с послы своими бити челом, чтоб ко мне прислал иконников...“²

Московские государи были явно заинтересованы в распространении своего влияния на Грузию, и поэтому они с большой готовностью отозвались на эту просьбу. Иконописцев посылали в составе посольств, направлявшихся в Грузию. Так как в Грузии было трудно найти материалы, нужные для иконописания, то из Москвы вместе с мастерами

¹ М. Полиевктон. Новые данные о московских художниках XVI—XVII вв. в Грузии. Тбилиси, 1941.

² С. А. Белокурова. Сношения России с Кавказом, стр. 125.

высылали и краски: „А для иконного писма послано с ними с Москвы красок: 2 фунта вохры цареградские, 10 фунтов вохры неметцкие... 2 фунта киноварю, 5 фунтов лазори цветные“¹ и т. д. вплоть до олифы.

В 1589 году впервые с посольством кн. Звенигородского было послано три иконника—Петр Дермин „с товарищи“ (Иван Тарасьев). В 1591 году было отправлено еще три иконописца: Максим Терентьев Базаров, Юрий Минин и Шигалей Васильев. В 1601 году—два иконописца: Первуша Барышников и Трофим Ларионов. И, наконец, в 1637 году с посольством кн. Волконского было направлено в Грузию два московских художника-иконописца: Семен Остафьев Казанец и Иван Данилов Костромитин. Таким образом в XVI веке было отправлено шесть иконописцев, в XVII веке—четыре.

Русские художники, посылаемые в Грузию, вероятно, были все хорошие мастерами и успешно справлялись с теми работами, какие им поручались. Поэтому неудивительно, что грузинские цари всячески стараются их удержать у себя, не взирая на требования русских послов отпустить мастеров на родину.

Так, в наказе кн. Мышецкому было сказано: „И как они послы, князь Ефим и дьяк Иван Ключарев, от государева дела в Грузех отделеютца, и учнет их грузинской Теймураз царь или сын ево из Грузей отпущать к Государю, и им князю Ефиму и дьяку Ивану, говорить Теймуразу... чтобы он отпустил [иконников], так как у них на Руси остались жены и дети, и совсем разорились без них“.²

Вот ответная грамота царя Теймураза. „И о том бьем челом тебе великому царю, да оставиши их у нас быти, им у нас, в нашей Иверской земле, писати им церкви и иконы...“.³

Где же работали русские художники, и какие работы выполнялись ими? Довольно точный ответ на это дают нам статейные списки русских послов.

Петр Дермин „с товарищи“, прибывшие в Грузию в 1589 году, производили работы главным образом по реставрации монастыря в Алаверды. Русский посол кн. Звенигородский в своей отписке к государю пишет: „А иконников, государь, Посника Дермина с товарищи Олександр царь с нами не отпустил; а пишут, государь, в селе в Тогу в церкви и в Егорьевском монастыре Алаверды стенное писмо и местные образа Деисус и праздники“.⁴

Ценное указание относительно характера работ, производившихся русскими художниками, дает кн. Мышецкий при описании Алавердского монастыря: „А церков великого мученика Георгия писана стенным писмом. Писмо избито ис пицалей и исколото копы... Царские двери невелики. Писмо русское, московских государевых иконников... По правую сторону креста, на особой дке написан образ пречистые богородицы, стоящей лицом ко кресту, а с левою сторону образ Ивана Богослова, лицом ко кресту же. Писмо московских же государевых иконников“.⁵

Встречаются также сведения и о том, что русские художники работали и в Гречи—столице Кахетии. Они расписывали там стены церкви на сюжет библейской притчи о блудном сыне.⁶

¹ М. Полиевктов. Материалы..., стр. 165.

² М. Полиевктов. Посольство князя Мышецкого..., стр. 54.

³ Там же, стр. 88.

⁴ С. А. Белокуров. Сношения России с Кавказом, стр. 124.

⁵ М. Полиевктов. Посольство князя Мышецкого..., стр. 140—141.

⁶ Там же, стр. 156.

О судьбе иконописцев нам мало что известно. Почти все они умерли в Грузии, так и не вернувшись на родину. Известно, что царь Теймураз, чтобы удержать русских художников в Грузии, по женил их и дал на прокорм по крестьянскому двору и землю под пашню. Только одному из русских художников, Семену Остафьеву, приехавшему в Грузию в 1637 году, удалось вернуться на родину.

Ко всему вышесказанному можно добавить еще два интересных факта. Так, имеется сведение, что „28 апреля 1686 года цари Иоанн и Петр Алексеевичи приказали «послать к Меретинскому царю Арчилу Вахтаньевичу для иконного письма иконописца доброго» — Георгия Зиновьева — «из приказа Оружейной Палаты и быти ему у него царя Арчила до их великих государей указу, и для того прислать его в государственный посольский приказ» (столбец 194 года № 616)“.¹

Георгий Зиновьев — крупный художник, занимающий в истории русской живописи весьма почетное место. Он — один из лучших учеников Симона Ушакова. Работы его и сейчас можно видеть в залах Третьяковской галереи („Единородный сын“). В документах бывшей Оружейной палаты за 1667 год впервые упоминается Зиновьев под именем Георгейки Терентьева (т. е. Терентьевича): „31 мая этого года царь Алексей Михайлович указал... взять в Оружейную палату у Гаврила Петрова сына Островского вотчинного крестьянского сына Георгейка Терентьева, который учился писать иконному художеству Оружейные палаты у жалованного иконописца у Симона Ушакова... А иконописец Симон Ушаков сказал, что тот ученик его Георгейка иконное художество святых икон воображение писать искусен и пишет добрым мастерством“ (столбец 176 года, № 24).²

В 1682 году Зиновьева отправляют в г. Батурии к гетману Ивану Самойловичу для писания икон. „9 марта 1683 года Зиновьев, из приказа Малыя России прислан в Оружейную Палату по прежнему“.³

Из приведенного нами выше сведения о посылке Зиновьева к грузинскому царю Арчилу следует, очевидно, что Зиновьева отправляли не в Грузию, а в личное распоряжение царя Арчила, находившегося в это время в Москве. Зиновьев мог работать по заданиям грузинского царя Арчила в течение нескольких месяцев; в январе 1687 года он уже выполнял заказ Константинопольского патриарха. Известные работы Георгия Зиновьева могли оставить след в грузинском искусстве.

Возможно, что в свите Арчила были и художники-грузины. Во всяком случае А. И. Успенский в своем словаре упоминает о живописце Василии Грузинце (или Грузильце): „Грузинец или Грузилецъ Василий, живописец; в 1688 году (в августе) писал в церковь великомученицы Екатерины, во дворце, шкаф большой о 14-ти ящиках выдвигаемых «травы цветные и аспид цветной» (столбец 196 года № 630); в церкви Воскресения Христова, что сверху, писал «трое дверей церковных по обе стороны, сивиллы у одних дверей, по-сторонь ангели господни, поверх дверей — Деисус» (столбец 196 года № 651); такие же двери писал в сентябре этого года в церковь великомученицы Екатерины, во дворце; в той же церкви «и в трапезе серебрил оконные

¹ А. И. Успенский. Царские иконописцы и живописцы XVII в. Словарь. М., 1910, стр. 83.

² Там же, стр. 81.

³ Там же, стр. 82.

решотки» (столбец 197 года № 4, ср. № 22). 14 февраля 1701 года «бывший живописец Оружейной Палаты» Василий Грузилец послан был в Великой Новгород «за ружьем с припасы» (столбец 1701 года, № 131)¹.

Деятельность русских художников в Грузии — явление примечательное. Направлявшиеся в Грузию мастера-иконописцы были представителями московской живописной школы, «откуда вышли отличные мастера по бойкости кисти, отличной тщательности в отделке и выдержке характера лиц»².

Их работы не могли не оказать определенного влияния на развитие грузинского изобразительного искусства.

¹ А. И. Успенский. Царские иконописцы. . . , стр. 64—65.

² В. И. Успенский. Очерки по истории иконописания. СПб., 1899, стр. 11.

К. Н. ГРИГОРЬЯН

Из истории русско-армянских культурных связей X—XVII веков

Начальный период образования русско-армянских культурных связей, частичное отражение которых можно проследить в памятниках письменности, относится к далеким временам.

Армения не была для русских летописцев неведомой страной. Опираясь на византийские источники, в частности на хронику Георгия Амартола, в общем введении Повести временных лет и рассказывая, „откуда пошла Русская земля“, летописцы упоминают „Армению Великую и Малую“¹ в перечислении стран, оказавшихся населенными „Афетовым племенем“.

Встречается также в летописи и упоминание гор Араратских, или Раратских, причем не в качестве туманного обозначения неизвестной далекой страны, а как конкретного географического понятия, как крайнего предела христианского мира. Когда русские летописцы хотели дать представление о больших географических пространствах, они прибегали к образу „гор Араратских“, с которыми связывалось традиционное библейское представление о „всемирном потоке“ и о Ноевом ковчеге, якобы приставшем к Араратской горе. Так, например, в Симеоновской летописи, в „Повести о житии и храбрости благоверного великого князя Александра Ярославича“ (Александра Невского) в той части, где рассказывается о возрастающей его славе, летописец говорит: „Начя же имя слыти великого князя Александра Ярославича по всем странам, от моря Варяжского и до моря Понтеского, и до моря Хупожьского, и до страны Тивирейския, и до гор Араратских, иже об ону страну моря Варяжского, и до гор Аравитских, даже и до Рима великого, распространи бо ся имя его пред тмы тмами, и пред тысящами тысящ“².

Русско-армянские культурные связи начали заметнее развиваться после признания христианства государственной религией Руси и проявились прежде всего в сфере церковной жизни — в организации культа русских святых в Армении и армянских на Руси, в церковном строительстве и т. д.

¹ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), т. I. Лаврентьевская и Троицкая летописи. СПб., 1846, стр. 2; т. V. Софийская первая летопись (выписки из хронографа Георгия Амартола в приложениях). СПб., 1851, стр. 1; т. VII. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. СПб., 1859, стр. 261; т. IX. Летописный сборник, именуемый Патриаршею, или Никоновскою, летописью. СПб., 1862, стр. 2; т. XVIII. Симеоновская летопись. СПб., 1913, стр. 2. — В текстах встречаются и варианты: „Арвинья“, „Армения“.

² ПСРЛ, т. XVIII. Симеоновская летопись. СПб., 1913, стр. 65; т. V, стр. 181, т. VIII, стр. 151; т. XXII, 1914, ч. II, стр. 23.

В Русском хронографе (западнорусской редакции) повествуется о крещении Армении. В основных своих элементах рассказ хронографа совпадает с национальным вариантом армянской исторической литературы, известным по „Истории“ Агафангела: христианский проповедник Григорий спокойно и мужественно переносит все страшные истязания и мучения, которым его подвергает армянский языческий царь Трдат. Наконец, по повелению царя, Григорий был брошен в глубокую яму со змеями и скорпионами, чтобы „эти гады съели его“. Пятнадцать лет пробыл Григорий в этой яме. Он питался пищею, доставляемой ему одной вдовой. Божий гнев покарал Трдата, который обратился в дикого кабана. „И великий страх напал на всю армянскую землю“. Тогда открылось „тайное видение“ сестре Трдата Хосровадухт. Григорий был извлечен из ямы. По его молитвам царь снова принял человеческий образ. Трдат принял христианство, и вместе с ним „была озарена светом“ и вся Армения. Русский хронограф кратко, но точно излагает содержание национальной версии об обращении в христианство Армении.¹ Это же предание с незначительными вариантами повторяется и в одном официальном документе Московской Руси 1447 года.²

Крещение Армении произошло в конце III века. По традиционной версии, царь Трдат III (287—332) и его приближенные приняли новую веру от первого католика армянской церкви Григория Просветителя, по имени которого она именуется григорианской. С этого времени христианство стало в Армении государственной религией.

Имя Григория, епископа „Великия Армении“, в древней Руси пользовалось большим уважением. Русские летописцы, которые всегда с осуждением, вызываемым требованиями официальной православной идеологии, говорят об „армянской ереси“,³ окружают ореолом величия и славы личность христианского просветителя Армении. Он стоит в первом ряду среди христианских великомучеников,⁴ и имя его упоминается среди участников „Собора первого святых отцов“.⁵ По православному календарю, 30 сентября отмечается память „священномученика Григория, епископа Великия Армении“.⁶ Новгородская третья летопись сообщает: „В лето 6953 архиепископ Емфимий постави церковь каменну святого Григория Великия Армении, у святого Варлаама

¹ „Арменский же царь Тиридат, уведев о своем боярине Григории, сыне Анакове, яко христианин есть, и по многих различных муках во граде Арарате вверже его в ров глубокий, идеже множество змиев и гадов. И соверши тамо 15 лет, питаем женою вдовицею. Царю же Тиридату мучашу христиан, и божим гневом поражен бысть, преложиися в вебрь и пребываше в горах. И всю землю божий гнев различными недуги казняше, дондеже божие видение бысть Кусарадукте, сестре Тиридата царя, повелевая Григория извести из рова. Изшедше же и архиерей поставлен бысть и крести всех. Исцели же и царя и всех стражущих от бесов“ (ПСРА, т. XXII, ч. II, стр. 86—87).

² „Также и Арменский царь Тиридат о загоченьи великого Григория претворен бысть вепрем, и ходи две лете, нечистоту яды; но пакы умолен быв великим Григорием от сестры его, и сотвори его человека, и також покаяся и крестися сам и все царство свое крести“ (Послание российского духовенства углецкому князю Дмитрию Юрьевичу 1447 года, декабря. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею (АИ), т. I. 1334—1598. СПб., 1841, стр. 82).

³ ПСРА, т. IX, стр. 59 (об армянских еретиках), стр. 145—148 (диспут св. Иларiona с армянскими еретиками); т. XVI, стр. 27 (об армянских еретиках); т. XX. Львовская летопись. СПб., 1910, стр. 33 (об „армянской ереси“, в статьях, помещенных перед Львовской летописью).

⁴ ПСРА, т. XX, стр. 27, 213.

⁵ Там же, стр. 29—30.

⁶ А. Д. Ерицов. Первоначальное знакомство армян с северо-восточною Русью до воцарения дома Романовых — в 1613 году. „Кавказский вестник“, № 12, 1901. стр. 49.

на Хутыни в монастыре, а на верху колокольницу¹. В той же летописи упоминается об освящении храма св. Григория „в лето 7043, июня в 15 день“². Софийская летопись сохранила более подробные сведения: „Тое же весны лета 7043, месяца апреля в 11 день, божией милостью, основана бысть церковь каменна святыи Григорей Великия Армении, в святыя обители всемилостивого Спаса и великого чудотворца Варлаама на Хутыне, против южных дверей большия церкви и чудотворцова гроба“³. Таким образом на древней русской земле, в Хутыни, близ Новгорода, была воздвигнута церковь в память „Григория Арменского“.

В церкви Спас-Нередице в Новгороде до недавнего времени сохранялось фресковое изображение Григория Парфянского и св. Рипсимии. „Русская церковь, — пишет проф. Меликсет-Бек, — исходя из традиции времен т. н. «вселенского согласия» в церковной жизни вообще сохранила почитание Григория Парфянского, просветителя Армении, и иже с ним 37 дев (Рипсимии, Гаянии и пр.)“⁴. Еще в 1900-х годах на эти же факты обратил внимание А. Д. Ерицов. Он извлек выписки из „Иконописных подлинников“ новгородской редакции конца XVI века с вариантами из списков Забелина и Филимонова, свидетельствующих о сохранении русской традиционной иконописью обязательных норм изображения Григория Просветителя⁵. В этих правилах написания икон, составленных по месяцеслову, говорится: „В месяце Сентемврие 30 дня празднуется память святого священномученика Григория епископа Великия Армении, бе в лето 5790 (282 г. н. э.), а пишется тако: Подобием рус аки Василий Кесарийский; брада посветлее Васильевы, с проседью; риза святительская богородичь, в омофоре, исподь празелен дымчат, патрахиль вохра блед; власы оброслый; сух же и черен“⁶. Правила иконописания, где давались некоторые общие черты внешнего облика, преследовали прежде всего цель строгого регламентирования работы иконописца, чтобы не допускать отклонения от традиционных норм и условностей. Тем не менее, по этим правилам, как справедливо писал в свое время Ерицов, „художнику пришлось бы изобразить облик армянского просветителя в восточном типе, нисколько не греша ни против национальных преданий армян, ниже против требований исторической точности“⁷.

Из всех этих фактов следует, что русская церковь в течение многих веков не только сохранила память христианского просветителя Армении, но и широко популяризировала его имя.

Армянский писатель XI века Степанос Таронци (Таронский), по прозвищу Асохик, в своей „Всеобщей истории“ упоминает о крещении Руси⁸.

Повествуя о событиях конца X—начала XI века⁹, о смерти „великого куропалата Давида“ в 1000 году и о поездке византийского

¹ ПСРЛ, т. III, стр. 240.

² Там же, стр. 249. — То же самое сообщается в Никоновской летописи (ПСРЛ, т. XIII, стр. 320).

³ ПСРЛ, т. VI, 1853, стр. 296 (отрывок русской летописи г. 7043).

⁴ Л. М. Меликсет-Бек. Древняя Русь и Армения. Сборник трудов Института языка Академии наук Армянской ССР, т. I, Ереван, 1946, стр. 120.

⁵ Сборник на 1873 год, изданный Обществом древнерусского искусства при Московском публичном музее. М., 1873, стр. 6.

⁶ А. Д. Ерицов. Первоначальное знакомство армян..., стр. 50—51.

⁷ Там же.

⁸ Всеобщая история Степаноса Таронского, Асохика по прованию, писателя XI столетия. Переведена с армянского и объяснена Н. Эминим. М., 1864.

⁹ Там же, стр. XII.

царя Василия в восточные области, в Абхазию и Иверию, Асохик упоминает факт выдачи царем Василием своей сестры Анны замуж за „царя Рузов“ Владимира Ярославича. „В это же самое время Рузы уверовали во Христа“.¹ Армянский историк имеет в виду принятие христианства киевским князем Владимиром Святославичем в 988 году. К сожалению, у Асохика не указано точное время, когда христианство стало в России официальной религией. Тем не менее, не лишен интереса сам факт, сообщенный автором „Всеобщей истории“, очевидцем событий конца X—начала XI века.²

Русские летописи дают нам факты и сведения конкретно-исторического характера, касающиеся Армении и армян. Из летописей мы узнаем, что в 1346 году в Армении был страшный мор; умирало столько, что, как говорит летописец, „не бе кому их погребати“.³ Армения упоминается в перечислении стран, покоренных в 1385 году Ленк-Тимуром, или Тамерланом, который в летописях именуется Темир-Аксаком.⁴ Об армянах говорится в связи с шествием Мамая в 1380 году („в лето 6888“).⁵

О встрече с армянами, очевидно торговыми людьми, на Волге во второй половине XIV века повествуют летописные рассказы этого времени.⁶

В Русском хронографе (западнорусской редакции) сохранился рассказ о событиях в Армении I века до н. э. об армяно-римской войне, о победах и поражении Тиграна II Великого, с именем которого связан хотя и недолгий, но блистательный период могущества древнего армянского царства. „Тогда же сечеса Антиох Дионик, царь Сирский, с Тигранисом, царем Арменским. И одоле Тигранис и приять Антиохию. Царю же Антиоху бежавшу в Перскую землю, пришед же Помпий Магн от Рима на Килики и победи их. И бися с Тигранисом, царем Арменским, и победи его и приять Армению и Киликию и Сирию разсыпа, отмстив Антиохию. И вниде во град Антиохию, сотворив я под Римляны. Антиох же Дионик, слышав Арменского царя погибель и Помпиеву победу, пришед от Перския земля, паде пред Помпием, прося у него царства своего. Помпий же, послуша моления его, даде ему царство Сирию и Киликию“.⁷

Автор хронографа в изложении этих событий, по всей вероятности, пользовался византийскими источниками. Он не сообщает ничего нового, не дополняет известные сведения новыми подробностями. Тем не менее, представляет несомненный интерес сам факт, что автор не прошел мимо этих событий и нашел нужным включить их в свое летописание.

¹ Всеобщая история Степаноса Таронского. . . , стр. 200.

² В русской печати об упоминании „Рузов“ во „Всеобщей истории“ Асохика впервые указывалось в корреспонденции студента Московского университета Соломона Тер-Гукасова „Свидетельство восточного писателя о древних Руссах“ (Вестник Европы, 1824, т. 135, № 12, стр. 303—304).

³ ПСРА, т. VII. Летопись по Воскресенскому списку. СПб., 1856, стр. 210; т. X. Никоновская летопись, 1885, стр. 217; т. XVIII, стр. 95; т. XX, стр. 184; т. XXIII. Ермолинская летопись, стр. 108; т. XXV. Московский летописный свод, стр. 175; т. XVI, стр. 95.

⁴ ПСРА, т. VI, стр. 125; т. VIII, стр. 65; т. XI. Никоновская летопись. 1897, стр. 158—159.

⁵ ПСРА, т. IV. Новгородская четвертая летопись. 1915, стр. 311; т. VI, стр. 90 (в прибавлениях); т. VIII, стр. 34; т. XVI, стр. 107; т. XX, стр. 200; т. XXIII, стр. 124—125; т. XXV, стр. 201.

⁶ ПСРА, т. VIII, стр. 14; т. XVIII, стр. 104—105; т. XXV, стр. 183; т. XIII, стр. 386. См. также: Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. V. Изд. 5-е, СПб., гл. I, стр. 6, примеч. 8.

⁷ ПСРА, т. XXII, стр. 36—37.

После принятия христианства Владимиром Святославичем связи армян с Киевским государством становятся более прочными. Не вызывает сомнения факт существования армянских поселений в древней Руси до татарского нашествия. Н. М. Карамзин в „Истории государства Российского“, говоря об инородцах в древнем Киеве, в числе других народов называет и армян.¹

В Киевопечерском патерике, во втором послании „черноризца“ Печерского монастыря Поликарпа к архимандриту Акиндину, рассказывается о враче армянине „родом и верою“, который был так искусен во врачевании, как еще никто не бывал прежде него; только увидит он больного, узнает и объявит ему смерть, назначив день и час, и такого уже не станет лечить. И никогда не изменялось слово его.²

По своему характеру послание Поликарпа примыкает к обычным произведениям религиозно-нравоучительной церковной литературы с ее яркой тенденцией прославления деятелей русской православной веры и „посрамления“ всех „иноверцев“. В этом древнем памятнике русской легендарной литературы, идейные задачи которого достаточно ясны, врач армянин противопоставлен „блаженному Агапиту“, который наделен всеми христианскими добродетелями. Рассказ завершается полным раскаянием „иноверного“ армянина, отказавшегося от армянской веры и перешедшего под сень русской православной церкви: „И постригся этот армянин в Печерском монастыре и тут кончил жизнь свою в добром исповедании“. Этими словами заключает свой нравоучительный рассказ „блаженный Поликарп“.³

Не вдаваясь в подробный разбор Киевопечерского патерика как литературного памятника, отметим только особое значение сообщенных в нем сведений об армянском враче в Киевской Руси XI века. Факт — несомненно интересный с точки зрения истории ранних культурных связей армян с древней Русью. „С точки зрения нашей темы, — пишет проф. Оганесян, — остается интересным лишь факт существования в Киеве очень опытного врача армянина, слава которого была так велика, что к его помощи обращался даже Владимир Мономах“.⁴

Проф. Оганесян, очевидно опираясь на Карамзина,⁵ высказал предположение о том, что упоминаемый в Киевопечерском патерике врач не был одиноким, что в Киеве были и другие врачи (и не только врачи) армяне.⁶

Подвергая некоторому сомнению достоверность сообщенных в Киевопечерском патерике исторических фактов, проф. Оганесян в доказательство „легендарности повествования“ говорит: „В числе прочих также исторически неточный факт, что армянин «родом и верою» в XII веке оказался не христианином и уверовал в Христа лишь после того, как проникся верою в святого Агапита“. То, что армянин „родом и верою“ оказался не христианином, — случай не единичный в памятниках русской древней письменности. Не нужно забывать конкретные

¹ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. III. Изд. 5-е, СПб., 1842, стр. 124.

² Киевопечерский патерик по древним рукописям. В переложении на современный русский язык Марии Викторовой. Киев, 1870, стр. 88—89.

³ Там же, стр. 93.

⁴ Л. А. Оганесян. История медицины в Армении с древнейших времен и до наших дней, ч. II. Изд. АН Арм. ССР, Ереван, 1946, стр. 68.

⁵ „Во времена Мономахова, — пишет Карамзин, — славилась в Киеве армянские врачи“ (История государства Российского, т. III, стр. 130—131).

⁶ Л. А. Оганесян. История медицины в Армении... ч. II, стр. 67.

исторические обстоятельства эпохи, которые наложили известный отпечаток и на идеологию древних русских авторов.

В раннем средневековье борьба русских церковников против всяких иных толкований христианской веры, против „ересей“ и „еретиков“, в том числе и против „армянских ересей и еретиков“, принимала весьма острый характер. Они проявляли особую непримиримость и вражду ко всем, кто оказался вне единой православной церкви. Этим и объясняются такие с первого взгляда курьезы, когда человека „армянской веры“ не признают христианином. Не только в XII—XIII веках, но и значительно позже, в XVII веке, армяны часто и в летописях и в официальных документах называют „иноверцами“.

Однако не следует отождествлять официальную церковную идеологию с действительным отношением русских к армянам. Их часто признавали не христианами, подразумевая, что они не православные, и только. Церковники же на Руси армян считали еретиками, чем и объясняются резкие выпады по адресу армян, которые встречаются в церковно-полемиических документах.

В ожесточенных спорах русские церковники порою прибегали даже к подделке литературных памятников. „Иногда подделка зависела от политических соображений, — писал В. Н. Перетц. — Так возникло при Петре I «Соборное деяние Киевское на армянина еретика Мартина» (1718) — с целью борьбы с старообрядцами; выдававшееся за памятник XII века, оно и по содержанию, и по языку, и по почерку оказалось изделием начала XVIII века“.¹

В атмосфере острой религиозной борьбы весьма интересным фактом является то, что одним из самых ярких приверженцев знаменитого протопопа Аввакума оказался армянский проповедник, „поп из армян“ — Иосиф Истомин, или Астомен. Его мы видим среди активных участников ожесточенной полемики по вопросам веры второй половины XVII века. Он вошел в историю религиозных движений России как „первый учитель раскола в Сибири“.² Нет сомнения, что он познакомился и близко сошелся с Аввакумом до ссылки последнего в Тобольск. Когда борьба достигла своего апогея и правительство приняло решительные меры против раскольников, тогда зачинщики и главарь религиозной оппозиции были сосланы в Сибирь. Среди сосланных оказался и Иосиф Истомин.

В 1660 году Истомин проезжал Енисейск, через Верхотурье, Туринск и Тюмень, проповедуя „свое учение о двуперстии и порицая преперстное значение, как печать антихристову“.³ Как можно судить по скудным, отрывочным сведениям Пермской летописи и по посланиям тобольского митрополита Игнатия, Истомин был последовательным и страстным проповедником, человеком больших душевных сил и крепкой воли. Он убежденно и твердо шел за Аввакумом. В Пермской же летописи говорится о том, что Аввакум и Истомин „были самыми сильными распространителями, в стране Сибирской, раскола“. В частности, Пермская губерния, как пишет об этом Н. Ончуков, — „обязана расколом знаменитому протопопу Аввакуму и попу из армян Иосифу Истомину“.⁴ О них же с гневом писал тобольский митрополит Игна-

¹ В. Н. Перетц. Краткий очерк методологии истории литературы. Пгр., 1922, стр. 92.

² Сборник Русского исторического общества, т. 60, СПб., 1887, стр. 340, 362.

³ Пермская летопись. Третий период. Составил Василий Шишонко. Пермь, 1884, стр. 512.

⁴ Н. Ончуков. По Чердынскому уезду. Живая старина, вып. 1, 1901, стр. 65.

тий: „Кто изречет оная хулы, идый сии сквернии человецы Аввакум и Астомен, изрыгаша, и какова чадения, сиречь угару, прежде в России, потом и в сибирской сей стране не исполниша“.¹

Биограф Игнатия высказал предположение, что слово „армянин“ не следует понимать в прямом смысле. Игнатий принадлежал к старорусской партии и ревниво оберегал чистоту русской православной веры. В своих посланиях он говорил: „Заблуждение раскольников происходит от армян, появившихся в России в царствование Иоанна Васильевича Грозного и распространивших свое учение о двуперстном крестном знамении; поэтому он [Игнатий] называет и самих раскольников армянами или полуармянами, а раскол — армянскою, или полуармянскою, ересью“.²

Учитывая условность терминологии в полемических речах русских церковников, можно допустить, что Игнатий употребил слово „армянин“ в отношении Истомина не в прямом значении, а как чисто полемическую формулу, чтобы указать на враждебность Истомина вероучению русской православной церкви. Но тогда возникает вопрос: почему же в иных случаях ни тобольский митрополит, ни другие не называют никого из своих идейных врагов „армянами“? Скорее всего Иосиф Истомин действительно был по происхождению армянином и являлся выходцем из казанской или московской колонии.

Еще в конце прошлого века исследователи обратили внимание на русско-армянские фольклорные связи. В частности, проф. Г. А. Халатьянцем были отмечены некоторые сходные черты между русским богатырским эпосом и „Давидом Сасунским“.³ В повести о Бове Королевиче, как было указано уже в научной литературе, фигурирует приморское „Орменское“ или „Арменское царство“ Зензевея. Трудно говорить об исторической основе сказочного сюжета повести, тем не менее, проф. Л. М. Меликсет-Бек высказал предположение, что речь идет об армянском Киликийском царстве.⁴

Первые известные нам сведения о русском языке и письме в армянской литературе имеются в памятнике XII—XIII в., под заглавием „Воскепорик (Златочрев)“.⁵

Благодаря исследованиям выдающегося филолога, известного армяниста Н. О. Эмина еще в конце прошлого века был установлен самый ранний факт литературного общения между армянами и Россией.⁶ Мы имеем в виду армянский пересказ русского сказания о Борисе и Глебе — „Сказание о святых Романи и Давиде“. Памятник датируется XIII веком и входит в армянские Четы-Минеи — „Йайсм-авурк“, что означает „в сей день“.

Выдвигая прежде всего вопрос: „как вошло русское сказание в армянские Минеи?“, — Н. О. Эмин предлагает обратить внимание на заключительные строки армянского текста, вставленные, вероятно, самим переводчиком: „Много других совершено чудес этими святыми (т. е. Романом и Давидом), и они записаны в пространной их

¹ Пермская летопись, стр. 512.

² Русский биографический словарь, т. VII, СПб., 1897, стр. 48. — Здесь же Иосиф Истомин назван „казанским чернецом“.

³ Г. Халатьянц. Давид Сасунский. Образчик армянского народного эпоса. В сб.: Братская помощь пострадавшим в Турции армянам. Изд. 2-е. М., 1898, стр. 66.

⁴ Л. М. Меликсет-Бек. ук. соч., стр. 108.

⁵ Собрание армянских рукописей Венецианских мхитаристов. № 258/752. См.-Л. М. Меликсет-Бек. ук., соч. стр. 119.

⁶ Сказание о святых Романи и Давиде. По армянским Четым-Минеям. В кн.: Переводы и статьи Н. О. Эмина по духовной армянской литературе (за 1859—1882 гг.): апокрифы, жития, слова и др. М., 1897, стр. 150—155.

истории (интересно было бы знать, какая эта „пространная история“?); чудеса совершаются ими и поныне“. Далее: „Многие из нашей страны (т. е. из Армении), видевшие эти чудеса, рассказывали нам (о них)“.¹

Из этих слов можно сделать два вывода: во-первых, что многие из армян в эту далекую эпоху посещали Русь; во-вторых, нам представляется вполне основательным предположение Н. О. Эмина о том, что автор перевода не только был на Руси, в частности в Киеве, но долго жил там и настолько хорошо выучился языку, что предпринял перевод русского сказания с целью ознакомления своих соотечественников с одним из образцов русской духовной литературы. Эмин отвечает и на второй вопрос: что явилось оригиналом для армянского переводчика и что он внес от себя в текст русского сказания? По мнению Эмина, основанному на изучении текста и сличении его с двумя русскими списками, источником „Сказания о Романе и Давиде“ послужило русское „Сказание о свв. Борисе и Глебе“, приписывавшееся Эминим, вслед за историками русской литературы, черноризцу Иакову, — так называемое анонимное сказание, а не „Чтение о Борисе и Глебе“ Нестора Летописца.

„При описании чудес, — пишет Эмин, — армянский переводчик строго держится своего подлинника, чего нельзя сказать об исторической его части, к которой он относится довольно свободно и которую заменяет незатейливым своим вступлением, оставляя в то же время в стороне все благочестивые размышления автора черноризца“.²

Из заключительных строк армянского текста „Сказания о Борисе и Глебе“ можно сделать и третий вывод: перевод составлен не позднее первой половины XIII века — до 1240 года, когда в Вышгородском храме Бориса и Глеба, разрушенном татаро-монголами, погибли мощи Бориса и Глеба, и, следовательно, нельзя было уже говорить о чудесах, „совершаемых ими и поныне“.

В XIII—XIV веках в жизни армянского народа произошли важные исторические события, которые не могли не сказаться на развитии русско-армянских культурных связей. Так, к концу XIV века Армения потеряла свою государственную самостоятельность и стала добычей Персии и Турции. Произвол, насилие, деспотизм завоевателей довели страну до полной разрухи и опустошения. В течение многих веков правители Турции и Персии проводили жесточайшую политику угнетения и истребления армянского народа. Отдельные группы армян вынуждены бывали покидать свою родину. Как указывает проф. А. К. Дживелегов, „свободолюбивый дух и высокое национальное сознание позволили армянскому народу отстоять и сохранить свою национальность, свой язык и обычаи, пронести сквозь все испытания истории свою многовековую духовную и материальную культуру“.³

Россия стала заветной страной, куда устремились многие из армян. Эмиграция особенно усиливается в XIII—XIV веках, когда в Армении создались невыносимые условия, в результате произвола, насилия и жестокостей поработителей-татар. Н. М. Карамзин, ссылаясь на записки Иосифа Аргутинского-Долгорукого, сообщает: „Татары, завоевав Армению в 1262 году, перевели многих жителей в нынешнюю Астраханскую

¹ Сказание о свягых Романе и Давиде., стр. 153. — Стоящее в скобках принадежит Н. О. Эмину.

² Там же, стр. 154—155. — Текст сказания с обстоятельными комментариями Н. О. Эмина см. там же, стр. 156—167.

³ А. К. Дживелегов. Армения и Турция. Стенограмма публичной лекции, прочитанной 20 февраля 1946 года. Изд. „Правда“, М., 1946, стр. 6.

и Казанскую губернию; некоторые из них ушли в Тавриду и поселились отчасти в Кафе, отчасти в Старом Крыму и близ Судака.¹ Эти же сведения находим в двухтомной „Истории Таврии“, где говорится о том, что купцы и ремесленники поселились в Старом Крыму, „который назвали в своем языке Казарат (может быть Казарапат? — К. Г.), и в Кафе, где они оградили заселенную ими часть крепкими стенами, для защищения от татарских набегов“.² В Таврии сохранились также армянские памятники материальной культуры второй половины XIV века.³

В XIII веке, до литовского владычества, армяне поселяются в городах юго-западной Руси.⁴

В середине века армяне обосновываются и в соседних с Россией Польше, Галиции, Молдавии, Крыму, в столицах хазар и болгар, в ханстве Золотой Орды.

Сохранились памятники материальной культуры начала XIV века, свидетельствующие о существовании армянского поселения в приволжском крае. Еще Петр I в 1722 году обратил внимание на восточные надписи в древней столице волжских болгар в девяноста верстах от Казани, в девяти верстах от Волги. Среди них были найдены и армянские надписи.⁵ Тогда же Петр велел снять точные копии и „перевести их на российский язык“. В то время армянских надписей было обнаружено только три, позднейшими разысканиями их число увеличилось до пяти. Первоначально ими занялся Сен-Мартен. Позже они привлекли внимание М. И. Броссе, расшифровавшего полностью две надписи, одна из которых еще не была известна в ученом мире.⁶ Первая из них гласит (в переводе Броссе): „Здесь покоится боголюбящий и милостивый господин Автин, сын господина Генера. Вы, читающие [это], просите прощения грехов [его] год 784 арм. — 1335“. Вторая надпись была прочитана полностью, за исключением первого слова пятой строки: „Гроб этот заключает честное тело Сары госпожи, [которая] перешла ко Христу. Вы, которые читаете [это], просите у бога прощения грехов ее... [непрочит. слово] господин Авак. Год 770—1321“.

Броссе не ставил перед собою задачу объяснить, каким образом пятеро армян оказались на севере и „положили кости свои в городе татарском, в начале XIV века“, но предполагает, что их не было в Болгарах в большом числе и что эти гробницы лишь свидетельствуют о посещении города торговыми людьми из армян.⁷

Недалеко друг от друга найдены пять надгробных камней. Можно ли их считать случайными могилами людей, умерших в пути, в чужом городе? Больше основания думать, что это часть кладбища. Содержание надписей ясно говорит о том, что обнаруженные гробницы принадлежат лишь знатым армянам. Надписи сохранили о них память.

¹ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. IV, примеч. 146.

² С. С. Богущ. История о Таврии, т. II. СПб., 1806, стр. 176—177.

³ Петр Келпепен. О древностях южного берега Крыма и гор Таврических. СПб., 1837, стр. 28.

⁴ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. 1, т. IV, табл. 1204.

⁵ Отечественные достопамятности, или изображение русских исторических памятников и необыкновенных произведений природы, наук и художеств, находящихся в России. Изд. А. С. Ширяева, М., 1823, стр. 43—44.

⁶ Подробно об истории нахождения и расшифровки армянских надписей в Болгарах см.: С. М. Шпилевский. Древние города и другие болгаро-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877, стр. 249—253.

⁷ М. И. Броссе. Об армянских надписях в Болгарах. Известия имп. Археологического общества, т. II, вып. II, 1859, стр. 181—184.

А кто может знать, сколько безвестных, простых людей из армянского поселения „положили кости“ здесь же, недалеко от берегов Волги? Записки Аргутинского-Долгорукого с полной определенностью говорят о том, как во второй половине XIII века многие из армян оказались на казанской земле.

В русской оригинальной исторической повести „О Царьграде, о создании его и взятии турками в 1453 году“, древнейший текст которой приписывается очевидцу падения Константинополя некоему Нестору-Искандеру, сохранились сведения об участии армянских войск в защите города.

В повести рассказывается о том, как „безбожный царь Амуратов сын“ Магомет Второй пошел войной против последнего византийского императора Константина и осадил Царьград. По мнению исследователей, историческая часть повести написана во второй половине XV века на основании дневников и рассказов современников. Позднейшие наслоения появились в результате переделки текста неизвестным книжником „в духе новой идеи, обставленной политическими легендами о Царьграде и апокрифическими представлениями о будущих судьбах его“.¹

Интересующий нас отрывок относится к наиболее достоверной исторической части, в которой подробно описаны военные события: осада города турецкими войсками и героическая его защита „греками, фрягами и армянами“. Автор находился в турецких войсках, но был русским по происхождению, христианином, и горячо сочувствовал защитникам города, что не могло не сказаться как на идейной концепции повести, так и в описаниях битвы за Царьград.

Силы турок во многом превосходили число защитников города. Не говоря об огромном неравенстве флота (у византийцев было до 15 кораблей, в то время как флот Магомета насчитывал до 420 кораблей и прочих судов), турки выставили 258 тысяч войск, гарнизон же осажденного города составлял не более 7000 человек.²

Армяне упоминаются как участники двух крупных, решающих сражений. В византийских войсках греков, итальянцев и армян, совместно боровшихся против порабощения, объединяла и христианская идеология: „И яко слышаша люди звон церквей божьих, абие укрепияся и охрабришася вси и бяхуся с Туркы крепчае первого, глаголюще друг другу: днесь да умрем за веру христьянскую“.³

По византийским источникам, число наемных войск не превышало двух тысяч человек,⁴ состоящих из итальянцев и армян. В самой повести цифровые данные весьма приблизительны. Здесь несомненно сказалась тенденциозность автора: „един бяшесь с тысящею, а два с тьмою“⁵ — фраза, которая была нужна не столько для показа численного превосходства противника, сколько для воспеания героизма защитников города. Тем не менее, сведения, которые можно почерпнуть из батальных картин повести, отражают реальное количественное

¹ Г. П. Бельченко. К вопросу о составе исторической повести о взятии Царьграда. Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности акад. А. С. Орлова, Л., 1934, стр. 512—513.

² М. Стасюлевич. Осада и взятие Византии турками. Ученые записки второго отделения имп. Академии Наук, кн. 1, СПб., 1854, стр. 79, 88, 129, 136.

³ Памятники древней письменности и искусства. Повесть о Царьграде Нестора-Искандера XV века (По рукописи Троице-Сергиевской лавры нач. XVI века, № 773). Сообщил архимандрит Леонид. СПб., 1886, стр. 13.

⁴ М. Стасюлевич. Осада и взятие Византии турками, стр. 88.

⁵ Повесть о Царьграде. . . , стр. 7.

соотношение участвующих в боях войск. Приводим описание первого сражения, в котором, наряду с греческими войсками, в защите города участвуют итальянские и армянские части.

„В 14-й же день Турки откликнувшe свою безбожную молитву, начаша сурны играти и в варганы и накры бити, и прикативши пушкы и пищали многие, начаша бити град, такоже стреляти и из ручных и из луков тмочисленных... Егда же Турки начааху — уже всих людий с стен збиша, абие вскрычавши все воинство, и нападоша на град вкупе со всех стран кличуще и вопиюще, овый со огни различными, овый с лествицами, овый с стенобитными хитростями и иными многы козни на взятие града...“

„Турки-ж паки, услышавше звон велий, пустиша сурны и трубныя гласы и тумбан тмочисленных, и бысть сеча велиа и преужасна: от пушечного бо и пищалнаго стуку и от зуку звоннаго и от гласа вопли и кричання от обоих людей и от трескоты оружия: яко молния бо блистааху от обоих оружия, также и от плача и рыдания градцких людей и жен и детей, мяншесь небу и земли совокупитись и обоим колебаться, и не бе слышати друг друга что глаголеть: совокупиша бо ся вопли и кричання и плач и рыдания людей и стук дельный и звон клакольный в един звук, и бысть яко гром велий. И паки от множества огней и стреляння пушек и пищалей обоих стран дымное курение згустився, покрыло бяше град и войско все, яко не видети друг друга с кем ся бьет, и от зелейного духу многим умрети. И тако сечахуся и маяся на всех стенах, дондеже нощная тьма их раздели: Турки убо отыдоша в свои станы и мертвыа своя позабывше, а градцкие люди падоша от труда яко мертвы, токмо страж единых оставиша по стенам“.

На утро цезарь приказал собрать трупы и похоронить их. Число убитых греков в этом бою составило 1740, а „фряг и армен 700“. Цезарь же пошел осматривать городские стены и увидел полные рвы с трупами турок, „и пометиша всех убьенных до 18 тысяч“, которых „повеле цесар пожещи“.¹

Вторая битва, в которой участвовали также итальянские и армянские подразделения, оказалась еще более ожесточенной. Это было в тридцатый день осады. Турки делали еще одну яростную попытку приступом овладеть Царьградом. Защитники города, услыша „звон церковей божьих“, с еще большей отвагой и храбростию дрались „нещадно“ с турками. Трупы с обеих сторон падали, как снопы, кровь текла потоками по городским стенам. С наступлением ночи турки отошли в свой стан. Городские люди падали от усталости и изнеможения. „И не бе тоя нощи слышати ничтоже, разве стонание и вопль сеченых людей, но и еще живи бяху“. На утро цезарь повелел собрать трупы и похоронить, а раненым оказать помощь. Во время этой второй страшной битвы было много убитых: „И собраша мрътвых Греков и Фряг и Армен и иных пришлых людей 5700“. Но турецкая армия понесла потери во много раз большие. Когда Зустуней (один из византийских полководцев) с вельможами пошел осматривать городские стены, то он насчитал „до 35000 убьенных неверных“.²

„Повесть о Царьграде“ сохранила эти сведения об „арменах“, сражавшихся в войсках „православного царя Константина“ против турок.³

¹ Там же, стр. 8—10.

² Повесть о Царьграде..., стр. 12—14.

³ См. также: ПСРЛ, т. XII. Летописный сборник, именуемый Патриаршей, или Никоновской, летописью. СПб., 1901, стр. 84—86.

Восточная политика предшественника Грозного — Ивана III — предопределялась борьбой с остатками государства Золотой Орды, стремлением склонить на свою сторону всех недовольных местными властями, прежде всего христианское население, и все большим и большим укреплением русского влияния.

В конце XV века во главе Казанского царства фактически оказались прямые ставленники Ивана III. Иван Грозный продолжал эту политику. Он все больше и больше проникал на юго-восток, пытаясь сначала мирным путем подчинить себе эти дальние территории. Задача завоевания Казанского царства и Астрахани настойчиво выдвигалась и самими условиями, которые в XVI веке сложились так, что подчинение этих территорий стало исторической необходимостью для обеспечения границ Русского государства.

События XVI века и значительные сдвиги в политической и экономической жизни России не могли не повлиять как на внутреннее состояние страны, так и на ее международное положение. Ликвидация феодальной раздробленности, укрепление централизованного Русского государства, успешные военные походы Ивана Грозного, завоевание Казани в 1552 году и Астрахани в 1554 году, выход русских в Нижнее Поволжье — все эти события в целом создавали благоприятную обстановку для дальнейшего развития экономической и политической жизни страны, расширения дипломатических и культурных связей с Востоком.

В поисках надежной опоры русские должны были в первую очередь сблизиться в еще большей степени с соседними христианскими народами.

При осаде Казани, как сообщает Казанский летописец, — в городе оказалось большое количество иноземных купцов, в числе которых были и армяне. Казанцы, надеясь на крепость своего города, на большие продовольственные запасы, решили оказать упорное сопротивление, организовали оборону. Пять тысяч иностранцев, „Бухар и Шамахен, и Турчан, и Армен“, казанцы не выпускали из осажденного города. Более того, они решили использовать их в борьбе с русскими.¹

Как же Казанский летописец описывает поведение армянских купцов, оказавшихся в осажденном городе? Он говорит о них с явным сочувствием, потому что они были на стороне русских. Армяне отказались биться с русскими. Тогда татары привязали их железными цепями к пушкам, поставили сзади них солдат с обнаженными мечами и под угрозой смерти заставили их стрелять по русским полкам. Но и тут татары не достигли успеха, потому что, как говорит летописец, армяне „лестно и худо бяху и не улучаху, аки неумеючи, и ядра черес все перепущаху или не допущаху, едва кого убиваху“. Таким образом привязанные цепями к пушкам армяне стреляли так, что ядра или не долетали, или перелетали через русские войска. Этот эпизод свидетельствует о горячем сочувствии армян русским. О поведении армянских купцов узнал и русский царь, который, как говорит Казанский летописец, „великие милости за се подаст им: живых всех испустив во отечествия их“.²

Армянская колония в Москве существовала задолго до этих событий. В летописи Авраамки, где повествуется о московском пожаре

¹ ПСРЛ, т. XIX. История о Казанском царстве (Казанский летописец). СПб., 1903, стр. 130.

² Там же, стр. 130.

1390 года, упоминается „посада за городом некоего армянина“. После взятия Казани, во время победоносного въезда Грозного в Москву, в числе инородцев вышли встречать его и армянские торговые люди. По повелению Ивана Грозного многие армяне были поселены в Москве на постоянное жительство в той части столицы, которая носила тогда название Белого города, где жили „обеленные“ свободные люди из инородцев, пользовавшиеся особыми льготами.

Очевидно, не без влияния казанских событий верхний ярус одного из девяти приделов Покровского собора в Москве (церкви Василия Блаженного), воздвигнутого Грозным в честь взятия Казани, в XVI веке был посвящен Григорию Армянскому. Возможно, что это было знаком внимания к армянам, доказавшим свое сочувственное отношение к русским во время последней осады Казани.¹ В Московской летописи говорится: „Месяца октября в 1 день (1560 г.), священы церкви придели в Новом Городе у Фроловского мосту, которые ставлены на возвещение чудес божиих о Казанском взятъе, в которые дни божия помочь и победа была православному царю над бусурманами: храм Живоначальные Троицы, Вход во Иерусалим, Николае Великорецкии, Киприян и Устинья, Варлаам Хутынский, Александр Свирский, Григорей епископ великия Армени“.² В официальном документе второй половины XVI века говорится о гостинио „Армянском дворе“.³ Армянский посад сгорел во времена нашествия крымского хана Дивлет Гирея, но, как об этом сообщает А. Д. Ерицов, „армянская колония в русской столице стала прочною и постоянною“.⁴

К числу древних армянских колоний на территории России относятся и астраханская. В Астрахани армяне живут с давних времен. Особенно усилился приток армян после 1554 года, когда город был завоеван русскими и присоединен к владениям Московского государства; он стал одним из важнейших пунктов сношений с Востоком. С астраханской колонией связана и Армянская Крутец гора в Симбирской губернии, о которой в русском географическом лексиконе сказано: „Армянская Крутец гора в Симбирской губернии с Сокольега, называется так от армян, взбунтовавшихся некогда в Астрахани и засевших на сей горе. Бывшего у них тут укрепления еще и поныне видны остатки. Самый верх Крутца от севера почти до южно-восточной стороны обведен земляным валом с принадлежащим ему рвом, которого глубины, смотря по отлогости вала, будет сажени на полторы от восточной даже до южно-восточной стороны крутизною горы неприступной. В окружности всего укрепления на глазомер будет около 500 сажений“.⁵

Трудно теперь установить, какими судьбами „взбунтовавшиеся некогда в Астрахани“ армяне оказались в Симбирском крае. Кто

¹ Мысль эта высказана в диссертации Г. Н. Моисеевой „Казанская история — новый этап в развитии исторического повествования древней Руси“.

² Летописец русский (Московская летопись) по рукописи, принадлежащей А. Н. Лебедеву. Чтения, кн. III, М., 1895, стр. 31, 127. — О постройке церкви Василия Блаженного в Москве см. подробно: А. П. Новицкий. История русского искусства, т. I, М., 1899, стр. 222—223; В. В. Суслов. Церковь Василия Блаженного в Москве. СПб., 1912, стр. 5—8.

³ АИ, т. II, стр. 19. — См. также: Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. X, стр. 155.

⁴ А. Д. Ерицов. Первоначальное знакомство армян..., стр. 50.

⁵ Географический словарь Российского государства, сочиненный в настоящем оною виде, ч. I, М., 1801, стр. 206.

бунтовал, о каком слое армянского населения идет речь, против кого они восстали и при каких обстоятельствах — все эти вопросы не лишены интереса. Но во всяком случае эти исторические данные подтверждают факт существования значительного армянского населения в Астрахани.

Тяготение армян к России можно наблюдать еще в раннем средневековье, но оно становится ощутимым, начиная с конца XVI века и в особенности в XVII веке. Русско-армянские культурные отношения вступают в новую фазу своего развития в Петровскую эпоху, когда были созданы предпосылки непосредственного сближения армянского народа с Россией.

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

В. Д. КУЗЬМИНА

Новый список „Девгениева деяния“

Особый интерес литературоведов к каждому списку повести „Девгениево деяние“, как бы он ни был попорчен при переписке, объясняется прежде всего тем, что этот памятник находился в том самом мусин-пушкинском сборнике, где было обнаружено „Слово о полку Игореве“. „Девгениево деяние“ читалось в этом сборнике непосредственно после „Слова о полку Игореве“ и разделило общую с ним судьбу: список сгорел, сведения о нем сохранил нам лишь краткий пересказ Н. М. Карамзина (История государства Российского, т. III, гл. 7, примеч. 272) и небольшое число выписок в пересказе и в примечании 333 к главе 12 тома II.

До сих пор было известно (и издано) два списка „Девгениева деяния“, оба дефектные, взаимно дополняющие друг друга; оба поздние — начала и середины XVIII века. Однако наличие выписок Карамзина из списка мусин-пушкинского сборника позволяет отодвинуть наши документальные сведения о бытовании „Девгениева деяния“ к началу XVI века. О популярности в это время данной повести во Пскове свидетельствует цитата из нее в летописной повести „о псковском взятии“ 1510 года. Если учесть, что и „Слово о полку Игореве“ в языке обнаруживает следы бытования на Псковщине, можно предположить, что по крайней мере последняя часть мусин-пушкинского сборника, содержащая „Слово“ и „Девгениево деяние“, представляет объединение двух памятников, известное уже в псковской письменности начала XVI века. Публикуемый ниже список „Девгениева деяния“ находится в сборнике (в 4-ку, № 4369, середины XVIII в.) из собрания А. А. Титова, известного ростовского собирателя древностей.¹

Сборник № 4369 состоит из ряда тетрадей, написанных разными почерками середины и второй половины XVIII века. Тетради были переплетены вместе, повидимому, не ранее середины XIX века, когда рукопись принадлежала О. М. Бодянскому, от него она попала затем к А. А. Титову. „Девгениево деяние“ занимает в ней последнюю тетрадь (лл. 172—188 об.).

Некоторые статьи этого сборника были перечислены А. А. Титовым в шестом выпуске „Охранного каталога“ в 1895 году.² К сожалению,

¹ Большая часть этого собрания находилась до 1946 года в Ростове-Ярославском. Рукописи хранились в сыром неотапливаемом помещении, постепенно истлевали и, главное, были мало доступны исследователям. На это обратил внимание московской научной общности И. М. Кудрявцев. В настоящее время рукописные книги коллекции А. А. Титова из Ростовского музея переданы Отделу рукописей Государственной Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина.

² А. А. Титов. Охранный каталог славяно-русских рукописей, вып. 6, М., 1895, стр. 51.

наиболее интересные произведения совершенно не были отмечены А. А. Титовым. Вероятно, отсутствие начала помешало ему определить повесть о хмеле (лл. 123—129 об.) и „Девгениево деяние“ (лл. 172—188 об.). Также не привлекли его внимания „Прение живота и смерти“ (под заглавием „Слово сказательное о смерти“, лл. 141 об.—145), повесть о царе Аггее (лл. 133—136 об.), виршевые и народнотонические варианты стихов об Иоасафе-царевиче и матери-пустыне (лл. 76—77 об., 136—137 об., 147—148 об.). Водяные знаки и записи, имеющиеся в последней тетради (лл. 172—188 об.) с текстом интересующей нас повести, позволяют уточнить датировку данного ее списка. В этой тетради повторяются попарно на разных половинах листа в качестве водяного знака сочетания букв *ВФ* и *СТ*, окруженные двойной рамкой (лл. 174—175, 180—185, 181—184, 179—186, 182—183).¹

К. Тромонин зарегистрировал эти знаки под №№ 1700 и 1701, но не отметил даты.² В книге Н. П. Лихачева „Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве“ эти знаки не указаны вовсе.³ В трехтомном капитальном труде Н. П. Лихачева „Палеографическое значение бумажных водяных знаков“ отмечен несколько иной вариант данного знака: те же четыре буквы *ВФСТ* в рамке на одной половине листа, год — на второй.⁴

В каталоге водяных знаков Государственного Исторического музея большинство рукописей со знаками *ВФ* и *СТ* датировано восьмидесятью-девяностыми годами XVIII века. Но в одной рукописи собр. Уварова (4°, № 99) в самом знаке имеется более ранняя дата: 1775 год. В другой из того же собрания (1°, № 345) имеется запись писца 1752 года. Правда, в последнем случае при сохранении общего очертания и размеров букв читаем вместо *ВФ—ВТ*.⁵

Рассмотрение бумажных знаков приводит, таким образом, к выводу, что, судя по бумаге, список „Девгениева деяния“ не старше пятидесятих годов XVIII века и не моложе девяностых годов этого же столетия. Это позволяет отнести с доверием к остаткам владельческой записи по низу страниц „Девгениева деяния“ на лл. 184—188: „1761 апреля 10 дня“, которая сделана иным почерком и чернилами, чем самый текст. Можно полагать, что текст был написан несколько ранее (в пятидесятые годы XVIII века), чем попал к владельцу, который в 1761 году скрепил его записью, к сожалению стертой там, где были написаны заглавие произведения и имя обладателя рукописи в середине XVIII века. Таким образом данный список „Девгениева деяния“ не намного моложе текстов, найденных Н. С. Тихонравовым (1744) и А. Н. Пыпиным (начало XVIII века).

¹ Те же знаки повторяются в предыдущей тетради (лл. 134—137, 138—145, 146—149).

² К. Тромонин. Изъяснения знаков, видимых в писчей бумаге. М., 1844. табл. СХХII.

³ Н. П. Лихачев. Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве. Историко-археографический очерк с приложением 116 таблиц с изображениями бумажных водяных знаков. СПб., 1891.

⁴ Н. П. Лихачев. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. ч. I—III. Чтения в Обществе любителей древней письменности. СПб., 1899, №№ 3577 и 3578 (ч. I, стр. 53; ч. II, стр. 417; ч. III, табл. ССССLXXXVIII и ССССLXXXIX).

⁵ За эти сведения приношу благодарность заведующей Рукописным отделом Государственного Исторического музея М. В. Щенкиной.

Первый вывод, который приходится сделать из наблюдения над данным списком „Девгениева деяния“, заключается в том, что текст, который писец середины XVIII века переписывал, был ему мало понятен по своей графике. Правда, писец этим мало смущался и наудачу срисовывал приблизительные очертания непонятных букв, в результате чего получились такие ошибки: „бесчисла“ вместо „бесчадна“ (л. 172); „я убежаша“ вместо „сумежия“ (там же); „Преждени“ вместо „О рождении“ (л. 179 об.); „пистио“ вместо „писание“ (л. 181 об.) и т. п. Порой он списывал слова, пропуская слоги под титлами в середине слов, а также выносные буквы и слоги в конце слов. Отсюда такие ошибки, как „страг“ вместо „Стратиг“ и „Страговна“ вместо „Стратиговна“ (л. 183); „златы“ вместо „златыми“ (л. 175 об.); „драга“ вместо „драгаго“ (л. 176); „рече“ вместо „рече же“ (л. 172 об.); „рекоша“ вместо „рекоша же“ (л. 173), и т. п. Характер таких ошибок заставляет полагать, что перед глазами у писца был трудно понимаемый им текст, архаический по графике, с большим количеством сокращенных написаний. Можно думать, что это была скоропись конца XVII—начала XVIII века, когда сокращенные написания и выносные буквы были особенно распространены. Это обстоятельство еще повышает значение данного списка „Девгениева деяния“, так как оригинал его оказывается старше, чем списки, опубликованные ранее А. Н. Пыпиным и Н. С. Тихонравовым.

В каком отношении находится новый текст „Девгениева деяния“ к ранее известным, какое место занимает он в литературной истории данного произведения, что прибавляет он для более правильного и углубленного его понимания?

Как показал в своей работе М. Н. Сперанский, „Девгениево деяние“ было один раз переведено на Руси в XII—XIII веке, в пору особого оживления интереса к воинской повести. Старый перевод сохранился в более или менее неизменном виде долгое время (к нему относятся списки — Мусин-Пушкинский XVI века и Тихонравовский середины XVIII века). Но к XVIII веку появилась уже самостоятельная русская редакция, сблизившая старую переводную повесть с русским фольклором и книжной воинской повестью более позднего времени (текст из Погодинского сборника).¹

Обе редакции неполны, а состава мусин-пушкинского текста мы не знаем: он сгорел в 1812 году, не будучи изданным. В списке Тихонравова отсутствует первая часть (рассказ о событиях до рождения Девгения), опущен эпизод о победе над Максимианой. Список из Погодинского сборника обрывается на полуслове в рассказе о похищении Стратиговны. Остается неясным, содержала ли эта вторая редакция „Сказание, како победи Девгений Василия царя“ (имеющееся в Тихонравовском списке) или заканчивалась сообщением о браке Девгения со Стратиговной и возвращением к родителям.

К которой из двух названных редакций относится наш список и подтверждает ли он вообще генеалогию русских списков „Девгениева деяния“, установленную М. Н. Сперанским?

Параллельное сопоставление текстов показывает, что Титовский список обнаруживает не только фразеологическую близость к Погодинскому, но и повторяет такие характерные признаки редакции, как пропуски, вставки, испорченные места, характерные подробности, сокращения.

¹ М. Н. Сперанский. Девгениево деяние. К истории его текста в старинной русской письменности. Исследование и тексты. Сборник Отделения русского языка и словесности Академии Наук, т. ХСІХ, № 7, Пгр., 1922, стр. 130—131.

В качестве примера общих пропусков показателен следующий отрывок:

Тихонравовский текст	Погодинский текст	Титовский текст
<p>... На дѣ лето покушашеся вся звери победити и начат прилежно нудити отца своего и стрыв: поидите со мною на ловы. И рече ему отец: еще еси, сыну мой, млад, о ловех не молви, понеже жаль ми тебе млада нудити. И рече Девгеній отцу своему: тем, отче, не пуди мене, понеже имам упование на сотворшаго бога, яко несть ми нуды в том, но великое утешение. И то слово слышав отец юноши, яко так глаголет юноша, и совокупи вся вой и град весь и рад бысть с ним ехать на лов...</p>	<p>... На четвертое же лето на десять ездша прекрасный Девгеній на всякий зверь без оружия и нача отца своего нудити. Отец же его нача ему говорить: чадо, рано тебе о ловех звериных мыслити. И повеле кони свои седлати и на лов ехати со юноши и с шурьями своими...</p>	<p>... На четвертое на десять лето похваляется на всякие звери без оружия ездить. И нача отца своего нудити и стрыв. Отец же его нача бранити: чадо, рано тебе о ловех мыслити. И повеле милостивником своим кони седлати и на лов ехати...</p>

Перед словами „Отец же его нача ему говорить“ (вариант „нача его бранити“) в Погодинском и Титовском текстах пропущены слова Девгенія, обращенные к отцу (ср. Тихонравовский список). Перед словами „И повеле кони свои седлати“ (вариант — „И повеле милостивником своим кони седлати“) второй пропуск в этих текстах: отсутствует возражение Девгенія отцу (ср. Тихонравовский список).

В этой же главе в Погодинском и Титовском текстах имеется неудачно сделанная вставка из эпизода охоты (описание Девгенія на коне), которая разрывает последовательное изложение отроческих подвигов Девгенія, совершенных им в 11, 12, 13, 14 лет.

Тихонравовский текст	Погодинский текст	Титовский текст
<p>Преславный Девгеніи въ лето мечем играше, а на гѣ лето копием, а на дѣ лето покушашеся вся звери победити ..</p>	<p>На первоенадесять лето и на второе начаша копьем играти, а на третье надесять лето и на второе начаша на добрых конях ездити и бысть горазд на драганте храбровать [и т. д. до слов „ум человеичь исхитица“]. На четвертое же лето на 10 ездша прекрасный Девгеній на всякий зверь без оружия...</p>	<p>На первое надесять лето и на второе нача копием играти, а на третье надесять лето — на конех ездити. Юноша же горазд на драганте храбровати [и т. д. до слов „человечский ум восхитица“]. На четвертоенадесять лето похваляется на всякие звери без оружия ездить...</p>

Кроме того, Титовский и Погодинский списки в первой главе (отсутствующей в Тихонравовском списке) испорчены в одних и тех же местах, что дает еще лишнее подтверждение принадлежности их к одной и той же редакции. Например:

Погодинский текст	Титовский текст
<p>мы жь к шатру твоему прихаша безо всякия обороны, а ныне повеждь нам ... уязви ... пришед и исхитил еси сестру нашу татьбою.</p>	<p>мы к шатру прихаша безо всякой обороны. А ныне повеждь нам братья (sic!) и уязви, пришед, исхитил еси сестрицу нашу татьбою...</p>

Титовский список воспроизводит также некоторые характерные подробности Погодинского списка, которые несколько иначе изложены в Тихонравовском тексте:

Тихонравовский текст	Погодинский текст	Титовский текст
Абие змей велик прилете ко источнику яко человек явьсь троеглавый ...	Прилете змий великий ко источнику тому, четыре главы у себя имея яко человеки ...	Прилете зми[й] ко источнику тому, имеяя у себя яко человечески главы четыре ...

Наконец Погодинский и Титовский списки имеют общие сокращения по сравнению с Тихонравовским, что указывает не только на принадлежность их к одной редакции, но и подтверждает высказанное М. Н. Сперанским мнение, что в данном произведении имело место главным образом постепенное сокращение текста, а не дополнение его новыми эпизодами.

Тихонравовский текст	Погодинский текст	Титовский текст
Во источнице бо том свети, а вода яко свецца светится и не смеяше бо к воде той от храбрых прийти никто, понеже бяху мнози чудеса: в воде той змей велик живяше ...	Есть в сем лесу источник водный, в нем яко свецца сияет, от простых людей не может к нему никто прийти, понеже бо в нем многая чудеса творятся ...	Есть в сей пустыне источник воды, в нем аки свецца сияет, но от простых людей не может к нему никто прийти ...
Исподни ж быша хладари, а верхни бяху черны сухим златом тканы, а предрукавие драгим жемчугом сажены, а наколенники его бяху драгая паволока, а сапоги его вси златы, сажены драгим жемчугом и камнем алингнаретом, острози его виты златом со измарагдом каменем ...	И положиша на него драгоценные порты с драгим златом аравитьским, а перерукавие с драгим магнитом ...	Положи на него драгие портища с сухим златом сканыя, а перукавье з драгим мангитом.
Бысть же Девгениев конь бел яко голубь, грива же у него плетена драгим каменем, и среди каменья звонцы златы и от умноженья звонцов и от каменей драгих велелюбезный глас исхождаше на издивление всем; на лядвях коневых драгою паволокою покрыто (летяго ради праха), а узда его бысть златом кована со измарагдом и камением, конь же его бысть борз и горазд играти.	Отец же его избра ему конь бел, яко голубь, а в гриве его учинены многие звонцы — от прегудания и ум человеческий не может смыслить, а как юноша начнет на том коне скакать, а конь под ним играть, и тех звонцов прегудания ум человекъ исхититца	Отец же его избра коня ему, бел аки голубь а в гриве учинены у него многие звонцы и от прегудания ум человеческий мыслити не может ...

Итак, Титовский список „Девгениева деяния“ воспроизводит редакцию, которая до сих пор была представлена одним текстом Погодинского сборника.

Пристальное изучение Титовского списка „Девгениева деяния“ заставляет, кроме того, обратить внимание на некоторые подробности,

сохранившиеся в Титовском списке (в отличие от Погодинского) из первоначальной редакции, о которой мы можем теперь судить главным образом по отрывкам, изданным Н. С. Тихонравовым. Во-первых, в Титовском списке сохранены черты старинной лексики. Архаические выражения „стрый“, „милостивник“, „сухое золото“, опущенные в Погодинском списке как непонятные, либо замененные там синонимами, воспроизведены в Титовском списке.

Тихонравовский текст	Титовский текст	Погодинский текст
...начат прилежно нудити отца своего и стрывев...	И нача отца своего нудити и стрывев...	И нача отца своего нудить...
Отец его ловит зайцы и лисицы и стры его ловят...	Отец же его и стры ево начаша зайцев ловити...	Отец же его повеле зайцы из острова выгонять и нача их ловить со псами...
Отец юноши... совокупи вся вои...	Отец же его... повеле милостивником своим кони седлати...	Отец же его... повеле кони свои седлати...
... выде к милостивником своим и посади девицу на коне иноходом и поиде к шатром своим и шед на гору борзе, ест ли по нем погоня. И рече девице: велика есмь срама добыл, аще не будет по мне погоня, возвратис и понос им сотворити, с милостивники нарядив и повеле воем стрещи около девицы...	Девгений... поеде из града к милостивником [своим] и въеде на гору и обзревся ко городу и не бысть ехавшего по нем никоже. И рече Стратиговне: Срама ми се добыл и хошу возвратитися и понос им учиню. Остави Стратиговну в шатре и милостивником своим повеле стрещи ея...	<i>[Недостает соответствующего отрывка].</i>
<i>[Нет соответствующего отрывка].</i>	Кликнув велегласно милостивника своего и рече... положи на него драгие портища с сухим золотом сканья...	Кликнув велегласно к Греку мужу... Положиша на него драгоценные порты с драгим золотом аравитьским...

Отзвуки текста, близкого к Тихонравовскому, ясно слышатся в эпизоде охоты Девгения на медведей.

Тихонравовский текст	Титовский текст	Погодинский текст
Два медведя под тростию хождаше и с ними дети их бысть и ощути медведица юношу, против ему поскочи и хотяше его пожрети. Юноша ж еще не учен како звери бити, и поскочи вборзе, переди ея похвати и согну ея локтями [и все еже бе во чреве ея выде из нея, борзо мертва бысть в руку. Други медведь бежаше во глубину тростия того. И клякну его <i>[пропущено отец или стрый]</i> к нему: чадо, стерегись, доколе не скочит на тебе медведь. И Девгений радостен бысть и поверже свою рог-	Видя бегущи медведи разъемлющи челюсти. И догнав, и ухвати его локтями, из медведя чрево все вышло...	И видел же медведя лесом бегуща, Девгений же храбрый видел медведя и поскочи и догнав медведя розодрав его челюсти и розодрав его надвое...

вицу на месте, на нем же стояше, яко скоры сокол медведя наскочи и медведь к нему возвратись, разверз уста своя, хотя его пожрети. Юноша ж борзо скочи и ухвати его за главу и оторва ему главу и вборзе умре в руку его.

Нетрудно видеть, что Титовский текст сохранил в искаженной и сокращенной передаче первую половину описания охоты на медведей (Девгений убивает беременную медведицу), в то время как Погодинский текст, также сокращая ее, пересказывает вторую половину (убийство медведя-самца). Как показывает сличение текстов, внесение в Титовский список подробностей из более ранней редакции немногочисленно. Однако вместе с Погодинским Титовский список потерял такие слова, как „пардус“, „златокотанный“, „кожухи“, „дружина“, „луди“, которые читаются в выписках Карамзина из Мусин-Пушкинского списка и в Тихонравовском списке и которые не могут не привести на память лексику „Слова о полку Игореве“.

Итак, в основном Титовский список оказывается довольно близким к более поздней редакции, представленной Погодинским списком. Можно думать, что он является одним из ранних звеньев этой русской творческой обработки, еще не утратившим некоторых деталей, имевшихся в более ранних текстах.

С этой точки зрения интересно отметить, что в словаре Титовского списка имеется два архаизма, не известные ни в Погодинском, ни даже в Тихонравовском тексте:

1) тоскнуги¹ — быть удрученным („мати наша, не скорби и не тос[к]ни о том...“ — л. 172);

2) дрязг — лес, роща („и введе их в дальнюю пустыню, в дрязг...“ — л. 180).

Сохранение архаической лексики вообще делает Титовский список более интересным для историка русского языка, чем Погодинский. В последнем, как показывают приведенные выше сопоставления текстов, в ряде случаев старинный словарь больше подновлен.

Вторым достоинством Титовского списка „Девгениева деяния“ является его большая полнота по сравнению с Погодинским и Тихонравовским.³ В отличие от Тихонравовского (и в полном соответствии с Погодинским), Титовский список начинается с рассказа о похищении Амиром красавицы-гречанки (в начале, правда, недостает одного листа). Изложение событий до рождения Девгения занимает восемь листов, в основном близко совпадая с редакцией, представленной текстом Погодинского сборника. Но зато сверх него Титовский список дает изложение заключительной части повести (лл. 185—188 об.), содержащей рассказ о по-

¹ Ср.: „Вълодимер же князь, тьскноувъ немочью тела своего...“. Хлебниковская летопись 6795 г. (И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. III, СПб., 1912, стлб. 1057).

² Ср.: „Да ся не гнездить в дрязгах зьлодельне“. Григорий Названзин XI в., л. 298 (И. И. Срезневский. Материалы для словаря..., т. I, СПб., 1893, стлб. 796).

³ Точно судить о составе мусин-пушкинского текста не представляется возможным, так как нам известны лишь три заголовка, воспроизведенных в 1800 году в первом издании „Слова о полку Игореве“, пересказ и цитаты, приведенные Н. М. Карамзиным в примечании 272 к 7 главе III тома „Истории государства Российского“ (ср.: М. Н. Сперанский. Девгениево деяние, стр. 134—136).

хищении Стратиговны Девгением, о битве и победе над Стратигом и его сыновьями, о свадьбе Девгения и радостном возвращении к родителям. Изложение заканчивается традиционной формулой: „Отец же ево и мати нача об нем радоватися и веселитися, и жити нача добре, и скончася со Стратиговною Конец оной истории“ Наличие такого завершённого конца позволяет предполагать, что в редакции „Девгениева деяния“, представленной теперь двумя списками — Погодинским и Титовским, — рассказ о победе Девгения над царем Василием отсутствовал.

Указанными двумя достоинствами (сохранение старинной лексики, большая полнота содержания и поэтому более полное представление о составе редакции) значение Титовского списка „Девгениева деяния“ не исчерпывается.

Достоинство этого списка, кроме того, заключается еще и в том, что, несмотря на большое количество описок и орфографических ошибок, он сохранил в ряде случаев лучшие чтения, чем текст из Погодинского сборника. Это еще раз подтверждает, что Титовский текст был действительно списан с более старинного оригинала, точнее сохранившего первоначальный текст повести, чем Погодинский список. Приводимые ниже примеры показывают, что Титовский список позволяет кое-где исправить искажение смысла, уточнить повторы в эпических формулах, вставить пропущенные эпитеты, восполнить механические пропуски

Погодинский текст

Рече же болшии брат
вопрошаем вас повеждьте нам .

Братаничь же отпустиша тех срацын трех
ко Амиру царю своему словом весть [дале
ее пропуск]

Да не рек бы он так, Амир царь, что
мы придоша к нему татем

Начнут прю творити

Благословен господь бог наш научая
руце мои на ополчение и на брань

Братаничи жь отъехаша от шатра его и
начаша метати жребия и вергоша жребия
впервыя, и выняся жребий меньшему бра-
ту на брань ехать Братия жь ввергоша
в другой ряд жребия, што не мень-
шему ехать битися против Амира царя,
понеже силен есть; и в другой ряд вы-
няся жребий меньшему жь брату битися;
они же вергоша жребий, и в третьей ряд
выняся меньшему жь брату на брань ехать
битися со царем Амиром

Никакоже, братия, не имейте никакова
о мне во уме своем
отвергися веры своя поганяя

Сам же юноша красен велми лице же
его яко снег, а румяно яко маков цвет,
власы же его яко золото, очи же его велми
великии яко чашы, пристрашно зрети
на него

И видев же его храбрость и дерзость,
отец его и вси людие и удивившася
чело

Титовский текст

Рече же им болшии брат [л. 172]
Вопрошаем вас, да не в соблазн
приидем повеждьте [л. 173]

Братаничи же отпустиша их ко Амиру
царю и рекоша им отнесите
словом вести ко Амиру царю [л. 173]
Да [не] рек бы так Амир царь, что при-
доша татьбою братаничи и убиша
мя [л. 173]

Начнут со мною претворити [вм прю
творити] [л. 173 об]

Благословен господь бог наш, научаяя руце
наша на ополчение персгы наша на
брань [л. 174]

Братаничи же отъехаша от шатра и на-
чаша метати жреби, ввергоша в первы
рас, и вынялся жреби меньшему брату на
брань ехать Братия же ввергоша други
раз жреби, ино меньшему же ехати Поне-
же не силен есть, они же ввергоша
гreti раз жаления ради брата
своего, и выняса меньшему брату
ехать на брань [л. 174 об]

Ника[ко]же, брагтя, не имейте никакова
помыслу в уме своем [л. 176]

Отвергнися правдою веры своя
[л. 176 об]

Сам же юноша красен велми лице же
его бело, аки снег, а румяно, аки ма-
ковой цвет, власы же на нем красны,
аки золото чисто, очи же его велми
велики, пристрашно зрети на него
[л. 180]

Видев же то отец его и стрьеви и
удивившася, что же сотвори ему
бог юношу и подав ему силу и
храбрость [л. 180 об]

Молим тя, преславне, не поленися, приди к нам не во мнозе силе на Ефрант реку. . .

А мы, преславный Девенги, молим тя: не поленися, потруди ся, приди к нам не в болшей силе на Ефрант реку. . . [л. 182].

Кроме приведенных примеров сохранения лучших чтений оригинала, Титовский список в одном месте позволяет исправить перестановку, ошибочно сделанную переписчиком текста Погодинского сборника.

Братья приходят в шатер к сестре и начинают ее расспрашивать:

Погодинский текст

Повеждь нам, сестрица, дерзость Амира царя, аще к тебе прикоснулся единым словом, то отыдем же главу его и отвезем в Греческую землю, да потом не будет похвалятися, осквернив крестьянскую деву. В то жь время Амир царь собратриста верблюд и наполни на них драгаго злата аравитцаго и дал братаничам в даровях, любви ради девицы тояирече Амирцарь ко братаничем: помилуйте мя, братия моя, отвергусь я веры своея и днесь крещуся во святое крещение, да буду вам зять. Рекоша же братия к сестре своей: повеждь нам сестрица наша, аще со Амиром царем сраму добыла еси, то мы отыдем главу его и отвезем в Греческую землю, да не будет похвалятися, осквернив крестьянскую деву. Рече же девица ко братии: никакоже, братия, не имейте никакова [помысла] о мне во уме своем, — коли я исхищена Амиром царем, и тогда было при мне 12 кормилиц, а ныне боюсь поношения от людей и от своих сродниц, занеже бысть полоненица; занеже и аз поведала Амиру царю дерзость вашу, и Амир царь всегда ко мне приежжаше единою месяцом и издалеча на меня смотряше; лице мое повеле сродичем своим скривати, а в шатер никто же николи же вхождаше; а ныне, братия моя милая, хощу к вам глаголати, да прежь хощу вас заклинати молитвою матери нашея — да не преслушати вам заповеди моея, — аще толко отвержетца Амир царь правдою веры своея, и днесь креститьца во святое крещение, и иного вам зятя таковаго не обрести, занеже славою славен и силою силен и мудростию мудр и богатством богат. Рекоша же братия к сестре своей: совокуит вас матерня молитва со Амиром царем. И рекоша братаничи Амиру царю: аще хощешы быти нам зять, и ты отвергися веры своея поганья любве ради сестры нашея. . .

Титовский текст

Повеждь нам, сестра наша, нам дерзость Амира царя. Аще тебе прекоснется единым словом, то отыдем главу его и отвезем в Греч[еск]ую землю, да потом не будет похваляется, осквернив христианскую девиду. Рече же им девица ко братии своей: Ника[ко]же, братия, ни мейте никакова помыслу в уме своем. Когда я исхищена была руками Амиром царем, и тогда было [при мне] 12 кормилиц. Аз же поведала дерзость вашу Амиру царю. И Амир царь всегда ко мне приежал единыжды в месяц, издалеча на меня смотрил. А лице мое повеле слугам своим покрыты и в шатер николи же вхождаше. Ныне бо вся боюся поношения от людей и [с]родник своих, занеже полонница [есмы]. И хощу вам глаголати, братия моя, да преже хощу вас заклинати молитвою матери нашея, да не преслушати вам заповеди моя. Аще то[ль]ко отвернетсся Амир царь правдою веры своея и днесь крести[т]ся во святое крещение, ино вам зятя [таковаго] не нареши, и занеже славою славен, и силою силен, и богатством богат. Рекоша же братия к сестре своей: совокуи вас матерня молитва со Амиром царем. В то же время Амир царь собратриста верблюд и наполни на них драгаго злата аравитцаго и дасть братиям в дарех любве ради девицы тоя. Рече Амир царь ко братии: помилуйте мя, братия моя милая. О[т]вергнуся веры своея и днесь крещуся во святое крещение, да буду вам зять. Рекоша же братаничи ко Амиру царю: аще хощешы нам зять быти, отвергися правдою веры своея любви ради тоя девицы. . .

Сопоставление текстов с очевидностью показывает, что появление Амира с верблюдами, нагруженными золотом, в Погодинском списке по

недосмотру писца вставлено в диалог сестры с братьями, разрывая его. Для того чтобы связать с текстом последующую реплику девушки, понадобилось повторить вопрос братьев. Этой ошибки нет в Титовском списке, где все рассказано последовательно.

Итак, рассмотрение Титовского списка „Девгениева деяния“ показывает, что он отличается рядом несомненных преимуществ: наибольшей полнотой текста, большей сохранностью старинного словаря, соблюдением в ряде случаев лучших чтений, отсутствием перестановки эпизодов, имеющейся и в Погодинском тексте. Это вызывает необходимость полного его издания.

Как было сказано выше, Титовский список, при несомненных своих достоинствах, не отличается орфографической исправностью. Одни ошибки произошли явно от непонимания графики оригинала, бывшего перед писцом, другие были случайными описками, третьи (довольно многочисленные) — следствием недостаточной грамотности.

В нашем издании раскрыты титла, разделены слова, введены пунктуация и современная орфография (кроме фонетических написаний). Везде, где было возможно, ошибочные чтения исправлены в сносках (исправления обозначены буквами). Отдельная буква относится к предшествующему ей слову (или слову с предлогом). Две буквы обозначают отрывок текста, заключенный между ними.

ДЕВГЕНИЕВО ДЕЯНИЕ

(По списку сборника № 4369 из собр. А. А. Тигова, лл. 172—188 об.)

[В начале вырван один лист. Содержание восстанавливается по Погодинскому списку: у знатной вдовы было трое сыновей и дочь. Девушку в отсутствие матери и братьев похитил Амир. Мать оплакивает ее. Сыновья возвращаются и спрашивают плачущую мать, кто ее обидел. Та рассказывает им о похищении дочери и приказывает сыновьям: „Идите вы, угоните Амира царя и отоймите сестрицу свою прекрасную; аще сестры“ [л. 172] своя не отымете, и вы тако главы своя положите за сестрицу свою, и я во^а всех вас^б якоже бесчисла^в есть. Рекоша сынове ея: Мати наша, не скорби и не тосни^г о том, ^дда имам^д молитву вскоре и скроем путь свой. Предпоясашася оружием своим, и вседоша на кони свои и поехаша яко златокрылате ястребе, кони же под ними яко летаху. И доехаше^е ^жи убежаша^з срачинския земли, сретоше^з некоего срачина стражу деюща. И нача братаничи ево спрашивать: Повещдь нам, срачин, сколко до жилища вашего Амира царя? Срачин же извлече меч свой тачаше^в на них дерзосте^н чаяше беглеце их суть, не ведая их дерзости^т. И скочив же их менши брат, и ухвати срачина за горло, и примча ево ко братией своей, и хоташе его убити. Рече же им болши брат: Братия моя милая! чем нам мечи своя о срачина ^мкалать калит ли^м о самаго Амира царя, той есть винен. А сего срачина привязаша [л. 172 об.] на горе ко

[л. 172] ^аош. вместо о. ^бопущено оплачу. ^вош. вместо бесчадна. ^гош. вместо тоскнися. ^дош. ^дошибочно вместо дай нам. ^еош. вместо доехаша. ^жош. вместо сумежия. ^зош. вместо сретоша. ^нош. вместо течаше. ^тош. вместо дерзостне. ^мош. вместо дерзости. ^м—^миспорченный текст вместо калнити, калним их (от „калнити“ — сквернити), далее пропущено несколько слов.

дрегу. А сами поехаша пудем^а своим и сretoша многих стражей Амира царя от великия реки рекомыя Баграницы. Бяше же их числом три тысячи. Видеша же братия великую^б стражу Амира царя и рече больши брат: Братия моя, добро во едином месте ехати на стражей Амира царя. И рече средни брат: Братия моя милая, то есть стража болша Амира царя, разделимся натрое. Больши брат^в с правыя руки, средни — в болшем полку, а менши — с левую руку поскочиша на людей Амира царя и начаша иг^г бити, яко добри косцы траву косят: ових связаша^д, ових же секоша и нагнаша^е их посреди собою, яко добри пастухи овцы. Пригнаша их и побиша, только трем мужам в^ж живот даша провозждения ради ко Амиру царю. И начаша их вопрошати: Повезде^з нам, срачиняни, во граде ли вашем Амир царь пребывает или нет? Отвеща^н же срачиняне: Братия милая, Амир [л. 173] царь наш вне граде^д пребывает, за семь поприщ пребывает от града. Многие у него шатры стоят, во едином шатре многие тысячи вмещаются силни и храбры, един на сто поидет. И рекоша братия срачянам:^б Аше бы мы не боялися бога, давно бы вас смерти предали. Но вопрошам^г вас, да не в соблазн приидем: Повездьде^г, каков шатер у Амира царя? И рекоша срачиняне: У Миря^а царя шатер червлен, а по полу зелен, а по шатру златом и серебром и жемчугом укачен и драгим каменiem украшен. А у брата его шатер синь, а пополу зелен, а по шатру такожде украшен. А иные многие и прочие шатры стоят, и в них пребывают кмети. А емлют^а царя прибытку на гот по тысячи и по две, и сильни, и храбры есть, един на сто поидет. Братаничи же отпустиша их ко Амиру царю и рекоша им: Отнесите словом вести ко Амиру царю, да^ж рек бы так Амир царь, что приидоша татьбою братаничи и убиша мя. Срачиняна же^г ради отпущения^н и принесоша^а [л. 173 об.] словом весть ко Амиру царю. Слышав же Амир царь ужасен бысть и рече кметем своим: Братия моя милая, силни кмети, видех аз начесь сон, аки ястрепе взяша мя крылы своими, едва не предлежат^а на теле мем^б ран, занеже братаничи приидоша и начнут со мною предтворити^в. В то же время приехаша братаничи к шатру Амира царя и начаша кликати Амира царя вон зоваху: Повездь нам, Амир царь, что не имееши на пути стражей поставитъ? Мы к шатру приехаша безо всякой обороны. А ныне повездь нам^г братья и уязви^н пришет исхитил еси сестрицу нашу татьбою. Аше бы мы пригодились дома, то не мог бы ты убежати^н сестрицею нашею, но злой бы смертию умер, но вся бы земля твоя у нас в работе была. А ныне повездь нам, где сестрицу нашу девал? Отвещав же им Амир царь: Братия моя милая, видите гору оную велику и прекрасну? Тамо бо почтеные^г жены и прекрасные девицы. Тамо же [л. 174] сестра ваша посечена, занеже не сотворила воли моею. Рекоша же братаничи: Братия милая, поидем на оную гору прекрасную и видим мертву девицу, возьмем на, потом со Амиром царем управимся. И седоша на кони и поехаше на гору и видеша на горе многие жены и прекрасныя девицы посечены. Нача же они сестры своя искати и обрете

[л. 172 об.] ^аош. вместо пудем. ^бош. вместо великую. ^вопущено поезде. ^гош. вместо их. ^дош. вместо связаша. ^еош. вместо погнаша ^жош. вставка. ^зош. вместо повездьде. ^нош. вместо отвещаша.

[л. 173] ^аош. вместо града. ^бош. вместо срачяням. ^вош. вместо вопрошаем. ^гош. вместо повездьде. ^дош. вместо Амира. ^еош. вместо от. ^жопущено не. ^з—^ношибочно повторено в начале следующего листа 173 об. ^нопущено быша.

[л. 173 об.] ^аош. вместо предложиша. ^бош. вместо моем. ^вош. вместо прогворяти. ^г—^ниспорченный текст ^допущено с. ^еош. вместо посечены.

едину девицу прекрасну зело, и начаша по нея^а слезы испущати, чающе, яко сестра их. Рече же их менши брат: Несть сестра наша, и не нашего роду. Седше же братия на кони своя и вопияху песнь ангельскую велегласно ко господу: Благословен господь бог наш, научай руде наша на ополчение, персты наша на брань. Попомним, братия, слово матери своея, днем мы родилися, днем мы и скончаем по повелению матери своея и славы^б своея^в положим за сестрицу свою. И прискочиша к шатру Амира царя и шатер на копьях подныша, Амира царя вон зовуща. Рече им Амир царь: Братия [л. 174 об.] моя милая, отъидите от шатра сего прочь и измечи^в меж себя жреби, и^б кому у^в вас со мною вынется жреби братия^г. Аще ли мя пределеете, то и сестрицу^д свою возьмите. Аще из вас пределею, и мне годно всех вас посеши. Братаничи же отъехаша от шатра и начаша метати жреби, ввергоша в первы рас, и вынялся жреби меньшему брату на брань ехать. Братия же ввергоша другой раз жреби, ино меньшему же ехать. Понеже не силен есть, они же ввергоша трети раз жаления ради брата своего и выняса меньшему брату ехать на брань. И рекоша братаничи меньшему брату: Занеже вы с сестрицею своею матери утробы вместе шли, и того ради не разнить вас с сестрицею. И начаша братаничи меньшаго брата снарежати. И где стояху братаничи, и то место, аки сонце, сияет, а где Амира царя снарежают, и то место, аки тма темная. Братаничи же ангелскую песнь восылают к богу: Владыко, не подай создания [л. 175] своего в поругание поганым, да не возрадуются поганые, осквернших^а христианскую девицу. Седше же они на кони своя и съехаша^б вместо со Амиром царем. И начаша сециса саблями и ударишася мечем меж себя и копьями. Видевше же то срачиняне и многие имети дерзость меньшаго брата и рекоша Амиру царю: Велики государь! отдай им сестру их и прими^в от них^в мир от них, се бо меньшей брат их крепость твою победил. Аще совокупяща на едино метсо,^г то взя^д земля наша у них в работе будет. Менши же брат, ухватив рогвицу, заеде созади Амира царя и удари его меж плечи рогвицею^е его и долу^б с коня сверже, и ухвати его за власы и примчи его ко братием своим. И рекоша вси срачине велегласно ко Амиру царю: Отдай, государь царь, сестру их, да ты не погубят до остатку. И рече же им Амир царь: Помилуйте^ж, брати^з милая, днешь крещуся во святое крещение любве ради тоя девицы, да буду вам [л. 175 об.] зять. Рекоше братаничи: Брате, Амир царь, власть имама посеши ты, и власть имама пустити тю^д. Как за холопа сестра дать? А ныне повеждь нам, где сестра наша? Рече же им^б сестра ваша^б Амир царь слезно: Братия милая! видите оное поле прекрасное: тамо стоят многие шатры, а в них пребываю^в сестра ваша. А где сестра ваша ходит, и то место изослано позволами златы^г, а лице ея покровено драгим мангитом, а страже те ея далеке от шатра стояху. Слышавше то братия радосни бысть и поскочиша к шатру ея. И приехаша к сестре своей и обретоша ю на златом стуле сядяще, а лице покровено драгим мангитом. Начаша ея братия вопрошати слезно: Повеждь нам, сестра наша, нам^д дерзость Амира царя. Аще тебе прекоснетя^е единым

[л. 174] ^аош. вместо ней. ^бош. вместо главы. ^вош. вместо своя.

[л. 174 об.] ^аош. вместо измечите. ^бош. вставка. ^вош. вместо от. ^гош. вместо битисы. ^дош. вместо сестрицу.

[л. 175] ^аош. вместо оскверня. ^бош. вместо съехашася. ^в—^бош. повторено. ^гош. вместо место. ^дош. вместо вся. ^е—^бош. вместо и долу его. ^жпропущено мя. ^зош. вместо братия.

[л. 175 об.] ^аош. вместо ты. ^б—^бош. повторено. ^вош. вместо пребывает. ^гош. вместо златыми. ^дош. повторено. ^еош. вместо прикоснется.

словом, то отъимем главу его и ^жовезем в Гречую^ж землю, да потом не будет похвалятса: оскверних христианскую девицу. [л. 176] Рече же им девица ко братии своей: Ника^ж же, братия, помните^б никакова помыслу в уме своем. Когда я исхищена была руками Амиром царем, и тогда было^в 12 кормилиц. Аз же поведа дерзость вашу Амиру царю. И Амир царь всегда ко мне приезжал единыжды в месяц, издалеча на меня смотрил. А лице мое повеле слугам своим покрыти и в шатер николи же вхождаше. Ныне бо вся¹ поношения от людей и ^лродник свой^л, занеже^д полоница. И хошу вам глаголати, братия моя, да прежде хошу вас заклинати молитвою матере нашея, да не преслушати вам заповеди моя. Аще тако^ж отвернется Амир царь правдою веры своея и днесь крестися^в во святое крещение, ино вам зять^н не нареши и занеже славою славен, и силою силен, и богатством богат. Рекоша же братия к сестре своей: Совокупи вас матерняя молитва с Амиром царем. В то же время^ж Амир царь собра три ста верлбют^д и наполни на них драго^н злата аравицкога и даст братиям [л. 176 об.] в дарег^д любви ради девицы тоя. Рече Амир царь ко брати^б: Помилуйте мя, братия моя милая! Овергнуся веры своея и днесь крещуся во святое крещение, да буду вам зять. Рекоша же братаничи ко Амиру царю: Аще хощещи нам зять быти, отвергнися правдою веры своея любви ради тоя девицы, кретися^в во святое крещение и поиди с нами в Греческую землю со любимой своей девицею. Рече же Амир царь: Братия милая, не дамся я в сраме, да не рекут гречане, яко полоняна зятья ведуг. Нарусь^л аз вам зять, с велиою^л честию прииду. Хошу прежде ехать и собрать верглюдов^в со всей земли и наполнити на них богатъста^д. И хошу зобрати сильних кметей, и кто хошет со мною итти во святое крещение. И приду к вам в Греческую землю, и нарекуся вам зять, и буду славен и богат. А вы коней своих не томите, пождите мя на дороги. Братаничи же взем сестру свою и поехаша путем своим. Амир царь приехав к матери своей [л. 177] и ко братиям своим и начаша им прелестью глаголати, да, чтобы его не уняли. И рече же матери своей: Мати моя милая, что ходил я в Греческую землю и полонил себе любимую девицу. И прииде вслет мене братия ея и начаша со мною битися. И един от них крестъ^д мою победил. Аще бы совокупил^б все трое во едином месте, то бы вся земля наша у них в работе была. Рече же мати ко Амиру царю гневно, власы главы^в терзати и лице^л: На что не^д нарицаешися царем и сиальни имеешь у себя кмети, прибытку емлют по 1000 и по 2000. Иди, ^жсовоку вося^в много и поиди в Греческую землю и победи братию, а любимую девицу привези семо. И рече Амир царь прелестию к матери своей: А я, мати, то же сотворити хошу, собрати воя, ити пакости творити в Греческую землю. Реч^ж же брат Амира царя: Поидем, брат Амир царь, вскоре собрав войско, да не допустим братию с любимой девицею во грат. Рече же Амир царь брату: Сиди ты на престоле моем, а я хошу един ехать пакости творити в Греческой

^ж—^жош. вместо отвезем в Греческую.

[л. 176] ^жош. вместо никака. ^бош. вместо не имейте. ^впропущено при мне. ^гош. вместо боюся. ^л—^лош. вместо сродник своих. ^ппропущен воспом. глагол есмь. ^жош. вместо только. ^зош. вместо крестится. ^нпропущено таковаго. ^бош. добавлено Ариц. ^лош. вместо верблюд. ^нош. вместо драгаго.

[л. 176 об.] ^дош. вместо дарех. ^бош. вместо братин. ^вош. вместо крестися. ^гош. вместо нарекуся. ^лош. вместо великою. ^бош. вместо верблюдов. ^жош. вместо богатства.

[л. 177] ^жош. ^л вместо крепость. ^бош. вместо совок, пились. ^впропущено своея нача. ^лпропущено свое и рече ему. ^лош. вместо же. ^б—^бош. вместо совокули войска ^жош. вместо рече.

земли. В то же время Амир царь посади [л. 177 об.] брата своего на престоле своем, а сам собра войска много и собра багаства и врлюдов^а со всей земли той и наполнив на них драгаго злата аравидскаго и камня многоденаго. Видев же то срачиняна яко наряд^б не ходят так, а не глаголаше ему ничего. Егда же доиде Амир царь^в ко Аравитяном: Братия моя милая, силни кмети аравитския, кто хошет со мною итьти в Греческу землю пакости творити? Рече же от них^г аравитянин, во устах имея 12 замков и рече же велегласно ко Амиру царю: Велики государь Амир царь, преидоша от Греческой земли в нашу Срачинскую землю три юноши. Един от них крепость твою победил, аще бы все трое совокупились на едином месте, то и вся земля наша в работе была. А ныне итти хошеши в Греческую землю пакости творити, то они до остку^д всех погубят. Амир же царь отпусти богаства наполненные верблюды наперет, взяв собою 'не отомно^е кмедей^а своих и поиде в Греческую землю. Братаничи же не идоша^г греческаго града за пядьдесят поприщ [л. 178] и стаха. Сестра же их нача молити: Братия моя милая, не введи^а мя в срам велик от человек и от своих сродник, зане аз исхищена была Амиром царем, пождитя зятя своего. По мале же времяни приде царь Амир к ним со всем богаством и с верглюды, наполнены златом и серебром. И рече же им Амир царь: слава тебя^б, богу, благодаявшему мне. Сподобил мя бог братию во очи видети. И рекоша братие ко Амиру царю: Рабе христов, в нынешние дни буди нам зять. Два же брата, большей и средней сестрицею^в своею поехаша во грат^г нощию народ^г ради приехаша в дом матери своя. Видевши мати их два сына и тщерь свою и рече им слезно: Сестрицу вы добыли, а брата избыли. И рече сынове ея: Радуйся мати, брат наш меншия пребывает з зятем, со Амиром царем в товаришах. А ныне доспей брак велик, занеже есмы добыли зятя: славою славен и силою силна и богаством богата, а ныне нам довести его в божественное крещение. И земше^а патриарха града того со всем собором и поидоша на Ефрат реку и сотвориша [л. 178 об.] купель твыдоша^а из града множество людей. В то время приде на Ефрат реку Амир царь, видевше же братаничи Амира царя^б исполчения творагшася на ня. Рече Амир царь прелестию дею ко аравитяном^б. Братаничи взем Амира царя и скоро его ввергоша в божественное крещение. И крети^в его сам патриарх^в, а отец крестны сам патриарх^г града того. И ведоша его в дом матери своя и сотвориша брак велик, преславен зело по три месяцы. И потом же Амир царь сотвори особой двор и полаты, и нача жити з женою своею. По мале же времяни слышав мати Амира царя, что крестися Амир царь и отверзеся веры своя любве ради тоя деведы, тоя^а и нача терзати власы з главы своя и собра войска срачинские земли и рече им: то^б имать дерзость внити в Греческую землю^а и оне-сем^а ко Амиру царю. Она же им даша много злата и сребра и даша

[л. 177 об.] ^аош. вместо верблюдов. ^бош. вместо на рать. ^впропущено до сумежня Греческия земли и рече Амир царь. ^гпропущено еднв. ^дош. вместо остатку. ^{е-б}ош. вместо немного. ^жош. вместо кметей. ^зош. вместо доидоша.

[л. 178] ^аош. вместо введите. ^бош. вместо тебе. ^вош. вместо с сестрицею. ^гош. вместо нощию народа. ^дош. вместо вземше.

[л. 178 об.] ^аош. вместо и выидоша. ^{б-в}испорченный текст вместо истомна от народа. ^гош. вместо крести. ^дош. вместо патриарх. ^еош. повторено. ^жош. вместо кто. ^зпропущено к господину своему Амиру царю и извести его из Греческой земли с любимую девицею его? И рекоша ж ей три срадынана: мы, госпоже, идем в Греческую землю. ^аош. вместо отнесем, далее пропущено книги, текст в этом же месте испорчен также и в Погодинском списке.

им три коня рекомы^к: Ветрениды, вторым^к, третьей — Молни^г. И аще будите в Греческой земли и увидите господина своего Амира царя, изведите его из Греческой земли, и сядите его на Ветрениду, [л. 179] и невидимы бысть никому. Аще видити^а в Срачинскую землю з господином своим Амиром царем и со девицею, и садите^б на Гром, и тогда услышат вси аравити^в Срачинские земли. Аще сядите на Молнию и невидите^г будите в реческой^д земли. Срачина же взяша три коня и книги ко Амиру царю и поехала путем^е. И приехала во грат гречески и стаха вне града в сокровенное место и вседше на Молнию, и невидими бысть в Греческой земли. Тоя ше^ж нощи царица прекрасная жена^з видевши сон и ужасно суть^и, поведаша братии своей: Братия моя милая! Я ночесь сон видех: в некое время влеташа в полату мою златокрилат сокол и ят^к изнесе из полаты моея. И потом прилетоша три враны и напустиша^л и сокол мя отпусти. Братия же собраша во граде все волюхвы и книжницы и фарисеи и поведали сон сестры своея. Они же рекоша им: Госпожу нашу прекрасну зять ваш новокрещеный Амир царь по велению матери своея хошет исхитить из полаты и бежати в Греческую^н землю с любимой вашею сестрицею. И три врана то суть срачиняна, стоят же во граде [л. 179 об.] в сокровенном месте, присланы суть по Амира царя з грамотами от матери его. Братия же пришед ко Амиру царю и начаша его обличати. Он же кляся живым живым^о образом, и земши^п они Амира царя^а и книжницы, и фарисеи и обретоша за градом три срачина изымаша^р и нача их вопрошати. Он^т же кляняхуса им, что не ведает Амир царь. И они же крестиша их в божественное крещение и нача жити у Амира царя. А кони их взем Амир царь^с из града^д шурым своим. И потом книжницы и фарисеи^ж проповедаху и нача^з о рождени Девгениева^з. И потом царица Амира царя прия плод во утробе мужеска полу и родит^и сына и нарекоша имя ему Акрид. И крести его божественным крещением. В том крещени и нарекоша имя ему Девгенг^г.

Преждени Девгениеве^г, сына Амира цара.

По мале же времени родися у Амира царя сын и крестиша его в божественное крещение сам патриарх, мати крестная — царица. И воспитав Амир царь сына своего до десяти лет суца. На первое надешать лето и на второе нача костем^ч играти [л. 180] а на третие надешать лето^а на конех ездить. Юноша^б же гораз на ргане^б храбровати, аграгант^в же под ним играти. Сам же юноша красен вельми, лице же его бело, аки снег, а румяно аки маковой цвет, власы же на нем красны, аки злато чисто, очи же его вельми велики, пристрашно зрети на него. Отец же его избра коня ему бел аки голубь, а в гриве учинены у него многие звонцы, и от прегудания ум человечески мыслити не может. Начнет юноша на коне скакати, а конь под ним играти, и от прегу-

^кпропущено первый конь. ^к ош. вместо второй, далее пропущено — Гром. ^гош. вместо Молния.

[л. 179] ^аош. вместо видити. ^бош. вместо сядите. ^вош. вместо аравитяне ^гош. вместо невидими. ^дош. вместо Греческой. ^епропущено своим. ^жош. вместо же. ^зпропущено Амира царя. ^иош. вместо бысть. ^лпропущено мя за руку и. ^ппропущено на сокола. ^нош. вместо Срачинскую.

[л. 179 об.] ^оош. повторено. ^пош. вместо вземше. ^рпропущено и поехала с ним за город с. ^спропущено их. ^тош. вместо они. ^чош. вместо и роздал братаничем. ^ж—^зош. вместо начаша проповедати. ^зош. вместо Девгениеве. ^иош. вместо роди. ^иош. вместо Девгенг. ^гош. вместо О рождении Девгениеве. ^гош. вместо копием.

[л. 180] ^апропущено начаше. ^б—^бош. вместо горазд на драганте. ^вош. вместо драгант.

дания звонцов тех человечески ум восхитится. На четвертое надесять лето похваляется¹ на всякие звери без оружия ездить. И нача отца своего нудити и стрьев, отец же его нача бранити: Чадо! рано тебе о ловех мыслити. И повеле милостивником своим кони седлати и на лов ехати с юношами съверзниками. Людие же града того многие поидоша на лов смотряти, преславнаго того чудеси, коко² сей юноша млад хощет над зверми дерзость показати. Отец же его и стрьеви начаша зайцов и ловити. Преславный же Девенги³ посмеяся им: Яко нет зверей, ловят зайцов введе их в дальную пустыню, в дрязг. И слесе⁴ с коня своего и нача [л. 180 об.] по пустыни ходити, виде лося бегуща, и нагна его пес, яко борзее своего фарисея⁵. И нагна и ухвати его за задние ноги, и раздра его надвое и влече его на руку, иде пустынею, видя бегуща медведи разъемлюща челюсти. И догнав, и ухвати его и согнете его лохтями, из медведя чрево все вышло. Видев же то, отец его и стрьеви удивившася, что же сотвори ему бог юношу и подав ему силу и храбрость. Люди же многие стояху и дивляхуся. В поле же виде отец его и стрьеви из густаго лесу ис тростию бегуща лютаго зверя разъемлюща челюсти и хотяше поглотити юношу. И рече отец его: Чадо мое Девенги⁶, пометаи мертвыя звери, живая на тя бежит, зверь хошет тя поглотити, то есть ни лось не медведь. С великою обороною приступив, виде же юноша лютаго зверя, и ухватив меч и поточи⁷ ему встречу и удари его мечем в главу, и разсех его надвое. Видев же то, отец и стрьеви радости⁸ быша. И поцеловав отец его во уста и во очи и во уши, каково дарова ему бог такова отрока и подаст ему силу на⁹ всеми храбрыми и сильными. И рече отец сыну своему: Светозарное солнце [л. 181] преславный Девенги¹⁰ от пуду¹¹ зверину и от хля медвяжьа порты на тебе изружились¹². Поидем ко источнику, есть в сей пустыни источник воды, в нем аки свеща сияет, но прич¹³ людей не может к нему никто прийти. Ныне, чадо, сам тебе своима руками омыю лице и руде и нозе. Видев же то граждане поидоша зрети предивнаго того чудесе. Преидоша¹⁴ же они ко источнику нача отец лице и руде и нозе омывати. Руде¹⁵ им Девенги¹⁶: Руде мои моет, а еще же им колым¹⁷ быти. По мале же времени прилете зми¹⁸ ко источнику тому, имеяй у себя яко человечески главы четыре. Видев же то преславны Девенги¹⁹ и взя меч и поскочи против змия и удари его мечем и отнял ему все главы прочь. Видев же то царь о²⁰ стрьеви и все граждане, и дивившася чудеси его, и нача ево отец снаряжати сам своима руками, положи на него устя²¹ драгие портища с сухим златом сканья, а перукавье²² з драгим мангитом. Юноша же седши на конь свой рекомыя на борзы фарь и нача скакати, а конь под ним играти храбро, звонцы доброгласно начаша перугудати²³ [л. 181 об.] и приеде же со отцем своим и стрьеви в дом матери своя²⁴, начаша же мати его радоватися видев же²⁵ сына своего и любезно целовати и с той поры нача Девенги²⁶ помышляти всегда о ловех. И²⁷ девенгиеве²⁸ храбрости пистио²⁹ како³⁰ сотворися и посланые³¹ Филип поп³² и Максимиана девица.

¹пропущено юноша. ²ош. вместо како. ³ош. вместо Девгений. ⁴ош. вместо слезе. [л. 180 об.] ⁵ош. вместо пеш. ⁶ош. вместо фаря или фарижа. ⁷ош. вместо Девгений. ⁸ош. вместо потече. ⁹ош. вместо радостни. ¹⁰ош. вместо над.

[л. 181] ¹¹ош. вместо Девгений. ¹²ош. вместо поту. ¹³ош. вместо изрудившася. ¹⁴ош. вместо от простых. ¹⁵ош. вместо приидоша. ¹⁶ош. вместо рече. ¹⁷ош. вместо Девгений. ¹⁸ош. вместо калным. ¹⁹ош. вместо змий. ²⁰ош. вместо со. ²¹ош. вставлено. ²²ош. вместо перерукавье. ²³ош. вместо перегудати.

[л. 181 об.] ²⁴ош. вместо своя. ²⁵ош. вместо видевше. ²⁶ош. вместо Девгений. ²⁷ош. вместо о. ²⁸ош. вместо Девгениеве. ²⁹ош. вместо писание. ³⁰⁻³¹ош. вместо сотворили сие послание.

Слышав же то Филип поп и Максимиана девица о храбрости и о силе Девенгиеве^х и нача помышляти, како бы его изловити, аки зайца в тинето^н. Филип храбр и силен зело, и много войска имеет, такожде и Максимиана девица мужескую храбрость имеет, войска такожде^н. И поидоша на преславнаго Девенгиа^г и приидоша и стаха не дошет града греческаго на реце Ефрате. И послаша Максимиана грамоты с лестию к преславному Девенгию^н: О, свете светозарное солнце, преславный Девенги!^н ты царствуеши во всех нас храбрых и сильных, яко май месяц во всех месецах. В майе месяце всякая небесная и земная^о процветает, и дресвеса лесвие^н распушает^н и всякая небесная красота содевается, такоже [л. 182] и ты в нас преславный Девенги^а. А мы, преславный Девенги^а, молим тя: не поленися, потрудися приди к нам не в болшей силе на Ефрат реку, да видим юность твою и храбрость, а нико^б же несть помышления никакова. Прочет же те грамоты преславный Девенгий^а и просмеялся и рече отцу своему: Отче, кощю ехати, видети преславна и храбра Филип^в Максимиану деду. Рече же отец его: Чадо мое милое, преславный Девенги^г, рано тебе на рот^г помышляти, в ратех побеждетельных не бывал еси, понеже Филиппоп^в на ратех и силен и храбр, такожде и Максимиана дивица, и войска многа имеет. Девенги^а же описал^х грамоты, посла к ним милостивника своего и рече: Срам ми есть велик в том, что против жены ехати битися, а ты Филип^о стар стры, почто во мнозе силе пришел еси и повиных множесво^н привел еси ко мне? Рече же Максимиана девица: Никаже^з, светозарное солнце, преславный Девенги^г, не имей помысла во уме своем никакова, никакоже зане приехали юности твоея видети. Девенги^а день ото дне помышляше, како бы ему видети храбрость [л. 182 об.] Филип^а, взя милостивников своих немного с бою и проша молитву у отца своего и у матери: В борзе благослови мя, отче и с материю моею. А в том помышления не имете никакова, занеже от руки человеческия на теле моем не будет раны, занеже надеюся на силу божию и на твою отеческую милость и на матерную. И вседше на конь и поехаша в путь свой. На Ефрат реку прииде и стаха на брезе и посла милостивников своих Филиппопе^б и Максимиане девице. Видев же Филип поп^а учреждению вою Девенгиеву^г немного и нача за ним гоняща со всем войском своим. Видев же то Девенгиа^г изгнание^г прелстителей и ухватив копие и подопре в реку копишем^а прескоша^з пеш яко чужи сокол от руки ловца, возопи гласом велегласным: Дайте конь, рекомы Фарь! Всет на конь свои и нача гоняти, яко добры косец траву косити: в первом покосе тысящу, в другом — другую тысящу победил, в третьем покосе нагна Филип поп^а и удари его мечем мещу^н плечи розгвидею^в и долу его с коня сверже^г вяжуша^м Филип поп^а и заправи копием^н своим^о и хотя исколоти преславнаго Девенгиа^н. [л. 183]. Видев же то

³ош. вместо Филипаг. ⁴ош. вместо тенега. ¹пропуск: сильно и храбро добре, яко Македоняне. ⁵ош. вместо Девгеняя. ⁶ош. вместо Девгеню. ⁷ош. вместо Девгений. ⁸пропущено красота. ⁹ош. вместо дививие. ¹⁰ош. вместо распушают.

[л. 182] ¹¹ош. вместо Девгений. ¹²ош. вместо никака. ¹³ош. вместо Филипата; пропущено и. ¹⁴ош. вместо рать. ¹⁵ош. вместо отписал. ¹⁶ош. вместо Филипат. ¹⁷ош. вместо множество. ¹⁸ош. вместо никакоже.

[л. 182 об.] ¹⁹ош. вместо Филипата.

²⁰ош. вместо Филипату. ²¹ош. вместо Филипаг. ²²ош. вместо Девгениеву. ²³ош. вместо Девгений. ²⁴ош. вместо гонение. ²⁵ош. вместо копяем. ²⁶ош. вместо прескочи. ²⁷ош. вместо между. ²⁸ош. вместо рогвицею. ²⁹пропущено И видев же то Максимиана девица, что Девгений. ³⁰ош. вместо вяжуше; пропущено отца ея. ³¹ош. вместо копие. ³²ош. вместо свое. ³³ош. вместо Девгеняя.

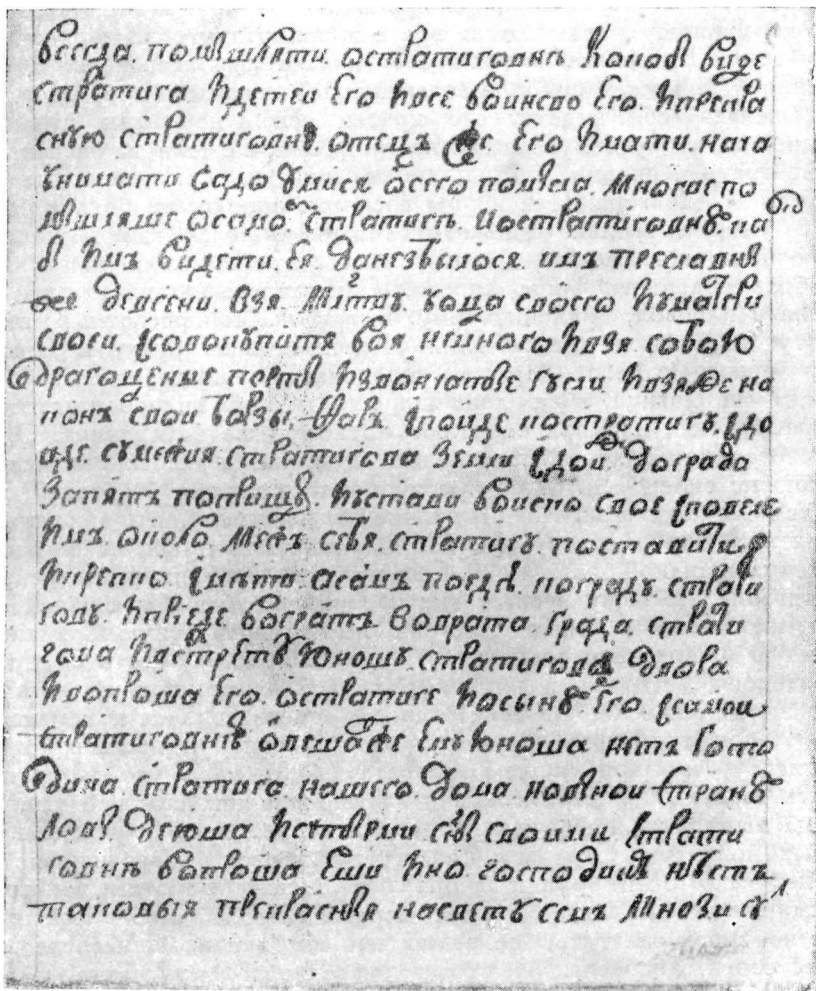
Максимияна девица, что^а Девенгия^б со зади^в. Видев же то Девенгий^г, и ухвати копие ея и удари его^д копишем^е, и долу ея с коня сверже. И взяв Филиппопу^ж и Максимиану девицу, иных побиша, а иных связаша, и нагнаша^з их пред собою, аки добры пастух овец гнаша чрес реку. В ту же пору старий стры Филип обратися на^и Девенгию^к и рече: Златокрылат ястреб, преславны Девгени, ты славен во всех нас, сильных и храбрых. Аще^л тебя есть храбрее и сильнее на свете преславны Страг^м, имея у себя четыре сына, а протчия у себя воинсва^н не может земля держати. И бе у него дщерь, велми преславна и прекрасна Страговна^о имеет мужескую дерзость и храбрость, а красотою ея несть на свете краше. Мнозя приехали цари и короли храбры и силни, а никто не может ея поняти, и никому подобна красотою и силою. А ныне пощади старость мою, помале отпусти. Рече же преславный Девгени: Хошу прочитати, аще стану граголати,^п тогда пушту возложу знамение на лице твоём простаго^р ради времени. Такжеже и Максимиана девица нача ему молитися: О, свете светозарное солнце, преславны Девгени, [л. 183 об.] мнози ко мне цари и корабли^с приехали храбры и сильни во мнозе силе, а никто мя не осквернил ни единым словом, все побеждены моими руками. А ныне богом покорена тебе еси. Аще прекоснешися со мною, да не будет нас сильнее и не может никто стояти. Рече же преславный Девгени: Брат Максимиана, не имея не от какова человека помощи кроме милости божия и материни молитвами^б, то ми поможем^в. А Девгению написано: аще прикоснешися Максимиане, и жития его шеснацеть лет, аще совокупатсца^д со Стратиговною, то жития его трицать шесть лет. Кликнув^г велегласно милостивника своего и рече: Поиди к оцу моему и к матери и рчи им тако: Родуйтесе^е, отче мой и с матерю моею, что помыслих Филиппопу^ж. И отвези^з ко отцу моему а сию Максимиану к матери моей. Да ежели прекоснешися со мною ея хотя единым словом, то не можеша в сей день жив быти. Милостивник же прииде в дом отца его и матери. И привезе им Филиппа^ж и Максимиану девицу и рече им все по ряду. Отец же его и мати бысть зело о нем всегда радосни. Преславны Девгени нача [л. 184] всегда помышляти о Стратиговне, како бы видети Стратига и детей его, и все воинсво^а его, и прекрасную Стратиговну. Отец же его и мати нача унимати: Чадо, уймися^б от сего помысла. Многие помышляше о самом Стратиге и о Стратиговне, как бы им видети ея, да не збылося им. Преславны же Девгени взя молитву у оца своего и у матери своей, и совокупитя^в воя немного и взя собою^г драгоценные порты и звончатые гусли и взяде^д на конь свой барзый фарь и поиде ко Стратигу. И доиде сумежия Стратигова^е земли, и доиде до града за пять поприщ и устави войско свое, и повеле им около меж себя стратигу^ж поставити и крепко имети, а сам поедет ко граду Стратигову. И прииде во грат, во врата града Стратигова, и встрече юношу Стратигова двора

[л. 183] ^апропущено Девгений вяжуше отца ея Филипата, хотя пробости преславнаго. ^бош. вместо Девгения. ^впропущено его. ^гош. вместо Девгений. ^дош. вместо ея. ^еош. вместо копиеш. ^жош. вместо Филипата. ^зош. вместо погнаша. ^иош. вместо ко. ^кош. вместо Девгению. ^лош. вместо а еще. ^мош. вместо Стратиг. ^нош. вместо воинства. ^оош. вместо Стратиговна. ^пош. вместо глаголати. ^рош. вместо протчаго.

[л. 183 об.] ^аош. вместо короли. ^бош. вместо молитвы. ^вош. вместо поможет. ^гош. вместо совокупитсца. ^дпропущено Девгений. ^еош. вместо радуйтесе. ^жош. вместо Филипата. ^зош. опущено его.

[л. 184] ^аош. вместо воинство. ^бош. вместо уймися. ^вош. вместо совокупи. ^гош. вместо с собою. ^дош. вместо всяде. ^еош. вместо Стратиговы. ^жош. вместо стражу.

и вопроша его о Стратиге и о сынех его и самой Стратиговне. Отвещав же ему юноша: Нет господина Стратига нашего дома, но в ѳной стране ловы деюща и с четырьми сыны своими. И Стратиговне вопрошаеши, ино, господине, несть таковыя прекрасныя на свете сем. Мнози суть [л. 184 об.] приехали, а никто в очи ея не видал, занеже Стратиг

„Девгениево деяние“. Рукопись середины XVIII века.

Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, из собрания А. А. Титова. № 4369, лист 184.

храбер и силен, и сынове и прочие^а войско ево, един на сто наидет, а сама Стратиговна мужескую дерзость имеет, иному некому подобна суть^б разве тебе. Слышав же Девгени, радостен бысть, занеже суть указана ему и написано: прикоснется Стратиговна^в, и жития сего 36 лет. И поеде же Девengi^г градом Стратиговым и приеде ко твору^д Стратигову, и нача взирати на твор^е Стратигов. Видев же Стратиговна, и

[л. 184 об.] ^аош. вместо прочее. ^бош. вместо есть. ^вош. вместо Стратиговне. ^гош. вместо Девгений. ^дош. вместо двору. ^еош. вместо двор.

прискочи ко онцу^а, и виде красоту Девенгиеву^з, и нача во уме помышляти, занеже суть^б красен, а не силен. Девенги^г же езде мимо двор и возвратися назат, и прииде в стан свой с новопринемным юшоем^к, и нача веселитися во всю ночь. Во утра^р поиде опять во грат мимо двор Стратигов и нача возгудати во златокованные гусли. От прегудания златых гуслей и златых звонцов ум человечески восхититися. Слышав же то Стратиговна, и причиче к оконцу и виде Девгени^т и рече кормилицы своей: Иди за врата и вопроси, что за дерзость^м под^н двору сему? Выиде же кормилица ея и нача ему глаголати: О, свете, свезарное^о солнце, [л. 185] млады юноша, глаголет тебе государыня наша, желает тебя видеть, что красен еси, а не силен, что имееш отродие^а ко двору сему. Изыди из града вон, а ежели ты застанет отец мой во граде и силние братия, то не можеш в си день жив быти. Отвещавше Девгени: Иди и рцы госпоже: аще бы не боялся бога, то бы зле умер смертию. А ныне повеждь мя^р и скажи ей: требует ли женою быти или рабою? А ныне глаголю ти: изыди вон и покажи мя образ велепнаго^в лица своего. Слышав же то преславная Стратиговна и иде вон, поклонися ему. Видев же то преславный Девгени красоту лица ея, и дивися нань. И прием ея за руку, и посади на гриву борзого своего Фара, и поцеловавше ея любезно, и рече ей: Повждь^т ми, девица, в си день хощеш ли жива видеть отца своего и силнию братию, или при смертию? Отвещав же ему девица: О, свете мой, свезарное^д солнце, преславный Девгени! Красотою красен еси, а силою не силен еси. Аще любиши мя истинною любовью своею, побезим до отца моего и до силние брати^о моей. Аще отец мой и братия нас^а поя^д мужескую [л. 185 об.] дерзость имею, но боронюся и сама отца и сильной брати^д моей. Отвещав же Девгени: брате прекрасная Стратиговна, не хошу в срам внити отца твоего и брати твоей, да не рекут, яко татьбою прииде Девгени, исхити прекрасную Стратиговну. И нача ю^б целовати и отпусти ея от себя. А сам поеде в шатер свой. А не ведоша^в, что Девгения^г под градом своим войском стоят. Во утра же дня повеле Девгени фариса своего седлати и крутися^т сам стал. И поиде во грат Стратигов и зя копие, и прииде ко твору^о Стратигову, и удари копием во врата его, и въеде во двор, и нача кликати велегласно, Стратиха^а вон зовяше и силних сыновей его. Стратиговна выиде ко Девенгию^з и поклонися пред ним. Служители Стратиговны, како стоит среди двора без боязни, Стратига вон зовяше. Слышав же то Стратиг, не имея веры и глагола: Зде в мой двор и птица не смеет залетить, не токмо человек внити. И не лезе вон ис полаты своя. Девенги^г же стоя три часа среди двора ожидая Стратига [л. 186] И несть ему никакова ответу, а предстоящия тут слуги Стра-

^аош. вместо оконцу. ^зош. вместо Девенгиеву. ^нош. вместо юношею. ^кош. вместо во утрае. ^оош. вместо Девгения. ^мош. пропущено имеет сей юноша. ^дош. вместо ко. ^оош. вместо светозарное.

[л. 185] ^аош. вместо оружие; пропущено и дерзость. ^бош. вместо ми. ^вош. вместо велепного. ^гош. вместо повеждь. ^дош. вместо светозарное. ^еош. вместо братия. ^жпропущено две фразы, судя по Тихонравовскому тексту. ^зиспорченный текст.

[л. 185 об.] ^аош. вместо братии. ^бпропущено Девгений. ^впропущено Стратиг и сынове его. ^гош. вместо Девгений. ^дош. вместо крутися. ^еош. вместо двору. ^жош. вместо Стратига. ^зош. вместо Девгению. ^тош. вместо Девгениеву.

тиговы не смеяше Девгению ничево глаголати. Девгени же орзе^а Стратиговну, аки орел восхити ея, и посади ю на гриву у борзаго Фариса и рече Стратигу: О, Стратиже, выди, отыми дщерь свою прекрасную Стратиговну у Девгения, да после тако не речеши, яко татбою исхитил Стратиговну. И поеде из града к милостивникам^б и въеде на гору, и обзревся^в ко граду, и не бысть гнавшаго по нем никаво же. И рече^г Стратиговне: Срам ми се добыл и хошу возвратитися и поносно им учиню. Остави Стратиговну в шатре и милостивником своим повеле стрещи ея, а сам поеде ко граду Стратигову, и възыде на двор, и удари в сени в Стратиговы копием, они же все разсыпашася во дворе же все людие ужасеся, Девгени же нача велегласно кликати Стратига, вон зовяше, и рече: О, Стратиже, кую дерзость имаши и силни сынове твои иже есми исхитил дщерь твою у тебя безо всякие обороны. Не бысть же ему никакова ответу. Девгени же рече: О, Стратиже, аще ты имеши [л. 186 об.] дерзость, и силни сынове твои, и кмети своя^а, изыде из града и отыми дщерь свою прекрасную Стратиговну, да не речеши, яко татбою исхитил дщерь твою. И поеде Девгени изо двора Стратигова и кликнув велегласно: О, Стратиге^б, аз еду из града и поеду на поле, да не речеши, яко татбою исхитил Стратиговну и побеже от нас. Девгени изрек сие, и поеде из града, и приеде к Стратиговне к шатру своему, и слез с коня, и рече Стратиговне: Сяди и обыщи главу мою, идеже^в придет отец твой и силни братия твоя с воинством своим. А ежели усну, не моги будить ужасно, но потихоньку. Стратиговна же нача ему главу искати. Девгени же успе. Стратиговна же нача очу стражу имети отца своего. Слышав жето Стратиг, вострепетася зело и нача кликати сыны своя и силни кмеди^г и тысящники: И поиде^а во слет Девгения и отыдем тдщерь мою. Выеде^б из града и узревже Стратиговна отца своего со многими воины, и ужасно бысть, и нача Стратиговна Девгению^в слезно рекуще: Преславны Девгени, свет очию^г, востани! Отец мой Стратиг прииде на тя со многими [л. 187] войны, а ты еще не совокупил воя многа своя, како против его успети хочешь? Девгени же востав рече ей: Не требую аз человеческия помощи, надеюся на милость божию. И вскочив вскоре на борзы фарь, и опояса мечем и розвицу^а с бою^б възл. И нача вопрошати у девицы: Хочеш ли отцу своему живота и брати или вскоре смерти предам им?^в Стратиговна же нача неутешно плакати и молитися прилежно, глаголаше: Свете светозарное солнце, преславный Девгени, богом даны, силою не дай умрети отцу, поношения от людей да не восприимеши, яко тестя своего убил. Рече же Девгени: Скажи ми отца своего и братию, каковы они суть? Стратиговна рече ему: на отце моем браня златые и шелом златым и камением драгим и жемчугом^г, а конь у него покрыт поволоками зелеными. А братия моя в себрых^а бранях, толко шеломы златые, а кони у них покрыты черной поволокою. Слышав жето Девгени и поцелова ю, и поеде против их, и срете их и ударишася [л. 187 об.] на них, аки сокол от руку ловца. И нача вой Стратигов^а сеши, яко добры косец траву косити: в первом покосе тысящу побил,

[л. 186] ^аош. вместо озре. ^бпропущено своим. ^ввместо обзревся. ^гпропущено Девгений.

[л. 186 об.] ^аош. вместо твоя. ^бош. вместо Стратиже. ^вош. вместо дондеже. ^гош. вместо кмети. ^аош. вместо поидем. ^бпропущено Стратиг. ^впропущено глаголати. ^гпропущено моею.

[л. 187] ^аош. вместо рогвицу. ^бош. вместо собою. ^вош. вместо их. ^гпропущено украшен. ^аош. вместо серебряных.

[л. 187 об.] ^аош. вместо Стратиговы.

в другом другую побил тысящу, в третьем покосе Стратига нагна, и удари его розгвицею^б верх шелома, и долу его с коня сверже. Стратиг же нача молитися ему: О, свете светозарное солнце, преславный Девгени, буди тебе радоватися со восхищеною девицею, дщерию мою. А ныне молю тя, дай ми вместо смерти живот. Девгени же остави его и нагна сынове его и перевязя^в и взя их, ових связаша бесчисленное^г множесво и гна иг^г пред собою, яко добры пастух овец гонит. Стратиговна же узря отца своего и нача плакати. Стратиг же нача молитися ему: Господине преславный Девгени, иже еси не предал мя смерти, вместо смерти живот дал еси нам свободу. Стратиговна же слышав от отца своего моления и брати своей, нача молити преславнаго Девгения и глаголаше: Аз есмь дана богом в руке [л. 188] твои ко мне, паки имаши власть над родителями моими, отцу моему, брати моея даждь свободу. И мати моя воскормиша мя тебе в жену, от печали свободи их. Девгени же рече Стратигу: Аз ради старости твоя пощажу тя, свободу и сыновом твоим^д, токмо хошу возложити знамя на лица ваша протчаго ради времени. Рекоша же ему Стратигичи: Господине преславны Девгени, что же нам за свобода^б знамение хоцешь класти на лица наша? Луче же есть нам у тебя умерети. Девгени же сняв крест свой многоцены златы и положи на Стратига, а Стратигов на себя крест положи вместо знаменья на них. И нача их звати^в собою ко отцу, дабы содеяли свадьбу. Отвещав же Стратиг: Несть подобно нам ехати полоняником на свадьбу. И нача молитися Девгению прилежно: Не веди мя в срам велик и чада моя и преславну Стратиговну, едина бо она у матери, яко полоняницу^д хоцю вести на Русь^д. Но возвратимся в дом [л. 188 об.] свой и радость велию сотворим в дому своем. И преславные дары примеши, и с великою радостию возвратися ко отцу своему. Слышав же Девгени молитву Стратигову, возвратися в дом Стратигов с преславной Стратиговной. И по три месеца свадьбу деюща и сотвориша радость и веселие. Многия дары Девгений взя: имение Стратигово. И поиде восвоясы ко оцу своему и к матери. И посла милостивника своего с вестию ко оцу своему и рцы им: Радуйтеся, отче с материю мою, вашею молитвою и божию помощию, все по нем^в збылолося. И пииде^в Девгени ко отцу своему и к матери. Отец же ево^б мати нача об нем радоватися и веселитися. И жити нача добре, и сончася^в со Стратиговною.

Конец оной истории.

^бош. вместо рогвицею. ^вш. вместо перевязя. ^г—^гош. вместо множество и гна их. [л. 188] ^апропущено дам. ^бпропущено коли. ^впропущено с. ^гош. вместо Стратиг. ^д—^диспорченный текст.

[л. 188 об.] ^а—^аош. вместо збылося. И пииде. ^бпропущено и. ^вош. вместо скончася.

Л. Н. ПУШКАРЕВ

Новый список „Сказания о киевских богатырях“

Среди произведений древнерусской литературы, издавна привлекавших к себе внимание не только литературоведов, но и фольклористов, наряду со „Словом о полку „Игореве“, „Задонщиной“, „Повестью о Горе-Злочастии“ и „Повестью об Азовском сидении“, мы находим и „Сказание о киевских богатырях“. Ряд крупных буржуазных исследователей-филологов (Е. В. Барсов, А. Н. Веселовский, В. Ф. Миллер, Н. С. Тихонравов и др.) пытались разрешить вопрос о жанровой природе этого памятника, о времени и причинах его создания, о его значении для решения проблемы связи фольклора с древней русской литературой.

Вошедшее в научный оборот почти сто лет назад, это произведение до сих пор продолжает интересовать ученых, привлекающих для его исследования все новый и новый материал. Так, в 1941 году А. В. Позднеев с помощью нового списка XVIII века обосновал свой взгляд на время и причины создания этого интересного памятника.¹ Уже после войны А. П. Евгеньева в своей докторской диссертации и в статье, помещенной в V томе „Трудов Отдела древнерусской литературы“, оспорила положение А. В. Позднеева и пришла, на основе анализа языка этого произведения, к противоположным выводам.

Несмотря на то, что выводы А. П. Евгеньевой имеют под собой весьма серьезные обоснования, они ограничены в своем значении. Лингвистический анализ памятника должен быть подкреплён анализом идейной сущности произведения, показом тесной связи его с общественно-политической мыслью своего времени. Анализ же идейной сущности произведения может быть только тогда полным, когда в руках исследователя будет находиться возможно большее количество списков произведения.

А. А. Зиминим (Институт истории АН СССР) найден новый, четвертый по счету, список „Сказания о киевских богатырях“. Значение нового списка заключается прежде всего в том, что он относится к третьей четверти XVII века и, таким образом, является вторым известным списком XVII века (первый список XVII века относится к 1642 году и давно известен в литературе).² Новый список датируется (по водяным знакам) 1676—1682 годами (Тромонин, № 385). Он вхо-

¹ А. В. Позднеев. Сказание о хождении киевских богатырей в Царьград. Сб. „Старинная русская повесть“, М.—Л., 1941, стр. 135—196. — В настоящее время список хранится в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР. Далее ссылки на этот список приводятся сокращенно — ИРЛИ.

² Е. В. Барсов. Богатырское слово в списке начала XVII в. Сборник Отделения русского языка и словесности АН, т. 28, № 3, СПб., 1881, и отдельный оттиск.

дит в сборник Музейного собрания № 8779 Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.¹ Список полный, с началом и концом, без заметных пропусков в изложении текста.

Интерес нового списка заключается также и в том, что он не совпадает целиком ни с одним из известных уже нам вариантов „Сказания“. В нем нет, например, развернутой формулы седлания коней, сказочного описания образа Идола Скоропеевича или распространенного описания битвы богатырей, которые мы находим в Барсовском списке. В нем нет также и описания пира у князя Владимира, встречающегося только в списке Буслаева. В списке ГБЛ нет также и сравнения матери Тугарина с белой лебедью, имеющегося в списке ИРЛИ и в других списках. В то же время список ГБЛ не включает в себе никаких новых мотивов или формул, в том или ином виде не встречавшихся в ранее известных нам списках. По своему содержанию список ГБЛ ближе всего стоит к списку ИРЛИ, отличаясь от последнего тем, что в нем имеется окончание, которого нет в дефектном списке ИРЛИ.

Вновь найденный список дает возможность уточнить некоторые разночтения текста изученных списков. Так, седьмой богатырь, называемый в списках Барсова и Буслаева „Белая Палица“, а в списке ИРЛИ „Белая пьяница“, в списке ГБЛ носит имя „Белая Поляница“. Хорошо разъясняет новый список и окончание Барсовского списка: „Багатырское слово во веки аминь“, которое дало возможность некоторым исследователям и все произведение назвать „Богатырским словом“. Список ГБЛ оканчивается так: „Скажи ты, Тугарин Змиев, нашей государыни благоверной царице Елене, — мы в своей правде устояли, что есть царское — то все исполнено, государева служба верно служена, и честь получена. А богатырем слава во веки веком. Аминь“. Повидимому „богатырское слово“ Барсовского списка — это испорченное „богатырям слава“, т. е. то самое „недоразумение писца“, о котором говорил П. Симоны.²

В списке ГБЛ не встречается польское слово „шкапа“ (кляча), имеющееся в списках ИРЛИ и Барсовском. Из языковых особенностей следует также отметить старую форму — „чепи“.

Настоящая краткая вводная статья к публикации текста не ставит своей целью разобраться в давнем и до сих пор до конца не решенном споре о происхождении и характере „Сказания о киевских богатырях“, о том, былина это или повесть, памятник литературы или же фольклорное произведение? Вместе с тем нельзя не отметить, что введение в научный оборот нового текста XVII века, не сложенного во всех своих частях ни с одним из известных списков, значительно расширяет рамки изучаемого материала и открывает более широкие перспективы для развития той или другой гипотезы.

Хотя новый список и укрепляет позицию тех исследователей, которые считают „Сказание“ былиной (малочисленность списков „Сказания“ считалась доказательством непопулярности этого произведения — В. Ф. Миллер), но в то же время он свидетельствует о том, что процесс литературной обработки „Сказания“ начался не в XVIII веке, а гораздо раньше. Список ГБЛ весьма скупо использует эпические формулы, обороты и даже отдельные эпитеты. Язык нового списка сух и сдержаннее в раскрах по сравнению с Барсовским или даже

¹ Далее приводится сокращенно — ГБЛ.

² П. Симоны. Памятники старинного русского языка и словесности XV—XVIII столетий, вып. 1. Сборник Отделения русского языка и словесности Академии Наук, т. 100, № 1, Пгр., 1922, стр. 46.

Буслаевским списками, он ближе к деловому языку XVII века, чем к записям былин XVII века. Но, как и во всех предыдущих текстах, в списке ГБЛ сохраняются и ритмический строй речи, и некоторые специфически фольклорные языковые конструкции, и просторечные выражения (например переосмысление фразы „каков он рожаем“, т. е. родом, — на „каков он рожею“).

Весьма интересны также данные о среде, в которой бытовал новый список. Подобно Барсовскому тексту, список ГБЛ в конце XVIII—начале XIX века находился в руках крестьян. Среди записей бывших владельцев сборника, неумело переплетенного самими крестьянами в XVIII веке, мы находим записи крестьянина Череповского уезда Чуровской волости деревни Дроздова Василия Никифорова и его сына Петра, волостного писаря Федора Николаева, крестьянина Луки Григорьева и ряд других записей крестьян (см. ниже описание сборника). Судя по погодным записям, первая тетрадь сборника составлялась в Кирилло-Белозерском монастыре в первой половине XVI века. Она содержит ряд произведений новгородской литературы того времени.

Сборник № 8779, составленный из различных рукописей XVII—XVIII веков, на 80 листах, в 4°, писан скорописью на бумаге несколькими почерками; переплет — несколько бумажных листов, сшитых вместе, сделан в XVIII веке. Бумажный знак на листах, содержащих „Сказание о киевских богатырях“, — шут, — близок к Тромонину, № 385 (1676—1682).

СОДЕРЖАНИЕ

Сборник состоит из четырех тетрадей.

Тетрадь 1 — одним почерком конца XVII века. Разрозненные листы из нескольких сказаний, погодных записей и повестей. Листы идут в следующем порядке:

1. Чудеса св. архистратига Михаила, без начала и конца (чудо о спасении архиепископа от водного потопления) — лл. 1—5 об.
2. Житие преподобного чудотворца Варлаама (без начала и конца) — лл. 6—6 об.
3. Слово Афанасия Александрийского о иконе господя нашего Исуса Христа (окончание) — лл. 7—7 об.
4. Погодная запись 6612-го года о небесном знамении — л. 7 об.
5. Житие преподобного чудотворца Варлаама (пономарь Тарасий) (окончание) — лл. 8—10.
6. О церкви на Беле озере великого Василия и о вере, како устроися — лл. 10—10 об.
7. Житие преподобного чудотворца Варлаама (пономарь Тарасий) (середина) — лл. 11—11 об.
8. О создании в Новгороде церкви св. Софии и об образе Спаса — лл. 12—12 об.
9. Слово Афанасия Александрийского — лл. 12 об.—13 об.
10. Погодные записи — лл. 14—14 об. (с 6644 года по 7042 год). Последние три записи, 7004, 7039 и 7042 гг., составлены в Кирилло-Белозерском монастыре.

Тетрадь 2 — скоропись, переходящая в полуустав, двумя почерками конца XVII века.

1. Поучение к царем и князем, ко епископом и попом, и ко всем христианом, еже не упиватися — лл. 15—18.

2. Слово святого Василия Великого о пьянстве — лл. 18—19.

3. Записи, относящиеся к житию богородицы, Иисуса Христа и отцов церкви — лл. 19 об.—21.

4. Толкование о кадиле церковном (без конца) — л. 21 об.

5. Апокрифы о создании ковчега (как дьявол превратился в мышь), о смешении языков, а также ряд записей церковного характера — лл. 22—29.

Тетрадь 3 — скоропись конца XVII века нескольких почерков.

1. „Сказание о Петре Волоском воеводе, како писал похвалу Ивану Грозному“ — лл. 30—35 об. (Краткая редакция).

2. О посольстве 7079 г. Андрея Ищеина и дьяка Василья Алексеева во Царьград — лл. 35 об.—41 об.

3. О посольстве 7084-го года князя Захария Ивановича Сугорского к крымскому царю Максимиану — лл. 41 об.—49 об.

4. Запись „А чему в-ысковых челобитных цены будет не написано, и тому цена положить по сему указу“ — лл. 49 об.—50 об.

5. 22 глава из „Соборного Уложения“ — лл. 50 об.—53.

6. Запись о размерах сохи, десятины и выти в зависимости от качества земли — лл. 53 об.—54 об.

Тетрадь 4 — скоропись нескольких почерков конца XVII века со вставкой двух листов второй половины XVIII века.

1. Слово по воскресеньям господним и в великие праздники христовы — лл. 55—61 об.; лл. 56—57 — более поздняя копия второй половины XVIII века; л. 62 с об. — пробы пера и мелкие записи.

2. Житие Федора Тирона (без начала) — лл. 63—65 об.; л. 66 с об. — копия другой руки л. 64.

3. Апокриф „о древе райском и главе Адамли“ — лл. 67—68 об.

4. Сказание о пути Иерусалимском — лл. 68 об.—71.

5. Сказание о русских богатырях и о цареградских — лл. 71—79

6. Сказание о Дракуле воеводе (без конца) — лл. 79—80 об.

Записи. На обороте передней крышки переплета: „Копия с квинтандии. 1822-го года марта 25-го дня Череповского уезда ведомства Чуровского волосного правления Экономической вотчины деревни Дроздова крестьянин Василей Никифоров дал сию росписку“. Далее неразборчиво.

Л. 3. Почерком XIX века — „Волостной писарь“.

Л. 6. Почерком XIX века — „Дрожайшему моему приятелю желаю всякого благополучия и великого здоровья еще“.

Л. 8. Почерком XIX века — „Дражайшему и прелюбезнейшему моему приятелю желаю (зачеркнуто великого) благополучия великого“ (то же на л. 53).

Л. 29. Почерком конца XVIII—начала XIX века — „Милостивой государь Петр Васильевич руку приложил“.

Л. 29 об. Почерком начала XVIII века — „Сказание о Петре Во[ло]ском како писал похв[алу] христово возъкресение 1727-го году априля в 8 день Белозерского уезду Напорскаго стану Устегорской волости в сельци... дворянин Василей Ат...“.

Л. 42 об. Почерком XIX века — „Деревни Дроздова“.

Л. 49. Почерком XIX века — „К сей расписке вместо Василья Никифорова сын (на л. 48 его Петр) Васильевич руку приложил“.

Л. 57 об. Почерком XIX века — „Волостной писарь Федор Николаев“.

Л. 61 об. Почерком конца XVII—начала XVIII века — „Человече, смотри прилежно, читай разумно, не борзясь. За молитву святых отец наших господи Иисусе Христос боже наш помилуй нас, аминь!“.

Л. 62. Почерком XVII века — „По милости божии и великих московских чудотворцев Петра, Алексея, Ионы и Филиппа и всеа России чудотворцев и всех северных стран“.

Л. 62 об. Та же запись, что и на л. 62 и, кроме того, почерком XIX века — „1820... Василья Никифоровича, Ивана Григорьева, Максима Алексеева“ и т. д. — идет перечисление имен.

Л. 65 об. Почерком XIX века — „Лука Григо[рьев]. Чуровского волостного правления“.

Л. 71 об. Почерком XIX века — „Рубли, рубли, копейки. Волостная голова Емельян Данилов занел у мене серебром... Дражайшему моему Тимофею... Крестьянина деревни Дроздова“.

Л. 81. Почерком XIX века — „1821-го года апреля 24 дня череповец... Иван Гаврилов, голова Сава Афанасьев руку приложил к сей расписке вместо означенного крестьянина Тирка Николае[ва] голова Иван Гаврилов голова Петр Васильев ременной кнут аминь.“

„К сей росписке вместо означенного крестьянина Василья Никифорова за неумением ево в грамоте по ево личной прозбе сын ево Петр Васильев руку приложил“.

Передача текста дана в соответствии с „Основными правилами публикации документов Государственного Архивного фонда Союза ССР“ (М., 1945).

Текст нового списка публикуется без подведения вариантов по другим спискам потому, что ни с одним из них он не совпадает.

[л. 71] СКАЗАНИЕ О РУСКИХ БОГАТЫРЕХ И О ЦАРЕГРАДЦКИХ¹

Сказание о русских богатырях и о киевских и о цареградцких. В стольном граде Киеве говорит государь князь Владимир киев[с]ким² богатырем, что на меня отпускает царь из Царяграда сорок два богатыря, а велит им изгонею в Киев град итьти. И вы, багатыри, ни куды бы не выехали, ни на какую потеху, берегли бы есть столняго града Киева и всея моя вотчины. И в те поры от великого государя князя Владимира били челом 7 багатыреи; первый багатырь Илья Муромец [л. 71 об.], второй багатырь Добрыня Никитич, третий багатырь дворянин Залешанин, четвертый багатырь Алеша Попович, пятый багатырь Глагин, шестый багатырь Сулан Дамантиевич, седмый багатырь дворянин Белая Поляница. Зговорят багатыри таково слово: „Государь князь великий киевский! Покажи милость, государь, не извадилися мы сторожем стеречи, извадилися мы, государь, сами ездить и побивать, отпусти, государь, нас топерво на поле, мы тебе, государь, вести прямыя отведаем и языка к тебе приведем“. Зговорит князь великий Владимир киевский: „Не пригоже вам меня во граде покинути, а жду я тех людей с часу на час в Киев град“. И в те поры багатыри закручинились. И ударили челом великому князю [л. 72] Владимиру, и пошли багатыри к своим добрым конем. Кладут на себя доспехи крепкие, садятся багатыри на свои добры кони, едут багатыри на поле чистое, зговорят промеж себя: „Лутьчи нам самим той соромоты, хотя нам случится недобрая смерть, посдем мы прямо ко Царю граду“. И как будут багатыри за 12 поприщ до Царя града,

¹ Над строкой почерком конца XVIII—начала XIX века запись Сказание о русских богатырях и о цареградцких.

² В рукописи киевским.

переезжают Смогру реку, ано идут 12 человек, а на них платье калическое. Приехал к ним Алеша Попович, говорит им таково слово: „Братцы вы, калики перехожие! Давайте вы нам с себя платье каличье“. Зговорят калики перехожие: „Ой еси ты, Алеша Поповичъ, мы тебе не дадим платья с себя каличьа, а мы люди [л. 72 об.] нищие, а самое ево зовут Никитою, а родиною он Карачевец“. Приезжает к ним Илья Муромец, зговорит им Илья: „Не за што нам, братцы, бранитися, и емлите вы у нас платье светлое, а нам давайте с себя платье каличье“. Зговорят калики, перехожие люди: „С тобою нам, Илья Муромец, спору не будет“. Дают с себя платья калики перехожие калическое, а богатыри с себя дают платье светлое. Говорит Добрыня Резанович: „Постой ты, Никита Карачевец! Ходил во Царь град?“. И Никита сказал ему: „Ходил я прямых вестей проведывать, есть ли отход и отпуск богатырем х Киеву, и те вести прямо неизменные: езда[т]¹ богатыри во Царе [л. 73] граде, а хвалятся перед царем, хотят ехать х Киеву, и в Киеве хотят сечь учинить великую, и князя великаго Владимира киевскаго и со княгинею и богатырями его в полон взяти“. Зговорит же Илья Муромец своим товарищем: „Слышите ли вы, товарищи? За то слуги головы складывают!“ Оставляют же богатыри свои добры кони у Смугры реки и все доспехи крепкие, по одной емлют по булатной палице, и те несут под гунями² скурьятными. И говорят, идучи,³ промеж собя: „Есть ли кто говорит татарским языком?“. Говорит Дворянин: „Всех нас лутчи Алеша Поповичъ, каков он пьян, таков и трезв, и всех он лутчи бранитися“.

И пришли богатыри во Царь град. И в те поры у ц[аря]⁴ [л. 73 об.] стол идет, а в стол подают третью ешь[ву].⁵ И учили калики перехожие милостыни прошати, против⁶ окна стоячи, чтобы было слышати голоса царю Константину ис полаты. Говорит царь Константин своему богатырю Тугарину Змиевичю: „Познал я тех калик, слышу я по речам, кабы руские пришли, попытаю их о киевских вестях, любо что они ведают“. Позвали калик тех ко царю, и царь учал их спрашивати: „Скажите вы, калики перехожие, котораго вы ешь города?“. Говорит Илья Муромец: „Ходили мы, государь, ис Киева от великаго князя Владимира киевскаго“. А против царя седит Идол богатырь, ростом он без меры велик, [л. 74] [г]овори[т]⁷ он царю Константину: „Государь царь, волной он человек, спреси их о ки[е]вских⁸ вестях и о багатырех, сколко их у великаго князя Владимира киевскаго?“. Говорит Илья Муромец царю Константину: „32 богатыря, да удалы добре необычно ешь, как Илья Муромец, славный богатырь“. И рече царь Константин; „Каков он рожею и ростом? Посмотри по нашим богатырем!“. Говорит Илья Муромец: „Ростом только с меня величиною, а рожею на меня же походил“. Говорит Идол богатырь, посмеяется: „Аще толко правда, что таков Илья Муромец, и я на ладонь посажу, а другою роздаваю“. Да он же говорит, Идол богатырь, царю Константину: [л. 74 об.] „Не умешкай, царь государь Константин, службе богатырские, отпущай нас скорово, только слово несол-

¹ В рукописи езда.

² В рукописи пунями.

³ идучи написано над строкой.

⁴ Лист попорчен.

⁵ Лист попорчен.

⁶ ти написано над строкой.

⁷ Лист попорчен.

⁸ В рукописи киевских.

Велице даго рече (той антиохид)
Велика оморъ н. Верста

Сказание о русских богатырях
по царе гредушице 2232

Сказание о рюхей богатыре и о царе гредушице

Сказание о рюхей богатыре и о царе гредушице

Сказание о рюхей богатыре и о царе гредушице

Сказание о рюхей богатыре и о царе гредушице

Сказание о рюхей богатыре и о царе гредушице

Сказание о рюхей богатыре и о царе гредушице

Сказание о рюхей богатыре и о царе гредушице

Сказание о рюхей богатыре и о царе гредушице

Сказание о рюхей богатыре и о царе гредушице

Сказание о рюхей богатыре и о царе гредушице

Сказание о рюхей богатыре и о царе гредушице

Сказание о рюхей богатыре и о царе гредушице

Сказание о рюхей богатыре и о царе гредушице

Сказание о рюхей богатыре и о царе гредушице

Сказание о рюхей богатыре и о царе гредушице

Сказание о рюхей богатыре и о царе гредушице

„Сказание о русских богатырях и о цареградских“. Рукопись конца XVII века. Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина, музейное собрание № 8779, л. 71.

гано будет, и мы как будем в Киеве, преведем к тебе великаго князя Владимира киевскаго, и со княгинею, и с его богатыри, а в Киеве хотяг учинить¹ сечь великую. Не стерпел словес слышачи, зговорит Алеша Попович так: „Как приедите х Киеву, такова тебе слова не говаривать, познаешь от Киева дорогу не путем, и прочь уже тебе от Киева не отъезживать“. Идол же на него осержается. Говорит Залешанин: „С твоего, государь, царскаго меду упился, и он говорит ни ту, ни сю“. Алеша же Поповичъ говорит: „Богатыри, уймите свое сердце богатырское, по-тихо[л. 75]му говорите, потерпите маленько, нельзя с тобою тайново слова молвити“.

Спрашивает царь Константин: „Видали ли вы своих богатырей лошадей в Киеве?“. Зговорит Дворянин Залешанин: „По вся дни видали лошадей киевских богатырей“. Зговорит Идол богатырь: „Вольной он человек, вели ты, государь, показать свои лошади царские“. Царь же Константин велел привести свои лошади на двор царский и ставити их против полаты царские. И выглянули калики перехожие из окна ис полаты, и молвят калики: „В Киеве у нас у худых людей лютче тех лошадей“. Зговорил богатырь Идол: „Царь государь Константин! [л. 75 об.] Вольной он человек, вели им показати наши лошади богатырские“. Ведут же лошадь Идола богатыря 20 человек на двух чепях золотых, да 10 человек ведут лошадь Тугарина Змиевича. Издалеча калиги лошади увидели, говорит Дворянин За[ле]шанин:² „Сверху, государь, не смеем смотрити, вели, государь, нам на земли посмотреть“. Идут же калики от царя из полаты ис сеней смотреть лошадей смети, богатыри и говорят промеж себя, идучи: „Топерво, товарищи, пора пришла, готовьте палицы булатные, отимайте кони добрые, садитесь на них, братцы, без седел“. Пришли богатыри г добрым [л. 76] конем, свиснули палицами булатными, отняли по добру коню, полетели тут головы татарские, сели на добры кони, поехали из града вон, един остался Алеша Поповичъ, зговорит царю Константину: „Потому мы оставили лошади богатырские, хотим мы с твоими богатыри переведатися“. Ударив челом царю Константину да прочь поехал. И доехав своих добрых коней, и кладут на себя доспехи крепкие, и емлют свою збрую ратную. Ано скачют богатыри из Царяграда великою погонеею. Говорит Алеша Попович своим товарищем: „Постоите, братцы, маленько, дадите мне с ними переведатися и посперетися“. Встреча[е]т³ [л. 76 об.] их Илья Муромец от своего стану в полуверсте, и все богатыри за ним скоро съехались, и ударилися вострыми копьями, и доспехи крепкие проломались, и збил Илья Муромец Идола богатыря и з добра коня. И побил тут всех богатырей 40, а двух живых взяли: Идола Скоропина да Тугарина Змиева, ведут их опять во Царь град, ставят пред царьскою полатою, говорит Илья Муромец царю Константину: „Мы твоих богатырей побил, а двух живых взяли, ведомо ли то⁴ тебе, царю? А тебя, царя, ничим не движем, ни черным волосом, потому что мы поехали ис Киева [л. 77] [б]ез⁵ государева ведома на похвалу твоих богатырей, и мы тебе одново отдадим, а другаго с собою емлем, Тугарина Змиева“. Бьет челом благоверная царица Елена руским богатырем: „Умилостивитесь

¹ ни написано над строкой

² В рукописи Залешанин.

³ Лист попорчен.

⁴ то вписано поверх строки.

⁵ Лист попорчен.

вы,¹ руские богатыри, Илья Муромец с товарищи, отпустите Тугарина Змиева, утрите слезы горячие, не нанесите себе клятвы вѣвеки“. Эговорят богатыри: „Государыни благоверная царица Елена! Не двинем мы Тугарина Змиева ни черным волосом для твоего прошения, а будет, государыни, Тугарин Змиев в Киеве и потом будет во Царе граде у тебе ж, государыни, а топерво нам нельзя оставить [л. 77 об.] Тугарина во Царе граде, не з чем приеха[ть]² в Киев, что нам без богатыря сказать государю в Киеве великому князю Владимиру“. И ударив челом богатыри царю Константину да прочь поехали, ведут же богатыря Тугарина Змиева промеж себя. Едут по пол[ю]³ чистому, и как они будут близ града Киева, выбирают себе богатыря Залешанина: „Ты жилец государев многолетен, велит ли государь нам, холопом своим, очи свои видети? Изгрубили есми⁴ без твоего государева ведома, во Царь град ездили и недругов твоих, государевых, у Царя града 40 богатырей побили, а двух живых взяли, одного Идола Скоропина [л. 78] [вз]ать⁵ отдали ему жь, царю Константину, а другаго богатыря, Тугарина Змиева, с собою ведем к тебе, государю“. Приехал Дворянин Залешанин в Киев град к великому князю Владимиру, правит речи государю от товарищев своих. И государь их пожаловал, велел им к себе ехати. Приехали богатыри в Киев град к великому князю Владимиру и привезли языка доброво, удалово богатыря Тугарина Змиева. И государь жаловал за ту их службу верную, давал им шубы собольги и чеши золотые, великие. Да им же говорил великий князь Владимир: „Впредь стану жаловать за вашу службу верную“. И спрашивал⁶ [л. 78 об.] великий князь Владимир у богатыря Тугарина Змиева о вестях: „Что у вас вестей во Царе граде?“. Говорит Тугарин Змиев: „Что ты, государь, меня спрашиваешь о вестях? Все вести у тебя, государя, несть грознее во всех царствах тебя, государя, а богатырей несть удалее во всех землях“. Бьет челом Илья Муромец с товарищи: „Смилуйся, государь велики князь Владимир киевский, отпусти, государь, Тугарина Змиева во Царьград, молвили есми мы благоверной царице Елене, что нам упросить у тебя, государя, Тугарина Змиева“. Говорит князь Владимир киевский богатырем своим: „Было во Царе граде 42 богатыря, и те все побиты в поле. Отдаю⁷ [л. 79] же Тугарина Змиева и з добрым конем и всю ево⁸ богатырскую збрую ратную“. И провожают ево до Царя града и до рубежу, и отпустили ево во Царьград. И говорят богатыри ему: „Скажи ты, Тугарин Змиев, нашей государыни благоверной царице Елене, — мы в своей правде устояли, что есть царское, то все исполнено, государева служба верно служена, и честь получена, а богатырем слава во веки веком“. Аминь.

¹ вы вписано по верх строки.

² Лист попорчен.

³ В рукописи по полу.

⁴ есми вписано по верх строки.

⁵ Лист попорчен.

⁶ вал написано над строкой.

⁷ В рукописи отдаю.

⁸ Далее зачеркнуто збрую.

Л. С. ШЕПТАЕВ

„Послание дворительное недругу“

(Посадская сатира XVII века)

Указанное в заглавии произведение находится в рукописном сборнике середины XVII века из собрания б. Троице-Сергиевой лавры № 808 (1008), хранящемся в Государственной Библиотеке СССР имени В. И. Ленина. Послание помещено в конце сборника в составе письмовника XVII века, имеющего следующее заглавие: „Сказание и начертание епистолиям от божественных писаний своим любезнейшим братьям или сродником, також и ко всякому человеку“.¹

Как и во всяком письмовнике той поры, в сборнике помещены довольно пространные витиеватые зачины писем, целые образцовые послания того времени, выдержанные в „высоком“ книжно-литературном риторическом стиле. В отличие от других письмовников той эпохи, здесь разнообразнее самый отбор адресатов, и послания лучше раскрывают социально-бытовые отношения эпохи: помещены не только послания к другу, к учителю, к отцу, но и к матери-вдове, к тестю. Даже в заголовках заметно стремление переписчика точнее дифференцировать назначение письма и охарактеризовать его эмоциональное содержание. Таковы послания: к другу любительному, к другу бывшему, к другу грамотею, к другу в полк и т. д. В самых заглавиях наблюдаются живые бытовые интонации: к другу сердешному, к отцу родному.

„Послание дворительное недругу“ находится в середине письмовника (лл. 281—283) и представляет собою не схематический зачин, а живое произведение эпохи с конкретно бытовым содержанием и идейной направленностью, примыкающее к городской посадской сатире XVII века. Оно написано в стихотворной форме.

Палеографические признаки рукописи „Послания дворительного“ подтверждают указанное время его создания — середина XVII века. Флигрань бумаги также соответствует этой датировке. Водяные знаки первых 14 листов данного письмовника — кувшинчик с короной, с розеткой, с полумесяцем наверху и различными знаками на широкой его части: 1) лл. 265—267 — цифры (испорченный старый знак — 28 или 29); 2) лл. 273—275 — цифры 29, может быть 22; 3) на лл. 280, 281, где идет текст „Послания дворительного“, — буквы $\frac{PR}{T}$. Близко сходные изображения кувшинчиков (повсюду с другими буквами) имеются

¹ Этот сборник описан в книге „Описание славянских рукописей библиотеки св. Троицкой Сергиевой лавры“ (ч. III, М., 1879, стр. 259).

в альбоме Тромонина и относятся: 1) №№ 1122 и 1123, судя по цифрам, к 1628 или 1629 г.; 2) № 1162, судя по цифрам, к 1629 или к 1622 г., № 1212 — к 1636 г., № 1763 — к 1626 г., №№ 1170 и 1172 — к 1638 г.

Из подбора материалов в сборнике можно судить о социальном положении его владельца. Средняя, более ранняя часть сборника (листы 14—264) составлена, по всей видимости, монахом. Здесь помещены следующие материалы: „О покаянии“ (л. 20), „О пострижении и о начале иноческого жития“, так называемое „Старчество, или правила монашеской жизни“ (л. 23 об.), „Исповедание иноческое“ (л. 156). Другая группа статей в этой части также относится к культовой литературе.

Позднейший переписчик, кроме письмовника (в конце), добавляет сюда, в начало сборника, подобные церковные же материалы, например „Чин, како подобает кадило держати“ (л. 11 об.). Почерком второго владельца скреплены первые, позднейшие листы сборника; надпись по листам гласит: „Сия книга, глаголемая Старчество черного дьякона (место с именем оторвано) Борисоглебского монастыря, что в Дмитрове на посаде“.

Нет основания искать конкретных автора и адресата данного послания; самый жанр послания здесь только имитируется своеобразным сатириком того времени. Однако „Послание дворительное“ отразило в своем тексте немало черт, типичных для общественных отношений своего времени.

Автор изображает себя человеком, который по своему общественному положению ниже адресата, находится в зависимости от адресата, но зависимость эта непохожа, например, на зависимость крестьянина от помещика. Ничего характерного для сельских феодальных отношений в „Послании“ нет, напротив, есть признаки городского происхождения „Послания“. Особенно существенно в этом отношении настойчивое употребление в „Послании“ местоимения „мы“ — множественного числа от лица автора во второй половине „Послания“. „У нас убежишь (строка 34), ...нам дай сроку... И мы, как здумаем, и тебе... пошлем... пожалуй к нам в гости... мы тебя не ждем... ворота запираем... А хлеб да соль у нас... на воротах...“ (строки 44—50). Вся социально-бытовая обстановка исключает здесь перенесение автором на себя позднейшей вежливой формы обращения множественного числа — „Вы“, с которой тогда не адресовались ни к каким вышестоящим лицам вплоть до патриарха или царя. Это „мы“ характерно для города, для посада, в котором „мир“ в XVI—XVII веках уже не представлял собой социально-однородного целого. Небольшая кучка богатеев держит в кулаке общину — „бедных и должных людишек“. Однако „мир“ трудовой части посада противопоставлял тогда себя всему остальному городу — беломестцам, соседним светским и духовным землевладельцам, а также государственной власти. Посадская община часто выступает в актах XVI и XVII веков как единое юридическое лицо,¹ и „мы“ в этом случае не обмолвка, не случайность в устах автора. Он пишет от имени коллектива социально-однородных членов трудовой части посада.

Самое название „Послания“ — „дворительное недругу“ указывает на пародийность его замысла. В нем выражено ироническое противоречие.

¹ См., например, в книге П. П. Смирнова „Посадские люди“ (т. I, Изд. АН СССР, 1947, стр. 253, 263, 271 и др.).

Смысл слова „дворити“ — служить, услужить.¹ Следовательно, послание „услужливое“, но — врагу. Самая морфология слова „дворительное“ выступает сатирически на фоне риторически-пышных и сентиментально-условных „любительных“, „утешительных“ и „учительных“ посланий в письмовниках XVII века. „Послание“ проникнуто иронией, полно кажущихся противоречий. С одной стороны, адресат настойчиво называется „господином“ и даже „моим господином“, а с другой, — „Послание“ в целом является прямой сатирой на адресата, подчеркивает самые непривлекательные стороны его личности. Автор делает вид, что испытывает страх перед „господином“, подчеркивает социальное расстояние между ними („Ехати к тебе не смею“, „мало послати к тебе не смею“, отсюда употребление униженно-вежливых оборотов: просит „пожаловать“ ему его собственную рожь, просит „смиловаться“ отдать ему долг) и тут же заявляет:

И яз твоего величества не боюсь —
И впредь тебе пригожусь.

В действительности никакой приниженности и зависимости автор перед адресатом не испытывает. Адресат сам в свою очередь зависит от просителя, связан с автором какими-то постоянными отношениями. Возможно, что кредитор принадлежал к числу посадских ремесленников, в услугах которых нуждались и представители господствующего класса.

Грамотность среди посадского населения не была таким редким явлением, как в деревне, уже и в более ранние эпохи, что доказывает, например, находками берестяных новгородских писем.² Среди ремесленного посада в XVII веке были специалисты, обладавшие определенными знаниями и практическими навыками в области письменной культуры. Важно учесть общественные настроения этих людей, а также незаурядность и культурный уровень отдельных представителей посада. Так, М. Н. Тихомиров в книге „Псковское восстание“ говорит, что нередко представители посада становились в резкую оппозицию существующему строю. Тихомиров выделяет одного из вождей псковского восстания, Томила Слепого, как чрезвычайно одаренного человека в области литературного мастерства.

„Послание“ пародирует челобитную, повторяя формулировки, типичные для деловых бумаг XVII века, обращенных к „власть имущим“: „челом бью“, „тебе б пожаловати“, „милость окажи“, „ты нам дай сроку“.

По складу своего характера адресат — человек крутого нрава, с повадками распоряжаться и с привычкой к безграничному повиновению; возможно, он из подьячих, непосредственных исполнителей воли дворянского государства, волокитчиков и вымогателей, которых ненавидел народ.

¹ См. у И. И. Срезневского (Материалы для словаря древнерусского языка, т. I—III): „дворити, дворию — служить, услуживать. А княжим людем, или подвоским ездит дворит, а езд имати 10 верст денга (Псков. Суд. гр-та)“. Ср. у Даля: „дворити что кому, безличн. счастливеть, удаваться, приносить счастье, пользу; спорить итти впрок. Не дворит тебе у нас в дому — хворает, не дворит тебе лошадка (не ко двору пришлась). Подворит ли нам счастье? (Ко двору ли будет? Прислужит ли?). Не подворится ему тут, не подворит (Не будет удачи, не обживется)“.

² А. Арциховский. Новые открытия в Новгороде. Вопросы истории № 12, 951.

„Послание дворительное недругу“ носят черты социальной сатиры. В первой половине XVII века, в эпоху городских движений, оно было злободневным памфлетом, повидимому переписывавшимся и распространявшимся. Наряду с „Азбукой о голом и богатом человеке“, „Послание“ раскрывает принижено-бесправное положение человека из народа, разоблачает классовую несправедливость и бичует пороки приказно-бюрократического аппарата государства. Лихоимство представлено в нем в форме займа. Если брал займы человек, стоящий на феодальной лестнице выше дающего, то это часто было равносильно пропаже одолженного. Народные пословицы оставили нам четкие следы типичности подобных случаев: „Сильнее себя займы давать — добро терять“ (Даль). Даже о торговых расчетах с сильным предостерегает пословица: „Большому барину добро отдай, а деньги после“ (Даль). И дело здесь именно в социальной дистанции: „Что не лучше (больше) барин, то хуже долг платит“ (Даль).

Это отношение народа к „сильным“ должникам и раскрывается подробно во второй части послания.

В контраст обидчику в сатире дан образ разоренного человека, хотя, может быть, и не соответствовавший подлинному положению данного челобитчика.

В третьей части (строки 37—46) снова ставится вопрос о взяточничестве, но в другой его форме — в виде „гостинцев“.

Гостинцами обменивались тогда во всех слоях русского общества. И этот стародавний обычай русских людей тоже нередко использовался как форма взятки. „В Послании“ речь идет именно о посулах под видом гостинцев. Послание издевается над неразборчивостью адресата („ты все обреешь“). Слово „обречь“ на Урале до настоящего времени бытует как эмоциональное выражение, обозначающее — быстро съесть, сожрать дочиста. Взятчик не придерживается порядка, не знает чувства меры в своих претензиях на посулы („чести не знаешь“). Взятчик может даже оскорбиться на малые размеры взятки. У взяточника приходится смиренно выпрашивать сроки, чтобы придумать взятку. Издевка здесь идет не только над явлением взяточничества, но и над самой его формой: „И мы, как думаем, и тебе что-нибудь пошлем“.

Приглашая этого взяточника в гости, автор уже открыто издевается:

Да пожалуй к нам в гости ни ногою,
И мы тебя не ждем,
И ворота запираем.
А хлеб да соль у нас про тебя на воротах...

(Смысл последнего выражения: „Поцелуй пробой, да ступай домой“). Изображаются издевательски заботливые хлопоты о месте и условиях сна для „дорогого“ гостя. Такая тема и такая сатирическая ситуация получают свой исторический смысл на фоне жалованных грамот посада XVI—XVII веков, в которых посадским людям наряду с различными экономическими и юридическими правами давалось, например, право не впускать воеводу и приказных на посадские пиры и братчины.

Литературно-художественные особенности „Послания“ ведут нас также к крестьянско-посадской сатире XVII века. „Послание“ появилось на почве живого и образного народного языка, причем оно использовало и фразеологию устного народного творчества той поры. Послание строится на языке, типичном для затейливых скоморошских речей с их иронической двуплановостью, с неожиданными переходами

из одного плана в другой. На той же игре строится „Лечебник, как лечить иноземцев“, где из-под личины лекаря вдруг проглядывает скomorox: „А буде от животной болезни дается ему зелья, от которого на утро в землю“.¹

На раскрытии подлинных причин строится комическая игра и в „Азбуке о голом и не богатом человеке“: „Ехал бы я в гости, да не на чем и никуда не зовут“.² На подобных же переходах часто строится и пословица: „Аз пью квас, а если вижу пиво — не пройду его мимо“.³ Или же пословица начинается дидактически, а заканчивается скomorошьей выходкой: „Еремея потчуют умея: взяв за ворот, да взащей“.⁴ В Калязинской челобитной так же убедительно передана маска смиреномудрия, благочестивой преданности заветам церкви и последующее затем саморазоблачение веселых „питухов“ XVII века.

Искусство сатиры раскрывается в умении унизить и представить врага в самых неловких и смешных положениях.

В ряду этих сатир „Послание“ выделяется отсутствием гротеска и прямыми бранными оборотами; основным средством сатирического изображения является в нем ирония.

Лексический состав „Послания“, как и в большинстве сатир XVII века, лежит в речевых нормах русского просторечия. Вот, например, слово „доспеть“ („Еще тебе, господине, добро доспею“). И. И. Срезневский раскрывает его значение на книжном материале — предупредить, успеть; собираться, приготовляться. Даль же объясняет это слово, исходя из устно-разговорной традиции. Значения этого слова — сделать, сработать, устроить, изготовить, смастерить, состряпать. Например: „У нас мастера всякие есть, все доспеют, что надо“. „Я что доспел тебе, почто бранишься? Что я худого сделал?“. Нетрудно видеть, что „Послание“ берет это слово в народном смысле.

Пожалуй, пожаловать. („Да пожалуй к нам в гости ни ногою“, „И ты, пожалуй, на нас не пеняй“, „А тебе б пожаловати та моя рожь отдать“). Даль: пожалуй, пожалуйста, пожалуйста — прошу, сделай одолжение (Оно бы, пожалуй, и ладно, да не отвечать бы после).

Надсадить („И людей насмешишь, а себя надсадишь“). Даль: надсаживать, надсажать, надсаждать, надсадить; надрывать, вредить с чрезмерным напряжением (Горячую лошадь недолго надсадить).

Пенять („И ты, пожалуй, на нас не пеняй“). Даль: пенять кому, за что — корить, выговаривать, упрекать, изъявлять неудовольствие (... после не пеняй на меня).

Добавим сюда еще такие слова, как гвоздие (гвоздь), недостаток, полатиться, останошню, докуду, здрожишь и пр.

Народное выразительное слово характерно также и для пословиц, с которыми словарь „Послания“ нередко совпадает, употребляя отдельные слова и выражения в том же одинаковом с пословицами смысле, с теми же оттенками значения. Например, глагол опрети — в саркастически-снижающем смысле. „Послание“: „Шубою тебя одети — и тебе

¹ В. П. Адрианова-Перетц. Очерки сатирической литературы XVII в. М.—Л., 1937, стр. 248.

² Там же, стр. 23.

³ Пословицы всенароднейшие, № 60.

⁴ Там же, № 828.

опрети“. Пословицы: Преедет от многих бед¹. Дело его не спееет,— прееет.²

Кляча — иронический оттенок, рассчитанная насмешка над лошадей и над владельцем ее. „Послание“: „Проел я останюшнюю свою клячу“. Пословицы: Удача-кляча, лишь скачи да кричи.³

Та же самая народно-речевая стихия раскрывается и в фразеологии „Послания“.

Бить челом — в ироническом понимании. „Послание“: „А челом бы тебе ударил гостинцы — да нечем“. Пословицы: Ты мне не здорово, а я тебе не челом.⁴ Чело свербит — кланятьсяя некому.⁵

Хлеб да соль. „Послание“: „А хлеб да соль у нас про тебя на воротах“ (иронич.). Пословицы: Хлеб-соль за ворота и колом не разворотишь.⁶ Велика твоя хлеб-соль, а все корочки.⁷

См. также выражения: впредь пригожусь, не учинить лжи, с голоду уморить, проел животишки, милость покажи, людей насмешись, чести не знашь, пожалуй к нам ни ногою. Ср. с пословицами: Где любят — тут не учащай, а где не любят, — туда ни ногою.⁸ Живет за рекою, а к нам ни ногою.⁹ Живи, колотило, за рекою, а к нам ни ногою.¹⁰ Ср. также в „Повести о попе Савве“: Аще живет и за рекою, а в церкву ни ногою.

Кроме того, идиоматические выражения: живеш⁶ вкупе, завернется в пупе, толчешь в ступе и т. д.

Автор „Послания“ широко знает русскую пословицу, он мыслит образами, характерными и для нее. Например, образ незваного гостя в русских пословицах: „Званный — гость, а незванный — пес, не чорт его нес“ (Даль, стр. 873). „Прямой болван, что пришел незван“ (там же). „Незванные гости гложут и кости“.¹¹ Есть много пословиц про невежливого, назойливого, бестактного гостя: „Гость бесстуж, посидеть любит“.¹² „Ксы, гостья, с двора, домой тебе пора“.¹³ „Гостя бесстыдна пивом не выгнать“.¹⁴

Такие бытовые понятия, как ворота, двор, и в „Послания“, и в пословицах также связываются с незванным гостем. „Послание“: „А хлеб да соль у нас про тебя на воротах“. Пословицы: От чужих ворот живет и поворот. Милости просим мимо ворот щей хлебать. Мимо нашего стола (двора) дорога столбова.¹⁵

„Послание“, как и другие сатиры XVII века, написаны в строе устного народного рашного стиха, который в своей истории тесно сближается с пословицей, вырастая на единой с ней почве народной культуры.

Да велел ты, господине, взяти ржи,
И ты, господине, не учини в ней лжи.

¹ Пословицы всенароднейшие, № 2412.

² Там же (Пословицы XVIII в.), № 500.

³ Там же, № 2337.

⁴ Там же, № 2242.

⁵ Там же, № 2596.

⁶ Там же, № 2453 (Пословицы XVIII в.), № 1129.

⁷ Там же, № 1130.

⁸ В. Даль. Пословицы. 1860, стр. 872.

⁹ Пословицы всенароднейшие, № 979.

¹⁰ Там же, № 1005.

¹¹ Там же (Пословицы XVIII в.), № 443.

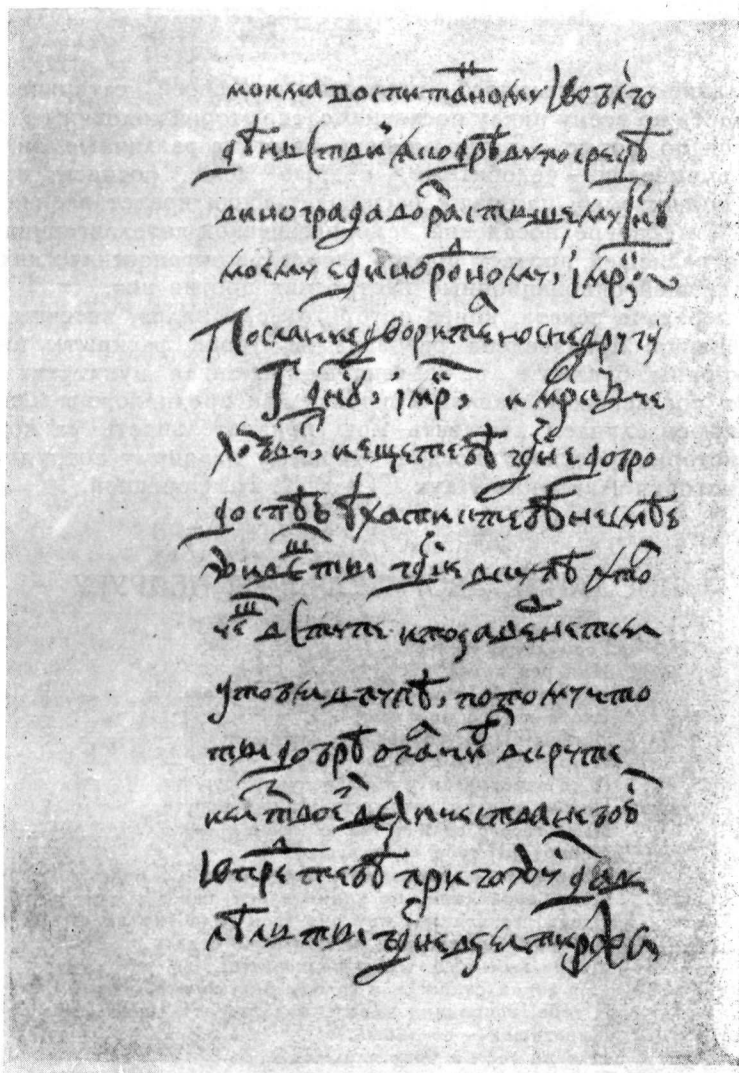
¹² Там же, № 592.

¹³ Там же, № 2780.

¹⁴ Там же (Пословицы XVIII в.), № 570.

¹⁵ Последние примеры — из словаря Даля.

Характерно, что „рожь“ обязательно тянет за собою рифму „ложь“. Также и в пословице: Красно поле рожью, а слово с ложью.¹ В по-

„Послание дворительное недругу“. Рукопись XVII века.

Государственная Библиотека СССР имени В. И. Ленина, из собрания
6. Троице-Сергиевой лавры № 808 (1008), лист 281 об.

садской сатире XVII века легки переходы материала из повести в пословичный обиход и обратно.

„Послание“

И писать было к тебе немало,
Да разуму не стало.

Пословица

Говорить было немало,
Да разуму не стало.²

¹ Пословицы всенароднейшие, № 1232.

² Там же, № 639 и (Пословицы XVIII в.) № 1183.

См. также переделку этих строк в „Послании дворянина дворянину“:

Да писал бы, государь, немало,
Да за великий смуток разума не стало.

„Послание дворительное“, примыкая по своей сатирической направленности ко всему циклу посадских сатир второй половины XVII века, сближается по форме с сатирами-пародиями на различные виды деловой письменности — челобитные, судные дела, росписи приданого и т. д. Публикуемый памятник расширяет наши представления о своеобразной литературе посадской демократической интеллигенции — литературе, отразившей протест против феодально-крепостнических порядков и питавшей оппозиционные настроения против них.

При передаче текста, конец которого сохранился, внесены следующие изменения: произведена разбивка на строки, раскрыты выносные буквы, убраны буквы ъ, ѳ, введена современная пунктуация, ъ для выносных согласных поставлен в скобках как предположительный.

Пользуюсь случаем выразить мою признательность за консультацию по истории русского посада старшему научному сотруднику Института истории Академии Наук СССР К. Н. Сербиной.

ПОСЛАНИЕ ДВОРИТЕЛ[Ь]НОЕ НЕДРУГУ

- л. 281 об. Господину, имя рек,
Имя рек челом бьет,
И еще тебе, господине, добро доспекю,
Ехати к тебе не смею:
5 Живеш[ь] ты, господине, вкупе,
А толчеш[ь] в ступе.
И то завернется у тебя в пупе,
Потому что ты добре опаль[ь]чив вкруте,
И яз твоего величества не боюс[ь] —
10 И впред[ь] тебе пригожус[ь].
Да велел ты, господине, взяти ржа,¹
л. 282. И ты, господине, не учини в ней лжи.
Чтобы, господине, мне очи твои радостно видет[ь].²
А тебе б пожаловати та моя рожь отдати.
15 Добро тебе надо мною подворит[ь],
И в такой старости з голоду не уморити.
И тебе, господину моему, недостаток³ своих — что проел
Животишек — не забыл.⁴
И я на тебя к богу плачюся,⁵
20 Что проел я остоношнюю свою клячу.
И ты, господине, на благочестие уклонися,
А нам смилуйся, поплатис[ь].
Милость покажи,
л. 282 об. Моей бедности конец укажи.
25 А докуду твоег[о] платежу ждат[ь],

¹ Следовало ржи.

² Следовало: видати.

³ Может быть следует читать не до статов (не до наследства).

⁴ Написано неразборчиво. Может быть следует читать не забыть В таком случае чтение строк 17 и 18 иное: И тебе, господину моему, не до статов своих. Что проел животишек — не забыть.

⁵ Следовало плачу.

- И я а¹ том не тужу,
 И сам себе не разсужу.
 А тебя не ведаю как положить²
 И чем тебя одети.
 30 Шубою тебя одети —
 И тебе опрети.
 А портным одети —
 И ты здрожиш[ь],
 У нас убежишь,
 35 И людей насмешиш[ь],
 А себя надсадиш[ь].
 А челом бы тебе ударил гостинцы — да нечим,³
 Потомучто много к тебе послати не смею:
 И ты все обрешь —
 40 Чести не знаеш[ь].
 А мало послати к тебе не смею:
 л. 283 Боюс[ь] тебя, сердца,⁴ ушибеш[ь]ся⁵
 И гостинец не примеш[ь].
 И ты нам дай сроку ненадолго,
 45 И мы, как здумаем,
 И тебе что нибуд[ь] пошлем.
 Да пожалуй к нам в гости ни ногою,
 А мы тебя не ждемь,
 И ворота запираем.
 50 А хлеб да сол[ь] у нас про тебя на воротах
 Гвоздием прибита.
 И писат[ь] было к тебе не мало,
 Да разуму не стало.
 И ты, пожалуй, на нас не пеняй...

¹ Следовало о том.

² Перед этим возможно пропущена строка, вроде такой: И ты к нам в гости обещался.

³ Надо нечем.

⁴ Приложение типа: тебя — света [моего].

⁵ Следовало ошибешься.

И. М. КУДРЯВЦЕВ

Две лирические песни, записанные в XVII веке

Среди рукописных фондов Отдела рукописей Государственной ордена Ленина Библиотеки СССР им. В. И. Ленина хранится большой архив дворянского рода Пазухиных, материалы которого охватывают более трех столетий (1602—1914).¹ Наиболее полно, однако, в архиве представлены материалы, характеризующие средние помещичьи хозяйства XVII и начала XVIII века окраинного Алатырского и смежных с ним Симбирского, Арзамасского, Нижегородского, Пензенского и Шацкого уездов.

Архив содержит также богатый документальный материал, рисующий служебное и семейное положение отдельных представителей этого рода и быт помещиков этих районов вообще.

Одним из основных фондообразователей архива Пазухиных был прадед Н. М. Карамзина (по материнской линии) Семен Иванович Пазухин, типичный представитель служилого дворянства, начавший службу жильцом и дослужившийся до полковника, по службе связанный с окраинными городами Симбирской черты и переселившийся в середине своей служебной карьеры из Костромского своего поместья в Алатырский уезд.

На обороте одного из документов, относящихся к служебной деятельности Семена Ивановича, его рукой записаны две лирические песни, текст которых мы публикуем ниже.² Темы и характер этих песен заставляют нас предположить, что они, как и вообще поэзия такого рода, были созданы и бытовали в среде, представителем которой (быть может, наиболее типичным) и являлся Семен Иванович Пазухин. Нет сомнения, что запись была сделана им не случайно, а определялась его интересом и, вероятно, его способностями в этом направлении.³

Материалы архива и отдельные сведения в исторической литературе в какой-то мере позволяют воссоздать биографию Семена Ивановича. Вот основные вехи ее. В 1665 году был произведен раздел Костром-

¹ Обстоятельный обзор архива Пазухиных дан Е. Н. Ошаниной в „Записках Отдела рукописей Государственной Библиотеки СССР имени В. И. Ленина“, вып. 12, М., 1951.

² В том, что песни записаны рукой Семена Ивановича Пазухина, можно убедиться при сравнении этой записи с документами архива Пазухиных, писанными его рукой или им подписанными. См. Паз. VI-34, Паз. I-8, Паз. III-16, Паз. I-56, Паз. I-78.

³ Можно предположить, что поэтические способности Н. М. Карамзина, его склонность к лирической сентиментальной поэзии были в какой-то мере и наследственными. (Мать Н. М. Карамзина Екатерина Петровна урожденная Пазухина — родная дочь Петра Семеновича и внучка Семена Ивановича Пазухина).

ской вотчины Пазухиных¹ между Иваном и Борисом Андреевичами Пазухиными, с одной стороны, и их двоюродными братьями Михаилом, Федором и Семеном Ивановичами Пазухиными — с другой. В это время, как можно предполагать на основании записи о разделе, Семен Иванович был еще „недорослем“.² Вскоре, однако, он уже „жилец“ и принимает участие в посольстве 1669—1673 годов в Бухару, Ургенч и Хиву вместе со своим двоюродным братом Борисом Андреевичем, возглавлявшим посольство.³ По возвращении из посольства Семен Иванович был назначен „за службу“ стрелецким головой в Корсунь на место головы, который „стрельцам и казакам чинил обиды и налоги и посулы и поминки с ним имал и всякое разорение им чинил“.⁴ Нельзя сказать, что Семен Иванович сильно отличался в этом от предшествующего начальника: как показывают документы, он давал стрельцам деньги взаймы, отчего имел немалый доход. В 1677 году он стрелецкий голова в г. Тагаеве (на Симбирской черте).⁵ В том же году Семен Иванович женился на дочери помещика Алатырского уезда Арапова и, получив за невестой с. Засарье, д. Араповку и другие земли, всего 129 четвертей, поселился в новых владениях и постепенно увеличивал их. Дальнейшая служба Семена Ивановича, как видно из его позднейшей челобитной и других документов, проходила в походах. В 1678 году он был под Чигириным, в полку боярина и воеводы князя Григория Григорьевича Ромодановского; в 1679 году — под Киевом, в полку князя Михаила Алегукевича Черкасского; в 1680 году — в Путивле, в полку князя Василия Васильевича Голицына. В том же году С. И. Пазухин был послан с окольным чин и воеводой князем Константином Осиповичем Щербатовым под Тамбов и Козлов, где он „вал по черте делал“.⁶ По приказу Щербатого Семен Иванович вел розыск в г. Тальце в связи с челобитьем рейтар, ограбленных посадскими людьми. В архиве сохранился черновик сказки С. И. Пазухина об этом розыске.⁷ На обороте этого документа Семен Иванович и записал публикуемые песни.

В конце 1680-х и начале 1690-х годов С. И. Пазухин был в Белгороде, в полку боярина и воеводы Бориса Петровича Шереметева. Он был участником нескольких походов, в частности Азовского, Ругодевского и Дорогобужского. Последней его „службой“, которую отмечают материалы архива, было конвоирование пленных шведов из Москвы в Нижний Новгород. В это время он был уже стольником.⁸ Умер С. И. Пазухин в 1709 году.

Многочисленные тяжёлые дела, сохранившиеся в архиве, отражают постоянное стремление Пазухина увеличить свои владения любыми путями. И в этом отношении он был типичным представителем служилого дворянства окраинной полосы Московского государства.

* *
*

¹ Вотчина была пожалована („из поместья“) одному из предков Семена Ивановича за „Московское осадное сидение в королевичев приход“ (1618—1619).

² Паз. IX-60.

³ См. Наказ Борису и Семену Пазухиным (Русская историческая библиотека, т. XV, СПб., 1894). Задачей посольства было установить возможность торговли с этими государствами и, кроме всего прочего, разведать пути в Индию.

⁴ Паз. I-5

⁵ Паз. I-9, 10.

⁶ Паз. I-8, 15, 22.

⁷ Паз. I-13.

⁸ Паз. I-17.

Рукопись с записанным С. И. Пазухиным текстом двух песен¹ представляет собою лист размером 21.7×15.2 см; бумага — второй половины XVII века с неясным рисунком части филиграни — герольдической лилии. На одной стороне столбца помещен текст черновика сказки стряпчего С. И. Пазухина по делу об ограблении рейтар. Черновик правлен, вероятно, рукой Семена Ивановича, другими чернилами. Чернила основного текста выцвели, чернила текста правки более темные.

Приводим текст сказки целиком, помещая зачеркнутые слова в прямые скобки, а текст правки в круглые скобки и подчеркивая текст правки, перенесенной на оборотную сторону листа.

„188-го году августа в ... день сказал стряпчей Семен Иванов сын Пазухин [как] посылал меня Семена окольников и воивода князь Константин Осипович Щербатово в город Талець к воиводе (к Ивану Мосолову (для розыску) против челобитья рейтар [Михайлова полку Зыкова] (Ондреева полку Чубарова) да Ильина полку Змейова [для розыску] что тех рейтар грабили в городе Тальце на посаде (как те рейтары щьли на службу великого государя въ нынем году) и воевода Иван Мосолов розыску никакова не учинил и тех воров не сыскал а сказал он Иван [Мосолов] мне (Семену) что та рухледь против их рейтарского челобитья сыскана и отдавал тое рухледь [Ильина полку Змейова] (и Ондреева полку Чубарова) рейтару (Иванову) (Елфиму Федорову) сыну [Филатову] (Соронтуеву?) седло с войлоки да котел [свое а не их грабленую рухледь] и тово седла с войлоки 'и котла [тот] рейтар не взял для того что не [Иво и он] ... отдавал Иван Мосолов сказал что той рухледи ... (у него Ивана) у челобитчиков рейтар опросил (?) ... битых и в тюрьму сажать [хотел] тому я и скаска“.

На обороте листа, таким образом, оказались записанными при правке черновика два отрывка фраз: 1) „на службу великого государя в нынем (188) году“ — в середине страницы — и 2) „у него Ивана“ — в нижней части страницы.

Несколько позже на этой оборотной странице листа С. И. Пазухиным были записаны песни. Приводим текст этих песен так, как он записан в XVII веке, т. е. без разделения на ритмические строки и с сохранением расположения текста по строчкам, но с правильным разделением слов.

Выносные буквы нами вводятся в текст, титла раскрываются, зачеркнутые слова заключаются в квадратные скобки.

Песня Ивана Лукьяновича ... нева²

Д ой не плачьте мои ясные очи, а не все натсажай-
те мое сердце, как увижу мила друга очи
*о здоровье мила друга спрашаю про свое я житье
ему скажу, а не то мне на мила друга до-
садно а што долго мила друга негу а и то
мне на мила друга досадно а что прельстила
мила друга иная, а всем мне надежа полюби-
ся а умом он и ростом да родился лишь однем мел надежа.
провинился а что смолода с ыными поводился.

¹ Паз. I-13.

² Слово почти стерлось, и начало фамилии установить не удалось.

Песня Андрея Михайловича Пестова

Пойду я млденька погуляю я на свои новые [на]¹ сени
 посмотрю ка² я далече в чисто поле* хорошо ли
 в [чистом] поле луги зеленеют лазоревые цветы
 расцветают зеленеются в чистом поле луги лазо-
 ревые цветы роз[да]цветают а всех людей в поле я ви-
 жю одново света милова не вижу а все люди слу-
 жбы едут моево света милова нету по здоро-
 ву ли мой миленькой едет али то воеводы не отпуска[т]³.

В двух местах приведенного выше текста, отмеченных звездочкой, стоит буква *в*, помещенная в кружок. Следует, вероятно, предположить, что это буквенное обозначение цифры 2, указывающее на повторение строки песни. Цифра, как нам кажется, стоит перед той строкой, которая должна повторяться; в этом убеждает нас первая цифра, стоящая в начале строки.

При делении текста на ритмические строки, учитывая отметки Пазухина о повторении их, текст песен примет следующий вид.

Песня Иван Лукьяновича . . . нева

Д ой не плачьте мои ясные очи,
 а не все натсажайте мое сердце.
 Как увижю мила друга очи,
 о здоровье мида друга спрошаю.
 О здоровье мила друга спрошаю,
 про свое я житье ему скажу.
 А не то мне на мила друга досадно,
 а што долго мила друга нету,
 а и то мне на мила друга досадно,
 а что прельстила мила друга иная.
 А всем мне надежа полюби[л]ся:⁴
 а умом он и ростом да родился,
 лишь одним мел надежа провинился,
 а что смолода с ынными поводился.

Песня Андрея Михайловича Пестова

Пойду я, млденька, погуляю,
 я на свои новые на сени;
 посмотрю ка я далече в чисто поле,
 хорошо ли в поле луги зеленеют.
 Хорошо ли в поле луги зеленеют,
 лазоревые цветы расцветают.
 Зеленеются в чистом поле луги,
 лазоревые цветы расцветают.
 А всех людей в поле я вижу,
 одного света милова не вижу.
 А все люди [с] службы⁵ едут,
 моево света милова нету.
 По здорову ли мой миленькой едет,
 али то воеводы не отпускают.

Когда были записаны эти песни?

Одна временная граница устанавливается с достаточной определенностью — не ранее августа 1680 года. Этим годом датирован документ, на обороте которого записаны песни. Палеографический же анализ

¹ Предлог „на“ приписан над строкой и зачеркнут.

² Частица „ка“ приписана над строкой (тем же почерком).

³ Последняя буква над строкой стерлась.

⁴ В рукописи „полюбися“.

⁵ В рукописи — „службы“ без предлога „с“.

позволяет утверждать, что правка чернового текста, перенесенная на оборот листа, где помещены песни, была произведена ранее, чем запись песен; иными словами, песни были записаны на обратной стороне черновика сказки, а не наоборот.

Второй бесспорной временной границей является 1709 год — год смерти С. И. Пазухина. Однако можно почти с полной уверенностью утверждать, что запись была произведена гораздо раньше, а именно, около 1680 года и во всяком случае не позднее 1680-х годов. За это говорит, во-первых, начертание букв, характерное для XVII века, и сравнительный анализ почерков С. И. Пазухина,¹ а во-вторых — сам факт записи песен лирического содержания, который свидетельствует о сравнительно молодом возрасте Пазухина.

Данные архива позволяют сделать заключение, что в 1680 году ему было не менее 30 лет и что он был женат лишь третий год.

В эти годы Семен Иванович был в постоянных разъездах, и тема разлуки, которая является основной темой песен, могла, вполне естественно, его волновать.

То, что песни записаны на обороте черновика документа, составленного в 1680 году, тоже, конечно, очень существенно, и можно предполагать, что песни были записаны Семеном Ивановичем тогда же в Тальде или где-то в районе Тамбова и Козлова, где он находился вместе с князем Щербатовым.

Имена лиц, от которых записал (или у которых списал) Семен Иванович эти песни, в архиве не встречаются; вряд ли, следовательно, это были его соседи по поместью. Вероятно, это те служилые дворяне, с которыми он сталкивался по службе, и их имена можно отыскать в других архивах и родословных. Были ли они авторами этих песен, или их исполнителями, или просто любителями, записавшими песни от других, — все это вопросы, на которые можно ответить лишь предположительно. Одно нам кажется несомненным — эти песни сложились в среде служилого дворянства.

Подобно известным уже стихотворным опытам П. А. Квашнина-Самарина, публикуемые два стихотворения представляют собой старейшие образцы лирики, создававшейся на основе народных лирических песен, в противовес книжной силлабической поэзии. Написанные от лица девушки или женщины, эти стихотворные опыты сохраняют следы своих песенных образцов, например в характерном именно для песен зачине — „Д ой не плачьте...“, в повторяющемся в ряде смежных стихов начальном „а“, в повторном исполнении отдельных стихотворных строк. Но это уже не крестьянская лирическая песня: „милый“ должен ехать „со службы“, его задерживает „воевода“. В языке первого автора — чуждое народному языку слово „прельстила“.

То обстоятельство, что песни дошли до нас в составе большого архива, дающего замечательный по своей определенности исторический фон к этим поэтическим памятникам XVII века, является для исследователей-литературоведов редким и очень ценным фактом — ценным тем более, что такая ранняя фиксация поэтических произведений известна лишь в очень небольшом количестве.

¹ Буквенное обозначение цифр, если признать наше предположение правильным, тоже свидетельствует до некоторой степени о том, что запись произведена в XVII веке.

Handwritten text in Church Slavonic script, consisting of two lyrical songs. The text is written in a cursive style on aged paper with some staining and irregular edges. The script is dense and fills most of the page.

Две лирические песни в записи XVII века. Рукопись второй половины XVII века.
Государственная Библиотека СССР имени В. И. Ленина.

В. И. МАЛЫШЕВ

Неизвестные и малоизвестные материалы о протопопе Аввакуме

Биография замечательного писателя XVII века протопопа Аввакума Петрова еще недостаточно изучена, несмотря на сравнительно большое количество работ, посвященных этой интересной личности. Публикуемые ниже шесть отрывков из его „Жития“ и документальные материалы расширяют и уточняют наши сведения об Аввакуме и его семье.

Тексты из „Жития“ печатаются по рукописному сборнику первого десятилетия XIX века Государственной Библиотеки СССР имени В. И. Ленина из собрания Г. М. Прянишникова, № 61. С содержанием этой интересной рукописи мы уже имели возможность познакомиться исследователей в 1951 году,¹ но тогда нам не удалось напечатать все новые сведения об Аввакуме, имеющиеся в ней.

В первом автобиографическом отрывке, относящемся к жизни Аввакума на своей родине, в „нижегородских пределах“, сообщается о возрасте, в каком он женился („семнатцати лет“) на Анастасии Марковне,² о возрасте его жены в это время („четырнатцати лет“) и о том, что он, живя в селе Лопатицах и увлекаясь „винным питием“, вспомнив как-то про смертный день, перестал пить и начал читать книги и учить людей „к пути спасения“.

На основании этих сведений устанавливается дата рождения и продолжительность жизни его жены Анастасии Марковны и время женитьбы Аввакума. Годом рождения ее теперь можно считать 1624 год, так как наиболее точной датой рождения Аввакума принято считать 1621 год, свадьба их произошла в 1638 году. Умерла Марковна в 1710 году³ в возрасте восьмидесяти шести лет, пережив на двадцать восемь лет своего „Петровича“. Далее в этом отрывке, при описании жизни Аввакума в Лопатицах, несколько по-иному, чем до этого было известно, освещаются его взаимоотношения с „начальным человеком“, ссора с ним из-за „вдовицы“, причина столкновения его с боярином и воеводой

¹ В. И. Малышев. Заметка о рукописных списках Жития протопопа Аввакума. Труды Отдела древнерусской литературы, т. VIII, 1951, стр. 381, 385. — Здесь же опубликованы три других отрывка из Прянишниковского списка Жития Аввакума (стр. 385—388).

² Образ Марковны, замечательной русской женщины, стойкой и сильной духом, не раз привлекал к себе внимание писателей и ученых, например И. С. Тургенева, Г. В. Плеханова, А. М. Горького, А. Н. Толстого и других.

³ Г. Есипов. Семейство Аввакума. В кн.: Раскольничьи дела XVIII столетия. Изд. Д. Е. Кожанчикова, СПб., 1861, стр. 120.

В. П. Шереметевым и др. Более подробно объясняется причина изгнания Аввакума из Юрьевца-Повольского.

Второй отрывок уточняет некоторые данные о пребывании Аввакума в Москве (о жизни у Ивана Неронова и др.).

В третьем и четвертом отрывках указываются другие сроки, проведенные Аввакумом в пути от Москвы до Тобольска („пятнадцать недель“ вместо „тринадцати“) и от Даурии до Москвы („два года“ вместо „трех лет“), а также сказано, что в Тобольске Аввакум „жил полтора года, у церкви“, и др.

Следующий отрывок относится к увещаниям Аввакума перед собором 1666 года и на соборе. Здесь, между прочим, впервые сообщается о том, что по прибытии Аввакума с Мезени, прежде чем отправить его в Боровский Пафнутьев монастырь, его отдали крутицкому митрополиту Павлу на уговоры, у которого он пробыл пять дней, на его дворе в Крутицах, подвергаясь всяким мучениям. Как сообщает Аввакум, этот митрополит не оставил его и после. Игумен Пафнутьева монастыря, следуя указаниям крутицкого владыки, девять недель „мучил“ протопопа, „переменяя чеши“ и „волоча в церковь на всяк день, говоря: приобщися нам“. Ярко обрисовано в этом отрывке поведение отдельных главарей церкви при спорах с Аввакумом. „Питирим же, — пишет Аввакум, — яко красная девка нишкнет — только вздыхает“. Павел Крутицкий, наоборот, „лаяше“ Аввакума и „посылаше к чорту“.

Последний, шестой, отрывок, названный нами „В Пустозерской темнице“, интересен тем, что в нем более подробно описывается внутренний вид земляной тюрьмы Аввакума.

Рассказ о сожжении Аввакума печатается по той же рукописи. Он находится в ней вслед за Житием Аввакума. Здесь этот рассказ дается в сокращенном виде.

Следующие за сочинениями Аввакума семь документов публикуются по рукописям Центрального Государственного архива древних актов.

Отписка воеводы Афанасия Пашкова и челобитная даурских служилых людей о наказании протопопа Аввакума кнутом хранятся в делах Сибирского приказа, № 508, лл. 184—187 и 188—193.¹ Эти два документа по-иному, чем Аввакум, освещают причину наказания его кнутом. Последний свою ссору с воеводой, приведшую его на „козел“, объясняет тем, что он попытался воспрепятствовать желанию Пашкова отдать замуж двух шестидесятилетних вдов, которые ехали постричься в монастырь. „И чем бы ему, послушав меня, — пишет Аввакум в автобиографии, — и вдов отпустить, а он вздумал мучить меня, осердясь“.² Это произошло на Шаманском пороге реки Верхней Тунгуски.

На соседнем Долгом пороге той же реки Тунгуски Пашков, воспользовавшись тем, что лодка ссыльного протопопа идет медленно, и мстя ему за происшедшее, стал „выбивать“ его на берег, говоря: „Для-де тебя дощеник худо идет! Еретик-де ты! Поди-де по горам, а с казаками не ходи!“³

Горы были высокие и непроходимые. Впереди ждала верная смерть. Это, вероятно, побудило Аввакума обратиться к воеводе с письмом, однако не отличавшимся смирением, судя по началу, которое он приводит в своем „Житии“. „И яз ему малое писаньейце написал, — пишет Аввакум, — сице начало: «Человече! Убойся бога, сидягаго на херу-

¹ Отписка была опубликована в 1939 году в Париже, но не точно.

² Памятники истории старообрядчества XVII в., кн. 1, вып. 1. Русская историческая библиотека, т. XXXIX, 1927, стлб. 21.

³ Там же, стлб. 21.

вмех и призирающаго в безны, его же трепещут небесныя силы и вся тварь со человеки, един ты презираешь и неудобство показуешь», — и прочая; там многонько писано; и послал к нему¹.

Пашков, очевидно, ожидавший другого исхода, был в конце выведен из равновесия резким „писаньейцем“ протопопа. Произошел следующий диалог между грозным воеводой и ссыльным протопопом, завершившийся семьюдесятью двумя ударами кнутом по спине Аввакума: „Взяли меня палачи, привели перед него. Он со шпагою стоит и дрожит; начал мне говорить: «Поп ли ты, или роспоп?». И аз отвечал: «Аз есмь Аввакум протопоп; говори: что тебе дело до меня?». Он же рыкнул, яко дивий зверь, и ударил меня по щоке, таже по другой, и паки в голову, и збил меня с ног и, чекан ухватя, лежачева по спине ударил трижды и, разболокши, по той же спине семьдесят два удара кнутом „палачь бил“².

Во время наказания Аввакум ко всякому удару „молитву говорил“, но в середине побоев „вскричал“ к воеводе: „Полно бить-тово!“³ Пашков, долго ожидавший от протопопа мольбы о пощаде, воспринял эти слова как смирение и велел прекратить наказание. Однако следующее обращение Аввакума к воеводе — „За что ты меня бьешь? Ведаешь ли?“⁴ — вызвало новый прилив гнева у Пашкова, и он приказал бить его по бокам.

Так описывает Аввакум в „Житии“ этот печальный эпизод из своей жизни. В других своих сочинениях он лишь вспоминает о нем, не вдаваясь в подробности. Этот случай, в числе других, приводится архиепископом сибирским Симеоном в челобитной царю как препятствие к тому, чтобы посылать духовных лиц к „озорнику великому“ Афанасию Пашкову.⁵ Симеону о наказании Аввакума стало известно, возможно, из недошедшего до нас письма к нему протопопа. Как показывает черновой отпуск царской грамоты к Симеону от 1658 года, наказание Аввакума кнутом было одной из причин смещения Пашкова с должности начальника даурской экспедиции.⁶

Протопоп Аввакум был не простой ссыльный в отряде Афанасия Пашкова, с которым можно было особенно и не считаться. Он „послан был вместо белово попа“.⁷ Хотя Аввакум был выслан из Москвы, но он не был лишен священнического сана. Это обстоятельство налагало какие-то обязанности на Аввакума и на начальника отряда в его отношениях к протопопу. Противоречивость положения Аввакума в глазах воеводы хорошо выражена им в вопросе к Аввакуму, если верить вышеприведенным словам автобиографа. Это надо учитывать при чтении отписки Пашкова и челобитной даурских служилых людей, к которым мы теперь возвращаемся.

Отписка и челобитная подтверждают рассказ „Жития“ о том, что наказание Аввакума кнутом произошло на Долгом пороге, и называют

¹ Там же, стлб. 22.

² Там же, стлб. 22—23, 104.

³ Там же, стлб. 23.

⁴ Там же, стлб. 23.

⁵ Челобитная Симеона, архиепископа сибирского и тобольского царю Алексею Михайловичу о злоупотреблениях даурского воеводы Афанасия Филипповича Пашкова. 1658 г. В кн.: А. К. Бороздин. Протопоп Аввакум. Очерк из истории умственной жизни русского общества в XVII веке. Изд. 2-е, дополн. и исправл. СПб., изд. А. С. Суворина, 1900, Приложение, стр. 117.

⁶ Черновой отпуск царской грамоты архиепископу Симеону. 11 февраля 1658 года. Там же, стр. 118.

⁷ Челобитная Симеона. Там же, стр. 117.

точную дату — 15 сентября 1656 года. Дальше показания „Жития“ и документов расходятся. И отписка и челобитная стараются придать поступку Аввакума смысл заговора против общественного порядка, предстать его смутьяном, который хочет „в вашей государевой Даурской службе в полку моем учинить смуту“. Они обвиняют его в том, что он в своей „подметной памяти“ писал, что „езде в начальных людех, во всех чинех нет никакия правды“, и другие „многия непристойныя свои воровские речи“ говорил „почасту“.

Отписка расценивает его письмо как подстрекательство служилых людей „на то, чтобы они вам, государем, изменили... и были б не под вашим государевым указом“, и сравнивает Аввакума с казаками Мишкой Сорокиным и Филькой Полетаевым, устроившими восстание в Верхоленском остроге и на Байкале. В отписке называются три соучастника Аввакума, которые „для ево воровсково умыслу и заводу учели было приставать“. Это — Филька Помельцов, Микифорко Свешников и Ивашко Тельной с товарищи. В челобитной служилых людей, составленной более кратко, о восстаниях на Байкале и Верхоленске и о соучастниках Аввакума не упоминается.

Отписка и челобитная сообщают, что, когда протопопа били кнутом на козле, он обращался к стоящим тут служилым людям со словами: „Братцы казаки, не подайте!“, и добавляет: „бутось он, вор, на них, служилых людей, в том своем воровстве надежен“. В челобитной к этому прибавлено: „Бутось, государи, мы те ево воровские письма ведаем“. После этого в челобитной идет заверение в верности государю и похвалы по адресу Пашкова. В обоих документах письмо Аввакума называется „глухою безымянною“ „памятью“, указывается, что оно „по сыску объявилось“ и требуется предать Аввакума „смертные казни“.

Отписка и челобитная написаны одной рукой. Больше двадцати подписей на челобитной („руку приложил“) сделаны в общем тремя-четырьмя почерками. Показательно и то, что, посылая к царю отписку и челобитную, воевода не приложил к ним в качестве доказательства „подметное письмо“, как полагалось бы сделать в таком важном случае, а ограничился собственными показаниями и показаниями подчиненных стрельцов. И это заставляет нас осторожно отнестись к сообщениям Пашкова. Весьма вероятно, что, проявив горячность в отношении Аввакума и учитывая возможные последствия, Пашков и сочинил оба документа, чтобы оправдать свои действия.

Не исключена, однако, возможность, что Аввакум в разговорах с казаками действительно открыто и резко порицал „начальных людей“ за принятие никоновых нововведений и за произвол, который они творили в Сибири, пользуясь полной бесконтрольностью своих поступков. Но эти обличения его не выходили из рамок евангельских проповедей и не носили характера социального протеста, как это пытается приписать ему Афанасий Пашков. Во всяком случае оба эти документа, отписка и челобитная, дополняют показания Аввакума, и в этом их ценность. Кроме того, они подтверждают факт наказания протопопа кнутом, известный ранее только с его слов, и сообщают интересные сведения об отряде Пашкова и о положении в Даурии. Они важны и потому, что еще раз подтверждают большую ценность „Жития“ Аввакума как исторического источника. Если показания Аввакума и Афанасия Пашкова здесь не сходятся, то вина в этом не протопопа, а воеводы, который придумал факты, а Аввакум лишь не все передал, но не исказил фактов.

Следующие три документа связаны с отправкой Аввакума из Николо-Угрешского монастыря в Боровский Пафнутьев монастырь в сентябре 1666 года с целью изолировать его от сообщников. Это челобитная стрелецкого десятника Никифора Данилова с товарищи о выдаче кормовых денег за сопровождение Аввакума в Боровск, „Скаска“ полуголовы Григория Салова, подтверждающая, что „жалованье“ не получено, и „Указ“ в приказ Большого Прихода о выдаче десятнику и рядовым кормовых денег.

Все эти документы находятся в фонде Разрядных дел, Севский стол, стлб. 215, лл. 20—22. Документы дополняют „Дело об отправлении протопопа Аввакума из Угрешского монастыря в Пафнутьев, 1666 г. сент.“, напечатанное в свое время Н. И. Субботиним;¹ в частности они содержат более точные сведения о страже, возившей Аввакума в Боровск.

Два последних документа относятся к пребыванию семьи Аввакума на Мезени. Это указ в Новгородский приказ и грамота кеврольскому и мезенскому воеводе от 1693 года об освобождении на поруки из ссылки с Мезени сыновей Аввакума Ивана и Прокопия и об определении их на местожительство в Романов. Указ и грамота хранятся в фонде Приказных дел новой разборки, № 2222, лл. 11 и 12. Документы любезно указаны нам В. Н. Шумиловым.

Иван и Прокопий, вместе с отцом и другими членами семейства Аввакума, были сосланы из Москвы на Мезень 29 декабря 1664 года. Здесь большую часть времени они прожили в Окладниковой слободке, пока заступничество князя Василия Голицына не вызволило их из далекой ссылки. Последующие годы жизни Иван Аввакумов провел в Москве. Прожив 76 лет (родился в 1644 году), он умер в 1720 году 7 декабря, „будучи в С.-Петербургской крепости за караулом“, привлеченный по делу о распространении „раскола“.² Судьба Прокопия, после возвращения с Мезени, не известна. Известно только, что он жил с братом и матерью в Москве.

Кроме Ивана и Прокопия, у Аввакума был еще сын Афанасий, родившийся около 1664 года, и три дочери: Агриппина, Акилина и Ксения. Сведения о них не восходят далее мезенской ссылки.

На основании вновь найденных документов устанавливается точная дата освобождения Ивана и Прокопия с Мезени. Новым также представляется известие об определении им местожительства в г. Романове.

В публикации допущены следующие упрощения орфографии подлинника: *ia, i, t̄, ω, Ѧ* передаются через *я, и, е, о, я*; надстрочные буквы внесены в строку; титла раскрыты; буквенно-цифровые значения передаются словами, за исключением календарных обозначений. Заключенные в квадратные скобки исправления текста принадлежат нам. Пунктуация и употребление *й* и *ь* современные.

¹ Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые редакцией „Братского слова“, т. I, М., [1874], стр. 371—374. — Среди жигелей г. Боровска Московской области до сих пор еще живут предания о пребывании Аввакума в Пафнутьевом монастыре. В 1936 г. автору этих строк указывали башню („круглую“) и помещение под трапезной, в которых по преданию был заключен Аввакум. В памяти боровчан Аввакум рисуется смелым и деятельным борцом за свои убеждения, вступавшим не раз в столкновения с монастырским начальством (сведения получены от Е. В. Милюкиной, учителя Дешина, Якова Павлова и др.).

² Г. Е с и п о в. Семейство Аввакума. В кн.: Раскольничьи дела XVIII столетия, стр. 119, 120, 124 и 127.

ИЗ ЖИТИЯ ПРОТОПОПА АВВАКУМА ПО СПИСКУ Г. М. ПРЯНИШНИКОВА

[1. Из жизни в нижегородских пределах]

От отца остался мал. Мати же изволила меня женить семнатцати лет, жену мне привела четырнатцати лет. Прежде же женитвы в ночь воставах и молих бога, дабы дал мне жену, помощницу ко спасению. Она же, пришед за меня, сказала мне: тако же творила. И оттоле помалу начахом простиратися, в нощи воставати на молитву оба нас, в тайне о гресех своих бога молити. Два года был дьяконом. Егда же [л. 8 об.] стал в попы, преселился во иное село — Лопатища. И воспомянух день смертный, престал от виннаго пития и начах книги почитати и люди учити к пути спасения. Сам же простираяся паче на молитву днем и нощию. Слышавше же окрестныя люди мною проповедуемо слово божие, мнози приходяще послушати. Духовных детей учинилося сот до седми и больше... [л. 9]

Отселе стану сказывать верхи своим бедам. А о всех не достанет ми лета повествовати, колико случилось в дватцать два лета от буйх человек, — да не постави им, господи, во грех. В том же селе начальной человек отнял у вдовицы дочь, вдовица же, плакавшися мне о том деле, стужаше. И я у него просил в честь, он же не отдал. И я у него отнял сильно за божиею помощию. Он же опосле напал на меня, и я [л. 10] лежал часа с три без памяти. Потом изгнал меня из двора и имение мое отнял...

И паки ин сильник нападе на мя и отгрыз, [л. 10 об.] бьючи, зубами мои руки, и после стрелял по мне из пищали, и божиею волиею на полке порох пыхнул, а пищаль не стрелила. И всяко от него бог меня избавил. Он же навадил иному сильному боярину. Василью Петровичю Шереметеву за то, что я розбил игру бесовскую: скоморохи и бубны и медведи.

И потом паки из двора меня изгнали. Аз же приволокся к Москве и, божиею волею, государь меня велел по [л. 11] ставить в Юрьвец Повольской в протопопы. И по государеву указу велели духовныя патриарховы дела ведать, живучи у церкви. Аз же внимах о исправлении людском; людие же одержими пиянством зело и исполнени блудных дел и убийства. Аз же, окаянный, учих словом божиим, а не покаряющихся истинне и от блудных дел престати не хотящих воспящая смирением на дворе патриархове. Оне же, разсвирепев, на мя собравшися, человек тысящи с полторы и больши, вытащили меня из патриарховы избы и били ослопьем и кинули за мертво под избным углом. И помале приехал воевода, оттащил меня в дом мой, поставил и сторожу... [л. 11 об.] Аз же, отдохня, в третий день ночью, покиня жену и дети, ушел к Москве... И после того и жена моя с робяты приволакла за мною же...

[2. В Москве]

А на Москве, на дворе у Ивана Неронова, жили полтора годы. А сам при духовнике Стефане за духовную ево любовь держался. А на пожаре у церкви казанския от писания народ пользовал... [л. 12]

[Никон] Логина остриг же и проклинал, Ивану запретил и скуфью снял, с епископа Павла пеструю мантию снял и в черную облек, — и разослал всех всылки. Епископа велел эжечь, Данила

в тюрьме земляной уморил в Астрахане, Логина на селе учинил землю орать, — тамо и скончался. А иных не пересказать, колико рабов христовых перегубил.

Со мною у всеобщаго взял шездесят человек и в тюрьму посадил, а наутрее их проклинал; оне же, мужествовав, многия ему в глаза плевали. Он же тех безвестно изгубил... [л. 15 об.]

[3. Ссылка в Сибирь]

Таже послали меня в Сибирь з женою и з детьми. И колико дорого было нужды, того всего много говорить. Нужна мне та была дорога, пятнадцать недель везли до Тобольска телегами и водою и саньми. В Тобольске жил полтора годы, у церкви проповедуя слово божие и ево Никонову обличая ересь. А как нас разослал с Москвы и внес в церковь сию нововводную ересь и не стерпе ярость господня, изливал фиал гнева своего на царство московское за церковной раскол... [л. 17 об.] Бысть мор в Москве и по градом, и по селом; людие же неразумни суть, стонуще и изгибающе, и умирающе безвестно, а ереси от церкви изринуты не восхотеша, яко же и доньне держится. О, увы и горе! Блюдемся другаго фиала, того страшнее. О сем до zde.

Егда же услышал Никон мое обличение о нем в Тобольске, что браню от писания и укоряю ересь ево, и посем пришел указ от Никона в Тобольск, велено меня вести на Лену. В Тобольске же многия беды были: в воду нощию посадить хотели и с палками караулили не по одну ношь — убить до смерти хотели. И то премину говорить, — много везде беды, по Павлу апостолу... [л. 18]

[4. Возвращение на Русь]

И остался годом до Москвы. Нужен той поплав путь мне был: семнатцать человек у меня, нужные и хворые, бабы и робята. А плыл два лета посреде царств иноземцов [л. 28 об.] неверных, поминая писанное: „уповающаго же на господа милость обыдет“. На иной реке иноземцы судно наше с нами и к берегу притащили, мы чаяли нас истребят, а они нас и отпустили: богу так изволившу, — востенали есьмы в то время к нему свету. Еще же к тому, чрез море (Байкал, — В. М.) великие беды едучи видели. Полно тово говорить, — не достанет ми повествовати лето... [л. 29]

[5. Увещания]

И нынешняго, сто семьдесят четвертого году, в великой мясоед, взял меня пристав с Мезени к Москве одново и, привезши, отдал Павлу, крутицкому митрополиту. Он же меня у себя на дворе, привлачая к своей прелестной вере, томил всяко пять дней; и козновав и стязався со мною, отвезли в Пафнутьев монастырь под начал и велел игумну на чеши мучить. Игумен же zelo гораздо, переменяя чеши, девять недель меня [л. 32] мучил, волоча в церковь на всяк день, говоря: „приобщися нам!“ Аз же смеюся их безумию: оставили бога и возлюбили диявола, поют в церквах бесовския песни, не стало у них, что у римлян, ни поста, ни поклонов, ни крестнаго знаменья, и, пра-

вую веру нашу христианскую изгубя, возлюбили латынскую веру... [л. 32 об.]

Митрополит же меня ис Пафнутьева монастыря, девяносто верст, одним днем велел примчать к Москве. И мало скачючи души не вытрясли; примчали еле жива. На утрии же в патриархии стязавшеся власти много со мною от писания: Иларион рязанской и Павел крутицкой. Питирим же, яко красная девка, нишкнет, — только вздыхает. Оне же не возмогоша стати противу премудрости и силы христовы, но токмо укоряху. И лаяше меня Павел и посылаше к чорту... [л. 33] Отслали на патриархов двор, посадили за решетку и тут держали два дни. И в полночь отвели в Тайнишьные ворота, Житным двором, на Тресвяцкой мост. И тут от тайных дел Дементей Башмаков сказал мне: „Молися-де богу и на государя надейся“. И отдал меня полуголове со стрельцами... [л. 33 об.]

И привезши на Угрешу, посадили в темную полатку; и голова со стрельцами стоит день и ночь пред дверьми. Аз же пою богу моему, дондеже есмь. А впредь не вем, что бог изволит и им попустит. Пускай мою плоть истребят на уды и разбросают по холмам польским на по- [л. 34] трепление зверем земным и птицам небесным, да расклюют мя. Еще же и пси да сокрушат мои кости и истребят мое сердце. Аще бог изволит, должен умереть за него, — света, а не предадим благоверия... [л. 34 об.]

[6. В Пустозерской темнице]

...запечатлен в живом аде плотно гораздо; ни очию возвести на небо возможно, едина скважня, сиречь окошко. В него пищу подают, что собаке; в него же и ветхая измедем; тут же и отдыхаем. Сперва зело тяжко от дыму было: иногда на земли валяясь [л. 49 об.], удушисься, насилиу отдохнешь. А на полу том воды по колени, — все беда. От печали великия и туги неначаяхомся и живы быти, многожды и дух в телеси займется, яко мертв — насилиу отдохнешь. А сежу наг, нет на мне ни рубашки, лише крест з гойтаном: нельзя мне в грязи той сидя носить одежды. Я уж не жалея, [л. 50] когда ел, когда не ел, — не спрашиваю и не тужу о том многожды. Иногда седьмь дней, иногда десять, а иногда и сорок не ел, да бог помогает и молитвы святых отец и братии послешествуют. От масленицы до Вербнаго воскресения не ел, да как стал хлеб от есть, так меня мыть мучило недель с пять: умер было, да добро, нечево себя жалеть... [л. 50 об.]

[7. Сожжение Аввакума (приписка в конце Жития)]

Егда же прииде время божим изволением скончати им течение свое, во 189-м году послан бысть от царя Феодора посланник. И повеле царь священномученика и многострадальнаго Аввакума протопопа, и Лазаря священника, и соловедкаго инока Елифания, и Феодора диякона в срубе сжечь. Посланник же приехав в Пустозерье по наказу [л. 52] всех четверых, посадя во един труб, сожег. И тако исповедницы христовы скончаша течение свое страдальческое, добре совершиша: преидоша от земнаго временнаго жития в небесная и некончаемая месяца апреля в первый день. А страдания было священномученика Аввакума протопопа лет тритцать и больши... [л. 52 об.]

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

[1656 г. после сентября 15—ранее 1657 г. июня 4. Челобитная даурских служилых людей о наказании протопопа Аввакума „за многие непристойные свои речи“, написанные им в „безымянной“ „подметной памяти“]

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичу, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу, и государю благоверному царевичу и великому князю Алексею Алексеевичю, всеа Великия и Малыя и Белья Росии, бьют челом холопи ваши государевы, розных сибирских одиндцати городов и острогов же служилые людишка.

В прошлом, государи, во 163-м году по вашему государеву указу посланы мы, холопи ваши, государевы на вашу государеву даурскую службу с вашим государевым воеводою с Офонасьем Филиповичем Пашковым.

Тобольсково города десятничишка казачьи: Власко Савельев, Мишка Саранчин, Куземка Иванов, и рядовые казачишка: Ганька Чесноков, Петрушка Гаврилов, Ондрюшка Григорьев, Федька Семенов, Федька Савельев, Офонька Лапин, Ондрюшка Сергеев, Артюшка Исаков, Ивашко Оникеев, Куземка Мосеев, Микитка Логинов, Ондрюшка Савуров, Петрунька Михайлов, Ерасимко Федоров, Богдашко Габышев, Ивашко Иванов, Максимко Иванов, Ивашко Самопальников с товарищи, — все шездесят человек.

Томсково города десятничишка казачьи: Федька Прокопьев, Данилко Ондреев, Васька Костентинов, Пронька Беляинов, и рядовые казачишка: Левка Ламанов, Мишка Тюменцов, Ивашко Лаврентьев, Нестерко Григорьев, Гришка Овдокимов, Любимко Евсеев, Трошка Стрелков, [И]вашка Морковкин, Ивашка Буянов, Ивашко Бубенной, Олешка Коленной, Гришка Щукин, Дейка Лукьянов, Ивашко Соловар, Мартышко Чюскаев, Архипко Шапошников с товарищи, — все пятьдесят человек.

Тюменсково города десятничишка казачьи: Ромашка Сергеев, Якунька Исаков, Федька Исаков и рядовые казачишка: Петрунька Васильев, Ивашко Панфилов, Левка Голой, Ондрюшка Васильев, Микитка Нефедов, Офонька Микитен, Филька Иванов, Ларька Сартаков, Митька Долгопол, Ивашко Судейкин, Елфимко Юдин с товарищи, — все сорок человек.

Тарсково города десятничишка казачьи: Оська Минин, Максимко Яковлев, Стенька Садковской, и рядовые казачишка: Левка Иванов, Ивашко Федоров, Ивашко Игнатьев, Мишка Жерноков, Петрушко Офонасьев, Дениско Мезенин с товарищи, — все тридцать человек.

Верхотурсково города десятничишка казачьи: Ивашко Корташов, Ивашко Лапин и рядовые казачишка: Васька Божин, Петрушка Григорьев, Игнашка Сусоров, Микитка Евсеев, Микитка Павлов, Куземка Бархатов, Самылко Володимеров, Ивашко Офонасьев с товарищи, — все дватцать человек.

Березовсково города десятничишка казачьи: Лазарко Иванов, Ивашко Смагин, Елфимко Дементьев и рядовые казачишка: Титко Иванов, Лучка Мозолевской, Вторко Кирьянов, Пронька Лопухин, Ефремко Нарымцов, Сенька Микифоров, Фомка Охлопков, Ондрюшка Григорьев, Тимошка Ангрышов с товарищи, — все сорок человек.

Пельымсково города десятничишко казачей Тараско Зуев и рядовые казачишка: Васька Иванов, Васька Федоров, Бориско Иванов с товарищи, — все пятнатцать человек.

Сургутцово города служилые людишка: Мишка Тимофеев, Демка Иванов, Митька Ларионов, Онтонко Васильев, Петрушка Иванов, Ондрюшка Оверкиев, с товарищи, — все десять человек.

Туринсково острога десятничшко казачей Микитка Максимов и рядовые казачишка: Петрушка Кондратьев, Сидорко Микитин, Гришка Микифоров, Кононко Лукьянов с товарищи, — все десять человек.

Кузнецково острога десятничшко казачей Потапко Федоров и рядовые казачишка: Калинка Петров, Кирилко Ортемьев, Ивашко Немчин, Володька Иванов с товарищи, — все десять человек.

Красноярсково острога десятничшко казачей Оксенко Иванов и рядовые казачишка: Мишка Степанов, Терешка Чунептев, Ивашко Ошихин, Титко Кочергин, Игнашка...¹ с товарищи...² [л. 190] приборные, все четыреста дватцать человек.

По вашему государеву указу послан ис Тобольска в Даурскую землю роспоп, что был протопоп Аввакум. И в нынешнем, государи, во 165-м году сентября в 15 день, как будем мы, холопи ваши государевы, с вашим государевым воеводою, с Офонасьем Филиповичем, не дошед Братцково острога по Тунгуске реке, на Долгом пороге, и тот ссыльный роспопа Аввакум, умысля воровски, не ведомо по чьему воровскому наученью, или будет, государи, затеел сам собою, хотя в вашей государевой службе, промеж вашим государевым воеводою, Офонасьем Филиповичем, с нами, холопи вашими, учинить смуту, писал своею рукою воровскую составную память, глухую, безымянную, буттось, государи, везде в начальных людех, во всех чинех нет никакия правды. И инья, государи, многия непристойныя свои воровския речи в той своей подметной памяти написал.

И то, государи, ево, роспопину, воровское письмо, ево руки, по сыску объевилося перед вашим государевым воеводою Офонасьем Филиповичем, и за то, государи, ево воровство, по вашему государеву указу, ваш государев воевода, Офонасей Филипович, велел ему, вору роспопу, учинить наказанье — бить кнутом на козле, чтоб, государи, на то смотря, инья такая же воры впредь в ваших государевых ратех ни где такими же воровскими письмами смуты не чинили.

И как, государи, ему, вору роспопе, Аввакум[у], по вашему государеву указу давано наказанье — бит кнутом на козле, и он, роспопа, своим же воровским умыслом, хотя нас холопей ваших государевых ссорить с вашим государевым воеводою Офонасьем Филиповичем, говорил в то время: „Братцы-казаки, не подайте!“. Буттось, государи, мы те ево воровския письма ведаем. И он, вор, буттось, на нас, холопей ваших государевых, в том своем воровстве надежен. А мы, государи, холопи ваши государевы, служить вам, государем, вашу государеву даурскую службу готовы и от вашего государева воеводы Офонасья Филиповича обиды и насильства к нам никакия нет, и впредь ваши государевы службы с ним воеводою служить готовы.

Милосердный государь [полный титул Алексея Михайловича] и государь благоверный [полный титул Алексея Алексеевича], пожалуйте, государи, нас, холопей своих государевых, даурские службы всех служилых людешек, велите, государи, своему государеву воеводе Офонасью Филиповичю ему, вору и завотчику и ссорщику, роспопе Аввакуму, за то ево воровство по вашему государеву указу и по Уложенной соборной книге, свой государев совершенной указ учинить, чтоб

¹ В рукописи оборвана часть листа.

² В рукописи оборвана часть листа.

нам, холопом вашим государевым, от такова вора и завотчика, в том ево воровском подметном письме, от вас, государей, в опале не [быть] и впредь б[ы государеве]¹ службе от такова вора и завотчика какое дурно не всчалось.

Великий государь [п. т. Алексея Михайловича]... и государь благодверный [п. т. Алексея Алексеевича], смилуйте, государи, пожалуйте.

На обороте: К сей челобитной даурской службы черной поп. К сей челобитной даурские службы Тобольского города служилой человек Петрунька Арканов руку приложил. К сей челобитной даурской службы Тобольского города служилой человек Герасимко Зверев руку приложил. К сей челобитной даурской службы служилой человек Иваас Торханцов руку приложил. К сей челобитной даурской службы сургутцкой казак Мишка Тимофеев руку приложил. К сей челобитной даурские службы Томскова города служилой человек Левка Ламонов руку приложил. К сей челобитной даурския службы Березовского города служилой человек Ондришка Григорьев руку приложил.

К сей челобитной даурские службы Березова города служилой человек Елфимко Дементьев руку приложил. К сей челобитной даурские службы Березова города служилой человек Тимошка Ангрышев руку приложил. К сей челобитной даурские службы Тобольского города служилой человек Ивашко Самопальников руку приложил. К сей челобитной даурской службы Тобольского города служилой человек Максимко Иванов руку приложил. К сей челобитной даурские службы Пельмскова города служилой человек Васька Иванов руку приложил. К сей челобитной даурские службы, Пельмского города служилой человек Бориско Иванов руку приложил. К сей челобитной даурской службы Вер... человек...² К сей челобитной даурския службы служилой человек Богдашко Кузьмин Габышев руку приложил.

К сей челобитной даурской службы даурской служилой человек Ивашко Иванов Южак руку приложил. К сей челобитной даурской службы служилой человек Пашко Терентьев сын Кошельков и руку приложил. К сей челобитной даурской службы новоприборной казак Ивашко Созонтов руку приложил. К сей челобитной даурской службы новоприборной служилой человек Дмитрейко Иванов Харитонов руку приложил. К сей челобитной даурские службы служивой человек Ивашко Офонасьев руку приложил. К сей челобитной даурския службы служивой человек Березова города Проха[р]ко Стефанов руку приложил. К сей челобитной даурской службы новоприборной казак Ивашко Дорофиев руку приложил.

ЦГАДА, Сибирск. пр. № 508, лл. 188—193.

[1657 г. июня 4. Отписка воеводы Афанасия Пашкова о наказании протопопа Аввакума кнотом за „многие неистовые речи“]

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу и государю благодверному царевичю и великому князю Алексею Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белья Росии холоп ваш Офонька Пашков челом бьет.

¹ В рукописи оборвана часть листа.

² В рукописи оборвана часть листа.

В прошлом, государи, во 163 (1655)-м году по вашему государеву указу послан я, холоп ваш, на вашу государеву службу в новую Даурскую землю да со мною, государи, розных Сибирских одиннадцати городов и острогов служилые люди.

Да по вашему ж государеву указу послан ис Тобольского города в Даурскую землю роспоп, что был протопоп, Аввакумко, и из Енисейского острога велел, государи, я ево взять с собою.

И в нынешнем, государи, во 165 (1656)-м году сентября в 15 день, как я, холоп ваш, буду по Тунгуске реке, не дошед Братцково острогу, на Долгом пороге, и тот ссыльной роспопа Аввакумко, умысля воровски неведомо по чьему воровскому наученью, писал своею рукою воровскую составную память глухую безымянно, буттось, государи, везде в начальных людех, во всех чинех нет никакия правды. И иные, государи, многия непристойныя свои воровския речи в той своей подметной памяти написал, хотя в вашей государевой даурской службе в полку моем учинить смуту.

И то, государи, знатно, что он, вор роспопа, тем своим воровским письмом хотел приводить служилых людей на то, чтоб оне вам, государем, изменили и вашево б государева указу не послушали и от меня б, холопа вашево государева, отказались и были б не под вашим государевым указом: так же, как и ис Сибири из Ылимского острога такия ж воры, что и он,¹ роспопа, илимской казак Мишка Сорокин прибрал к себе воров триста тритцать человек и ваш государев Верхоленской острог и многих торговых людей пограбили; так же, государи, что и на Бойкале озере такия ж воры Енисейския служилые люди Филька Полетай с товарищи, пятьдесят человек, пограбя вашу государеву казну и сына боярсково Василья Колесникова ограбя, покинули на реке Прорве и побежали в Даурскую землю собою.

И то, государи, ево роспопино воровское письмо, ево руки, по сыску принесено ко мне, холопу вашему, и по вашему государеву указу я, холоп ваш, велел ему, вору роспопу, учинить наказанье — бить кнутом на козле, чтоб, государи, на то смотря, иныя такия ж воры впредь в ваших государевых ратех нигде такими ж воровскими письмами смуты не чинили.

И как, государи, ему, вору роспопе Аввакумку, по вашему государеву указу давано наказанье — бит кнутом на козле, и он, роспопа, своим же воровским умыслом хотя служилых людей со мною ссорить, говорил в то время: „братцы казаки, не подайте!“ — буттось он, вор, на них, служилых людей, в том своем воровстве надежен. И иныя, государи, многия неистовыя речи говорил он, вор, почасту.

А по вашей государевой соборной Уложенной книге довелся он, вор роспопа, за то ево воровство и за многие неистовыя речи смертныя казни. И я, государи, холоп ваш, без вашево государева указу тому вору совершенново вашево государева указу учинить не смею.

Да к тому ж, государи, вору роспопе для ево воровсково умыслу и заводу учели было приставать такия ж воры и завотчики: Томсково города служилой человек Филька Помельцов, Березовсково города Микифорко Свешников, Ивашко Тельной с товарищи. И я, государи, по вашему государеву указу тех ево роспопиных друзей, воров и завотчиков, Березовсково города Микифорка Свешникова, Ивашка Тельново с товарищи с вашей государевой службы в походе ис полку сво-ево выслал вон. А пуцему вору и завотчику Томсково города служи-

¹ В рукописи чтоб он.

лому человеку Фильке Помельцову велел учинить наказание — бить кнутом на козле нещадно, и отпустил его в Томской город. А в их, государи, места на вашу государеву службу прибрал и поверстал в казачью службу охочих вольных людей.

А ево, вора роспопу, отдал за пристава и по вашему государеву указу взял в Доурскую землю. И впредь, государи, от такова вора роспопы в вашей государевой дальней даурской службе чаеть такова ж воровсково заводу и большова дурна. Да на нево ж, государи, вора роспопа, били челом тебе, великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу, и государю благоверному царевичю и великому князю Алексею Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белья Росии, а мне, холопу вашему, в походе полку моево служилые люди подали за руками челобитную. И я, государи, холоп ваш, тое их челобитную под сею отпискою послал к тебе, государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу и к государю благоверному царевичю и великому князю Алексею Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белья Росии к Москве в нынешнем во 165 (1657)-м году июня в 4 день полку своево даурские службы с служилыми людьми с десятники казачьи Туринсково острога с Микиткою Максимовым, Кузнецково острога с Потапком Федоровым.

И о том воре роспопе Аввакумке великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец и государь благоверный царевич и великий князь Алексей Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белья Росии мне, холопу своему, как укажете.

На обороте: Государю царю [п. т. Алексея Михайловича] и государю благоверному царевичу [п. т. Алексея Алексеевича]. *Другой рукой:* 166 (1657), октября в 27 день, з Даурским казаком с Микиткою Максимовым.

ЦГАДА, Сибирск. пр. № 508, лл. 184—187.

[1666 г. сентября 12 (?). Челобитная стрелецкого десятника Никифора Данилова с товарищи о выдаче кормовых денег за сопровождение колодника (протопопа Аввакума) от Николо-Угрешского монастыря до Боровского Пафнутьева монастыря]

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу, бьют челом холопи твои, стрельцы Иванова приказу Дмитриевича Зубова, десятник Микишка Данилов с товарищи, четыре человека. В нынешнем, государь, во 175-м году посланы мы, холопи твои, с полуголовою, з Григорьем Саловым, с колодником в посылку от Николы с Угрещи в Боровск в Пахнутынской монастырь. И ездили мы, холопи твои, в Боровск семь дней, а твоево государева жалованья нам, холопом твоим, корму на дорогу ничево не дано.

Милосердый государь [п. т. Алексея Михайловича], пожалуй нас, холопей своих, вели, государь, нам дать свое государево жалованье корм за семь дней, почему ты, великий государь, укажешь. Царь государь, смилуйся.

На обороте: 175-го сентября в 12 день, взять скаску у полуголовы у Григорья Салова, сколько человек с ним было и с которово числа и по которое.

ЦГАДА, Разряд, Севск. стол, № 215, л. 20.

[1666 г. сентября 12. Скаска полуголовы Григория Осипова Салова о том, что ему и стрельцам за „посылку“ в Боровск „жалованья-корму не выдано“]

175-го, сентебря в 12 день, по твоему, великого государева, указу ходил я, полуголова, Григорей Осипов в посылку в Боровск с стрельцами Иванова приказу Дмитреивича Зубова, а стрельцев была в посылке четьря человека, да два человека деньщиков, а были в¹ посылке семь дней, а твоиво государева жалованья-корму не выдано. То наша и скаска.

На обороте: Полуголова Григорей Салов руку приложил.

ЦГАДА, Разряд, Севск. стол, № 215, л. 21.

[1666 г. сентября 12. Память стрелецкого приказа в приказ Большого Прихода о выдаче „кормовых денег“ стрельцам, сопровождавшим Аввакума до Пафнутьева монастыря]

Лета 7175-го сентября в 12 день. По государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца указу, окольному Миките Михайловичю Боборыкину, да дьяку Ивану Зиновьеву, по указу великого государя [л. т. Алексея Михайловича] (пожаловати *зачеркнуто*) головы московских стрельцов Иванова приказу Зубова стрельцом, десятнику да рядовым трем человекам велено (им *зачеркнуто*) дать из Большого Приходу ево, государева, жалованья, кормовых денег на четьре дни, десятнику по пяти денег, рядовым по четьре деньги человеку на день. Были они в посылке с Москвы (с Угреши Никольского монастыря четьыр *зачеркнуто*) в Боровск до Пофнутьева монастыря (для береженья бывшего протопопа Аввакума *зачеркнуто*). И по государеву [л. т. Алексея Михайловича] указу, окольному Миките Михайловичю (Боборыкину да *зачеркнуто*) и дьяку Ивану (Зиновьеву *зачеркнуто*) о даче государева жалованья (кормовых деньгах *зачеркнуто*) тем стрельцом учинить по сему (указу *зачеркнуто*) великого государя указу.²

ЦГАДА, Разряд, Севск. стол, № 215, л. 22. Черновик.

[1693 г. января 14. Память Стрелецкого приказа в Новгородский приказ об освобождении на поруки сыновей протопопа Аввакума Ивана и Прокопия из ссылки на Мезени и об определении их на местожительство в Романов]

Лета 7201-го генваря в 14 день. По указу великих государей, царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев, думному дьяку Емельяну Игнатьевичю Украинцову с товарищи.

В нынешнем 201-м году сентября в 17 день великие государи, цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцы, указали: по имянному своему, великих государей, указу, за твоею пометою, думного дьяка Емельяна

¹ В рукописи вбыли.

² Слова, напечатанные разрядкой, вписаны между строк другой рукой.

Игнатъевича,¹ бывшего протопопа Аввакумковых детей, Проньку да Ивашку, которые в прошлом во 174-м году за воровство и за церковную противность отца их Аввакумка сосланы в сылку на Мезень, из сылки с Мезени свободить и отпустить на Романов, и жить им на Романове.

А как они на Романов переведены будут, и их дать на добрые поруки в том, что им ни за каким дурном не ходить и с раскольщики незнатца и дел тех, которые делал отец их, не делать, и порутчиком их тово над ними смотреть накрепко.

А буде они станут за каким дурном ходить, или с раскольщики знатца, или те дела, которые делал отец их, учнут делать, и порутчиком извещать на них воеводе.

И о том на Мезень к воеводе послать свою великих государей послушную грамоту, из Новгородцкого приказу; а из Стрелецкого приказу о том на Мезень и на Романов к воеводам их, великих государей, грамоты посланы.

И по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья России самодержцев, думному дьяку Емельяну Игнатъевичю Украинцову с товарыщи, учинить о том по указу великих государей.

Дьяк Иван Кондратьев.

На обороте: Учинить по сему великих государей указу.
Справил Петрушко Исаков.

ЦГАДА, Приказн. дела нов. разб., № 2222, л. 11.

[1693 г. января 17. Грамота кеврольскому и мезенскому воеводе М. П. Хомутову об освобождении сыновей протопопа Аввакума Ивана и Прокопия из сылки на Мезени и об отпуске их в Романов]

От великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья России самодержцев, в Кевролу и на Мезень, стольнику нашему и воеводе Мине Петровичю Хомутову.

В нынешнем 201-м году генваря в 14 день в нашем, великих государей, указе из Стрелецкого приказу в Новгородцкой приказ написано: указали мы, великие государи (по имянному сему *зачеркнуто*) с своему, великих государей, указу (за пометою думного нашего дьяка Емельяна Игнатъевича Украинцова *зачеркнуто*), бывшего протопопа Аввакумковых детей, Проньку да Ивашку, которые в прошлом во 174-м году за воровство и за церковную противность отца их Аввакумка сосланы в сылку на Мезень, из сылки с Мезени свободить и отпустить на Романов, и жить им на Романове.

(А как они на Романов переведены будут, и их дать на добрые поруки в том, что им ни за каким дурном не ходить и с раскольщики не знатца и дел тех, которые делал отец их, не делать, и порутчиком их тово над ними смотреть накрепко.

А буде они станут за каким дурном ходить или с раскольщики знатца, или те дела, которые делал отец их, учнут делать, и порутчиком извещать на них воеводе *перечеркнуто*).

И о том в Кевролу и на Мезень послать к тебе нашу великих государей послушную грамоту из новгородцкого (а стрелецкого приказу к тебе на Романов и воеводе наши великих государей грамоты посланы же *зачеркнуто*).

¹ Слова, напечатанные разрядкой, написаны другим почерком.

И как к тебе с[и]я наша, великих государей, грамота придет, и ты б освободе их (Ивашки *зачеркнуто*), Проньки и Ивашки, с Мезени и об отпуске на Романов учинил по вышеписанного указа и по грамоте, какова о том к тебе прислана из Стрелецкого приказу¹ (нашему, великих государей, указу, как о том писано в сей нашей великих государей грамоте выше сего *зачеркнуто*). Писано на Москве, лета 7201-го генваря в 17 день.

Приписка: Припись дьяка Василья Бобинина.

ЦГАДА, Приказн. дела нов. разб. № 2222, л. 12. Черновик.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Список изданий Жития протопопа Аввакума

(Материалы для библиографии)²

1. **Автобиография протопопа Аввакума.** Летописи русской литературы и древности. 1859—1860, кн. 6. М., 1861, стр. 117—173.³

Отзыв:

Материалы для истории раскола, т. V, М., 1879, стр. XXII—XXIII.

2. **Житие протопопа Аввакума, им самим написанное.** Издано под ред. Н. С. Тихонравова. СПб., изд. Д. Е. Кожанчикова, 1861 (на обл. 1862), 118 стр.

Отзывы:

И. Живаго. По поводу новых изданий из литературы раскола. Московские ведомости, № 18, 24 января 1862 г., стр. 113—114; Отечественные записки, № 1, СПб., 1862, стр. 357; Н. Аристо в. По поводу новых изданий о расколе. Время, № 1, СПб., 1862, стр. 76, 85, 97 (вторая пагинация); Новые сведения о русском расколе. Библиотека для чтения, № 3, СПб., 1862, стр. 8, 20—42 (вторая пагинация); А. Баратынский. По поводу издания раскольничьих сочинений. Духовный вестник, № 6, Харьков, 1862, стр. 236, 245—246; № 12, 1863, стр. 478—508; Н. Нильский. Заметки по поводу изданных Д. Е. Кожанчиковым сочинений о расколе. Христианское чтение, № 7, СПб., 1862, стр. 65, 79, 90; М. Р. д. ч., Время, № 12, СПб., 1862, стр. 85—88 (вторая пагинация).

3. **Житие [протопопа Аввакума], им самим составленное.** Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые братством св. Петра митрополита. Под ред. Н. Субботина, т. V, М., 1879, стр. 1—113.

Отзывы:

А. С—ский, Исторический вестник, № 7, СПб., 1880, стр. 548—549; А. С—ий, Древняя и новая Россия, № 7, СПб., 1880, стр. 594—598.

4. **Житие протопопа Аввакума, им самим написанное.** Истина, кн. 69 (май и июнь), Псков, 1880, стр. 1—40 (вторая пагинация); кн. 71 (сентябрь и октябрь), стр. 41—104 (вторая пагинация).

Отзыв:

А. К. Бороздин. Протопоп Аввакум. СПб., 1900, стр. VIII.

5. **Житие протопопа Аввакума.** В кн.: А. К. Бороздин. Протопоп Аввакум. Очерк из истории умственной жизни русского общества в XVII веке. СПб., 1898. Приложение, № 25, стр. 85—133 (Записки Историко-филологического факультета имп. С.-Петербургского университета, часть XLVII).

¹ Текст, напечатанный разрядкой, вписан между строк дьяком Василием Бобининым.

² В настоящий список не включены издания и рецензии, напечатанные за рубежом, а также отдельные упоминания „Жития“ в отзывах на издания, где это „Житие“ было напечатано. Публикации отрывков из „Жития“ также не включались независимо от их объема (например. Христианское чтение, №№ 9 и 10, 1888; хрестоматия „Старая вера“, М., 1914, и многие другие издания).

³ В Центральном Государственном историческом архиве в Ленинграде, в делах канцелярии Синода и Петербургского комитета духовной цензуры, сохранились документы о выпуске в свет в 1861 г. первого издания автобиография протопопа Аввакума, которое встретило сначала цензурные препятствия. (Фонд 796, опись 142, дело № 164, л. 4 и фонд № 807, опись 2, № 1329, л. 49 и № 1341, л. 87).

Отзывы:

Русская мысль, № 11, М., 1898, стр. 430; Петр Смирнов, Журнал Министерства народного просвещения, № 1, СПб., 1899, стр. 275—276.

6. **Житие протопопа Аввакума.** В кн.: А. К. Бороздин. Протопоп Аввакум. Очерк из истории умственной жизни русского общества в XVII веке. Изд. 2-е, дополн. и исправл. СПб., изд. А. С. Суворина, 1900, Приложение, № 25, стр. 71—116.

Отзыв:

Я., С.-Петербургские ведомости, № 278, 1900, стр. 3—4.

7. **Житие протопопа Аввакума, написанное им самим.** Изд. 2-е. СПб., изд. А. Е. Беляева, 1904, 27 стр.

Отзывы:

Русская мысль, кн. XI, М., 1904, стр. 374—375; О. К—ий, Сын отчества, № 53, СПб., 1905, стр. 4.

8. **Житие протопопа Аввакума, написанное им самим.** М., изд. И. Я. Гаврилова, 1911, 62 (2) стр. (Библиотека „Старообрядческая мысль“ под ред. И. В. Галкина).

Отзыв:

С. К. Шамбинаго, Утро России, № 70 (24 марта), М., 1912.

9. **Житие протопопа Аввакума.** Московская старообрядческая книгопечатня. 53 (2) листа, церковнославянским шрифтом. Репродукция с картины А. Н. Богатова и К. В. Лебедева „Боярыня Морозова посещает протопопа Аввакума в темнице“. (Бесплатное приложение к журналу „Златоуструй“, ноябрь 1911 г.).

То же издание без указания на приложение к журналу „Златоуструй“.

10. **Житие протопопа Аввакума.** В кн.: Я. Л. Барсков. Памятники первых лет русского старообрядчества. С одиннадцатью таблицами снимков. СПб., 1912, стр. 163—228. (Оттиск из XXIV тома Летописи занятий имп. Археографической комиссии).

Отзыв:

П. Л. Новые материалы по истории старообрядчества. Старообрядческая мысль, № 9, М., 1912, стр. 839—840.

11. **Житие [протопопа Аввакума], им самим составленное.** Братское слово, июнь, кн. 1, № 19, М., 1914, стр. 1—16 (вторая пагинация); июнь, кн. 2, № 20, стр. 17—32; июль, кн. 1, № 21, стр. 33—48; июль, кн. 2, № 22, стр. 49—64; август, кн. 1, № 23, стр. 65—68; август, кн. 2, № 24, стр. 69.

12. **Житие [протопопа Аввакума], им самим написанное.** Изд. имп. Археографической комиссии, Пгр., 1916, 254 стлб. + VIII стр. (Оттиск из первой книги „Памятников истории старообрядчества XVII в.“).

Напечатано по трем редакциям.

Отзыв:

Русский исторический журнал, кн. 1—2, [Пгр.], 1917, стр. 7 (вторая пагинация).

13. **Житие [протопопа Аввакума], им самим составленное.** В кн.: Сочинения бывшего юрьевского протопопа Аввакума Петрова, М., изд. Братства св. Петра митрополита, 1916, стр. 1—69.

Отзыв:

С. Я., Щит веры, № 9, Саратов, 1916, стр. 447—448.

14. **Житие [протопопа Аввакума].** Памятники истории старообрядчества XVII в., кн. 1, вып. 1. Изд. АН СССР, Л., 1927, стлб. 1—240. (Русская историческая библиотека, т. XXXIX).

Напечатано по трем редакциям.

Отзывы:

Н. К. Гудзий. В кн.: Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Изд. „Academia“, М., 1934, стр. 476—477.

15. **Житие протопопа Аввакума.** В кн.: Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Редакция, вступительная статья и комментарий Н. К. Гудзия. Изд. „Academia“, М., 1934, стр. 61—195.

В приложении указаны разночтения редакций.

2. Неизвестные списки „Жития“ Аввакума и высказывания писателей о нем

В VIII томе „Трудов“ ОДРЛ мы опубликовали описание двадцати пяти неизвестных списков „Жития“ Аввакума и высказывания русских писателей об этом произведении. Ниже сообщаются сведения еще о трех текстах „Жития“ и оценка последнего Д. Н. Маминым-Сибиряком и А. И. Эртелем.

Списки „Жития“

1. „Аввакум протопоп понужен бысть житие свое написати иноком Епифанием, понеже отец ему духовной инок, — да не забвению предано будет дело божие; и сего ради понужен бысть отцем духовным на славу Христу богу нашему. Аминь“. Начало: „Всесвятая троице, боже и содетелью всего мира“. Ярославский областной музей, № 798. Сборник XIX в. (около 1826 г.), в 8-ку, поморский полуустав, лл. 1—114 об. Редакция А. Указан В. В. Лукьяновым.

2. „Аввакум протопоп понужден есть иноком Епифанием написати; да не забвению предано будет дело божие, но на славу Христу сыну божию и богу истинному и богородице и святым его. Аминь“. Начало: „Начало книги сея Бытии. Всесвятая троице“. Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, собрание А. А. Титова, № 2670. Сборник, конца XVII—начала XVIII вв., в 4-ку, скоропись, лл. 29 об.—32. Только вступление к „Житию“. Указан Н. Н. Розовым.

3. „Аввакум протопоп понужден бысть житие свое написати иноком Епифанием, понеже отец ему духовный инок, — да не забвению предано дело божие; и сего ради понужден бысть от отца духовнаго на славу Христу богу сыну божию. Аминь“. Начало: „Гимна. О пресвятей и преблагословенней“. Собрание Ф. А. Каликина (Ленинград). Сборник (лицевой) новейшего письма, работы ярославского иконописца А. А. Великанова, в 4-ку, полуустав, лл. 120—129 об. Только вступление к „Житию“.

Д. Н. Мамин-Сибиряк.

„... «Слово о полку Игореве» и автобиография протопопа Аввакума. Стиль — это весь человек, а по языку нет равных этим двум гениальным произведениям... первому уже отдана приличная дань уважения, а теперь очередь за вторым... Полагаю, что именно сейчас самый благоприятный момент для такой оценки. Я удивляюсь, что до сих пор не найдется ученого человека или талантливого критика, который сопоставил бы рядом автобиографию попа Аввакума с исповедью хоть все того же автора «Власти тьмы»“.

Д. Н. М а м и н - С и б и р я к. Отрывок из неопубликованной рукописи второй половины 80-х годов XIX в. Свердловский областной архив, фонд 136, оп. 1, дело 44, л. 271 и об. Указан И. А. Дергачевым и А. И. Груздевым.

А. И. Эртель.

„Случалось ли вам читать русские песни, сказки, былины, житие Аввакума, прислушиваться к говору и к рассказам крестьян, мещан, дореформенных купцов? Если нет, или без достаточного внимания, то надо. Это родник живой воды, который всегда будет давать жизнь, живописность и силу оборотам и выражениям и даже мыслям нашей «культурной» поэзии“.

Н. В. С и м б и р с к и й. А. И. Эртель как руководитель начинающих писателей. „Исторический вестник“, 1915, № 6 (июнь), стр. 881. Указан А. А. Морозовым.

Н. А. БАКЛАНОВА

Вирши-панегирик петровского времени

Помещаемый ниже панегирик в форме виршей посвящен Петру I и его сыну Алексею. Он был написан после начала Северной войны, что видно из упоминания о ней, но еще при жизни царевича Алексея и до его бегства за границу, т. е. до 1716 года. В виршах есть некоторые штрихи, дающие возможность датировать их точнее. Так, про Алексея сказано: „иж сам трудится с тобою он чьтится“. Очевидно, они написаны в то время, когда Алексей уже стал взрослым и принял участие в работах, связанных с войной (он был привлечен к ним в 1707 году, когда ему было 17 лет). В это время Петр поручал ему наблюдение за доставкой провианта в войска, формирование полков и т. п. Когда шведская армия начала наступление и направление его еще не определилось, страна переживала тревожное время: было опасение, не двинутся ли шведы на Москву. В связи с этим Петр приказал усилить укрепление города возведением земляных бастионов. За сооружением их вокруг кремля наблюдал царевич Алексей; очевидно, эти работы и дали составителю виршей право сказать про него „иж сам трудится с тобою он чьтится“. Таким образом вирши связаны ближайшим образом с Полтавской операцией. В них говорится: „шветы же прокляты, отвсюду объята твоим царским от господа дарством воинстве“. Это заставляет предполагать, что автор писал свой панегирик уже под впечатлением одержанной над врагами победы.

Самый тон панегирика, торжественный и призывающий к веселью („всем ты веселися“, „радостно воскликнем, в царску радость вникнем“, „ему поздравляя, слатко песнь красну воспевая, радуйся, наш царю...“ и т. д.), указывает на чрезвычайно радостное и важное событие, в честь которого они сочинены и каким была Полтавская „баталія“. Петр любил праздновать свои победы и устраивал в ознаменование их пышные торжества, сам наблюдал за выработкой их церемониала и тщательным выполнением всех деталей программы. Первым празднеством такого рода был триумф, устроенный в Москве после взятия Азова в 1696 году. Торжествами отмечались и победы над шведами. Особенно пышным было празднование Полтавской победы, которое происходило в Москве в декабре 1709 года. Для этой цели в городе было возведено семь триумфальных „врат“, затейливо украшенных резьбой, позолотой и аллегорическими картинами, снабженными объяснительными надписями. Петр приказал вырезать гравюры с изображением триумфальных ворот и самого торжественного вступления войск в Москву 21 декабря, а также сохранить описания этих ворот.

Среди картин, которые украшали ворота, выстроенные купцами, „в первой картине вместо Фебуса, его же баснотворцы огненными конями возимого именуют быти солнцем, поставися пресветлейшего монарха нашего персона под зодиатичными знаки рака и льва (яже месяцы июнь и июль знаменуются)“. Эти знаки должны были символически изображать отступление „шведского льва“, который „с великим бесчестием, всю потерявши силу свою, раком был вспять едва выползе“. На заднем плане была изображена Москва, а над нею „персона государя царевича Алексея Петровича“, на орле взлетающего ввысь и мечущего молнии на льва, что должно было показывать, „яко пресветлейший государь царевич, в отечестве своем быв, уготовляя воинство, в чуждую ограду вшедшего льва шведского к побеждению посылаше“.¹ Это изображение и его объяснение вполне соответствуют словам, посвященным Алексею в виршах.

Крупные события петровского времени находили себе отображение в панегириках и поздравительных стихах — предвестниках од XVIII века. Часть их была тогда же напечатана, часть сохранилась в рукописном виде среди бумаг Кабинета Петра Великого и Государственного Эрмитажа. Одним из первых произведений подобного рода было „Похвальное слово“, написанное братьями Лихудами по случаю взятия Азова в 1696 году. В 1721 году Софроний Лихуд сочинил „Триумф о благополучнейшем и преславном вечном мире“, а М. Ширяев в том же году составил кантату по случаю торжеств, устроенных в ознаменование заключения мира. Но из всех событий Северной войны ни одно не вызвало столько поздравительных речей и виршей, как Полтавская „баталия“, определившая собою исход войны. В 1709 году в Киеве был напечатан двумя изданиями „Панегирик, или слово похвальное, о преславной над войсками свейскими победе“, произнесенный Феофаном Прокоповичем 10 июля в киевском Софийском соборе в присутствии Петра и состоящий из виршей, написанных на русском, латинском и польском языках. И. Максимович напечатал два произведения в форме виршей, посвященных Петру и Полтавской победе. В Эрмитаже хранится несколько рукописных произведений подобного рода, среди которых мы встречаем, например, „Сказание радостного и торжественного триумфа, еже сотворися вхождением его пресветлейшего величества...“, с аллегорическим рисунком, изображающим победу Петра над шведами и снабженным виршами.

Среди кабинетных дел Петра Великого имеется составленное в 1717 году „Во приветствование царскому пресветлейшему величеству счиненны со историй победительных над свейским королем и его воинством, вящые же взято от полтавские истории“; там же хранится еще несколько прозаических и стихотворных произведений, посвященных Полтавской победе.²

Помещаемые ниже вирши пополняют собою список литературных произведений поздравительного характера, посвященных Полтавской победе над шведами. Вирши написаны полууставом и входят в состав рукописного сборника из собрания В. Н. Перетца³ 1.27.105, 8^о, с водяным знаком — гербом г. Амстердама (начало XVIII в.). Они переписаны

¹ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. III. Изд. Т-ва „Общественная польза“, табл. 1565—1566. — Подлинник описания триумфальных ворот хранится в Центральном Государственном архиве древних актов фонда Государственного Архива, Кабинет Петра Великого, отд. I, кн. 62.

² П. Пекарский. Наука и литература при Петре Великом, т. I, стр. 362—372.

³ Находится в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР.

в строку сплошь, но каждое двустипшие отделено от следующего звездочкой, что, впрочем, соблюдается не всюду. При переписке нарушен порядок слов. Стих „Грады их преграды мнимые им тверды“, видимо, следует читать: „Тверды их грады мнимые им преграды“. Стих „Боже сохрани днесь, соблюди во веки“ также требует перестановки в обеих частях: „Боже днесь сохрани, во веки соблюди“. Стих „Твоим царским от господа дарством воинстве“ испорчен, возможно он должен читаться — „Твоим воинством царским от господа дарством“, однако и поправка не вполне проясняет текст, поэтому сохраняем его без изменения. В издании восстанавливаем порядок слов в тех стихах, где он несомненно определяется внутренней рифмой:

„Радостно воск[икн]ем, в царску радость вникнем,
 Ему поздравляя, слатко песнь красну воспева[я].
 Радуйся, нашъ царю, дивны государю,
 С сыном благочесным, на свете в монарсах пречестный,
 На многая лета в мире сего света,
 Управляя царство свое во правде государство.
 О, превысочайши и превеличайши,
 Глава еси царска славна на свете государства,
 В[с]егда и ныне господине едине
 Царству величайши и сын твой в нем опасе дражайши.
 Веселися светло, ты храбр многолетно,
 Враги побеждая, царство сам с сыном расширяя,
 Бусурманы турки приял еси в руки
 В мирном своем страхе в покорность во господе спасе,
 Грады их поемля, страны их объемля,
 Вся расширяя, грады велицы устрояя.
 Шьветы же прокляты отвсюду объаты
 Твоим царским от господа дарством воинстве.
 Тверды их грады мнимые им преграды,
 Вся вземлещи смело, з богом твориши сие дело,
 Всем ты веселися, в воинстве крепися
 О господе бозе в надежди в дерзновении мнозе,
 Веси, о царю, драг, како господь бог благ
 Врагов ти вручает, всех их любя тя покарят.
 На щастии сына твоего едина
 Сладтшайши, любезна и всем нам во весь мир полезна,
 Иж сам трудится с тобою он чьтитя,
 Царство бы их взяти, о бозе славу показати,
 Всех их поженути, с мечем постигнути,
 До конца сокрушити, шветов тех безвестно згубити,
 Да познают днесь вси, яко бог с небеси
 Царя с сыном любит, врагов его всех явно губит.
 Веру христианску, славу и честь царску
 В славе соблюдает, царя небесном сохраняет
 Боже днесь сохрани, во веки соблюди
 Здраво, мирно, честно царство во веки благочестно.
 Храни же и царя света государя
 С сыном благочестным царевичем светлейшим, чесным,
 Со Алексием дивным, на свете единым,
 На многая лета, во век со отцем сего света.

Аминь, аминь, аминь!“.

П. Н. БЕРКОВ и В. И. МАЛЫШЕВ

Новонайденное беллетристическое произведение первой половины XVIII века

(„Повесть о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии“)

Относительно небольшой репертуар русских повестей первой половины XVIII века, обычно называемых „повестями петровского времени“, или „петровскими повестями“, пополнился приобретенной недавно Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР „Повестью о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии“.

На первый взгляд новая повесть производит впечатление произведения не оригинального: действие ее происходит во Франции и Испании, героями являются иноземные придворные „жовалеры“ и дамы и французский король; сюжет ее образуют „нистрига“ (интрига), затеянная французским генерал-фельдмаршалом против Карла, и разоблачение этих козней остроумной и энергичной Софией. Никаких упоминаний о России и о русских в повести нет.

Тем не менее, можно с определенностью утверждать, что „Повесть о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии“ не является переводом, а представляет русскую разработку этого сюжета, разработку, подсказанную, повидимому, некоторыми придворными событиями второй четверти XVIII века. То же обстоятельство, что события новой повести разворачиваются во Франции и Испании, не противоречит сказанному выше об оригинальном ее происхождении: ряд повестей 1730-х, 1750-х годов, в особенности „Гистория королевича Архилабона“ Петра Орлова (1750),¹ обладает этой же отличительной чертой. Следует отметить, что с „Гисторией королевича Архилабона“ новонайденная повесть имеет много общего, особенно в языковом отношении.

Стилистически и по содержанию новая повесть представляет несомненный интерес и восполняет наши знания о судьбе этого жанра в России в XVIII веке. Наличие двух сказок в „Русских народных сказках“ А. Н. Афанасьева (№ 336 и № 337), безусловно связанных с „Повестью о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии“, ставит вопрос об отношении этой повести к фольклорным произведениям, бытовавшим в иной социальной среде.

¹ В. В. Сиповский. Русские повести XVII—XVIII вв. СПб., 1905, стр. 90—107.

Сведения о новой повести, появившиеся в печати,¹ вызвали к ней интерес различных советских исследователей — в Иркутске, Москве и других местах; поэтому публикация „Повести о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии“ вполне своевременна.

I

Название новонайденного беллетристического произведения в рукописи отсутствует, так как первый лист ее, равно как и два листа в конце (последний и второй от конца), до нас не дошли; название публикуемой повести дано издателями по аналогии с другими произведениями этого жанра, относящимися к первой половине XVIII века.

Рукопись „Повести о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии“ представляет собой отдельную тетрадку в 8-ку, на 24 листах, написанную скорописью конца XVIII века, точнее — 80-х годов XVIII века. Бумага рукописи серого цвета, имеет водяной знак, в котором можно разобрать картуш с буквами *P O*, и на одном листе цифру 8.

Оборотная сторона теперешнего последнего листа настолько запачкана и стерта, что находящийся на ней текст с трудом поддается прочтению.

В рукописи несколько раз встречаются квадратные скобки с текстом. Впрочем, в одном случае в квадратные скобки взято слово „дочь“, ошибочно попавшее в текст, очевидно, при переписке (л. 12), в другом — по тем же причинам — заключено в квадратные скобки слово „стоила“ (л. 17 об.) и т. д. Несколько раз встречается повторное написание одного и того же слова („оным“, л. 12; „рука“, л. 18; „во всю“, л. 18; „король“, л. 21 об.). Есть и несомненные пропуски слов („самому и всей моей фамилии [конец] прит'йти [должен] будет“, л. 10; „что, конечно, [должен] сыскать опись для обличения сего камор-юнкера“, л. 9 об.).

Все это признаки того, что перед нами не оригинальная рукопись — протограф, а копия. Наличие нескольких не совсем ясных мест („разделайся с нею, чтобы т[ы] жил от ней больше не слыхал“, л. 20 и др.) говорит за то, что скорее всего перед нами копия с копии. Тем не менее, все же текст рукописи — хорошей сохранности; отсутствующее начало легко восстанавливается по афанасьевским сказкам № 336 и № 337; утраченный в значительной части конец, насколько можно судить по уцелевшим остаткам его, представлял подробное описание церемониала наречения Софии невестой короля Максимиана и последующей свадьбы, награждения придворных и т. д. Иными словами, не дошедший до нас конец повести не содержал новых элементов развития сюжета, а состоял только из подробностей описательного характера, возможно не случайных в композиции произведения, а отвечавших интересам автора и предполагавшегося круга читателей.

По листам рукописи имеются следующие записи и пометы, сделанные в XIX веке: 1) „Список Ружнова Василия, 1811 год“; 2) „Сия книга принадлежит Ивану Кузмову Щекотову, в 1830 года, июля 2 дня“; 3) „Александровском складе“; 4) „Пором“; 5) „Из Устуга (Устюга)“; 6) „Ружнов“; 7) „Иван Щекотов“; 8) „С Мамери“. Пометы 4—8 сделаны одним и тем же почерком, принадлежавшим лицу малограмотному.

Приобретена была рукопись от А. В. Кулаковой в г. Вельске Архангельской области в июле 1950 года. Рукопись принадлежала отцу

¹ Газета „Правда Севера“ (Архангельск), 22 октября 1950 г.; Вопросы истории, 1950, № 11, стр. 174; В. И. Малышев. Отчет об археографической командировке: 1950 г. Труды Отдела древнерусской литературы, т. VIII, 1951, стр. 371.

ее, В. Ф. Кулакову (1867—1945), крестьянину-самоучке, известному местному краеведу и коллекционеру, который, по словам дочери, приобрел „Повесть“ в г. Великом Устюге, на толкучке.¹

II

„Повесть о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии“, как можно предполагать, привлекала читателей XVIII века не только своей сложной и занимательной фабулой. В этом произведении тогдашние читатели встречали образ смелой решительной женщины, которая умно разоблачает клеветника, пытавшегося опорочить ее женскую честь. Интерес передовой литературы к такому женскому типу наблюдается уже во второй половине XVII века, привлекая внимание писателей к народным сказкам о верной жене, добродетельной девушке, умно защищающейся от клеветников и соблазнительей. В литературном выражении такого положительного женского образа, начиная с конца XVII века, нередко можно обнаружить отражение определенных народно-сказочных сюжетов и образов. Характерным для литературной трактовки темы „женской чести“ в этой группе повестей является то, что в качестве „злого начала“ в них, в противоположность некоторым повестям более раннего времени, выступает мужчина — то соблазнитель, то клеветник, женщина же оказывается либо искушаемой, но остающейся верной женой, либо невинно оклеветанной девушкой или женщиной, самостоятельно разоблачающей своего противника. В „Гистории о российском дворянине Александре“ автор возлагает на мужчин всю вину за нарушение женщиной правил морали. Так, в беседе трех „кавалеров“ — двое признают женщину существом греховным, третий возражает: „Не оне, но вы виноваты!“²

Новое отношение к женщине проявляется и в двух характеризуемых ниже разновидностях повестей конца XVII и особенно начала XVIII века. Первая разновидность произведений с положительными женскими образами представлена в „Повести утешительной о купце, который заложился з другим о добродетели жены своей“³ и в ряде народных сказок.⁴ Вторая была известна до сих пор только по афанасьевским сказкам №№ 336 и 337; в повествовательной литературе XVII и XVIII веков она не была зарегистрирована. „Повесть о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии“ пополняет, таким образом, наши сведения о литературной истории этой второй разновидности повестей с положительными женскими образами.

Содержание „Повести утешительной о купце, которой заложился з другим о добродетели жены своей“ и народных сказок на ту же тему в основных чертах таково.

Находящийся по торговым делам вне своего родного города купец А бьется об заклад с купцом Б, что последнему не удастся соблазнить

¹ О В. Кулакове и его коллекции см.: Б. Пере [с]. Археологическая коллекция В. Ф. Кулакова. Известия Архангельского общества изучения русского Севера, 1912, № 5, стр. 199—205; И. С. Абрамов. Краеведы-самоучки. Краеведение, 1928, № 2, стр. 95—96; В. И. Малышев. Отчет об археографической командировке 1950 г. Труды Отдела древнерусской литературы, т. VIII, 1951, стр. 367—368.

² В. В. Сиповский. Русские повести XVII—XVIII в., стр. 171.

³ А. П. Конусов и В. Ф. Покровская. Описание Рукописного отделения Библиотеки Академии Наук СССР, т. 4, вып. 1 (повести, романы, сказания, сказки, рассказы). М.—Л., 1951, стр. 335; ср.: В. П. Адрианова-Перетц и В. Ф. Покровская. Древне-русская повесть, вып. 1. М.—Л., 1940, стр. 181.

⁴ М. К. Азадовский. Русская сказка. Избранные мастера. т. II, Изд. „Academia“, М.—Л., 1932, стр. 311—365.

его, А, жену. В случае же если купец Б добьется своего, он должен в доказательство принести именно кольцо жены купца А и какой-либо из принадлежащих ей предметов или сообщить ее „тайную приметку“. Купец Б обманым образом достает именно кольцо (иногда он отрывает палец с кольцом у служанки, которую добродетельная жена купца А посылает вместо себя на ночное свидание с купцом Б), крадет какую-либо вещь жены купца А (пояс, перчатку и т. д.) или узнает ее „тайную приметку“ — родинку, бородавку, „золотые волоски под левой мышкой“ и т. д. Однако жене купца А удается разоблачить обманщика и доказать свою невинность.

Афанасьевские сказки №№ 336 и 337¹ представляют дальнейшее развитие фабулы повестей и сказок о верной жене. В них сюжетная сторона усложнена: муж — купец — заменен двумя персонажами — царем (или царевичем женихом) и братом невесты; жене купца здесь соответствует невеста-сестра одного из героев; вместо купца Б, соблазнителя, фигурирует „злющий“ или „завистливый генерал“, по разным соображениям не желающий, чтобы купеческая дочь стала царицей. Для усложнения фабулы вводится в эти сказки и эпизод с портретом сестры: царь или царевич видит этот портрет и заочно влюбляется в купеческую дочь. Неизменным остается в сказках по сравнению с повестями и сказками о „верной жене“ только один элемент — именно кольцо, которое, впрочем, никакой опознавательной роли здесь не играет.

Сопоставление сказок №№ 336 и 337 друг с другом свидетельствует, что перед нами две разновидности одной и той же первоначальной основы, в общем близкой к сюжету повестей и сказок о „верной жене“.

В обеих афанасьевских сказках действующими лицами являются дворяне (царь, царевич, генерал) и купцы (купеческий сын, его сестра). Надо полагать, что сказки эти сложились в купеческой среде и отразили соперничество господствующих классов петровской России. В сказке № 336 классовая мотивировка действий „злющего генерала“ дана обнаженно: „Эдак, пожалуй, — говорит злющий генерал, узнав о желании царя жениться на купеческой дочери, — придется нашим женам купчихе кланяться“.

Таким образом можно с некоторой степенью уверенности считать, что сказки №№ 336 и 337 явились результатом обработки старого сюжета под влиянием классовых (купеческих) интересов, отражавших политическое соперничество дворянства и торгового класса в петровскую эпоху.

„Повесть о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии“ является, по нашему мнению, дворянской переработкой сказок типа №№ 336 и 337, типа, в особенности близкого к первой сказке, в модный жанр авантюрно-галантной повести.

Ввиду полного отсутствия какой бы то ни было документации, — сказки №№ 336 и 337 известны лишь в записях середины XIX века, — можно только предположительно высказаться об отношении „Повести о гишпанском дворянине Карле и его сестре Софии“ к афанасьевским сказкам. В последних, как указано выше, есть один неизменный элемент, связывающий их с циклом повестей и сказок „о верной жене“, — именно кольцо. В „Повести о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии“ именного кольца уже нет, но „тайная приметка“ и перчатка

¹ За указание на однородные сюжеты русских сказок издатели приносят благодарность М. И. Маловой.

как один из принадлежащих невесте предметов сохранились. Это отсутствие именного кольца и сохранение других элементов сюжета „о верной жене“ может служить доводом в пользу предположения, что „Повесть о Карле“ более позднего происхождения, чем сказки №№ 336 и 337.

При сопоставлении фабулы „Повести о Карле“ и сказки № 336 не остается сомнения, что перед нами два разных социально окрашенных варианта одного и того же сюжета. В главнейших пунктах развития сюжета и в их последовательности и „Повесть о Карле“ и сказка № 336 полностью совпадают. Расхождения имеются в двух случаях: во-первых, в том, как портрет невесты попадает в руки короля Максимиана (в „Повести“) и царя (в сказке № 336); во-вторых, в той мотивировке, которой объясняется клевета генерал-фельдмаршала (в „Повести“) и „злого генерала“ (в сказке).

В „Повести о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии“ говорится о том, что по приезде в Париж герой поселился в трактире и что в это самое время вышел королевский указ об истреблении идолопоклонников. Жена трактирщика подсмотрела, что Карл по утрам целует портрет своей сестры; полагая, что в этом проявляется идолопоклонство гишпанского дворянина, трактирщица донесла о виденном непосредственно самому королю, в результате чего в руки последнего и попал портрет Софии.

В сказке же № 336 царь, во время посещения корабля, принадлежавшего купеческому сыну, увидел в хозяйской каюте портрет необыкновенной красавицы, как оказалось, — сестры хозяина.

Таково первое отличие „Повести о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии“ от сказки № 336. Как видно из изложенного, в „Повести“ портрет невесты попадает в руки второго героя гораздо более сложным путем, чем в сказке. Автор „Повести“ имел, очевидно, стремление сделать свое произведение сюжетно более занимательным и поэтому развил простой элемент сказки в псевдоисторический эпизод.

Гораздо интереснее второе отклонение „Повести о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии“ от сказки № 336. В сказке, как уже указано, козни „злого генерала“ объясняются его опасением, что в случае женитьбы царя на купеческой дочери жене генерала придется „купчихе кланяться“. В „Повести“ же генерал-фельдмаршал оказывается „названным тестем“ короля Максимиана. „Умышленно, — говорит король в конце „Повести“, — оной генерал-фельдмаршал привел меня к тому, чтобы я в молодых letech сговорил к супружеству [его дочь] себе невесту, на что я и позволил...“ (л. 22).

Случайно или нет, но отношение короля Максимиана к дочери генерал-фельдмаршала очень напоминает отношение малолетнего Петра II к Екатерине Александровне Меншиковой, с которой он был сговорен в двенадцатилетнем возрасте почти против воли. У нас нет никаких прямых доказательств того, что в данном эпизоде „Повести о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии“ отразились отношения Петра II, Меншикова и его дочери, но в том, что эти отношения могли повлиять на обработку соответствующего эпизода „Повести“, мы полагаем, едва ли можно сомневаться.

Следует отметить, так как это может помочь нам в решении некоторых вопросов, связанных с „Повестью о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии“, что автор ее при описании ареста генерал-фельдмаршала и его семейства проявил, как нам кажется, большую осведо-

мленность в процедурной стороне дела, изображая факты чуть ли не как очевидец. Так, он сообщает об аресте самого генерал-фельдмаршала в королевском дворце, затем о том, что король Максимиан „послал на двор фельдмаршальской караул, чтобы з двора и на двор никого не пропускать, а фельдмаршальскую жену и дочь также держать под караулом по их спальням, чтобы друг друга и не видели“ (л. 22). Так мог писать какой-нибудь петербургский придворный чиновник, на глазах которого происходили аналогичные факты, как известно, весьма часто имевшие место в России в конце 1720-х — начале 1740-х годов.

Вообще, если внимательно вчитаться в текст „Повести о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии“, складывается прочное убеждение, что произведение это было написано человеком, осведомленным о русских придворных порядках 1740—1750-х годов. В тексте „Повести“ встречаются специальные термины и названия чинов, возникшие частью в петровское время, частью позднее, но особенно характерные для 1740—1750-х годов: „викториальный день“ (л. 4), „пожаловать рангом“ (л. 3 об.), „дежурмаэор“ (л. 7 об.),¹ „ко двору не требовать, так и от команд не репортовать“ (л. 9 об.), „кавалерский генерал-адъютант“ (л. 22),² „ефимки“.³ К первой половине XVIII века относится принятая в „Повести“ орфография слова „корѣта“, идущая, очевидно, от верхнелужицкого слова „korjeta“, имеющего то же значение.⁴ К 1740—1750-м годам относится отличающееся от современного нам ударение в слове „каталик“ (вм. современного „католик“ — „каталик“; ср. у Ломоносова в „Письме о пользе стекла“, 1752, стихи 299—300:

Доказывает то подземной католик,
Кады златой его в костелах новых лик).

Некоторые обороты, в особенности описание венчания короля Максимиана и Софии, к сожалению, дошедшее до нас в испорченном виде, очень напоминают аналогичные обороты и описания в упоминавшихся „Журналах дежурных генерал-адъютантов“ и в „Камер-фурьерских журналах“ 1740—1750-х годов.

III

Выше указано, что новонайденная повесть по некоторым своим особенностям близка к „Гистории королевича Архилабона“ Петра Орлова (1750).

В самом деле, и в той и в другой повестях очень мало славянских и старорусских языковых черт. В „Гистории королевича Архилабона“ один только раз встречается старинная форма прошедшего времени

¹ О слове „дежурмайор“ см.: Н. А. Смирнов. Западное влияние на русский язык в петровскую эпоху. СПб., 1910, стр. 99—100. — Написание „маэор“ характерно для 1740—1750-х годов.

² Кавалерские генерал-адъютанты появились в царствование Елизаветы Петровны — с 1741 года (см. Л. В. Евдокимов. Журналы дежурных генерал-адъютантов. Царствование имп. Елисаветы Петровны. Вып. 1. М., 1898, стр. 5, 9, 18 и т. д. Ср. также: Г. А. Милорадович. Список лиц свиты их величеств с царствования императора Петра I по 1886 г. Киев, 1886, стр. 5).

³ Ефимок — старинное название монеты „иоахимсталер“, обращавшейся в России до 1762 года.

⁴ А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, т. I. М., 1910—1914, стр. 298.

на *-ше* — „хотяше“,¹ во всем остальном эта повесть является хорошим образцом тогдашнего русского литературного языка, не усвоившего еще принципов ломоносовской стилистики. В „Повести о гишпанском королевиче Карле и сестре его Софии“ сохранилось больше черт старорого литературного языка: „нача“ (л. 2), „начат“ (л. 4 об. и л. 15), „зде“ (л. 8 об.), „паки“ (л. 13), „обаче“ (л. 15), „призвах“ (л. 15), „отверглся“ (л. 21 об.). Но за этими небольшими исключениями „Повесть о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии“ написана таким же сравнительно чистым русским литературным языком, как и „Гистория королевича Архилабона“. Данная особенность выделяет обе эти повести из общей массы повестей первой половины XVIII века.

Общим для обеих повестей, — больше чем для „Гистории о российском матросе Василии Корнотском“, „Гистории о Александре“ и др., — является употребление таких иностранных слов, как „дежурный генерал-адъютант“, „ранг“ и др.

Несмотря на относительную чистоту языка обеих повестей, они все же тесно связаны со старорусской литературной традицией, только связь эта проявляется в каждой повести по-своему. Так, в „Гистории королевича Архилабона“ фантастический элемент играет первенствующую роль: король Фридрикус видит вещий сон, королевич Архилабон встречает чудесного белого коня Буслана, сражается с шестиглавым змием и в награду за свое великодушие получает от змия в подарок двух львов, являющихся в дальнейшем его верными хранителями и даже спасателями. В „Повести о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии“ нет никаких следов чудесного, это реалистическая новелла о находчивости и настойчивости энергичной молодой женщины, отстаивающей свое человеческое достоинство. Таким образом новая повесть примыкает к группе реалистических повестей типа повести о Карпе Сутулове.

В „Гистории королевича Архилабона“ связь со старой традицией, помимо фантастики, проявляется еще и в отношении к женщине. Королева Афродита, сестра Архилабона, имеет „злое сердце“,² она подговаривает королевича Бритона пойти войной на Архилабона; выведав у брата секрет его силы и слабости, она предательски сталкивает его в ящик, утыканный самыми острыми гвоздями, а затем бросает этот ящик в колодезь. Словом, королева Афродита — типичная „злая жена“ старорусской повести. Напротив, София в „Повести о гишпанском дворянине Карле“ является образцом скромности, честности, ума и человеческого достоинства.

Из сказанного можно было бы заключить, что новонайденная повесть не связана со старой повествовательной традицией. Это не так. В „Повести о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии“ есть заметные следы влияния старой традиции. Королю Максимиану в первой части повести приданы черты гонителя христиан житийной литературы. Уже само имя его — имя римского императора, упоминаемого в житии мученика Никиты в качестве жестокого преследователя христиан. Правда, в „Повести о Карле“ король Максимиан издает указ против идолопоклонников, а не против христиан, но принципы изображения его остаются те же, что и в житийной литературе. Когда заподозренного в идолопоклонстве Карла привели к Максимиану, „тогда король страшным образом закричал: «Что ты за человек?..»“ (л. 2 об.).

¹ В. В. Сиповский. Русские повести XVII—XVIII вв., стр. 107.

² Там же, стр. 103.

Далее, требуя от Карла ответа на вопрос, какую он картину целует, Максимиан, согласно житийной традиции, угрожает: „Скажи сущую правду. Ежели не объявишь, то прикажу немилостиво мучить“ (л. 3). По замыслу автора, слова эти были тоже произнесены „страшным образом“, так как далее говорится, что „оной дворянин испужался немилостивых словес королевских“. Такие черты король Максимиан сохраняет и в дальнейшем: когда фельдмаршал клеветает ему на Софию, король вызывает к себе Карла, „а как привели, то король грозно заговорил...“ (лл. 8—8 об.).

Таким образом весь эпизод с идолопоклонством в „Повести о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии“ разработан под несомненным влиянием старорусской литературной традиции житийного жанра. То обстоятельство, что в этом эпизоде преследуются не христиане, а идолопоклонники, существенной роли не играет, так как комплекс представлений о религиозной борьбе и о принимаемых ею формах сохраняется в „Повести“ без изменений по сравнению с житийной литературой.

Однако „Повесть о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии“ интересна не тем, что она связана со старой традицией, — эта черта важна для нас как еще одно свидетельство оригинальности произведения. Историко-литературное значение его заключается в том, что в нем отразились новые общественные и литературные понятия — уважение к женской личности, отказ от фантастики, реалистичность изображения действующих лиц и их поступков, введение черт современных политических событий и т. д.

В „Повести о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии“ видны элементы зарождавшейся фразеологии будущего сентиментализма. Хотя начало „Повести“ утрачено, но и из контекста и из афанасьевских сказок №№ 336 и 337 явствует, что брат и сестра очень любят друг друга и что отъезд Карла очень опечалил Софию. Она ведет „как на себя, так и на всех дворовых черное платье делать и носить оное до самого приезда обратно в Мадрид брата своего, а сама толико в печаль вдалась, чтобы никуда з двора выхода не иметь и на улицу не выглядывать. Ежели когда и жалостно случатся, то выход иметь точию в сад з девицами и услажатся разными фруктами“ (л. 1). Карл так любит свою сестру, что, „как ложась спать, так и встав с постели“, целовал „персону¹ сестры своей Софии, яко самую ея“ (л. 1 об.). Эта черта Карла настолько была важна в глазах автора для характеристики героя, что о ней в „Повести“ говорится дважды: в недошедшем до нас начале и в том месте, откуда были только что приведены выдержки. Вот это место полностью: „Оной же дворянин, как выше упомянуто (разрядка наша, — П. Б. и В. М.), имел такой обычай, как ложась спать, так и встав с постели, целовать персону сестры своей Софии, яко самую ея“ (л. 1 об.).

Образ Карла занимает в „Повести“ значительное место. Очевидно, анонимный автор хотел в его лице изобразить если не идеального, то во всяком случае положительного героя, молодого человека своего времени. Карл приехал в Париж „для обучения, притом же и посмотреть здешнего града Парижа“ (л. 2 об.). Иными словами, цели его поездки за границу хотя и похожи на цели поездки российского дворянина Александра, но автор показывает своего героя с весьма выгодной стороны: Карл, в отличие от Александра, не вступает ни в какие амур-

¹ Портрет.

ные отношения с жительницами города, в котором проживает, ведет он себя, как полагается воспитанному юноше, и в результате достигает „чина и ранга“, делается „ковалерским генерал-адъютантом“.

София в свою очередь представляет положительный женский образ: она чувствительна, скромна, хорошо воспитана, как и ее брат, энергична, предприимчива, знает людей и т. д. В результате всего этого она также достигает высокого положения — становится королевой.

Очевидно автору „Повести о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии“ важно было показать, что личные достоинства человека — его ум, настойчивость и честность — создают ему положение в обществе, определяют его жизненный путь. В этом отношении новонайденная повесть должна быть поставлена рядом с „Гисторией о российском матросе Василии Кориотском“, герой которой — также дворянин — только своими личными способностями и достоинствами строит свою карьеру и достигает высшего положения в дворянском обществе — становится королем.

Таким образом „Повесть о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии“ отразила в себе ряд положительных черт, связывающих ее частично с петровской эпохой: признание личных свойств человека основой его общественной деятельности, уважение к личности женщины, реалистичность содержания и большую простоту языка.

В издании допущены следующие упрощения орфографии подлинника: титла раскрыты; ѣ в конце слов опущен; ъ, ѳ, і передаются через е, ф, и. Выносные буквы внесены в строку, причем выносные ж и б при слове „что“ передаются через же и бы, а выносное с возвратных глаголов передается через -ся. Пунктуация и употребление ѣ современные. Буквы и слова в квадратных скобках вставлены издателями в тех случаях, когда это требуется для правильного понимания текста, и тогда, когда они явно пропущены переписчиком или стерлись.

[ПОВЕСТЬ О ГИШПАНСКОМ ДВОРЯНИНЕ КАРЛЕ И СЕСТРЕ ЕГО СОФИИ]

...¹ как на себя, так и на всех дворов[ых] черное платье делать и носить оное до самого приезда обратно в Мадрит брата своего, а сама толико в печаль вдалась, чтобы никуда з двора выхода не иметь и на улицу не выглядывать. Ежели когда и жалостно случатся, то выход иметь точию в сад з девицами и услажатся разными фруктами.²

А гишпански[й] дворянин Карл при благополучной погоде несколько времени в пути приехал в Париж. И по приезде стал на квартиру у [о]дного трактирщика до времени, что еще с тутошними жители не имел обхождения никакова. В то время побликован указ [л. 1] королевский во всем французском государстве о идолопоклонниках, чтобы оных искоренять; и кто может проведать о таких людях, то прямо доносить его королевскому величеству, за что оныя доносители награждены быть имеют.

Оной же дворянин, как выше упомянуто, имел такой обычай: как ложась спать, так и встав с постели, целовать персону сестры своей Софии, яко самую ея. И в некоторое время поутру оное видала

¹ В рукописи перед этим недостает одного листа.

² В рукописи фруктами.

хозяйка, трактирщицкова жена, как он целует патрет сестрин. И подумалось ей, так, конечно, оной дворянин не католицкаго закона, но идолопоклонник, а католицкой закон одним видом [л. 1 об.] держит; то хозяйка дворянина онаго в той полате, в которой он полате спал, заперла и,¹ замкнувши, побежала во дворец о сем объявить королю Максимилиану французскому.

И как пришла пред короля, нача объявлять, яко не в дальном времени приехал гишпанския земли дворянин сюда в Париж и стал на квартире, в доме у нас, которой и сказался нам закона каталитцкаго;² а онаго я присмотрела некакую картину по утрам, как бога, целует. И признала я, не имеет ли он какого идолопоклонничества, а о таких вашего величества указом повелено самим вам объявлять, и я онаго дворянина теперь заперши в доме моем, и до вашего величества пришла.

Тогда, выслушав, король послал со оною трактирщицею дежурн[аго] [л. 2] маэора и несколько гварди[и] салдат для взятья того гишпанскаго дворянина пред себя. И как онаго привели, тогда король страшным образом закрычал: „Что ты за человек?“. На что оной дворянин отвечивал: „Доношу вашему величеству, что я гишпанскаго государства дворянин“. Король: „Как тебя зовут?“. К[арл]: „Карлом“. К[ороль]: „Зачем сюда приехал?“. К[арл]: „Для обучения, притом же и посмотреть здешнаго града Парижа“. К[ороль]: „Которого ты закона?“. К[арл]: „Католицкаго“. К[ороль]: „А хозяйка на тебя доносит, что ты идолопоклонник“. К[арл]: „Никак, милостивый мой государь, я не идолопоклонник, но настоящей каталик“.³ К[ороль]: „Какую [л. 2 об.] ты картину целуешь? Скажи сущую правду. Ежели же не объявишь, то прикажу немилостиво мучить“. На что оной дворянин испужался немилостивых словес королевских, сказал: „Я особно могу вашему величеству донести о сей картине сущую правду, ежели угодно“.

И король онаго дворянину, в особую палату отведши, начал вопрошать: „Говори⁴ смело“. И оной дворянин отвечивал: „Милостивый государь мой! Подлинно вам доношу: сын есмь гишпанского министра Вильгельма, которой отец мой и здесь, во Франции, при вашем величестве неоднократно находился. Однако, уже ево не стало назат тому лет 12. И после [л. 3] смерти ево осталася я с сестрою моею малолетен и ныне здумал я посмотреть света, в таковых младых летах, и, во-первых, приехал сюда, в славны[й] град Париж. Что ж оболгали меня, якобы идолопоклонник — и понапрасно. А целую не какую картину, то, правда, понеже оной патрет сестры моея родныя Софии. Помня и любя ея, и оное вашему величеству не скрытно объявляю“. И подал королю патрет сестры своея.

Король же, увидевши такую прекрасную персону, сказал: „Про отца твоего я довольно слышал, токмо подлинно ль сестра твоя такова и в какие лета?“. На что [Карл] отвечивал: „Конечно, [л. 3 об.] такова, а от роду только 18 лет“. И взяв король оную персону к себе, а ему объявил таким образом: „Слушай, мой друг! Живи ты ныне до времени при мне во дворце, а после пожалован будешь как рангом, так и жалованьем“. И вышедши из с той палаты оба, приказал король оной трактирщице в награждение за оной донос выдать 90 ефимков и отпустить в дом свой, а о дворянине Карле ево величество король то фельдмар-

¹ В рукописи или.

² В рукописи капалицкаго.

³ В рукописи какаталик.

⁴ В рукописи говорили.

шалу объявил: ему отвесть во дворце палату и дать лакея, а стол иметь с ковалерами. И так оной дворянин Карл остался во дворце.

А король [л. 4] Максимиан в то время был на зговоре, на дочери французского генерала-фельдмаршала, которая не весьма краснаго лица была, то король стал мыслить, чтобы фельдмаршала дочь оставить, а жениться гишпанскаго министра Вильгельма на дочери, а дворянина Карла — сестре Софии.

И во един день викториальный король французски[й] Максимиан всемилостивейше пожаловал гишпанскаго дворянина Карла в королевскаго камор-юнкера и жалование объявил по 200 ефимков на месяц, против протчих ковалеров неотменно. И начат король [л. 4 об.] особливо жаловать новопожалованнаго камор¹-юнкера так милостиво, что всегда с королем и кушал, чему как придворныя, так и []² милостиво дивится принуждены, а генерал-фельдмаршал, названный королевски[й] тесть, всячески стал домогаться и провеживать об одном случае и придворных чрез немалые деньги, чтобы объявили ему, за что так в милости у короля новой камор-юнкер. И некоторые хотели об том стараться.

И один камор-паж подавал королю в спальню напитки и подав обратно вышел из спальни и остановился за дверьми слушать [л. 5] разговоров, понеже тут был камор-юнкер. И разговаривали секретно, каким образом из Гишпании взять сестру Карлову Софию для женидбы королю Максимиану.³ И как выслушав оныя слова, камор-паж побегал к генералу-фельдмаршалу объявить оныя разговоры, за что фельдмаршал подарил камор-пажу 1000 червонных. Потом генерал-фельдмаршал начал об оном печалиться и мыслить, какими бы интригами⁴ учинить, чтобы король французской гишпанскаго министра дщерь за себя не брал,⁵ а взял бы дочь ево.

И умыслил через несколько время короля Максимиана обманывать [л. 5 об.] таким образом. Приказал конюшенному своему обить большую корету черным сукном, також и цуговые шоры обить сукном тем же и лакеям своим черное платье и готовым быть для езды ко двору королевскому. Потом и сам фельдмаршал, в глубокой траур убравшись, поехал во дворец. И, приехавши, пошел в покои королевския и, пришед, пред короля, поклонился. И король стал спрашивать: „Господин фельдмаршал, объяви, пожалуй, какая у вас печаль незнатная [ль] [л. 6] учинилась, что в таком глубоком трауре приехал ко мне?“. И фельдмаршал ответствовал: „Конечно, милостивый государь, есть печаль не малая не мне одному — и вашему королевству. Однако, могу вам особно донести“. И король фельдмаршала взял за руку, пошли в спальню. И нача фельдмаршал говорить: „Изволили вы, милостивый государь, пожаловать при себе в камор-юнкеры гишпанскаго министра сына Карла, у котораго в Гишпании имеется сестра родная София, которую вы желаете за себя взять в жену, и об оной [л. 6 об.] вашему величеству чистую совесть доношу. Посылован был в Гишпанию на резиденцию от родителя вашего, назат тому спустя несколько лет, и был на резиденции при гишпанском дворе три года, и во всю мою бытность в Гишпании с показанною министерскою дочерью, а камор-юнкера вашего величества с сестрою Софиею [жил как с женою], и

¹ В рукописи калор.

² В рукописи, очевидно, какое-то слово пропущено.

³ В рукописи Максимиану.

⁴ В рукописи интригами.

⁵ В рукописи не брать.

платил ей по 50 червонных за каждую ночь. В Гишпании она называется первая гишпанская б. . . . Что ж донес об ней брат ей вашему величеству, что [л. 7] постоянного и честнаго жития, и то оболгал“. И король, оныя слова выслушав, того ж момента приказал камор-юнкера Карла арестовать и поставить караул, чтобы неисходно было. И дежурный¹ генерал-маэор шпагу² взял и поставил караул — гварди[и] сержанта и 12 человек рядовых, с таким паролем, чтобы ко оному камор-юнкеру никого не допускать, кроме того как кушанье принесут, и то принимать салдатам.

И камор-юнкер Карл стал себе разсуждать: „За что такой строгой арест получил, не знаю себе [л. 7 об.] вины никакой“. И спустя дня с три, стал просить караульнаго сержанта, чтобы послал за дежурным маэором, которой пожаловал пришел за некоторою нуждою. Тогда сержант послал салдата к господину маэору о сем донести, и дежур-маэор, не мало не мешкав, к камору-юнкеру и пришел. И камор-юнкер начал просить: „Покорно вас, моего государя, прошу, пожалуй, донеси его королевскому величеству о мне, бедном. Уже дни три под арестом держусь, а за какую вину, — то мне не объявлено“. И оной, выслушавши, маэор пошел прямо к королю и стал доносить о сем. И король оному маэору приказал камор-юнкера пред себя привести.

А как привели, то король [л. 8] грозно заговорил: „Скажи, пожалуй, чего ради ты, плут, наше величество обманываешь и про сестру свою ты, бездельник, насказал, что жития чеснаго, а она совершенная гишпанская б. . . ., о которой я подлинно чрез фельдмаршала своего уведомился, с которым она, скаредная, в Гишпании жила больше трех лет, как с мужем. А ты такую мерскую мне в жену выхваляешь“. На что камор-юнкер отвечивал: „Милостивый государь мой! Подлинно вашему величеству доношу,³ что за сестрою за моею никакова худа и б. . . . не слыхал и не знаю. К тому же, ваше величество, покорне прошу представить того фельдмаршала zde, чтобы о сестре моей донес при мне, каким образом он [л. 8 об.] с сестрою моею жил и знает ли какия нибуть приметы на теле сестры моей, и ежели какую приметку покажет, то виновен [я] смерти“. И король тогож дежур-маэора послал за фельдмаршалом, чтобы был во дворец немедля, а камор-юнкера велел в особую полату вывести.

Фельдмаршал во дворец приехал, пред короля пришед, поклонился, а король приказал камор-юнкера из другой полаты вывести тут же, где и сам изволил присудствовать, и сказал: „Ну, господин фельдмаршал, говори ныне прямо с камор-юнкером, как ты жил с ней и сколько времени?“. Фельдмаршал стал говорить камор-юнкеру, что „как-де я был в Гишпании на резиденции [л. 9] и жил с твоею с сестрою года три, как з женою“. На что камор-юнкер отвечал: „Изрядно! Когда жил, знаешь ли ты на теле какия приметныя пятна или знак какой? Скажи, пожалуй“. А фельдмаршал сказал: „За многопрошедшим⁴ временем не могу помнить, а есть у меня и описание тела ея, токмо в старых письмах, в архиве, и в скором времени сыскать нельзя“.

И камор-юнкер, подшед к королю, просил: „Милостивый государь мой! Прикажи оному фельдмаршалу такую опись сыскать, хотя сроком ваше величество повелит, а со мною показать хоть [л. 9 об.] такую милость, чтобы за караулом исходну быть с квартиры“. И король

¹ В рукописи дежурнаго.

² В рукописи и шпагу.

³ В рукописи доношо.

⁴ В рукописи многопрошедшим.

Максимиян фельдмаршалу объявил, что, конечно, [должен] сыскать опись для подлиннаго обличения сего камор-юнкера. Ежели не сыщешь, то сам неправ будешь. Фельдмаршал просил у короля сроку на четыре месяца, для разобрания старых архивных писем, чтобы его ни для чего ко двору не требовать, так и от команд не репортовать. И король фельдмаршалу приказал дать сроку на четыре месяца, а камор-юнкера содержать под честным арестом и с квартиры выходить токмо за караулом.

А фельдмаршал, возвратившись в дом свой, велел ворота запереть, никого не пускать и стал мыслить, что делать и каким образом о сем [л. 10] осведомиться. А ежели не обличу, то самому и всей моей фамилии притѣти [конец должен] будет. И вздумал так, чтобы самому ехать в Гишпанию и искать тайным образом, чтобы никто во Францы[и] не знал, кроме жены и детей, и некоторых ближних своих людей. Токмо взял с собой 30000 червонных. Для оного случая нанял легкое судно и, протѣвшись, поехал в Гишпанию.

И как в Гишпанию прибыл, на пристанище растатесь¹ вышел и пошел в Мадриду, яко французской земли дворянин. И, вшедши во град, стал спрашивать двора министра Вильгельма, и указали ему. Тогда оной французской дворянин против оного министерского двора нанял квартиру [л. 10 об.] великою ценою за два покая 50 ефимков на месяц, кроме трактира. И всячески стал из окон смотреть, како бы увидеть министерскую дочь, хотя в лице. Не мог² оного улучшить уже близ месяца, понеже з двора никто никуда выхода не имеют, токмо со оного министерскаго двора едина старушка всякой день ходит. Тогда вышереченной французской дворянин об оном хозяйку свою испросил: „Какая ето старушка со двора всякой день ходит одна и куда?“. На что хозяйка сказала, что „оная министерской дочери мамка, а ходит в кирку“.³ И оной дворянин фальшивой стал в ту ю же кирку⁴ ходить, в которой и министерской [л. 11] дочери мамка ходит.

И в одно время, по совершении обедни, начал народ выходить из кирки,⁵ в том числе и мамка. Тогда подошед к ней французской дворянин и, поклонясь, говорит: „Моя государоня, пожалуйста, скажите о себе, кто вы таковы?“. На что оная старушка, остановившись, сказала, что я покойнаго министра Вильгельма служительница, а ныне службу при дщери его. И дворянин стал ее просить лестно к себе на квартиру, чтобы заежжого человека не оставила оным приятельством. И оная мамка от таковаго лукаваго человека не могла никоим способом отговориться и простотою [л. 11 об.] своею пошла ко оному. А как в покой пошла, то оной дворянин так принял ласково, яко бы мать родную: посадя ея за стол, сам стал водку⁶ подносить за здравие добрых сердец, и выпили. Тогда мамка стала торопиться домой, а оной дворянин стал унимать: „Пожалуй, матушка, посиди, я поистинне рад и для того столько матерю называю, помня истинную свою мать, понеже на вас очуль схожа была“. И подарил ея черного штофу, которого, хотя и не брала она, однако же сильно ей вручил, и, простившись, пошла в дом. И оной дворянин, до ворот провадивши, просил ея, чтобы и всегда посещением своим не оставляла, для того что [л. 12] знаемых никого нет.

¹ Так в рукописи.

² В рукописи не немог.

³⁻⁴ В рукописи кирку.

⁵ В рукописи керки.

⁶ В рукописи водну.

И в некоторый день звал оную мамку к себе кушать, и она просилась у госпожи своей Софии, на что и уволила. И как она мамка пришла, то весьма ласково принял и начаша кушать. При сем немного подпили. Тогда дворянин лукавыми и хитрыми своими речьми начал оную старушку спрашивать подробно о состоянии дома и кто в нем господа. Она подлинно стала говорить, что „дом покойного министра¹ Ви[ль]гельма, который был славен и в протчих государствах, а ныне оным² владеют дети его, сын Карл, которой отсюда отлучился во Францию уже 2-ой год. Писал прежде и письма сестре своей Софии, что там [л. 12 об.] при короле обретается камор-юнкером, а ныне уже месяца три³ как писем нет“. И паки дворянин спросил: „А сестра ево, госпожа ваша, в каких летах находится и собою какова?“ На что старушка отвечала: „Собою очень хороша, и против ея тела чистаго и красоты мало кто видал. Летами еще молода, только 20 лет“. Дворянин: „Скажи, матушка, пожалуй, на таких красавицах живут ли какие родимые пятна и приметы?“ Мамка ж, не зная его злого умышления, сказала: „Подлинно, что только имеется на теле ея одно черное пятно родимое и то невидимо, потому, что под правую титькою, а иных никаких примет нет“. И, когда выслушав оные, дворянин доволен стал быть сими разговорами и, подаривши ей паки штофу [л. 13], черного бархату, и отпустил с честью домой.

Сам же поутру рано, расплатясь с хозяином, возвратно поехал во Францию. И чрез несколько времени прибыл в дом свой тихим же образом, как и прежде упомянуто,⁴ к жене и дочери своей, однако с великою радостию, что желаемое получил, а приехал до сроку за три месяца. Потом п[р]иказал оной фельдмаршал ворота свои отворить, и кто к нему приедет, всякаго пущать.

И три дни спустя поехал во дворец [в] богато убранной корете. И как пришед пред короля, король спросил: „Что, господин фельдмаршал, справился ли и можешь ли камор-юнкера изболчить?“ На что фельдмар[шал] донес: „Милостивый мой государь, справился и камор-юнкера ясно изболчить [л. 13 об.] могу“. И послали по камор-юнкера, которого тут же и привели. Тогда фельдмаршал говорил при всех вслух: „Господин камор-юнкер, что у вашей сестры имеются приметы, а именно: черное пятно под правую титькою, которое бородавке подобно, а иных пятен никаких нет“. На что камор-юнкер сказал: „Так я столько виноват, а ныне оправдания никакова принести не могу“. И король объявил камору-юнкеру смерть за оное обманство. Тогда Карл, пришедши к королю, стал на колени и слезно просил, чтобы его уволить под караулом до сестры в Гишпанию, у которой ниже часа мешкать не будет, точию ея увидеть и назад возвратится. И король фельдмаршалу сказал: „Можно ли ево отпустить?“ На что фельдмаршал отвечал: „Можно, государь, под караулом, а утить ему некуда».

И по указу его величества короля Мак[л. 14]симиана откомандировали с камор-юнкером гварди[и] ундер-афидера и 8 человек салдат в Гишпанию, к сестры его для свидания, и обратно ехать немедля с ним во Францию. Потом из адмиралтейства⁵ к пристани подвели

¹ В рукописи после этого слова в квадратных скобках стоит дочь.

² В рукописи оным повторено дважды.

³ В рукописи три написано дважды.

⁴ В рукописи фраза как и прежде упомянуто заключена в квадратные скобки.

⁵ В рукописи адмиралтейства.

галиот небольшой¹ и поплыли в Гишпанию. И, приплывши к гишпанской пристане, пошел камор-юнкер к своему дому и за ним ундер-афицер и четыры² человека салдат. И уже близ бывши своих полат, тогда домашние его узнавши, госпоже своей Софии сказали, что братец приходил близ д[в]ора своего. И сестра его София, немедленно вышедши на двор и подошедши, хотела брата своего поцеловать, а Карл рукою [л. 14 об.] ударил сестру свою по щеке и сказал: „Ты мне не сестра, но б. . .!“ И, во[з]вратившись з двора обратно, пошел на судно.

Тогда София, изуемвшись, заплакала и начат размышлять, конечно, сие не просто. Обаче в бодрость пришла и призвах своего дворянина дала ему 100 червонных и приказала, каким бы нибуть способом проведать, что за причина. И дворецккой взяла червонныя и побежал и, достигши на дороге одного салдата, спросил: „Ваша милость, откуда и зачем сюда приежжали“. На что салдат отвечал: „Поди, братец, прочь от меня, какое тебе дело спрашивать“. И дворецккой тому салдату подарил 10 червонных. Вторично спросил. Тогда уже салдат объявил: „Мы-де из Франции приехали со оным камор-[л. 15]юнкером, который у нас под караулом, а в какой причине, подлинно не знаю, разве знает ундер-афицер. А оной камор-юнкер здешней гишпанец“. Притом дворецккой просил салдата, чтобы пожаловать хотя с судна своего господина ундер-афицера на пристанище ко мне, как оной гишпанец в каюту войдет. На что оной салдат учинить сие обещал.

И как на судно вошли, тогда Карл прямо в каюту пошел кушать, а салдат, ундер-афицера вызвавши, говорил: „Ваше благородие, некоторый человек на пристанище желает видеть“. И ундер-афицер пошел на пристань с салдатом. И дворецккой, увидевши, поклонился, говорил: „Возымел дерзновение, ваше благородие, попросить, чтобы вы [л. 15 об.] объявили вину приезда вашего сюда, за что и сам вам могу служить чем угодно“. И ундер-афицер об чем то задумался. То того ж момента дворецккой 50 червонных положивши в руку, говорит: „Пожалуй, мой государь, объяви мне, никакой бо дальней причины нет, но токмо, чтобы знал, а, истинно, никому не объявлю“. На что оный ундер-афицер начал сказывать, что оной гишпанец у нас под караулом, которой, бывши у нашего короля камор-юнкером, хвастал сестрою своею, у которой ныне были. И король хотел ей взять за себя, однако ж фельд-маршал королю объявил, что оная сестра его б. . . и фельдмаршал, будучи зде за резиденцию, жил с ней года 3, и за каждую ночь платил ей по 50 [л. 16] червонных. И за оное обманство королевское величество сего гишпанца осудил на смерть, и по приезде в Париж больше пяти дней оной гишпанец жив не будет. И, оное рассказавши, ундер-афицер обратно пошел на судно свое, а дворецккой в дом госпожи своей.

И, пришедши, оное все подробно госпоже своей сказал, чему София немало обрадовалась, что оную причину узнала, и того ж момента того же дворецкаго послала нанять вскоре корабль небольшой для езды во Францию, а сама стала убираться только с тремя девицами да з двумя лакеями. И с собою приказала взять богатое платье и все вещи бралиантовые и алмазные, да пять [л. 16 об.] тысяч червонных на расход, а дом и прочее приказала тому же дворянину, которой и прежде управлял³ у ей. И она приказала к той же пристане при-

¹ В рукописи *нобольше*.

² В рукописи *четытыры*.

³ В рукописи *управляел*.

весть и дожидаться того галиота одному человеку: как от пристани отвалит, то бы ей немедля сказать. И как французской галиот пошел в море, так караульной человек, того момента прибежавши, объявил Софии. Тогда она, пр[о]стаясь со своими со всеми, поехала со своими девицами и лакеями в Париж.

И гишпанской корабль¹ от французского галиота плыли между собою не в дальном расстоянии. Токмо Карл не знал, что сестра ево за ним пловать, так же и ундер-афицер того не догадался. И чрез несколько времени пришел [л. 17] к Парижу. Изшедши на берег из галиота, пошли с камор-юнкером во дворец, котораго к королю пре[д]ставили. И король, увидевши Карла, сказал: „Видел ли сестру свою?“. На что Карл ответствовал: „Видел², милостивый государь“. И король сказал: „Ну, прости ныне и справляйся к смерти молитвами, на что и сроку даю тебе пять дней“. Тогда оногo Карла и в покаянную повели для исправления.

Того же дня в вечеру и гишпанской корабль приплыл в Париж, на котором министерская дочь София. И, пославши наперед себя человека своего, приказала нанять квартиру хорошую. Тогда оной человек, немедля сыскав, нанял³ помесечно, а на каждой месяц по 60 ефимков порядил. И она, госпожа, изшедши с корабля со своими [л. 17 об.] людьми, пошла на квартиру. И хозяева ея приняли ласково и спрашивали, откуда и зачем сюда изволили приехать, и она сказала себя быть из Гишпании, а зде в Париже некоторую нужу имею.

И по приезде своем, на трети[й] день, гишпанка послала человека своего для нанятия на целыя сутки богатой кореты цегувой, со всем убором, двух паж[ей] и кучера с фуриетором, а назаде два лакея будут. И между тем она гишпанка в богато убранное гишпанс[к]ое платье стала убират[ься], а лакей, прибежавши, объявил, что такую корету нанял за 50 червонных, которая корета и ко двору уже приехала и дожидается. А как та гишпанка, убравшись совсем, надела перчатку на левую руку, которая⁴ была по [л. 18] черному бархату вышита алмазами и брالياнтами, тысячь на десять. И она перчатка делана на дороге самою Софиею для некотораго случая, о чем после упомянуто будет⁵. А правая рука⁶ без перчатки. И, вышедши ис квартиры, села в корету, приказала ехать прямо ко двору королевскому.

И как корета крыльцу стала подъезжать, тогда ис покоев королевских увидели придворныя ковалеры, что знатная дама приехала, которую не знают, и на лестнице встретили, из которых один кавалер взял за руку, повел. И она дама спросила: „Королевское величество у себя ли и в которых [л. 18 об.] покоях изволит быть?“. На что оный кавалер учтиво ответствовал, яко у себя, и привел в те покои, в которых король. Между прочим, уже некоторыя ковалеры объявили королю, что некоторой фамилии дама во дворец прибыла.

И король Максимиан в зале встретил ея почтительно, как надлежит дамскую персону, и спросил об ей фамилии, кто она такова. На что она дама ответствовала: „Доношу вашему величеству, что я гишпанская первая б. . .“. И король, оное услышав, подале стал и паки

¹ В рукописи король.

² В рукописи видял.

³ В рукописи нянял.

⁴ В рукописи после которая идет стояла в квадратных скобках.

⁵ В рукописи фраза о чем после упомянуто будет в квадратных скобках.

⁶ В рукописи рука повторено дважды.

вопросил: „Зачем приехала?“. Она же отвечала: „Я приехала, милостивый государь, до вашего величества просить прощения¹ на вашего генерала-фельдмаршала. Будучи [л. 19] у нас в Гишпании на резиденции жил со мною как з женою, в моем доме, три года и со оным фельдмаршалом договоренность была² платить мне по 50 червонных за каждую ночь, и оной фельдмаршал уплатил мне за полгода только 18250 ефимков, а за полтретья года 91250 ефимков не заплатил и, не сказавшись, уехал, а при отъезде увез у меня с правой руки перчатку, такую ж, какая ныне у меня на левой руке надета. Того ради, ваше величество, покорнейше прошу, чтобы указали оному фельдмаршалу со мною расплатится, дабы мне не приттить в раззорение, понеже я оно[го] фельдмаршала во всю³ [л. 19 об.] его бытность на своем коште содержала и довольствовала“.

И, выслушав оное, король приказал послать за фельдмаршалом, сам же, вышедши в свою спальню, стал мыслить: „Боже мой, куда досадно, что она б. . . . Ежели бы не такого состояния была, то бы, конечно, женился на ней“. Тогда же о пришествии фельдмаршала королю возвестили. А гишпанка все во оном зале дожидалась оного и, [ко]гда увидела⁴ онаго, поклонилась, и он напротив, такожде честной комплемент отдал, а друг друга и не знают, как фельдмаршал ея, так и оная фельдмаршала.

В то же время королевское величество изволил выттить из спальной [л. 20] полата и рек: „Господин фельдмаршал, приехала ко мне сия б. . . . из Гишпании просит на тебя в недоплате ей денег, которыя она изчисляет 91250 ефимков, за то, что ты жил с нею в ея доме три [года] в бытность твою на резиденции. К тому же, увес ты у ей перчатку с правой руки, такую же, какую ныне имеет на левой руке, которая стоит больше 10 тысяч: И ты раздайся с нею, чтобы, «т[ы] жил», от ней более не слыхал“.

И фельдмаршал стал доносить: „Ваше королевское величество, я сей дамы не знаю, кто она такова, и с нею я в Гишпании не живал, в ея доме, и ни какими деньгами [л. 20 об.] не должен и перчатки не уваживал“. На что гишпанка ответствовала: „Напрасно изволил господин фельдмаршал а[т]пираться в том, что ты меня не знаешь и не жил со мной и деньгами не должен⁵ и перчатки не уваживал, ныне изволи⁶ присягнуть при королевском величестве. Я уже и уступлю, быть так, что пропало у его“.

Королевскому величеству оное отважное слово весьма понравилось и приказал послать за пастором, чтобы фельдмаршала привести к присяге. А как пастор пришел онаго фельдмаршала приводить к присяге в том, что оной гишпанки не знает и с нею не живал и деньгами не должен и перчатки не уваживал, тогда фельдмаршал присягнул при его короле[л. 21]вском величестве и при всех придворных кавалерах.

Тогда же оная гишпанка подбежала к королю, встала на колени и со слезами стала благодарить за такую королевскую милость. Притом же попросила в свободе о смертной казни брата своего Карла, которой был у вашего королевскаго величества камор-юнкером и осужден напрасно за меня, якобы я первая гишпанская б. . . ., а ныне, ваше величество,

¹ В рукописи прощения.

² В рукописи было.

³ В рукописи во всю повторена дважды.

⁴ В рукописи увидяла.

⁵ В рукописи джен.

⁶ В рукописи изволил.

сами изволили усмотреть фельдмаршалово ухищренное умышление и напрасное обошение чести моей, чего он и сам под присягою отверглся, что подлинно не знает меня, да и знать ему негде и нельзя. Изволите, милостивый государь, рассудить, в каких я еще летех [л. 21 об.] нахожусь, истинно мне только 20 лет, о чем может знать и его величество король¹ гишпански[й], какова я велика осталась по смерти отца моего, министра Вильгельма. А оной фельдмаршал, может быть, что бывал в Гишпании на резиденции в то время, как я еще не родилась“.²

И король, оное выслушав, весьма обрадовался и приказал в тотчас представить камор-юнкера, сам же изволил выйтти в спальню и, взявша тот патрет Софини, и посмотрел на самую ея и патретец и весьма схожа и гораздо перваго, стал быть весел. И, позвавши в спальню к себе генерала-адъютанта, приказал, чтобы фельдмаршала ныне из дворца вон и не выпускать и смотреть за ним всячески. Так же и послать [л. 22] на двор фельдмаршальской караул, чтобы з двора и на двор никого не пропускать, а фельдмаршальскую жену и дочь такожде держать под караулом по их спальням, чт[обы] друг друга и не видели. И, отдав оной приказ, изволил из спальни выступить.

А камор-юнкер уже приведен. И, увидевши король оного, милостивно говорил: „Ждал ли ты в гости сестру свою?“. На что оной Карл отвечал: „Никак, милостивый мой государь, и в мысли онаго не было“. И король сказал: „Ныне я настоящую правду сыскал, что фельдмаршал сестру твою обносил умышленно и тебя было вовсе погубил, и за такое твоё терпение жалую тебя при мне первым ковалерским генерал-адъютантом, також [л. 22 об.] в награждение сестре твоей . . . 0000³ червонных за ея труд, что она сюда приехала“.

[С] фельдмаршала приказал снять шпагу и посадить под крепкой арест, что того же часа и учинено.

На другой же день королевским указом повелено, чтобы збирались во дворец как министерство, так и генеральство и все знатныя ковалеры для некотораго королевскаго дела секретнаго. Притом же к[о]роль Максимиан приказал оному новопожалованному генералу-адъютанту сестру свою до ея квартиры довадить. Сам же король уже, как честную даму, [и]з зала провожал и возвратился в спальню свою [л. 23].

И на оной вышереченной второй день, во дворец собравшись, министр[ы] и генеральство, прочия знатныя ковалеры сели на места свои. Тогда и сам королевское величество изволил приттти, а за ним генерал-адъютант Карл с придворными ковалерами. Тогда его королевское величество объявил вслух всем, что надлежит быть суду над генералом-фельдмаршалом в его преступлениях: умышленно оной генерал-фельдмаршал привел меня к тому, чтобы я в молодых летех сговорил к супружеству себ[е] невесту, на что я и поизв[о]лил, но он,⁴ фельдмаршал, не имея такого старания, что по моему достоинству [л. 23 об.] . . .⁵ . . . своей невесте ея высочестве гра[фи]ни София обер-каморгером. Притом же пожаловал и ковалерию французскаго ордена. Потом и другим многим знатым персонам перемена была. Притом же его королевское величество к обрученной невесте определил придворных штат ковалеров и обер-гофместерин и многих знатных девиц и по многом весели[и].

¹ В рукописи король повторено дважды.

² В рукописи породилась.

³ В рукописи значащая цифра стерлась, так как она приходилась на слаб. листа.

⁴ В рукописи нь.

⁵ Далее в рукописи утерян лист.

обрученной невесте ея высочество государыня София изволила собраться [со] своими со всеми в дом свой ехать. И королевское величество изволил сам провождать до крыльца. И ея высочество, севши в корету, приказала против себя сесть оберго[ф]местерине своей, а протчи[и] дамы и девицы в своей кореты сели. И его королевское величество [л. 24] [направил]ся [в] свои покои. Потом [гости] все разъехались по домам своим [близко] не поутру.

И как по приказу [ея] величества учредили великую церемонию для венчания их величеств, тогда во все французское государство побликовано, чтобы... [знали] оное и бога молили о здравии ея высочеству.

И в назначенный день, с ве[ликою] церемониею его королев[ское] величество на обрученной своей... высочестве государыне... При сем была пушечная польба от стоящих в парат [пра...пускать] был беглый огонь... венчания был.

И его королевское величество изволил приказать... [из казны] своя [в] народ разбросать немалая... монетах и всему [народу отворены] были погреба... [л. 24 об.]¹

— — —

¹ Далее в рукописи утерян последний лист.

Е. Э. ГРАНСТРЕМ

К вопросу о происхождении глаголической азбуки

Проблемы происхождения и истории развития славянского письма в древнейшее время в советской исторической литературе освещены сравнительно мало. После выхода в свет в 1928 году труда акад. Е. Ф. Карского „Славянская кирилловская палеография“ новое пособие по палеографии — „Курс русской палеографии“ Н. С. Чаева и Л. В. Черепнина¹ — появилось только в 1947 году. В советских исторических журналах статьи, посвященные истории славянских письмен, появляются крайне редко.

Между тем кирилло-мефодиевский вопрос — один из важнейших в истории славянской культуры. Литература о деятельности Кирилла и Мефодия очень велика как на русском, так и на иностранных языках. Ввиду того, что исторические источники, касающиеся Кирилла и Мефодия, являются источниками особого порядка, именно — памятниками агнографии, исследование их затруднено и дает повод к разнообразным толкованиям и гипотезам. Рукописей, относящихся к периоду деятельности Кирилла и Мефодия, не сохранилось; древнейшие памятники славянского письма датируются второй половиной X века.

Деятельность Кирилла и Мефодия теснейшим образом связана с началом борьбы западного славянства с немецкой агрессией. Поэтому вопрос о возникновении письменности у славян, самобытности их культуры вызывает в буржуазной историографии не только разнообразные гипотезы и ожесточенную дискуссию, но и попытки подтасовки фактов, тенденциозного изложения их, подчас — прямые усилия фальсифицировать историю.²

Проблема происхождения славянского письма не может быть разрешена без рассмотрения деятельности Кирилла и Мефодия. Возникновение самих азбук, глаголической и кирилловской, как более узкий вопрос, принадлежащий скорее к вспомогательной исторической дисциплине — палеографии, привлекало к себе меньше внимания и не вызывало столь ожесточенных дискуссий. Но, к сожалению, даже в лучших трудах буржуазных ученых, посвященных истории славянского письма, имеет место упрощенное изложение истории возникновения славянских азбук. Это обстоятельство несомненно вызвано некоторым пренебрежением, равнодушием к истории письма, как вспомогательной историко-филоло-

¹ Хотя работа Чаева и Черепнина представляет собой компилятивный учебник, однако мы считаем необходимым упоминать его наряду с самостоятельными исследованиями.

² См.: Ф. М. Россейкин. Буржуазная историография о византино-моравских отношениях в середине IX в. Византийский временник, т. III, 1950, стр. 245—257.

гической дисциплине, в результате чего история славянской письменности обедняется.

В задачу настоящей небольшой работы не входит рассмотрение возникновения письменности у славян, тем более — возникновения письменности на Руси. Советской наукой установлено,¹ что письменность на Руси, а также и у других славянских народов, существовала ранее принятия христианства, т. е. до той даты, которая безоговорочно принята в трудах буржуазных исследователей. Однако, ввиду тех обстоятельств, которые затрудняют изучение древнейшего периода истории славянской письменности (отсутствие памятников, скудость и своеобразный характер исторических источников), донныне остается неразрешенным вопрос о старшинстве одной славянской азбуки перед другой такой же, а также вопрос об источнике глаголицы.

Настоящая статья и посвящена происхождению глаголицы.

Все труды, в той или иной мере касающиеся истории славянских письмен, могут быть разделены на две группы: авторы одних считают изобретением Кирилла кириллицу, авторы других являются убежденными сторонниками старшинства глаголицы и приписывают Кириллу изобретение именно глаголической азбуки. И то, и другое мнения являются спорными потому, что, как уже указано, славянских рукописей середины IX века не сохранилось, и потому, что в источниках нет прямых указаний на то, какая именно азбука была составлена Кириллом „по чину греческих письмен“. Поэтому вопрос о старшинстве одной славянской азбуки перед другой решается в настоящее время скорее с помощью субъективных взглядов исследователя, нежели путем научного доказательства.

Что касается до установления источника глаголической азбуки, то распространено мнение, что образцом для глаголической азбуки послужил один из употреблявшихся в византийской письменности типов письма, а именно византийский минускул, или, как называет это письмо подавляющее большинство русских исследователей, греческая скоропись.

Следовательно, для обеих славянских азбук устанавливается греческий (точнее — византийский) источник: кириллица изображается как „сколок“ с византийского унциала, глаголица — как подражание византийскому минускулу (см. рис. 1 и 2). Таким образом происхождение славянского письма выглядит чрезвычайно простым и греческий источник славянских письмен не подвергается сомнению.² Соответственно, древнейшие славянские рукописи (как кирилловские, так и глаголические) представляются лишь как памятники, продолжающие традицию византийской книги. Однако для истории славянской культуры важно установить, как рано и в каком направлении прежде всего проявляется самостоятельное графическое творчество славян, подчеркнуть особенности древнейших славяно-русских рукописей именно как памятников славяно-русской письменности, развивающейся независимо от византийской письменности.

В настоящее время наиболее распространенным является мнение, что именно глаголица была изобретением Кирилла, именно глаголица была первой славянской азбукой, кириллица же возникла и получила

¹ См.: Д. С. Лихачев. Исторические предпосылки возникновения русской письменности и русской литературы. Вопросы истории, № 12, 1951, стр. 30—54; П. Я. Черных. Язык и письмо. История культуры древней Руси, т. II. М.—Л., 1951, стр. 114.

² См.: В. Н. Щепкин. Учебник русской палеографии. М., 1918; С. М. Кульбакин. Древне-церковно-славянский язык. Изд. 3-е, Харьков, 1917; Е. Ф. Карский. Славянская кирилловская палеография. М.—Л., 1928; J. Vajs. Rukověť hláholské paleografie. Praha, 1932; указанный труд Чаева и Черепнина; И. В. Ягич. Глаголическое письмо. СПб., 1911, и др.

свое название позднее.¹ Однако проблема эта столь сложна, особенно ввиду недостатка памятников и неудовлетворительного состояния источников, что даже убежденные сторонники старшинства глаголицы высказываются по этому поводу, как и по поводу происхождения глаголицы от византийского минускула, крайне осторожно. Так, С. М. Кульбакин в своем труде „Древне-церковно-славянский язык“ (на стр. 20) отмечает, что „остается наиболее правдоподобной мысль о перделке глаголицы из греческой скорописи“. В. Н. Щепкин, являющийся одним из рьяных защитников первенства глаголицы, пишет: „Мы уверены только в том, что дошедший материал не допускает иного, более вероятного вывода, но не можем утверждать, что этот материал вообще достаточен для полного обнаружения истины“.²

Уже одно рассмотрение истории вопроса о глаголице показывает, насколько спорным может быть его решение. В задачи настоящей работы не входит разбор высказываний по поводу глаголицы. В трудах Ягича и Вайс имеется полный и тщательно сделанный обзор литературы, анализ разнообразных гипотез о происхождении как глаголической азбуки в целом, так и отдельных ее букв. Здесь достаточно лишь отметить, что попытки объяснения глаголических начертаний формами греческого минускульного письма начались еще в конце XVIII века; одни исследователи признавали сопоставления тех и других начертаний удачными и не оставляющими никаких сомнений в зависимости одной формы от другой; другие же, наоборот, — полностью отрицали сходство; делались попытки вывести глаголические формы букв из кириллицы, из некоторых восточных алфавитов (например из коптского, еврейского).

Зависимость глаголической азбуки от византийского минускула исследователи пытаются доказать, во-первых, построением таблиц, где сопоставляются глаголические начертания с буквами греческого минускула. Такие таблицы имеются у Тэйлора, архимандрита Амфилохия, Ягича (рис. 3),³ Щепкина, Чаева и Черепнина. В этих таблицах обычно допускаются натяжки, так как, по словам акад. Е. Ф. Карского, без большого воображения глаголические начертания не могут быть выведены из букв минускула; натяжкой является также предположение, что в византийском минускуле существовали сочетания букв, невозможные в греческом языке (лигатура ѿѿ). В этих же таблицах подчас просто неверно подобраны факты. Так, предполагается, что образцами для глаголических „ѿ“ и „ѿ“ послужили греческие минускульные буквы α и λ. Но формы этих букв, приводимые в таблицах (например в „Курсе русской палеографии“ Чаева и Черепнина и в таблицах Ягича, прилагаемых к настоящей работе), были неупотребительны в византийском минускульном письме IX века и появились позднее или же встречались в курсиве. Во-вторых, утверждают, что глаголическое письмо есть письмо „стилизованное“ в духе (или по образцу) византийского минускула, что обилие лигатур, вязей, обилие округлостей, петель, дуг и т. п. в византийском минускуле „побудило“, как говорит В. Н. Щепкин, Кирилла к подобной же стилизации глаголических букв. „Стилизация“ глаголических начертаний в духе византийского минускула при-

¹ См.: J. Vajs. Rukověť hláholské paleografie. 1932; С. М. Кульбакин. Древне-церковно-славянский язык. 1917; Н. С. Чаев и Л. В. Черепнин. Курс русской палеографии. 1947.

² В. Н. Щепкин. Учебник русской палеографии, стр. 16.

³ И. В. Ягич. Глаголическое письмо. Серия „Энциклопедия славянской филологии“, вып. 3, II, СПб., 1911, стр. 87.

знается почти всеми авторами, в работах которых так или иначе упоминается о происхождении глаголицы.

Целью данной работы, наоборот, является доказательство противоположного взгляда — именно положения, что вопрос о зависимости глаголической азбуки от средневекового греческого письма должен быть пересмотрен, что в глаголических рукописях древнейшего периода (подлежат рассмотрению лишь памятники X—XI веков) не может быть обнаружено никаких следов влияния минускульного письма; эти рукописи говорят лишь о связях с византийским унциальным письмом, на что указывали уже некоторые исследователи.¹

Прежде всего во всех высказываниях о происхождении глаголицы греческого минускула приходится отметить неточность и неясность от терминологии. Греческое письмо, послужившее якобы образцом для создания первой славянской азбуки, определяется по-разному. Одни авторы называют его скорописью, или курсивом (Щепкин, Кульбакин, Чаев и Черепнин), другие — строчным письмом (Карский), наконец, третьи употребляют термин, принятый в трудах по греческой палеографии, — минускул (Ягич, Вайс).

Но недостаток заключается не столько в неправильном употреблении термина, сколько в том, что ни в одном труде не имеется определения минускула как типа письма, не выясняются характерные его особенности, не устанавливаются наиболее важные отличительные его черты. При доказательстве зависимости глаголицы от греческого минускула обычно отправляются от глаголицы к минускулу, не выясняя, насколько характерные черты минускула отразились в глаголическом письме, и отразились ли вообще. Недостаточно устанавливать зависимость одного письма от другого лишь с помощью выведения начертаний первого из форм последнего, недостаточно утверждать наличие „стилизации“ букв в подражание предполагаемому образцу. Необходимо выяснить, как именно отразились характерные особенности одного письма в другом. Для этого следует сперва с достаточной полнотой определить византийский минускул.

До VIII—IX века в византийской письменности существовали два типа письма: унциал (по обычной терминологии русских работ — устав) и курсив, или скоропись. Унциал употреблялся только как книжное письмо; в качестве такового для него характерно стремление к четкости и красоте; буквы унциала пишутся отдельно, лигатуры почти не употребительны. Унциал есть письмо маюскульное, т. е. письмо, буквы которого заключены между двумя мысленно проводимыми параллельными линиями, за пределы которых не выбрасываются никакие элементы букв, существенно важные для их определения.² Отдельные буквы выбрасывают некоторые элементы за пределы этих мысленных линий (хвостики ζ, ψ, φ, χ), но они не имеют значения для характеристики данной буквы, которая легко определяется по основной ее части, заключенной между двумя линиями. Надстрочные знаки — придыхания и ударения — в византийском унциальном письме VIII—IX веков употребляются редко и нерегулярно; форма придыханий своеобразна — они напоминают молоточки, в иных случаях — лепестки (см., например, рис. 4). Курсив, напротив, употреблялся как канцелярское, обиходное письмо, для написания документов, беглых записей, не предназначен-

¹ См., например: А. И. Соболевский и Г. Ф. Черетели. Образцы греческого уставного письма по преимуществу IX—X века. СПб., 1913, стр. 1.

² О. А. Добиаш-Рождественская. История письма в средние века. Изд. 2-е, Л., 1936, стр. 57.

Протескія курсивныя і минускулныя буквы VIII-IX-X стая	Глаголіцкія буквы дрэвняншых палатнікоў X-XI стая	Кирилловскія буквы дрэвняншых палатні- коў X-XI стая	Протескія уніцальныя буквы IX-X стая
а a a a a a a a a a a	† † † † † † † †	а а а а и и и	а а а а
б б б б б б б б б б б б б б б	Ѡ Ѡ Ѡ Ѡ Ѡ ѡ	Б Б Б Б В В В В	Б Б Б Б В В В В
в в в в в в в в в в	Ѣ Ѣ Ѣ Ѣ Ѣ ѣ	В В В В Г Г Г Г	В В В В Г Г Г Г
г г г г г г г г г г	Ѥ Ѥ Ѥ Ѥ Ѥ ѥ	Г Г Г Г Д Д Д Д	Г Г Г Г Д Д Д Д
д д д д д д д д д д	Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ ѧ	Д Д Д Д Е Е Е Е Е	Д Д Д Д Е Е Е Е Е
е е е е е е е е е е	Ѩ Ѩ Ѩ Ѩ Ѩ ѩ	Е Е Е Е Е Ж Ж Ж Ж	Е Е Е Е Е Ж Ж Ж Ж
ж ж ж ж ж ж ж ж ж ж	Ѫ Ѫ Ѫ Ѫ Ѫ ѫ	Ж Ж Ж Ж З З З З З	Ж Ж Ж Ж З З З З З
з з з з з з з з з з	Ѭ Ѭ Ѭ Ѭ Ѭ ѭ	З З З З З Ч Ч Ч Ч Ч	З З З З З Ч Ч Ч Ч Ч
и и и и и и и и и и	Ѯ Ѯ Ѯ Ѯ Ѯ ѯ ѯ ѯ ѯ ѯ	И И И И Н Н Н Н Н	И И И И Н Н Н Н Н
н н н н н н н н н н	Ѱ Ѱ Ѱ Ѱ Ѱ ѱ ѱ ѱ ѱ ѱ	И И И И Н Н Н Н Н	И И И И Н Н Н Н Н

Рис. 3. Сравнительные таблицы глаголицы и византийского минускула, составленные И. В. Ягичем.
Энциклопедия славянской филологии. Вып. 3, СПб., 1911, стр. 87.

ных для длительного существования. Курсивное письмо есть письмо связанное, изобилующее лигатурами; оно, вследствие своей беглости и связности начертаний, предоставляло большую свободу индивидуальной манере писца в письме, в начертаниях, а поэтому курсив представляет большие трудности для чтения, нежели унциал.

Как унциал, так и курсив, обладали существенными недостатками и значительными достоинствами. Достоинствами унциала были его четкость и красота, но именно эти качества делали унциал более медленным и трудным для написания. Важным недостатком являлось то, что для унциала как письма отдельного требовалось много писчего материала, пергамен же был всегда дорог. В VII веке писчий материал стал еще дороже, так как после завоевания Египта арабами в середине VII века вывоз папируса из Египта в Византию почти прекратился. Наоборот, курсиву при беглости написания, быстроте процесса письма и большей убористости не хватало четкости начертаний. Постепенно, в результате развития этих двух сосуществующих типов письма, возникает классическое письмо средневековья — минускул, служивший одновременно и для написания книг и как канцелярское письмо.¹

Процесс возникновения минускула в Византии приходится на VII—VIII века. К сожалению, древнейшая датированная рукопись этого типа письма помечена 835 годом, т. е. является сравнительно поздней (см. рис. 2). Отсутствие более ранних памятников следует объяснить не только тем, что VII век относится к так называемым „темным векам“ византийской истории, от которых до нас дошло вообще очень мало рукописей, но и теми общими причинами, вследствие которых от богатейшего рукописного наследия Византийской империи сохранились лишь жалкие остатки. Набеги арабов, латинское завоевание 1204 года, позднее — нашествие турок уничтожили множество византийских рукописей. Уже после турецкого завоевания рукописи гибли от небрежного хранения в греческих монастырях, где были сосредоточены рукописные собрания.

Византийский минускул представляет собой регуляризованный курсив. Почти все особенности минускула: формы букв его, лигатуры, манера связывать отдельные буквы между собой — можно найти и в курсиве. Но минускул — письмо книжное, в нем не допускается проявление индивидуальной манеры писца, а потому все начертания минускула строго регуляризованы. Влияние унциала при развитии минускула из курсива сказалось лишь в смысле упорядочения и регуляризации письма, но не в смысле заимствования отдельных форм.² От унциала минускул отличается прежде всего тем, что буквы его расположены по четырехлинейной сетке, т. е. буквы минускула заключены между четырьмя мысленно проводимыми горизонтальными линиями, из которых две внутренние заключают между собой тельце буквы, а две внешние — петли и дуги, существенно важные для характеристики каждой отдельной буквы.

Это возникшее в VIII веке на основе курсива книжное письмо не сразу завоевало себе права, равные с издавна употреблявшимся в качестве книжного письма унциалом. Известное еще в эллинистической

¹ Одновременно тот же процесс развития минускула происходит и на Западе, но там влияние унциала было заметнее.

² Византийские авторы определяли писание минускулом как *σφικιογραφείν*, т. е. письмо связанное, производимое одним движением, без отрыва пера от пергамента. (T. W. Allen. The origin of the greek minuscule hand. Journal of Hellenic Studies, vol. XL, 1920, стр. 1—12).

письменности (на папирусе) употребление различных типов письма (именно — делового и книжного) для различных нужд, для текстов разного содержания и разного назначения имело место и в византийской письменности, где получило дальнейшее развитие. С IX века, после появления минускула, унциал, особенно пышный, так называемый литургический унциал, рассматривается как единственное письмо, пригодное для написания литургических текстов; литургические рукописи, служившие предметом культа, внешним видом должны были соответствовать пышной и торжественной обстановке церкви. Лишь очень постепенно, не ранее X—XI века, унциал уступает свои функции литургического письма минускулу; в свою очередь минускул в качестве литургического письма приобретает своеобразные черты, отличающие его от минускула, которым переписывали кодексы светского содержания. Этот несколько манерный и вычурный литургический минускул был в употреблении у монахов афонских монастырей еще в XVII веке. В IX же веке минускул рассматривался как письмо скорее светское, непригодное для переписки богослужебных книг. То обстоятельство, что древнейшая датированная минускульная рукопись содержит четвероевангелие лишь, подтверждает светский характер минускула. В IX веке для богослужения предназначались евангелия-апракос, где текст располагался в соответствии с церковными службами, распределенными по дням года. Четвероевангелия, текст которых располагался по четырем евангелистам в связном изложении, служили книгой для чтения, для обучения, но не для богослужения, хотя и могли быть для этой цели использованы. Не случайно в Паннонском житии Кирилла указано, что в первую очередь на славянский язык было переведено евангелие-апракос, т. е. текст, практически нужный при отправлении церковных служб.

Таким образом, ввиду существовавшего в Византии применения разных типов письма для различных надобностей, нельзя ожидать, чтобы в качестве образца для вновь создаваемого славянского письма, которое должно было обслуживать именно церковь, было бы взято то письмо, которое не употреблялось в византийской письменности для переписки богослужебных рукописей. Это основное соображение, являющееся, между прочим, веским доводом в пользу кириллицы, как изобретенной Кириллом азбуки, подтверждается рассмотрением и сравнением формальных особенностей глаголического и минускульного письма.

Помимо расположения букв по четырехлинейной сетке, византийскому минускулу присущи, во-первых, связность написания и часто употребляемые лигатуры (в славянской письменности, особенно в русской, из лигатур позднее развился один из важнейших элементов украшения рукописной книги — вязь); связность написания подчеркивает зависимость минускула от курсива. Во-вторых, минускулу присуща характерная форма придыханий. Уже в древнейших минускульных рукописях надстрочные знаки употребляются более или менее систематически, тогда как в унциальных рукописях IX века употребление их случайно. Формы ударений не характерны, формы же придыханий древнейших минускульных рукописей резко отличны от форм придыханий в унциальном письме. В минускуле они представляют собой отчетливо выраженные половинки буквы *Н*. И, наконец, в-третьих, минускулу присуща развитая система сокращений, употребляющая специальные значки для отдельных букв и слогов, а также цельных слов.

Принятое в буржуазной палеографической литературе почти безоговорочно мнение о зависимости глаголической азбуки от византийского

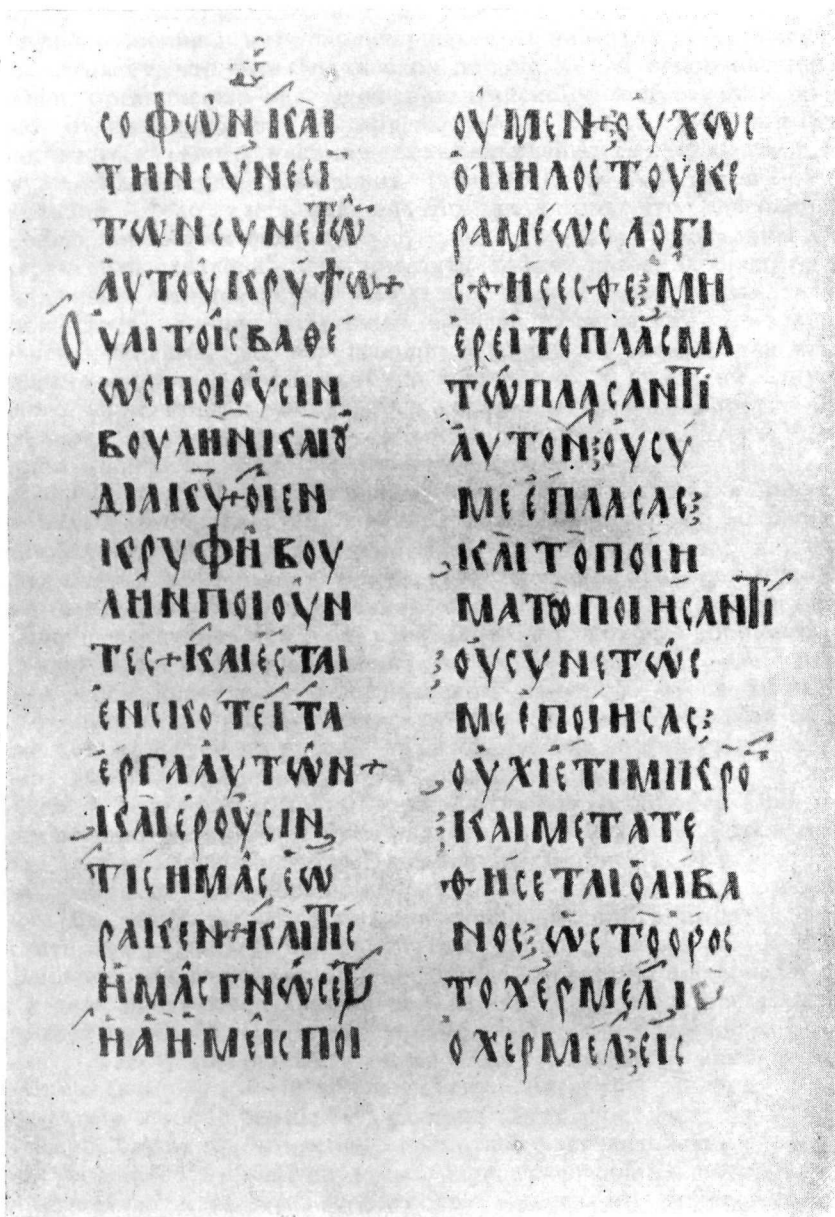

Рис. 4. Образец византийского унциала. Рукопись X века.

Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (шифр: греч. № 52, лист 1 об.).

минускула предполагает, что в глаголическом письме проявляются и легко могут быть обнаружены характерные черты византийского минускула. Установления сходства между некоторыми буквами того и другого письма недостаточно; как уже указано, эти попытки субъективны, подчас ошибочны. Рассмотрение же глаголических рукописей с точки зрения обнаружения в них характерных для византийского минускула черт доказывает, что в глаголическом письме X—XI веков нет никаких признаков, органически присущих византийскому минускулу и принципиально отличающих его от других типов письма. Так, важнейший признак минускульного письма — четырехлинейность — в глаголице отсутствует. Глаголица древнейших рукописей X—XII веков — письмо маюкульное. Дело здесь заключается не в том, что глаголица, по выражению некоторых палеографов, „заимствовала у кириллицы уставный характер начертаний“, а в том, что буквы глаголических рукописей заключены между двумя мысленно проводимыми параллельными линиями. Этот принцип выдержан во всех памятниках с небольшими лишь исключениями, не нарушающими общего правила, так же как удлиненные хвосты некоторых букв унциала (ζ, ψ, φ, χ) не нарушают основного принципа маюкульного письма — двухлинейности. Лишь значительно позже, насколько удалось проследить, в XIV—XV веках глаголица становится письмом минускульным.

Перейдем ко второй из указанных выше характерных для минускула черт — наличию округлостей, петель, вязей, лигатур в глаголице и в минускуле. На этом признаке основываются в первую очередь, говоря о зависимости глаголицы от минускула; именно в этом усматривается обычно наибольшее и несомненное сходство того и другого письма. Глаголица рассматривается как стилизация греческой скорописи (т. е. минускула) с помощью увеличения числа округлостей, дуг, петель, которые якобы присутствуют в греческом минускуле в изобилии. Для глаза, не привыкшего читать минускульную греческую рукопись IX века, наличие „округлостей и петель“ в этом письме несомненно. Однако эти округлости и петли минускула принципиально отличны от петель глаголицы и несут совершенно иную функцию в письме. При внимательном рассмотрении форм букв византийского минускула древнейшего периода (так называемый чистый минускул, см. рис. 2) выясняется, что в этом письме нет ни одной округлости, ни одной петли, которая не являлась бы результатом стремления писца ускорить процесс письма, упростить его. Каждая форма строго рационализирована в смысле максимального сокращения времени, труда, экономии материала. Лигатуры и вязи образуются лишь в результате стремления писать связно, не отрывая пера от пергамента, чем облегчается и ускоряется процесс письма. Буквы унциальной рукописи стоят раздельно, лишь в редких случаях здесь можно встретить лигатуру. Лигатуры минускула всегда представляют собой результат слияния двух соседних букв в одно неразрывное целое. Несомненно, грамотному византийскому обществу VIII—IX веков, когда минускул был еще графическим нововведением, была отчетливо ясна эта особенность минускула, родившегося (как указано выше) вследствие необходимости найти более убористое и быстрое книжное письмо, лишенное недостатков унциала. Напротив, глаголица X—XI веков есть письмо раздельное, в котором лигатуры употребляются редко и мало. Каждая петля глаголической буквы представляет собой некоторый самостоятельный ее элемент, а не возникает вследствие лигатуры или вязи. В. Н. Щепкин утверждает, что именно наличие лигатур „побудило“ Кирилла придать подобные формы созда-

ваемой им славянской азбуке. Но, повторяем, византийцам была ясна строгая экономность и рациональность минускульных лигатур в противоположность раздельному унциальному письму, каждая буква которого требовала отделки в деталях (например треугольнички или капельки на концах горизонтальных линий) и, стоя отдельно от соседних букв, занимала больше места в строке. Глаголица X—XI веков есть письмо раздельное, в котором все элементы, детали букв тщательно выписываются. Раздельное написание букв, тщательная отделка деталей каждой отдельной буквы присущи унциальному письму, свойственному начальному периоду письменности средних веков — оно предшествовало минускулу в славянской и латинской письменности, в Византии, Грузии.

Таким образом и этот важнейший довод в защиту зависимости глаголицы от минускула не имеет под собой твердых оснований.

Следующие две характерные для византийского минускула черты в трудах, касающихся происхождения глаголицы, не упоминаются, хотя они дают дополнительный материал для доказательства того положения, что глаголическое письмо от византийского минускула не зависит.

Как уже отмечено выше, формы придыханий древнейшего минускульного письма резко отличны от придыханий, употребляемых в унциале (см. рис. 4). Однако в глаголических и кирилловских рукописях X—XI веков формы придыханий совершенно одинаковы и представляют собой унциальные формы, заимствованные из греческого унциального письма. К сожалению, роль придыханий в древнейших славянских рукописях еще не выяснена, и потому здесь приходится говорить лишь о формальном сходстве. Ни в одной глаголической рукописи X—XII веков нам не удалось найти формы придыханий, которая, подобно минускульному придыханию, изображала бы собой половинку греческой унциальной *Н*.

Последней из характерных для минускула черт является употребление сокращений. Сокращения в древнейших славянских рукописях, к сожалению, совершенно не привлекают к себе внимания исследователей. В руководствах по славянской палеографии и в остальной литературе, касающейся развития славянских письмен, о системе сокращений в древних славянских рукописях в лучшем случае только упоминается. В то же время исследование системы сокращений, история развития их в славянской письменности, представляет значительный интерес.¹

В византийских унциальных рукописях число сокращений невелико; сокращаются союз *καί*, буква *υ* на конце строки (в виде горизонтальной черточки, надписанной над предыдущей буквой), священные имена (*Nomina Sacra*). Термином *Nomina Sacra* в палеографической литературе принято обозначать некоторые слова, часто встречающиеся в христианских текстах и являющиеся как бы техническими терминами христианского богословия (бог, господь, сын, Христос, Иисус, богородица, отец, мать, крест и т. д.). Слова эти сокращаются с помощью контракции, т. е. стяжения слова путем выпадения в первую очередь гласных.² Эта система сокращений священных слов в греческих текстах включала в себя 15 слов и из унциальных рукописей целиком перешла в минускульную.

¹ И. В. Ягич отмечал необходимость исследовать системы сокращений в славянских рукописях. См.: И. В. Ягич. Марийское Четвероевангелие. СПб., 1883, стр. 418.

² См.: О. А. Добиащ-Рождественская. История письма в средние века, стр. 163 сл.

Но, помимо сокращений, заимствованных из унциальных рукописей, в византийских минускульных рукописях уже в древнейший период употребляются и другие сокращения. Они представляют собой сокращения не цельных слов, но отдельных слогов или букв (α , $\alpha\iota$, $\alpha\iota\varsigma$, $\omega\nu$, $\alpha\rho$, $\eta\varsigma$) с помощью специальных значков.¹

Какие же сокращения мы находим в славянских рукописях X—XI веков? И в глаголических и в кирилловских рукописях употребляются одни и те же сокращения, представляющие заимствования из византийских унциальных рукописей, — сокращения священных слов, сокращение предлога $\omega\tau$ с помощью вынесения буквы t над буквой ω .²

Употребление сокращений в древнейших славянских рукописях X—XI веков отражает ту более древнюю стадию развития письменности, которую сами славянские азбуки уже к XI веку прошли и которая скрыта от глаз исследователя отсутствием памятных знаков. И кирилловская и глаголическая азбуки древнейших сохранившихся образцов представляют собой уже самостоятельно развивающееся национальное славянское письмо. В употреблении же сокращений мы можем еще наблюдать, как, наряду с применением системы, заимствованной из византийской письменности, определенно и твердо намечается то главное направление, по которому в дальнейшем пошло развитие сокращений в славянском письме.³ Но вопрос об употреблении сокращений в славянских рукописях должен составить предмет особого исследования.

Здесь же важно лишь подчеркнуть, что сокращения, употреблявшиеся в византийских минускульных рукописях, не оставили никакого следа в славяно-русской письменности; в древнейших славяно-русских рукописях, как кирилловских, так и глаголических, употребляются одни и те же сокращения, среди которых встречаются такие, которые перешли из византийской рукописной книги, писанной унциалом.

Таким образом и в этом пункте не может быть найдено никакого подтверждения мысли о том, что глаголица зависит от византийского минускульного письма. И в глаголических и в кирилловских рукописях отражаются лишь те черты византийского средневекового письма, которые могли быть заимствованы из унциальных, но не из минускульных рукописей.

Подведем итог вышеизложенному.

Поскольку в глаголических рукописях не обнаруживается никакого влияния византийского минускула, никакого следа объективно присущих минускулу особенностей, постольку необходимо притти к выводу, что вопрос о происхождении глаголицы должен быть вновь пересмотрен; широко распространенное мнение о том, что глаголица есть „стилизация“ минускула, — неправильно. Причины возникновения глаголицы и замены ею кириллицы следует искать в той исторической обстановке, в которой приходилось действовать как самим Кириллу и Мефодию, так и их ученикам. Богослужение на славянском языке, а следовательно и славянская письменность, связанные с греческой церковью, подвергались преследованиям со стороны немецкого духовенства, а потому создатель

¹ См.: Г. Ф. Церетели. Сокращения в греческих рукописях. Изд. 2-е. СПб., 1904.

² Вынесение одной буквы над другой не является в сущности сокращением слова. Это есть лишь особый прием, с помощью которого достигается экономия писчего материала.

³ Поэтому неправ И. В. Ягич, говоря, что титлы и сокращения доказывают лишь „рабскую зависимость славянской письменности от греческой“ (см. его „Маринское Четвероевангелие“, стр. 418).

глаголицы, — кто бы он ни был, — был заинтересован не только в создании письма, которое отражало бы фонетическую систему древнеславянского языка, но он стремился также и к тому, чтобы формы букв новой азбуки были резко отличны от форм греческого алфавита.¹

Хотя в настоящее время и можно надеяться на обнаружение каких-либо доныне еще не известных рукописей или сведений о происхождении славянских азбук, тем не менее не следует пренебрегать детальным палеографическим исследованием сохранившихся памятников. Палеография, оставаясь вспомогательной историко-филологической дисциплиной, составляет также самостоятельный раздел истории культуры. Особую значимость и как вспомогательная дисциплина и как раздел истории культуры палеография приобретает в настоящее время, после выхода в свет работ товарища И. В. Сталина по языкознанию. Руководящие указания товарища Сталина о необходимости изучения языкового родства славянских народов² должны направить внимание советских языковедов и историков на древние славянские и русские рукописи, являющиеся важнейшими памятниками истории языка.

¹ На эту цель указывает акад. Е. Ф. Карский (Славянская Кирилловская палеография, стр. 360), излагая свой взгляд на происхождение глаголицы. Нельзя, однако, согласиться с мнением акад. Е. Ф. Карского, что глаголица есть „стилизация“ кириллицы.

² И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, Гослитиздат, 1951, стр. 30.

Н. А. БАКЛАНОВА

К вопросу о датировке „Повести о Савве Грудцыне“

I

„Повесть о Савве Грудцыне“ известна исследователям очень давно. Общепризнано, что она занимает видное место среди древнерусских повестей. Всеми писавшими о „Повести“ или упоминавшими о ней отмечались две стороны: во-первых, ее отношение к предшествующим литературным произведениям; во-вторых, ее реальная основа — включение в нее автором описания действительно происходивших исторических событий или ссылки на них, упоминание о существовавших личностях, приурочение действия „Повести“ к определенным топографическим пунктам. До недавних лет историков литературы интересовал в „Повести“ почти исключительно вопрос о ее литературных источниках: перебирали произведения литературы и русской, и византийской, и западной и ставили в связь с ними мотивы, развиваемые „Повестью“. Занимаясь этою стороною, исследователи упустили другую — реальную основу „Повести“. Они, конечно, упоминали о ней, но вскользь, как о чем-то хорошо известном и совершенно очевидном, что не требует никаких объяснений и исследований. В „Повести“ говорится о некоторых событиях XVII века, о времени „Расстриги“, о Смоленской войне, называется ряд личностей, известных в истории: царь Михаил Федорович, его шурин боярин Стрешнев и воевода Шеин, ведущий войско под Смоленск, упоминаются личности, менее известные, но относительно которых можно все же установить, что они жили в XVII веке, указываются местности (особенно связанные с Москвой) с названиями, также характерными для XVII века. Отсюда делался вывод, что „Повесть о Савве Грудцыне“ написана в XVII веке. Лишь сравнительно недавно М. О. Скрипиль, специально занимающийся „Повестью“, подверг рассмотрению имеющиеся в ней исторические данные.¹ Но и он исходит из того положения, что „Повесть“ написана в XVII веке, и лишь стремится точнее определить, в какие именно годы этого столетия она составлена. Между тем, самая принадлежность ее XVII веку вовсе не доказана. Только путем детального пересмотра всех исторических данных, содержащихся в „Повести“, можно прийти к какому-либо реальным результатам. Настоящая работа и ставит свою целью произвести такой анализ и сделать соответствующие ему выводы.

Начнем с героя „Повести“. Он носит фамилию, хорошо известную в XVII и начале XVIII века, — Грудцыных-Усовых, чаще просто Грудцы-

¹ М. О. Скрипиль. Повесть о Савве Грудцыне. Труды Отдела древнерусской литературы, т. II, М.—Л., 1935, стр. 181—214; т. III, М.—Л., 1936, стр. 99—152.

ных. Биографические сведения о них имеются в работе М. О. Скрипицы. Он использовал печатные материалы, в которых встречаются упоминания о Грудцких. Но эти упоминания носят случайный характер и не дают возможности составить представления о тех изменениях, которые происходили в семье Грудцких. Этот пробел восполняется архивными материалами, хотя и они не дают исчерпывающих сведений. Историческую хронику этой семьи приходится составлять на основании отдельных фактов, сохранившихся в различных архивных фондах.

Грудцкие происходили из Устюга — города, расположенного при слиянии рек Сухоны и Юга и при начале реки Северной Двины, которая вела к важнейшему торговому порту Русского государства — Архангельску. В Устюге пересекались главные торговые пути; в него поступала вывозившаяся из Сибири пушнина, он являлся также крупнейшим хлебным рынком для всего Севера. Торговля определяла характер занятий большей части населения Устюга, как и всего Поморья вообще: с одной стороны, она доставляла заработок рабочим разных профессий, связанных с транспортом, с другой стороны, способствовала появлению большого числа торговцев, как мелких, местного масштаба, так и оптовых. Из Устюга происходили такие крупные торговые фамилии XVII века, как Босовы, Ревякины, Мамотовы. В ряду их одно из видных мест занимали Грудцкие-Усовы.

Эта фамилия впервые встречается в документах начала XVII века, когда в Устюге жил посадский человек Тимофей Усов, известный также и по своему прозвищу — Грудца. Его дети и внуки назывались то по фамилии — Усовы, то по прозвищу их отца и деда — Грудцкие. Потом то и другое было соединено вместе и получилась двойная фамилия — Грудцкие-Усовы. В конце XVII века представители этой фамилии стали называться просто Грудцкими, и лишь в особо важных случаях, например подписываясь под мирскими приговорами, они прибегали к своей полной, двойной фамилии.¹

В 1630 году у Тимофея в Устюге было четыре лавки, а в Устюжском уезде три деревни с шестью дворами половников. С годами его благосостояние увеличивалось. Это видно из того, что в 1638 году у него уже был двор в Москве, в Белом городе, где-то в районе Пречистенки и Остоженки. Его торговые операции, повидимому, были незначительны, по крайней мере в таможенных книгах его имя не встречается. Но все-таки он был человеком зажиточным. Об этом можно заключить по тому, что в 1619 году Тимофей поднес царю Михаилу Федоровичу серебряный кубок, подробно описанный в столбце Оружейной палаты.² Около 1645 года он умер.

Дети и внуки Тимофея быстро идут в гору, как в материальном отношении, так и в смысле занятия определенного иерархического положения среди торговых людей. В Устюге они владеют уже несколькими дворами и торговыми помещениями.³ Их торговля не ограничивается местным рынком. Они отправляются в Архангельск для закупки товаров. У них есть свои дощаники, на которых они совершают эти путешествия, но их операции настолько велики, что собственных судов им уже не хватает и они пользуются наемными для перевозки своих

¹ Русская историческая библиотека (РИБ), т. XIV, столб. 1120.

² Устюг Великий. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1883, стр. 31, 32; Центральный Государственный архив древних актов (ЦГАДА), ф. Поместного приказа, писцовые книги по Устюгу Великому, №№ 506 и 507; там же, ф. Оружейной палаты, № 346; Груды Московского отдела Русского военно-исторического общества, т. I, 1911, стр. 180.

³ Устюг Великий. . . , стр. 3, 18, 28, 31, 33.

грузов. Часть этих товаров они распродают в Устюге, часть отправляют в Москву, а часть везут на восток — в Казань и Сибирь, где в обмен на них покупают персидские бумажные ткани, а также шелк-сырец и сафьяны. Для отправки в Сибирь, кроме заграничных товаров, служат и русские изделия: холст, сермяжное сукно, мухояр, меховая одежда. Из Сибири приказчики Усовых вывозят меха. Вся эта „мягкая рухлядь“, привозимая на лошадях из Сибири, в Устюге перегружается на суда и отправляется в Архангельск, куда, кроме того, посылаются сельскохозяйственные продукты Севера.

Усовы принимают самое непосредственное участие в этой торговле: сами разъезжают по волостям, отправляются в Москву, Архангельск. Состав их товаров показывает, что они торгуют всем, чем придется, не специализируясь и не думая о количестве: наряду с большими партиями сукон, в таможенных книгах встречаются упоминания об отдельных половинках или даже долях их, а наряду с многочисленными „бороками“ соболей — там записаны отдельные соболя и лисы.¹

Торговля сельскохозяйственным сырьем заставляла Усовых заботиться о расширении своих земельных владений, которые доставляли им хлеб и скот. Поэтому они не жалели денег на их покупку. Очень часто Усовы увеличивали свои владения путем захвата и ростовщических операций. Из сохранившихся документов узнаем, что семья Усовых приобрела таким способом за время с 1624 по 1648 год, т. е. за 24 года, деревни в 16 волостях на сумму 7000 с лишком рублей.² В этом отношении они превосходили не только других торговых людей Поморья, но и таких крупных владельцев капитала, какими были северные монастыри. В 30-х годах XVII века сын Тимофея Яким с детьми Степаном и Силою и племянниками Алексеем и Василием попали уже в ряды торговых людей гостинной сотни.³ Это давало им преимущества в отношении уплаты податей и торговых дел, но в то же время возлагало на них ряд обязанностей, „служеб“, в области таможенного управления и различных казенных поручений. В 1633 году Алексей Усов закупал для казны рожь в Усольском и Устюжском уездах. В следующем году Яким собирал пятину в Перми, у Соли Камской, и в Кайгородке. Алексей и Василий, кроме того, по нескольку раз в 40-е, 50-е и 60-е годы назначались для сбора таможенных пошлин в Архангельске.⁴ Наконец Иван Якимов принимал участие в Земском собрании 1642 года, решавшем вопрос: поддерживать ли казаков, взявших у турок Азов, или нет?⁵ В 1637 году Усовых как людей гостинной сотни обязали жить в Москве, где у них были уже дома, но куда они не спешили переселяться, очевидно не желая оставлять без хозяйского глаза своих торговых дел на севере.⁶

¹ Сведения о торговле Грудцных взяты из таможенных книг Устюга Великого, Тотмы и Соли Вычегодской (см.: Таможенные книги Московского государства XVII в., тт. I—III. Под ред. А. И. Яковлева, Изд. АН СССР, М., 1950—1951).

² ЦГАДА, ф. приказных дел ст. лет, 1632 г., № 17; М. М. Богословский. Земское самоуправление на русском Севере в XVII в., т. I. М., 1909, стр. 110.

³ См., например, ЦГАДА, ф. приказных дел ст. лет, 1630 г., № 72; 1641, № 86.

⁴ О службах Грудцных см.: Е. Сташевский. Пятина 142-го года и торгово-промышленные центры Московского государства. Киев, 1911; Дополнения к Актам историческим (ДАИ), т. III, №№ 23, 38, 116; т. V, № 39; ЦГАДА, ф. приказных дел ст. лет, 1635 г., № 43; 1651 г., № 63, л. 493.

⁵ Собрание государственных грамот и договоров, т. III, стр. 384.

⁶ Труды Московского отдела Русского военно-исторического общества, т. I. М., 1911, стр. 16, 130; ЦГАДА, ф. приказных дел ст. лет, 1646 г., № 154.

Во второй половине XVII века Усовы начинают играть видную роль в Устюге. Они принимают у себя лиц из состава местной администрации, правда еще не очень высокого ранга — пока только подьячих; подписываются как люди с весом первыми под разными мирскими приговорами и челобитными.¹

Таким образом второе и третье поколения Усовых уже вошли в ряды крупных торговых людей, ведущих в широком масштабе торговлю, владеющих деревнями на Севере и пользующихся весом среди поморского уездного мира. Но они еще не были первостатейными торговыми людьми. Это место занял представитель четвертого поколения, считая от Тимофея, сын Ивана Якимовича Василий Иванович Грудцын-Усов.

Торговля Василия Ивановича начинает специализироваться главным образом на продуктах сельского хозяйства, среди которых видную роль играет хлеб. Но хлеб он не продает, а покупает. Это объясняется тем, что он занялся в широком размере винокурением, поставляя вино тысячами ведер на поморские кружечные двory. Винокурня Василия Ивановича находилась в Устюге. Поставка вина была выгодна не только из-за прямых доходов, которые она давала, подрядчиков привлекали и задатки, получаемые ими от казны.²

Кроме винокуренного промысла, Василий Иванович завел еще соляной. В 1660 году ему было пожаловано в Тотемском уезде Леденгское усолье, размеры которого он расширил, приобретая путем покупки и залога соседние крестьянские участки. Наряду с домом в Устюге, Леденгское усолье являлось его главной резиденцией, когда он бывал в Поморье.³

Земли приобретались Василием Ивановичем не только и, может быть, не столько покупкой, сколько попадали к нему в результате залога или прямого захвата, причем, несмотря на совершенную очевидность этих захватов, суд становился на сторону захватчика как более сильного. Таких судебных дел сохранилось несколько. Василий Иванович чувствовал себя настолько прочно, что не боялся вступать в споры даже с такими сильными противниками, какими являлись Строгановы.⁴

Кроме многочисленных деревень на Севере, у Василия Ивановича были дворы в городах, лежавших на пути из Москвы в Архангельск: в Вологде, Устюге, Соли Вычегодской, Холмогорах. В самой Москве у него был двор в Китай-городе на Воскресенской улице (в теперешнем Б. Черкасском переулке между улицей 25 Октября и улицей Куйбышева).⁵

В 1675 году Василий Иванович был возведен в высший для купе-

¹ Городские восстания в Московском государстве XVII в. Сборник документов, собр. К. В. Базилевичем, М.—Л., 1936, стр. 136; ЦГАДА, ф. приказных дел новой разборки, 1663 г., № 1471; ф. приказных дел ст. лет, 1663 г., № 161.

² См., например: ДАИ, т. VI, № 21, стр. 152; РИБ, т. XIV, слоб. 1033; Устюг Великий... стр. 123—124; ЦГАДА, ф. приказных дел ст. лет, 1676 г., № 124.

³ Устюг Великий... стр. 164; М. М. Богословский. Земское самоуправление на русском Севере, т. I, стр. 109—110; Путешествие К. Де-Бруина через Московию. Чтения в Обществе истории и древностей российских (Чтения) 1873, кн. I, стр. 273—274; ЦГАДА, ф. приказных дел ст. лет, 1661 г., № 61.

⁴ ЦГАДА, ф. Строгановских дел, 1660 г., № 2. — О количестве деревень, принадлежавших В. И. Грудцыну, см.: М. М. Богословский. Земское самоуправление на русском Севере, т. I, стр. 106—107.

⁵ ЦГАДА, ф. приказных дел ст. лет, 1705 г., № 50, лл. 1—2; А. А. Зерцалов. Московский Китай-город в XVII в. (по описи 1695 г.). Чтения, 1893, кн. II, Смесь, стр. 7.

чества его времени чин: он получил звание „гостя“;¹ до этого чина не поднимался еще никто из его семьи.² В качестве члена корпорации гостей он неоднократно нес трудную и хлопотливую таможенную службу в Архангельске.³ В 1696 году он был избран гостями в комиссию по наблюдению за ходом кораблестроения в „гостиных кумпанствах“ в Воронеже. В 1699 году в числе 34 гостей он участвовал в выборах во вновь организованную Бурмистерскую палату вместе со своим сыном Семеном, который тоже уже носил звание гостя, хотя ему было в это время только 27 лет.⁴ Этой ранней карьере, очевидно, способствовало видное положение его отца.

В связи с ростом имущественного благосостояния В. И. Грудцына и возвышением его служебного положения изменился круг его знакомств. Если старшие представители семьи Грудцыных водили дружбу с подьячими, то Василий Иванович чувствовал себя на равной ноге с провинциальной служилой знатью. В Архангельске он запросто бывал у воеводы, который делился с ним столичными новостями. В 1675 году при проезде через Архангельск в Москву голландского посольства Василий Иванович в числе важнейших лиц города посещал послов и присылал им подарки.⁵ В 1685 году на пути из Архангельска в Устюг он проезжал к холмогорскому архиепископу Афанасию „для духовной беседы“. Из двух сохранившихся писем его к Афанасию видно, что Василий Иванович посылал ему в подарок то „печь обрасчатую“ (т. е. изразцы для печи), то „в мешечке фунт травы китайской чаю“. Вместе с тем он прибегал к помощи архиепископа в случаях задержки в своих торговых и денежных делах.⁶ О близких отношениях Василия Ивановича с местной администрацией говорят направлявшиеся в Москву жалобы на воеводу, который „дружит гостю Василию Грудцыну“.⁷ В 1693 году в доме Василия Ивановича в Устюге останавливался Петр I во время своего путешествия из Москвы в Архангельск.⁸

Все это указывает на то, что В. И. Грудцын занял видное и, казалось бы, прочное место в бюрократическом мире. Но его благосостояние внезапно рухнуло. Первые признаки надвигающейся катастрофы появились еще в 1698 году. Василий Иванович, взяв вместе с другими торговыми людьми подряд на поставку хлеба для архангельских стрельцов — около 8000 четвертей, не выполнил его в срок, а в Архангельске в это время, вследствие бывшего на Севере три года подряд неурожая,

¹ В таможенной книге Устюга Великого 1673—1674 годов (ЦГАДА, ф. городских книг, № 203) В. И. Грудцын значится еще торговым человеком гостиной сотни, а в следующем году он уже в чине гостя заведует таможенными сборами в Архангельске (см.: Крепостная мануфактура в России, ч. 1. Л., 1930, стр. 301).

² В грамоте устюжскому воеводе 1658 года (РИБ, т. XII, слоб. 393) Сила Грудцын назван „гостем“, но это — явная ошибка. Ни до, ни после этого года ни он и никто другой из представителей семьи Грудцыных, кроме Василия Ивановича и его сына Семена, не носил этого титула. В частности, Сила назван торговым человеком гостиной сотни в документах 1659 (А. А. Титов. Летопись Великоустюжская. М., 1889, стр. 66), 1660, 1661 (ЦГАДА, ф. Строгановских дел, 1680, № 2, лл. 11 и 26) и 1663 годов (там же, ф. приказных дел ст. лет, 1663 г., № 289).

³ ЦГАДА, ф. Оружейной палаты, №№ 26919, 34078; ф. приказных дел ст. лет, 1689 г., № 253; 1698 г., № 202.

⁴ М. М. Богословский. Петр I. Материалы для биографии, т. I. Л., 1940, стр. 363; ЦГАДА, ф. Разряда Белгородского стола стбл. № 1732, л. 83.

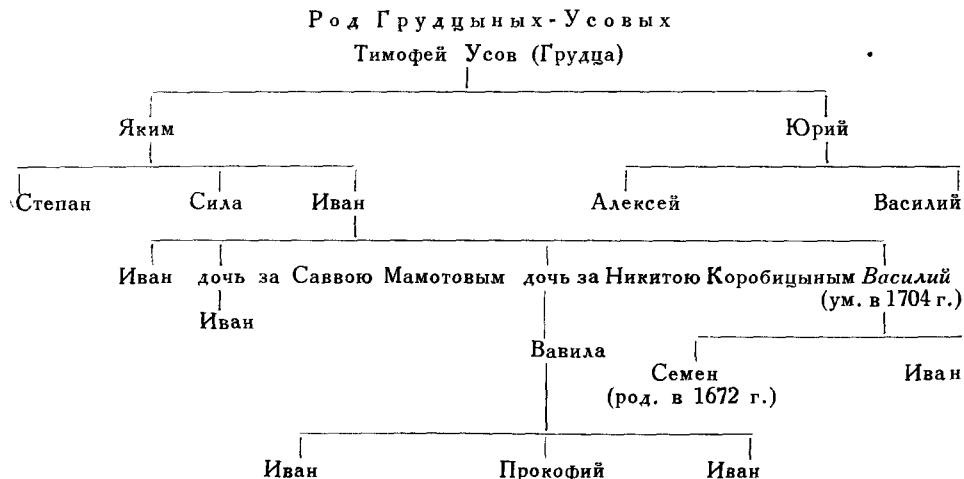
⁵ Посольство Кунраада фан Кленка. СПб., 1900, стр. 307, 331, 348, 349, 562.

⁶ Отдел рукописей ГБА СССР, Румянцовский сборник, № 50: „Грамоты, записи, отписки и разного рода бумаги с 1624 по 1721 год, списанные с подлинников, доставленных из Архангелогородского архива Н. П. Румянцову, 1822 г.“.

⁷ ДАИ, т. X, № 101, стр. 447.

⁸ А. А. Титов. Летопись Великоустюжская, стр. 72.

хлеба купить было нельзя, и стрельцы начали голодать. Подрядчиков велено было выслать для ответа в Архангельск.¹ Василию Ивановичу на этот раз, повидимому, удалось благополучно выйти из затруднения. Однако через несколько лет, уже после его смерти (1704), произошел крах всего предприятия. Его жена и сын Иван (о другом сыне, Семене, упоминавшемся выше, в это время нет никаких сведений) остались разоренными. Как оказалось, В. И. Грудцын не выполнил многих подрядов на поставку нескольких десятков тысяч ведер вина и солода (в Вологде, Тотьме, Устюге, Соли Вычегодской и Яренске), причем деньги им были забраны вперед. Кроме того, он не сдал отчет по таможенному управлению в Архангельске. Вследствие этого велено было описать все его имущество, а сына Ивана выслать в Москву в Семеновскую приказную палату.² Крупное торгово-промышленное предприятие Грудцыных перестало существовать.³ На этом обрываются и наши сведения о дальнейшей судьбе этой семьи.

¹ ЦГАДА, ф. приказных дел ст. лет, 1698 г., № 765.

² Так называлось учреждение, основанное в 1704 году, а в следующем году переименованное в Ингерманландскую канцелярию. Семеновская приказная палата заведывала сборами с торговых бань, бортовых ухажий, инверческих свадеб; в ней также должны были регистрироваться „гулящие люди“, нанимавшиеся на „площадках“ или занимавшиеся мелкой торговлей в разнос. О Семеновской приказной палате см.: Полное собрание законов, №№ 1954—1956, 1958, 1960, 1961, 1965, 1966, 1969, 2000, 2191.

³ Дело об описи имущества гостя В. И. Грудцына хранится в ЦГАДА, в ф. приказных дел ст. лет, 1705 г., № 50. Это дело представляет собою тетрадь, листы которой были пронумерованы в XVIII веке (всего 32 листа). Но, кроме этой пагинации, цифры которой зачеркнуты, на листах тетради имеется еще другая (сделанная также почерком XVIII века), начинающаяся с листа 125. Тетрадь содержит в себе опись той части имущества Василия Ивановича, которая находилась в Тотемском уезде. Очевидно, первоначальная пагинация была представлена подьячим, производившим опись, а затем, по присылке в Москву, эта тетрадь была присоединена к описи других владений Грудцына: земель в Устюжском и Сольвычегодском уездах и дворов в различных городах, причем была сделана общая пагинация. Особенно интересной для нас должна быть опись московского двора Грудцыных. Судя по сохранившимся аналогичным описям, она должна была содержать в себе сведения о строениях, имевшихся на дворе, и о движимом имуществе, хранившемся в них, в том числе в ней должен был быть перечень предметов обстановки в доме, одежды, украшений, домашней утвари и книг. Если бы эта часть описи сохранилась, в распоряжении исследователя оказалось бы значительно больше материалов для суждения об интересах, вкусах и бытовой обстановке жизни гостя Василия Ивановича Грудцына.

II

Обратимся теперь к „Повести о Савве Грудцыне“ и посмотрим, какое отражение нашла реальная историческая хроника в литературном произведении. Прежде всего следует отметить, что автором „Повести“ взята действительная фамилия этой семьи, то двойная—Грудцыны-Усовы, то просто Грудцыны, реже—Усовы. Семья Грудцыных по „Повести“ состоит из отца, матери и сына. Отступлением от действительности являются внесенный в „Повесть“ факт переселения этой семьи из Устюга в Казань и дальнейшее проживание в Казани. Из вышеприведенных данных мы видели, что исторические Грудцыны никогда в Казани не жили. Первоначальным местом их жительства был Устюг, позднее Москва, затем снова Устюг и Леденгское устье. Другим отступлением является сосредоточение торговой деятельности Грудцыных по Камско-Волжскому пути. Из таможенных книг известно, что приказчики Грудцыных торговали в Казани, может быть, они ездили в Астрахань и даже в Персию (хотя прямых указаний на это в документах нет), но основная торговая деятельность самих Грудцыных развивалась между Москвою, Астраханью и Сибирью.

Что хорошо обрисовано „Повестью“ — это выдающееся положение отца героя в купеческой среде и в высших бюрократических кругах. Уже из первых строк читатель узнает, что Фома Грудцын — „муж славен и богат зело“.¹ Далее, сын его Савва обещает отдать бесу за возвращение любви жены Бажена Второго „богатство отца его“, и бес подтверждает: „Аз бо вем, яко отец твой много богатство имать“. Поступив в солдаты, Савва на вопрос полковника о „роде его“ „скажет ему воистину, что славного и богатого купца Фомы Грудцына сын“. Воевода Шеин, призвавший к себе Савву после его победы над тремя польскими воинами, говорит ему: „Аз убо знаю отца и сродников твоих, яко бо бесчисленно богатства имут“. Фома Грудцын пользуется широкой известностью. Когда Бажен Второй узнал, что к Соли Камской приехал Савва, сын Ф. Грудцына, то сейчас же позвал его жить к себе, „яко отец ево со мною имея многую любовь и дружбу“. Бес знает, что Савва „от рода Грудцыных-Усовых из града Великого Устюга (по другим спискам: из Казани)“. Соликамский воевода, услышав, что Савва — сын Фомы Грудцына, „приглашает и юношу оного в дом, зане добре знающе отца его“.

Постоянный упор на богатство Фомы и на его видное положение в высших бюрократических кругах заставляет предполагать, что образом для отца героя служил гость Василий Иванович Грудцын, при котором материальное, а в связи с ним и общественное положение семьи Грудцыных достигло своей высшей точки. Он первый из Грудцыных получил звание „гостя“ — этот высший титул для московских торговых людей — и соединенные с ним привилегии. Из всей семьи Грудцыных только к нему можно применить те эпитеты о славности и богатстве, которые содержатся в „Повести“; только он мог быть известен, притом с оттенком уважения, и северному воеводе, и московскому боярину, и командиру армии.

Перейдем теперь к рассмотрению других исторических данных, привлекаемых „Повестью“.

¹ Цитаты из „Повести“ приводятся по списку из собрания В. Н. Перетца, хранящемуся в Отделе рукописей Института русской литературы Академии Наук СССР и являющемуся, по нашему мнению, одним из наиболее ранних.

Центральным историческим событием, вокруг которого разворачивается рассказ во второй части „Повести“ (со времени отъезда Саввы из Соли Камской), является Смоленская война. Как правильно указал М. О. Скрипиль, здесь имеется в виду, конечно, война 1632—1634 годов, так как во главе войска стоит воевода Шеин. Это — событие большой важности в нашей истории XVII века; отдельные этапы его, полные глубокого драматизма, очень волновали современников. Если боярское правительство, не поддержавшее Шеина в нужный момент, возложило на него потом всю вину за неудачную войну и вставило в его смертный приговор статьи с обвинением в измене, то в народе раздавались совсем другие голоса: „В людях учинялась рознь великая“.¹ Как же отнесся автор „Повести“ к этим событиям? Что мы находим в „Повести“ о Смоленской войне? Там говорится о том, что Савва с бесом в одну ночь перенеслись из Москвы в Смоленск и там невидимками осматривали город в течение трех дней. На четвертый день автор делает их видимыми, очевидно, для того, чтобы вставить в свой рассказ эпизод с переходом через Днепр посуху, когда вода расступилась перед ними. Затем описывается новое появление под Смоленском Саввы и беса уже вместе с армией, трехкратный бой Саввы с польскими воинами и участие его и беса в боях во время польских вылазок. Вот и все, что автор сообщает об этой войне. Реальные события, имевшие место при осаде Смоленска, его не интересуют. Он заменяет их фантастическими, сказочными эпизодами, употребляя столь излюбленный сказками прием трехкратного повторения — 3 дня Савва и бес остаются невидимыми в Смоленске, 3 раза Савва выходит на поединок с польскими воинами. И это в то время, когда в других случаях автор дает очень яркие реалистические картинки, например из торгового и военного быта. Чем это объяснить? Ответ может быть только один: это писал не современник, а человек, для которого реальная история этой войны была не известна и который судил о ней по официальной версии, изложенной в приговоре Шеину и попавшей в Хронограф.

Это предположение подкрепляется рядом других соображений. Некоторые из них указаны М. О. Скрипилем. Первое — автор не знает имени воеводы Шеина, называя его вместо Михаила Борисовича Федором Ивановичем. Второе: вводя в свой рассказ С. Л. Стрешнева, автор называет его боярином, тогда как в действительности в описываемое время ему могло быть всего лет 16—18, а чин боярина он получил лишь в 1655 году,² т. е. спустя 20 с лишком лет после Смоленской войны.

К этим наблюдениям можно присоединить еще одно. Заключительный эпизод „Повести“ разыгрывается в московском Казанском соборе, где происходит „исцеление“ Саввы. Речь идет о том Казанском соборе, который помещался на углу Красной площади и теперешней улицы 25 Октября. В этом месте „Повести“ имеется хронологическая несообразность. Казанский собор был выстроен князем Д. М. Пожарским в память освобождения Москвы от польской интервенции. Он строился в 30-е годы XVII века и был освящен в 1637 году,³ т. е. через три года после

¹ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. II, стлб. 1209; Русский биографический словарь, изд. под ред. А. А. Половцова, т. „Шебанов — Шютц“. СПб., 1911, стр. 41—59.

² Н. Н. Голдцын. Указатель имен личных, упоминаемых в Дворцовых разрядах. СПб., 1912, стр. 242.

³ Русский биографический словарь, т. „Плавильщиков—Примо“, СПб., 1905, стр. 246.

окончания Смоленской войны и казни Шеина. Это само по себе уже указывает на несоответствие рассказа „Повести“ реальным историческим данным. Кроме того, автор рассказывает о крестном ходе в Казанский собор, в то время как в царствование Михаила Федоровича еще не было крестных ходов из кремля в Казанский собор. Михаил Федорович, хилый и болезненный, „ножками скорбевший“, вообще с трудом покидал кремль. Даже в обязательной церемонии „шествия на осяти“ его в последние годы царствования заменял сын, будущий царь Алексей Михайлович, так как длинное шествие из Успенского собора через Спасские ворота и через всю Красную площадь в Казанский собор в тяжелом парадном одеянии для него было непосильно. Этот ход, повидимому, был установлен царем Алексеем Михайловичем, гораздо более подвижным, чем отец. Первое упоминание об этом ходе мы встречаем в 1647 году, когда „июля в восьмой день ходил государь в ход за кресты и обедни слушал у праздника пречистые богородицы у Казанские“.¹ С этого года крестный ход в Казанский собор восьмого июля вошел в обычай и повторялся ежегодно и при Алексее Михайловиче и при его преемниках. Если его почему-либо не бывало, то этот факт заносился в Дворцовые разряды с объяснением причины.² Этого обычая придерживался в юности и Петр I. Во время крестного хода 8 июля 1689 года произошло известное столкновение его с сестрой, царевной Софьей. Позднее Петр перестал соблюдать установленные обряды, но его брат, Иван Алексеевич, участвовал в этом крестном ходе. Записи об этом сохранились в Дворцовых разрядах за весь XVII век.³

Итак, рассмотренные факты — описание Смоленской войны, упоминание о некоторых исторических лицах и отнесение более поздних событий ко времени Смоленской войны 1632—1634 годов — показывают, что автор „Повести“ не мог быть современником Смоленской войны и что „Повесть“ составлена позднее.⁴

Уже сказано, что М. О. Скрипиль, занявшийся датировкой „Повести“, исходил, как и предшествующие исследователи, из утверждения о том, что „Повесть“ написана в XVII веке, и лишь старался уточнить время ее появления в пределах этого столетия. Он относит ее составление к 1666—1668 или ближайшим за ними годам. У М. О. Скрипиля два довода. Он находит, что стрелецкое войско до 1682 года делилось на приказы, во главе которых стояли „головы“, но в 1682 году старая терминология стрелецких войск была заменена терминологией, давно уже принятой в солдатских частях. Приказы стали называться полками, стрелецкие головы — полковниками, стрелецкие полуголовы — подполковниками, стрелецкие сотники — капитанами. „Повесть о Савве Грудцыне“, — говорит М. О. Скрипиль, — знает старое деление стрелецких войск на приказы и старое обозначение должностных лиц в приказах. В ней мы читаем: «Той же Савва поставлен бе на Устретенке в Земляном городе, в Зимине приказе в дома стрелецкого сотника именем Иакова Шилова». Эта терминология проходит через всю повесть о Савве Грудцыне.

¹ П. Строев. Выходы государей царей и великих князей, М., 1844, стр. 102, 119, 161.

² Там же, стр. 183, 210, 260, 291, 333, 358, 381, 402.

³ Дворцовые разряды, т. III, стр. 631, 803, 960, 1517; т. IV, стр. 165, 225, 241, 358, 392, 457, 562, 700, 804, 900, 1057, 1075.

⁴ В некоторых списках „Повести“ вводится еще один факт: Савву постригает сам патриарх Филарет. Здесь также получалась хронологическая несообразность: Савва не мог быть пострижен ранее 1634 года, в то время как патриарх Филарет умер уже в 1633 году.

Весьма естественно предположить, что этой терминологии мы в «Повести» не встретили бы, если бы она была написана позже 1682 г.¹

Вывод автора был бы правилен, если бы послыки его были верными. Но, во-первых, в «Повести» терминология вовсе не выдержана так, как это кажется автору, а именно: наряду со стрелецкими «приказами» (этот термин встречается в «Повести» один раз, он указан автором) в ней имеется и другое наименование — стрелецкие «полки». «По повелению ж цереву все новобранные солдаты розданы по стрелецким полкам в дополнку». Отсюда видно, что «Повесть» пользуется одинаково обоими обозначениями. Во-вторых, автор ошибается, считая, что с 1682 года название стрелецких полков «приказами» не употреблялось. Так, в указе от мая 1682 года стрелецкому полковнику Семену Грибоедову о наказании его за притеснения стрельцов между прочим сказано: «Государь указал и бояре приговорили... тебя от приказа отставить и полковничей чин у тебя отнять... а у приказу на твое место быть иному полковнику». В челобитье, поданном московскими стрельцами 6 июня 1682 года о постановке на Красной площади столба с перечислением их заслуг, они называют себя стрельцами «московских приказов». В царской окружной грамоте о созыве дворянского ополчения, разосланной в сентябре того же года, говорилось: «Московские стрельцы всех приказов... нам, государем, изменили... били челом нам, великим государем, на полковников, которые у них в приказах были». Но и позднее 1682 года в документах встречаем также иногда старую терминологию. Например в грамоте Иова, митрополита новгородского и великолукского, от 15 апреля 1698 года читаем: «В нынешнем 206-м году апреля в 14 день били челом нам, преосвященному митрополиту, лудские стрельцы Яковлева приказу Максимова сына Коптева».² Кроме того, и новые обозначения должностей в стрелецких полках привились не сразу. В стрелецком розыске 1698 года не встречаем термина «капитаны»; вместо него стоит еще старое название.³

Итак, мы видим, что и в 1682 году и позднее в документах еще встречаются старые обозначения и стрелецких полков и должностей в них. Если официальные документы употребляют эти наименования, то тем шире это должно было применяться в бытовом языке, который вообще гораздо консервативнее. Таким образом первый довод М. О. Скрипиля отпадает.

Но у М. О. Скрипиля есть еще другой. «В «Повести о Савве Грудцыне», — говорит он, — упоминается о «Зимине приказе». Во второй половине XVII века среди стрелецких голов известен Зима Васильевич Волков. Исторические документы упоминают о нем с 1652 г. по 1668 г. Мы не знаем точно, когда Зима Васильевич Волков умер, но, вероятно, это случилось вскоре после последнего упоминания о нем в «Делах Тайного приказа». В «Повести о Савве Грудцыне», очевидно, идет речь о его приказе, и соответствующее место в полном виде должно читаться так: «Той же Савва поставлен бе на Устретенке в Земляном городе, в Зимине приказе Волкова...». Так как, с одной стороны, «Повесть о Савве Грудцыне» не могла быть написана раньше смерти С. А. Стрешнева, т. е. 1666 г., а с другой стороны, приказ, о котором в ней идет речь, мог называться Зиминим только при жизни З. В. Волкова, т. е. до 1668 г., то очевидно, что «Повесть о Савве Грудцыне» была напи-

¹ М. О. Скрипиля. Повесть о Савве Грудцыне. Труды Отдела древнерусской литературы, т. II, стр. 208—209.

² Акты Археологической экспедиции, т. IV, М., 1946, №№ 254, 255, 262, 316.

³ М. М. Богословский, Петр I, т. III, раздел о стрелецком розыске.

сана или в 1666—1668 годы или в ближайшее к этим годам время, пока в памяти современников З. В. Волкова по привычке еще сохранилось название «Зими́на приказа»¹.

Этот довод — серьезный. Здесь указано определенное лицо, действительно жившее в указанные М. О. Скрипилем годы и занимавшее должность стрелецкого сотника.² Другого стрелецкого сотника с этим именем в документах XVII века не встречается. „Повесть“ указывает и его местожительство: в Земляном городе на Сретенке. Стрелецкая слобода в этом месте действительно существовала в XVII веке.³ В ней было две приходских церкви: Николы в Грачах и Троицы. Первая находится на углу Садово-Сухаревской и Трубной улиц, вторая — в конце Сретенки.⁴ Церковь Николы в Грачах также упоминается в „Повести“: из этой церкви приводят священника к больному Савве, живущему в доме стрелецкого сотника Якова Шилова. Казалось бы, что точность этих сведений служит неопровержимым доказательством знакомства автора „Повести“ с данным лицом и тем самым дает возможность принять дату написания „Повести“, устанавливаемую М. О. Скрипилем. Однако при проверке выясняется, что в указанные годы Стрелецким приказом, помещавшимся в районе церквей Николы в Грачах и Троицы, заведывал не Зима Волков, а другое лицо, также хорошо известное в XVII веке, — голова Василий Пушечников. Его имя часто встречается в Дневальных записках приказа Тайных дел в качестве начальника стрелецкого караула, оберегавшего царский дворец; он, как и другие стрелецкие головы, привлекался к управлению подмосковным дворцовым селом Измайловым. Василий Пушечников со своим приказом принимал участие в польской войне: в 1659 году у него был бой с поляками в местечке Бешенковичи Витебского уезда; 12 июля 1660 году он со своими стрельцами присутствовал на смотре, устроенном воеводою Иваном Андреевичем Хованским в г. Полоцке.⁵

Обе указанные выше церкви в описи московских церквей 1657 года и в документах Тайного приказа за 1660-е годы называются церквями „в стрелецкой слободе в Васильеве приказе Пушечникова“.⁶ Значит Зима Волков заведывал каким-то другим стрелецким приказом. Далее. Фамилия Шилова (стрелецкого сотника, в доме которого, по „Повести“, жил Савва) действительно встречается в числе стрелецких сотников, но опять-таки не в приказе Зимы Волкова, а в приказе Михаила Ознобишина. На смотре войск в Полоцке 12 мая 1660 года из приказа убитого в бою под Полонкой М. Ознобишина присутствовали три сотника и среди них Владимир и Афанасий Шиловы.⁷

¹ Труды Отдела древнерусской литературы, т. II, стр. 209.

² Документы, в которых встречаются упоминания о Зиме Волкове, указаны в работе М. О. Скрипиля. Кроме этого, см.: Дневальные записки приказа Тайных дел, стр. 13, 60, 131, 139, 143, 144, 146; Дворцовые разряды, т. III, стлб. 270, 619, 628, 638; Дополнения, стлб. 141, 146, 217; РИБ, т. XXIII, стлб. 606 и др.

³ С. К. Богоявленский. Московские слободы в XVII в. Московский край в его прошлом, ч. 2. М., 1930, стр. 122.

⁴ И. Е. Забелин. Материалы для истории, археологии и статистики г. Москвы, ч. 1. М., 1884, стлб. 622, 679—680.

⁵ Дворцовые разряды, т. III, стлб. 170, 186, 188, 193, 199, 207, 214, 217, 257, 309, 620, 884, 920, 1010, 1072, 1264, 1265; т. IV, стлб. 193, 423; Дневальные записки приказа Тайных дел, стлб. 60, 129; Акты Московского государства, т. II, стр. 637—639; т. III, стр. 66, 118, 149, 395; РИБ, т. XXI, стлб. 176, 396, 595, 906, 1027, 1071 и др.

⁶ И. Е. Забелин. Материалы для истории, археологии и статистики г. Москвы, ч. 2. М., 1891, стлб. 196, 198; РИБ, т. XXIII, стлб. 1043, 1648.

⁷ Акты Московского государства, т. III, стр. 118; РИБ, т. XXI, стлб. 1224, 1390, 1518.

Таким образом выходит, что такие, казалось бы, точные сведения, какие сообщаются в „Повести“, являются в действительности неверными. А раз так, значит на них нельзя базироваться при датировке „Повести“ и для нее надо искать других отправных точек.

„Повесть“ уделяет большое внимание военному делу. В ней говорится о наборе солдат, об их обучении, о бытовых условиях их жизни, причем чувствуется, что все это автору хорошо известно; здесь он пишет действительно как современник, знакомый со всеми мелочами этой жизни. Однако и в этом случае при внимательном рассмотрении мы наталкиваемся на некоторые несообразности. Так, в „Повести“ говорится, что „тогда все новобранные солдаты розданы по стрелецким полкам в дополнку“ (в других списках — „в добавок“). Видимо, автор хотел этим указать на какое-то соединение двух родов войск: старого стрелецкого и полков нового строя (в состав последнего входили и солдаты).

Вопрос о преобразованиях, произведенных в устройстве русской армии в XVII веке, к сожалению, детально еще не изучен, но все-таки в общих чертах смысл этих преобразований известен.

В первой четверти XVII века русская армия составлялась из дворянского ополчения и стрелецкой пехоты. Иногда к этим составным частям добавлялись еще отряды иностранных ландскнехтов. Готовясь к походу на Смоленск в 1632 году, русское правительство впервые решило усилить отряды войск нового строя полками, сформированными из русских солдат.

В состав армии Шеина, сражавшейся под Смоленском, вошли: дворянская конница в количестве 11187 человек, украинские казаки — 1892 человека, стрельцы — 1112 человек, иноземцы — 2700 человек и шесть русских солдатских полков численностью в 14331 человек.¹ Но стрельцы и солдаты составляли совершенно разные воинские части, независимые одна от другой; к ним никак не может быть применено выражение „Повести“, что солдаты были „розданы по стрелецким полкам в дополнку“. И значительно позднее, во время азовских походов 1695 и 1696 годов, обе эти категории существовали также порознь, не смешиваясь.²

Когда же произошло соединение стрелецких полков с солдатскими, о котором упоминает „Повесть“? Для ответа на этот вопрос приходится обратиться к более позднему времени. Известно, что после стрелецкого бунта 1698 года, сопровождавшегося розыском и казнями, московские стрелецкие полки были расформированы и стрельцы, оставшиеся в живых, разосланы по городам и записаны в тягло.³ В этом же году были приняты меры и относительно провинциального стрелецкого войска.

Указом 11 сентября 1698 года было велено и в городах „впредь стрельцов стрельцами не писать, а велеть их писать солдатами ... потому что на Москве и во всех городах стрелецкий чин отставлен, а вместо стрельцов велено быть солдатам“. Однако вскоре (1 января 1699 года) этот указ был отменен: „А ныне указали мы тех стрельцов писать попрежнему стрельцами...“. Таким образом городовые стрельцы продолжали существовать и после расформирования стрелецкого войска,

¹ Разрядные книги, т. II, стр. 385—390.

² М. М. Богословский. Петр I, т. I, Л., 1940, раздел об азовских походах.

³ Полное собрание законов, №№ 1634, 1979.

которое произошло в 1698 году. Так, еще в 1701 году в ведении Стрелецкого приказа числилось 7624 стрельца.¹

На основании вышеизложенного мы считаем, что толковать слова „Повести“ „солдаты были розданы по стрелецким полкам в дополнку“ следует в связи с теми реформами в войске, которые были произведены в самом конце XVII века.

Сцены солдатского набора и обучения, изображенные в „Повести“, создают такое впечатление, что этот набор был произведен в широком масштабе. Здесь речь идет не о тех шести полках, которые были набраны для Смоленской войны 1632—1634 годов. В „Повести“ чувствуется насыщенность военной атмосферой. В ней обучение солдат новому строю рассматривается не как новинка, а как нечто обычное. В Шуче, где находятся Савва с бесом, войска обучает сначала русский „инструктор“, которым является Савва, а уже в Москве — немецкий полковник. Значит, предполагается уже знакомство русских людей с новым строем, раз они сами могут руководить обучением. С другой стороны, способ комплектования — набор вольных людей в широком масштабе (бес говорит Савве: „запишемся и мы в солдаты“) — стал практиковаться лишь в конце XVII века, когда при наборе войска для азовского похода Петром I был издан указ о приеме „охочих людей“ даже из числа холопов без разрешения их господ, приведший в немалое смущение и беспокойство дворянство, как это видно из записок Желябужского.² Однако по-настоящему массовый набор „охочих людей“, когда „кликали вольницу в солдаты“, стал практиковаться еще позднее — в Северную войну, когда было „прибрано“ 29 новых полков, по 1000 человек к каждому (правда, в них были, кроме „вольных людей“, и „даточные“ — рекруты).³ Это ополчение по своей дисциплине было еще далеко от настоящей регулярной армии. Нарвская битва показала малую пригодность этого войска и повела к созданию настоящей регулярной армии путем постоянного обучения периодически поставлявшихся рекрутов.

„Повесть“ содержит в себе данные для характеристики солдат именно с такой стороны: во-первых, Савва с бесом по своему желанию уходят из армии, потом, по возвращении в Смоленск, снова вступают в нее, а затем совсем бросают войско под Смоленском и уезжают в Москву. Автор „Повести“ говорит об этом, как о чем-то обычном, не видит в этом никакого нарушения дисциплины. Во-вторых, в ротах, или „командах“, по терминологии „Повести“, происходят волнения; снабжение армии не координировано, оно находится в руках отдельных командиров. Это напоминает состояние регулярной армии в самом начале Северной войны и ту характеристику, которую ей дал сам Петр.

Таким образом сравнение той части „Повести“, которая касается военного быта, с фактами из этой области приводит к заключению, что черты действительности, имеющиеся в ней, гораздо ближе к началу XVIII века, чем к XVII веку. Кроме того, штрихи, которыми она рисует личность царя Михаила Федоровича, в действительности скорее можно отнести к Петру I. В самом деле, воинские успехи Саввы становятся известны самому царю; бес говорит Савве: „царь узнает твою службу и повысит тебя в чине“. Эту и подобные ей фразы, подразумевающие

¹ П. Н. Милюков. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII в. и реформа Петра Великого. Изд. 2-е, СПб., 1906, стр. 104; Н. Г. Устрялов. История царствования Петра Великого, т. III. СПб., 1858, стр. 243—244; т. IV, ч. 2, СПб., 1863, стр. 467.

² Записки Желябужского. СПб., 1840, стр. 150.

³ М. М. Богословский. Петр I, т. IV, 1947, стр. 177.

доступность царя для солдат, трудно отнести к царям XVII века, окруженным строгим полудерковным дворцовым ритуалом, и особенно к бледной, инертной фигуре Михаила Федоровича; такая фраза гораздо более уместна по отношению к Петру.

Если статья на эту точку зрения — о принадлежности „Повести“ к XVIII веку, тогда легко объясняется и ошибка в имени такого известного для XVII века лица, каким был воевода Михаил Борисович Шеин. „Повесть“ называет его Федором Ивановичем. Почему взято именно это имя? Если мы обратимся к родословию Шеиных, то увидим, что у боярина Алексея Семеновича Шеина, главнокомандующего во втором азовском походе (1696), был племянник Иван Васильевич, а у последнего — сын Федор Иванович.¹ Судя по тому, что А. С. Шеин в 1671 году был уже стольником, а умер в 1700 году,² его внук мог быть уже взрослым человеком в начале XVIII века. Двор Шеиных находился на Ильинке между Воскресенской улицей и Введенским переулком,³ т. е. очень близко от дома Грудцыных, который был расположен на Воскресенской улице. Если считать, что „Повесть“ вышла из семьи Грудцыных или из круга, близкого к ней,⁴ то вполне вероятно, что автор, не зная имени боярина Шеина, воеводы в Смоленском походе, воспользовался известным ему именем его потомка, которого он знал или о котором во всяком случае слышал.

Правда, на это можно возразить: если это так, то почему же автор правильно передает имя другого боярина, жившего в то же время, когда жил и М. Б. Шеин? Если он не знал имени последнего, вследствие того что не был его современником, то почему же ему было известно имя Стрешнева, которое он называет совершенно правильно? Но, во-первых, и относительно Стрешнева автором „Повести“ допущена ошибка. Как заметил М. О. Скрипиль, автор „Повести“, правильно называя Стрешнева Семеном Лукьяновичем, титулует его боярином, тогда как во время Смоленской войны ему было всего 16—18 лет и боярский чин получен им только в 1655 году. Следовательно, и здесь налицо перенесение факта из более позднего в значительно более раннее время. Что же касается правильности имени Стрешнева, то оно могло быть хорошо известно автору, хотя он и не был современником описываемых событий. Дело в том, что Семен Лукьянович Стрешнев с 1657 года до своей смерти (1666) был начальником приказа Устюжской четверти⁵ — учреждения, которому была подведомственна значительная часть Поморья, именно те уезды, в которых находились владения Грудцыных. В руках автора, если он был близок к последним, могли находиться документы Грудцыных, в которых и сохранилось это имя. Оно вместе с именем царя, которое, конечно, не могли не помнить и значительно позднее его царствования, — единственные собственные имена исторических лиц, правильно переданные автором „Повести“ (если не считать неудачно помещенное имя Зимы Волкова, да и здесь автор называет только имя, без фамилии).

¹ П. Долгоруков. Российская родословная книга, ч. IV. СПб., 1867; А. Н. Зерцалов. Московский Китай-город в XVII в. Чтения, 1893, кн. 2, стр. 8.

² О нем см.: Дворцовые разряды, т. III (дополнения) и т. IV.

³ С. Белокуров. Планы г. Москвы XVII века. М., 1898, стр. 24—25.

⁴ Имя героя повести „Савва“ встречается в кругах, близких к семье Грудцыных. Саввою звали гостя Мамотова — мужа сестры Василия Ивановича. Это же имя носил дворник Савва Семенов, живший в 1695 году во дворе В. И. Грудцына на Воскресенской улице в Китай-городе.

⁵ Русский биографический словарь, т. „Смеловский—Суворин“, СПб., 1909, стр. 584—588; С. К. Богоявленский. Приказные судьбы. М., 1946, стр. 299.

Если вспомнить, что черты, которыми в „Повести“ описан отец героя — Фома Грудцын, из всех Грудцыных подходят только к гостю Василию Ивановичу, умершему в 1704 году, то мы увидим, что не остается ни одного соображения, которое говорило бы в пользу отнесения „Повести“ ко времени описываемых в ней событий или к близкому за ним. Трактовка исторических событий и ошибки в выборе и наименовании действующих лиц заставляют отодвинуть время составления „Повести“ к началу XVIII века.

III

Предположение о принадлежности „Повести“ к XVIII веку находит себе подтверждение в терминологии, употребляемой автором. В „Повести“ встречаются слова, незнакомые XVII веку и появившиеся позднее.

К числу слов XVIII века, встречающихся в „Повести“, следует отнести три технических военных термина: „экзерциция“, „команда“, „воинский артикул“. В XVII веке этих слов не употребляли. Мы не найдем их ни в официальных документах и деловых бумагах, ни в бытовом, разговорном языке, ни в книжном употреблении.¹ Из них появившиеся слова „артикул“ приходится связывать с воинскими артикулами или уставами петровского времени (хотя в „Повести“ этот термин употреблен в другом значении — ружейного приема). Из военных руководств, переведенных и выпущенных при Петре I, которые могли способствовать усвоению военных терминов, можно назвать: „Артикул краткий, выбранный из древних христианских воинских прав“ (1705), „Артикул воинский купно с процессом, надлежащий судящим“ (1715), „Книга о экзерциции, церемониях и должностях, воинским людям надлежащих“ (1715), „Артикул воинский с кратким толкованием“ (1715), „Артикул воинский купно с процессом, надлежащий судящим“ (1717).²

Наличие ряда терминов, не употреблявшихся в языке XVII века, также заставляет перенести появление „Повести“ в XVIII век. Могут быть, конечно, попытки объяснить появление этих терминов позднейшими наслоениями. В „Повести“ действительно встречаются такие наслоения. Например, вместо „государский“ в некоторых списках стоит „государственный“, вместо „царский“ — „царского величества“. Эти замены указывают на то, что список, в котором они встречаются, является более поздним. Но термины XVIII века, указанные выше, имеются налицо решительно во всех просмотренных нами списках и притом в одних и тех же местах текста. Для того чтобы считать их „наслоениями“, необходимо найти хотя бы один случай, в котором бы вместо этого „наслоения“ стоял первоначальный термин, а этого ни в одном из списков „Повести“ нет. Таким образом употребление в „Повести“ этих терминов также указывает на принадлежность ее к XVIII веку.

¹ Для установления того факта, что автор „Повести“ не мог заимствовать военных терминов из специальной литературы, известной у нас в XVII веке, нами был просмотрен текст „Учения и хитрости ратного строю пехотных людей“ — единственного переводного руководства, вышедшего в московской типографии в XVII веке и имевшего довольно широкое распространение, по крайней мере в высших кругах (если судить по сохранившимся описям библиотек XVII века). В этой книге указанных терминов не встречается. Появление же их лишь в начале XVIII века подтверждается данными картотеки, составленной для словаря древнерусского языка, подготавливаемого Институтом языкознания Академии Наук СССР.

² П. П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. II. СПб., 1862.

В пользу этого предположения говорит ряд наблюдений. Это прежде всего отсутствие списков „Повести о Савве Грудцыне“ ранее XVIII века. Большая часть списков ее относится ко второй половине и к середине XVIII века, сравнительно меньше к XIX веку и совсем немного к началу XVIII века.¹ За позднее появление „Повести“ говорит и отсутствие сколько-нибудь значительных вариантов ее. В отдельных списках „Повести“ имеются небольшие различия, касающиеся преимущественно редакционной стороны; это — скорее разночтения, не меняющие ничего в содержании „Повести“. Наконец некоторым соображением в пользу позднего появления „Повести“ служит также отсутствие ее в тех библиотеках XVII века, описи которых сохранились.

Все указанные особенности „Повести“ заставляют перенести время ее появления из XVII в начало XVIII века.

Наблюдения над „Повестью“ дают возможность сделать предположение о ее авторе.

Прежде всего через всю „Повесть“ проходит одна черта — это хорошее знание автором купеческого быта. Автор берет себе героя из купеческой среды, причем он относит его к одной из крупнейших купеческих фамилий конца XVII — начала XVIII века. Автору хорошо известен торговый путь, идущий из Соли Камской в центр государства. Он называет пункты, лежащие на этом пути: Соль Камскую, Орел (городок на реке Каме, принадлежавший Строгановым), Козьмодемьянск, Павлов Перевоз (очевидно, этим именем названо крупное в XVII веке торговое село Павлово на реке Оке, насчитывавшее в середине XIX века 8500 жителей). Он знает даже, что в Павлове Перевозе бывает базар по четвергам; очевидно, он сам там бывал. Следуя далее по этому пути, ведущему по рекам Оке и Москве к городу Москве, автор, не доезжая последней, сворачивает из Оки в Клязьму, а оттуда в Тезу и доходит до города Шуи. Чем это объяснить? Шуя в XVII и начале XVIII века была довольно видным торгово-промышленным городом. Еще в 1629 году в нем существовало 45 лавок и гостиный двор, на котором было отделение английской торговой компании, присылавшей в Шую свои товары из Архангельска. Два раза в год в Шую бывала ярмарка. Жители города вели оптовую хлебную торговлю, составлявшую их главный доход („посадкие люди тем и кормятся и подати всякие государевы платят“). Население занималось также кожевенным и мыловаренным производствами.² Возможно, что В. И. Грудцын, производивший, как указано выше, большие закупки хлеба, был связан и с Шуей, поэтому она и остановила на себе внимание автора „Повести“. Автор знаком также и с торговлей, производившейся с Персией; он знает, что из Казани ездили в Астрахань, а оттуда „за море“, где торговые люди оставались долгое время. Он с особым вниманием относится к Орлу, перенося в него местный административный центр, в то время как в действительности этот центр помещался в Соли Камской

¹ Из 62 рукописных текстов „Повести“, перечисленных в „Библиографии древнерусской повести“, составленной В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской (М.—Л., 1940), лишь один (помещенный под № 2 список ГПБ, Погодинск. № 1774) отнесен к XVII веку. Однако при проверке оказалось, что он написан скорописью XVIII века на бумаге с монограммой ЛИК того начертания, которое помещено у К. Я. Тромонина (Знаки писчей бумаги. М., 1844) под № 740 и у Н. П. Лихачева (Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве. СПб., 1891) под № 576 и относится к 1733 году. Следовательно, и этот список не может быть отнесен ко времени ранее второй четверти XVIII века.

² В. Борисов. Описание г. Шуи и его окрестностей. М., 1851, стр. 60—61, 67—69.

(последняя в изложении автора становится названием района, а не административного пункта). В этом преувеличении значения Орла также можно видеть проявление интереса автора к торговым делам. Если мы перейдем к той части „Повести“, которая связана с Москвой, то увидим, что автор особо отмечает пункты, расположенные близ Красной площади, главного средоточия торговли в Москве, — Ветошный ряд и Казанский собор на углу Красной площади и Никольской улицы.

Таким образом выбор героя, знакомство с торговыми путями и с определенными торговыми пунктами, знание даже дней базара в одном из них и особый пиетет, который автор питает к крупному купечеству (его „славность“ и „богатство“) — все это, думается, с несомненностью указывает на то, что автор имел ближайшее отношение к торговле, т. е. или сам являлся членом крупной торговой семьи, или принадлежал к числу ее приказчиков.

Во второй части „Повести“ обнаруживается, что автор знаком также и с военным бытом (набор солдат, их обучение, быт военных „команд“). При этом в „Повести“ нет какого-либо описания устройства армии; в ней рассыпаны отдельные мелкие факты, которые могли быть известны только лицу, жившему в той обстановке, о которой идет речь. Отсюда можно сделать заключение, что автор, вследствие каких-то „превратностей судьбы“, оставив свои торговые дела, поступил „охочим человеком“ в солдаты.

Из „Повести“ видно хорошее знакомство автора с Москвою. Автору знакома и окраина Москвы — стрелецкая слобода в районе Земляного города и Сретенки с церковью Николы в Грачах — и ее центральная торговая часть — Китай-город с Красною площадью, Казанским собором и Ветошным рядом. Характерно, что самый Казанский собор называется в „Повести“ не церковью Казанской богородицы „на площади“, „в Китай-городе“, „у Неглименских ворот“, как обычно определяется его местонахождение в XVII веке, а церковью Казанской богородицы „что у Ветошного ряда“, несмотря на то, что это определение не точно. Против Казанского собора приходился не Ветошный ряд, находившийся наискось от нее в том месте, где теперь Ветошный переулок, а Седельный и Саадачный ряды, а рядом с ним — Ножевый ряд.¹ Однако автор не берет их за основание для определения местонахождения Казанского собора: его внимание привлекает Ветошный ряд. Не надо ли искать объяснения этому в том, что Ветошный ряд был на пути к Казанскому собору из Воскресенской улицы, где близ Никольской находился, как упомянуто выше, двор Василия Ивановича Грудцына? И нельзя ли видеть причину особого внимания автора к Казанскому собору в том, что последний являлся самою видною церковью в этом районе? Все эти детали указывают на знание автором г. Москвы. Если к этому прибавить, что, описывая „видение“ Саввы, автор называет митрополита Петра „неусыпным стражем града нашего Москвы“, то становится ясно, что „Повесть о Савве Грудцыне“ была написана именно в Москве.

¹ См. план части Красной площади с Казанским собором и торговыми рядами последней четверти XVII века, помещенный в издании „Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества“ (составлено А. Мартыновым, год шестой, М., 1860).

И. П. БОГАТОВ

Древнерусские рукописи и старопечатные книги Муромского краеведческого музея Владимирской области

Муромский краеведческий музей был основан в 1918 году. Вместе с экспонатами в него поступали рукописи и старопечатные книги, составившие ныне собрание музея. В это собрание вошли рукописные и старопечатные книги, принадлежавшие ранее П. С. Уваровой, братству Александра Невского при муромском Спасском монастыре, краеведу Н. Г. Добрынкину, академику живописи И. С. Куликову, местным монастырям и церквам и другим учреждениям и лицам.

Всего в фондах музея хранится 84 рукописи и 93 старопечатные книги XVI—XIX веков. По столетиям рукописи распределяются так: XVI—6, XVII—17, XVIII—26 и 39 рукописей относятся к XIX и XX векам. Из старопечатных книг 43 относятся к XVII веку, остальные напечатаны в XVIII и XIX веках. Кроме того, в музее имеется около 200 рукописных документов XVI—XIX веков (грамоты, купчие, планы, указы, закладные и т. д.). О некоторых рукописях и старопечатных книгах сведения в литературе имеются,¹ но о большинстве их еще не сообщалось в печати. Между тем по своему содержанию одни из этих рукописей представляют интерес для историков и литературоведов, другие интересны записями и пометками, в которых сообщаются ценные сведения летописного характера, о цене на книги, владельцах и пр., третьи замечательны своим оформлением, являющим подчас высокие образцы мастерства русских иллюстраторов, переплетчиков и „серебренников“ прошлого времени.

Среди документов содержится ценнейший материал по истории, хозяйственной жизни, культуре и быту муромцев XVI—XX веков. Большую научную ценность представляют дневники местных деятелей XVIII—XIX веков, охватывающие самые различные стороны жизни старого Мурома. Историкам могут быть интересны местные синодики с подробными описаниями боярских, дворянских и купеческих родов.

В музее имеется более десяти рукописей с древнерусскими литературными произведениями, тематически связанными с Муромом (повести о Петре и Февронии, Ульянии Лазаревской, Василии Микулине и пр.). Дополнением к указанной группе рукописей являются четыре иконо-

¹ Монастыри, соборы и приходские церкви Владимирской епархии... Владимир, 1906; Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии, Владимир, 1897; Муромский Спасский монастырь. Владимир, 1887; Л. Белоцветов. Муромский Богородицкий собор. Муром, 1907; В. Н. Добрынкин. Муромский Богородицкий собор. Владимир, 1916; П. М. Строев. Библиологический словарь и черновые к нему материалы. СПб., 1882.

писных изображения на те же сюжеты: три жития (1618—1670) Петра и Февронии и одно житие (1714) князей Константина, Михаила и Федора.

Из числа старопечатных книг отметим арифметику Магницкого (1703; два экземпляра) и „Уложение царя Алексея Михайловича“ (изд. 1649 г.).

Ниже сообщаются краткие сведения о наиболее интересных рукописях и старопечатных книгах Муромского музея. Характеристика документального материала, ввиду большого количества этого рода рукописей, дается по групповому принципу.

1. Рукописи исторического и литературного содержания

1. Книга степенная выежжих писаны роды великих князей и удельных князей и бояри и дворян и детей боярских московских и выезжих по главам. Дополнение: а) список с челобитной царю Алексею Михайловичу от дьяков, взятых из дворян и пожалованных за многие службы; б) список с грамоты царей Ивана и Петра Алексеевичей в Чаронду, воеводе Поливанову о Хованских; в) список с грамоты царя Федора Алексеевича в Новгород боярину и воеводе Ивану Андреевичу Хованскому; г) список с грамоты царя Алексея Михайловича в Вологду об астраханском восстании (убийство митрополита Иосифа и воеводы Ивова) XVII в. (№ 28300).¹ Записи: а) „Сия книга Ильи Киселева“; б) „Сия родословная кнѣга стольника Ивана Федоровича Поливанова, а досталась зятю его полковнику пехотного бакинського полку Богдану Трофимовичу Киселеву по въезде ево из Гилянии в 1731 г. в Москве. Подписал своей рукой в Москве 1732 г.“.

2. Сборник, XVII в. (№ 28337). Состав: „Пчела“, „Паломник игумена Даниила“, „Житие Алексея человека божия“ и другие статьи.

3. Сборник, XVII в. (№ 28321). Состав: „Житие Зосимы и Савватия Соловецких“, „Житие Онуфрия Великого“ и другие статьи. Записи: а) „дьячка богоглавая книга четья Тимофея родом вологжанина, а в ней писаны в начале житие Онуфрия Великого и инья повести многия из прологовъ да тут же книга...“; б) „Писал сию книгу Степка Иванов“; в) „Сия книга глаголемая псалтырь Степки сына Журина, а продал я сию книгу Ивану Фера(понтову)“; г) „Купил сию книгу Иван Головкин, подписал своею рукою лета 7172 (1664) году, месяца январе в 4 день“; д) „Сия канун Ивана Ферапонтова сына Головкина куплена сия книга на Москве месяца марта в 20 день... Цена полтина“; е) „Сия книга Даниила Тимофеева сына глаголемая псалтырь Гречаникова...“; ж) „1705 года майя в день Вологодского уезду Устюжской волости Федора меньшого сына...“.

4. Великое зеркало, кон. XVII в. (№ 28235).

5. Хронограф, XVIII в. (№ 28301). Записи: а) „принадлежит Соколову Рыбинск 1869 г.“; б) „сия книга села Петроскаго крестьянина О-С-П И-В-Н куплена в рыбной у Василия Савинова“; в) „из книг Епифана Блинного“.

6. Казанский летописец и степенная книга, XVIII в. (№ 28312).

7. Федор Грибоедов, История о царях и великих князьях земли русской, XVIII в. (№ 28246).

¹ Здесь и далее цифры в скобках означают номер по инвентарной книге.

8. Похождения Жилблаза де Сатилланы, XVIII в. (№ 28629). Запись: „Сия книга Муромского купецкаго сына Прокофья Дмитрива Зворыкина“.
9. Гистория о ягинском милорде Гереоне и Гистория об Александре Македонском, XVIII в. (№ 28510). Записи: а) „Сия книга Муромского купца Ивана Михалава“; б) „Сия книга Муромского купца Петра Иванова сына Зворыкина писалъ своею рукою 1790 году месяца августа 12 дня“.
10. Летописец келейный Дмитрия Ростовского, XVIII в. (№ 30145).
11. Сборник, XVIII в. Состав: „Описание воинского лагеря в Красном селе в 1765 году“, „Наставление о разведении земляных яблук, потетес именуемых“, „О каруселе“ (объявление об учреждении каруселя). Разные выписки из „Санкт-Петербургских ведомостей“ за 1765 г. (№ 28499).
12. Опись города Мурома 1637 года.¹ Копия XIX в. (№ 32073).
13. Повесть о царице и львице, XIX в. (№ 30898). Запись: „Сия списанная повесть Муромского мещанина Михаила Иванова Мяздрикова, 1856 года. Списывал сию повесть мещанин сын Николай Михайлович Мяздриков“.
14. Просьба в небесную канцелярию, XIX в. (№ 30600). Запись: „Списывал сию копию Муромский мещанский сын Николай Михайлов Мяздриков. Подписано своеручно мещанский сын Николай Михайлов Мяздриков“.
15. Сборник богословский, XIX в. (№ 31464). Запись: „Сия записная книга богословия о въсех родов села Борзоцова пономаря“.
16. Житие Ефросинии Суздальской, XIX в. (№ 12384). С рисунками.
17. Сборник старообрядческих стихотворений с добавлением „Сказания о необыкновенном происшествии в Николаевском Пешневском монастыре“, XIX в. (№ 30599).
18. Стихотворение о страшном суде, XIX в. (№ 30148).
19. Житие Даниила Переяславского, XIX в. (№ 30603).
20. В. Н. Добрынкин, Исторические данные о царствовании Федора Ивановича (№ 31597).
21. Рассказ крестьянина Добролюбова о вреде пьянства, XIX в. (№ 32084).
22. Сказка о трех братьях Семене, Пахоме, да Иване, потом как дедушка Наум уму разуму учил, XIX в. (№ 32083).
23. Житие Ульянии Лазаревской, XVII в. (№ 28258).² Записи: а) „... 1702 году Алексея Михайловича Палтова“; б) „1717 году апреля в 3 день подписал сие праведные матери Ульянии житие Алексей Пальтов“; в) „Сия книга матери праведной Ульянеи житие принадлежит Муромской помещице Катерине Алексеевой дочери Палтовой, подписала своею рукою“.
24. Сборник, XVIII в. (№ 28259). Состав: „О принесении образа господня и образа богоматери в царствующий град Москву“, „Известие

¹ Выдержки из этой описи напечатаны у К. Тихонравова (Владимирский сборник, М. 1857).

² Этот и другие музейные списки Жития Иудиины Лазаревской были неизвестны М. О. Скрипилю при издании им текста „Повести об Ульянии Осорьинной“ в „Трудах Отдела древнерусской литературы“ (т. VI, стр. 256—323).

о иконе Иисуса Христа, юже царь Мануил греческий написал“, „Известие о иконе богородицы Иерусалимской“, „Повесть о Виленском кресте, во граде Муроме“, „Сказание об Унженском кресте“, „Житие князя Константина и князей Михаила и Федора Муромских“, „Житие Петра и Февронии“, ¹ „Житие Ульянии Лазаревской“.

25. Сборник, XVIII в. Состав: „Повесть об Унженском кресте“, „Повесть о Виленском кресте во граде Муроме“, „Житие князя Константина Муромского и чад его“, „Повесть о Петре и Февронии“ (№ 28260). Запись: „Сия книга принадлежит Муромскому купцу Матфею Васильевичу Синеву“.

26. Житие Петра и Февронии, XVIII в. (№ 28257).

27. Конспект о развитии капитализма, с которым разъезжала по губернии „Таня“ Симановская в 1907 году.

28. Сборник революционных песен, на гектографе, начала XX в.

29. Журнал „Отклики“, 1907 г., на гектографе (№№ 1 и 3)—орган Муромской и Кулебакской организации РСДРП.

30. Записная книга рода Немчиновых (первая запись 1728 г., последняя 1849 г.) (№ 30144). Записи касаются главным образом родословной Немчиновых.

31. Дневник купца-полотняника, 1830 г. (№ 31851).

32. Журнал, или ежедневные записи (начат в 1809 году) муромского купца Егора Иванова Перлова. (№ 31846).

33. Летопись о погосте Липовецком, составленная Иоанном Ландышевым, 1893 г. (№ 31855).

34. Дневник М. В. Мельникова (преимущественно записи о погоде, фенологических явлениях за 1923—1935 гг.) (№ 32068).

35. Тропник, XVII в. (№ 28242). Содержит между прочим „Повесть о бесноватой Соломонии“.

36. История о граде Муроме, XIX в. (№ 30155).

37. Сказание о Василии, епископе рязанском и муромском, XIX в. (№ 30154).

38. Житие князя Константина и чад его, князя Михаила и князя Федора Муромских, XIX в. (№ 30152).

39. Повесть о водворении христианства в Муроме (в конце указано, что списана из „Памятников старинной русской литературы“, издание Кушелева-Безбородко) и

Повесть о Петре и Февронии (в конце указано, что по списку Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, отд. XVII, № 35), конец XIX в. (№ 30166). Запись: „1896 года, июля 15 дня в Муроме Н. П. Андриин“.

40. Житие Константина и чад его Михаила и Феодора, XIX в. (№ 30593).

41. Повесть об Унженском кресте, XIX в. (№ 30595). Запись: „Верно списанья с древни книги принадлежащей Синевым“.

В числе документальных материалов имеются:

1. Поместные грамоты помещикам Муромского и других уездов, 1621, 1647, 1651, 1668 гг.

2. Выпись из Поместного приказа Даниле Никонову на его поместье.

¹ Этот и другие музейные списки „Повести о Петре и Февронии“ остались неизвестны исследователю повести М. О. Скрипилю в его работе „Повесть о Петре и Февронии“ (Труды Отдела древнерусской литературы, т. VII, стр. 215—256).

3. Жалованные грамоты Благовещенскому монастырю, 1595, 1619, и 1668 гг.
4. Грамоты на чины от 1726, 1734, 1774, 1780, 1793, 1852, 1853, 1858, 1862 гг.
5. Царские и синодские указы 1733—1797 гг.
6. Книга копий указов XVII в. Муромскому воеводе.
7. Инструкция сотскому села Григорова, 1766 г.
8. Книга XIX века с описи Якиманской слободы в 1628 г.
9. „Книга на записку по каким ценам продается в Муромском уезде хлеб и харчь“, 1779 г.
10. Книга расходная збору казенному муромского Спасова монастыря арх. Филарета с братией, 1754 г.
11. Опись имущества после умершего Суздальцева, 1797 г., Ведомость об урожае хлебов во Владимирской губернии, 1787 г., Купчие на крепостных крестьян.
12. Отпускные крепостным и дворовым.
13. Квитанции в приеме рекрут.
14. Духовные завещания купцов.
15. Подорожные на почтовых лошадей.
16. Купчие крепости, отдельные акты, закладные на имения и вводные листы.
17. Прощения к архиерею о разрешении женитьбы сыновей, билеты на женитьбу, свидетельство о разрешении крепостным вступить в брак, сговорная, расписки дочери в том, что она довольна приданым, реестр приданого.
18. Письма Челнокова, секретаря II Государственной Думы, Е. А. Уваровой, 1907—1913 гг.
19. Книга лицевых счетов на окладные, страховые и мирские сборы домохозяев села Борисоглеба, Чаадаевской волости, 1915 г.
20. Требования рабочих фабрики Швецова (найжены при трупе убитого черносотенцами М. И. Лакина), ноябрь, 1905 г.
21. Планы г. Муром, 1769—1909 гг.
22. Планы Карачаровской графской усадьбы и 8 усадеб селений вотчины, первой половины XIX века.
23. Разные документы (подрядные, летописи, церковно-приходские, паспорта „вдовьи“, векселя и др.), XVIII—XIX вв.¹

II. Рукописи учебного, бытового и культурного содержания

1. Азбука — пропись, XVII в. (№ 28252).
2. Алфавит, XVII в. (№ 28244). Запись: „... боярин князь Иван... Воротынской дал сию книгу отчину свою в Мошенскую волость в село Захарьево в церковь Иоанна Богослова на послушание христианам приходящим...“.

¹ Сведения о некоторых вышеприведенных документах печатались в свое время во „Владимирских губернских ведомостях“ и во „Владимирских епархиальных ведомостях“. См.: А. В. Смирнов. Указатель содержания неофициальной части „Владимирских губернских ведомостей“ с 1838 по 1900 г. вкл. и „Владимирских епархиальных ведомостей“ с 1865 по 1900 г. вкл. Владимир, 1902; Н. Ф. Масанов. Библиография Владимирской губернии; т. I. Владимир, 1905; Архивы во Владимирской губернии, их описание и содержание, т. I, вып. 1—2. Владимир, 1916; Ежегодник Владимирского губернского статистического комитета, т. I, вып. 1, Владимир, 1875; т. I, вып. 2, Владимир, 1876; т. II, Владимир, 1878; т. III, Владимир, 1880.

3. Способ арифметики наук отверзает, XVIII в. Записи: а) „Wasiesca a Кирсанова 1729 года марта 2 день Петрополия 723 году“; б) „1830-го года смотрел Макар Емельянов“; в) „Сия книга найдена ветхостях 1826 года октября 11 дня. Подарена сыну моему Макару Емельянову с тем, чтобы учить с прилежанием...“.
4. Лечебник (Вертоград многоцветный), XVIII в. (№ 28245).
5. Записи заговоров в соединении с лечебником (травником), XIX в. (№ 32080—32082).
6. Сия книга выписана для боли трясовичной, XIX в. (№ 30167).
7. Последование над страждущими от духов нечистых, XIX в. (№ 30149). Запись: „Сия книга принадлежит Анне Матвеевне Яковлевой“.
8. Иерусалимский свиток, XIX в. (№ 30147). Запись: „Сей список списовал Елатомский мещанин, 1-го класу старший ученик, Тимофей Иванов Меньшов, 1851 г. Марта 15 дня“.
9. Иерусалимский свиток, XIX в. (№ 30146).
10. Житие Георгия Победоносца, XIX в. (№ 30601). Запись: „Сия списанная тетрадь о Георгии Победоносце, а списывал ее Муромский мещанской сын Николай Михайлов Мяздриков 1855 год“.
11. Синодик Благовещенского монастыря в г. Муроме, 1695 г. Лист с родом Лыкова богато орнаментирован. (№ 28256).
12. Синодик Троицкого монастыря, начала XVIII в. (№ 23255).
13. Синодик Богородицкого собора, начала XVIII в. Роскошно орнаментированы две страницы и заглавный лист. (№ 28254).
14. Синодик Благовещенского муромского монастыря, 1713 г. Дар в монастырь стольника князя Иоанна Петровича Волховского. (№ 28253).¹
15. Иконописный подлинник, XVIII в. (№ 30143).
16. Иконописный подлинник, XVIII в. (№ 30161).
17. Руно орошенное, XVIII в. Переписана с печатной книги, изданной Лазарем Барановичем в Чернигове в 1691 г. (№ 28320).
18. Евангелие, XVI в. Богато орнаментированное. (№ 25314). Запись: „Сие евангелие велел по себе дать к живоначальной Троице в манастырь в Калязине Дмитрий... а во иноцех Дионисий по своей душе и по своих родителей лета 7131 (1623 г.)“.
19. Евангелие, XVI в. (№ 28288). Записи: а) „Конец, скаре святого евангелия... рокою многогрешного раба Демиана Иваньковича“; б) „Сия книга... в повете Браславльском в веси рекомой Криковцах“ и „сия книга... Филипа Отаришо...“.
20. Евангелие, XVI в. Орнаментированное. (№ 17160).
21. Евангелие, XVI в. (№ 28248). Поздняя запись: „Сия книга Тимофея Григоридца Реткина“.
22. Хронограф (библейский), XVI в. (№ 25465).
23. Ирмологий, XVI в. (№ 12318).

¹ Кроме рукописных синодиков, в музее имеется также четыре печатных синодика, из них три с раскрашенными гравюрами XVIII века (№№ 12387, 28293, 28294, 28289). В муромском Спасском монастыре был еще один рукописный синодик XVII в., но он бесследно пропал. В музее имеются снимки с его миниатюр. Описание этого синодика см. в книге Н. Г. Добрынкина „Памятник древней письменности Спасского монастыря в городе Муроме. (Лицевой синодик и Вкладная книга)“. Владимир на Клязьме, 1892.

III. Старопечатные книги

Из старопечатных книг отметим:

1. Уложение царя Алексея Михайловича, Москва, 1649 г. (№ 6895). Владельческие записи: князя Ивана Васильевича сына Бабичева, порутчика Николая Васильевича сына Зубова.
2. Кормчая (часть II), Москва, 1653 г. (№ 17407).
3. Жезл правления, Москва, 1666 г. (№ 28286).
4. О начале древнего славянского народа, XVII в. (№ 28243). Имеется запись о том, что книга принадлежала муромскому мещанину Константину Корниловичу Суздальцеву.
5. Вечеря душевная Симеона Полоцкого, Москва, 1683 г. (№ 24934). Запись: „Сия книга, глаголемая вечера душевная Мурома града Благовещенского монастыря игумена Филарета келейное его, а приложил сию книгу после смерти ево игумена Филарета сын его игуменов старец Корнилей в тот же Благовещенский монастырь... а подписана сия книга по ево велению старцем Корнелием лета 7204 июня в 18 день“.
6. Арифметика Л. Магницкого, Москва, 1703 г. Два экземпляра (№№ 28637 и 28358).
7. Таблицы логарифмов, синусов, тангесов и секанов. Москва, 1703 г. (№ 28647). Записи: а) „Сей логарифмы гардемарина сержанта Абросима Колпова“; б) „Сие логарифма Московского флота гардемарина Данилы Иванова сына Ханенева, а подписал сию книгу гардемарин Иван Самагин“.
8. Пращица, СПб., 1721 г. (№ 12080). Запись: „Сия книга села Павлова крестьянина Михаила Григорьевича его чести Жукова читана в 1799 году“.
9. Азбука скорописная для малолетних ребят, 1798 г. (№ 28384).
10. Первое учение отрокам в нем же буквы и слоги; Москва, 1794 г. (№ 28608). Запись: „Сия книга арзамаского купца Дмитрея Петрова сына Шкарина, куплена 1799 года в Санкт-Петербурге, ценою 50 коп“.

Н. П. ЖИНКИН

Краткие сведения о рукописях Центральной научной библиотеки Харьковского Государственного университета им. А. М. Горького

Рукописное собрание Центральной научной библиотеки Харьковского Государственного университета им. А. М. Горького, насчитывающее около 1800 единиц, сложилось из рукописей, поступивших из разных источников. Основная часть перешла из библиотеки Харьковского университета и Харьковского колледжума (позднее преобразованного в духовную семинарию). Отдельные рукописи этих двух собраний, демонстрировавшиеся на выставке, организованной к XII археологическому съезду в Харькове, были описаны Е. К. Рединым и Д. И. Багалеем.¹

Значительную часть собрания составляют культовые книги и сборники церковно-дидактического содержания, притом в поздних списках, не представляющих интереса ни для историка литературы, ни для языковеда. Данных об этом разделе рукописного собрания в настоящее описание мы не вводим. Задача нашей краткой описи — сообщить исследователям сведения о наиболее интересных литературных и исторических материалах, хранящихся в библиотеке Харьковского университета.²

В настоящее время состояние рукописного отдела представляется в таком виде. Описанные Е. К. Рединым и Д. И. Багалеем рукописи, демонстрировавшиеся на выставке 1902 года, сохранились далеко не все; значительная часть их погибла. Оккупанты вывезли много книг, карт по географии, периодических изданий, научных исследований и т. д. Уцелели лишь рукописи, которые перед оккупацией удалось спрятать; их описание приводится ниже. Относительно того, поступили ли в университетское собрание рукописные материалы Харьковского историко-филологического общества, библиотека данных не имеет. Из Харьковской общественной библиотеки рукописи не поступали; из местных церковей имеются рукописные книги только узко специального характера: регистрации рождений, браков, смертей и т. п.

В настоящее время рукописный фонд не пополняется. Научного описания рукописей в библиотеке нет, а имеется только краткий карточный каталог.

1. Сказание о Мамаевом побоище. Тетрадь XVIII в., 58 стр. Запись: „получено от учителя 2-ой Харьковской гимназии Павла Петро-

¹ Каталог выставки XII археологического съезда в г. Харькове. Харьков, 1902, стр. 30—40.

² В описаниях старинная орфография нами упрощена и отчасти приближена к современной.

вича Герасименка, 1878-го года 25 января. М. Линда“ (учитель той же гимназии).

2. Азбука скорописная, разума завистная, 1771 года месяца апреля 23 дня. Рукопись на 10 листах. На стр. 7 приведены стихи, обычные для азбук. В круге далее сентенция: „Годствует юным всегда в деле быти, — на старость имуть в покои те жити“.

3. Платон (иеромонах). Православное учение веры. С обращением к цесаревичу Павлу и с ответом последнего. Рукопись конца XVIII в., на 115 листах. После катехизиса следует „Рассуждение о Мелхиседеке...“ и ответ Павла, подписанный им „20 дня 1761 года“.

4. Сборник. Содержит: „Житие князя Феодора Смоленского и детей его“, слова и поучения (например архиепископа Амвросия в присутствии императрицы Елизаветы), сказания о чудесах, „Книга козмография о государствах и королевствах“ и др. Рукопись XVIII в., на 375 листах.

5. Повесть о христоролюбивом муже и о дочери его, девице, и о злой его жене. Рукопись первой половины XVIII в. (бумага начала века), на трех листах. Это сказка о добродетельном купце и его дочери.

6. Хронограф. Рукопись конца XVII—начала XVIII в., на 312 листах. На последней странице есть пометка: „Книга сия найдена Г. Никоновым в староверческом монастыре Архангельской губ., где она, как видно, и составлена или переписана монахами-раскольниками; все почти сказки находятся в писаниях греческих и латинских средних веков“. Тут же пометка „1829“.

7. Хронограф. Нач.: „В славу бога в троице единого, в честь богородицы и всех святых начинаем летопись, сказующую вкратце деяния от начала миробытия до рождества христового, собранный от божеств, писания, из различных хронографов и историографов еврейских, греческих, римских, польских и иных многих“. Тексту предпослано Предисловие. Рукопись XVII—XVIII в., на 319 листах.

8. Сказание о Мамаевом побоище. Рукопись XVIII в., на 30 листах. На обложке запись: „Сия таблица Тимофея Воробьева“.

9. Словарь разноязычный, или толкование еврейских, греческих, латинских, французских, немецких и прочих иноземских слов... и некоторых славянских. Рукопись на 68 листах. На последней странице значится: „Словарь описал 1494 года“ — дата несомненно неверная, так как рукопись принадлежит XVIII в.

10. Феофан Прокопович, Книга о неудобь носимом иге законном. Посвящена „графу Иоанну Алексеевичу Мусину-Пушкину“. Рукопись XVIII в., на 134 листах. В конце рукописи приписка: „1760 года писал диакон Лука Симеонов“.

11. Гистория о гишпанском витязе Францыле и королевне Ренцвене. Рукопись середины XVIII в., на 340 листах.

12. Сборник житий, сказаний, слов и поучений. Рукопись XVII в., на 213 листах. Запись: „Сия книга... куплена 1710 года монахом священником Гавриилом Нежегорским заплачена того время по курсу денег четыре золотых“. В сборнике имеется „Писание о преставлении и о погребении князя Михаила Васильевича Шуйского, рекомого Скопина“.

13. Пролог. Рукопись конца XVI—начала XVII в., на 280 листах.

14. Сборник XVIII в. Содержит: 1) „Синопис“ . Это, повидимому, третье киевское издание 1680 г., считающееся редким. Недостает листов: первых двух, 118—121 и последних, начиная со 125-го; эти недостающие листы заменены рукописными в конце XVIII в. 2) „Хождение Трифона Коробейникова“. 3) „Александрия“ и др.

15. Сборник. XVII в., на 13 листах. Содержит: „Сказание об Азовском сиденьи донских казаков“, „Повесть о царе Агее“ и Симеона Полоцкого „Комедия о блудном сыне“.

16. Великое зеркало. Рукопись 1687 г., на 400 листах.

17. Арсений Мадеевич. Возражение на пашквиль лютеранский нареченный Молоток на книгу Камень веры. Защита трактата Стефана Яворского „Камень веры“ против полемиического сочинения „Молоток на Камень веры“. Рукопись второй половины XVIII в., на 393 листах.

18. Летописец келейный Дмитрия Ростовского. Рукопись на 249 листах большого формата. В части, писанной рукой Дмитрием, рукопись носит интимный характер, она не предназначалась „ежебы типом в мир издати и в ведение книжным людям подати“. Часть рукописи дописана другой рукой в 1775 г., с пометкой: „Етоже архиерейскими трудами сочиненный от рождества христова 1708 лета“. Латинская приписка на последней странице говорит о том, что эта рукопись получена от Харьковского коллегіума (семинарии).

19. Минея-Четья (февраль). Рукопись XV в., на 376 листах. Запись: „7321 года (1813) октября 19 куплена сия книга“.

20. Курс словесных наук. Рукопись 1834 г. неизвестного автора, на 400 листах.

21. А. Артынов. Историческое и статистическое описание села Уголич... Ярославской губ. Ростовского уезда крестьянином одного села Александром Артыновым. Рукопись середины XIX в., на 194 листах. Имеется план озера Неро, много мастерски исполненных рисунков, связанных с рыбной ловлей, одеждой, головными уборами и обувью крестьян и т. п. На первом листе запись: „На память Михаилу Ивановичу Сухомлинову от Ростовского купца Ивана Ивановича Храпилова. 1862 года июля 31“.

22. История о вел. кн. московском Курбского. Рукопись конца XVIII—начала XIX в., на 117 листах большого формата.

23. Князь трубочист. Комическая опера в одном действии. Рукопись конца XVIII в., на 46 листах. В начале рукописи пометка: „Не собственноручная ли это рукопись б. знаменитого актера Ив. Дмитриевского, переводчика с итальянского же языка (в 1792 г.) оперы «Дианино древо»“.

24. Иван Лузин, капитан, Тройная слава тебе. Ода в честь имп. Екатерины II по случаю ее приезда в Казань в 1767 г. Рукопись на 42 стр. Поступила в библиотеку из собрания А. Терещенко.

25. Копия письма-объяснения, посланного „из заточения“ князю А. Н. Голицыну по поводу инцидента на выборном собрании членов Академии художеств, связанного с именем Ильи, кучера Александра I. Рукопись середины XIX в., на 10 стр., в лист. Это письмо одного из действительных членов Академии художеств по поводу несправедливой ссылки его и лишения всех прав за то, что он на заседании, при обсуждении вопроса о кандидатурах в члены академии, сравнил царского кучера Илью с высокопоставленными кандидатами в члены академии. Повидимому, это письмо представлено здесь без конца, а потому на нем нет ничьей подписи.

26. Дневник дворянской барышни Телепневой за 1827 год. Часть 2-я. Рукопись на 158 стр., в лист. Среди разнообразных дневниковых записей интересна одна, в которой сообщается о А. С. Пушкине и о его знакомстве с семейством N. Как видно из

дневника, Телепнева была знакома с поэтом и высоко ценила его поэтический талант, знала его отношение к этому семейству. В Москве у Телепневых, повидимому, были обширные знакомства и связи, о чем упоминается в дневнике.

27. В. Крусман. Дневник и литературные наброски за 1894, 1897—1899 и 1904—1909 гг., в трех частях. Симбирск. Дневник В. Крусман датирован—X 1907—V 1911, на 292 стр. в четверку.

28. П. Якубович. Внутренняя жизнь М. Ю. Лермонтова. Значение его личности и поэзии в истории русской жизни и литературы. 1882—1883 гг. Рукопись на 134 стр., в лист. В конце 19 небольших стихотворений—переводы Боденштедта из Лермонтова.

29. Следственное дело о коллежском асессоре Грибоедове, о его принадлежности к обществу декабристов. Рукописная копия из Архива Министерства иностранных дел, на 25 листах.

30. Гимназист. Рукописный журнал философско-эстетического кружка при Харьковской гимназии, 2-ой группы преподавателей, 1915, номер 6, на 53 стр., в лист. Вставки: четыре страницы того же журнала за 1914 год (номер 4) и две страницы со стихотворением „Налетели черни круки“.

31. Исследование о „Шестоднев“ Иоанна Экзарха Болгарского. Рукопись неизвестного автора, второй половины XIX в., на 160+52 стр., среднего формата.

32. Письмо Ф. Миклошича от 7 XI 1862 Харьковскому университету в ответ на избрание его в почетные члены университета. Приложение и перевод на русский язык.

33. Письмо польского профессора В. И. Мацевского от 26 XI 1862 такого же содержания, как и предыдущее.

34. Письмо главного директора королевского Нидерландского метеорологического института о посылке Харьковскому университету последних изданий института от 23 V 1860.

35. Протокол заседания Общества распространения просвещения от 18 V 1799. Подлинник подписали: председатель Общества В. А. Жуковский, действительные члены: Порошин С. И., Полжков В. П., князь Гагарин Г. И., Тургенев А. И., Костогоров М. Д., Фон-Визин С. П., Родзянко С., Островников К. К. Под протоколом собственноручные подписи председателя В. А. Жуковского и членов, присутствовавших на заседании.

36. Летописец архиереев ростовских. Рукопись на 37 листах, написана вскоре после 1786 г., как значится на последней странице. На первой странице пометка: „Из книг И. Кайдалова“.

37. Папка со столбцами юридического и правового содержания XVII—XVIII вв.

38. Михайло Лободовский, Передмова до „Богдана Хмельницкого“ Н. И. Костомарова, 1873. Рукопись на 177 листах, на украинском языке.

39. Житие царевича Дмитрия Углического. Рукопись писана двумя почерками 1755 г., на 22 листах.

40. Краткое историческое описание некоторых знатных приключений, случившихся в Турции от начала сей войны 1768 года сентября 25 числа по сентябрь месяц 1771 года. Рукопись конца XVIII в., на 584 стр. Предисловие и 25 глав.

41. Летопись Дмитрия Ростовского. Рукопись XVIII в., на 363 листах.

42. Две гистории о казацком народе: „Первая с печатной в Киево-Печерской типографии, вторая с рукописи разных авторов 1756 года“. Содержание: „Украина с 1554 по 1764 годы“, „Письмо гетмана Хмельницкого крымскому хану“, „Универсал гетмана Хмельницкого козацкому войску“, „Прошение Макария митрополита к царю Ивану Васильевичу Грозному о правах церкви“. Рукопись на 145 листах. Запись: „Списал войсковой канцелярист Алексей Дзевович в 1756 году“.

43. Житие Петра 1-го. Рукопись на 301 листе (книги I—VI), написана после 1743 г., как видно из приписки на стр. 11: „Из разных книг, во Франции и Голландии изданных, собранное, на греческом диалекте в двух томах 1737 году в Венеции напечатанное. Том первый на Российский язык перевел коллегии иностранных дел секретарь Стефан Аисарев в Санкт-Петербурге 1743 года“.

44. Сборник, XVIII в. Содержание: 1) Письма к А. В. Суворову от гр. П. Панина; к Вас. Иван. Суворову (отцу) от гр. Мих. Воронцова, гр. А. Бутурлина. 2) Письма некоторых представителей дворянской знати конца XVIII в. 3) Стихи: „На здание соборной Исакиевской церкви“, „на патрон (именины) матери“ и пр. 4) „Смесь“. Рукопись в лист, на 60 стр. В конце приписка: „Писана сия книга 1797 году, а подарена полковницей Е. П. Шербининой“.

45. Рукописный журнал деловой служебной переписки С.-Петербургского супер-интенданта И. Зарудного, главным образом с князем А. Меншиковым. В журнале есть несколько писем с собственноручной подписью Меншикова. Зарудный Иван, супер-интендант при Петре I. Журнал находился в фамильном архиве дворян Харьковской и Полтавской губерний Зарудных. Рукопись начала XVIII в., в лист, на 83 листах.

46. Известие о рождении и воспитании и о житии патриарха Никона. Старообрядческое сочинение первой четверти XVIII в., на 158 листах, большого формата. Рукопись 1773 г.

47. Сборник сказаний о „малороссийском козацтве“. Рукопись в кожаном переплете второй половины XVIII в., на 188 листах. Это сборник материалов по истории Украины XVII—XVIII вв. Содержание: „О козацком имени“, „Сказание, како Малая Россия подпаде лядскому игу“, „О войне на Желтой воде“, „О различных бранех, о оружии козацком и пищи их и пр.“, „Статьи гетмана Мазепы“, „Челобитье Павла Полуботька“, много документов о Хмельницком и сыне его Юрии, грамоты царя Алексея Михайловича и др. На обороте последней страницы запись: „1760 году июня 2-го дня в пяток сонце изменися в полдни самым божим допущением. Во времена войны с прусом“.

48. Прикладом зделанные разговоры в царствии мертвых между римским папой Клементием и известным в свете патером Кенелем (умер 1719 года). Рукопись XVIII в., на 160 стр., в лист. На обложке надпись: „Из книг Платона Любарского архимандрита воскресенского, 1791 году“.

49. Сборник, конца XVIII в., на 161 листах. Содержание: „Установления Владислава-Ягелла“, „Привиллегии Сигизмунда Августа“, „Присяги короля польского Генриха в 1573 году, Стефана Батория, Сигизмунда III“, „Сеймовые конституции 1588, 1601 г.“, „Присяга Владислава IV“, „Конституция 1633, 1635, 1647 годов“, „Документы, относящиеся к Иоану-Казимиру и к Жигмундту Августу“, „Указы Алексея Михайловича гетману Самойловичу, Федора Алексеевича, Петра I, имп. Анны, Елизаветы, Екатерины II“.

50. Дипломатическая нота императора Иоанна Антоновича королю польскому Августу III о продлении полномочий Российского резидента в Речи Посполитой Петра Голембовского. Рукопись 1740 г. 18 X. Подлинник.

51. Крекшин, Жизнеописание Петра I-го, том 28 (описываются события 1709 г.). Рукопись XVIII в., на 470 стр.

52. Степенная книга. Рукопись начала XVIII в. нескольких почерков, на 800 стр. Поступила в библиотеку 6 ноября 1835 г.

53. История о великом князе московском, Курбского. Рукопись XVII в., в лист, на 394 листах, написана четкой скорописью. На последней странице акростих, состоящий из слов: „царю Алексею Михайловичу вечная слава“, расположенных в колонку из 18 строк.

54. Статут княжества Литовского. Рукопись начала XVIII в. Первых 12 листов недостает.

55. Сборная рукопись. Содержит: 1) „Уложение царя Алексея Михайловича“. Рукопись второй половины XVII в., на 325 листах, в лист; 2) „Генеральный регламент, или устав о государственных коллегиях“. Рукопись XVIII в., на 46 листах (изд. 28 XI 1720).

56. Сборник писем и отношений по делам Харьковского коллегииума (духовной семинарии), с 1796 по 1806 гг., подлинных и в копиях, с приложением „Ведомости светского звания учеников... Харьковского коллегииума“. Рукопись на 91 листе большого формата.

57. История короля шведского Каролуса XII. Рукопись. 1728—1731 гг., на 202 листах, 1—8 книги.

58. Путевые записки монаха Василия Григоровича (1701—1747). Описывается путешествие по Европе, Азии и Африке и другим странам. Рукопись второй половины XVIII в., в лист, на 580 страницах. Из библиотеки Харьковской семинарии.

59. Гистория управления настоящего империи Оттоманской. Рукопись XVIII в., на 320 стр. Три книги.

60. Гваньини. Опись Сармадии Европейския, в которой заключается королевство польское... великое княжество Литовское, Русское, Прусское, земля Инфлянская и Жмудская. 1. Летопись земель заморских (Швеции, Финляндии, Германии). 2. Летопись великого княжения Московского и провинций, до оного надлежащих. 3. Летопись о земле татарской. 4. Описание венгерской земли. 5. Краткое описание стран Азии. Рукопись на 447 листах большого формата. В одном переплете с описью находится „Краткое собрание летописца польского по свойству и следствию единого за другим всех князей и королей народа сего, начав от Леха первейшего монарха и строителя народа польского даже до короля Жигмунта III“. Рукопись украинского письма конца XVII—начала XVIII в., на 131 листе, большого формата. В конце рукописи имеется запись: „Иоанн Чишкевич“. В других записях упоминаются имена Иоанна Кршеменецкого, Симеона Рудаковского, Иакова Паскевича и др.

61. Записи о России—сведения дипломатические, придворные, военные за 1741—1744 гг. Рукопись конца XVIII в., на 172 стр.

62. Критические примечания на том I истории кн. Щербатова. Рукопись первой половины XIX в., на 158 листах (+44 стр. печатного текста). Пометка от 1851 г.: „Из библиотеки Н. А. Лавровского“.

63. Критические примечания на том II истории кн. Щербатова. Рукопись на 44° стр. Из книг проф. Харьковского университета Н. А. Лавровского, 1851 г.

64. Хронограф с добавлениями. Рукопись первой четверти XVI в., на 746 листах (1492 стр.) большого формата. Поступила в библиотеку Харьковского университета в 1835 г.

65. История Петра 1-го Петра Крекшина. Рукопись 30-х годов XVIII в., на 622 листах, большого формата. Если эта рукопись — не авторский оригинал, то она во всяком случае является ранней, а потому очень ценной копией. На первой странице почерком В. Н. Каразина под датой 1839 г. написано: „Едва ли не собственная Крекшина?“.

66. Сборник копий рескриптов, указов, законов и других документов, имеющих отношение отчасти к истории Сената, но главным образом к истории Украины. Рукопись начала XIX в., на 311 листах большого формата. Надпись на корешке переплета: „Книга о дворянах и старых малороссийских чинах“.

67. Переписная и окладная книга по городу Вольнову и его уезду... всех живущих во владениях Троицкого монастыря. Рукопись 1710 г., на 424 стр., в лист. „Книга“ составлялась под руководством стольника Бориса Саблукова.

68. М. М. Сперанский, Проект о государственном управлении. Рукопись начала XIX в., на 510 стр. На переплете внутри надпись: „Пожертвовано проф. Гордиенком“.

69. М. М. Сперанский, Отчет в делах 1810 г. Письмо Александру I из Перми 1813 г. Служебные письма, записи и доклады за период 1817—1821 гг. Рукопись первой половины XIX в., на 300 стр. Печать библиотеки имп. Новороссийского университета.

70. О вреде крепостного права в России и о мероприятиях для его ликвидации. Рукопись конца 50-х годов XIX в. на 400 стр. большого формата.

71. Шпир (доктор), Поездка на Камчатку. Это — донесение князю А. Б. Куракину, министру внутренних дел (1807—1811), от доктора, посланного для лечения венерических болезней на Камчатку, написанное в Нижнекамчатске. Рукопись второго десятилетия XIX в., на 174 стр. После заглавия приписка: „Поездка в Камчатку, служащая руководством для едущих в Камчатку с присовокуплением беспристрастнейшего обозрения Сибири, а особливо Иркутской губернии касательно управления“. В конце рукописи приписка, характеризующая тогдашнюю сибирскую почту.

72. Феррар, Дух истории, тт. I и II. Перевод с французского. Рукопись начала XIX в., на 210 стр. большого формата.

73. А. Вязигин (профессор Харьковского университета), Борьба Генриха IV с Григорием VII до избрания Рудольфа. Харьков, 1889. Рукопись на 359 стр.

74. Реймское Евангелие. Копия XIX в., на 62 листах.

75. Описание града Иерусалима, сделанное русскими послами в 1504 г. и др. Рукопись 1846 г., на 78 стр.

76. Ананий Федоров (XVIII в.). Историческое краткое собрание о преосвященных епископах, архиепископах и митрополитах богоспасаемого града Суждаля. Рукопись 1753 г., на 75 стр., в лист.

77. Особое мнение, представленное д. с. с. Костливым на журнал Комитета по устройству Российской-американских колоний 6 марта 1863 года. Литографированный оттиск на 99 стр. большого формата. Здесь даются „сведения из Камчатки о продовольствии жителей с 1855 по 18 VIII 1861 года“.

78. Влияние увеличения народного богатства на участь бедного класса народа. Рукопись XIX в., на 90 стр. большого формата. При главе XIII имеется дата „1 XII 1855 г.“.

79. География, или краткое изъяснение о круге земном... переписано с печатного от слова до слова рукою Василия Занковского, в Жуках 1727 року, февраля 3 дня“. Затем подзаголовок: „Козмография то есть всего круга земного... описание с приложенимы в ней к видению людскому потребными речами через мене Василия Юрьевича Занковского в рукописной переписанная в Полку Полтавском в Жуках, року 1719, марта 22“. Второй статьей рукописи является „История о разорении града Иерусалима Иосифа Флавия“ (копия с печатного издания 1716 г.).

80. Летописец избранный вкратце. Рукопись начала XVIII в., на 129 листах большого формата. Это разрядная книга от первых русских князей по 1541 г. и начало Хронографа, написанного в царствование Алексея Михайловича.

81. Полный домашний лечебник. Рукопись XVIII в., на 412 стр. Записи: 1) „Из книг Ив. Кучинского. Книгу эту в случае моей смерти отослать в Харьковский университет 24 мая 1872 года“; 2) „Книга эта писана малороссийским философом Скворородою“.

82. Надсловие на книгу Нила Сорского, составленное Инокентием иноком и учеником его. Рукопись XVIII в., на 12 листах.

83. Сборник. Рукопись начала XVIII в., на 250 листах. Содержит иконописный подлинник и другие статьи.

84. Книги, со различных авторов собранные, а именно: Геометрия, Тригонометрия, Навигация, Меркатория, Сферика, Астрономия, География, Геодезия, Календарь всегдашний, неисходный никогда. Рукопись начала XVIII в., на 365 листах. Имеется на переплете надпись: „Продад я 1726 года... сии книги... Казанския математичной школы учитель Семен Куницын“.

85. Лечебник (травник). Рукопись XVI в. (?), на 940 стр. Начинается травник с 6-й главы в форме „беседы“ по поводу каждого растения, нарисованного очень верно и точно чернилами, например: черныбыльник, чеснок, полынь, петрушка, рута и пр., большей частью известные в народном быту. О каждом растении даны следующие сведения: 1) название — сначала известное в быту, а потом на латинском, часто греческом и арабском языках; 2) „деание“ растения, т. е. действие его на организм, применение врачами. Среди врачей древности упоминаются Диоскорид, Гален и др. Некоторые рисунки связаны с суевериями и апокрифическими сказаниями.

86. Лечебник. Рукопись XVIII в., на 34 листах.

87. Сборник церковно-учительного характера. Рукопись XVIII в., на 116 стр., с рисунками.

88. Сборник священника Георгия Булгакова, 1864 г. Содержание: стихи, анекдоты, латинские изречения, записи по грамматике, риторике, гомилетике и другим семинарским дисциплинам. Много материала эпистолярного. Рукопись на 340 стр.

89. Письма Никиты Андреевича Андреева, писанные в 1775—1801 гг. Подлинные. Рукопись на 506 стр. На переплете написано: „Заявление о том, чтобы по смерти автора писем отправить их в село Козыршину Екатеринославской губернии Новомосковского уезда, помещику этого села Никону Андреевичу Андрееву“. Позже рукой завещателя дописано: „Однако при случившейся верной оказии

сам я отправил заживо в 1803 году в феврале“. Все письма с обращением к „Никанору Богдановичу“. Письма содержат много бытовых подробностей из жизни помещиков XVIII в.

90. Доклад Раскладочной комиссии Борзненскому земскому собранию сессии 1878 г. Рукопись на 126 стр. Сообщаются интересные статистические и бытовые данные по Борзненскому уезду Черниговской губернии.

91. Действие любви и дружбы, том 2, часть 3, книга 15. Рукопись XVIII в., на 214 листах.

92. Зерцало богословия, с добавлением житий князя Владимира Киевского, Иоанна Новгородского и др. Рукопись без начала и конца, XVII—XVIII в., на 415 листах, в четверку.

Т. С. КАРСКАЯ

„Хождение за три моря“ Афанасия Никитина на чешском языке

Русско-чехословацкие научные и культурные связи являются важным фактором, благотворно влияющим на развитие чешской и словацкой национальной культуры. Видное место в них принадлежит публикациям наиболее выдающихся литературных памятников, вселяющих своим глубоко патриотическим содержанием гордость за славные дела представителей славянского мира.

В 1951 году Славянское издательство в Праге выпустило новый труд Ориентального института — „Хождение русского купца Афанасия Никитина за три моря“ в переводе на современный чешский язык.¹

Выдающийся памятник древней культуры русского народа до последнего времени был известен в Чехословакии только узкому кругу специалистов (главным образом — востоковедам) по прежним русским изданиям и по малочисленным иностранным переложениям, в частности по последнему немецкому, вышедшему в 1920 году. Ныне же этот замечательный памятник получает возможность значительно большего распространения. Как отмечено в предисловии (автор — д-р Отакар Нагодил), книга предназначена не только для специалистов, но и для широких кругов чехословацких читателей, которые смогут теперь узнать о русском путешественнике, отважном, стойком, целеустремленном россияnine, горячем патриоте, мыслившем о благе родины, ее достоинстве и процветании.

Пражское издание 1951 года — результат работы целого научного коллектива под руководством и при участии известного чешского специалиста — индолога проф. Винченса Лесны, которому принадлежат введение и примечания к тексту перевода. Перевод на чешский язык сделан с текста последнего академического издания „Хождения за три моря“ по Троицкому списку, вышедшего в 1948 году под редакцией акад. Б. Д. Грекова и чл.-корр. Академии Наук СССР В. П. Адриановой-Перетц, и осуществлен профессором Лесны в содружестве со специалистом по русскому языку д-ром Видой Ляцкой.

„Хождение“ чешскими востоковедами рассматривается как памятник общекультурной ценности. Чешские исследователи отмечают, что это документ, по своему значению далеко выходящий за национальные рамки: „Буржуазная западная наука замалчивала и по сей час замалчивает ту истину, что славянские народы внесли и продолжают

¹ Putování ruského kupce Afanasije Nikitina přes tři moře. Připravil Vincens Lesný. Slovanské nakladatelství, Praha, 1951.

вносить значительный вклад в сокровищницу мировой культуры. Современная советская наука вскрыла подоплеку этого пренебрежительного отношения к истории славянской образованности и указала на яркие документы, свидетельствующие о том, что культура славян с давних времен не только не была отголоском культуры Запада, но и во многих случаях занимала первенствующее место“, — говорит в предисловии д-р О. Нагодил. Рекомендую книгу чехословацким читателям, он заявляет об огромном научном и культурном значении произведения русского путешественника, заключающемся прежде всего в том, что „Хождение“ доказывает приоритет русских в открытии пути в Индию и является важным документом по истории географических открытий, так как русский путешественник вполне достоверно описал Индию на три десятилетия прежде, чем ее „открыл“ португальский мореплаватель Васко де Гама.

Автор обширного введения проф. Лесны рассматривает „Хождение“ главным образом как документ востоковедческий, проливающий свет на многие стороны жизни и быта средневековой Индии, дающий многообразные сведения о языке, истории, географии, этнографии и социальной жизни Индии XV века. По мнению ученого, сочинение Афанасия Никитина призывает к ревизии существующей научной литературы по этим вопросам. Проф. Лесны придерживается гипотезы, что Афанасий Никитин предназначал свои записки общественности, стремился составить руководство для своих последователей в торговле с Востоком. В качестве одного из доказательств этого положения автор введения ссылается на особые случаи вкрапления в русский текст турецкой и персидской лексики.

Несомненным достижением трудившегося над книгой коллектива является самый перевод. Стилистически и по ритму он вполне соответствует древнему русскому оригиналу. Иноязычные вставки Афанасия Никитина в русский текст переведены и комментированы в подстрочных примечаниях. Благодаря этому, не отрываясь от основного текста и не обращаясь к обычно далеко отстоящим в подобных изданиях примечаниям, читатель легко читает и понимает, например, знаменитую патристическую молитву о русской земле: „Nechť Bůh chrání Ruskou zem. . . Na tomto světě není země jí podobně! Necht' velmoži Ruské země nejsou nespravedliví, necht' je kvetoucí Ruská země a necht' opravdu má všechno“ („А Русскую землю бог да сохранит! На этом свете нет страны подобной ей, хоть вельможи [бояре] Русской земли несправедливы [не добры]. Но да устроится Русская земля и да будет в ней справедливость“).¹

Здесь же помещен и комментарий о лингвистических особенностях турецкого текста молитвы. Расположенные в алфавитном порядке пояснения историко-географического и этнографического характера отнесены на последние страницы книги.

Большой интерес вызывают красочные приложения, заимствованные из фондов Ближневосточного музея в Берлине. Среди них репродукции старинных индийских миниатюр: ястреб, подготовленный к охоте, портрет мусульманского вельможи XVI века, свита наследника императорского дома, возвращающегося во дворец с прогулки.

Книга привлекает и своим внешним видом. Она изящно переплетена, прекрасно оформлена. Суперобложка, титул, заставки к главам — работы художника Вацлава Фиала, удачно стилизовавшего свои рисунки

¹ Цит. по переводу „Хожения“ в издании Академии Наук СССР (сер. „Литературные памятники“, М.—Л., 1948, стр. 68).

по мотивам средневековой индийской миниатюры. Текст перевода напечатан четко, крупным полужирным шрифтом. Карта путешествия Афанасия Никитина дана в красках.

Интересное и в целом удачное издание „Хождения“ русского купца Афанасия Никитина „за три моря“ — лишь первый опыт обращения чехословацкой ученой общественности к публикации произведений древней русской письменности. Приветствуя этот первый опыт Славянского издательства в Праге, мы ждем издания и других выдающихся памятников древней культуры русского народа, что будет еще более способствовать культурному сближению славянских народов.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От редакции	3
<i>Слово о полку Игореве</i>	
М. В. Шепкина. Замечания о палеографических особенностях рукописи „Слова о полку Игореве“. (К вопросу об исправлении текста памятника)	7
Л. А. Дмитриев. Глагол „каяти“ и река Каяла в „Слове о полку Игореве“	30
Ф. Я. Прийма. Наблюдения А. Н. Оленина над „Словом о полку Игореве“	39
<i>Общие проблемы изучения древнерусской литературы</i>	
М. Н. Тихомиров. Городская письменность в древней Руси XI—XIII веков	51
В. П. Адрианова-Перетц. Исторические повести XVII века и устное народное творчество	67
Ю. Н. Дмитриев. Теория искусства и взгляды на искусство в письменности древней Руси	97
<i>Публицистика времени образования и укрепления Русского централизованного государства</i>	
М. О. Скрипиль. Сказание о Вавилоне граде	119
В. П. Зубов. Епифаний Премудрый и Пахомий Серб. (К вопросу о редакциях „Жития Сергия Радонежского“)	145
А. А. Зимин. О политической доктрине Иосифа Волоцкого	159
Н. Н. Розов. Повесть о новгородском белом клубуке как памятник общерусской публицистики XV века	178
Е. Н. Кимеева. „Послание митрополиту Даниилу“ Федора Карпова	220
Р. Г. Лапшина. Феодосий Косой — идеолог крестьянства XVI века	235
Т. А. Колесникова. Общественно-политические взгляды Ермолая-Еразма	251
Г. Н. Моисеева. Автор „Казанской истории“	266
<i>Древнерусская литература и литература народов СССР</i>	
И. П. Еремин. К истории русско-украинских литературных связей в XVII веке	291
Л. С. Шепелева. Культурные связи Грузии с Россией в X—XVII веках	297
К. Н. Григорьян. Из истории русско-армянских культурных связей X—XVII веков	323
<i>Материалы и сообщения</i>	
В. Д. ² Кузьмина. Новый список „Девгениева деяния“	339
Л. Н. ² Пушкарев. Новый список „Сказания о киевских богатырях“	361

	Стр.
Л. С. Шептаев. „Послание дворянское недругу“. (Посадская сатира XVII века)	371
И. М. Кудрявцев. Две лирические песни, записанные в XVII веке	380
В. И. Малышев. Неизвестные и малоизвестные материалы о протопопе Аввакуме	387
Н. А. Бакланова. Вирши-панегирик петровского времени	405
П. Н. Берков и В. И. Малышев. Новонайденное беллетристическое произведение первой половины XVIII века. („Повесть о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии“)	408
Е. Э. Гранстрем. К вопросу о происхождении глаголической азбуки	427
Н. А. Бакланова. К вопросу о датировке „Повести о Савве Грудцыне“	443
И. П. Богатов. Древнерусские рукописи и старопечатные книги Муромского краеведческого музея Владимирской области	460
Н. П. Жинкин. Краткие сведения о рукописях Центральной научной библиотеки Харьковского Государственного университета им. А. М. Горького	467
Т. С. Карская. „Хожение за три моря“ Афанасия Никитина на чешском языке	476

*Утверждено к печати Институтом русской литературы
Академии Наук СССР*

*
Редактор издательства *Е. П. Понугава*. Технический редактор *Р. С. Певзнер*.
Корректоры *Н. А. Малевич* и *Н. М. Шилова*

*
РИСО АН СССР № 47-73В. Подписано к печати 6/V 1953 г. М.-24570. Бумага 70 × 108/16. Бум. л. 15. Печ. л. 41.1. Уч.-изд. л. 41.13. Тираж 2500. Зак. № 521.
Номинал по преysкуранту 1952 г. 26 р. 20 к.

1-я тип. Издательства АН СССР. Ленинград, В. О., 9 линия, д. 12.

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
83	21 сверху	стр.	ср.
95	12 снизу	зад аам	задачам
98	20 сверху	внутрицерковной борьбы,	борьбы,
104	17 „	Ахиллеса	Апеллеса
131	2 „	„wъwъnnи“	„wъwъnnи“
218	17 снизу	раме	на раме
287	21 сверху	рещение	прещение
442	1 снизу	Гослитиздат	Госполитиздат
464	15 „	культурного	культового

Труды Отдела древнерусской литературы, IX